ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ
УИЛЬЯМ ГИБСОН
Граф Ноль. Мона Лиза овердрайв
«НЕЙРОМАНТ» И ДВА ЕГО ПРОДОЛЖЕНИЯ — НЕ О КОМПЬЮТЕРАХ.
УИЛЬЯМ ГИБСОН
АЗБУКА
18+

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Граф Ноль» и «Мона Лиза овердрайв» – продолжения открывшего трилогию «Киберпространство» романа «Нейромант»; этот классический дебют жанрового революционера, которому оказались тесны рамки любого жанра, собрал все главные фантастические награды («Хьюго», «Небьюла», премия имени Филипа Дика) и стал международным бестселлером. Трилогия определила лицо современной литературы на десятилетия вперед и явилась краеугольным камнем киберпанка – стиля и культурного феномена. Будущее здесь – это мир высоких технологий и биоинженерии, глобальных компьютерных сетей и всемогущих транснациональных корпораций, мир жестокий и беспощадный. Здесь японская мафия исповедует идеалы древнего самурайского кодекса, виртуальный мир населен персонажами вудуистского пантеона, а девушка, умеющая входить в киберпространство без компьютера, становится для своего поколения богиней…

Переводы публикуются в новой редакции.

- Уильям Гибсон
  -
  - Граф Ноль
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20

- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36

- Мона Лиза овердрайв
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27

        - 28
        - 29
        - 30
        - 31
        - Все
        - 32
        - 33
        - 34
        - 35
        - 36
        - 37
        - 38
        - 39
        - 40
        - 41
        - 42
        - 43
        - 44
        - 45
    - От автора
    - Андрей Чертков
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22

- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66

- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92

Уильям Гибсон
Граф Ноль. Мона Лиза овердрайв

William Gibson COUNT ZERO
All rights reserved
William Gibson MONA LISA OVERDRIVE
Copyright © 1986 by William Gibson
© А. Комаринец, перевод, 2015
© А. Гузман, перевод, 2015
© А. Чертков, статья, 2015
© В. Еклерис, иллюстрация, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

Граф Ноль

Моей Д. посвящается

Ouiero hacer contigo
lo que la primavera
hace con los cerezos.

Неруда[1]

COUNT ZERO INTERRUPT (ПРЕРЫВАНИЕ НА СЧЕТ НОЛЬ) — Чтобы прервать работу программы, сбросьте счетчик до нуля.

1
Отлично налаженный механизм [2]

«Собаку-хлопушку», предварительно натасканную на его феромоны и цвет волос, Тернеру посадили на хвост в Нью-Дели. Она достала его на улице под названием Чандни-Чоук[3], проползла на брюхе к арендованному им «БМВ» сквозь лес коричневых голых ног и колес велорикш. «Собака» была начинена килограммом кристаллического гексогена, перемешанного с тротиловой стружкой.

Тернер не видел ее приближения. Последнее, что он помнит об Индии, – розовая штукатурка дворца под названием «Отель Кхуш-Ойл».

Поскольку у него был хороший агент, у него был хороший контракт. Поскольку у него был хороший контракт, то буквально час спустя после взрыва он уже был в Сингапуре. По крайней мере, большей своей частью. Хирургу-голландцу нравилось шутить, что некий процент Тернера не вырвался из «Палам Интернэшнл»[4] первым рейсом и был вынужден провести ночь в ангаре в резервуаре жизнеобеспечения.

Голландцу и его бригаде потребовалось три месяца, чтобы собрать Тернера заново. Они клонировали для него квадратный метр кожи, вырастив ее на пластинах коллагена и полисахаридах из акульих хрящей. Глаза и гениталии купили на свободном рынке. Глаза оказались зеленые.

Большую часть этих трех месяцев Тернер провел в сгенерированном базовой памятью симстим-конструкте – в идеализированном детстве в Новой Англии предыдущего столетия. Визиты голландца представали серыми предрассветными снами, кошмарами, тускневшими, когда светлело небо за окном спальни на втором этаже, где по ночам пахло фиалками. Тринадцатилетний Тернер читал Конан Дойля при свете шестидесятиваттной лампочки под бумажным абажуром с изображениями белоснежных парусников, мастурбировал, вдыхая запах чистых хлопковых простыней, и думал о девчонках-чирлидершах. Голландец же по-хозяйски распахивал дверку в тылу его мозга и задавал всякие разные вопросы; но утром мать звала его завтракать овсянкой и яичницей с беконом, за которыми следовал неизменный кофе с молоком и сахаром.

Однажды утром Тернер проснулся в чужой постели, у окна

стоял голландец, заслоняя собой тропическую зелень и резавший глаза солнечный свет.

– Можете отправляться домой, Тернер. Мы с вами закончили. Вы теперь как новенький.

Он был как новенький. А толку? Кто ж его знает. Забрав то, что передал ему на прощание голландец, он вылетел из Сингапура. Домом ему стал «Хайятт» в ближайшем аэропорту. И в следующем за ним.

И в следующем. И в бог знает каком еще.

Он все летел и летел. Его кредитный чип – черный зеркальный прямоугольник с золотым обрезом. Люди за стойками, только завидев чип, улыбались, кивали. Распахивались и захлопывались за ним двери. Колеса отрывались от железобетона, тут же появлялась выпивка, стол всегда был накрыт.

В Хитроу огромный ломоть памяти, отколовшийся от пустой чаши неба над аэропортом, рухнул ему на плечи. Не замедляя хода, Тернер сблевал в синюю пластмассовую урну. Оказавшись у стойки в конце коридора, он поменял билет.

На рейс в Мексику.

И проснулся под клацанье стальных корзинок по кафелю, мокрый шорох щеток… Теплое женское тело под боком.

Комната – как высокая пещера. Голый белый пластик четко отражает звук; где-то вдали, перекрывая болтовню служанок в утреннем дворе, бьется прибой. Под пальцами – мятые простыни, шершавый лен, смягченный бесчисленными стирками.

Он вспомнил солнечный свет сквозь стену из тонированного стекла. Пуэрто-Вальярта, бар в аэропорту. Двадцать метров от самолета пришлось пройти пешком, зажмурив глаза от солнца. Вспомнил дохлую летучую мышь, раскатанную в сухой лист по бетону взлетной полосы.

Вспомнил автобус, карабкающийся по горной дороге: вонь от двигателя внутреннего сгорания, ветровое стекло, оклеенное по краю почтовыми открытками с розовыми и голубыми голограммами святых. Поднимающегося уступами ландшафта он не замечал, увлеченный шариком из розового люцита, в сердцевине которого нервно танцевала ртуть. Шар чуть крупнее бейсбольного мяча увенчивал стальной рычаг переключения скоростей. В дутой полости сферы, до половины наполненной шариками ртути, скорчился паук. Ртуть подпрыгивала и перекатывалась, когда водитель лихо заворачивал автобус по серпантину, качалась и подрагивала на прямых отрезках дороги.

Набалдашник был самоделкой, нелепой и зловещей; он был здесь, чтобы сказать: «Добро пожаловать в Мексику».

Среди десятка-полутора выданных голландцем микрософтов был один, который позволил бы Тернеру сравнительно бегло говорить по-испански. Но в Вальярте он, нащупав выступ за левым ухом, вместо софта вставил заглушку от пыли, спрятав разъем и коннектор за квадратиком микропоры телесного цвета. У пассажира на одном из задних кресел автобуса было радио. В звенящие поп-мотивы периодически врывался голос диктора, чтобы продекламировать, как литанию, цепочки десятизначных чисел – «сегодняшние победители в национальной лотерее!».

Женщина рядом с ним шевельнулась во сне.

Тернер приподнялся на локте, чтобы взглянуть на нее. Лицо незнакомое, но не из тех, к каким приучила его кочевая гостиничная жизнь. Он ожидал увидеть банальную красотку, порождение дешевой пластической хирургии и безжалостного дарвинизма моды, архетип, сварганенный из сотен популярных экранных лиц за последние пять лет.

Что-то от Среднего Запада в линии нижней челюсти, что-то архаичное и очень американское. Бедро прикрыто складками голубой простыни. Сквозь деревянные жалюзи косо падает солнечный свет, расчерчивая ее длинные ноги золотыми диагоналями. Лица, рядом с которыми он просыпался в гостиницах мира, были как украшение на автомобильном капоте самого Господа. Спящие женские лица, одинаковые и одинокие, обнаженные, устремленные в пустоту. Но это лицо было иным. Почему-то оно уже соотносилось с неким смыслом. Смыслом и именем.

Он сел, спустив ноги с кровати. Подошвы зарегистрировали на холодной плитке дробь песчинок с пляжа. Стоял слабый всепроникающий запах инсектицидов. Голый, с болезненно пульсирующей головой, Тернер встал. Заставил ноги передвигаться. Пошел, толкнул одну из двух дверей, обнаружил за ней белый кафель, снова белую штукатурку, грушу хромированной головки душа, свисающую с железной трубы, покрытой пятнами ржавчины. Из кранов над раковиной сочились одинаковые струйки теплой, как кровь, воды. Возле пластикового стаканчика лежали антикварные наручные часы, механический «ролекс» на светлом кожаном ремешке.

В забранных ставнями окнах ванной отсутствовали стекла, зато их затягивала мелкая сетка из зеленой пластмассы. Выглянув в щелку между деревянными планками, Тернер поморщился от резкого жаркого солнца, увидел пересохший фонтан, выложенный плиткой в цветочек, и ржавый остов «фольксвагена» модели

«рэббит».

Эллисон. Вот как ее зовут.

На ней были поношенные шорты цвета хаки и его белая футболка. Ноги – дочерна загорелые. Запястье обвивал ремешок из свиной кожи, на ремешке – механический «ролекс» в тусклом корпусе из нержавеющей стали. Они отправились погулять вдоль изгиба пляжа по направлению к Барре-де-Навидад, держась линии прибоя с узкой полоской плотного мокрого песка.

У них уже была общая история: он помнил ее этим утром у стойки в маленьком, с железной крышей меркадо. Помнил, как она обеими руками держала огромную глиняную кружку с дымящимся кофе. А он, тортильей подбирая сальсу и яичницу с потрескавшейся белой тарелки, смотрел, как мухи кружат в пальцах солнечного света, пробивающегося сквозь лоскутное одеяло тени, накинутое пальмовыми листьями и рифлеными стенами кафе. Невнятный разговор о ее работе в адвокатской конторе в Лос-Анджелесе, о том, как она живет одна в каком-то из ветхих понтонных городков, стоящих на приколе за Редондо. Он, кажется, сказал, что занимается кадрами. Так или иначе, когда-то занимался.

– Может, подыщу себе какую-нибудь другую работу…

Но разговор казался вторичным по сравнению с тем, что возникло между ними. Вот над их головами, паря в бризе, зависла птица-фрегат, скользнула в сторону, развернулась и исчезла. Оба вздрогнули от такой свободы, от бездумного птичьего скольжения. Эллисон сжала его руку.

По пляжу, приближаясь к ним, вышагивала синяя фигура – военный полицейский направлялся в город, сияющие черные сапоги казались нереальными на фоне пастельных красок пляжа. Когда полицейский с темным и неподвижным лицом под зеркальными очками проходил мимо, Тернер заметил лазерный карабин «стайнер-оптик» с прицелом «фабрик-насьональ». Синяя гимнастерка была безупречно отглажена, стрелки брюк жестки и остры, как лезвие ножа.

Большую часть своей взрослой жизни Тернер, хотя никогда и не носил мундира, был солдатом. Солдатом удачи. Наемником. Его работодатели – огромные корпорации, втайне воюющие между собой за контроль над мировой экономикой. Его специализация – топ-менеджеры и ведущие ученые. Транснационалы, на которых он работал, никогда не признают существование людей, подобных Тернеру…

– Прошлой ночью ты оприходовал почти всю бутылку «Эррадуры», – сказала женщина.

Тернер кивнул. Ее рука в его ладони была сухой и теплой. Он смотрел, как Эллисон ставит ногу на песок, как раздвигаются при этом пальцы. Розовый лак на ногтях совсем облупился.

Накатили буруны с прозрачной, как зеленое стекло, кромкой.

На загорелой коже Эллисон мелкими бусинами осела водяная пыль.

После того первого дня вместе жизнь вошла в простую колею. Они завтракали в меркадо за бетонной стойкой, вытертой до гладкости полированного мрамора. Утро проводили купаясь, пока солнце не загоняло их назад в защищенную ставнями прохладу гостиницы, где они занимались любовью под медленно кружащими лопастями деревянного вентилятора, потом спали. Под вечер отправлялись обследовать путаницу узких улочек позади авениды или уходили к холмам. Обедали на верандах ресторанов с видом на пляж и пили вино в патио белых гостиниц. В волнах прибоя качался лунный свет.

И постепенно, без слов, она научила его новому виду страсти. Он привык к тому, чтобы его обслуживали, к безликому сервису умелых профессионалок. Теперь же, в белой пещере комнаты, он стоял на коленях на плитке пола. Опуская голову, ласкал ее языком; тихоокеанская соль смешивалась с ее собственной влагой, внутренняя поверхность бедер, прижатая к его щекам, была прохладной. Покачивая ладонями ее бедра, он сжимал их, поднимал как чашу, плотно прижимаясь губами, пока язык его искал локус, точку, частоту, которая приведет ее к дому. Потом с усмешкой забирался сверху, входил и искал собственную дорогу к дому же.

А иногда, после, он говорил – и долгие разворачивающиеся спирали расплывчатого рассказа вплетались в шум моря. Эллисон говорила очень немного, но он научился ценить то малое, что она говорила. И всегда она обнимала его. И слушала.

Прошла неделя, за ней другая. В их последний день вместе Тернер проснулся в той же прохладной комнате, увидел Эллисон рядом. За завтраком ему почудилось, что он уловил в ней перемену, какую-то непривычную напряженность.

Они загорали, плавали, и в знакомой постели он забыл о смутном привкусе беспокойства.

Под вечер Эллисон предложила пойти погулять по пляжу к Барре, как они ходили в то первое утро.

Тернер извлек из разъема за ухом заглушку и вставил «занозу» микрософта. Структура испанского языка опустилась сквозь него, как стеклянная башня, невидимые ворота

распахнулись в настоящее и будущее, в условное и предпрошедшее. Оставив ее в комнате, он пересек авениду и вошел на рынок. Купил соломенную корзинку, несколько банок холодного пива «Карта бланка», сэндвичи и фрукты. По дороге назад взял у торговца на авениде новую пару солнечных очков.

Его загар был теперь коричневым и ровным. Угловатые заплаты, оставшиеся после пересадки ткани, исчезли, а Эллисон научила его единству тела. По утрам, встречая в зеркале в ванной взгляд зеленых глаз, он наконец уверовал в то, что они его собственные. Да и голландец перестал тревожить его сны дурацкими шутками и сухим кашлем. И все же временами ему снилась Индия, страна, которую он едва успел узнать. Индия, разлетевшаяся вдребезги яркими осколками: улица Чандни-Чоук, запах пыли и жареных лепешек.

Стены полуразвалившегося отеля стояли на четверти пути к Барре, если идти вдоль дуги залива. Прибой здесь был сильнее, и каждая волна разбивалась маленьким взрывом.

Сейчас Эллисон тянула его к этому отелю. В уголках ее глаз появилось что-то новое, какая-то натянутость. Чайки разлетелись врассыпную, когда они рука об руку вышли на пляж, чтобы заглянуть в тень за пустым дверным проемом. Песок под фундаментом просел, и фасад обвалился, оставив перекрытия этажей свисать огромными полотнищами на погнутых ржавых сухожилиях. На каждом перекрытии пол был выстлан другим узором разноцветной плитки.

«ГОСТИНИЦА „PLAYA DEL M.“» – заглавные буквы были выложены будто рукой ребенка – морскими ракушками, вдавленными в бетонную арку.

– Мар[5], – сказал он, заканчивая слово, хотя и вынул уже микрософт.

– Все кончено, – сказала она, входя в тень арки.

– Что кончено?

Он вошел следом; плетеная корзинка терлась о бедро. Песок здесь был холодным, сухим и рассыпался под ногами.

– Кончено. С этим местом покончено. Здесь нет ни времени, ни будущего.

Он недоуменно уставился на нее, потом перевел взгляд туда, где у стыка двух осыпающихся стен переплелись ржавые кроватные пружины.

– Мочой пахнет, – сказал он. – Пошли купаться.

Море смыло озноб, но между ними теперь повисла какая-то отстраненность. Они сидели на одеяле из комнаты Тернера и

молча ели. Тень от развалин медленно удлинялась. Ветер играл выгоревшими на солнце волосами Эллисон.

– Глядя на тебя, я думаю о лошадях, – сказал он наконец.

– Ну, – проговорила она, будто из глубин усталости, – они только тридцать лет как вымерли.

– Нет, – сказал он, – их волосы. Волосы у них на шеях, когда лошади бегут.

– Гривы, – сказала она, на глазах у нее выступили слезы. – Сволочи. – Эллисон сделала глубокий вдох. Отбросила на песок пустую банку из-под «Карта бланка». – Они, я – какая разница? – Ее руки снова обняли его плечи. – Ну давай же, Тернер. Давай.

И когда она ложилась на спину, утягивая его за собой, он заметил что-то – кораблик, превращенный расстоянием в белую черточку дефиса, – там, где вода соприкасалась с небом. Садясь на одеяле, чтобы натянуть обрезанные джинсы, Тернер увидел яхту. Теперь суденышко было гораздо ближе, грациозная запятая белой палубы легко скользила по воде. Глубокой воде. Судя по силе прибоя, пляж, очевидно, обрывался здесь почти вертикально. Вот почему череда гостиниц кончалась там, где она кончалась, в нескольких километрах от этого места, и вот почему руины не устояли. Волны подточили фундамент.

– Дай мне корзинку.

Она застегивала пуговицы блузки. Эту блузку он купил ей в одной из усталых лавчонок на авениде. Мексиканский хлопок цвета электрик, плохо обработанный. Одежда, которую они брали в местных магазинах, редко протягивала дольше одного-двух дней.

– Я сказал, дай мне корзинку.

Дала. Он покопался среди остатков их ужина, под пластиковым пакетом с ломтиками ананаса, вымоченными в лимонной цедре и присыпанными кайенским перцем, нашел бинокль. Вытащил. Пара компактных боевых окуляров шесть на тридцать. Щелчком поднял вверх внутренние крышки с объективов и, приладив дужки, стал изучать обтекаемые иероглифы логотипа «Хосаки». Желтая надувная шлюпка обогнула корму и вырулила к пляжу.

– Тернер, я…

– Вставай, – сказал он, заталкивая одеяло и ее полотенце в корзинку.

Вынул последнюю, уже теплую банку «Карта бланка», положил ее рядом с биноклем. Встал и, рывком подняв Эллисон на ноги, насильно всунул ей в руки корзинку.

– Возможно, я ошибаюсь, – сказал Тернер. – Но если нет, то уноси ноги, беги что есть сил. Свернешь к тем, дальним

пальмам. – Он указал куда-то в сторону. – В гостиницу не возвращайся. Садись на автобус до Мансанильо или Вальярты. Поезжай домой.

До него уже доносилось мурлыканье мотора.

Из глаз ее потекли слезы, но беззвучно. Эллисон крутнулась на пятках и побежала мимо развалин, вцепившись в корзинку, спотыкаясь на разъезжающемся песке. И ни разу не обернулась.

Тернер снова уставился на яхту. Надувная шлюпка уже прыгала по волнам прибоя. Яхта называлась «Цусима», и в последний раз он видел ее в Хиросимском заливе. Но тогда он стоял на ее палубе и смотрел на красные ворота синтоистского храма в Ицукусиме.

Зачем бинокль, если и так ясно, что пассажиром шлюпки окажется Конрой, старший над ниндзями «Хосаки». Скрестив по-турецки ноги, Тернер сел на остывающий песок и открыл свою последнюю банку мексиканского пива.

Тернер не отрываясь глядел вдаль на череду белых гостиниц, руки неподвижно лежали на тиковых перилах «Цусимы». За гостиницами горели три голограммы городка – «Banamex», «Aeronaves» и шестиметровая Богородица местного собора.

Конрой стоял рядом.

– Срочная работа, – сказал наконец Конрой. – Сам знаешь, как это бывает.

Голос Конроя был плоским и безжизненным, будто в подражание дешевому аудиочипу. Лицо – широкое и белое, мертвенно-белое. Черные круги, мешки под глазами и грива выбеленных, зачесанных назад волос. На Конрое была черная рубашка поло и черные брюки.

– Пошли внутрь, – поворачиваясь, сказал он.

Тернер безучастно последовал за ним, пригнувшись, чтобы войти в дверь каюты. Белые ширмы, светлая сосновая обшивка – строгий шик токийских корпораций.

Конрой уселся на низкий прямоугольный пуф из синевато-серой искусственной замши. Тернер остался стоять, руки расслабленно висят по бокам; между ним и Конроем – стол. Конрой взял со стола серебряный, с насечками, ингалятор.

– Дохнешь усилитель холина?

– Нет.

Вставив ингалятор в ноздрю, Конрой затянулся.

– Хочешь суси? – Он отставил ингалятор на стол. – С час назад мы поймали пару окуней.

Тернер не шевельнулся, по-прежнему в упор глядя на Конроя.

– Кристофер Митчелл, – негромко произнес Конрой. – «Маас-

Биолабс». Руководитель их гибридомного[6] проекта. Он переходит в «Хосаку».

– Никогда о нем не слышал.

– Так я тебе и поверил. Хочешь выпить?

Тернер покачал головой.

– Кремний – уже вчерашний день, Тернер. Митчелл – это тот самый, кто заставил работать биочипы, а «Маас» сидит на всех базовых патентах. Ну да кому я рассказываю. Митчелл – спец по моноклональным антителам. Он хочет выбраться. Ты и я, Тернер, мы с тобой должны его вытащить.

– Я думал, я в отставке, Конрой. Мне неплохо отдыхалось.

– Именно это и сказал консилиум психиатров в Токио. Ну то есть ты же пообтерся уже немного, а? Она психолог-практик, на жалованье у «Хосаки».

На бедре Тернера задергался мускул.

– Они говорят, ты готов, Тернер. После Нью-Дели они немного волновались, так что хотели лишний раз перепроверить. Заодно и какая-никакая терапия – никогда же не повредит, верно?

2
Марли

Для собеседования она надела лучший свой жакет, но в Брюсселе шел дождь, а денег на такси у нее не было. От станции «Евротранса» пришлось идти пешком.

Ладонь в кармане выходного жакета – от «Салли Стэнли», но уже год как ношенного – белым узлом скрутилась вокруг скомканного факса. Факс ей больше не нужен, адрес она запомнила, но, похоже, ей никак не выпустить бумажку, как не победить транс, который держит ее в своих тисках. Ну вот она все смотрит и смотрит в витрину дорогого магазина мужской одежды. Взгляд Марли попеременно застывает то на солидной фланелевой рубашке, то на отражении собственных темных глаз.

Нет сомнений, одни лишь эти глаза будут стоить ей работы. Даже мокрые волосы не в счет – теперь она жалела, что не позволила Андреа их подстричь. Ведь глаза выставляли напоказ всем, кто потрудится в них заглянуть, боль и вялость, и уж это точно не укроется от герра Йозефа Вирека, наименее вероятного из возможных нанимателей.

Когда доставили факс, Марли настаивала на том, чтобы отнестись к нему как к дурной шутке – мол, просто еще один докучливый звонок. А докучали ей предостаточно, спасибо журналистам. Звонков было столько, что Андреа пришлось заказать специальную программу для телефона в своей квартире. Программа не пропускала входящие звонки с номеров, которые не были занесены в постоянную память телефона. Потому-то, уверяла Андреа, и прислали факс. Как еще с ней могли связаться?

Но Марли лишь качала головой, глубже закутываясь в старый махровый халат Андреа. С чего это вдруг Вирек, невероятно богатый коллекционер и меценат, пожелает нанять опозоренную бывшую кураторшу крохотной парижской галереи.

Тогда приходил черед Андреа качать головой в раздражении на эту новую, «опозоренную» Марли Крушкову, которая целыми днями теперь не выходила из квартиры и порой не обнаруживала в себе сил даже чтобы одеться. Попытка продать в Париже одну-единственную подделку едва ли кому-то в новинку, что бы там ни воображала себе Марли, говорила Андреа. Не будь пресса так озабочена тем, чтобы выставить мерзкого Гнасса старым дураком, каковым он в сущности и является, продолжала она, эта история не попала бы даже в сводки новостей. Просто Гнасс был достаточно богат и буянил достаточно регулярно, чтобы сойти за

скандал недели. Андреа улыбнулась:

– Не будь ты так привлекательна, о тебе бы вообще никто не вспомнил.

Марли покачала головой.

– И подделка-то пришла от Алена. Ты сама ни в чем не виновата. Забыла, что ли?

Ничего не ответив, Марли ушла в ванную, все так же кутаясь в потертый халат.

За желанием подруги утешить, хоть как-то помочь, Марли уже начинала чувствовать раздражение человека, вынужденного делить очень небольшое помещение с несчастным и не вносящим своей лепты в хозяйство гостем.

И Андреа еще пришлось одолжить ей денег на билет «Евротранса».

Мучительным усилием воли Марли вырвалась из замкнутого круга невеселых мыслей и слилась с плотным, но степенным потоком серьезных бельгийских покупателей.

Девушка в ярких брючках в обтяжку и огромной дубленой куртке, явно с плеча своего приятеля, слегка задела ее на бегу и, шаркнув ножкой, улыбнулась вместо извинения. У следующего перекрестка Марли заметила витрину с одеждой того стиля, который сама предпочитала в студенческие годы. Одежда выглядела невероятно молодежной.

В белом спрятанном кулачке – факс.

Галерея Дюпре – рю о'Бёр, дом 14, Брюссель.

Йозеф Вирек.

Секретарша в холодной серой приемной галереи Дюпре вполне могла здесь и вырасти – очаровательное и, скорее всего, ядовитое растение, пустившее корни за плитой из полированного мрамора с утопленной в него эмалированной клавиатурой. Она подняла на приближающуюся Марли лучистые глаза. Марли тут же вообразила: щелчок фотозатвора – и вот портрет замарашки уже несется прочь в какой-нибудь дальний закоулок империи Йозефа Вирека.

– Марли Крушкова, – сказала она, борясь с желанием извлечь плотный комок факса и жалко разгладить его на холодном, безупречном мраморе. – К герру Виреку.

– Герр Вирек, к сожалению, не сможет быть сегодня в Брюсселе, фройляйн Крушкова.

Глядя, как шевелятся идеально очерченные губы, Марли испытывала одновременно боль от такого ответа и острый укол удовлетворения, с которым научилась принимать разочарование.

– Понимаю.

– Однако он решил провести собеседование посредством сенсорной связи. Будьте добры пройти в третью дверь налево…

Комната была белой и голой. Справа и слева по стенам висели картины без рам: листы чего-то похожего на вымокший под дождем картон, испещренные различной формы дырками. *Katatonenkunst*[7]. Консервативно. Такие работы продают обычно безликому комитету по закупке, присланному советом директоров какого-нибудь голландского коммерческого банка.

Она села на низкую, обитую кожей банкетку и наконец позволила себе выпустить из руки факс. Она была одна в комнате, но предположила, что за ней каким-то образом наблюдают.

– Фройляйн Крушкова. – Молодой человек в темно-зеленом рабочем халате техника стоял в дверном проеме напротив той двери, через которую вошла она. – Через минуту, пожалуйста, пересеките комнату и войдите в эту дверь. Прошу вас взяться за ручку плотно и не спеша, чтобы обеспечить максимальный контакт металла с кожей вашей ладони. Затем осторожно переступите через порог. Пространственная дезориентация должна быть минимальной.

– Прошу проще… – Марли моргнула.

– Сенсорная связь, – сказал техник и удалился. Дверь за ним бесшумно закрылась.

Марли встала, подергала размокшие лацканы жакета в надежде придать им форму, коснулась волос, но передумала и, глубоко вздохнув, шагнула к двери. Фраза секретаря подготовила ее только к тому виду сенсорной связи, о котором она знала, – симстим-сигналу, переправляемому через «Белл-Европу». Она думала, ей придется надеть шлем с впаянными дерматродами, а Вирек воспользуется пассивным зрителем как живой видеокамерой.

Но размеры состояния Вирека позволяли нечто качественно иное.

Когда ее пальцы сомкнулись на медной дверной ручке, та словно бы конвульсивно выгнулась, в первую секунду контакта проскользив по тактильному спектру текстуры и температуры тканей.

Потом ручка вновь стала металлической… железяка, выкрашенная зеленой краской… чугун, уходящий вниз и вдаль, к линии горизонта… превратилась в старые перила, за которые Марли теперь ошарашенно цеплялась.

В лицо ей бросило несколько капель дождя.

Запах дождя и влажной земли.

Калейдоскоп мелких деталей, собственные воспоминания о

пьяном пикнике студентов факультета искусств накладываются на совершенную иллюзию Вирека.

Ни с чем не спутаешь эту раскинувшуюся сейчас под ней панораму Барселоны с ее окутанными дымкой вычурными шпилями собора Святого Семейства. Борясь с головокружением, Марли схватилась за перила и второй рукой. Она же знает это место. Она – в парке Гуэля, пряной сказочной стране, созданной архитектором Антонио Гауди на голом склоне сразу за центром города. Слева от нее, так и не соскользнув по скату расколовшегося валуна, застыла гигантская ящерица. Безумный узор прожилок на обливной керамике кожи. Струйки воды из улыбки-фонтана орошали клумбу поникших цветов.

– Вы растеряны. Прошу прощения.

Йозеф Вирек расположился на одной из волнисто-змеевидных парковых скамеек террасой ниже Марли, его широкие плечи прятались под мягкой крылаткой.

Черты этого лица были смутно знакомы Марли всю ее жизнь. Теперь ей почему-то вспомнилась фотография, на которой коллекционер позировал рядом с английским королем. Вирек улыбнулся. Крупная голова великолепной формы, высокий лоб под щеткой жестких темно-седых волос. Ноздри неизменно раздуты, как будто он вечно принюхивается к неведомым ветрам искусства и коммерции. Взгляд бледно-голубых глаз, очень больших за стеклами круглых, без оправы, очков, за прошедшие десятилетия ставших как бы визитной карточкой его империи, оказался неожиданно мягким.

– Пожалуйста. – Узкая рука похлопала по беспорядочной мозаике из глиняных черепков. – Вы должны простить меня за то, что я так полагаюсь на технику. Вот уже более десяти лет я пребываю в резервуаре жизнеобеспечения в каком-то кошмарном промышленном пригороде Стокгольма. А может, и преисподней. Я не слишком здоровый человек, Марли. Присаживайтесь рядом.

Сделав глубокий вдох, Марли спустилась по каменным ступеням и зашагала по булыжнику.

– Герр Вирек, – запинаясь, начала она, – я была на вашей лекции в Мюнхене, два года назад. Критика Фесслера и его *autistiches Theater*[8]. Вы тогда казались здоровым…

– Фесслер? – Вирек сморщил загорелый лоб. – Вы видели двойника. А может, голограмму. От моего имени, Марли, творится многое. Различные части моего состояния со временем приобрели автономность; порой они даже борются друг с другом. Так сказать, бунт на финансовых окраинах. Однако по ряду причин, настолько сложных, что как бы уже из области оккультного, факт моей болезни никогда не оглашался.

Присев рядом с ним на скамейку, Марли уставилась на грязный булыжник между стоптанными каблуками своих черных парижских ботинок. Увидела осколок бледного камешка, ржавую скрепку, пыльный трупик не то пчелы, не то трутня…

– Это… эта модель поразительно детальна…

– Да, – отозвался Вирек, – новые «маасовские» биочипы. Имейте в виду, – продолжал он, – что мое знание вашей частной жизни почти столь же детально. В некотором смысле я знаю о вас чуть ли не больше, чем вы сами.

– Да?

Гораздо проще, как она обнаружила, было сосредоточиться на городе, выискивая вехи, запомнившиеся за дюжину студенческих каникул. Вон там, именно там, должна быть пешеходная улица Рамбла: цветы и попугаи, таверны с темным пивом и жареными кальмарами.

– Да. Я знаю, это любовник убедил вас, будто вы отыскали потерянный оригинал Корнелла…[9]

Марли зажмурила глаза.

– Он заказал подделку, наняв двух талантливых студентов Академии художеств и известного историка, который испытывал определенные личные затруднения… Он заплатил им деньгами, которые снял со счета вашей же галереи, о чем вы, без сомнения, уже и сами догадались. Вы плачете…

Марли кивнула. Холодный указательный палец постучал по ее запястью.

– Я купил Гнасса. Я откупился от полиции. Пресса же не стоила того, чтобы ее покупать; она редко этого стоит. А теперь ваша, быть может, несколько скандальная репутация может сыграть вам на руку.

– Герр Вирек, я…

– Одну минуту. Пако! Подойди ко мне, дитя.

Открыв глаза, Марли увидела мальчика лет, наверное, шести, облаченного в темный пиджачок и штанишки до колен, светлые носки, высокие шнурованные ботинки. Каштановые волосы мягким крылом падали ему на лоб. Мальчик что-то держал в руках, какой-то ящичек или шкатулку.

– Гауди начал создавать этот парк в одна тысяча девятисотом году, – сказал Вирек. – Пако носит костюм того периода. Подойди сюда, мой мальчик. Покажи нам свое чудо.

– Сеньор, – пролепетал Пако и, с поклоном шагнув вперед, предъявил то, что держал в руках.

Марли могла только смотреть. Простой деревянный ящичек, стекло на месте передней стенки. Предметы…

– Корнелл, – выдохнула она, позабыв о своих слезах. –

Корнелл? – повернулась она к Вирeку.

– Конечно же нет. Видите – в обломок кости вставлен биомонитор «Браун»? Перед вами – шедевр нашего современника.

– Так, значит, есть еще? Есть и другие шкатулки?

– Я нашел их семь. В течение последних трех лет. Видите ли, «Коллекция Вирека» – это нечто вроде черной дыры. Неестественный удельный вес моего состояния безудержно притягивает редчайшие творения человеческого духа. Процесс, по сути своей, автономный, и в обычных обстоятельствах я не проявляю к нему особого интереса…

Но Марли погрузилась в шкатулку, в пробуждаемое ею ощущение невероятного расстояния, потери и томления по чему-то неведомому и недостижимому. Шкатулка казалась и мрачной, и нежной, и почему-то детской. Она заключала в себе семь предметов.

Тонкая флейта из полой кости – конечно же, созданной для полета, конечно же, из крыла какой-то большой птицы. Три архаичные микросхемы – как крохотные лабиринты золотых нитей. Гладкий белый шар обожженной глины. Почерневший от времени обрывок кружева. Сегмент длиной в палец… вероятно, кость из человеческого запястья, серовато-белая, с выступающим над ней кремниевым стержнем какого-то маленького прибора, головка которого некогда была утоплена в кожу, но лицевая панелька спеклась, обгорела.

Шкатулка казалась целой вселенной, поэмой, застывшей на дальнем рубеже человеческого опыта.

– *Gracias*, Пако.

Шкатулка и мальчик исчезли.

Марли охнула.

– Ах да, прошу прощения. Я забыл, что подобные переходы для вас слишком резки. Теперь, однако, мы должны обсудить ваше задание…

– Герр Вирек, – прервала его Марли, – что такое Пако?

– Подпрограмма.

– Понимаю.

– Я нанял вас для того, чтобы вы нашли создателя этой шкатулки.

– Но, герр Вирек, с вашими ресурсами…

– К которым теперь относитесь и вы, дитя мое. Или вы не хотите получить работу? Когда история о том, как Гнассу всучили поддельного Корнелла, попала в поле моего зрения, я понял, насколько вы можете быть полезны мне в этом деле. – Он пожал плечами. – Поверьте, я обладаю определенным талантом добиваться желаемого результата.

– Конечно, герр Вирек! Я хочу работать!

– Прекрасно. Вам будет выплачиваться понедельный оклад. Вам будет также предоставлен доступ к определенным кредитным линиям, хотя если вам потребуется приобрести, скажем, недвижимое имущество…

– Недвижимость?

– Или корпорацию, или космическое судно, – в этом случае вы обратитесь ко мне за опосредованным подтверждением ваших полномочий. Которое вы, с почти полной уверенностью можно утверждать, получите. А в остальном я предоставляю вам полную свободу. Однако предлагаю вам действовать на том уровне, который для вас привычен. Иначе вы рискуете потерять чутье, а интуиция в подобном случае имеет решающее значение. – Еще раз для нее вспыхнула знаменитая на весь мир улыбка.

Марли сделала глубокий вдох:

– Герр Вирек, что, если я не справлюсь? Сколько у меня времени на то, чтобы найти этого художника?

– Остаток жизни, – последовало в ответ.

– Простите меня, – к ужасу своему, услышала Марли собственный голос, – но, насколько я понимаю, вы сказали, что живете в… в резервуаре?

– Да, Марли. И из этой довольно ограниченной временной перспективы я советовал бы вам стремиться ежечасно жить в собственной плоти. Не в прошлом, если вы понимаете, о чем я. Говорю как человек, не способный более выносить это простое состояние, поскольку клетки моего тела донкихотски предпочли отправиться каждая своим путем. Полагаю, кому-нибудь более счастливому или менее богатому позволили бы в конце концов умереть или закодировали бы его сознание в память какого-нибудь компьютера. Но я, похоже, скован византийским хитросплетением механизмов и обстоятельств, что, по самым приблизительным прикидкам, требует примерно одной десятой части моего годового дохода. И наверное, превращает меня в самого дорогостоящего инвалида мира. Я был тронут вашими сердечными делами, Марли, и завидую той упорядоченной плоти, в которой они происходят.

Взглянув – на мгновение, не более – прямо в эти мягкие голубые глаза, Марли вдруг с инстинктивной уверенностью простого млекопитающего осознала, что исключительно богатые люди давно переступили ту черту, которая отделяет человека от чего-то иного…

Крыло ночи накрыло небо Барселоны, как судорога бескрайней, медленно смыкающейся диафрагмы, и Вирек с парком Гуэля исчезли, а Марли обнаружила, что вновь сидит на

низкой кожаной банкетке и смотрит на рваные листы грязного картона.

3
Бобби влип, как вильсон

Простая это штука – смерть. Теперь-то он понял: она просто приходит. Чуть оскользнешься – и она уже здесь, что-то холодное, без запаха, вздувается изо всех четырех углов этой дурацкой комнаты – гостиной его матери в Барритауне.

«Вот ведь дерьмо, – думал он. – Дважды-в-День животики надорвет от смеха: впервые вышел на дело – и тут же влип, как вильсон».

Единственным звуком в комнате был слабый ровный гул – это вибрируют его зубы. Обратная связь ультразвуковым параличом разъедает нервную систему. Он глядит на свою руку, дрожащую в нескольких сантиметрах над красной пластмассовой кнопкой, которая могла бы разорвать убивающий его коннект.

Вот дерьмо.

Он пришел домой – и сразу за дело. Загнал кассетку с только что арендованным у Дважды-в-День ледорубом и подключился. Набрал код базы, которую Дважды-в-День для него и наметил; первая в жизни Бобби реальная цель. Вроде так это все и делается: хочешь сделать – и делаешь. Эта маленькая дека «Оно-Сэндай» была у него не более месяца, но он уже знал, что хочет стать кем-то большим, нежели мелкий барритаунский хотдоггер. Бобби Ньюмарк, он же Счет Ноль – или Граф Ноль, кому как больше нравится[10], – но теперь все кончено. Кино никогда не кончается так, чтобы на первой же сцене. В кино всегда вбегает девушка ковбоя или, скажем, напарник, срывает дерматроды и бьет по вот этому маленькому красному «СТОП».

Но Бобби сейчас один; его центральная нервная система подавлена защитной программой базы данных за три тысячи километров от Барритауна, и он это знает. И какая-то магическая химия посреди зловещей, обволакивающей тьмы позволяет ему ощутить всю бесконечную желанность этой комнаты с ее ковром цвета ковра и занавесками цвета занавесок, с продавленной софой из темперлона, с угловатым хромированным стеллажом, на котором стоят компоненты старенького, шестилетней давности, развлекательного модуля «Хитачи».

Он ведь так тщательно задергивал занавески, готовясь к своему первому рейду, а теперь, как это ни странно, все равно видит сквозь них. Видит, как вздымается бетонная волна барритауновских кондо, чтобы разбиться о темные башни Новостроек. Волна щетинится тончайшим ворсом простых и

спутниковых антенн, с натянутыми между ними бельевыми веревками. Мать любила разоряться по этому поводу: у нее была собственная сушилка. Он вспомнил побелевшие костяшки ее пальцев на крашенных под бронзу перилах балкона, сухие морщинки на сгибе кисти. Вспомнил, как несли с Большой Площадки мертвого парня на металлических носилках… труп завернут в пластик одного цвета с полицейской машиной. Упал и разбил голову. Упал. Голова садовая. Вильсон.

Сердце остановилось. Бобби показалось, что оно вдруг просто упало на бок и отбросило копыта, как какой-нибудь зверек в мультфильме.

Шестнадцать секунд смерти Бобби Ньюмарка. Его хотдоггерской смерти.

И тут *вклинилось* что-то. Ощущение запредельных пространств. Что-то огромное пришло из-за самого дальнего предела – мира, чувств, всего, что можно познать или вообразить. И это нечто коснулось его.

::: ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ? ПОЧЕМУ ОНИ ДЕЛАЮТ ЭТО С ТОБОЙ?

Девчоночий голос, каштановые волосы, темные глаза…

: УБИВАЕТ МЕНЯ, УБИВАЕТ МЕНЯ, УБЕРИ ЭТО, УБЕРИ.

Темные глаза, пустынные звезды, девичьи волосы…

::: НО ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ТРЮК, РАЗВЕ НЕ ВИДИШЬ? ТЕБЕ ТОЛЬКО КАЖЕТСЯ, ЧТО ТЕБЯ ПОЙМАЛИ. СМОТРИ: ВОТ Я ВЛИВАЮСЬ, И НЕТ НИКАКОЙ ПЕТЛИ.

И сердце перекатилось, встало на место и своими мультяшными ножками отфутболило наверх недавний обед. Спазмом отрубленной лягушачьей лапки его выбросило из кресла, падение сорвало со лба троды. Голова Бобби врубилась в угол «Хитачи», мочевой пузырь опорожнился, и кто-то все твердил «матьматьмать» в пыльный запах ковра. Девчоночий голос пропал, никаких пустынных звезд, короткой вспышкой – ощущение холодного ветра и подточенного водой камня…

Тут голова его взорвалась. Он увидел это очень ясно, откуда-то из далекого далека. Как взрыв фосфорной гранаты.

Белый

Свет.

4
Вахту принял

Черная «хонда» зависла в двадцати метрах над восьмиугольной палубой заброшенной нефтяной платформы. Светало, и Тернер различил поблекшие контуры трилистников химической опасности, маркирующих посадочную площадку.

– У вас тут биозараза, Конрой?

– Только та, к какой ты давно привык.

Фигура в красном комбинезоне, размахивая посадочными жезлами, подавала сигналы пилоту «хонды». Когда они садились, вихрь от пропеллеров сбросил в море обрывки упаковки, засорявшие кое-где палубу. Конрой хлопнул по застежке пристежных ремней и перегнулся через Тернера, чтобы открыть люк. Откинулась крышка, их оглушил рев моторов. Конрой толкнул Тернера в плечо и требовательно поднял несколько раз руку ладонью вверх, потом указал на пилота.

Тернер выбрался наружу и спрыгнул; над головой, сливаясь в расплывчатый диск, оглушительно ревел несущий винт. Через пару секунд рядом в полуприседе возник Конрой. По-крабьи, на полусогнутых, как обычно перемещаются на вертолетных площадках, они миновали поблекшие знаки-трилистники. На поднятом «хондой» ветру штанины полоскались у коленей. Тернер нес неприметный серый чемодан, отлитый из баллистического пластика, – свой единственный багаж. Кто-то в гостинице успел упаковать его вещи, и на «Цусиме» его уже ждал чемодан. Внезапное изменение в звуке моторов сказало ему, что «хонда» поднимается. С погашенными огнями она, завывая, ушла назад к побережью. В наступившей тишине стали слышны крики чаек, шорох и хлюпанье тихоокеанских волн.

– Здесь когда-то пытались создать убежище данных, – сказал Конрой. – Нейтральные воды. В те времена никто еще не жил на орбите, так что какое-то время это имело смысл… – Он направился к ржавому лесу балок, поддерживавших надстройку платформы. – «Хосака» предложила свой сценарий: мы привозим Митчелла сюда, чистим, грузим на «Цусиму» – и на всех парах в старушку Японию. Я сказал им: об этом дерьме и думать забудьте. В «Маасе» тоже не дураки сидят и, если прознают чего, могут навалиться на эту посудину всем чем угодно. Я сказал им: исследовательский центр, который вы сбацали в Мехико, – это самое оно, верно? Все-таки там у «Мааса» руки хоть немного связаны, в самом центре долбаной столицы…

Из тени выступила какая-то фигура, лицо ее было обезображено выпученными линзами оптического прибора. Фигура приветливо помахала им тупыми дулами многоствольного игольника системы Лэнсинга.

– Биозараза, – сказал Конрой, когда они протискивались мимо. – Тут пригни голову. И поосторожнее, ступеньки скользкие.

На платформе пахло ржавчиной, морем и заброшенностью. Окон тут не было. Обесцветившиеся стены испещрены расползающимися язвами ржавчины. Через каждые несколько метров с балок над головой свисали флюоресцентные фонари на батарейках, отбрасывая жутковатый зеленый свет, одновременно резкий и ноюще неровный. В центральном помещении – дюжина фигур за работой. Расслабленная точность движений хороших техов. Профессионалы, подумал Тернер: взглядами обмениваются редко, да и разговоров почти не слышно. Было холодно, очень холодно, и Конрой выдал ему огромную, усеянную клапанами и молниями парку.

Бородач в летной куртке с барашковым воротником закреплял серебристой лентой на погнутой переборке бухту оптоволоконного кабеля. Конрой застрял где-то сзади, заспорив шепотом с негритянкой в такой же, как на Тернере, парке. Подняв от работы глаза, бородатый тех увидел Тернера.

– Блин, – протянул он, все еще стоя на коленях, – я и сам сообразил, что дело будет важное, но к тому же, похоже, еще и жаркое.

Он встал и машинальным движением вытер руки о джинсы. Как и остальные техи, он был в хирургических перчатках из микропоры.

– Ты Тернер. – Он усмехнулся, бросил быстрый взгляд в сторону Конроя и вытащил из кармана куртки черную пластмассовую фляжку. – Хочешь для сугрева? Ты же меня знаешь. Я работал в Марракеше, когда парень из «Ай-Би-Эм» перешел в «Мицу-Джи». Это я тогда подсоединял взрывчатку в автобусе, который вы с французом загнали в вестибюль гостиницы.

Тернер взял фляжку и, щелкнув крышкой, приложился. Бурбон. Жидкость провалилась вглубь, в желудке остро защипало, по телу растеклось тепло.

– Спасибо. – Он вернул фляжку, и тех убрал ее в карман.

– Оуки, – сказал он. – Меня зовут Оуки. Вспоминаешь?

– Конечно, – солгал Тернер. – Марракеш.

– А это «Уайлд тёрки», – сказал Оуки. – Из дьюти-фри на пересадке в Схипхоле. Твой напарник, – снова взгляд в сторону

Конроя, – он не дает расслабиться, а? Я хочу сказать, не так, как в Марракеше, да?

Тернер кивнул.

– Если что понадобится, – сказал Оуки, – дай мне знать.

– Что, например?

– Еще выпить, или у меня есть перуанский кокс, ну, знаешь, самый что ни на есть желтый. – Оуки снова ухмыльнулся.

– Спасибо, – отозвался Тернер, видя, что Конрой поворачивается к ним.

Оуки тоже это увидел и быстро присел, отрывая новый кусок серебристой ленты.

– Кто это был? – спросил Конрой, проводя Тернера через узкий дверной проем с прогнившими черными изоляционными прокладками вдоль косяков.

Конрой повернул колесо открывающего дверь механизма; колесо недавно смазали.

– Его зовут Оуки, – рассеянно ответил Тернер, оглядывая новое помещение, поменьше.

Два фонаря, складные столы, стулья – все новенькое. На столах – какие-то приборы под черными пылезащитными колпаками из пластика.

– Твой друг?

– Нет, – ответил Тернер. – Работал как-то на меня. – Подойдя к ближайшему столу, он откинул один из колпаков. – Что это?

Немаркированная консоль производила впечатление полусырого фабричного прототипа.

– Киберпространственная дека «Маас-Неотек».

Тернер поднял брови:

– Ваша?

– У нас таких две. Вторая – уже на площадке. Получили от «Хосаки». Судя по всему, это самая быстрая штуковина в матрице, а «Хосака» даже не может демонтировать чипы, чтобы скопировать. Совершенно иная технология.

– Это подарок от Митчелла?

– Молчат. Но уже то, что деки вообще выпустили из рук, просто чтобы у наших жокеев был какой-то задел по скорости, показывает, насколько им нужен этот мужик.

– Кто за консолью, Конрой?

– Джейлин Слайд. Это с ней я только что говорил. – Он мотнул головой в сторону двери. – А на площадке – парнишка из Лос-Анджелеса, звать Рамирес.

– Они хороши? – Тернер вернул на место колпак.

– Да уж хотелось бы надеяться, учитывая, во сколько они нам обошлись. Джейлин за последние два года стала круче тучи, а

Рамирес – ее ученик и вроде как дублер. Да блин, – Конрой пожал плечами, – ты же знаешь этих ковбоев. Психи долбаные…

– Где ты их взял? И уж если на то пошло, как ты нашел Оуки?

Конрой улыбнулся:

– Через твоего агента.

Тернер уставился было на Конроя, потом кивнул. Повернувшись, он приподнял край следующего колпака. Чемоданчики из пластмассы и стиролона, аккуратно, но плотно расставленные по холодному металлу стола. Он коснулся синего пластмассового прямоугольника с выдавленной серебристой монограммой на крышке – «S amp;W».

– Твой агент, – сказал Конрой, когда Тернер щелкнул замком.

Револьвер покоился в литом ложе из бледно-голубого пластика; массивный барабан, короткий толстый ствол, некрасивое утолщение под ним.

– «Смит-и-вессон», тактический, калибр десять миллиметров, с ксеноновым подствольным фонарем, – добавил Конрой. – Как он сказал, это то, что тебе нужно.

Тернер взял в руку пушку и большим пальцем надавил клавишу проверки батарейки в фонаре. На орехового дерева рукояти дважды мигнул красный огонек. Тернер погладил барабан, затем вывернул его себе на ладонь.

– Патроны?

– На столе. Заряжаются вручную, головки разрывные.

Тернер отыскал прозрачный тубус из пластика янтарного цвета, открыл его левой рукой и извлек патрон.

– Почему для этого дела выбрали меня, Конрой?

Он осмотрел патрон, потом осторожно вставил его в одно из шести барабанных гнезд.

– Не знаю, – ответил Конрой. – Решили, наверное, едва только пришла весточка от Митчелла, что тебе рано еще на покой…

Тернер щелчком вогнал барабан на место и резко его крутанул.

– Я сказал: почему для этого дела выбрали меня, Конрой? – Обеими руками он поднял револьвер. Вытянул руки, целясь в лицо Конрою. – Когда смотришь в дуло такой пушке, иногда можно, если свет падает удачно, разглядеть, есть ли в стволе пуля. – (Конрой качнул головой, совсем чуть-чуть.) – Или, может быть, увидеть ее в каком-нибудь другом гнезде…

– Нет, – очень мягко отозвался Конрой, – не выйдет.

– А что, если психиатры наврали, Конрой? Что тогда?

– Нет, – повторил Конрой; лицо его оставалось совершенно пустым. – Они не наврали, и ты этого не сделаешь.

Тернер спустил курок. Ударник щелкнул в пустое гнездо. Конрой раз моргнул, открыл рот, закрыл, глядя, как Тернер опускает «смит-и-вессон». Одинокая капля пота скатилась от корней волос и потерялась в брови.

– Ну? – спросил Тернер, держа револьвер у бедра.

Конрой пожал плечами.

– Не ерунди, – сказал он.

– Я настолько им нужен?

Конрой кивнул:

– Это твое шоу, Тернер.

– Где Митчелл? – Тернер снова вывернул барабан и начал заряжать остальные гнезда.

– В Аризоне. Километрах в пятидесяти от границы с Сонорой, в исследовательском центре на вершине плато. «Маас-Биолабс, Северная Америка». Им там принадлежит все до самой границы, а само плато – «яблочко» в центре зоны, захватываемой с четырех спутников наблюдения. Мышь не проскочит.

– И как, по их мнению, мы туда попадем?

– Никак. Митчелл выбирается сам по себе. Мы ждем его, подбираем и доставляем «Хосаке» в целости и сохранности.

Зацепив указательным пальцем расстегнутый воротник черной рубашки, Конрой вытащил сперва нейлоновый шнур, потом маленький, черный, нейлоновый же конверт с застежкой на липучке. Осторожно открыв его, он извлек какой-то предмет, который протянул на открытой ладони Тернеру.

– Взгляни. Вот что он нам прислал.

Положив пушку на ближайший стол, Тернер взял у Конроя штуковину, напоминавшую серый распухший микрософт. Один конец – цоколь стандартного нейровхода, а другой – странное округлое образование, не похожее ни на что виденное Тернером ранее.

– Что это?

– Биософт. Джейлин его уже подключала, на ее взгляд, это продукт вывода с какого-то ИскИна. Что-то вроде досье на Митчелла, с пришпиленным в конец сообщением для «Хосаки». Лучше включись сам, если хочешь быстро войти в курс дела…

Тернер поднял взгляд от серого предмета:

– Ну и как Джейлин ее попытка?

– Она сказала, что, прежде чем вставлять его, лучше прилечь. Ей, похоже, не сильно понравилось.

В машинных снах таится особое головокружение. Тернер прилег в импровизированной спальне на девственно-чистый пласт зеленого темперлона и включился в досье. Начало –

медленное, у Тернера хватило времени закрыть глаза.

Десять секунд спустя его глаза распахнулись. Он вцепился в зеленый темперлон, борясь с подступающей тошнотой. Снова закрыл глаза… Опять наплыв… мерцающий, нелинейный поток фактов и сенсорных данных, что-то вроде повествования, но смонтированного совершенно сюрреалистически. Это отдаленно напоминало американские горки, когда вагончик наугад застывает то в одной, то в другой фазе – сознание то меркнет, то резко проясняется, – а между фазами стремительные перемещения, невероятная частота колебаний, где высота, план и ракурс съемки меняются с каждым биением пустоты. Разве что перемещения эти по природе своей не имели ничего общего с физической ориентацией, а являлись скорее молниеносными сменами в парадигме и системах символов. Эта информация никогда не предназначалась для ввода человеку.

Открыв глаза, Тернер вытащил серый софт из разъема, сжал в липкой от пота ладони. Это было как проснуться от кошмара. Не того, от которого с криком подскакиваешь в постели и в котором импульсивные страхи обретают простые ужасающие формы, а другого, бесконечно более тревожащего нескончаемого сна, где все совершенно и до ужаса обыденно, и все же совершенно *неправильно*…

Подобная *интимность* вызывала отвращение и ужас. Тернер старался побороть волны резкой трансференции, напрягая всю силу воли, чтобы подавить чувство, в чем-то сходное с любовью, с одержимой собственнической нежностью, какую начинает испытывать наблюдатель к объекту продолжительного наблюдения. Он понимал, что дни или часы спустя на поверхность его сознания могут теперь всплыть мельчайшие детали научной биографии Митчелла, или это будет имя любовницы, запах ее тяжелых рыжих волос в солнечном свете сквозь…

Он рывком сел, пластиковые подметки туфель ударились о ржавую палубу. На нем все еще была парка, и лежащий в боковом кармане «смит-и-вессон» больно ударил по бедру.

Это пройдет. Психодосье Митчелла развеется, как испаряется после каждого пользования «лексиконом» испанская грамматика. Он испытал на себе воздействие досье службы безопасности «Мааса», скомпилированное разумным компьютером, – не более того. Тернер убрал биософт в черный конвертик, разгладил большим пальцем липучку и надел на шею шнурок.

Только тут он осознал шорох волн, плещущихся о бока буровой платформы.

– Эй, босс, – сказал кто-то из-за коричневого армейского

одеяла, которое загораживало вход в спальный отсек. – Конрой говорит, пора инспектировать войска. А потом вы с ним двигаете дальше. – Из-за одеяла выдвинулось бородатое лицо Оуки. – Иначе я ведь не стал бы вас будить, так?

– Я не спал, – отрезал Тернер и встал, задумчиво массируя двумя пальцами кожу вокруг вживленного разъема.

– Хреново, – посетовал Оуки. – У меня есть дермы, которые вырубают ну просто подчистую. Один час тютелька в тютельку, потом вдарить классным стимулятором, растормошит и мертвого. Без дураков…

Тернер покачал головой:

– Отведи меня к Конрою.

5
Работа

Марли сняла комнату в маленькой гостинице, где повсюду стояли зеленые растения в тяжелых медных кадках, а коридоры напоминали шахматную доску из вытертого мрамора. Лифт походил на украшенную завитушками позолоченную клетку с панелями розового дерева, от которых пахло лимонным маслом и маленькими сигарами.

Ее номер оказался на пятом этаже. Единственное высокое окно, из тех, что действительно можно было открыть, выходило на авеню. Когда ушел улыбающийся коридорный, Марли рухнула в кресло, чья плюшевая обивка приятно контрастировала с приглушенными красками бельгийского ковра. В последний раз расстегнув молнии, она скинула старые парижские сапоги, потом посмотрела на дюжину глянцевых пакетов, которые коридорный разложил на кровати. Завтра, подумала Марли, завтра она купит чемоданы. И зубную щетку.

– У меня шок, – сказала она сумкам на кровати. – Нужно быть осторожнее. Все теперь кажется нереальным.

Опустив глаза, она увидела дырки на колготках, от пальцев бежали тоненькие стрелки. Марли покачала головой. Ее новая сумочка, которая сейчас лежала на белом мраморном столике у кровати, была черной, сшитой из воловьей кожи, выделанной толсто и мягко, как фламандское масло. Сумочка стоила больше, чем Марли должна была Андреа за квартиру, впрочем, то же относилось и к стоимости одной ночи в гостинице. В сумочке лежали паспорт и кредитный чип, который ей выдали в галерее Дюпре. Счет на ее имя был открыт в орбитальном отделении «Недерландс алгемеен банк».

Марли прошла в ванную комнату, поиграла гладкими бронзовыми рычагами огромной белой ванны. Из японского фильтрационного устройства зашипела горячая ионизированная вода. Гостиница предлагала на выбор пакетики солей для ванн, тюбики кремов и ароматизированного масла. Марли выдавила тюбик масла в наполняющуюся ванну и начала раздеваться, испытав боль потери, когда бросила на пол «Салли Стэнли». Если не считать последнего часа, оставшийся с прошлого сезона жакет был любимой и, пожалуй, самой дорогой вещью Марли за всю ее жизнь. Теперь он стал чем-то, что предстояло унести уборщицам. Возможно, он найдет себе дорогу на какой-нибудь блошиный рынок, одно из тех мест, где она сама в студенческие годы

охотилась за стильными вещами по дешевке…

Ванная наполнилась ароматным паром, зеркала затуманились, побежали струйками влаги, искажающими отражение. Неужели все так просто? Неужели это тонкий золотой кредитный чип Вирека вытащил ее из убожества последних недель прямо в эту гостиницу, где слегка царапают кожу пухлые белые полотенца? Марли сознавала, что испытывает своего рода головокружение, будто балансирует на краю некой пропасти. Господи, насколько же и вправду всемогущи деньги, если их много, по-настоящему много! Только Вирекам мира сего, размышляла Марли, дано это знать, но вполне вероятно, что осознавать это они функционально не способны. Интересоваться об этом у Вирека – все равно что допрашивать рыбу в надежде побольше узнать о воде. *Да, моя дорогая, она мокрая; да, дитя мое, она, конечно же, теплая, надушенная, шершаво-полотенчатая*.

Марли ступила в ванну, легла.

Завтра она сделает прическу. Уже в Париже.

Прежде чем Марли вспомнила о специальной программе, телефон Андреа прозвонил шестнадцать раз. Программа, наверное, все еще подключена, а номера этой маленькой, довольно дорогой брюссельской гостиницы, конечно же, в списке нет. Привстав, она положила трубку радиотелефона на мраморную столешницу, и телефон тут же негромко загудел.

– Посылка с курьером из галереи Дюпре.

Когда коридорный – на этот раз более молодой, смуглый, вероятно испанец, – ушел, она подошла с пакетом к окну, повертела в руках. Какой-то предмет, завернутый в единый лист темно-серой бумаги ручной выделки. Лист был свернут и подогнут тем самым загадочным японским способом, ни клея, ни бечевки, но Марли знала, что, стоит раскрыть посылку, ей уже никогда не завернуть ее обратно. В уголке рельефно выступали название и адрес галереи, а имя Марли и название ее гостиницы были выведены от руки через весь центр посылки изящным курсивом.

Развернув бумагу, она обнаружила, что держит в руках новенький голопроектор «Браун» и плоский конверт из прозрачного пластика. В конверте оказались семь пронумерованных пластинок голофишей. За миниатюрным чугунным балконом заходило солнце, окрашивая золотом Старый город. До Марли доносились автомобильные гудки и крики детей. Она закрыла окно и вернулась к письменному столу. «Браун» оказался обтекаемым черным параллелепипедом, работал проектор от солнечных батарей. Марли проверила

напряжение и, достав из конверта первую голофишу, вставила ее в прорезь.

Над «Брауном» расцвела шкатулка, которую она видела у Вирека в смоделированном парке Гуэля, засияв кристальным разрешением самых лучших музейных голограмм. Золото микросхем и кость, мертвое кружево и тусклый белый шарик, слепленный из глины. Марли покачала головой. Как удалось этому неизвестному – кто бы он ни был – расположить эти обломки, этот хлам так, что он брал за душу, вонзался в нее, как рыболовный крючок? Но потом она кивнула. Этого можно добиться, она-то знает; много лет назад такое делал человек по имени Корнелл, тот тоже создавал шкатулки.

Потом она перевела взгляд влево, туда, где по полированной поверхности стола распласталась элегантная серая бумага. Эту гостиницу, устав ходить по магазинам, она выбрала по чистой случайности. Она ни единой душе не говорила, где она, и, уж конечно, никому в галерее Дюпре.

6
Барритаун

Он пробыл без сознания часов восемь – если верить таймеру на материнском «Хитачи». Очнувшись, уставился на пыльную панель, чувствуя, как впивается в ногу какой-то острый угол. «Оно-Сэндай». Он перекатился на бок. Затхлый запах блевотины.

Потом долго стоял под душем прямо в одежде, не уверенный, а как он, собственно говоря, туда попал. Крутил краны, тер лицо. На ощупь оно казалось резиновой маской.

– Что-то стряслось.

Что-то скверное, огромное – он не был уверен, что именно.

На кафельном полу в душе постепенно росла горка мокрой одежды. Наконец он выключил воду, подошел к раковине и, отбросив с глаз мокрые волосы, всмотрелся в лицо в зеркале. Бобби Ньюмарк, никаких проблем…

– Нет, Бобби, проблема. У нас проблема…

С полотенцем на плечах, оставляя мокрые следы, он прошлепал через узкий коридор в свою крохотную треугольную спальню в задней части кондо. Как только он переступил порог, с готовностью зажегся голографический порномодуль. Полдюжины девушек заулыбались, с очевидной радостью встречая хозяина. Они стояли будто за стенами комнаты, в дымчатой перспективе мучнисто-голубого пространства, их белозубые улыбки и упругие молодые тела казались неоново-яркими. Двое придвинулись ближе и стали ласкать сами себя.

– Хватит, – приказал Бобби.

Проекционный модуль послушно отключился; сказочные девицы исчезли. Раньше модуль принадлежал старшему брату Линга Уоррена; прически и одежда устарели и выглядели довольно нелепо. С девицами можно было поболтать и заставить их делать всякое друг с другом и с самими собой. Бобби вспомнил, как в тринадцать лет был влюблен в Брэнди, брюнетку в синих прорезиненных штанишках. Теперь он ценил проекцию в основном за иллюзию пространства, которую она привносила в импровизированную спальню.

– Что-то, черт побери, стряслось, – повторил он, натягивая черные джинсы и почти чистую рубашку. Он покачал головой. – Что? Что, мать вашу?

Сбой на линии? Какая-то случайная неисправность внутри самой «Ядерной комиссии»? А может, база, в которую он попытался вломиться, как раз в этот момент упала или кто-то

атаковал ее из другого сектора матрицы… Но оставалось еще ощущение от *встречи*, встречи с кем-то, кто… Сам того не осознавая, Бобби вытянул правую руку, умоляюще раскрыл ладонь.

– Блин! – выдохнул он.

Пальцы сжались в кулак. И вдруг все вернулось: сперва ощущение чего-то большого, поистине огромного, что тянется к нему через киберпространство, а потом смутный девичий облик. Стройная, каштановые волосы, затаилась где-то в странной яркой темноте, полной ветра и звезд. Но когда его разум сосредоточился на этих образах, они ускользнули.

Сообразив, что голоден, Бобби сунул ноги в сандалии и направился назад, в сторону кухни, вытирая по дороге голову влажным полотенцем. Проходя через гостиную, он заметил, что с ковра на него уставился горящий глаз индикатора «ВКЛЮЧЕНО» на «Оно-Сэндай». Застыв на месте, Бобби с шумом втянул воздух через стиснутые зубы. Дека все еще подключена. Может ли она до сих пор быть на связи с базой, которую он пытался взломать? Могут ли на базе определить, выжил он или нет? Он понятия не имел. Одно Бобби знал наверняка: у них есть его номер и адрес. Он же не подумал о реле и автоматических обманках, которые помешали бы им запустить обратный поиск.

У них есть его адрес.

Забыв о голоде, Бобби метнулся в ванную и начал копаться в сырой одежде, пока не нашел кредитный чип.

У него было двести десять новых иен, припрятанных в полой пластмассовой ручке универсальной, со сменными жалами, отвертки. Надежно запрятав отвертку и кредитный чип в карман джинсов, он натянул пару самых старых и самых тяжелых своих ботинок, потом выгреб из-под кровати грязную одежду. Нашел черную парусиновую ветровку, по меньшей мере с десятком карманов, один из них, огромный и длинный, тянулся сзади вдоль поясницы – что-то вроде встроенного рюкзака. Под подушкой лежал японский гравитационный нож с оранжевой рукоятью – оружие отправилось в карман на левом рукаве куртки, поближе к обшлагу.

Когда он уходил, вспыхнули сказочные принцессы:

– Бобби, Бобби-и-и-и, вернись, поиграем…

В гостиной он вырвал коннектор «Оно-Сэндай» из торца «Хитачи», свернул оптоволоконный провод и засунул его в карман. То же самое произошло с набором тродов, за ними в карман-рюкзак проскользнул «Оно-Сэндай».

Занавески все еще были задернуты. Бобби почувствовал

прилив нового, радостного возбуждения. Он уходит. Должен уйти. Он успел позабыть трогательную нежность к этому месту, порожденную прикосновением смерти. Осторожно раздвинув шторы, Бобби выглянул в образовавшуюся щель размером с ноготь большого пальца.

Вечерело. Через несколько часов на темных громадах Новостроек замигают первые огни. Большая Площадка уходила вдаль, как бетонное море. На противоположном его берегу вставали Новостройки – гигантские прямоугольные строения, кое-где смягченные случайными наслоениями подвесных оранжерейных террас, рыборазводных резервуаров, систем солнечного отопления и вездесущих антенных блюдец. Дважды-в-День сейчас, наверное, там, спит в своем мире, который Бобби никогда не видел, в мире самодостаточного здания-улья. Дважды-в-День спускался в Барритаун обделать свои делишки, в основном с тамошники хотдоггерами, а потом взбирался обратно наверх. Бобби всегда казалось, что наверху хорошо – сколько всего происходило на балконах по ночам! Среди красных пятен костров стайками обезьянок в одном белье крутились ребятишки, такие маленькие, что их едва было видно. Иногда ветер менялся, и на Большую Площадку сносило кухонные запахи, а иногда было видно, как из какой-нибудь потайной страны высоко-высоко на крыше отчаливает дельтаплан. И всегда – сплав сотен ритмов из тысяч динамиков, волны музыки, которая пульсирует и растворяется в порывах ветра.

Дважды-в-День никогда не говорил о том, какая жизнь там, где живет он. Дважды-в-День говорил о деле или, если желал вести светскую беседу, о женщинах. То, что Дважды-в-День говорил о женщинах, сильнее всего и заставляло Бобби мечтать вырваться из Барритауна, но он прекрасно понимал, что бизнес – его единственный билет отсюда. Правда, теперь дилер ему был нужен совсем по другой причине – происходящее оказалось ему, Бобби, совершенно не по зубам.

Может, Дважды-в-День скажет ему, что происходит. Предполагалось же, что ничего опасного не будет. Дважды-в-День сам выбрал для Бобби эту базу, потом дал напрокат софт, необходимый для того, чтобы прорваться внутрь. И Дважды-в-День был готов перепродать все, что удалось бы оттуда вытащить. Так что толкач должен знать. Во всяком случае, хоть *что-то*.

– У меня нет даже номера твоего телефона, мужик, – сказал Бобби, обращаясь к Новостройкам и отпуская штору.

Может, нужно оставить что-то для матери? Записку?

– Уношу ноги, – сказал он комнате у себя за спиной, – и куда *подальше*. – И вот он уже за дверью и бежит по коридору,

направляясь к лестнице. – *Навсегда,* – добавил он, пинком распахивая входную дверь.

Большая Площадка выглядела вполне безопасно, если не считать одинокого полуголого торчка, погруженного в яростный спор с Господом Богом. Бобби обошел торчка по широкой дуге – тот кричал, подпрыгивал и рубил воздух ударами карате. Голые ноги полоумного были покрыты засохшей кровью вперемешку с пылью, на голове у него топорщились остатки того, что было, вероятно, прической долика.

Большая Площадка – нейтральная территория, по крайней мере теоретически, и долики с год назад заключили – правда, достаточно непрочный – союз с готиками. У Бобби были довольно прочные связи среди готиков, хотя он и сохранял за собой статус независимого. Барритаун – рисковое место для того, чтобы быть независимым. Во всяком случае, думал Бобби, пока стихала за спиной гневная тарабарщина торчка, банды создают хоть какую-то структуру. Если ты готик, а тебя покоцали фоннаты – в этом есть хоть какой-то смысл. Может, основная причина и совершенно идиотская, зато есть правила. А независимым достается и от местных обдолбанных маньяков, и от хищных одиночек, рыскающих по окраинам Ржавого Пояса[11] до самого Нью-Йорка. Вспомнить хоть Сборщика Пенисов прошлым летом, этот тип таскал свою добычу в кармане в пластиковом мешке…

Сколько Бобби себя помнил, он пытался отыскать способ выбраться из этого ландшафта, – или, во всяком случае, теперь ему так казалось. Теперь, когда он шел в клуб и по спине ему била спрятанная во внутреннем кармане киберпространственная дека. Как будто и она тоже подгоняла его выбраться.

– Давай же, Дважды-в-День, – сказал он расплывчатым силуэтам Новостроек, – спускай сюда свою жопу и окажись у Леона, когда я туда дойду, ладно?

Дважды-в-День у Леона не было.

Никого там не было, если не считать самого Леона, который копался полуразогнутой скрепкой во внутренностях настенного экрана.

– Чего бы тебе не взять молоток и не шарашить по этой хреновине, пока не заработает? – спросил Бобби. – Толку было бы примерно столько же.

Леон поднял глаза. Лет ему, вероятно, было под сорок, но точнее не скажешь. Леон, казалось, вообще не принадлежал ни к какой расе или же представлял отдельную расу сам по себе. Множество гипертрофированных лицевых костей, жуткие глаза и грива вьющихся, поглощающих свет черных волос. Его

подвальный пиратский клуб последние два года был постоянной составляющей жизни Бобби.

Теперь вот Леон тускло уставился на него своими кошмарными глазами. Хитиново-серые зрачки подернуты прозрачным оливковым налетом. Глаза Леона неизменно наводили Бобби на мысль об устрицах и о лаке для ногтей. Две вещи, о которых не слишком приятно думать в сочетании с глазами. Цветом они походили на материал для обивки табуретов в барах.

– Я только хотел сказать, что так, просто в нее тыкая, эту хрень не наладишь, – чувствуя себя не в своей тарелке, добавил Бобби.

Медленно покачав головой, Леон вернулся к своим изысканиям. Люди платили за то, чтобы попасть в клуб, поскольку его владелец промышлял пиратскими фильмами и симстим-записями с кабеля, гоняя многое такое, что барритаунцы иначе не могли себе позволить. В задней комнате заключались сделки и можно было внести «пожертвования» на спиртное, в основном чистый самогон из Огайо, разбавленный каким-то синтетическим апельсиновым напитком, который Леон добывал в промышленных количествах.

– Гм, скажи, Леон, – снова начал Бобби, – ты в последнее время не видел Дважды-в-День?

Кошмарные глазки снова глянули вверх и смотрели на Бобби, казалось, целую-целую вечность.

– Нет.

– Может, прошлым вечером?

– Нет.

– А позапрошлым?

– Нет.

– Вот как? Ладно. Спасибо.

Нет смысла приставать к Леону. Если на то пошло, есть множество причин этого не делать. Бобби оглядел просторное полутемное помещение, симстим-модули и неосвещенные киноэкраны. Клуб представлял собой череду одинаковых комнатушек в подвале наполовину пустующего блочного комплекса, отданного под однокомнатные квартиры и текстильные мини-цеха. Отличная звукоизоляция: снаружи музыки вообще не слышно. Сколько раз по ночам, когда в голове грохотали рок и «колеса», он вываливался от Леона на улицу будто в магический вакуум тишины, от которой гудело в ушах всю дорогу через Большую Площадку.

Теперь у него оставался еще час до того, как станут прибывать первые готики. Дилеры – в основном черные с

Новостроек или белые из города либо с какой-нибудь окраины – не покажутся до тех пор, пока здесь не будет приличной грядки готиков, которую можно окучивать. Ничто так не портит репутацию дилера, как торчать в клубе и ждать у моря погоды – это же значит, что ты ни хрена ловить не умеешь. Ни один по-настоящему крутой дилер не станет ошиваться у Леона просто так, за-ради удовольствия. Не то что хотдоггерский сброд со своими дешевыми деками, собирающийся у Леона по выходным посмотреть японскую киношку о ледорубах.

Но ведь Дважды-в-День не из таких, говорил Бобби самому себе, поднимаясь по бетонным ступеням, Дважды-в-День знает, к чему стремиться. Подальше от Новостроек, подальше от Барритауна, подальше от Леонова клуба. В Город. В Париж или даже, может быть, Тибу. «Оно-Сэндай» бил по пояснице. Бобби вспомнил, что кассета с ледорубом Дважды-в-День так и осталась внутри. Бобби ни с кем не хотелось объясняться по этому поводу. Он прошел мимо киоска новостей. За пластиковым окошком по зеркальному желобу полз желтый ньюсфакс нью-йоркского издания «Асахи Симбун» – в Африке рухнуло какое-то правительство, русские делают что-то на Марсе…

Было то время суток, когда все видится очень отчетливо, когда явственно проступает любая мелочь на другой стороне улицы. Свежая зелень, только-только начинающая пробиваться на темных ветвях чахнущих в дырах асфальта деревьях. И вспышка стальной пряжки на сапоге девушки в дальнем конце квартала видна так ясно, как будто смотришь сквозь особую воду, которая обостряет зрение, даже если уже почти темно. Он повернулся и стал смотреть вверх на Новостройки. Целые этажи там были вечно темными: то ли заброшены, то ли окна там зачернены. Интересно, что там происходит? Возможно, он когда-нибудь спросит об этом у Дважды-в-День.

Бобби поглядел время на часах с эмблемой «Кока-колы» в газетном киоске. Мать уже, наверное, вернулась из Бостона, должна была вернуться, иначе пропустит серию любимого «мыла». Да уж, вернулась – с новой дыркой в голове. Она и без того чокнутая. Разъем, который она вживила себе еще до его рождения, вполне нормально работал, но она вот уже несколько лет ныла о помехах, плохом разрешении и сенсорных перегрузках, так что скопила наконец кредита, чтобы поехать в Бостон и заменить разъем. Дешевка, а не клиника, даже не нужно заранее договариваться об операции. Входишь, они раз – и вбивают тебе в голову железку с кремнием… Да уж, знает он мамашу… Вот она входит в гостиную с завернутой в косынку бутылкой под мышкой и, даже не сняв плаща, идет к «Хитачи»,

чтобы подключиться и мылить себе мозги добрых шесть часов кряду. Взгляд у нее становится расфокусированным, и временами, если серия особо захватывающая, она пускает слюни. Примерно каждые двадцать минут она вспоминает деликатно, по-дамски пригубить из бутылки.

Она всегда была такой, сколько он ее помнил. Постепенно соскальзывала глубже и глубже в иные, синтетические жизни, в мир многосерийных симстим-фантазий, о которых Бобби приходилось выслушивать всю свою жизнь. Он до сих пор не мог отделаться от жутковатого ощущения, что некоторые персонажи, о которых она так много говорила, – это его родственники, богатые и прекрасные тетушки и дядюшки, которые могли бы однажды и объявиться, не будь он таким маленьким засранцем. Может быть, думал он теперь, в каком-то смысле так оно и есть. Она подрубалась к этой фигне в течение всей беременности – сама ему об этом рассказывала, – так что свернувшийся там, у нее внутри, будущий Бобби Ньюмарк впитал в себя тысячи и тысячи часов «Важных мира сего» и «Атланты». Но об этом он не любил думать – о том, что лежал, свернувшись, в животе Марши Ньюмарк. От этого он потел и к горлу подступала тошнота.

Мама Марша. Только в последний год или около того Бобби начал достаточно хорошо понимать окружающий мир (как он теперь это сознавал), чтобы спросить себя, как же ей удается жить такой жизнью – если это можно, конечно, назвать жизнью, – между ее бутылкой и призраками из разъема? Время от времени, когда она была в подходящем настроении и после нужного числа глотков, она еще пыталась рассказывать байки о его отце. С четырехлетнего возраста Бобби знал, что все это дерьмо собачье, поскольку детали раз от разу менялись, но с годами он даже начал находить в этих историях определенное удовольствие.

В нескольких кварталах к западу от клуба Леона нашелся разгрузочный тупик, отделенный от улицы мусорным контейнером, на щербатых и погнутых стенках которого поблескивала свежая синяя краска. Над тупичком косо висела одинокая галогенная трубка. Бобби отыскал удобный бетонный выступ и сел, стараясь не прижать к стене «Оно-Сэндай». Иногда приходится просто ждать. Это было одним из правил, которым научил его Дважды-в-День.

Контейнер был до краев завален мешаниной самых разнообразных промышленных отбросов. Барритаун не обошелся без своей доли «серых», полулегальных производителей, той самой «теневой экономики», о которой так любят трепаться физиономии в новостях. Бобби никогда не обращал внимания на эти рожи. Бизнес. Все это бизнес – ни больше ни меньше.

Вокруг галогенной трубки мельтешили по кривым орбитам мотыльки. Пустым взглядом Бобби смотрел, как трое малышей, самое большее лет десяти, штурмовали синюю стену контейнера при помощи грязно-белой нейлоновой веревки с привязанной к ней самодельной «кошкой», которая, вполне вероятно, раньше была частью одежной вешалки. Когда в самую гущу мусорного пластика перевалил последний, веревка быстро утянулась наверх. Мусор тут же начал шуршать и поскрипывать.

Совсем как я, подумал Бобби, я тоже раньше возился в таком же дерьме, заваливая комнату трендец диким хламом. Однажды сестра Линга Уоррена нашла в таком контейнере чью-то почти целую руку, рука была завернута в зеленый пластик, стянутый резинками.

Когда у Мамы Марши случались на час-другой приступы религиозности, она заявлялась в комнату Бобби, выметала весь его лучший хлам и налепляла над кроватью какие-нибудь жуткие самоклеющиеся голограммы. Может, Иисуса, может, Хаббарда, может, Деву Марию. Когда на нее находило, ей это, в общем, было без разницы. Обычно это основательно выводило Бобби из себя, пока не настал тот день, когда он настолько вырос, что пришел в гостиную с молотком в руках и занес его над «Хитачи»: попробуй, мол, только еще раз тронуть мои вещи, и я прикончу твоих друзей, мама, всех до одного. Она никогда больше не пробовала. Но клеющиеся голограммы все же как-то на Бобби подействовали, поскольку религия стала для него чем-то, что он, как ему казалось, рассмотрел и отложил в сторону. Он пришел к выводу, что есть люди, которые по природе своей нуждаются в этом дерьме. Вероятно, такие были всегда – но сам он не из них, а значит, ему оно и не нужно.

Над стенкой контейнера показалась мордочка одного из малышей, вот он запрыгнул на край и, сощурившись, оглядел прилегающую территорию, потом снова скрылся из виду. Послышался глухой скрежет. Белые ручонки перекинули через стенку побитую жестяную канистру и стали спускать ее на веревке вниз. Хорошая добыча, подумал Бобби, такое можно толкнуть торговцу металлом и даже чего-то выручить. Канистра легла на тротуар примерно в метре от ботинок Бобби. Коснувшись асфальта, она случайно повернулась, показав ему шестирогий символ биологической опасности.

– Эй, мать вашу! – выдохнул он, рефлекторно отдергивая ногу.

Один из малышей соскользнул вниз по веревке и выровнял канистру. За ним спустились оставшиеся двое. Тут Бобби увидел, что они еще младше, чем он думал.

– Эй, – сказал он, – а вы знаете, что это может оказаться настоящая дрянь? Подхватите рак и все такое прочее.

– Полижи собаке жопу, пока кровь не потечет, – посоветовал ему тот, что спустился первым, пока остальные отцепляли «кошку» и сворачивали веревку; потом ребятишки потащили канистру за угол контейнера и скрылись из виду.

Он дал себе еще полтора часа. Достаточно времени: у Леона уже начинало бурлить.

По меньшей мере двадцать готиков картинно позировали в основной комнате – этакое стадо детенышей динозавров: вздрагивают и подпрыгивают гребни залаченных волос. Большинство приближалось к готическому идеалу: высокие, сухощавые, мускулистые, но с оттенком мрачной неудовлетворенности – молодые атлеты на ранних стадиях чахоточного увядания. Кладбищенская бледность была обязательной, а волосы готиков были по определению черными. Бобби знал, что тех немногих, кто не смог исказить свое тело так, чтобы вписаться в канон субкультуры, лучше избегать: невысокий готик – неприятности, толстый готик – убийство.

Сейчас он смотрел, как они извиваются и поблескивают у Леона единым составным существом, скользкой трехмерной головоломкой с рваной поверхностью из черной кожи и стальных шипов. Почти идентичные лица, черты которых смоделированы сообразно древним архетипам, позаимствованным из видеоклассики. Бобби выбрал ну вылитого Джеймса Дина[12], чей гребень покачивался, как брачный танец ночной ящерицы.

– Брат, – начал Бобби, будучи не совсем уверенным, встречал ли он этого парня раньше.

– Брателло, – лениво отозвался дин, его левая щека была оттянута смоляной жвачкой. – Это Счет, беби. – Как бы в сторону, своей девушке: – Прерывание на Счет Ноль. – Длинная бледная рука со свежими струпьями на тыле запястья погладила округлый задок под черной юбкой. – Счет, это моя мочалка.

Готическая девица поглядела на Бобби с умеренным интересом, но безо всякой вспышки человеческого узнавания, как будто перед ней возникла реклама продукта, о котором она слышала, но вовсе не собиралась покупать.

Бобби оглядел толпу. Множество пустых лиц, но ни одного знакомого. И никакого Дважды-в-День.

– Слушай, – Бобби доверительно понизил голос, – это, знаешь, в общем-то, не так уж срочно, но я ищу одного близкого друга, делового друга… – (Готик на это глубокомысленно качнул гребнем.) – Проходит как Дважды-в-День… – Бобби помедлил;

готик отрешенно жевал свою смолу; девица явно скучала, ей было неспокойно. – Толкач, – добавил он, поднимая брови, – черный толкач.

– Дважды-в-День, – промычал готик. – Конечно. Дважды-в-День. Правильно, беби?

Девица вскинула голову и отвела взгляд.

– Ты его знаешь?

– Конечно.

– Он сегодня здесь?

– Нет, – бессмысленно улыбнулся готик.

Бобби открыл было рот, закрыл его и заставил себя кивнуть.

– Спасибо, брат.

– Для брата – все что угодно, – механически отозвался готик.

Еще час, и все на том же самом месте. Слишком много белого, меловой готической белизны. Накрашенные плоские глаза девиц, каблуки сапог, как эбеновые иглы. Бобби старался держаться подальше от комнаты с симстимами, где Леон гонял трендец свихнутую пленку о долбежке в джунглях, швырявшую зрителя то в одно, то в другое животное, ни сна ни продыху в кронах, и голова кругом. Бобби уже так проголодался, что голова казалась легкой и будто расширялась изнутри – или, может, это был остаточный эффект того, что случилось с ним в матрице? Но теперь ему все с большим трудом удавалось сосредоточиться, и мысли уплывали в самых неожиданных направлениях. Например: кто же умудрился залезть на эти кишащие змеями деревья, чтобы приспособить, ну, скажем, вот этих вот крыс для стим-съемки?

Готики, однако, на это клевали. Идентификация с древесными крысами – в полный рост. Можно поздравить Леона с новым хитом.

Совсем рядом, слева от него, но на значительном расстоянии от симстима, стояли две девушки с Новостроек. Их причудливая экипировка резко контрастировала с монохромностью готиков. Длинные черные фраки открывали узкие красные жилетки из шелковистой парчи, полы огромных белых рубашек свисали значительно ниже колен. Темные лица были затенены широкими полями федор[13], проколотых и увешанных фрагментами антикварных побрякушек: булавок, коронок, шпилек, даже механических часиков – и все золотое. Бобби тайком наблюдал за ними. Одежда говорила о том, что у них есть деньги, – но и о том, что найдется кому позаботиться, дабы любой, кто позарится на эти побрякушки, не сносил головы. Дважды-в-День как-то раз спустился с Новостроек в наряде из льдисто-голубого вельвета с алмазными пряжками у колен, как будто у него не было времени переодеться. Бобби тогда вел себя так, как будто толкач одет в

обычную свою коричневую кожу. Он давно решил, что в делах главное – космополитический подход.

Он попытался представить себе, что подходит к этим дамочкам, этак небрежно и плавно, подходит, представляется с поклоном и говорит: «Дорогие мои, я уверен, вы знаете моего доброго знакомого, мистера Дважды-в-День». Но обе они были старше его, выше ростом и держались с пугающим достоинством. Скорее всего, они просто рассмеются, но почему-то вот этого Бобби совсем не хотелось.

А хотелось ему сейчас, и даже очень, чего-нибудь съесть. Бобби пощупал сквозь грубую ткань джинсов кредитный чип. Пожалуй, стоит перейти улицу и купить сэндвич… Тут он вспомнил, почему он здесь, и внезапно ему показалось, что пользоваться чипом было бы не очень разумно. Если его сорвавшийся рейд засекли, у них уже есть номер его чипа; а если он использует чип, то засветится в киберпространстве. Любой, кто охотится за ним в матрице, увидит чип в решетке Барритауна, как мигание фар дальнего света на темном футбольном поле. У него есть наличные, но за еду ими не заплатишь. Иметь их при себе – в этом нет ничего незаконного; просто никто никогда не делал с деньгами ничего легального. Придется найти готика с чипом, купить за новые иены кредит – скорее всего, с грабительской скидкой, потом заставить готика заплатить за еду. И чем, скажите на милость, брать сдачу?

«Может, ты просто себя накручиваешь», – сказал он самому себе. Он же не знает наверняка, проследил ли кто-нибудь его обратный путь, да и база, которую он пытался взломать, была вполне добропорядочной. Во всяком случае, ей полагалось быть таковой. Вот почему Дважды-в-День велел ему не беспокоиться насчет черного льда. Кто станет ограждать смертельными программами обратной связи портал, сдающий в прокат мягкое порно? План в том и заключался, что Бобби умыкнет пару часов цифрового кино, самого свежего, которое еще не просочилось на пиратский рынок. Из-за такой добычи не убивают…

Но кто-то же попытался. И случилось что-то еще. Что-то совсем иное. Он снова потащился вверх по лестнице, прочь из клуба. Бобби прекрасно понимал, что существует много всякого, чего он о матрице не знает, но никогда ему еще не доводилось слышать ни о чем настолько диком… Есть, конечно, истории о духах и привидениях… есть полоумные хотдоггеры; он сам слышал, как парочка таких клялась, что они видели в киберпространстве черт знает что. Правда, он тогда подумал про себя, что эти вильсоны просто подключились под кайфом. Словить глюк в матрице можно с той же легкостью, как и в любом

другом месте…

А вдруг именно это и произошло? Голос был просто частью умирания, обнуления мозговых процессов – какой-нибудь безумный фортель, выкинутый мозгом, чтобы облегчить тебе смерть, плюс сбой в источнике питания там на базе или, может, частичное затемнение в их секторе решетки, так что лед ослабил хватку как раз на его нервной системе.

Может быть. Но он ведь ничего толком не знает. Ни черта не знает. Не так давно его начало грызть собственное невежество, стало казаться серьезным препятствием на том пути, какой он для себя наметил. Он не особенно задумывался об этом раньше, но он же и вправду ничего… ну, в общем, ни о чем не знает. По правде говоря, пока он не начал топтать деку, ему казалось, он знает все, что нужно. Прямо как готики. Вот почему они отсюда никуда не денутся и будут сгорать на «пыли» или насмерть меситься с фоннатами, и естественный отбор оставит в результате какой-то процент, который непонятным образом превратится в следующую волну барритаунцев, рожающих детей и покупающих кондо, чтобы все шло по новой.

Он – как ребенок, который вырос возле океана, воспринимая его как нечто само собой разумеющееся, как небо над головой, но ничего не зная ни о течениях, ни о маршрутах перевозок, ни о прихотях погоды. Деками он пользовался еще в школе, считай игрушечными. Тебя, как на ракете, выносило в беспредельный космос, который не был космосом, – в немыслимо сложную консенсуальную галлюцинацию человечества – в матрицу киберпространства. Киберпространства, где огромные корпоративные базы пылают, как неоновые сверхновые, данные в которых нагромождены так плотно, что, если ты пытаешься разглядеть нечто большее, нежели простейший силуэт, у тебя начинает раскалываться голова.

Но с тех пор, как взялся за деку всерьез, кое-что он стал понимать. Ну просто до смешного мало он знает о том, как все это работает. И не только в матрице. Каким-то образом это понимание выплеснулось через край, и он начал задумываться, задумываться и задавать вопросы. Какой механизм управляет Барритауном? Что поддерживает на плаву мать? Почему готики и фоннаты с такой энергией пытаются перебить друг друга? Или почему Дважды-в-День чернокожий и живет где-то в Новостройках и что это меняет?

Идя к выходу, Бобби не переставал искать дилера. Белые лица, снова белые лица. В животе урчало. Бобби подумал о свежей упаковке пшеничных отбивных. Дома, в морозильнике – поджарить бы их с соей и разорвать пакет с вафлями из криля…

Проходя мимо киоска, он снова сверился с кока-кольными часами. Марша уже, конечно, дома, погружена в лабиринт хитросплетений «Важных мира сего», в жизнь героини сериала, которую делит с ней, благодаря разъему, вот уже более двадцати лет. Ньюсфакс «Асахи Симбун» все прокручивался в своем окошечке, и Бобби подошел поближе как раз в тот момент, когда выскочило первое сообщение о взрыве в блоке «А» на третьем уровне «Ковина-Конкорс-Кортс», Барритаун, Нью-Джерси…

Потом сообщение пропало, убежало вниз, а вместо него вылез репортаж об официальных похоронах кливлендского босса якудза. Традиции незыблемы. У всех в руках черные зонты.

А он всю свою жизнь прожил на третьем уровне блока «А».

Над городом нависло огромное нечто, нависло, чтобы раздавить в лепешку Маршу Ньюмарк и ее «Хитачи». Но, конечно же, взорвать хотели не ее – его.

– Да, кто-то не теряет времени даром, – услышал он собственный голос.

– Эй! Братан! Счет! Ты что, обдолбался, брат? Эй! Ты куда?

Глаза двух динов вылезли из орбит, провожая взглядами его паническое бегство.

7
Город в пустыне

Конрой резко крутанул руль влево, заставив синий «фоккер» свернуть с выветренной ленты довоенного шоссе, и сбросил скорость. Петушиный хвост бледной пыли, тянувшийся за ними от Нидлеса, начал оседать. Затормозив, ховер опустился на свою воздушную подушку.

– Вот и место сбора, Тернер.

– Что тут стряслось? Что прикончило этот город?

Прямоугольник бетонной площадки убегал к неровным стенам полуразвалившихся выгоревших зданий.

– Экономика, – отозвался Конрой, – еще до войны. Его так и не достроили. В десяти минутах езды к западу – разметка на целые кварталы, под мостовые и фундаменты. И никаких домов, ничего.

– Сколько человек в команде?

– Девять, не считая тебя. Плюс медики.

– Какие еще медики?

– Из «Хосаки». «Маас» занимается биотехнологиями, так? Кто знает, чем они могли начинить нашего мальчика? Так что «Хосака» собрала небольшой, но профессиональный нейрохирургический бокс, обслуживают его три спеца. Двое – люди компании, а третья, кореянка, собаку съела на подпольной медицине. Трейлер хирургов в том длинном бараке. – Он указал влево. – Там сохранилась часть крыши.

– Как его сюда затащили?

– Привезли из Тусона внутри бензовоза. Изобразили аварию. Выволокли из цистерны, закатили внутрь. Для этого понадобились все имеющиеся руки. Ушло минуты три, наверное.

– «Маас»? – спросил Тернер.

– Конечно. – Конрой заглушил моторы. – Неизбежный риск, – произнес он во внезапно наступившей тишине. – Может, они его и проморгали. Наш парень – шофер бензовоза – все время ругался по рации с тусонским диспетчером, что этот сраный теплообменник у него в печенках уже сидит и сколько, мол, понадобится времени, чтобы его наладить. Уверен, они это слышали. Знаешь способ получше?

– Нет. Поскольку клиент желает, чтобы эта махина стояла тут. Но мы торчим посреди зоны покрытия их спутников.

– Сердце мое, – фыркнул Конрой, – а может, мы просто остановились потрахаться. Привал по дороге в Тусон, да? Здесь

как раз такое место. Знаешь ли, тут люди останавливаются, чтобы пописать. – Он сверился с черным хронометром «порше». – Я должен быть там через час, обратный вертолет на побережье уже, наверно, ждет.

– На платформу?

– Нет. За твоим чертовым истребителем. Решил сам с ним разобраться.

– Хорошо.

– Я, правда, выбрал бы экранолет «Дорнье». Оставил бы его ждать чуть дальше по дороге, пока не увидим, что Митчелл на подходе. Экранолет подкатывает, когда медики уже почистили Митчелла. Мы забрасываем его внутрь и летим к границе Соноры…

– На дозвуке, – сказал Тернер. – Не выйдет. Ты отправляешься в Калифорнию покупать истребитель с вертикальным взлетом. Наш мальчик вылетит отсюда на многоцелевом боевом самолете, который еще даже не успел устареть.

– У тебя есть пилот на примете?

– Я. – Тернер постучал по разъему за ухом. – Там управление полностью интерактивное. Тебе продадут софт для интерфейса, а я подключусь напрямую.

– Не знал, что ты умеешь управлять самолетом.

– Не умею. Но до Мехико можно и без летного опыта.

– Ты все тот же рисковый парень, а, Тернер? Знаешь, ходят слухи, что тебе там, в Нью-Дели, взрывом член оторвало? – С холодной и делано невинной ухмылкой Конрой повернулся, чтобы взглянуть в лицо Тернеру.

Тернер выкопал из-за сиденья парку, достал револьвер и коробку с патронами. Он уже начал было заталкивать парку назад, но Конрой сказал:

– Возьми с собой. По ночам тут адский холод.

Тернер потянулся к замку, Конрой уже снова запускал моторы. Поднявшийся на несколько сантиметров ховер слегка качнулся, когда Тернер резко откинул дверцу кабины и выбрался наружу. Слепящее солнце и горячий бархат воздуха. Вынув из кармана синей спецовки мексиканские противосолнечные очки, Тернер надел их. На нем были белые теннисные туфли и тропический армейский костюм. Коробка патронов пошла в один из боковых карманов штанов. Револьвер он оставил в правой руке, парка свернута под локтем левой.

– Иди к длинной постройке! – крикнул Конрой, перекрывая шум моторов. – Там тебя ждут.

Тернер спрыгнул вниз – в доменный жар и сияние пустынного полдня, а Конрой, развернув «фоккер», вывел его назад на трассу.

Тернер смотрел, как ховер набирает скорость, уходя на восток, его уменьшающийся силуэт перекашивало дрожащим маревом поднимающегося от асфальта жара.

Когда «фоккер» скрылся из виду, стало совсем тихо. Никакого движения. Тернер повернулся к развалинам. Меж двух валунов метнулось что-то маленькое и серое.

На расстоянии метров восьмидесяти от трассы начинались зазубренные стены. Утрамбованной площадке перед ними когда-то предстояло стать автостоянкой.

Пять шагов вперед… Тернер остановился. Внезапно он услышал море, грохот прибоя, мягкие взрывы, с которыми опадали волны. Пушка в руке – слишком большая, слишком реальная, металл уже греется на солнце.

Нет моря, сказал он самому себе, никакого моря, ничего здесь не слышно. Он пошел дальше, теннисные туфли скользили по россыпям битого оконного стекла, сдобренного бурыми и зелеными кругляшами бутылочных осколков. Ржавые диски, бывшие когда-то бутылочными пробками, сплющенные прямоугольники – трупы алюминиевых банок. Над низкими островками кустов роились насекомые.

Прошло. Кончено. Есть это место. Нет времени.

Он опять остановился, подавшись вперед, будто выискивая то, что помогло бы ему назвать нечто неуклонно в нем нараставшее. Какая-то пустота…

Этот город мертв вдвойне. Отель на мексиканском пляже все-таки был когда-то живым, хотя бы один сезон…

За автостоянкой – залитый солнцем выгоревший блок, дешевый и бездушный. Выжидающий.

Они сидели на корточках в узкой полоске тени от серой стены. Трое. Еще до того, как их увидеть, Тернер почувствовал запах кофе, закопченный котелок ненадежно балансировал на крохотном примусе. Конечно, запах предназначался ему – это значило, что его ждут. Иначе развалины оказались бы пусты, а потом он умер бы – каким-то образом, очень тихо и почти естественно.

Двое мужчин и женщина. Потрескавшиеся ковбойские сапоги. Грубый хлопок одежды настолько засален, что, наверное, даже не пропускает воду. Мужчины бородаты, нестриженые волосы стянуты сзади сыромятными шнурками в выгоревшие на солнце пучки. Волосы женщины разделены на прямой пробор и убраны с обветренного, в шрамах, лица. К стене прислонен древний мотоцикл «БМВ» – хромировка в пятнах грязи и ржавчины, облупившаяся краска замазана пятнами пульверизаторной эмали

бежево-серого пустынного камуфляжа.

Он отпустил рукоять «смит-и-вессона», дав револьверу прокрутиться на спусковой скобе вокруг указательного пальца, ствол в результате уставился назад и вверх.

– Тернер, – сказал, поднимаясь, один из мужчин, во рту у него сверкнул дешевый металл. – Я Сатклифф. – Легкий акцент, австралийский, что ли.

– Передовая команда? – Он поглядел на остальных.

– Передовая. – Запустив большой и указательный палец в рот, Сатклифф извлек пожелтевший протез со стальными коронками. Его собственные зубы были белыми и совершенно ровными. – Ты вывез Шове из «Ай-Би-Эм» в «Мицу», – сказал он, – и еще, говорят, вытащил Семенова из Томска.

– Это вопрос?

– Я работал в службе безопасности «Ай-Би-Эм» в Марракеше, когда ты взорвал гостиницу.

Тернер встретился с ним взглядом. Глаза у Сатклиффа были голубые, спокойные и очень яркие.

– Это осложняет дело?

– Ничуть, – усмехнулся Сатклифф. – Просто хочу сказать, что видел тебя в деле. – Он щелчком поставил протез на место. – Линч. – Кивок в сторону второго мужчины. – И Уэббер. – В сторону женщины.

– Какой тут расклад? – спросил Тернер, задвигаясь глубже в клочок тени. Он присел на корточки, все еще не выпуская из рук револьвера.

– Мы приехали три дня назад, – начала Уэббер, – на двух байках. Подстроили так, чтобы у одного из них сломался кардан, на случай, если нам понадобится предлог, чтобы разбить здесь лагерь. Население здесь редкое, временное: кочующие байкеры и сектанты. Линч прошел шесть километров на восток с катушкой оптоволоконного кабеля и подключился к телефону…

– Частному?

– Платному, – ответил за нее Линч.

– Мы отправили тестовый пакет, – продолжала женщина. – Если бы не сработало, ты бы уже знал.

Тернер кивнул.

– Входящий трафик?

– Ничего. В самый раз для большого спектакля, что бы это ни было. – Она вопросительно подняла брови.

– Побег.

– Что довольно очевидно, – снова вмешался Сатклифф, устраиваясь рядом с Уэббер спиной к стене. – Хотя общий тон операции заставляет предположить, что нам, шестеркам, не

положено знать, кого мы извлекаем. Так, мистер Тернер? Или мы услышим об этом только в новостях?

Тернер его проигнорировал.

– Продолжай, Уэббер.

– После того как мы разобрались на местности и протянули кабель, по одному-двое просочились остальные. Последний проинструктировал нас относительно консервной банки с япошками.

– Грубая работа, – вставил Сатклифф. – Не стоило так высовываться.

– Думаешь, мы засветились? – спросил Тернер.

Сатклифф пожал плечами:

– Может, засветились, может, и нет. Перебросили мы ее довольно быстро. Хорошо еще, тут оказалась какая-никакая крыша, было где спрятать.

– Как насчет пассажиров?

– Они выходят только ночью, – сказала Уэббер. – И знают, что мы убьем их, если они попытаются отойти дальше чем на пять метров от трейлера.

Тернер взглянул на Сатклиффа.

– Приказ Конроя, – ответил тот.

– С настоящего момента все приказы Конроя недействительны, – сказал Тернер, – за исключением этого. Что они за люди?

– Медики, – сказал Линч, – подпольные врачи.

– Именно так, – отозвался Тернер. – А что остальные члены команды?

– Мы натянули пару навесов из маскировочного брезента. Спят посменно. Тут не хватает воды, и мы не можем особо рисковать с готовкой. – Сатклифф потянулся за кофейником. – Часовые на местах, и мы периодически проверяем кабель, нет ли где обрыва. – Он плеснул кофе в красную пластмассовую кружку, которая выглядела так, как будто ее жевала собака. – Так когда наш выход, мистер Тернер?

– Мне надо взглянуть на вашу жестянку с ручными медиками. И осмотреть командный пункт. Вы ничего не сказали о командном пункте.

– Все устроено, – сказал Линч.

– Прекрасно. Вот, – Тернер передал Уэббер револьвер, – попробуй сообразить для него какую-нибудь кобуру, хорошо? А теперь Линч покажет мне этих медиков.

– Он так и думал, что это будешь ты, – сказал Линч, без усилий взбираясь по низкому гравийному откосу; Тернер шел

следом. – У тебя та еще слава. – Молодой человек оглянулся на Тернера, тряхнув челкой грязных, выгоревших на солнце волос.

– Даже слишком, – ответил Тернер. – Сколько бы ее ни было, всегда чуть слишком. Ты раньше с ним работал? Скажем, в Марракеше?

Линч боком протиснулся сквозь расселину в стене шлакоблока, Тернер едва не наступал ему на пятки. Пустынные растения пахли дегтем; если их задеть, они норовили прилипнуть или вцепиться колючкой. Через пустой прямоугольный проем, предназначенный под окно, на Тернера глянули розовые вершины гор; тут Линч заскользил вниз по склону.

– Конечно, я работал на него раньше, – сказал он, остановившись у подножия оползня. Древний на вид кожаный ремень висел у него по-ковбойски на бедрах, тяжелая пряжка – почерневший серебряный череп в центре креста из тусклых пирамидальных шипов. – Марракеш – это было еще до меня.

– И на Конни тоже, Линч?

– То есть?

– На Конроя. Ты работал на него раньше? Или, если быть точным, ты сейчас работаешь на него?

Тернер медленно и неуклонно съезжал по гравию; камешки крошились и выскальзывали из-под подметок теннисных туфель – ненадежная опора. Тернеру был виден изящный маленький игольник в кобуре под парусиновой жилеткой Линча.

Линч облизнул сухие губы:

– Это Сатов контакт. Сам я с Конроем не встречался.

– У Конроя есть одна проблема, Линч. Он не способен делегировать ответственность. Любит с самого начала подсадить в команду своего человека, кого-то, кто сторожил бы сторожей. Всегда. Это ты, Линч?

Линч мотнул головой – абсолютный минимум движений, требующийся, чтобы выразить отрицание. Тернер стоял вплотную, чувствуя за деготной вонью пустынных растений запах его пота.

– Конрой провалил на этом два извлечения, я свидетель, – тяжело проговорил Тернер. – Ящерицы и битое стекло, а, Линч? Как по-твоему, хочется тебе здесь умереть? – Он занес перед лицом Линча сжатый кулак и медленно вытянул указательный палец, указывая прямо вверх. – Мы, считай, у них на прицеле. Стоит подсадке Конроя хотя бы пикнуть, и они тут же сядут нам на хвост.

– Если уже не сели.

– Верно.

– Сат – вот кто тебе нужен, – выдавил Линч. – Это не я, и вряд ли это Уэббер. – Сломанные, с черными ободками ногти

рассеянно поскребли в бороде. – А теперь: ты привел меня сюда только для этой беседы или все еще хочешь поглядеть на нашу жестянку с япошками?

– Пойдем поглядим.

Линч. Это был Линч.

Когда-то в Мексике, много-много лет назад, Тернер зафрахтовал переносной прогулочный модуль французского производства на солнечных батареях. Семиметровый корпус модуля походил на бескрылую муху в панцире из полированной стали. Глаза – две одинаковые полусферы из затемненного фоточувствительного пластика; Тернер сидел за ними, а двухвинтовой русский грузовой вертолет летел вдоль берега, сжимая в челюстях модуль и едва-едва не задевая им кроны самых высоких пальм. На пятачке удаленного пляжа с черным песком Тернер провел три дня в комфортном уединении узкой, обитой тиком кабины, готовя еду в микроволновке и бережливо, но регулярно обливаясь холодной пресной водой. Прямоугольные клумбы солнечных батарей вращались, следуя за солнцем, и он научился определять время по их положению.

Переносной нейрохирургический бокс «Хосаки» напоминал безглазую версию того французского модуля, может, метра на два длиннее, и покрашен он был в тускло-коричневый цвет. К нижней части обшивки недавно через равные интервалы приварили уголки перфорированного металла, а под ними на обычной пружинной подвеске установили с десяток толстых, глубоко рифленых мотоциклетных шин из красной резины.

– Они спят, – сказал Линч. – Эта штука покачивается, когда внутри кто-то ходит, так что это всегда видно. Когда придет время, мы снимем колеса, но пока нам хотелось бы иметь возможность следить за ними.

Тернер медленно обошел коричневый фургон, заметив черный глянцевый сливной шланг, уходивший в маленький прямоугольный резервуар по соседству.

– Прошлой ночью как раз опорожняли, господи прости. – Линч покачал головой. – У них там есть еда, сколько-то воды.

Тернер приложил ухо к обшивке.

– Звуконепроницаема, – пояснил Линч.

Тернер поднял взгляд к стальной крыше над головой. Сверху хирургический бокс был экранирован добрым десятком метров ржавеющей крыши. Единый лист железа, к тому же горячий сейчас настолько, что можно поджарить на нем яичницу. Тернер задумчиво кивнул. Этот горячий прямоугольник – постоянная деталь на инфракрасном сканере «маасовских» спутников.

– Летучие мыши, – сказала Уэббер, протягивая ему «смит-и-вессон» в наплечной кобуре из черного нейлона.

Сумерки были полны звуков, исходивших как будто откуда-то изнутри: металлическое кваканье и цоканье жуков, крики невидимых птиц. Тернер засунул револьвер, а потом и кобуру в карман парки.

– Хочешь поссать, – добавила она, – пройди вверх мимо того куста, но смотри, кругом колючки.

– Ты откуда?

– Из Нью-Мексико, – ответила женщина.

В угасающем свете ее лицо казалось вырезанным из дерева. Она повернулась и зашагала прочь, к стыку стен, приютившему брезентовые навесы. Тернер различил там силуэты Сатклиффа и какого-то молодого цветного. Они что-то ели из пакетов матовой фольги. Похоже, это – Рамирес, компьютерный жокей, партнер Джейлин Слайд. Из Лос-Анджелеса.

Тернер взглянул вверх в чашу неба – бескрайнюю, как звездная карта. Странно, почему отсюда оно кажется таким огромным, подумалось ему, а с орбиты – это просто бесформенная бездна, где масштаб теряет всякое значение. Тернер знал, что и сегодня ему не уснуть, что Большая Медведица вихрем закружится для него, а потом канет за горизонт, утянув за собою хвост.

Его ударила тошнотворная и дезориентирующая волна – в мозг вдруг непрошено хлынули образы из досье с биософта.

8
Париж

Андреа жила в Картье-де-Терн, где ее старинный дом вместе со всеми прочими ждал нашествия неуемных городских реставраторов с пескоструйными машинами. В подъезде было темно, только биофлюоресцентные полоски «Фудзи электрик» едва тлели над ветхой стенкой маленьких деревянных ячеек; у некоторых даже еще сохранились на месте дверцы с прорезями. Марли знала, что когда-то почтальоны ежедневно проталкивали в эти щели квитанции и письма. Что-то очень романтичное было в самой этой идее, однако ячейки с их желтеющими визитными карточками, оповещавшими о роде занятий давно исчезнувших жильцов, почему-то всегда действовали на нее угнетающе. По стенам коридора змеились разбухшие кабели и оптоволоконные провода, каждая связка – потенциальный кошмар для какого-нибудь бедняги-монтера. В дальнем конце коридора через открытую дверь с панелями из линзового стекла виднелся заброшенный внутренний двор, где от сырости влажно блестел булыжник.

Когда Марли вошла в парадное, консьерж сидел во внутреннем дворике на белом пластмассовом ящике, в былые времена служившем упаковкой для бутылок воды «Эвиан». Консьерж звено за звеном терпеливо смазывал черную цепь от старого велосипеда. Когда Марли стала взбираться по первому лестничному пролету, он поднял на нее глаза, но не проявил особого интереса.

Мраморные ступени давно потеряли былой блеск, покрывшись шершавыми выбоинами от ног бесчисленных поколений жильцов. Квартира Андреа находилась на четвертом этаже. Две комнаты, кухня и ванная. Марли приехала сюда, в последний раз заперев свою галерею, когда стало больше невозможно спать в импровизированной спальне – маленькой комнатке за складом, которую она делила с Аленом. Теперь этот дом вновь грозил ввергнуть ее в замкнутый круг депрессии, но ощущение новой одежды и опрятный стук каблучков по мрамору удерживали от этого. На Марли была просторная кожаная куртка несколькими тонами светлее сумочки, шерстяная юбка и шелковая блузка от «Пари Исэтан». Сегодня утром она постриглась в предместье Сен-Оноре у бирманки с немецким лазерным карандашом – дорогая стрижка, утонченная, без излишней консервативности.

Марли коснулась круглой пластины, привинченной в центре двери Андреа. Услышала, как та тихонько пискнула, считывая линии и завитки отпечатков пальцев.

– Андреа, это я, – сказала она в крохотный микрофон.

Последовала череда щелчков и позвякиваний – это подруга открывала дверь.

И вот Андреа стоит на пороге – в лужице воды и старом махровом халате. С полминуты француженка восхищенно рассматривала новую прическу Марли, потом улыбнулась:

– Так ты получила эту свою работу или просто ограбила банк?

Переступив порог, Марли поцеловала подругу в мокрую щеку.

– Судя по ощущениям, немного и того и другого, – рассмеялась она.

– Кофе, – сказала Андреа, – свари нам кофе. Со сливками. Мне нужно еще сполоснуть волосы. А твоя прическа просто чудо… – Она исчезла в ванной, и до Марли донесся плеск воды по фаянсу.

– Я привезла тебе подарок! – крикнула ей вслед Марли, но Андреа не расслышала.

Пройдя в кухню, Марли налила воды в чайник, зажгла плиту от старомодной электрозажигалки и начала рыться на заставленных всякой всячиной полках в поисках кофе.

– Пожалуй, да, – говорила за кофе Андреа, – теперь понимаю. – Она рассматривала голограмму шкатулки, которую Марли впервые увидела в вирековском конструкте парка Гауди. – Это в твоем стиле. – Она тронула клавишу, и «брауновская» иллюзия исчезла; за единственным окном комнаты небо, будто причудливой гравировкой, было разукрашено венчиками перистых облаков. – Что до меня, это слишком угрюмо, слишком серьезно. Как и те работы, что ты выставляла в своей галерее. Но значить это может только одно: герр Вирек не ошибся в выборе; ты ему решишь эту загадку. А при том, сколько он платит, я бы на твоем месте не торопилась.

Андреа щеголяла в подарке Марли – дорогой, восхитительно проработанной мужской блузе из серой фламандской фланели. Андреа просто обожала такой стиль, и ее радость при виде блузы была очевидной. Фланель почти под цвет ее глаз идеально оттеняла пепельные волосы.

– Он просто ужасен, этот Вирек. Мне кажется… – Марли запнулась.

– Охотно верю, – отозвалась Андреа, прихлебывая кофе. – А ты что, ждала, что денежный мешок окажется приятным или хотя

бы нормальным типом?

– В какой-то момент мне почудилось, что он не совсем человек. Я очень отчетливо это почувствовала.

– А он и не человек, Марли. Ты разговаривала с проекцией, спецэффектом…

– И тем не менее… – Она беспомощно повела рукой и тут же почувствовала досаду на саму себя.

– И тем не менее он очень, очень богат и платит тебе кучу денег, чтобы ты сделала то, на что, вероятно, никто больше и не способен. – Улыбнувшись, Андреа расправила тщательно заглаженный угольно-черный манжет. – У тебя ведь не такой уж богатый выбор, правда?

– Знаю. Пожалуй, это меня и тревожит.

– Ну-у, – протянула Андреа, – я думала, что смогу ненадолго оттянуть этот разговор, но у меня есть еще кое-что, что может тебя встревожить. Если «встревожить» здесь подходящее выражение.

– Да?

– Я подумала было, может, вообще не стоит тебе об этом говорить, но уверена, что рано или поздно он все равно до тебя доберется. На деньги у него редкое чутье.

Марли осторожно поставила пустую чашку на заваленный журналами столик из индийского тростника.

– У него очень острый нюх на такие вещи.

– Когда?

– Вчера. Началось, думаю, примерно через час после того, как должно было состояться твое собеседование с Виреком. Он позвонил мне на работу. Он оставил записку здесь, у консьержа. Если я отключу программу, – она кивнула на телефон, – уверена, он позвонит в течение получаса.

Вспомнился взгляд консьержа, позвякивание велосипедной цепи.

– Он сказал, что хочет поговорить, – продолжала Андреа. – Только поговорить. Ты хочешь поговорить с ним, Марли?

– Нет, – ответила она голосом маленькой девочки, высоким и ломким. А потом: – Он оставил номер?

Вздохнув, Андреа медленно покачала головой, потом сказала:

– Да, конечно оставил.

9
Вверху, в Новостройках

Тьму наполняли узоры – как пчелиные соты цвета крови. Было тепло. И по большей части мягко.

– Ну и бардак, – сказал один из ангелов.

Голос оказался женский и доносился откуда-то из далекого далека, но звучал нежно, музыкально и очень отчетливо.

– Надо было перехватить его еще у Леона, – сказал второй ангел, тоже женщина. – Наверху это не понравится.

– У него, похоже, что-то было в этом большом кармане, видишь? Карман разрезали, чтобы это вытащить.

– И не только карман, сестренка. Господи. Вот.

Узоры качнулись и поплыли, когда кто-то подвинул его голову. Холодная ладонь у него на щеке.

– Не испачкай себе рубашку, – сказала первый ангел.

– Дважды-в-День это не понравится. Как по-твоему, с чего это он так ломанулся?

Его это выводило из себя, потому что хотелось спать. Разумеется, он спит, но почему-то в его мозг просачиваются искусственные сны Марши, и он барахтается в рваной путанице фрагментов из самых разных серий «Важных мира сего». Мыло тянулось беспрерывно еще до его рождения, сюжет – этакий многоголовый солитер повествования, извивающийся, как магнитная лента, – каждые несколько месяцев сворачивался кольцом, чтобы поглотить самое себя, но потом отращивал новые головы, жадные до напряжения и накала страстей. Наконец Бобби смог увидеть этого корчащегося червяка целиком, во всю его длину, таким, каким Марше его никогда не увидеть, – удлиненную спираль «сенснетовской» ДНК, простершую щупальца хрупкой дешевой эктоплазмы к бесчисленным голодным сновидцам. Что до Марши, к ней повествование приходило через органы чувств Мишель Морган Магнум, главной героини, унаследовавшей корпорацию «Магнум АГ». Но сегодняшняя серия странным образом все норовила уклониться от отчаянно запутанных сердечных дел Мишель, за которыми Бобби так и так давно устал следить, и перескакивала на подробные описания социоархитектуры самодостаточных комплексов-ульев типа «Солери». Некоторые детали этих описаний казались подозрительными, даже на взгляд Бобби. Он, например, сомневался, что там действительно целые этажи отведены под

продажу только льдисто-голубых вельветовых комбинезонов с алмазными пряжками у колен или что другие этажи там вечно темные и заселены исключительно голодающими детьми. В это последнее, как он вроде бы смутно помнил, Марша верила беззаветно и относилась поэтому к Новостройкам с суеверным ужасом – как к некоему вертикально вздыбленному аду, куда ей придется однажды взойти. Другие фрагменты искусственного сна напомнили Бобби «сенснетовский» канал «Знание», появлявшийся у них в доме в качестве бесплатного приложения к каждой стим-подписке; там тоже были замысловатые мультипликационные диаграммы внутренней структуры Новостроек, на них накладывался монотонный голос, бубнивший лекцию об образе жизни различных их обитателей. Эти обитатели – когда Бобби удавалось на них сосредоточиться – казались еще менее убедительными, нежели вельветовые вспышки цвета голубого льда или беззвучно крадущиеся во тьме младенцы-каннибалы. Веселая молодая мать резала пиццу огромным промышленным водяным ножом на кухоньке безупречно чистой однокомнатной квартиры. Стеклянная дверь открывалась на узкий балкон и прямоугольник мультяшно-голубого неба. Женщина была черной, но не негритянкой – Бобби подумал, что она скорее походит на какую-нибудь порнокуклу из модуля в его спальне, только очень-очень темную, юную и в образе счастливой матери. И у нее были – так казалось на первый взгляд – маленькие, но мультяшно идеальные груди. (В этот момент, как будто чтобы еще больше усилить его тупое замешательство, поразительно громкий и очень не «сенснетовский» голос сказал: «А вот это, Джекки, я определенно назвала бы признаком жизни. Не то чтобы всё пучком, но кое-что точно торчком».) Тут его закружило, и он снова вывалился в глянцевую вселенную Мишель Морган Магнум, отчаянно боровшейся за то, чтобы предотвратить поглощение своей корпорации «Магнум АГ» зловещим промышленным кланом Накамура из Сикоку. В данном случае представителем клана выступал (усложнение сюжета) основной любовник Мишель в этом сезоне, состоятельный (но почему-то жадный до пары лишних миллиардов) красавец-политик из Новой Советии Василий Суслов, который и одеждой, и своим внешним видом удивительно смахивал на готиков из заведения Леона.

Серия, похоже, приближалась к некой кульминации: антикварный «БМВ», переоборудованный под водородный аккумулятор, был обстрелян на улице близ жилого блока «Ковина-Конкорс-Кортс» с радиоуправляемых западногерманских микровертолетов; Мишель Морган Магнум хлестала никелированным пистолетом «намбу» по щекам вероломного

личного секретаря, а Суслов, с которым Бобби все больше начинал идентифицироваться, надумал смыться из города с роскошной феминой-телохранителем, та была японкой, однако почему-то крайне напоминала Бобби еще одну девицу из его голографического порномодуля – но тут кто-то закричал.

Бобби никогда не слышал, чтобы так кричали, и в голосе кричавшего было что-то до ужаса знакомое. Но прежде чем он успел начать переживать из-за этого, перед глазами у него вихрем закружились кроваво-красные соты, и он пропустил конец «Важных мира сего». Мелькнула невнятная мысль – красный вихрь как раз сменился черным, – что он всегда может спросить у Марши, чем же там закончилось.

– Открой глаза, приятель. Вот так. Свет слишком яркий?

«Слишком» еще мягко сказано, но это ничего не меняло. Белый, белый. Белизна. Он вспомнил, как его голова взорвалась, – будто много лет назад. Взрыв гранаты, вспышка сумасшедшего белого света в пронизанной холодными ветрами темноте пустыни. Его глаза открыты, но он ничего не видит. Только белое.

– Ну, в обычной ситуации я дал бы тебе поваляться в отключке еще немного, учитывая, в каком ты, парень, состоянии. Но те, кто мне платит, говорят: «Поставь парня на ноги», так что я тебя бужу, еще не закончив работу. Хочешь спросить, почему ты ничего не видишь, да? Только белый свет – вот и все, что ты видишь, это верно. А дело в том, что у нас тут стоит реле нейропрерывания. Между нами говоря, эта штука взята из секс-шопа, но не вижу причин, почему бы не использовать ее в медицине, если так уж хочется. А нам того хочется, потому что тебе по-прежнему чертовски больно, и уж во всяком случае ты лежишь тихо, пока я работаю. – Голос был спокойным и размеренным. – Ну вот, главная проблема была у тебя со спиной, но я поставил скобы и наложил несколько футов цеплючки. Сам посуди, кто тебе тут сделает пластическую операцию – но милашки, думаю, сочтут эти шрамы весьма привлекательными. А что я делаю теперь? Я вычищаю рану у тебя на груди, а потом мы и ее застегнем кусочком цеплючки, и все будет готово. Правда, ближайшие несколько дней тебе придется двигаться очень осторожно, иначе разойдутся скобы. Я уже налепил на тебя парочку дермов и налеплю еще несколько потом. А тем временем я собираюсь переключить твой сенсориум на аудио и полное видео, чтобы ты постепенно начинал приходить в себя. Не обращай внимания на кровь, она вся – твоя, но больше уже ниоткуда не течет.

Белизна свернулась в серое облако, предметы с медленной

неуклонностью, как при ловле глюков под «пылью», стали приобретать очертания. Он распластан по обитому чем-то потолку – смотрит вниз на белую безголовую куклу. На месте головы у куклы – зеленая хирургическая лампа, которая, похоже, растет у нее из плеч. Негр в залитом кровью зеленом халате распыляет что-то желтое в разверстую рану, которая сбегает наискось от левого соска куклы и кончается почти над тазовой костью. Бобби знает, что мужчина черный, потому что тот с непокрытой головой – непокрытой, бритой и глянцевой от пота. Руки негра скрываются под туго натянутыми зелеными перчатками. Зеленые перчатки и скользкий набалдашник лысины, ничего больше от негра, в сущности, и не видно. По обеим сторонам шеи к коже куклы присосались розовые и голубые дермодиски. Края раны кажутся выкрашенными чем-то вроде шоколадного сиропа, а желтый аэрозоль вылетает из серебристого баллончика с тихим шипением.

Тут Бобби осознал, чту перед ним, и вселенная тошнотворно опрокинулась. Лампа свисала с потолка, потолок был зеркальный, а куклой был он сам. Казалось, длинный эластичный шнур снова выдернул его сквозь красные соты назад, в комнату из сна, где черная девушка резала детям пиццу. Водяной нож не издавал ни звука, в игольчатом потоке высокоскоростной воды крутились микроскопические песчинки. Инструмент предназначался для разрезания стекла и стали, а вовсе не для того, чтобы нарезать на ломтики пиццу из микроволновки. Бобби хотелось вопить, он боялся, что женщина отрежет себе палец, даже этого не почувствовав.

Но кричать он не мог, как не мог пошевелиться или вообще издать хоть какой-то звук. Женщина любовно вырезала последний кусок и, нажав ногой на отключающую нож педаль в полу, переложила нарезанную пиццу на белое керамическое блюдо, потом повернулась к прямоугольнику голубизны за балконом, где были ее дети… Нет, сказал Бобби, проваливаясь глубоко в себя, не надо. Потому что существа, которые ворвались в комнату и бросились к женщине, были не пацанами-дельтапланеристами, а страшными монстрами, младенцами-каннибалами из снов Марши. У них были крылья, порванные в лохмотья, – мешанина розовых костей, металла, туго натянутых перепонок из пластиковых лоскутов… Он увидел их зубы…

– Уф, – сказал негр, – потерял тебя на секунду. Не надолго, понимаешь, только, быть может, на одну нью-йоркскую минутку…

Его рука в зеркале над головой взяла из кровавой тряпки рядом с ребрами Бобби плоскую катушку из прозрачного синего

пластика. Двумя пальцами он осторожно вытянул кусок какого-то коричневого, собравшегося бусинами вещества. По краям бусин вспыхивали крохотные точки света, дрожали и, казалось, раскачивались.

– Цеплючка, – пояснил негр и второй рукой нажал на кнопку – наверное, кнопку встроенного в синюю катушку резака. Теперь отрезок нитки бус свободно качнулся и стал извиваться. – Славная хреновина, – продолжал негр, поворачивая катушку так, чтобы и Бобби тоже было видно. – Новая. Такие сейчас используют в Тибе.

Что-то коричневое, безголовое, каждая бусина – сегмент тела, каждый сегмент окаймлен бледными светящимися ножками. Потом, как фокусник взмахнув руками в зеленых перчатках, негр наложил гадину по всей длине открытой раны и легким движением оторвал последний сегмент – тот, что был ближе всего к лицу Бобби. Отделяясь, этот сегмент втянул в себя блестящую черную нить, служившую многоножке нервной системой, и каждая пара клешней, одна за другой, сомкнулась, крепко стянув края раны, – будто задернула молнию на новой кожаной куртке.

– Ну вот видишь, – сказал негр, промокая остатки шоколадного сиропа влажным белым тампоном, – не так уж было и страшно, правда?

Его вступление в апартаменты Дважды-в-День совсем не походило на то, что так часто рисовало Бобби воображение. Начать с того, что он никогда не думал, что его вкатят на кресле-каталке, позаимствованном в «Роддоме Святой Марии», – название и серийный номер были аккуратно выгравированы лазером на тусклой хромировке левого подлокотника. Катившая его женщина, однако, вполне вписалась бы в какую-нибудь из его фантазий: ее звали Джекки – первая из двух девушек с Новостроек, которых он видел у Леона, и, насколько он понял, одна из двух его ангелов. Кресло-каталка беззвучно катилось по ворсистому серому паласу, от стены до стены устилающему узкий проход, к жилым помещениям, но золотые побрякушки на федоре весело позвякивали при каждом шаге черного ангела.

И он представить себе не мог, что хата Дважды-в-День окажется такой огромной или что в ней будет полно деревьев.

В своей импровизированной операционной Пай – доктор, не преминувший объяснить, что на самом деле никакой он не врач, а просто тот, кто «иногда помогает выпутаться», – устроившись на драном высоком табурете, стянул окровавленные зеленые перчатки, закурил сигарету с ментолом и посоветовал Бобби недельку-другую не перетруждаться. Через несколько минут

Джекки и Реа – второй ангел – с трудом впихнули его в мятую черную пижаму, которая выглядела как одежда из дешевого фильма про ниндзя, плюхнули в кресло-каталку и двинулись к шахте лифтов в сердцевине улья. Благодаря еще трем дополнительным дермам из Паевых закромов – один из них был заряжен добрыми двумя тысячами миллиграммов аналога эндорфина – в голове у Бобби прояснилось и никакой боли он не испытывал.

– Где мои вещи? – запротестовал он, когда его выкатили из первого коридора в другой, ставший опасно узким из-за десятилетних наслоений водопроводных труб и проводки. – Где моя одежда, дека и все остальное?

– Твоя одежда, дорогуша, в том виде, в каком она была, сейчас в пластиковом мешке у Пая, ждет, когда он спустит ее в мусоропровод. Паю пришлось срезать ее с тебя на столе, и, уж если на то пошло, она была просто окровавленными лохмотьями. И если твоя дека была в куртке, в заднем кармане, думаю, что те, кто тебя порезал, ее и забрали. Едва не прихватив и тебя заодно. И ты, ублюдок, ко всем чертям испортил мне рубашку от «Салли Стэнли». – Ангел Реа казалась не слишком дружелюбной.

– Ну, – протянул Бобби, когда они заворачивали за угол, – хорошо. А вы, случайно, не нашли в карманах отвертку? Или кредитный чип?

– Чипа не было, малыш. Но если ты имеешь в виду отвертку с двумя сотнями и еще десяткой новых иен в рукоятке, то это как раз цена моей новой рубашки…

Вид у Дважды-в-День был такой, как будто толкач не особенно рад видеть Бобби. В самом деле, можно было подумать, что он вообще его не заметил. Смотрел прямо сквозь него на Джекки и Реа и скалил зубы в улыбке, целиком состоявшей из нервов и недосыпания. Бобби подкатили достаточно близко, так что ему было видно, какие желтые у Дважды-в-День белки – почти оранжевые в розовато-пурпурном свечении светодиодных трубок «гроу-лайт», которые, казалось, в полном беспорядке свисали с потолка.

– Что вас, суки, задержало? – спросил толкач, но в голосе его не было ни тени гнева, одна только смертельная усталость и еще что-то такое, что Бобби поначалу не смог определить.

– Пай, – сказала Джекки, качнув бедрами мимо кресла, чтобы взять пачку китайских сигарет с невероятных размеров деревянной конструкции, служившей Дважды-в-День кофейным столиком. – Он виртуоз, наш Пай.

– И научился этому в ветучилище, – ради Бобби добавила

Реа, – но обычно он так пьян, что никто не позволит ему попрактиковаться даже на собаке…

– Так, – сказал Дважды-в-День, останавливая наконец взгляд на Бобби, – значит, жить будешь.

Этот взгляд был настолько холодный, настолько усталый и клинически отстраненный, настолько далекий от маски этакого маниакального шустрилы, которому сам черт не брат, принимавшейся Бобби за его истинную личность, что Бобби смог только опустить глаза и уставиться в стол. Лицо у него горело.

Почти трехметровой длины стол был сколочен из бревен, каждое толще ноги Бобби. Должно быть, дерево какое-то время провело в воде; в некоторых местах еще сохранилась белесая серебристая патина плавуна, как на колоде, возле которой Бобби играл давным-давно в детстве в Атлантик-Сити. Но дерево не видело воды уже довольно давно, и столешницу покрывала плотная мозаика из воска оплывших свечей, винных пятен, странной формы луж матово-черной эмали и темных ожогов от сотен раздавленных сигарет. Стол был так завален едой, мусором и разным компьютерным железом, что казалось, это какой-то уличный торговец собрался было разгружать товар, но потом передумал и решил пообедать. Тут были наполовину съеденные пиццы – от вида катышек криля в кетчупе у Бобби стало сводить желудок – рядом с обваливающимися стопками дискет, грязные стаканы с затушенными в недопитом красном вине окурками, розовый стироновый поднос с ровными рядами заветрившихся канапе, открытые и неоткрытые банки пива. Антикварный герберовский кинжал лежал без ножен на плоском обломке полированного мрамора. Еще на столе оказалось по меньшей мере три пистолета и, быть может, два десятка компонентов загадочного с виду компьютерного оборудования, того самого ковбойского снаряжения, при виде которого в обычных обстоятельствах у Бобби потекли бы слюнки.

Теперь же слюнки текли из-за куска холодной пиццы с крилем, но голод был ничто по сравнению с внезапным унижением, которое он испытал, увидев, что Дважды-в-День на него просто плевать. Нельзя сказать, что Бобби думал о нем именно как о друге, но он, безусловно, немало вложил в надежду, что Дважды-в-День видит в нем равного, человека, у которого хватает таланта и инициативы и у которого есть шанс выбраться из Барритауна. Но взгляд Дважды-в-День сказал ему, что он, в сущности, никто и к тому же вильсон…

– Взгляни-ка на меня, друг мой, – сказал голос, но это был не Дважды-в-День, и Бобби поднял глаза.

По обе стороны от Дважды-в-День на пухлой хромировано-

кожаной кушетке оказались еще двое, оба негры. Говорящий был одет в какой-то балахон или халат, на носу у него сидели древние очки в пластмассовой оправе. Очки были ему велики, к тому же в квадратах оправы отсутствовали линзы. Другой был вдвое шире в плечах, чем Дважды-в-День, но на нем оказался строгий костюм, какие носят в кино японские бизнесмены. Безупречно белые манжеты французской рубашки были застегнуты блестящими прямоугольниками золотых микросхем.

– Просто стыд и срам, что мы не можем дать тебе немного времени подлечиться, – сказал первый, – но у нас тут серьезная проблема. – Он помедлил, снял очки и помассировал переносицу. – Нам требуется твоя помощь.

– Черт, – ругнулся Дважды-в-День.

Он наклонился вперед и, взяв из пачки на столе китайскую сигарету, прикурил ее от свинцового черепа размером с крупный лимон, потом потянулся за стаканом вина. Мужчина в очках, протянув худой коричневый палец, постучал им по запястью Дважды-в-День. Дважды-в-День выпустил стакан и откинулся назад. Лицо его оставалось тщательно пустым. Мужчина же улыбнулся Бобби.

– Счет Ноль, – сказал он, – нам сказали, такая у тебя кличка.

– Верно, – выдавил Бобби. Вышло какое-то карканье.

– Мы хотим знать о Деве, Счет. – Негр ждал.

Бобби, прищурившись, посмотрел на него.

– *Вьей Мирак*. – Мужчина снова надел очки. – Наша госпожа, Дева Чудес. Мы знаем ее, – он сделал какой-то странный жест левой рукой, – как Эрзули Фреду.

Бобби осознал, что сидит с открытым ртом, и закрыл его. Три темных лица ждали. Джекки и Реа исчезли, но он не видел, как они ушли. Бобби охватила паника, и он, в отчаянии оглянувшись по сторонам, увидел странные заросли низкорослых деревьев, окружающих стол. Во всех направлениях свисали под различными углами светодиодные трубки. В гуще зеленой листвы проглядывали розовато-пурпурные чучела. Никаких стен. Стен вообще не видно! Кушетка и видавший виды стол стояли на какой-то прогалине с полом из шершавого бетона.

– Мы знаем, что она приходила к тебе, – сказал гигант, осторожно кладя ногу на ногу. Он поправил безупречную складку на брюках, и Бобби подмигнула золотая запонка. – Мы это знаем, понимаешь?

– Дважды-в-День говорит, это твой первый рейд? – вмешался второй. – Правда?

Бобби кивнул.

– Значит, ты избран Легбой, – сказал мужчина, снова снимая

пустую оправу, – чтобы встретиться с Вьей Мирак. – Он улыбнулся.

У Бобби снова отвисла челюсть.

– Легба, – повторил негр. – Хозяин дорог и тропинок, лоа коммуникаций…

Дважды-в-День затушил сигарету о поцарапанное дерево, и тут Бобби увидел, что руки у него дрожат.

10
Ален

Они условились встретиться в брассерии на пятом подземном этаже комплекса «Двор Наполеона» под стеклянной пирамидой Лувра. Это место было знакомо обоим, хотя ни для одного из них не имело особого значения. Предложил его Ален, и Марли подозревала, что он очень тщательно его выбирал. Это была эмоционально нейтральная территория: знакомая обстановка, при этом не отягощенная никакими воспоминаниями. Кафе было стилизовано под прошлый век: гранитные стойки, черные балки от пола до потолка, зеркала во всю стену и итальянская ресторанная мебель из черного сварного железа, какая могла относиться к любому десятилетию за последние сто лет. Столы покрыты серыми льняными скатертями в тонкую черную полоску, этому сочетанию вторят черно-полосатые обложки меню, передники официантов и спичечные коробки.

Для встречи Марли надела кожаную куртку, приобретенную еще в Брюсселе, красную льняную блузку и новые джинсы из черного хлопка. Андреа сделала вид, что не замечает, как старательно подруга подбирает одежду, а потом одолжила простую нитку жемчуга, который отлично оттенял блузку.

Едва успев войти, Марли поняла, что Ален пришел заранее, – стол уже был завален его барахлом. На Алене был его любимый шарф, тот, что они купили вместе год назад на блошином рынке, и, как обычно, выглядел Ален всклокоченным, но совершенно в своей стихии. Потрепанный кожаный атташе-кейс изверг свое содержимое на небольшой квадрат полированного гранита: блокнотики на спирали, нечитаный том самого скандального романа месяца, «голуаз» без фильтра, коробок деревянных спичек, переплетенный в кожу ежедневник, который она приобрела ему в «Браунсе».

– А я уже думал, ты не придешь, – сказал он с улыбкой.

– Почему ты так решил? – спросила Марли.

Вопросом на вопрос – спонтанная реакция (какая жалкая, подумалось ей) в нелепой попытке замаскировать ужас, который она наконец позволила себе испытывать. Страх снова потерять себя, потерять волю и стимул жить, страх перед любовью, которая еще жива. Марли пододвинула второй стул и села. Возле нее тут же возник молодой официант в полосатом переднике – судя по виду, испанец, – чтобы принять заказ. Она заказала воду «Виши».

– Это все? – спросил Ален; официант услужливо наклонился.

– Да, спасибо.

– Я уже несколько недель пытаюсь с тобой связаться, – сказал Ален.

Марли понимала, что это ложь; и все же, как с ней часто случалось и ранее, спросила себя: а сознает ли он сам до конца, что снова лжет? Андреа утверждала, что подобные Алену лгут так постоянно и так искренне, что вскоре перестают различать, где в их словах правда, а где вымысел. Они своего рода артисты, говорила Андреа, они одержимы желанием переиначить реальность. И Новый Иерусалим тогда – воистину прекрасное местечко: свобода и от перерасхода кредитного лимита, и от ворчания домохозяев, и от необходимости искать кого-то, кто оплатил бы счет за вечер.

– Я что-то не заметила, чтобы ты пытался связаться со мной, когда Гнасс привел полицию.

Марли надеялась, что эта фраза заставит его хотя бы поморщиться. Впустую. Мальчишеское лицо под шапкой непослушных русых волос, которые он по привычке зачесывал назад пятерней, осталось невозмутимо-спокойным.

– Прости, – только и сказал он, давя в пепельнице «голуаз».

Аромат черного французского табака постепенно стал ассоциироваться для Марли с Аленом, и Париж теперь казался ей городом, где на каждом шагу его запах, его призрак, цепочка его следов.

– Я был уверен, что он никогда не обнаружит, гм… происхождение работы… Ты должна понять: как только я признался самому себе, насколько отчаянно мы нуждаемся в деньгах, я решил, что должен что-то предпринять. Я же знаю: сама ты – идеалистка. Галерею в любом случае пришлось бы закрыть. Если бы с Гнассом все прошло по плану и мы получили бы все, что хотели, ты была бы счастлива. Счастлива, – повторил он, вытаскивая очередную сигарету из пачки.

Марли могла лишь ошеломленно смотреть на него, испытывая тошнотворное отвращение к самой себе за желание в это поверить.

– Знаешь, – продолжал он, вынимая спичку из красно-желтого коробка, – у меня ведь и раньше были сложности с полицией. В студенческие годы. Политика, разумеется.

Он чиркнул спичкой, бросил на стол коробок и прикурил.

– Политика, – произнесла она и вдруг поняла, что ей отчаянно хочется рассмеяться. – Я и не подозревала, что существует партия для таких, как ты. Даже представить себе не могу, как она может называться.

– Марли, – сказал он, понизив голос; он всегда так делал,

желая подчеркнуть силу своих чувств, – ты же знаешь, не можешь не знать, что я сделал это ради тебя. Ради нас, если хочешь. Но ты, конечно же, это знаешь. Ты же знаешь, *чувствуешь*, Марли, что намеренно я никогда бы тебя не обидел, не подверг бы опасности.

На загроможденном столике не нашлось места для ее сумочки, пришлось поставить ту на колени. Теперь Марли вдруг осознала, что впивается ногтями в мягкую толстую кожу.

– Никогда бы не обидел…

Голос был ее собственным, а в нем – потерянность и ошеломление. Голос ребенка. Внезапно она почувствовала себя свободной, свободной от любви и желания, свободной от страха, и все, что она испытывала к красивому лицу по ту сторону стола, исчерпывалось примитивным отвращением. И она могла только смотреть на него в упор, на этого совсем чужого ей человека, рядом с которым она целый год спала в задней комнатке очень маленькой галереи на рю Мосонсей. Официант поставил перед ней стакан «Виши».

Ален, должно быть, воспринял ее молчание за готовность к примирению, абсолютную пустоту ее лица – за открытость.

– Вот чего ты не понимаешь… – (Насколько она помнила, эта фраза была его излюбленным вступлением.) – Все эти Гнассы существуют в каком-то смысле лишь для того, чтобы поддерживать искусство. Поддерживать нас, Марли. – Тут он улыбнулся, как будто смеясь над самим собой, улыбнулся беспечной, заговорщицкой улыбкой, от которой теперь ее пробрал холод. – Однако, думаю, мне все же следовало признать за ним крупицу здравого смысла, предположить, что у него хватит ума нанять собственного эксперта по Корнеллу. Хотя мой эксперт, уверяю тебя, из них двоих был гораздо компетентнее…

Как ей отсюда сбежать? «Встань, – сказала она самой себе. – Повернись. Спокойно пройди к выходу. Выйди через дверь». Наружу, в приглушенное изобилие «Двора Наполеона», где полированный мрамор сковал рю де Шам Флери, улочку четырнадцатого века, которая, говорят, сначала предназначалась для проституток. Что угодно, все что угодно, только бы уйти. Уйти прямо сейчас – и подальше от него. Уйти куда глаза глядят, чтобы затеряться в Париже, городе туристов, исхоженном ею вдоль и поперек еще в первый свой приезд.

– Но теперь, – говорил Ален, – ты же сама видишь, что все вышло к лучшему. Так часто случается, правда ведь? – И снова эта улыбка, на этот раз мальчишеская, слегка завистливая и – к ее ужасу – гораздо более интимная. – Мы потеряли галерею, но ты нашла место, Марли. У тебя есть работа, интересная работа, а у

меня – связи, которые тебе понадобятся. Я знаю людей, с которыми тебе нужно будет встретиться, чтобы найти своего художника.

– Своего художника? – переспросила она, скрывая внезапную растерянность за глотком «Виши».

Открыв потрепанный кейс, он вынул оттуда нечто плоское – самую обычную эхо-голограмму. Марли взяла ее, благодарная, что хоть чем-то может занять руки, – и, всмотревшись, поняла, что это небрежно сделанный снимок шкатулки, которую она видела в вирековском конструкте Барселоны. Кто-то протягивал шкатулку вперед к камере. Руки мужские, не Алена, на правой – перстень-печатка из какого-то темного металла. Фон расплывался. Только шкатулка и руки.

– Ален, – с трудом выдавила она, – откуда у тебя это?

Подняв глаза, она встретила взгляд карих глаз, полных пугающего ребяческого триумфа.

– Кое-кому очень дорого придется заплатить, чтобы это выяснить. – Он загасил сигарету. – Извини.

Встав из-за стола, Ален удалился в сторону туалетов. Когда он исчез за зеркалами и черными стальными балками, она уронила голограмму и, потянувшись через стол, откинула крышку кейса. Ничего, только синяя эластичная лента и табачные крошки.

– Принести вам что-нибудь еще? Может быть, еще «Виши»? – Подле нее стоял официант.

Она подняла на него глаза, ее вдруг поразила не мысль, а скорее ощущение, что она знает этого человека. Худое смуглое лицо…

– У него радиопередатчик, – вполголоса проговорил официант. – К тому же он вооружен. Я был тем коридорным в Брюсселе. Соглашайтесь на его условия. Помните, что деньги для вас значения не имеют. – Он взял ее стакан и аккуратно поставил его на поднос. – И очень вероятно, что эта игра для него закончится плохо.

Вернулся Ален. Улыбающийся.

– А теперь, дорогая, – сказал он, потянувшись за сигаретами, – мы можем поговорить о деле.

Марли улыбнулась в ответ и кивнула.

11
На площадке

Он наконец позволил себе поспать часа три. Рухнул на матрас в бункере без окон, где передовая группа обустроила командный пункт. Прежде чем лечь, Тернер познакомился с остальными членами команды. Рамирес оказался худым, нервным, постоянно зацикленным на собственной сноровке компьютерного жокея. Немудрено: вся команда зависела от его способности – в тандеме с Джейлин Слайд на океанской платформе – следить за киберпространством вокруг того сектора решетки, где располагались основательно обледенелые базы данных «Маас-Биолабс». Если в последний момент «Маас» все же засечет присутствие незваных гостей, Рамиресу, возможно, удастся передать хоть какое-то предупреждение. В его задачу входило также перегонять данные медицинского обследования из нейрохирургического бокса на нефтяную платформу – сложная многоступенчатая процедура, позволяющая удерживать «Маас» в неведении. Линия шла сперва к телефонной будке посреди пустыни. Проскочив через эту будку как в дверь, Рамирес и Джейлин будут действовать в матрице на свой страх и риск. Если они спалятся, «Маас» сможет вычислить их площадку. Был еще Натан, ремонтник, чья подлинная работа заключалась в надзоре за оборудованием в бункере. Если рухнет какая-то часть системы, будет небольшой шанс, что он сумеет все это исправить. Натан принадлежал к той же разновидности рода человеческого, что и Оуки и тысячи ему подобных, с которыми Тернер работал многие годы, – бродячие техи, любившие доплату за риск и доказавшие, что умеют держать рот на замке. Остальные: Комптон, Тедди, Коста и Дэвис – это просто дорогостоящие шестерки, солдаты удачи, в общем, тот тип людей, кого нанимают помахать кулаками. Именно ради них Тернер с особым тщанием прилюдно расспросил Сатклиффа о том, как подготовлено отступление. Сатклиффу пришлось подробно объяснить, где сядут вертолеты, каков порядок загрузки и как и когда в точности будет произведена выплата денег.

Потом Тернер попросил всех оставить его в бункере одного и приказал Уэббер разбудить его через три часа.

Сам бункер предполагался то ли как насосная станция, то ли что-то вроде коммутатора электронных сетей. Выступавшие из стен обрубки пластмассовых труб в равной степени могли служить как для телефонных линий, так и для линий

канализации. Тернер внимательно осмотрел помещение и не нашел никаких признаков того, что какая-нибудь из этих труб была раньше куда-то подсоединена. Потолок, единый пласт литого бетона, нависал слишком низко, чтобы Тернер мог выпрямиться во весь рост. В бункере стоял сухой, пыльный, но в общем и целом не такой уж неприятный запах. Команда вычистила помещение, прежде чем занести столы и оборудование, но на полу завалялось несколько желтых хлопьев газетной бумаги, которые рассыпались при прикосновении. Кое-где Тернер различал буквы, иногда целое слово.

Вдоль двух стенок буквой «Г» выстроились походные металлические столы, заставленные множеством сверхсложных коммуникационных приборов. Лучшее, что смогла раздобыть «Хосака», подумал он.

Хоть и приходилось пригибаться, он внимательно осмотрел все столы, легонько касаясь каждой консоли, каждого черного ящика. Основательно модифицированная армейская бортовая рация, настроенная на пакетную передачу. Она обеспечит им связь в том случае, если Рамирес и Джейлин напортачат с передачей по телефонному кабелю. Пакеты были записаны заранее – тщательно продуманная техническая белиберда, закодированная лучшими шифровальщиками «Хосаки». Содержание каждого отдельного пакета не имело никакого смысла, но последовательность, в которой они будут передаваться, должна донести довольно примитивное сообщение. Последовательность «Би-Си-Эй» проинформирует «Хосаку» о прибытии Митчелла; «Эф-Ди» – о его отбытии с площадки, «Эф-Джи» даст сигнал о смерти перебежчика и, соответственно, свертывании операции. Нахмурившись, Тернер побарабанил пальцами по рации. Ему совсем не нравилось, как Сатклифф все это организовал. Если извлечение провалится, маловероятно, что они выберутся отсюда, – не говоря уже о том, чтобы убраться, не оставляя следов. К тому же Уэббер преспокойно сообщила, что ей дан приказ в случае провала операции расстрелять хирургический бокс из ручного противотанкового ракетомета.

– Врачи это знают, – сказала Уэббер. – Готова поспорить, им за это и платят.

Остальные члены команды всецело зависели от вертолетов, базирующихся в окрестностях Тусона. Тернер прикинул, что «Маас», если что-то пронюхает, без труда сможет перехватить их на подлете. Когда он изложил свои возражения Сатклиффу, австралиец только пожал плечами:

– Ну это, конечно, не то, как я сыграл бы при лучшем раскладе, коллега, но всех нас тут время несколько поджимало,

да?

Рядом с передатчиком разместился сложный биомонитор «Сони», напрямую соединенный с нейрохирургическим боксом. В его память заранее загрузили медицинскую карту Митчелла, переписанную с биософта. Когда придет их черед, хирурги получат доступ к медкарте перебежчика; процедуры же, производимые в боксе, будут одновременно передаваться назад на «Сони» для архивации. Затем Рамирес, нарастив на архивные блоки ледяную корку, сможет закидывать данные в киберпространство, где для страховки параллельно подключится Джейлин Слайд со своей деки на нефтяной платформе. Если все пройдет гладко, то к тому моменту, когда Тернер на истребителе доставит Митчелла в Мехико, в исследовательском центре «Хосаки» ученого уже будет ждать обновленная медкарта. Тернер никогда не видел ничего подобного этому «Сони», но мог предположить, что у голландца в его сингапурской клинике наверняка было что-то похожее. С этой мыслью он поднял руку к голой груди и провел пальцами по давно исчезнувшему шраму от пересадки ткани.

На втором столе размещалась киберпространственная аппаратура. Дека была идентична той, какую он видел на нефтяной платформе: прототип «Маас-Неотек». Конфигурация деки выглядела стандартной, но Конрой говорил, что она собрана из новых биочипов. На крышку консоли был прилеплен ком бледно-розового пластика величиной с кулак. Кто-то – может быть, и Рамирес – выдавил в нем два глаза и грубо прочертил кривую идиотскую ухмылку. Два провода, голубой и желтый, тянулись из розового лба рожицы к одной из черных труб, выступающих из стены за консолью. Еще одна – спасибо Уэббер – мера предосторожности на случай «маасовской» атаки. Тернер, хмурясь, поглядел на провода: если в таком маленьком, да еще закрытом помещении рванет заряд такой мощности, в бункере с гарантией не выживет никто.

Болели плечи, макушка то и дело чиркала по шершавому бетону потолка, но Тернер продолжал свою инспекцию. Остальную часть стола занимали периферийные устройства – несколько черных коробок, расставленных с маниакальной тщательностью. Тернер подозревал, что каждый модуль находится на строго определенном расстоянии от соседа и что они предельно точно выровнены относительно друг друга. Рамирес, должно быть, расставил их собственноручно, и Тернер не сомневался, что, коснись он какой-нибудь коробочки, сдвинь ее хоть на десятую долю миллиметра, жокей тотчас же узнает об этом. С подобным невротичным подходом Тернер, и ранее

имевший дело с компьютерщиками, уже сталкивался, так что о Рамиресе это не говорило ровным счетом ничего. Впрочем, Тернер встречал и других жокеев, которые, бывало, выворачивали этот невроз наизнанку, превращая свои пульты в беспорядочную мешанину кабелей и проводов, напоминающую крысиное гнездо; эти суеверно чурались любого проявления опрятности, оклеивая свои консоли картинками игральных костей и скалящимися черепами. Ничего нельзя предугадать заранее, думал Тернер; или Рамирес и вправду хорош, или все они, что вполне вероятно, скоро станут трупами.

На дальнем конце стола лежали пять клипсовых раций «Телефункен» с самоклеющимися горловыми микрофонами – каждая запаяна в индивидуальную пузырчатую упаковку. Во время критической фазы побега, которую Тернер оценивал в двадцать минут до и после прибытия Митчелла, он сам, Рамирес, Сатклифф, Уэббер и Линч будут поддерживать связь через эфир, хотя использование передатчиков следовало свести к минимуму.

За «Телефункенами» – немаркированная пластиковая коробка с двадцатью шведскими катализаторными грелками для рук; плоские обтекаемые бруски из нержавеющей стали вложены каждый в свой чехол из рождественской красной фланели, стянутый шнурком.

– Ну, умен, собака, – задумчиво сказал Тернер коробке. – До этого я мог бы додуматься и сам…

Он уснул на рифленой поролоновой подстилке из снаряжения автостопщиков, развернутой на полу командного поста, накинув на себя, как одеяло, парку. Конрой был прав насчет ночного холода в пустыне, но бетон, казалось, еще сохранял дневной жар. Комбинезон и туфли Тернер снимать не стал; Уэббер посоветовала, чтобы, одеваясь, он всякий раз тщательно встряхивал одежду и обувь.

– Скорпионы, – пояснила она. – Они любят пот, любую влагу.

Прежде чем лечь, он вынул из нейлоновой кобуры «смит-и-вессон», аккуратно положил его возле поролона. Оставив включенными два фонаря на батарейках, Тернер смежил веки.

И соскользнул в мелководье сна. Замелькали беспорядочные образы; фрагменты митчелловского досье сливались с кадрами его собственной жизни. Вот они с Митчеллом таранят автобусом стеклянную стену и, не снижая скорости, влетают в вестибюль гостиницы в Марракеше. Ученый радостно улюлюкает, нажимая на кнопку, которая взрывает две дюжины канистр с нитроцеллюлозой, прикрученных по бокам машины, и Оуки тоже тут – предлагает Тернеру виски из бутылки и желтый перуанский

кокаин с круглого зеркальца в пластиковом ободке, которое он в последний раз видел в сумочке Эллисон. Тернеру кажется, что он видит за окнами автобуса Эллисон, задыхающуюся в клубах газа; он пытается сказать об этом Оуки, указать на нее, но стекла сплошь залеплены голограммами мексиканских святых, почтовыми открытками с изображением Девы Марии, и Оуки протягивает что-то круглое и гладкое, шар из розового хрусталя… И Тернер видит свернувшегося внутри паука, паука из ртути, но Митчелл смеется – с его зубов капает кровь – и протягивает раскрытую ладонь, предлагая Тернеру серый биософт. Тернер видит, что досье – это на самом деле мозг. Серовато-розовый и живой под влажной прозрачной мембраной, мозг мягко пульсирует в руке Митчелла… И тут Тернер, обрушившись с какого-то подводного уступа сна, плавно погружается в беззвездную ночь.

Его разбудила Уэббер. Ее жесткие черты лица были обрамлены квадратом дверного проема, на плечах складками собралось прибитое к притолоке армейское одеяло.

– Вот твои три часа. Медики проснулись, если хочешь – можешь с ними поговорить, – с этими словами она удалилась. Под тяжелыми ботинками заскрипел гравий.

Врачи «Хосаки» ждали возле автономного нейрохирургического бокса. В свете пустынного заката в своих модно измятых выходных костюмах – последний писк сезона с Гиндзы[14] – они выглядели так, будто только что сошли с платформы какого-нибудь передатчика материи. Один из мужчин кутался в огромный, не по росту, мексиканский жилет ручной вязки, что-то вроде перепоясанного кардигана, такие Тернер видел на туристах в Мехико. Остальные двое спрятались от холода пустыни под дорогими герметичными лыжными куртками. Мужчины были на голову ниже кореянки – эта стройная женщина с резкими архаичными чертами лица и ярко-красным ирокезом на голове напомнила Тернеру хищную птицу. Конрой сказал, что двое – люди компании, и Тернер отчетливо это ощутил. А вот в женщине чувствовалась аура, присущая его собственному миру. Подпольный врач, человек вне закона. Вот кто нашел бы общий язык с голландцем, подумал он.

– Я Тернер, – представился он. – Я отвечаю за операцию.

– Наши имена вам без надобности, – отрезала женщина, а двое врачей из «Хосаки» машинально поклонились; обменявшись взглядами, они посмотрели на Тернера, потом снова на кореянку.

– Верно, – отозвался Тернер, – необходимости нет.

– Почему нам до сих пор отказывают в доступе к

медицинским данным нашего пациента? – спросила кореянка.

– Требования безопасности, – сказал Тернер.

Ответ вышел почти автоматическим. На самом деле он не видел причин препятствовать им в изучении досье Митчелла.

Женщина пожала плечами и отвернулась. Ее лицо скрылось за поднятым воротником гермокуртки.

– Желаете осмотреть бокс? – спросил японец в огромном кардигане. Лицо его выражало настороженную вежливость – маска безупречного служащего корпорации.

– Нет, – ответил Тернер. – Мы перевезем вас на стоянку за двадцать минут до прибытия пациента. Снимем колеса, опустим бокс, для равновесия подставим домкраты. Сливной шланг будет отсоединен. Модуль должен быть в полной готовности через пять минут после того, как мы опустим его на землю.

– Проблем не будет, – улыбнулся японец.

– Теперь расскажите мне, что вы намерены предпринять. Что вы собираетесь сделать с пациентом и как это может на нем отразиться.

– Так вы *не знаете*? – резко спросила женщина, поворачиваясь, чтобы взглянуть ему в лицо.

– Я попросил *вас* рассказать *мне*, – отрезал Тернер.

– Мы немедленно проведем сканирование на предмет смертельных имплантатов, – сказал мужчина в кардигане.

– Это что, какие-нибудь бомбы в коре головного мозга?

– Сомневаюсь, что мы столкнемся с чем-то настолько грубым, – вступил второй. – Однако мы действительно просканируем его на предмет всего спектра устройств, вызывающих летальный исход. Одновременно будет сделан полный анализ крови. Насколько мы понимаем, его нынешние работодатели специализируются на исключительно сложных биохимических системах. Поэтому вполне вероятно, что наибольшую опасность следует ожидать именно с этой стороны.

– В настоящее время довольно модно начинять служащих высших эшелонов подкожными устройствами, которые впрыскивают в кровь препараты, сходные с инсулином, – вмешался его напарник. – Так у субъекта можно вызвать искусственную зависимость от, скажем, синтетического аналога определенного фермента. В том случае, если подкожные капсулы не перезаряжаются через регулярные промежутки времени, удаление от источника – в данном случае от работодателя – может привести к травме.

– Мы готовы справиться и с этим, – вставил второй.

– Ни один из нас даже отдаленно не готов иметь дело с тем, с чем, как я подозреваю, нам придется столкнуться, – сказала

подпольный врач.

Голос ее был холоден, подобно ветру, который дул теперь с востока. Тернер слышал, как над головой по ржавым листам металла шипит песок.

– Пойдем со мной, – бросил ей Тернер.

Затем развернулся и, не оглядываясь, зашагал прочь. Вполне возможно, она ослушается его приказа, в таком случае он потеряет лицо перед остальными хирургами, но это казалось правильным ходом. Отойдя метров на десять от трейлера, он остановился. Услышал ее шаги по гравию.

– Что тебе известно? – не оборачиваясь, спросил он.

– Возможно, не больше, чем тебе, – сказала она, – а может, и больше.

– Очевидно, больше, чем твоим коллегам.

– Они исключительно талантливые люди. Но они также и… слуги.

– А ты нет.

– Как и ты, наемник. На эту операцию меня вызвали из лучшей подпольной клиники Тибы. Чтобы подготовиться к встрече с этим прославленным пациентом, мне передали значительный объем материала. Нелегальные клиники Тибы – передний край медицинской науки. Даже «Хосака» не могла этого знать: мое положение в подпольной медицине позволит мне догадаться, что именно может носить в голове перебежчик. Улица пытается найти применение многим вещам, мистер Тернер. Уже несколько раз меня приглашали, чтобы извлечь эти новые имплантаты. Кое-какие из усовершенствованных микробиосхем «Мааса» уже просочились на рынок. Подобные попытки вживления – шаг вполне логичный. Я подозреваю, что «Маас» преднамеренно допускает утечку своих биосхем.

– Тогда объясни мне.

– Не думаю, что я в состоянии это сделать. – В ее голосе послышался странный оттенок смирения. – Я сказала тебе, что видела это. Я не сказала, что я понимаю. – Внезапно кончики ее пальцев пробежались по коже возле разъема в его черепе. – По сравнению с вживленными биочипами твой имплантат – все равно что деревянная нога рядом с микроэлектронным протезом.

– Но в данном случае это представляет угрозу для жизни?

– Где уж там, – сказала кореянка, убирая руку, – только не для его собственной…

А потом он услышал, как она устало побрела назад, к хирургическому трейлеру.

Конрой прислал гонца с микрософтом, призванным помочь

Тернеру в пилотировании истребителя, на котором он собирался вывезти Митчелла в исследовательский центр «Хосаки» в Мехико. Гонцом оказался почерневший на солнце человек с безумным взглядом, которого Линч называл Гарри. Это привидение с мускулами как веревки прикатило со стороны Тусона на отполированном песком велосипеде с лысыми полуспущенными шинами и рулем, обмотанным полосками сыромятной кожи, желтой как кость. Пока Линч вел его через автостоянку, Гарри напевал что-то себе под нос – странный звук в напряженной тишине. Его песня, если это можно было назвать песней, звучала, как будто кто-то крутит наугад ручку сломанного радиоприемника, водя стрелкой вверх-вниз по полуночным милям шкалы и вылавливая то госпел, то обрывки международных поп-хитов за последние двадцать лет. Гарри волок велосипед на себе, просунув под раму выжженное, по-птичьи худое плечо.

– Гарри кое-что привез для тебя из Тусона, – сказал Линч.

– Вы знаете друг друга? – спросил Тернер, в упор глядя на Линча. – Может, есть общий знакомец?

– Как это понимать? – вскинулся Линч.

Тернер выдержал взгляд:

– Ты знаешь, как его зовут.

– Он сам мне назвал свое сраное имя, Тернер.

– Зовите меня Гарри, – сказал обгоревший человек и забросил велосипед в кусты.

Он безучастно улыбнулся, показав неровные выщербленные зубы. Пленка пота и пыли покрывала его голую грудь, на которой болталось странное ожерелье: на тонкую металлическую цепочку были нанизаны кусочки животного рога и меха, латунные гильзы и медные монеты, стертые от употребления так, что почти невозможно было различить, где орел, где решка. Среди всего этого барахла висел маленький кисет из мягкой коричневой кожи.

Некоторое время Тернер разглядывал ассортимент вывешенных на узкой груди предметов, а затем протянул руку и щелкнул по кривому хрящу на плетеном шнурке.

– А это что, черт побери, такое, Гарри?

– Енотов хер, – ответил тот. – У енота в шишке есть кость, причем на суставе. Это мало кто знает.

– Ты когда-нибудь встречал моего друга Линча раньше, а, Гарри?

Гарри сморгнул.

– У него были пароли, – подал голос Линч. – Существует иерархия срочности. Он знал самый старший. Он сам назвал мне свое имя. Я тебе еще нужен или я могу вернуться к работе?

– Иди, – отозвался Тернер.

Как только Линч оказался вне пределов слышимости, Гарри стал распутывать завязки кожаного кисета.

– Не стоило так обращаться с мальчиком, – заметил он. – Он и вправду очень хорош. Честное слово, я не заметил его, пока он не приставил игольник к моей шее. – Открыв мешочек, он осторожно запустил в него руку.

– Скажи Конрою, что я раскусил его шестерку.

– Прости, – сказал Гарри, извлекая сложенный пополам желтый блокнотный листок, – кого ты раскусил? – Он протянул листок Тернеру. Внутри было что-то еще.

– Линча. Он – шестерка Конроя здесь. Так ему и передай.

Тернер развернул листок и вынул толстый армейский микрософт. На бумаге синими крупными буквами было накорябано: «НИ ПУХА НИ ПЕРА, ЗАДНИЦА. УВИДИМСЯ В КОНСУЛЬСТВЕ».

– Ты действительно хочешь, чтобы я ему это передал?

– Да.

– Ты – босс.

– Вот именно, мать твою, – сказал Тернер и, скомкав бумагу, засунул ее Гарри под мышку.

Гарри улыбнулся – мило и безучастно. Ненадолго всплывший в нем разум вновь ушел на дно, как некое водяное животное, нырнувшее в гладкое, скучное, протухшее на солнце море. Тернер заглянул в глаза, похожие на потрескавшийся желтый опал, и не увидел там ничего, кроме солнца и заброшенной трассы. Рука с отсутствующими последними фалангами на двух пальцах поднялась и рассеянно почесала недельную щетину.

– Вали отсюда, – сказал Тернер.

Гарри повернулся, вытащил из зарослей свой велосипед, хрюкнув, забросил его на плечо и побрел назад через полуразрушенную автостоянку. Огромные драные шорты цвета хаки полоскались у его коленей, коллекция цепочек тихонько позвякивала на каждом шаге.

С холма метрах в двадцати левее донесся свист. Обернувшись, Тернер увидел, что Сатклифф машет ему рулоном оранжевой геодезической ленты. Пора было начинать выкладывать посадочную полосу для Митчелла. Работать придется быстро, пока солнце еще не слишком поднялось. И все равно будет очень жарко.

– Значит, – сказала Уэббер, – он прибывает по воздуху.

Повесив коричневый плевок на желтый кактус, она запихнула за щеку новую порцию копенгагенского табака.

– Вот именно, – ответил Тернер.

Он сидел рядом с ней на выступе сланцевой породы. Оба наблюдали за тем, как Линч и Натан расчищают посадочную полосу, которую Тернер с Сатклиффом огородили оранжевой лентой. Лента маркировала прямоугольник размером четыре на двадцать метров. Линч подволок к ленте отрезок проржавевшего рельса, с натугой перевалил через нее. Когда рельс загремел о бетон, что-то метнулось прочь через кусты.

– А они ведь могут увидеть эту ленту, если захотят, – сказала Уэббер, вытирая рот тыльной стороной ладони. – Даже заголовки в утреннем факсе могут прочесть, если им того захочется.

– Знаю, – отозвался Тернер. – Но если они еще не знают, что мы здесь, сомневаюсь, что они вообще об этом узнают. А с трассы нас не видно. – Он поправил черную нейлоновую каскетку, которую дал ему Рамирес, опустив длинный козырек так, что тот уперся в солнечные очки. – Во всяком случае, мы пока просто таскаем тяжести, рискуя при этом переломать себе ноги. Едва ли в этом есть что-то странное, особенно если смотреть с орбиты.

– Пожалуй, – согласилась Уэббер.

Ее испещренное шрамами лицо под черными очками оставалось совершенно бесстрастным. Со своего места Тернер чуял запах ее пота, резкий и звериный.

– Что ты, черт побери, делаешь между контрактами, Уэббер? Когда ты не в деле? – спросил он, посмотрев на нее.

– Да побольше тебя, черт побери, – сказала она. – Часть года выращиваю собак. – Она вытащила из сапога нож и начала терпеливо править его о подметку, плавно поворачивая с каждым проходом, как мексиканский брадобрей, натачивающий свою бритву. – Ужу рыбу. Форель.

– У тебя там есть родня? В смысле, в Нью-Мексико?

– Да побольше, наверно, чем у тебя, – ровным голосом проговорила она. – Думаю, такие, как ты или Сатклифф, вы вообще ниоткуда. Живете только в деле, ведь так, Тернер? Только здесь, только сегодняшним днем, тем днем, когда прибудет ваш мальчик. Я права? – Она попробовала заточку на ногте большого пальца, потом убрала нож обратно в ножны.

– Но у тебя есть семья? Мужчина, к которому ты вернешься?

– Женщина, если хочешь знать, – сказала она. – Ты хоть что-то понимаешь в собаководстве?

– Нет, – ответил он.

– Так я и думала. – Она искоса взглянула на него. – У нас есть и ребенок. Наш собственный. Она его выносила.

– Срастили ДНК?

Она кивнула.

– Дорогое удовольствие.

– Вот именно. Если бы не надо было выплачивать кредит, меня бы здесь не было. Но она прекрасна.

– Твоя женщина?

– Наша малышка.

12
Кафе «Блан»

Идя прочь от Лувра, Марли словно кожей чувствовала, как беззвучно смещаются блоки некоего сложного шарнирного механизма, подстраиваясь к каждому ее шагу. Официант – всего лишь часть огромного целого: робкое касание, пальпация. Целое должно быть больше, гораздо больше. Как она только вообразила, что можно жить, передвигаться в противоестественном силовом поле Вирекова богатства, не подвергаясь искажению? Выбрав очередной объект – жалкую тряпицу с ярлычком «Марли Крушкова», – Вирек провернул его через чудовищные невидимые жернова своих денег. И объект изменился. Конечно, думала Марли, конечно: они постоянно вертятся вокруг меня – бдительные и незримые колесики необъятного и тонкого механизма, с помощью которого и наблюдает герр Вирек.

Некоторое время спустя она обнаружила, что стоит на тротуаре под террасой с вывеской «Блан». Кафе показалось ничем не хуже любого другого. Месяц назад она обошла бы его стороной – слишком много вечеров они провели здесь вместе с Аленом. Теперь же, осознавая, что это и есть свобода, Марли решила, что начнет заново открывать свой собственный Париж с выбора столика в кафе «Блан». Она села возле боковой ширмы. Заказала официанту коньяк и, зябко ежась, стала смотреть на текущий мимо поток транспорта, на бесконечную реку из стекла и стали. А вокруг нее за соседними столиками незнакомые парижане ели и улыбались, пили и ссорились, с горечью прощались или клялись в вассальной верности полуденному чувству.

Но – тут Марли улыбнулась – ведь и она принадлежит к этой жизни. Что-то просыпалось в ней после долгого оцепенелого сна, что-то возвращенное ей в тот миг, когда полностью открылись глаза на жестокость Алена и на то, что она по-прежнему желает любить его. Теперь же, сидя в ожидании коньяка, Марли чувствовала, как это желание растворяется само собой. Жалкая ложь Алена странным образом разорвала путы ее депрессии. Марли не видела в этом логики: в глубине души – и задолго до истории с Гнассом – она знала, чем именно в этом мире занимается Ален. Впрочем, какая разница – для любящего-то человека? Наслаждаясь давно забытым чувством свободы, она решила, что плевать ей на логику. Достаточно того, что она жива, сидит за столиком в «Блан» и придумывает вокруг себя сложнейший механизм, который – как она теперь знает –

запустил герр Вирек.

Парадокс, думала она, глядя, как на террасу поднимается молодой официант из «Двора Наполеона». Он был все в тех же темных брюках, однако передник сменил на синюю ветровку. Темные волосы мягким крылом падали на чистый лоб. Улыбаясь, он направился к ней, твердо уверенный, что никуда она не убежит. И тут какой-то внутренний голос шепнул вдруг Марли, что надо бежать, бежать куда глаза глядят, но она знала, что даже не стронется с места. Парадокс, повторила она сама себе, наслаждаться открытием, что ты не вместилище вселенских горестей и сожалений, а всего лишь еще одно не застрахованное от ошибок животное в каменном лабиринте огромного города, – и в то же время понимать, что отныне ты – ось вращения огромного устройства, работающего на топливе чьего-то тайного желания.

– Меня зовут Пако, – сказал молодой человек, отодвигая стоящий напротив нее крашенный белым железный стул.

– Это вы были ребенком, мальчиком в парке?…

– Да, очень давно. – Он сел. – Сеньор сохранил образ моего детства.

– Я как раз сидела и думала о вашем сеньоре. – Она смотрела не на него, а на проезжавшие мимо машины; взгляд отдыхал на потоке уличного движения, на многоцветье полимеров и раскрашенной стали. – Человек, подобный Виреку, не способен абстрагироваться от собственного состояния. А его деньги давно уже живут собственной жизнью. Может быть, даже обрели собственную волю. Он почти так и сказал при нашей встрече.

– А вы философ.

– Я инструмент, Пако. Я самая новая деталь в очень старой машине в руках очень старого человека, который желает пробраться куда-то или добиться чего-то, но до сих пор терпел неудачу. Ваш хозяин перебрал тысячи инструментов и почему-то предпочел меня…

– Да вы еще и поэт!

Она рассмеялась, отведя взгляд от машин. Пако улыбался, вокруг рта запали глубокие вертикальные складки.

– По дороге сюда я представляла себе некую конструкцию, механизм – настолько огромный, что я не способна его увидеть. Механизм, который окружает меня, предугадывая каждое мое движение.

– Так вы еще и эгоцентрист?

– Неужели?

– Пожалуй, нет. Естественно, вы под наблюдением. Наблюдают наши люди, и это к лучшему. Далее, ваш друг в баре – мы следим также и за ним. К несчастью, нам пока не удалось

установить, где он приобрел ту голограмму, которую показывал вам. Вполне вероятно, она уже была у него, когда он начал названивать вашей подруге. Кто-то вышел на него, понимаете? Вам его специально подставили. Вы не находите это интригующим? Разве это не задевает притаившегося в вас философа?

– Да, наверное. В баре я воспользовалась вашим советом и согласилась на его цену.

– Тогда он ее удвоит, – улыбнулся Пако.

– Что, как вы заметили, не имеет для меня значения. Он согласился связаться со мной завтра. Полагаю, вы сможете устроить выплату денег. Он требует наличные.

– Наличные, – он закатил глаза, – как рискованно! Да, могу. Подробности мне известны. Мы следили за ходом вашей беседы. Особого труда это не составило, поскольку он был настолько любезен, что сам вещал через капельный микрофон. Нас весьма интересует, кому именно предназначалась передача, но боюсь, он и сам этого не знает.

– Это так не похоже на него, – нахмурилась Марли. – Извиниться, оборвать разговор, не выставив прежде своих требований. Он воображает, что у него исключительное чутье на драматичность момента.

– У него не было выбора, – спокойно отозвался Пако. – Мы спровоцировали помехи, которые он принял за сбой батареи в передатчике. Что потребовало прогулки к туалетам. Он говорил очень мерзкие вещи о вас, сидя один в кабинке.

Марли жестом указала на свой стакан проходившему мимо официанту.

– Мне все еще довольно сложно определить, какую роль во всем этом играю я. В чем моя ценность. Для Вирека, я имею в виду.

– Не спрашивайте меня. Это вы тут философ. Я же просто по мере сил исполняю приказания сеньора.

– Выпьете бренди, Пако? Или, быть может, чашку кофе?

– Французы, – с глубокой убежденностью заявил он, – ничего не понимают в кофе.

13
Обеими руками

– Можно еще раз повторить? – спросил Бобби с полным ртом, набитым рисом с яйцом. – По-моему, ты только что сказал, что это не религия.

Сняв пустую оправу, Бовуар сощурился вдоль одной из дужек.

– Этого я не говорил. Я сказал, что тебя не должно заботить, религия это или нет, – вот и все. Это просто структура. Давай лучше обсудим происходящее, иначе мы можем не найти для этого слов, концепций…

– Но ты говоришь, что эти, как ты их там назвал, лоы…

– Лоа, – поправил Бовуар, бросая очки на стол. Он вздохнул, выудил из пачки Дважды-в-День китайскую сигарету и прикурил от оловянного черепа. – Что во множественном числе, что в единственном. – Он глубоко затянулся, потом, раздув ноздри, выпустил двойную струю дыма. – Когда ты говоришь «религия», что именно приходит тебе в голову?

– Ну, сестра моей матери, она сайентистка, причем твердокаменная, понимаешь? Есть еще одна тетка, в другом конце коридора, та – католичка. А моя старуха… – Он помедлил, еда внезапно стала безвкусной. – Она иногда вешала в моей комнате всякие голограммы. Иисус, или Хаббард, или еще какое дерьмо. Вот, пожалуй, что я имею в виду.

– С вуду все немного иначе, – сказал Бовуар. – Вуду не интересуют категории спасения или трансцендентальности. Скорее, речь идет о том, как улаживать дела. Поспеваешь за мной? В нашей системе *много* богов и духов. Все они – часть одной большой семьи, со всеми добродетелями, со всеми пороками. Есть традиционный ритуал явления всей общине, понимаешь? Вуду говорит: «Бог, конечно, есть – Гран Ме, – но Он велик, слишком велик и слишком далек, чтобы беспокоиться о том, что кто-то разгуливает с голой задницей, а кто-то не может кончить». Да брось ты, сам ведь знаешь, как это работает. Это – религия улицы, вышедшая с помоек миллионы лет назад. Вуду – как улица. Ты же не идешь походом на якудза, если какой-нибудь торчок покоцал твою сестру, правда? Никоим образом. Однако ты идешь к тому, кто может это уладить. Так?

Не переставая жевать, Бобби задумчиво кивнул. Еще один дерм и пара стаканов красного немало помогли, плюс крутой пиджак увел Дважды-в-День погулять среди деревьев и флюоресцентных чучел, оставив Бобби с Бовуаром. Потом

объявилась веселая Джекки с большой миской этого самого риса с яйцом – кормежка оказалась не так уж плоха – и, ставя миску перед ним на стол, прижалась грудью к его плечу.

– Так вот, – продолжал Бовуар, – мы занимаемся улаживанием всяких дел. Если хочешь, работаем с системами. Тебя они тоже занимают, или, по крайней мере, ты хочешь ими заниматься, иначе не стремился бы в ковбои и у тебя не было бы такого прозвища, да? – Он загасил бычок в захватанном пальцами стеклянном стакане с остатками красного вина. – Судя по всему, Дважды-в-День намеревался повеселиться всерьез – и как раз в тот момент, когда дерьмо попало в вентилятор.

– И что это было за дерьмо? – полюбопытствовал Бобби, тылом кисти вытирая рот.

– Ты, – нахмурился Бовуар. – Впрочем, все это – не твоя вина. Как бы ни пытался Дважды-в-День перевести стрелки на тебя.

– А он пытается? То-то он показался мне таким дерганым. И злобствует не по делу.

– Вот именно. Я бы скорее сказал, он в штаны наложил от страха.

– С чего бы это?

– Ну, видишь ли, с Дважды-в-День все не совсем так, как кажется. Я хочу сказать, он и в самом деле занимается этой фигней, о которой ты знаешь, впаривает свежетянутый софт барритаунским простофилям… прошу прощения… – Он хмыкнул. – Но основной его прицел, то есть, я хочу сказать, настоящие амбиции этого парня лежат в другой области… – Бовуар взял с подноса чахлое канапе и, осмотрев его с явным подозрением, швырнул через стол в гущу деревьев. – Его основное дело, видишь ли, – обслуживать парочку больших хунганов из Муравейника.

Бобби тупо кивнул.

– Людей, которые служат обеими руками.

– Тут я что-то совсем запутался.

– Мы с тобой говорим сейчас о профессиональных жрецах, можешь так это называть. Другими словами, просто представь себе пару больших людей – они же, кстати, помимо прочего, еще и компьютерные ковбои, – которые делают свой бизнес на том, что устраивают чужие дела. «Служить обеими руками» – есть у нас такое выражение, это значит, что они работают в обе стороны. И в белую и в черную, понимаешь?

Бобби проглотил рис, затем мотнул головой.

– Колдуны, – сказал Бовуар. – Впрочем, не важно. Люди они сердитые, а деньги у них большие, вот и все, что тебе требуется знать. Дважды-в-День работает для этих парней мальчиком на

побегушках, шестеркой. Иногда он находит что-то, что может их заинтересовать, тогда он скидывает это им, а в качестве платы рассчитывает на одолжение в будущем. Случается, таких одолжений набегает, скажем, лишний десяток, и тогда уже *они* что-то скидывают *ему*. Только их «что-то» уже совсем иного калибра, поспеваешь за мной? Скажем, они получили нечто, что, на их взгляд, обладает определенным потенциалом, но их самих пугает. Видишь ли, люди наверху склонны к некоторому консерватизму. Не понимаешь? Ну ладно, потом поймешь.

Бобби снова кивнул.

– Тот софт, который кто-нибудь вроде тебя берет напрокат у Дважды-в-День, – это ничто. Я хочу сказать, он, конечно, работает, но никто из серьезных людей не стал бы с ним возиться. Ты ведь смотришь ковбойские киношки, да? Так вот, то, что выдумывают для этих фильмов, – это детские игры по сравнению с той дрянью, с которой может столкнуться по-настоящему серьезный оператор. Особенно когда речь идет о ледорубах. Тяжелые ледорубы, бывает, выкидывают разные фортели, даже у больших мальчиков. И знаешь почему? Потому что лед, весь по-настоящему прочный лед – стены вокруг любого крупного склада данных в матрице, – это всегда продукция ИскИна, искусственного интеллекта. Ни у кого больше нет такой сноровки, чтобы нарастить хороший лед, а потом постоянно его изменять и апгрейдить. Это значит, что всякий раз, когда на черном рынке всплывает по-настоящему мощный ледоруб, игру заранее определяют несколько факторов риска. Для начала: откуда взялся этот продукт? В девяти случаях из десяти он пришел от ИскИнов, а их же постоянно пасут, в основном Тьюринг-полиция, – просто для гарантии, что они не станут слишком умничать. Значит, тебе на голову могут в любой момент свалиться «тьюринги»: а вдруг где-нибудь какой-нибудь ИскИн захотел по-тихому срубить бабла в свой личный карман. У некоторых ИскИнов еще ведь и гражданство есть, так? Есть и еще кое-что, чего надо остерегаться: а вдруг это военный ледоруб, за ними тоже лихие ребята следят. Или, может, его попятили у какого-нибудь дзайбацу, из отдела промышленного шпионажа, а встречаться с этими ребятами – тоже никакой радости. Сечешь, в чем загвоздка, Бобби?

Бобби кивнул. Он чувствовал себя так, будто всю свою предыдущую жизнь ждал этого момента: сидеть и слушать, как Бовуар объясняет ему механику мира, о существовании которой он мог ранее только догадываться.

– И все же ледоруб, который действительно пробивает лед, стоит дорого, я имею в виду – очень дорого. Итак, скажем, ты на

рынке – мистер Крутой, и кто-то предлагает тебе такую штуковину, и ты не хочешь говорить им, мол, идите гуляйте. Следовательно, ты ее покупаешь. Покупаешь втихую, но не запускаешь сам, нет. Что ты с ней делаешь? Ты привозишь ее домой, даешь в работу своим техам, так чтобы она выглядела как что-нибудь средненькое. Скажем, вгоняешь вот в такой вот формат, – он постучал пальцем по стопке софтов на столе, – и, как обычно, скидываешь своей шестерке, перед которой у тебя должок…

– Погоди-ка, – вмешался Бобби, – что-то мне это не нравится…

– Это хорошо. Значит, ты умнеешь на глазах или, во всяком случае, становишься чуть умнее. Потому что так они и сделали. Привезли программу сюда твоему приятелю-толкачу, мистеру Дважды-в-День, и поделились своей печалью. «Туз, – сказали они, – нам нужно проверить эту хрень, испытать в деле, но мы никоим образом не намерены делать этого сами. Дело за тобой, мальчик». И что же Дважды-в-День? Вставляет кассетку? Никоим образом. Он просто делает то же самое, что сделали с ним большие мальчики, разве что даже не дает себе труда шепнуть словцо тому, кто поработает за него. А делает он следующее: находит базу на Среднем Западе, базу, под завязку нашпигованную программами по уклонению от налогов и блок-схемами отмывки иен для какого-нибудь борделя в Канзас-Сити. Каждый, кто не вчера родился, знает, что эта дрянь по уши во льду, в черном льду, абсолютно смертельных программах обратной связи. И нет ни одного ковбоя в Муравейнике или за его пределами, кто полез бы в эту базу. Во-первых, потому, что она прямо-таки сочится защитой; во-вторых, потому, что складированная в ней мура не интересна никому, кроме налоговых инспекторов, а те, скорее всего, и так уже у владельца на содержании.

– Эй, – вскинулся Бобби, – а нельзя ли пояснее…

– По-моему, я растолковываю тебе яснее некуда, белый мальчик! Короче, он нашел такую базу, потом пробежался по своему списку хотдоггеров, честолюбивых панков из Барритауна, вильсонов, среди которых может найтись тупой настолько, чтобы со впервые увиденной программой пойти в рейд на базу, в которую шутник вроде Дважды-в-День ткнул пальцем и сказал, что это, мол, легкая пожива. И кого же он выберет? Он выберет новичка, того, кто не знает, где Дважды-в-День живет, того, у которого нет даже его номера. Он говорит ему: «Слушай, мужик, возьми это домой и заработай себе немножко денег. Если найдешь что-то стоящее, я помогу тебе это толкнуть!» – Бовуар

округлил глаза, он больше не улыбался. – Ну что, похоже на кого-то из твоих знакомых или, может, ты не якшаешься с неудачниками?

– Ты хочешь сказать, он знал, что меня могут прикончить, если я вломлюсь в эту базу?

– Нет, Бобби. Но он знал, что такая возможность существует, если пакет не сработает. Он, в сущности, просто хотел понаблюдать за твоей попыткой – ничего больше. Однако он не потрудился сделать это сам, просто поставил за себя пару ковбоев. А дальше все могло идти двумя различными путями. Вариант первый: ледоруб пробивает черный лед, ты попадаешь внутрь, находишь кучу цифр, в которых ты ни уха ни рыла, выбираешься назад, возможно даже не оставив следов. Ну, ты тогда пошел бы к Леону и сказал Дважды-в-День, что он ошибся с базой. А тот бы жутко извинялся, конечно, – и ты получил бы новую цель и новый ледоруб, а он повез бы этот в Муравейник и сказал, что с ним все в порядке. А тем временем не спускал бы с тебя глаз, просто чтобы последить за твоим здоровьем. Чтобы убедиться, что никто не пришел искать ледоруб, который, как они могли прослышать, ты использовал. Или могло случиться иначе, так, как это едва не случилось: ледоруб оказался бы не того, лед сжег бы тебя насмерть, и тогда одному из ковбоев пришлось бы вломиться в квартиру твоей мамочки и забрать софт прежде, чем найдут твое тело.

– Не знаю… Бовуар, это чертовски жест…

– Задница моя жесткая. *Жизнь* жестока. Я хочу сказать, мы же говорим о *бизнесе*, не забыл?

Бовуар рассматривал его с полной безмятежностью. Пластмассовая оправа сползла почти на кончик изящного носа. Он был светлее, чем Дважды-в-День или гигант в костюме, – с кожей цвета слегка разбавленного кофе, и к черному мху коротко стриженных волос уходил высокий гладкий лоб. В балахоне из серой плащовки он выглядел худощавым, и Бобби не находил в нем ничего угрожающего.

– Но нам надо выяснить – и вот зачем ты здесь, – что же произошло на самом деле. А это уже нечто другое.

– Но ты же сказал, что он меня подставил, что Дважды-в-День подставил меня так, чтобы меня пришили? – Бобби все еще сидел в кресле-каталке «Роддома Святой Марии», хотя теперь ему казалось, что кресло ему больше не нужно. – И что теперь эти парни, ну, эти крутые из Муравейника, они его с говном сожрут?

– Теперь ты понял.

– Так вот почему он ведет себя так странно, то ли будто ему уже все по хрену, то ли он меня ненавидит до самых потрохов,

да? И он действительно перепуган?

Бовуар кивнул.

– И это все потому, – продолжал Бобби, понимая наконец, почему Дважды-в-День не в своей тарелке, почему он так испугался, – что на меня напали там, на Большой Площадке, и сволочи долики обули меня на деку! И этот софт, он ведь оставался у меня в деке! – Он подался вперед, возбужденный оттого, что сложил все вместе. – А эти парни могут, скажем, убить его, если он не вернет дискету, так?

– Должен тебе сказать, что ты слишком много смотрел кино, – сказал Бовуар, – хотя в общем и целом определенно так.

– Хорошо. – Бобби откинулся на спинку кресла-каталки, закинув голые ноги на край стола. – Ну, Бовуар, кто же эти парни? Как ты их там назвал, хуюнганы? Колдуны? Что, черт побери, это должно означать?

– Видишь ли, Бобби, – сказал Бовуар, – я один из них, а тот большой мужик – можешь называть его Лукасом – второй.

– Ты, наверное, видел такие раньше, – сказал Бовуар, когда означенный Лукас поставил на стол трехмерный проектор, перед этим методично расчистив для него место.

– В школе, – покорно ответил Бобби.

– Ты ходил в школу, парень? – огрызнулся Дважды-в-День. – Почему ты там, черт побери, не остался?

Он прикуривал одну сигарету от другой с тех самых пор, как они с Лукасом вернулись, и, казалось, был в еще худшем настроении, чем прежде.

– Заткнись, Дважды-в-День, – предложил Бовуар, – немного образования и тебе бы не повредило.

– С их помощью нас учили, как отыскивать дорогу в матрице, как получать доступ ко всякому барахлу из печатных библиотек, все такое…

– Тем лучше. – Лукас выпрямился, отряхивая несуществующую пыль с огромных розовых ладоней. – Ты когда-нибудь пользовался им, чтобы получать доступ к печатным книгам?

Он снял черный, без единой морщинки, пиджак; на крахмальной рубашке под ним ярко выделялась пара изящных темно-бордовых подтяжек. Лукас ослабил узел строгого черного галстука.

– Я не слишком-то хорошо читаю, – сказал Бобби. – То есть могу, но это работа. Ну да, я входил. Смотрел совсем старые книги о матрице и о всем таком.

– Так я и думал, – отозвался Лукас, подключая к консоли в

основании проектора что-то вроде маленькой деки. – Счет Ноль. *Прерывание на счет ноль*. Древний программистский жаргон. – Он передал деку Бовуару, который стал вводить в нее команды.

Внезапно в экранном объеме проектора начали возникать сложные геометрические фигуры, выравниваясь вдоль почти невидимых плоскостей трехмерной решетки. Бобби догадался, что Бовуар набрасывает в киберпространстве координаты Барритауна.

– Будем считать, что синяя пирамидка – это ты, Бобби. Вот она. – (В самом центре объема мягко запульсировала синяя пирамида.) – Теперь мы покажем тебе, что увидели ковбои, которым Дважды-в-День поручил наблюдать за тобой. Включаю запись.

Из пирамиды выросла синяя пунктирная линия и побежала по линиям решетки. Бобби смотрел в экранный объем, видя себя, одинокого, в гостиной своей матери с «Оно-Сэндай» на коленях. Занавески задернуты, пальцы бегают по клавишам.

– Пошел ледоруб, – прокомментировал Бовуар.

Синий пунктир достиг стенки экрана. Бовуар нажал пару клавиш, и координаты изменились. Исходную декорацию сменил новый набор геометрических фигур. Бобби узнал нагромождение оранжевых кубов в центре решетки.

– Вот оно, – сказал он.

Из-за стенки экрана возникла синяя линия и потянулась к оранжевой базе. Вокруг кубов мерцали смутные плоскости оранжевого света, которые, когда пунктир подполз ближе, начали вдруг смещаться и пульсировать.

– Сам видишь, здесь что-то не так, – сказал Лукас. – Вон он, их лед, и он уже о тебе знает. Вычислил тебя еще до того, как ты за него зацепился.

Когда синий пунктир коснулся скользнувшей навстречу оранжевой поскости, вокруг него тут же образовалась оранжевая трубка чуть большего диаметра. Трубка начала удлиняться, двигаясь назад вдоль пунктира, пока не уперлась в стенку экрана…

– А тем временем, – сказал Бовуар, – дома, в Барритауне…

Он снова пробежал пальцами по клавишам, и теперь в центре оказалась синяя пирамидка Бобби. На глазах у Бобби оранжевая трубка выросла из стенки экранного объема и по синему пунктиру вкрадчиво подобралась к пирамидке.

– А вот с этого момента, ковбой, ты должен был начать умирать всерьез.

Трубка коснулась пирамидки, оранжевые треугольники сомкнулись, как будто закрывая ее стеной. Бовуар остановил

запись.

– Когда няньки Дважды-в-День, – сказал Лукас, – жокеи, в общем-то бывалые и закаленные, увидели то, что сейчас увидишь ты, друг мой, они решили, что их деке пора на большой небесный капремонт. Как и у любых профи, у них была вторая дека, для подстраховки. Подключив ее, они увидели то же самое. Именно тогда они решили позвонить своему работодателю, мистеру Дважды-в-День, который, как можно заключить из окружающего нас бардака, собирался устроить вечеринку…

– Мужик, – сказал Дважды-в-День сдавленным от истерики голосом, – я же тебе говорил. У меня тут были клиенты, которых требовалось развлечь. Я заплатил своим мальчикам, чтобы они присмотрели за ледорубом, они и смотрели, а потом позвонили мне. Я позвонил вам. Ну что тебе, черт побери, от меня надо?

– Нашу собственность, – мягко отозвался Бовуар. – А теперь смотри внимательно, – обратился он к Бобби, – такую штуку, кроме как аномальным явлением, не назовешь, без дураков…

Он ввел команду, снова пуская запись.

На нижней плоскости экрана расцвели жидкие цветы, белые как молоко. Подавшись вперед, Бобби увидел, что состоят они словно из тысяч мельчайших сфер или пузырьков. Цветы подстроились к кубической решетке, срослись с ней, образовав асимметричную структуру с широким верхом, нечто вроде многогранного гриба. Грани были белыми и совершенно пустыми. Фигура в экранном объеме была размером не больше ладони Бобби, но всякому вошедшему в матрицу она показалась бы непомерной. «Гриб» развернул пару «рожек»; «рожки» вытянулись, изогнулись, превратившись в пинцет, который метнулся, чтобы схватить пирамидку. Бобби увидел, как кончики щипцов беспрепятственно прошли сквозь посверкивающие оранжевые плоскости враждебного льда.

– Она сказала: «Что ты делаешь?» – услышал Бобби собственный голос. – Потом она спросила меня, почему они это делают, делают это со мной, убивают меня…

– Ага, – негромко произнес Бовуар, – вот теперь мы хоть как-то продвинулись.

Бобби не знал, куда они идут, но был рад возможности выбраться из кресла. Бовуар пригнулся, чтобы не задеть косо висящую светодиодную лампу, которая покачивалась на двух отрезках крученой веревки; Бобби последовал за ним, едва не поскользнувшись в луже воды с зеленоватой пленкой. Чем дальше от гостиной-поляны Дважды-в-День, тем гуще становился воздух. Стоял тепличный запах перегноя и растущей зелени.

– Вот так это было, – задумчиво произнес Бовуар. – Дважды-в-День послал пару ребят на «Ковина-Конкорс-Кортс», но ты уже ушел. И деки тоже не было.

– Ну, это не совсем его вина, – сказал Бобби, – то есть я хочу сказать, что если бы я не рванул к Леону – а я и правда искал Дважды-в-День, даже подумывал о том, как бы мне попасть сюда, наверх, – то он нашел бы меня, верно?

Бовуар помедлил, чтобы полюбоваться роскошными листьями цветущей конопли, и, протянув худой коричневый палец, тронул бледный бесцветный цветок.

– Верно, – отозвался он, – но бизнес есть бизнес. Ему надо было поставить кого-нибудь следить за твоей квартирой в течение всего рейда, убедиться, что ни ты, ни софт не отправитесь ни на какую незапланированную прогулку.

– Но послал же он Реа и Джекки к Леону, раз я их там видел.

Бобби запустил руку за ворот черной пижамы и почесал заклеенную рану, пересекавшую его грудь и живот. Тут он вспомнил о многоножке, которую Пай использовал как стягивающий рану пластырь, и быстро убрал руку. Шрам отчаянно зудел, превратился в сплошную линию зуда, но многоножки касаться не хотелось.

– Нет, Джекки и Реа – наши. Джекки – мамбо, жрица, лошадь Данбалы.

Бовуар продолжал свой путь, придерживаясь, как решил Бобби, какой-то известной ему тропинки в этом беспорядочном гидропонном лесу, хотя тропинка эта, похоже, петляла безо всякого смысла. Кусты покрупнее пустили корни в огромных грушевидно бугрящихся пластиковых мешках для мусора, наполненных темным гумусом. Мешки местами лопнули, и бледные корни искали себе пропитание в тенях, куда не доставали светодиодные лампы и где общими усилиями времени и постепенно опадающих листьев нарос тонкий слой компоста. На Бобби были черные нейлоновые тапки, которые подобрала для него Джекки, но в них уже набилась сырая земля.

– Лошадь? – переспросил он, уклоняясь от чего-то шипастого, наводившего на мысль о вывернутой наизнанку пальме.

– Данбала оседлывает ее. Данбала Ведо, змей. А в другое время она – лошадь Айды Ведо, его жены.

Бобби решил не углубляться и сменил тему:

– А как вышло, что у Дважды-в-День такая огромная хата? Зачем тут деревья и все такое?

Насколько он понял, Джекки и Реа вкатили его в кресле от «Святой Марии» через какой-то дверной проем, но с тех пор он не видел ни одной стены. При этом он знал, что здание-улей

покрывает энное число гектаров, так что вполне возможно, что обиталище Дважды-в-День и в самом деле очень велико. Правда, представлялось маловероятным, чтобы толкачу, пусть даже очень крутому, было по карману столько пространства. Никто не может позволить себе столько места – да и кому захочется жить в вечно сыром гидропонном лесу?

Последний дерм снашивался, грудь и спину начинало жечь острой болью.

– Фикусовые деревья, деревья мапоу… весь этот этаж – *лье сан*, святое место. – Тронув Бобби за плечо, Бовуар указал на перевитые двухцветные ленточки, свисающие с веток ближайшего дерева. – Все деревья здесь посвящены различным лоа. Вот это посвящено Огу, Огу Фераю, богу войны. Тут растет еще много всего: есть растения, необходимые докторам-травникам, а другие – просто для удовольствия. Но это место принадлежит не Дважды-в-День – оно принадлежит всей общине.

– Ты хочешь сказать, вся Новостройка этим повязана? Тут все вудуисты и всякое такое…

Это было хуже самой страшной фантазии Марши.

– Нет, друг мой! – рассмеялся Бовуар. – На крыше у нас мечеть стоит, еще здесь живут тысяч двадцать, если не тридцать праведных баптистов, разбросаны по всей Новостройке. Есть последователи Церкви сайентологии… Каждой твари по паре, обычное дело. И все же, – он ухмыльнулся, – если надо уладить какие-то дела, этим традиционно занимаемся мы… Но история этого этажа уходит довольно далеко в прошлое. Проектировщики – а строили эти «ульи», может, восемьдесят, а то и все сто лет назад – пытались добиться максимальной автономии. Чтобы люди могли тут сами выращивать пищу. Чтобы могли сами обогреваться, генерировать электроэнергию и так далее. Взять конкретно эту Новостройку: если пробурить достаточно глубокую скважину, достанешь до резервуара геотермальных вод. Там и вправду очень жарко, но недостаточно, чтобы запустить турбину, так что никакого тока не будет. Поэтому на крыше поставили сотню роторов Дарье[15] – их тут еще называют миксерами. Сделали себе ветряные мельницы, понимаешь? Правда, сегодня большую часть своих ватт Новостройка получает от «Ядерной комиссии», как и все прочие. Но эти геотермальные воды накачивают наверх, в теплообменник. Для питья вода слишком соленая, так что в обменнике она просто греет обычную воду из системы водоснабжения вашего Джерси. Впрочем, кое-кто полагает, что и эту воду тоже пить нельзя…

Наконец они вышли к какой-то стене. Бобби оглянулся назад. В мелких озерцах на грязном бетонном полу отражались сучья и

ветки карликовых деревьев. Голые бледные корни переплетались в импровизированных баках с гидропонной жидкостью.

– Потом вода поступает в цистерны с креветками, их там выращивают в промышленных объемах. В теплой воде креветки растут действительно быстро. Потом по трубам в бетоне воду качают сюда наверх, чтобы обогревать этот этаж. Вот для чего на самом деле этот уровень – чтобы выращивать гидропонный амарант, салат и тому подобное. Дальше вода снова уходит вниз, в резервуары с сомами, а креветочье дерьмо доедают сине-зеленые водоросли. Сомы питаются водорослями – и все идет по новой. Или, во всяком случае, так было задумано. Готов поспорить, никому из проектировщиков и в голову не могло прийти, что кто-то заберется на крышу и скинет роторы Дарье, чтобы освободить место для мечети. И многие другие перемены они тоже не предусмотрели. Нынешние жители основательно переоборудовали «улей». Но тут еще можно достать чертовски хороших креветок… Да и сома тоже…

Они достигли стены. Стена, целиком стеклянная, была сплошь усеяна бусинами сконденсировавшейся влаги. За стеклом в нескольких сантиметрах виднелась вторая стена – что-то вроде ржавого стального листа. Выудив откуда-то из блестящего балахона ключ, Бовуар вставил его в отверстие в голой стальной раме, разделявшей две створки окна. Неподалеку со стоном ожил мотор; широкий стальной ставень сложился, рывками уходя наверх, чтобы открыть панораму, которую так часто воображал себе Бобби.

Они были, наверное, почти у самой крыши, высоко-высоко, потому что Большая Площадка казалась пятном, которое он мог бы накрыть ладонями. Кондо Барритауна выглядели отсюда как простирающийся до горизонта ковер серо-белой плесени. Уже стемнело, и за последней волной кондо Бобби смог различить далекое розовое свечение.

– Там ведь Муравейник, правда? Этот розовый свет?

– Верно, но чем ближе к нему, тем он непригляднее. Хочешь поехать туда, Бобби? Счет Ноль готов завоевать Муравейник?

– Господи, да… – Бобби прижал ладони к запотевшему стеклу. – Если б ты только знал…

Действие дерма закончилось, грудь и спину стало жечь огнем.

14
Ночной полет

С наступлением ночи Тернер вновь ощутил себя на рубеже.

Казалось, слишком много времени прошло с тех пор, когда он в последний раз испытывал подобное ощущение. Но теперь он чувствовал себя так, словно никуда с рубежа и не уходил. Он будто стал сверхчеловеческой ячейкой в синхроцепи – ощущение, которое стимуляторы могут лишь имитировать. Такое возможно только на площадке, когда все готово для извлечения по-настоящему крупной дичи и когда ты один в ответе за всё – да и то лишь в самые последние часы перед рывком.

Но сколько времени с тех пор утекло! В Нью-Дели он только проверял возможные пути отступления для топ-менеджера, который даже не был до конца уверен, хочет ли он перейти под другую крышу. Ощущай Тернер передовой рубеж тем вечером на Чандни-Чоук, он, быть может, и смог бы увернуться от «собаки». Скорее всего – нет, но рубеж приказал бы ему попытаться.

Теперь же ощущение рубежа позволило ему свести в единый рисунок все факторы, какие следовало учесть на данной площадке, – и целые гроздья мелких проблем, и крупные проблемы-одиночки. Мелких было до черта, но никаких по-настоящему серьезных обломов. Линч и Уэббер начинали потихоньку вцепляться друг другу в волосы, а поэтому он устроил так, чтобы держать их подальше друг от друга. Уверенность в том, что Линч – подсадка Конроя, инстинктивная с самого начала, теперь усилилась. Когда ты на рубеже, инстинкты обостряются, понемногу становишься телепатом. У Натана возникли проблемы со шведскими грелками для рук – все, что было проще компьютерной платы, сбивало мастера с толку. Тернер приставил к грелкам Линча – их требовалось зарядить топливом, а Натану приказал выносить грелки наружу по две зараз и неглубоко прикапывать на расстоянии метра друг от друга вдоль двух длинных полос оранжевой ленты.

Присланный Конроем микрософт наполнял голову целой вселенной других постоянно меняющихся факторов: скорость воздушных потоков, авиагоризонт, угол атаки, ускорение и сила тяжести, азимут цели. Неумолчной литанией всплывали из подсознания данные о вооружении машины: приборы наведения, траектории сброса бомб, дальности и коды запуска, круги поиска, счетчики боеприпасов. Конрой дописал к микрософту простое сообщение – время прибытия самолета и подтверждение

установки дополнительной противоускорительной сетки для пассажира.

Тернер спрашивал себя: что делает, что испытывает сейчас Митчелл? Предприятие «Маас-Биолабс, Северная Америка» было встроено в изрезанное туннелями плато, гигантский обрубок скальной породы, вздыбившийся над песчаной пустыней. Досье с биософта показало Тернеру фасад этого плато с его горящими вечерним светом окнами. Плато возвышалось над морем сагуарий, как рубка гигантского корабля. Для Митчелла оно было и тюрьмой и крепостью – его домом на протяжении девяти последних лет. Где-то в сердцевине плато он совершенствовал синтез гибридом, уже более века не дававшийся другим ученым. Работая с человеческими раковыми клетками и отвергнутой, почти забытой моделью синтеза ДНК, он создавал бессмертные гибридные клетки, ставшие для этой технологии базовыми средствами производства, крохотными биохимическими заводиками, бесконечно воспроизводящими искусственно сконструированные молекулы, которые потом собирали в цепи и встраивали в биочипы. Где-то там, в научном городке, Митчелл доживает сейчас свои последние часы в качестве самой яркой звезды среди «маасовских» исследователей.

Тернер пытался представить Митчелла, которому предстоит совершенно иная жизнь – его теперешняя кончится с переходом в «Хосаку», – но представлялось с трудом. Да и так ли уж отличается закрытый исследовательский центр в Аризоне от аналогичного на Хонсю?

В течение всего этого длинного дня в Тернере то и дело темной волной поднимались закодированные воспоминания Митчелла, наполняя его странным ужасом, который, казалось, не имел ничего общего с предстоящей операцией.

Тревожила узнаваемость, почти интимность образов, возможно, именно эта тревога и порождала страх. Некоторые фрагменты как будто обладали гораздо большей эмоциональной насыщенностью, чем можно было предположить по их содержанию. Почему воспоминание о пустом коридоре какого-то обшарпанного общежития в Кембридже должно наполнять его чувством вины и отвращением к самому себе? Другим же картинам, которым по логике вещей полагалось нести определенную эмоциональную нагрузку, эмоций-то странным образом не хватало. Вот Митчелл играет с грудной дочкой на четырехугольнике пушистого паласа в доме, который он снимал в Женеве. Ребенок смеется, тянет отца за палец. Ничего. Жизнь этого человека, с точки зрения Тернера, была отмечена именно

отсутствием событий. Ученый был талантлив – это стало ясно довольно рано, – честолюбив, наделен способностью к расчетливым интригам и манипуляциям – подобный дар требуется любому, кто мечтает стать ведущим исследователем. Если кому-то и было суждено подняться по иерархической лестнице корпоративной науки, то именно Митчеллу.

Сам Тернер оказался не способен прижиться среди людей дзайбацу, в этом мире, разделенном на племена с их бесконечной борьбой за выживание. Он оставался вечным аутсайдером, непредсказуемым фактором, носимым по тайным морям межкорпоративной политики. Ни один служащий ни одной компании не был способен на ту инициативу, какая требовалась от Тернера в ходе извлечения. Откуда взяться у служащего, взращенного корпорацией, профессионально небрежному умению Тернера менять свою лояльность при смене работодателей. Или, может быть, его несгибаемому упорству с того момента, как согласованы условия контракта. Когда ему еще не исполнилось и двадцати, его занесло в охранную контору; это были времена, когда мрачная хандра в послевоенной экономике только-только уступала дорогу импульсам новых технологий. Он неплохо продвинулся в охране, учитывая отсутствие у него всяческих амбиций. Он обладал осанкой пластичного мускулистого зверя, которая производила впечатление на клиентов его работодателей, и он оказался сметлив и весьма расторопен. Умел носить одежду. Ладил с техникой.

Конрой разыскал его в Мексике, где работодатель Тернера заключил контракт на обеспечение безопасности для съемочной группы «Сенснета» – те записывали получасовые эпизоды бесконечного сериала о приключениях в джунглях. Когда появился Конрой, Тернер как раз заканчивал последние приготовления. Он разработал контакты и посадил связника между «Сенснетом» и местным правительством. Подкупил главного полицейского чина в городе, проанализировал систему безопасности гостиницы, познакомился с местными проводниками и водителями, перепроверил их биографии, установил цифровую голосовую защиту на передатчиках съемочной группы, подобрал команду на случай возникновения кризисной ситуации и разместил сейсмические сенсоры вокруг скопления коттеджей «Сенснета».

Он вошел в бар гостиницы – продолжение вестибюля, выдвинутое в заросший тропический сад, – и нашел себе место за одним из стеклянных столиков. Бледный мужчина с копной белых, вытравленных волос пересек бар, держа по стакану в каждой руке. Одет он был в тщательно выглаженную армейскую

рубашку, выпущенную поверх джинсов, и кожаные сандалии. Мучнисто-белая кожа казалась туго натянутой на угловатый череп.

– Ты отвечаешь за безопасность этих детишек из симстима, – утвердительным тоном произнес бледный мужчина, ставя один из стаканов на стол перед Тернером. – Мне сказал Альфредо.

Так звали одного из гостиничных барменов.

Тернер поднял глаза на человека, который, судя по всему, был совершенно трезв и, казалось, олицетворял собой всю самоуверенность в мире.

– Кажется, мы не представлены, – сказал Тернер, не делая ни малейшего движения, чтобы принять предложенную выпивку.

– Не важно, – ответил Конрой, отодвигая стул. – Мы играем на одном поле. – Он сел.

Тернер посмотрел на него в упор. Тогда Тернер выглядел как настоящий телохранитель. В его осанке, в каждом движении жилистого тела читались беспокойство и настороженность, и очень редкие из незнакомых людей решились бы так небрежно вторгнуться на его территорию.

– Видишь ли, – сказал мужчина, – сейсмики, которые ты расставил, на самом деле ни хрена не стоят. – Он сказал это так, будто комментировал действия бейсбольной команды, не особо отличившейся в этом сезоне. – Я знаю людей, которые войдут внутрь, съедят твоих детишек на завтрак, потом засунут их кости в душ и насвистывая удалятся. А сейсмики скажут, что ничего не случилось. – Он отпил из стакана. – Хотя, конечно, за старание тебе можно поставить пятерку. Ты свое дело знаешь.

Выражения «засунут кости в душ» было вполне достаточно – Тернер решил вынести бледного.

– Смотри-ка, Тернер, а вот твоя примадонна. – И мужчина улыбнулся Джейн Гамильтон.

Актриса ответила ему улыбкой и широко раскрыла голубые глаза, такие ясные и совершенные. Каждый зрачок был окаймлен крохотными золотыми буковками логотипа «Цейс-Айкон». Тернер замер, на долю секунды пойманный в западню нерешительности. Звезда была близко, слишком близко, а бледный человек вставал…

– Рад был познакомиться, Тернер, – сказал он. – Рано или поздно мы еще встретимся. Последуй моему совету, я о сейсмиках. Я бы подстраховал их периметром «кричалок».

Тут он повернулся и пошел прочь, под хрусткой тканью рыжевато-коричневой рубашки плавно перекатывались мускулы.

– Как мило, Тернер, – сказала Гамильтон, устраиваясь на стуле, где только что сидел незнакомец.

– Да? – Тернер не отрываясь смотрел, как тот ныряет в толпу розовощеких туристов и исчезает в суете переполненного вестибюля.

– Я думала, что ты и не разговариваешь ни с кем. У тебя всегда такой вид, будто ты обыскиваешь собеседника, заполняя на него рапорт. Приятно видеть, как ради разнообразия ты заводишь друзей.

Тернер перевел взгляд на актрису. Гамильтон было двадцать, на четыре года меньше, чем ему, и в неделю она зарабатывала, грубо говоря, в девять раз больше его годового оклада. Загорелая блондинка с коротко подстриженными, как требовалось по сценарию, волосами. Девушка выглядела так, будто изнутри ее освещали лампы дневного света. Голубые глаза были нечеловечески совершенными оптическими приборами, выращенными в автоклавах в Японии. Она была одновременно и актрисой, и камерой, глаза ее стоили несколько миллионов новых иен, а в иерархии звезд «Сенснета» ее рейтинг был почти что никаким.

Он посидел с ней, пока она не прикончила оба коктейля, потом проводил назад к коттеджам.

– Не хочешь зайти выпить еще, а, Тернер?

– Нет, – ответил он.

Это был уже второй вечер, когда она делала подобное предложение, и, насколько он догадывался, последний.

– Мне нужно проверить сейсмики.

Тем же вечером он позвонил в Нью-Йорк, чтобы получить телефон фирмы в Мехико, которая могла бы поставить ему «кричалки».

Но неделю спустя Джейн и трое других – половина актерского состава сериала – были мертвы.

– Мы готовы перекатить врачей, – сказала Уэббер.

Тернер заметил, что у нее на руках коричневые кожаные перчатки с обрезанными пальцами. Она сменила противосолнечные очки на прозрачные охотничьи, а на бедре у нее висел пистолет.

– Сатклифф наблюдает за периметром через камеры. Нам понадобятся все остальные, чтобы протащить эту срань через кусты.

– Я нужен?

– Рамирес говорит, что не может напрягаться за какой-то час до включения. Если хочешь знать мое мнение, он просто маленький ленивый засранец из Лос-Анджелеса.

– Нет, – отозвался Тернер, вставая со своего насеста на

каменной ограде, – он прав. Если он перенапряжет кисть, нам крышка. Любая мелочь, даже если сам он этого и не почувствует, может сказаться на его скорости…

Уэббер пожала плечами.

– Ладно. Значит, он в бункере. Раз он полощет руки в последней нашей воде и напевает себе под нос, то мы выкрутимся.

Когда они дошли до бокса, Тернер автоматически пересчитал головы. Семь. Рамирес – в бункере; Сатклифф – где-то в лабиринте шлакоблоков, следит за экранами дозорных видеокамер. У Линча за правым плечом висит лазер «стайнер-оптик». Компактная модель со складным прикладом из легкого сплава, встроенные батареи образуют толстую рукоять под серым титановым стволом. Натан одет в черный комбинезон и черные же десантные ботинки с налетом светлой пыли. Под подбородком на головной повязке болтаются защитные очки с выпуклыми, будто муравьиные глаза, линзами фотоумножителей. Сняв свои мексиканские противосолнечные очки, Тернер убрал их в нагрудный карман синей спецовки и застегнул клапан.

– Как дела, Тедди? – спросил он двухметрового верзилу с коротко стриженными русыми волосами.

– Ништяк, – улыбнулся тот всеми своими зубами.

Тернер оглядел остальных членов команды, кивая по очереди каждому: Комптон, Коста, Дэвис.

– Что, беремся за дело, а? – спросил Коста.

У него было круглое влажное лицо с редкой, тщательно подстриженной бородкой. Как Натан и все остальные, он тоже был в черном.

– Через пару минут, – отозвался Тернер. – Пока все гладко.

Коста кивнул.

– У нас примерно полчаса до прибытия, – сказал Тернер.

– Натан, Дэвис, – приказала Уэббер, – отсоедините сливной шланг.

Она протянула Тернеру один из наборов клипсовых передатчиков, который уже успела вынуть из пузырчатой упаковки. Потом сама сорвала пластиковую заглушку с самоклеющегося горлового микрофона и разгладила его на сожженной солнцем шее.

Натан и Дэвис копошились в тени позади фургона. Тернер услышал, как Дэвис тихонько чертыхнулся.

– Вот черт, – бросил Натан, – нет затычки для раструба шланга.

Остальные засмеялись.

– Оставь как есть, – бросила Уэббер, – беритесь за колеса.

Линч и Комптон, снимайте домкраты.

Вытащив из-за пояса шуруповерт, Линч полез под фургон. Фургон закачался, тихонько скрипнула подвеска; внутри ходили врачи. До Тернера донесся короткий высокий вой какого-то прибора, затем дребезжание шуруповерта. Линч откручивал домкраты.

Он нацепил клипсу и прижал горловой передатчик возле гортани.

– Сатклифф! Как слышно?

– Нормально, – сказал австралиец. Казалось, что слабый голос исходит из основания черепа Тернера.

– Рамирес?

– Ясно и четко…

Восемь минут. Они выкатывали трейлер на его десяти толстых шинах. Тернер и Натан взялись за переднюю пару, тянули, направляя бокс в нужную сторону. Натан надвинул на глаза защитные очки. Митчеллу предстояло лететь в новолуние, в кромешной тьме. Бокс был тяжелым, абсурдно тяжелым, – казалось, его просто невозможно сдвинуть с места.

– Будто катишь грузовик на паре продуктовых тележек, – пробормотал себе под нос Натан.

У Тернера болела поясница. С самого Нью-Дели с ней что-то было не в порядке.

– Всем стоп, – скомандовала Уэббер от третьего колеса слева. – У меня застряло на каком-то долбаном камне…

Отпустив свое колесо, Тернер выпрямился. И откуда сегодня ночью столько летучих мышей? Трепещущие черточки в чаше звездного неба пустыни. В Мексике их тоже было полно. В джунглях это были фруктовые мыши, которые спали в кронах деревьев, нависавших над палаточным городком, где ночевала съемочная группа «Сенснета». Тернер облазил деревья, опутывая нависающие сучья мономолекулярной нитью, – любого незваного гостя ждали метры невидимого лезвия. Но Джейн и другие погибли все равно – во время взрыва на пологом горном склоне недалеко от Акапулько. Неприятности с профсоюзами, как сказал кто-то потом, но на деле так ничего и не выяснили, кроме самого факта примитивного заряда в керамической оболочке, места, где он был установлен, и точки, откуда был взорван. Тернер сам лазил на склон, даже не сняв окровавленной одежды, и видел пятачок среди поломанного кустарника, где ждали убийцы, взрывную машинку и автомобильный аккумулятор в ржавом корпусе. Он даже нашел бычки самокруток и крышку от бутылки пива «Богемия» – новую и яркую.

Сериал пришлось прикрыть, команда по устранению кризисных ситуаций сработала безупречно, организовав перевозку тел и эвакуацию выживших актеров и съемочной группы. Тернер улетал последним самолетом. После восьми скотчей в баре аэропорта Акапулько он слепо выбрел в центральный регистрационный зал и столкнулся там с Бушелом, старшим техом из лос-анджелесского комплекса «Сенснета». Несмотря на лос-анджелесский загар, Бушел был смертельно бледен. Его индийский льняной костюм пошел пятнами от пота. В руке администратор держал алюминиевый кейс, похожий на футляр кинокамеры, стенки кейса были тусклыми от сконденсировавшейся влаги. Тернер глядел на человека, глядел на потеющий кейс с красными и белыми предупредительными надписями и длинными наклейками, поясняющими, какие меры предосторожности требуются при транспортировке материалов в криогенном хранилище.

– Господи, Тернер, – выдавил, завидев его, Бушел. – Слушай, парень, мне очень жаль. Приехал только сегодня утром. Кошмарная история. – Он вытащил из кармана пиджака сырой носовой платок и вытер лицо. – Кошмарная работа. Мне никогда не приходилось делать такого раньше…

– Что в этом чемодане, Бушел? – Теперь Тернер был гораздо ближе, хотя и не помнил, как шагнул вперед. Он мог разглядеть поры на загорелом лице.

– С тобой все в порядке, приятель? – Бушел отступил на шаг назад. – Ты как-то скверно выглядишь.

– Что в этом чемодане, Бушел? – Льняной лацкан смят в кулаке, костяшки побелели от напряжения.

– Черт побери, Тернер! – Человечек вырвался на свободу, сжимая ручку чемодана уже обеими руками. – Они же не были повреждены. Только какая-то мелкая потертость на одной из роговиц. Глаза принадлежат «Сенснету». Это один из пунктов ее контракта.

И Тернер отвернулся, его желудок завязался узлом вокруг восьми неразбавленных скотчей, а он все пытался побороть тошноту. И продолжал бороться с ней, держал ее под контролем в течение девяти лет, пока – на полпути от голландца – все эти воспоминания не вернулись, не обрушились на него в Лондоне, в Хитроу, и он скрючился, даже не замедляя шага, посреди очередного коридора – и сблевал в синюю пластмассовую урну.

– Давай же, Тернер, – подстегнула его Уэббер, – толкай. Покажи нам, как это делается.

Трейлер снова пополз вперед сквозь деготный запах пустынных растений.

– Мы готовы, – прозвучал отдаленный и спокойный голос Рамиреса.

Тернер коснулся горлового микрофона:

– Посылаю тебе кой-кого для компании. – Он убрал палец с микрофона. – Натан, пора. Вы с Дэвисом – назад в бункер.

Дэвис отвечал за переоборудованную рацию – их единственную вне матрицы связь с «Хосакой». Натан играл роль мастера на все руки. Линч откатывал последнее мотоциклетное колесо в кустарник за автостоянкой. Уэббер и Комптон, стоя на коленях возле бокса, подсоединяли кабель, который свяжет хирургов «Хосаки» с биомонитором «Сони» в командном пункте. С убранными колесами, опущенный и установленный на четырех домкратах, хирургический бокс опять напомнил Тернеру французский прогулочный модуль. Путешествовать он отправился гораздо позже, года через четыре после того, как Конрой завербовал его в Лос-Анджелесе.

– Как дела? – спросил в микронаушнике Сатклифф.

– Прекрасно, – отозвался Тернер, касаясь микрофона.

– Тут скучновато, – сказал Сатклифф.

– Комптон, – окликнул Тернер, – Сатклиффу нужна твоя помощь следить за периметром. И твоя тоже, Линч.

– Вот так всегда, – донесся из темноты голос Линча, – только я настроился посмотреть спектакль…

Рука Тернера легла на рукоять «смит-и-вессона» под отогнутой полой парки.

– Пошевеливайся, Линч.

Если Линч – подсадка Конни, он пожелает остаться здесь. Или в бункере.

– А пошел ты! – взвился Линч. – Никого там нет, сам прекрасно знаешь. Если не хочешь видеть меня здесь, пойду внутрь – присмотрю за Рамиресом…

– Хорошо, – сказал Тернер и, вытащив револьвер, вдавил клавишу, включавшую подствольный фонарь.

Первая вспышка полуденно-яркого ксенонового луча выхватила из темноты искривленную сагуарию – серым мехом ощетинились в безжалостном свете колючки. Вторая – нашла шипастый череп на пряжке ремня, поймала его в пятно резкого света. Выстрел и хлопок разрывной пули слились в один звук, ударная волна покатилась как гром – невидимыми, расширяющимися кругами над темной плоской землей.

В первые несколько секунд после выстрела не было слышно ни единого звука, даже летучие мыши и жучки смолкли, выжидая. Уэббер упала в кусты, и почему-то Тернер чувствовал, что она

здесь, знал, что пистолет уже у нее в руках – в этих умелых коричневых руках, нацелен ровно, не дрожит и в любую секунду готов выплюнуть смерть. Он понятия не имел, где сейчас Комптон. Тут в клипсе передатчика, процарапавшись сквозь черепную кость, раздался голос Сатклиффа:

– Тернер, что это было?

Света звезд было теперь достаточно, чтобы различить силуэт Уэббер. Женщина скорчилась за камнем, дуло пистолета смотрит ему в лицо, локти уперты в колени.

– Он был подсадкой Конроя, – сказал Тернер, опуская «смит-и-вессон».

– Боже милосердный, – выдохнула она. – Я, я подсадка Конроя.

– У него была внешняя связь. Я такое уже видел.

Пришлось ей повторить уже сказанное дважды.

В голове – голос Сатклиффа, затем – Рамиреса:

– Мы засекли ваш транспорт. Восемьдесят километров, приближается… В остальном, похоже, все чисто. В двадцати километрах на юго-юго-восток – малый дирижабль. Джейлин говорит, это беспилотный грузовик, идет точно по расписанию. Больше ничего. Чего это Сат орет, будто его насилуют? Натан говорит, он слышал выстрел. – Рамирес был подключен к матрице, и большая часть его сенсориума была занята информацией, поступающей с деки «Маас-Неотек». – Натан готов слить первый пакет…

Тернер и сам теперь слышал, как снижается истребитель, заходя на посадку на шоссе. Уэббер, выпрямившись во весь рост, шла к нему с пушкой в руке. Сатклифф раз за разом задавал все тот же вопрос. Тернер коснулся горлового микрофона:

– Это был Линч. Он мертв. Самолет прибыл. Вот он.

И тут машина оказалась прямо над ними. Черная тень. Невероятно низко. С погашенными огнями. Тормозит – вспышки из сопел; пилота-человека при такой посадке убило бы перегрузкой. Потом – жуткий скрип: телескопическая посадочная рама из углеродного волокна гасит удар о землю. Тернер смог различить зеленоватый отсвет приборной доски в пластиковой кривизне кабины.

– Вот же мать твою, – сказала Уэббер.

В стенке хирургического бокса за ее спиной распахнулся люк, в проеме обрисовалась фигура в маске и защитном костюме из жесткой зеленой ткани. Отбросив в тонкое облачко пыли, зависшее над местом посадки самолета, перекошенную тень врача, из трейлера хлынул поток сине-белого, очень резкого света.

– Закрой! – крикнула Уэббер. – Рано!

Когда дверь, обрезав на пороге свет, захлопнулась, они оба услышали мотодельтаплан. После рева истребителя звук малолитражного мотора казался гудением стрекозы. Но вот гудение начало затихать, а потом и вовсе исчезло.

– У него кончилось топливо, – проговорила Уэббер. – Но он близко.

– Прибыл, – коснулся Тернер микрофона. – Первый пакет.

Над ними прошелестел крохотный дельтаплан, черный треугольник, на миг затмивший звезды. Ни звука больше – лишь что-то полощется на ветру. Должно быть, одна из штанин Митчелла. Вот ты и здесь, над нами, подумал Тернер, совсем один, в самой теплой одежде, какая только у тебя была, в инфракрасных очках, которые ты сам же и смастерил, и теперь ищешь пару пунктирных линий, обозначенных дурацкими грелками для рук…

– Сумасшедший засранец, – пробормотал он, чувствуя, как его переполняет странное восхищение. – Видно, и вправду тебе приспичило удрать.

Затем с негромким праздничным хлопком взлетела вдруг откуда-то осветительная ракета; магниевый огонь под белым парашютиком начал медленно опускаться в пустыню. Почти сразу же полыхнули еще две, а с запада донесся треск длинной автоматной очереди. Боковым зрением Тернер заметил, что Уэббер, спотыкаясь, бежит через кусты к бункеру, однако взгляд его был прикован к описывающему круги дельтаплану – к веселеньким оранжево-голубым матерчатым крыльям, к фигуре, скорчившейся на сиденье среди растяжек над хрупким треножником шасси. Лицо человека скрывали очки ночного видения.

Митчелл.

Плывущие в поднебесье огни заливали стоянку ярким светом – как футбольное поле. Дельтаплан заходил на посадку – грациозным и таким ленивым разворотом, что Тернеру хотелось закричать. Где-то за периметром площадки белой аркой повисла в воздухе линия трассеров. Мимо.

Приземляйся. Приземляйся. Тернер бежал, перепрыгивая через кочки, через какие-то кусты, которые цеплялись за брюки, за полы расстегнутой парки.

Осветительные ракеты. Зарево. Свет. От инфракрасных очков Митчеллу теперь никакого проку, он не видит теплового излучения грелок. Он промахнулся мимо полосы. Носовое колесо за что-то зацепилось. Дельтаплан зарылся носом, как смятая, порванная бабочка, и наконец застыл в поднятом им облаке белой

пыли.

Вспышка взрыва, казалось, достигла Тернера за мгновение до звука, отбросив на бледный кустарник перед ним его собственную тень. Взрывная волна подхватила его и повалила на землю – откатившись в сторону, он увидел желтый огненный шар на месте расколотого надвое хирургического бокса и понял, что Уэббер выпустила-таки свою противотанковую ракету. Потом он вновь оказался на ногах, вновь побежал, сжимая револьвер.

Он достиг покореженного дельтаплана Митчелла как раз в тот момент, когда погасла первая осветительная ракета. Но сразу же, словно из ниоткуда, взлетела еще одна и распустилась над головой. Звук стрельбы стал теперь непрерывным. Перепрыгнув через смятый лист ржавой жести, Тернер обнаружил скорчившегося на земле пилота; голова его и лицо были скрыты под самодельным шлемом, из которого выступали уродливые линзы. Прибор ночного видения был примотан к шлему тускло серебрившейся изолентой. Свернувшееся в клубок тело – укутано в несколько слоев темной одежды. Словно со стороны Тернер увидел, как его руки терзают ленту, сдергивают инфракрасные очки. Руки превратились в два самостоятельных существа, два бледных подводных создания, живущие своей жизнью на дне какой-нибудь глубоководной тихоокеанской впадины. Ему оставалось лишь смотреть, как они отчаянно срывают ленту, шлем, очки. А когда все это улетело, отброшенное, прочь, он уставился на белое девичье лицо под волной длинных, липких от пота каштановых волос, которые, выплеснувшись из-под шлема, смазали темную струйку крови, бегущую из носа. Глаза девушки открылись, показав пустые белки, и тогда Тернер по-пожарному закинул ее за спину и неуклюже метнулся, надеясь, что бежит правильно, в сторону реактивного самолета.

Второй взрыв он почувствовал через подошвы теннисных туфель и будто наяву увидел перед собой идиотскую улыбку пластикового комка взрывчатки, налепленного на киберпространственную деку Рамиреса. Вспышки не последовало – только звук и отдача взрывной волны по всему бетону автостоянки.

А потом он очутился в кабине, где, как в новеньком автомобиле, пахло длинными мономерными цепочками – привычный аромат техники новейшей чеканки. Позади него – девушка, безвольная кукла, спеленутая в коконе противоперегрузочной сетки. Конрою пришлось заплатить дополнительные бабки торговцу оружием в Сан-Диего, чтобы тот установил эту сетку позади пилотской. Самолет дрогнул, оживая, когда Тернер заворочался, устраиваясь поудобнее в своей сетке.

Он пошарил в поисках кабеля, нашел его, вырвал из разъема микрософт и воткнул на его место коннектор интерфейса.

Знание вспыхнуло в голове, как заставка компьютерной игры, и Тернер подался вперед, ощущая себя самолетом, да и, по сути, став им – чувствуя, как перестраивается под ним в стартовую позицию гибкая посадочная рама, как мягко гудят сервоприводы, закрывая фонарь кабины. Противоперегрузочная сетка вздулась вокруг него, жестко фиксируя конечности; в правой руке все еще был зажат револьвер.

– Вперед, мать твою!

Но самолет и так все понял. На Тернера навалилось ускорение, и он погрузился во тьму.

– Вы были без сознания, – сказал самолет.

Смоделированный чипом голос смутно напоминал голос Конроя.

– И сколько же?

– Тридцать восемь секунд.

– Где мы?

– Над Нагосом.

Зажегся верхний дисплей, высветив дюжину постоянно изменяющихся фигур, а поверх них – упрощенную карту района «Аризона – Сонора».

Небо побелело.

– Что это?

Молчание.

– Что это?

– Сенсоры определяют взрыв, – сказал самолет. – Мощность как у тактической ядерной боеголовки, но электромагнитное излучение отсутствует. Эпицентром разрушения является точка нашего взлета.

Белое сияние поблекло и исчезло.

– Отменить курс, – приказал Тернер.

– Курс отменен. Прошу дать новые координаты.

– Хороший вопрос, – протянул Тернер.

Он не мог повернуть голову, чтобы взглянуть на девушку у себя за спиной. Как она там, жива ли?

15
Шкатулка

Марли снился Ален… сумерки над лужайкой полевых цветов. Он баюкал ее голову на сгибе локтя, потом нежно погладил по волосам и сломал ей шею. Лежа неподвижно в траве, она прекрасно сознавала, что он делает. Он целовал ей лицо и плечи. Он забрал у нее деньги и ключи от комнаты. Звезды стали огромными, будто приклеенными над сочной яркостью полей, а она все чувствовала его руки у себя на шее…

И проснулась. Утренний аромат кофе, квадраты солнечного света, разбросанные по книгам на столе Андреа, успокаивающе знакомый утренний кашель подруги – это Андреа прикуривает от конфорки свою первую утреннюю сигарету. Стряхнув темные краски сна, Марли села на кушетке в гостиной подруги, обхватив руками колени поверх темно-красного стеганого одеяла. После Гнасса, после полиции и репортеров ей никогда не снился Ален. Или, если и снился, пришло ей в голову, она подсознательно отфильтровывала эти сны, стирала их, прежде чем проснуться. Она поежилась, хотя утро было теплое, а затем отправилась в ванную. Вот уж чего она не хотела бы – чтобы ей еще когда-нибудь приснился Ален.

– Пако сказал, что Ален пришел на нашу встречу с оружием, – сказала она, когда Андреа протянула ей голубую эмалированную кружку с кофе.

– Ален был вооружен? – Разрезав омлет, Андреа сдвинула половину на тарелку Марли. – Что за дурацкая мысль. Это все равно как… как вооружить пингвина. – (Подруги рассмеялись.) – Ален не из таких, – сказала Андреа. – Он отстрелил бы себе ногу посреди очередной страстной тирады о ситуации в искусстве или о сумме ресторанного счета. Он, конечно, тот еще мерзавец, этот твой Ален, но это ни для кого не новость. На твоем месте я больше бы беспокоилась из-за этого Пако. Какие у тебя основания верить ему на слово, что он работает на Вирека? – Она проглотила кусочек омлета и потянулась за солью.

– Я его видела. Он там был, в конструкте Вирека.

– Ты видела картинку, просто изображение – изображение ребенка, который был слегка похож на этого парня.

Марли смотрела, как Андреа ест, а ее завтрак остывал на тарелке. Как описать чувство, охватившее ее, когда она уходила от Лувра? Эту уверенность в том, что теперь ее окружает нечто, с расслабленной точностью отслеживающее каждое ее движение,

что она стала центром внимания со стороны по крайней мере одной из частей вирековской империи?

– Он очень богатый человек, – начала она.

– Вирек? – Положив нож и вилку на тарелку, Андреа принялась за кофе. – Я бы сказала, да. Если верить журналистам, он самый богатый индивидуум на планете. Точка. Богат, как какое-нибудь дзайбацу. Но индивидуум ли он – вот в чем загвоздка. В том же смысле, что ты или я? Ответом будет «нет». Ты разве не собираешься есть?

Марли начала механически отрезать и подносить ко рту куски омлета, а Андреа продолжала:

– Тебе стоит глянуть рукопись, над которой мы работаем в этом месяце.

Не переставая жевать, Марли вопросительно подняла брови.

– Это история орбитальных промышленных кланов. Монография какого-то профессора из университета Ниццы. Кстати, там даже этот твой Вирек есть. Он приводится в качестве противопоставления, или, скорее, варианта параллельной эволюции. Этот книжный червь из Ниццы изучает парадокс личных финансовых состояний в эпоху корпораций, пытается разобраться, почему они вообще до сих пор еще существуют. Я имею в виду огромные состояния, сосредоточенные в руках отдельных личностей. Он рассматривает орбитальные кланы вроде Тессье-Эшпулов как самый распоследний вариант традиционной модели аристократии. Собственно говоря, это анахронизм – поскольку корпорация как вид не допускает возникновения элиты. – Поставив чашку на тарелку, Андреа отнесла посуду в раковину. – Правда, уже начав рассказывать, сама понимаю, что не так уж это и интересно. Целые страницы весьма серой прозы о природе «Массового Человека». Именно так, с большой буквы. Этот профессор обожает заглавные буквы. Стилист еще тот. – Она нажала рычажок, и в фильтрационном блоке зашипела вода.

– А что он говорит о Вирeке?

– Он пишет, если правильно помню, а в этом я совсем не уверена, что Вирек даже еще большее отклонение, чем эти промышленные кланы с орбиты. Клан обычно охватывает несколько поколений, причем, как правило, там все замешано на медицине: криогеника, генетические манипуляции, различные методы борьбы со старением. Смерть одного члена клана, пусть даже его основателя, обычно не ведет к кризису всего клана как экономической единицы. Всегда находится кто-нибудь, кто готов занять освободившееся место, всегда кто-то ждет своей очереди. Различие между кланом и корпорацией, однако, в том, что за

корпорацию не нужно выходить замуж в буквальном смысле этого слова.

– Но ведь служащие подписывают пожизненный контракт…

Андреа пожала плечами:

– Это скорее договор о найме, что не одно и то же. На самом деле речь идет о гарантии трудоустройства. Но когда умрет твой герр Вирек, когда медтехи не найдут, куда еще расширить его резервуар, или что там у него, его деловые интересы лишатся логического стержня. Согласно теории нашего профессора из Ниццы, на этой стадии «Вирек и компания» или распадется на части, или мутирует. В последнем случае – превратится в «Компанию Такую-то», настоящую транснациональную корпорацию, еще одно прибежище для Массового Человека с большой буквы. – Она вымыла тарелку, сполоснула, вытерла ее и поставила в сосновую стойку возле раковины. – Профессор полагает, что это очень скверно, поскольку слишком мало осталось тех, кто способен хотя бы увидеть рубеж.

– Рубеж чего?

– Рубеж толпы. Мы затеряны в серединке, ты и я. Вернее, это я там – во всяком случае, пока. – Она пересекла кухню и положила руки на плечи Марли. – Ты побереги себя. В чем-то ты уже намного счастливее, но теперь я понимаю, что и сама могла бы этого добиться, просто устроив тебе небольшой ланч с этой свиньей, твоим бывшим любовником. В остальном же я не совсем уверена… На мой взгляд, всю красивую теорию нашего академика перечеркивает тот очевидный факт, что Вирек и ему подобные уже далеко не люди. Пожалуйста, будь осторожней…

На этом, поцеловав Марли в щеку, Андреа убежала на работу – в свой кабинет заместителя редактора такого модно архаичного предприятия, как книжное издательство.

Все утро Марли провела в квартире Андреа с проектором «Браун», изучая голограммы семи работ. Каждая из них была по-своему необычна, но Марли все время возвращалась к той шкатулке, которую Вирек показал ей первой. Что останется, думала она, если, имея оригинал, убрать стекло и один за другим вынуть разложенные внутри предметы? Бесполезный хлам, обрамленное пространство, быть может, запах пыли.

Лежа на кушетке – «Браун» покоился у нее на животе, – Марли в который раз стала всматриваться в шкатулку. Та будто излучала волны боли или какого-то мучительного томления. Марли почудилось, что конструкция с идеальной точностью пробуждает в ней нечто совершенно определенное, но для этой эмоции не находилось названия. Марли запустила руку внутрь

яркой иллюзии, провела пальцами как бы вдоль полой птичьей кости. Она была уверена, что Вирек уже посадил орнитологов определить, из крыла какой именно птицы попала сюда эта косточка. И вполне возможно – с доскональной точностью определить возраст каждого предмета. К каждому квадратику голофиши прилагался подробный отчет о происхождении каждого предмета в отдельности, но что-то заставляло ее намеренно избегать подобной информации. Сталкиваясь с тайной, именуемой искусством, иногда лучше всего подходить к ней как ребенок. Ребенок замечает то, что натренированному взгляду представляется само собой разумеющимся, слишком очевидным.

Поставив «Браун» на низкий столик возле кушетки, Марли подошла к телефону, чтобы узнать, который час. В час дня ей предстояло встретиться с Пако и обсудить, как именно будут переданы Алену деньги. Ален сказал, что он сам позвонит в три на квартиру Андреа. Пока она набирала номер службы времени, по экрану автоматически бежали сообщения спутниковой сводки новостей: над Индийским океаном при входе в атмосферу рассыпался шаттл компании «Джей-Эй-Эль»; из Столичной Оси Бостон – Атланта вызваны специальные следователи для осмотра остатков квартиры в спальном пригороде в Нью-Джерси, которая была взорвана, жестоко и, вероятно, без мотива; военизированные отряды добровольцев надзирают за эвакуацией южного сектора Нового Бонна, последовавшей за обнаружением строительными рабочими двух неразорвавшихся ракет, оставшихся со времен войны, предположительно с биологическими боеголовками; официальные источники в Аризоне отвергают обвинение Мексики во взрыве атомного или термоядерного устройства малой мощности близ границы с Сонорой… Пока она смотрела, сводка пошла по второму кругу, и изображение шаттла вновь устремилось к своей огненной смерти. Покачав головой, Марли нажала кнопку. Полдень.

Лето пришло. Небо над Парижем – жаркое и синее, и она улыбалась запаху свежего хлеба и черного табака. Пока она шла от метро по данному Пако адресу, ощущение, что за ней наблюдают, несколько ослабло. Улица Фобур-Сент-Оноре. Адрес казался смутно знакомым. Галерея, подумала она.

Действительно, галерея. «Робертс». Принадлежала она американцу, который содержал одновременно еще и три галереи в Нью-Йорке. Дорого, но не последний шик. Пако ждал возле невероятных размеров витрины, в которой под толстым и неровным слоем лака раскинулись сотни маленьких квадратных

фотографий. Такие выплевывает на вокзалах и конечных станциях автобусов только один тип очень старомодных автоматов. Похоже, все это были снимки молодых девушек. Марли автоматически обратила внимание на имя художника и название работы: «Прочти нам „Книгу имен мертвых“»[16].

– Полагаю, вы разбираетесь в таких вещах, – угрюмо приветствовал ее испанец.

На нем был дорогого вида синий костюм в парижском деловом стиле, белая в шелковистый рубчик рубашка и очень английский галстук, вероятно от «Шарве». Сейчас никто не принял бы его за официанта. Через плечо у Пако висела итальянская сумка из черного ребристого каучука.

– Что вы имеете в виду? – спросила она.

– Имена мертвых, – кивнул он в сторону витрины. – Вы же выставляли подобные работы.

– И чего же вы не понимаете?

– У меня иногда возникает такое чувство, будто все это, вся эта *культура* – чистейшей воды надувательство. Уловка. В том или ином обличье я всю мою жизнь служил сеньору, понимаете? И в моей работе, как и во всякой другой, есть свои радости, свои моменты триумфа. Но ни разу с тех пор, как сеньор подключил меня к этому делу по современному искусству, я не испытывал ни малейшего удовлетворения. Сеньор – воплощенное богатство. Мир полон объектов величайшей красоты. И тем не менее он гоняется за… – Пако пожал плечами.

– Значит, вы знаете, что вам нравится, – улыбнулась в ответ Марли. – Почему вы выбрали для нашей встречи именно эту галерею?

– Здесь агент сеньора приобрел одну из шкатулок. Разве вы не читали предоставленные вам в Брюсселе досье?

– Нет, это может меня сбить. Герр Вирек платит мне за интуицию.

В ответ испанец только поднял брови:

– Я познакомлю вас с Пикаром, это управляющий галереей. Возможно, он чем-то сможет помочь этой вашей интуиции.

Он провел ее через комнату, потом открыл какую-то дверь. Седеющий коренастый француз в помятом вельветовом костюме говорил в трубку радиотелефона. По экрану бежали колонки букв и цифр. Дневные котировки нью-йоркского рынка.

– А, это вы, Эстевес, – извиняясь, улыбнулся француз. – Прошу прощения. Одну минутку.

И Пикар вернулся к своему разговору. Пока он говорил, Марли изучала котировки. Поллок снова упал. Это была как раз та сторона арт-бизнеса, в которой Марли разбиралась хуже всего.

Пикар, если так звали этого человека, наставлял брокера в Нью-Йорке, обговаривая приобретение некоторого числа «пунктов» работы определенного художника. «Пункты» высчитываются самыми разными способами в зависимости от того, какие средства использует художник. Впрочем, с почти полной уверенностью можно было утверждать, что сам Пикар никогда не увидит приобретаемых работ. Если художник имеет достаточно высокий рейтинг, оригиналы, скорее всего, надежно спрятаны в каком-нибудь сейфе, где их вообще никто не видит. Дни или годы спустя Пикар, возможно, наберет тот же самый телефонный номер и прикажет брокеру продавать.

Галерея Марли продавала оригиналы. Это приносило сравнительно немного денег, но зато и своего рода нутряное, непосредственное удовлетворение. И разумеется, всегда оставался шанс, что тебе повезет. Она, помнится, убедила себя, что ей действительно очень повезло, когда Ален устроил так, чтобы «случайно» всплыл поддельный Корнелл. Корнелл высоко котировался у брокеров, и его «пункты» стоили очень дорого.

– Пикар, – будто обращаясь к слуге, произнес Пако, – познакомьтесь, это Марли Крушкова. Сеньор подключил ее к делу об анонимных шкатулках. Ей, возможно, захочется задать нам несколько вопросов.

– Очарован, – сказал Пикар и тепло улыбнулся, но Марли показалось, что она уловила в карих глазах галерейщика некий проблеск: скорее всего, он пытался связать имя с каким-то скандалом, причем сравнительно недавним.

– Насколько я понимаю, именно в вашей галерее была оформлена эта сделка?

– Да, – подтвердил Пикар. – Мы выставили работу в нашем нью-йоркском зале и получили ряд предложений. Однако мы решили дать ей шанс также и в Париже… – он весь светился от радости, – и благодаря вашему работодателю это решение оказалось весьма прибыльным. Как поживает герр Вирек, Эстевес? Мы не видели его уже несколько недель…

Марли украдкой бросила взгляд на Пако, но смуглое лицо испанца осталось совершенно невозмутимым.

– Я бы сказал, сеньор прекрасно себя чувствует, – ответил он.

– Великолепно, – сказал Пикар с чуть излишним энтузиазмом. Он повернулся к Марли. – Чудесный человек. Легенда. Великий меценат. Великий ученый.

Марли показалось, что она услышала, как Пако вздохнул.

– Не могли бы вы мне сказать, где именно ваше нью-йоркское отделение приобрело данную работу?

Лицо Пикара вытянулось. Он взглянул на Пако, потом снова

на Марли:

– Вы не знаете? Вам не рассказали?

– Не могли бы вы сказать мне сами?

– Нет, – сказал Пикар. – Очень жаль, но не могу. Видите ли, мы не знаем.

Марли уставилась на него в полном недоумении:

– Прошу прощения, но я не совсем понимаю, как такое возможно…

– Она не читала отчетов, Пикар. Расскажите ей все. Услышать историю из первых уст – это может подстегнуть ее интуицию.

Пикар бросил на Пако странный взгляд, потом взял себя в руки.

– Конечно, – сказал он, – с удовольствием.

– Вы думаете, это правда? – спросила она Пако, когда они вышли на залитую солнцем улицу; в толпе тут и там мелькали японские туристы.

– Я сам ездил в Муравейник, – ответил Пако, – и опросил всех, кто имел хоть какое-то отношение к этому делу. Робертс не оставил никаких записей о покупке, хотя обычно он скрытничает не больше, чем любой арт-дилер.

– И его смерть была случайной?

Испанец надел зеркальные очки «порше».

– Столь же случайной, какой бывает любая подобная смерть, – ответил он. – У нас нет никакой возможности узнать, как или где он приобрел шкатулку. Мы обнаружили ее здесь восемь месяцев назад, и все наши попытки проследить ее путь оканчивались на Робертсе, а тот уже год как мертв. Пикар выпустил из своего рассказа то, что мы едва не потеряли шкатулку. Робертс хранил ее в своем загородном доме вместе с целым рядом прочих предметов, которые его наследники сочли просто набором курьезов. Весь лот едва не продали на публичном аукционе. Иногда мне хочется, чтобы так и произошло.

– А остальные предметы, – спросила Марли, примеряясь к его шагу, – что представляют собой они?

Он улыбнулся:

– Вы думаете, мы их не отследили, каждый в отдельности? Отследили, проверили. Все они, – тут он нахмурился, делая вид, что напрягает память, – «ряд малопримечательных образчиков современного народного искусства»…

– А что, известно, что Робертс интересовался чем-то подобным?

– Нет, – отозвался он, – но мы знаем, что приблизительно за год до смерти он подал заявку на членство в институте «Арт-

Брют», здесь, в Париже, и добился того, чтобы стать попечителем «Собрания Эшман» в Гамбурге.

Марли кивнула. «Собрание Эшман» состояло в основном из работ психопатов.

– Мы питаем разумную уверенность, – продолжал Пако, беря ее под локоть и направляя за угол, в боковую улочку, – что он не делал никаких попыток использовать ресурсы того или другого учреждения. Может быть, прибег к услугам посредников, хотя это маловероятно. Сеньор, конечно, нанял несколько десятков специалистов, чтобы проверить архивы обоих заведений. Без всякого результата…

– Скажите, – поинтересовалась Марли, – почему Пикар думает, что недавно видел герра Вирека? Как это возможно?

– Сеньор богат. Сеньор любит являть себя по-всякому.

Он завел ее в какое-то кафе – несмотря на поблескивающие зеркала, ряды бутылок и игральные автоматы, оно напоминало отделанный хромировкой коровник. Зеркала лгали о размерах помещения, в глубине зала Марли увидела отраженный тротуар, ноги пешеходов, солнечный зайчик на втулке колеса. Пако кивнул сонного вида мужчине за стойкой бара и, взяв ее за руку, повел через мелководье круглых пластмассовых столиков.

– На звонок Алена вы можете ответить и отсюда, – сказал он. – Мы устроили так, чтобы его переадресовали из квартиры вашей подруги.

Он выдвинул ей стул – автоматический жест профессиональной вежливости, и она подумала, не был ли он и в самом деле некогда официантом, – и поставил на стол сумку.

– Но он же поймет, что я не у Андреа, – возразила Марли. – А если я отключу видео, у него тут же возникнут какие-нибудь подозрения.

– Ничего этого он не увидит. Мы сгенерировали цифровой образ вашего лица и требуемый фон. Осталось только ввести программу в этот аппарат.

Вынув из сумки элегантный телефон, он поставил его на стол перед Марли. На крышке устройства бесшумно развернулся и тут же приобрел жесткость тонкий, как бумага, полимерный экран. Марли однажды случилось наблюдать, как выходит на свет бабочка, и этот экран напомнил ей чем-то трансформацию подсыхающих крыльев насекомого.

– Как это сделано? – спросила она, осторожно касаясь экрана. На ощупь тот напоминал тонкую сталь.

– Новый поликарбон, – сказал он, – разработка «Мааса»…

Телефон тихонько замурлыкал. Поправив аппарат так, чтобы экран оказался точно перед Марли, Пако обошел столик.

– Ваш звонок. Помните, что вы дома! – сказал он и, потянувшись через стол, коснулся клавиши с титановым покрытием.

Маленький экран заполнили лицо и плечи Алена. Будто задымленное, с плохой подсветкой изображение значило, что звонит он из телефонной будки.

– Доброе утро, дорогая, – сказал Ален.

– Привет, Ален.

– Как дела, Марли? Полагаю, ты достала деньги, о которых мы договорились? – (Ей было видно, что одет он в какую-то темную куртку, но разрешение не позволяло разобрать детали.) – Твоей приятельнице стоило бы взять несколько уроков по уборке дома, – сказал он и, казалось, попытался заглянуть ей за спину.

– За всю свою жизнь ты ни разу не убрал комнату сам, – отозвалась она.

Ален с улыбкой пожал плечами:

– У каждого свои таланты. Мои деньги у тебя, Марли?

Она взглянула на Пако, тот кивнул.

– Да, – сказала она. – Конечно.

– Чудесно, Марли. Великолепно. Есть только одна крохотная загвоздка. – Он все так же улыбался.

– И какая же?

– Мои информаторы удвоили цену. Соответственно, и я должен удвоить свою.

Пако кивнул. Он тоже улыбался.

– Хорошо. Мне, конечно, придется спросить… – Теперь ее от него просто тошнило. Захотелось выключить телефон.

– И они, естественно, согласятся.

– Так где мы встретимся?

– Я позвоню еще раз. В пять, – сказал он.

Изображение съежилось до единственной сине-зеленой точки, как на экране радара, потом и она исчезла.

– У вас усталый вид, – сказал Пако, складывая экран и убирая телефон в сумку. – Вы выглядели старше, когда говорили с ним.

– Правда?

Перед ее внутренним взором вдруг почему-то возникла витрина в галерее «Робертс», все эти лица. «Прочти нам „Книгу имен мертвых“». Все они – Марли, подумала она, все эти девушки – это я, какой была в долгую пору юности.

16
Легба

– Вставай, придурок. – Реа не слишком нежно пихнула его под ребра. – Поднимай задницу.

Бобби очнулся, сражаясь с вышитым крестиком покрывалом и полуоформившимися силуэтами неизвестных врагов. С убийцами матери. Он лежит в незнакомой комнате, в комнате, которая может быть где угодно. Многочисленные зеркала в рамах из позолоченного пластика. Ворсистые алые обои. Так декорировали свои комнаты готики, если могли это себе позволить, но он видел, как их родители оформляли в таком же стиле целые кондо. Швырнув на темперлон узел каких-то шмоток, Реа засунула руки в карманы черной кожаной куртки.

Покрывало в розово-черную клетку сбилось складками вокруг талии. Бобби глянул вниз и увидел, что членистое тело многоножки почти полностью утонуло в колее свежего розового шрама в палец шириной. Бовуар говорил, что эта штука ускорит заживление. Бобби недоверчиво потрогал новенькую ткань – болезненно, но, в общем, переносимо. Затем перевел взгляд на Реа, выставил средний палец и сказал:

– Сама поднимай задницу на *это*.

Несколько секунд они в упор смотрели друг на друга поверх поднятого пальца Бобби. Наконец Реа рассмеялась.

– Ладно, – сказала она, – один-ноль в твою пользу. Я перестану тебя доставать. А сейчас подбери вещички и одевайся. Тут должно найтись что-нибудь, что тебе подойдет. Скоро за тобой явится Лукас, а он не любит, когда его заставляют ждать.

– Да? А мне он вроде показался спокойным мужиком.

Бобби стал рыться в куче одежды: отбросил в сторону черную рубашку с пейслийскими узорами из состирывающегося золота, красную атласную куртку с оторочкой из белой искусственной кожи по рукавам, черное трико с вставками какого-то прозрачного материала…

– Где ты это взяла? – спросил он. – Я не могу носить такую дрянь…

– Это моего младшего братца, – ответила Реа. – Осталось с прошлого сезона – и лучше бы тебе натянуть что-нибудь на свою белую задницу, пока не появился Лукас. Эге, а это мое. – Она вырвала трико, как будто Бобби собирался его украсть.

Бобби натянул черную с золотом рубашку, еще пришлось повозиться с кнопками из стекляшек под черный жемчуг. Нашел

наконец пару черных джинсов, но мало того что они оказались обвисшими и плиссированными, так в них еще и не было карманов.

– Это все штаны, какие у тебя есть?

– Господи, – вздохнула она, – я видела одежду, которую срезал с тебя Пай. Тоже мне, блин, модник. Просто оденься, ладно? Мне не нужны неприятности с Лукасом. С тобой он, может, и миндальничает, – значит, просто у тебя есть что-то очень ему нужное, вот он и не выделывается. У меня, уж конечно, ничего такого нет. Так что из-за меня Лукас угрызений совести испытывать не будет.

Бобби нетвердо встал на ноги возле топчана и попытался застегнуть черные джинсы.

– Молнии нет, – сказал он, поднимая глаза на Реа.

– Поищи пуговицы. Должны быть где-то внутри. Такой стиль, знаешь ли.

Бобби нашел пуговицы. Хитрая конструкция. Он подумал, что будет, если ему понадобится отлить по-быстрому. Увидев возле кровати черные тапки из нейлоновых ремешков, он сунул в них ноги.

– А Джекки? – спросил он, ковыляя туда, где мог бы взглянуть на себя в зеркало в золоченой раме. – Из-за нее Лукас станет испытывать муки совести? – Он следил за Реа в зеркале и увидел, что на ее лице промелькнула какая-то тень.

– А это еще что должно означать?

– Бовуар… он сказал, что она лошадь…

– Тише ты, – оборвала его Реа тихим и настойчивым голосом. – Если Бовуар упоминает при тебе о чем-то таком, это его дело. В остальных случаях это не то, о чем можно говорить, понял? Есть вещи настолько скверные, что ты сам предпочел бы вернуться на Большую Площадку к этим гопникам, которые тебя покоцали, уж поверь.

Бобби следил в зеркале за отражением ее черных глаз в тени полей мягкой фетровой шляпы. Теперь в них, казалось, появилось чуть больше белизны, чем раньше.

– Ладно, – сказал он после паузы, а потом добавил: – Спасибо.

Он поиграл воротом рубашки: поднял его сзади, снова опустил, пробуя разные варианты.

– Знаешь, – Реа склонила голову набок, – если тебя одеть, ты не такой уж урод. Правда, глаза у тебя как два окурка в сугробе…

– Лукас, – начал Бобби, когда они спускались в лифте, – ты не знаешь, кто это был? Кто разделался с моей старухой? – Он

намеревался спросить совсем другое, но вопрос выскочил сам собой, как пузырек болотного газа.

Лукас доброжелательно оглядел его с головы до ног. Черное длинное лицо негра осталось совершенно невозмутимым. Его великолепно сшитый черный костюм выглядел так, как будто его только что выгладили. В руке Лукас держал тяжелую трость из блестящего полированного дерева в красных и черных завитках прожилок, с массивным латунным набалдашником. Вниз от набалдашника сбегали латунные накладки в палец длиной, утопленные в дерево трости.

– Мы этого не знаем, – широкий рот сжался в прямую и очень серьезную складку, – но нам очень хотелось бы знать…

Бобби неуверенно переступил с ноги на ногу – ему было очень не по себе. Уже сам лифт заставлял его робеть и чувствовать себя неловким. Размерами тот напоминал небольшой автобус – и, хотя кабина не была переполнена, Бобби оставался в ней единственным белым. Черные, заметил он, когда его взгляд беспокойно скользнул по кабине, во флюоресцентном свете вовсе не выглядят полутрупами, как это происходит с белыми.

Трижды за время их спуска лифт останавливался на каком-нибудь этаже и подолгу застревал там, однажды – минут на пятнадцать. Когда такое случилось в первый раз, Бобби вопросительно глянул на Лукаса.

– Что-то в шахте, – ответил тот на невысказанный вопрос.

– Что?

– Другой лифт.

Лифты располагались в сердцевине «улья», шахты были оплетены трубами водоснабжения и канализации, толстыми кабелями электропроводки и еще какими-то коммуникациями в теплоизоляционной обмотке. Бобби решил, что это часть геотермальной системы, о которой рассказывал Бовуар. «Внутренности» Проекта вылезали наружу, стоило только раздвинуться дверям кабины: все грубо, оголено, как будто те, кто строил «улей», хотели, чтобы последующие жильцы точно знали, как именно работает вся эта механика и что куда ведет. И все вокруг, каждую видимую поверхность покрывала вязь наползающих друг на друга граффити, настолько плотная, что почти невозможно было различить хоть какую-нибудь отдельную надпись или символ.

– Ты ведь никогда раньше не бывал тут, Бобби? – спросил Лукас, когда двери в очередной раз захлопнулись и кабина опять стала опускаться.

Бобби покачал головой.

– А жаль, – продолжал Лукас. – Конечно, это вполне понятно,

но все равно – стыд и срам. Дважды-в-День говорил мне, что ты не испытываешь особого желания засиживаться в Барритауне. Это правда?

– Разумеется, – согласился Бобби.

– Ну, на мой взгляд, это вполне понятно. Ты кажешься мне молодым человеком с богатым воображением и, что еще важнее, достаточно инициативным. Согласен? – Уткнув латунный набалдашник в широкую ладонь, Лукас пригвоздил Бобби испытующим взглядом.

– Наверное, да. Терпеть не могу это захолустье. В последнее время я стал замечать, что… ну… здесь никогда ничего не происходит, понимаешь? Я хочу сказать, что-то случается, но это всегда чертов раз за чертовым разом одно и то же, как повторный показ, каждое лето похоже на предыдущее. – Бобби смешался, гадая, что Лукас о нем подумает.

– Да, – отозвался тот. – Знакомое чувство. В отношении Барритауна это, быть может, чуть более верно, чем в отношении прочих мест. Но с тем же успехом такое можно сказать и про Нью-Йорк, и про Токио.

Не может этого быть, подумал Бобби, но все равно кивнул. Предостережение Реа крепко засело у него в голове. Лукас, казалось, таил в себе не больше угрозы, чем Бовуар, но уже одни его габариты служили предостережением. Бобби в последнее время всерьез обдумывал новую теорию о том, как держат себя некоторые представители рода человеческого, он еще не додумал ее до конца, но отчасти она основывалась на следующем постулате: тем, кто может быть по-настоящему опасен, вовсе не обязательно выставлять это напоказ, а способность скрывать угрозу делает их еще опаснее. Это шло вразрез с правилами Большой Площадки, где малыши-шестерки безо всякого веса из кожи вон лезли, чтобы, обвешавшись хромированными шипами и прочей дребеденью, проканать за буйных. Что, вероятно, шло им на пользу, по крайней мере в глазах местной тусовки. Однако Лукас явно был не из тех, кого хоть сколько-нибудь интересовало мнение местной тусовки.

– Ты, я вижу, сомневаешься, – продолжал Лукас. – Ну, в этом ты, вероятно, и сам довольно скоро убедишься. Впрочем, не в ближайшем будущем. Учитывая, какой оборот приняла твоя жизнь, скучать тебе еще долго не придется.

Двери лифта, содрогаясь, разъехались в стороны, и Лукас шагнул из кабины, легонько, как ребенка, подталкивая Бобби перед собой. Они вышли в гулкий вестибюль, который, казалось, тянулся в бесконечность. Повсюду – киоски и занавешенные тряпками прилавки, и люди, сидящие возле одеял с разложенной

на них всякой всячиной.

– Не задерживайся. – Лукас слегка подтолкнул Бобби огромной ладонью, когда тот остановился перед лотками с подержанным софтом. – Ты на пути в Муравейник, друг мой, и ты отправляешься туда так, как подобает Графу.

– То есть?

– В лимузине.

Машина Лукаса ошеломляла – поразительно длинный, черный в золотых проблесках корпус, натертая до зеркального блеска латунь и целая коллекция чудных приспособлений, о назначении которых Бобби мог только гадать. Он решил, что одно из них – явно спутниковая антенна, хотя по форме она напоминала скорее не блюдце, а какое-нибудь календарное колесо ацтеков. Но тут он оказался внутри, и широкая дверца, мягко щелкнув, закрылась за ними. Окна были затемнены – пожалуй, даже слишком: изнутри казалось, что на улице ночь, причем довольно суетливая, поскольку обитатели Новостроек спешили по своим утренним делам. Внутри автомобиль представлял собой одно большое купе, заваленное пестрыми ковриками и светлыми кожаными подушками. Никаких сидений здесь, похоже, не наблюдалось. Равно как и рулевого колеса; на месте приборной доски – мягкая кожаная обивка без какого-либо следа приборов. Бобби посмотрел на Лукаса, который уже успел распустить черный галстук.

– Как ты его водишь?

– Садись где-нибудь. А водят его так: Ахмед, отвези наши задницы в Нью-Йорк, в Нижний Ист-Сайд[17].

Машина плавно скользнула от обочины, а Бобби упал на колени в мягкую горку ковриков.

– Ланч будет подан через полчаса, сэр, если только вы не пожелаете чего-нибудь раньше. – Мягкий мелодичный голос, исходящий, казалось, из ниоткуда.

Лукас рассмеялся.

– Да уж, в Дамаске знали, как делать подобные вещи, – сказал он.

– Где?

– В Дамаске, – повторил Лукас, расстегивая пиджак и устраиваясь на горке палевых подушек. – Это «роллс». Из старых. В те времена, когда у них еще водились деньги, арабы делали неплохие машины.

– Лукас, – спросил Бобби с полным ртом (ел холодного жареного цыпленка), – как так выходит, что нам до Нью-Йорка

ехать еще полтора часа? Ведь нельзя сказать, что мы ползем…

– Потому что, – сказал Лукас, сделав паузу ради еще одного глотка охлажденного белого вина, – дорога займет у нас ровно столько, сколько нужно. Ахмеда на заводе оснастили всеми необходимыми приспособами, включая первоклассную систему блокировки наблюдения. На трассе, пока он в движении, Ахмед обеспечивает изрядную степень секретности, намного большую, чем та, за какую я при обычных обстоятельствах готов платить в Нью-Йорке. Ахмед, как ты полагаешь, кто-нибудь пытается достать нас – подслушать или еще чего?

– Нет, сэр, – ответил голос. – Восемь минут назад наша идентификационная панель была инфрасканирована с вертолета тактических сил. Номер вертолета – «Эм-Икс тире три тире восемьсот сорок восемь», пилот – капрал Роберто…

– Ладно, ладно, – прервал Лукас. – Прекрасно. Это не имеет значения. Видишь? Ахмед вытащил из тактиков больше информации, чем они получили от нас. – Вытерев руки о толстую белую льняную салфетку, он выудил из кармана пиджака золотую зубочистку.

– Лукас, – снова начал Бобби, пока негр осторожно ковырялся ею в щелях между большими квадратными зубами, – что произойдет, если я, скажем, попрошу тебя отвезти меня на Таймс-Сквер и там высадить?

– Ага, – отозвался Лукас, опуская зубочистку, – самый деловой район города. В чем дело, Бобби, наркотики нужны?

– Да нет, просто интересно.

– Интересно что? Тебе нужно на Таймс-Сквер?

– Нет, просто это первое место, какое пришло мне в голову. Я имел в виду, ты меня отпустишь?

– По правде сказать, нет, – сказал Лукас. – Но тебе не следует думать, что ты заключенный. Скорее – гость. Ценный гость.

Бобби бледно улыбнулся:

– А-а. Ладно. Как это называется? «Содержание под стражей в целях безопасности»?

– Верно, – сказал Лукас, снова принимаясь за зубочистку. – И пока мы тут надежно экранированы славным Ахмедом, пора бы нам, Бобби, поговорить. Думаю, брат Бовуар уже рассказал тебе кое-что о нас. Что ты думаешь о том, что он тебе рассказал?

– Ну, – протянул Бобби, – это действительно очень интересно, но я не уверен, что все понял.

– Чего ты не понял?

– Ну, я, например, ничего не понимаю в этих ваших вудуистских штучках…

Лукас поднял брови.

– Это не мое дело, кто что готов проглотить, я хочу сказать – во что *поверить*, так? Но то Бовуар дело говорит, причем на уличном техе, да таком, что закачаешься, а через минуту – о каких-то мамбо и привидениях, о духах и змеях. И, и…

– И о чем?

– О лошадях, – выдавил Бобби, горло у него перехватило.

– Бобби, ты знаешь, что такое метафора?

– Железо какое-то? Вроде конденсатора?

– Нет. Ладно, оставим метафоры в покое. Когда Бовуар или я говорим с тобой о лоа и их лошадях, как мы называем тех немногих, которых избирают лоа, чтобы ездить на них, просто сделай вид, что мы говорим на двух языках разом. Один из них тебе понятен. Это уличный тех, как ты его называешь. Мы можем использовать другие слова, но говорим все же на техе. Скажем, мы называем что-то Огу Ферай, а ты то же самое мог бы назвать ледорубом, понимаешь? Но при этом теми же словами мы говорим и о других вещах, и вот их-то ты и не понимаешь. Тебе это и не нужно. – Он убрал зубочистку.

Бобби сделал глубокий вдох.

– Бовуар сказал, что Джекки – лошадь для змея, змея по имени Данбала. Можешь повторить то же самое на уличном техе?

– Естественно. Думай о Джекки как о деке – киберпространственной деке, очень хорошенькой и с красивыми коленками. – Лукас хмыкнул, а Бобби покраснел. – Думай о Данбале, которого некоторые называют змеем, как о программе. Скажем, о ледорубе. Данбала входит в деку Джекки, Джекки рубит лед. Вот и все.

– Ладно, – сказал Бобби, решив, что уже несколько освоился, – тогда что такое матрица? Если Джекки дека, а Данбала программа, что тогда киберпространство?

– Весь мир, – услышал он в ответ.

– Отсюда нам лучше пойти пешком, – сказал Лукас.

«Роллс» беззвучно и плавно остановился, негр встал, застегивая на две пуговицы пиджак.

– Ахмед привлекает слишком много внимания.

Он подобрал свою трость – дверь, открываясь, издала мягкий чмокающий звук.

Бобби выбрался вслед за Лукасом в безошибочно узнаваемый запах, ставший визитной карточкой Муравейника, – богатая амальгама затхлых выхлопов подземки, древней копоти и едкого канцерогенного духа от свежей пластмассы, все это замешано на углекислом привкусе запрещенного ископаемого топлива для автомобилей. Высоко над головой в отраженном ослепительном

свечении дуговых ламп один из недостроенных фуллеровских куполов[18] закрывает две трети вечернего неба цвета лососины. Рваный край купола напоминает разломанные серые соты. Лоскутное одеяло куполов Муравейника порождало непредсказуемые смены микроклимата: были, например, области на несколько кварталов, где с закопченных геодезиков непрестанно сыпалась тонкая водяная пыль сконденсировавшейся влаги; в кварталах же под самыми высокими секциями купола часто били статические разряды – этакая специфическая городская разновидность молний.

На улице, по которой Бобби шагал вслед за Лукасом, сильно дуло. Теплый ветер бросал в лицо песок, – вероятно, это было как-то связано с перепадами давления в системе подземных коммуникаций, опутавшей весь Муравейник.

– Помни, что я тебе говорил, – сказал Лукас, щурясь от ветра с песком. – Этот человек представляет собой гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. И даже если это не так, ты все равно обязан выказать ему некую толику уважения. Если хочешь стать ковбоем, раскрой глаза пошире – сейчас ты увидишь, так сказать, живого классика нашего ремесла.

– Ага, – протянул Бобби. – Ладно. – Он подпрыгнул, чтобы отделаться от посеревшей ленты распечатки, которой вздумалось обвиться вокруг его колена. – Так, значит, это у него вы с Бовуаром купили…

– Ха! Нет! Я же тебе сказал. Говорить посреди улицы – все равно что ньюсфаксу диктовать…

Бобби поморщился, потом кивнул. Блин! Он все время попадает впросак! Вот он с крупным дельцом по уши в каком-то потрясающем деле, а продолжает вести себя как вильсон. Делец. Вот самое подходящее слово для Лукаса и для Бовуара тоже. А эти разговорчики о вуду – просто игра, чтобы запудрить мозги окружающим, думал Бобби. В «роллсе» Лукас выдал какую-то пространную тираду о Легбе, который, по его словам, был лоа коммуникаций, «хозяин дорог и тропинок», а все это к тому, что человек, к которому он ведет Бобби, – избранник Легбы. Когда Бобби спросил, хунган ли этот человек, Лукас сказал, что нет. Он сказал, что этот человек шел бок о бок с Легбой всю свою жизнь, был к нему предельно близко и даже не подозревал, что лоа всегда рядом с ним, как будто лоа всегда был частью его самого, его тенью. И вот этот человек, сказал Лукас, продал им софт, который Бобби арендовал у Дважды-в-День…

Свернув за угол, Лукас неожиданно остановился, да так резко, что Бобби едва не уткнулся ему в спину. Они стояли перед почерневшей каменной стеной. Окна дома еще десятилетия назад

были забиты листами рифленого железа. На первом этаже располагался некогда магазин, но покрытые трещинами витрины успели зарасти грязью. Дверь между слепыми окнами была усилена точно таким же листом железа, какой запечатывал окна верхних этажей. Бобби показалось, что за окном слева можно разобрать что-то вроде вывески – потухшие неоновые буквы, криво свисающие в мрачной темноте. Лукас же просто стоял перед дверью, его лицо было лишено всякого выражения, конец трости будто врос в тротуар, огромные руки сложены одна поверх другой на латунном набалдашнике.

– Первое, чему тебе предстоит научиться, – сказал он тоном человека, цитирующего пословицу, – это тому, что всегда нужно ждать…[19]

Бобби почудилось за дверью какое-то царапанье, потом раздался звон цепочки.

– Потрясающе, – проговорил Лукас, – можно подумать, что нас ждали.

Дверь на хорошо смазанных петлях открылась сантиметров на десять, потом будто за что-то зацепилась. В темной пыльной щели возник глаз и немигающе уставился на них. Поначалу Бобби решил, что это глаз какого-то крупного животного: зрачок – странного желтовато-коричневого оттенка, а белок – в паутине красных прожилок. А под ними – выпяченная, еще более красная губа.

– Духов человек, – сказал невидимый владелец глаза, – духов человек и какой-то мелкий засранец. Господи… – Раздался ужасный, булькающий звук, будто хозяин чуть ли не из самых кишок выхаркивал мокроту, скопившуюся там еще в доисторические времена, затем последовал смачный плевок. – Что ж, заходи, Лукас.

Снова скрежет, и дверь распахнулась вовнутрь – в кромешную тьму.

– Я занятой человек… – прозвучало с расстояния в метр – и с каждым словом все тише, как будто носитель глаза спешил убраться подальше от света, проникшего через открытую дверь.

Лукас переступил порог. Ему на пятки едва не наступил Бобби, почувствовавший, как за ним мягко захлопнулась дверь. От внезапной всепоглощающей темноты по рукам у него побежали мурашки. Эта тьма, казалось, жила собственной жизнью – что-то плотное, сбившееся и будто бы даже способное чувствовать.

Вспыхнула спичка, зашипела, плюясь, газовая лампа с наддувом – в ее калильной сетке зажегся газ. Разинув рот, Бобби уставился на лицо за светильником. Лицо?… Бобби очень

хотелось поверить, что этот желтый глаз с кровавыми прожилками, равно как и его близнец, смотрят на него из прорезей какой-то страшной маски.

– Полагаю, ты не ждал нас, правда, Финн?

– Если хочешь знать, – проскрипела маска, открывая огромные плоские и желтые зубы, – я как раз собирался выйти, надыбать чего-нибудь на обед.

На взгляд Бобби, это существо могло бы прожить на диете из плесневеющего ковра. Или же со всем терпением выгрызать себе дорогу в коричневой мякоти разбухших от сырости книг, наваленных до высоты плеча по обеим сторонам туннеля, где они стояли сейчас с Лукасом.

– Что это за недоносок, Лукас?

– Знаешь, Финн, мы с Бовуаром испытываем некоторые затруднения в связи с кое-чем, что приобрели у тебя, полностью тебе доверяя. – Лукас поднял трость и легонько потыкал ее концом в опасно накренившийся штабель, сложенный из древних книг в мягких обложках.

– Ах вот как? – Финн с насмешливым сочувствием поджал серые губы. – Оставь в покое эти первоиздания, Лукас. Если они рухнут, платить придется тебе.

Лукас убрал трость. В свете фонаря блеснул стальной наконечник.

– Итак, – сказало существо, которое Лукас называл Финном, – у вас проблемы. Забавно, Лукас, очень, черт побери, забавно. – Сероватые щеки Финна были прочерчены глубокими косыми морщинами. – У меня тоже проблемы. Три, если быть точным. Сегодня утром их еще не было. Что ж, думаю, такова жизнь. – Он поставил шипящую лампу на выпотрошенный каталожный шкаф и выудил из кармана чего-то, что некогда, возможно, было твидовым пиджаком, кривую сигарету без фильтра. – Мои три проблемы наверху. Может, хочешь взглянуть на них?…

Он чиркнул деревянной спичкой о подставку лампы и прикурил. В воздухе заклубилась едкая вонь черного кубинского табака.

– Знаете, – сказал Финн, переступая через первое тело, – я уже очень давно обретаюсь по этому адресу. Все знают, где меня искать. Покупаешь у Финна – точно знаешь, у кого покупаешь. И я отвечаю за свой товар. Всегда…

Бобби пялился на вывернутое кверху лицо мертвеца, на потускневшие глаза. Что-то неестественное было в повороте его туловища, в том, как обмякло тело в облегающей черной одежде. С невыразительного безжизненного японского лица смотрели

пустые глаза…

– И знаешь, сколько за все это время, – продолжал Финн, – нашлось недоумков, которые решились бы вломиться сюда, чтобы меня обуть? Ни одного! Ни одного до сегодняшнего утра. А тут, мать его, *трое зараз*. Ну, – он бросил на Бобби враждебный взгляд, – если не считать этого мелкого засранца, но… – Он пожал плечами.

– Такое впечатление, что он кривобокий, – сказал Бобби, все еще не сводя глаз с первого трупа.

– Это потому, что внутренности у него теперь годятся разве что на корм собакам, – ощерился Финн. – Растерты в пюре.

– Финн коллекционирует экзотическое оружие, – пояснил Лукас, слегка подталкивая запястье второго трупа концом трости. – Ты их просканировал на имплантаты, Финн?

– Ага. Та еще морока. Пришлось сначала оттащить их в заднюю комнату. Никаких сюрпризов. Быки, обычная команда. – Финн с шумом втянул воздух. – Вот только почему кому-то понадобилось меня пристукнуть?

– Может, ты продал им очень дорогой продукт, который не сработал? – рискнул предположить Лукас.

– Надеюсь, ты не хочешь сказать, что это ты послал их, Лукас? – ровным голосом произнес Финн. – Разве что тебе не терпится посмотреть, как я повторю этот фокус с собачьей кормежкой.

– А разве я сказал, что ты продал нам что-то, что не работает?

– «Испытываем затруднения», сказал ты. А что еще, ребята, вы купили у меня в последнее время?

– Извини, Финн, но они не наши. И ты тоже это знаешь.

– Ага. Пожалуй, знаю. Так что же, черт побери, привело тебя сюда, Лукас? Сам же знаешь, то, что ты купил, обычными гарантиями не покрывалось…

– Видишь ли, – сказал Финн, выслушав историю сорвавшегося киберпространственного рейда Бобби, – порой там происходят чертовски странные дела. – Он медленно покачал узкой, неестественно вытянутой головой. – Что-то изменилось, раньше такого не было. – Он поглядел на Лукаса. – Но вы-то, ребята, это знаете, да?

Они сидели вокруг квадратного белого стола в совершенно белой комнате на первом этаже за захламленным торговым залом. Пол был выложен вытертой больничной плиткой в рубчик, чтобы не скользила нога, – ну прямо как в операционной, – а стены составлены из широких плит пыльного белого пластика, скрывавшего плотные слои антижучковой микропроводки. По

сравнению со складом белая комната казалась хирургически чистой. Несколько стальных треножников вокруг стола, ощетинившиеся сенсорами и сканирующим оборудованием, напоминали абстрактные скульптуры.

– Знаем что? – спросил Бобби.

С каждым новым пересказом своей истории он все меньше чувствовал себя вильсоном. Наоборот, кем-то значительным. Вот именно, это заставляло его чувствовать свою значимость.

– Не о тебе речь, засранец, – устало сказал Финн. – О нем, олдувом вуду. Он-то знает: что-то изменилось… И произошло это не сегодня. Я в деле уже целую вечность. Подумать только, сколько воды утекло. Я был тут еще до войны, еще до того, как появилась какая-то матрица, или, во всяком случае, до того, как люди *осознали*, что она существует. – Теперь он глядел на Бобби. – У меня есть пара ботинок, которым больше лет, чем тебе. Так чего, черт побери, мне от тебя ждать? Ковбои появились вместе с компьютерами. А первые компьютеры построили для того, чтобы взломать немецкий лед, так? Ковбоев тогда называли дешифровщиками[20]. Так что лед существовал еще до компьютеров, если взглянуть на это с такой стороны.

Он закурил пятнадцатую сигарету за вечер, и белая комната снова стала наполняться дымом.

– А вот Лукас, этот знает, да уж. Последние семь-восемь лет странные там творятся вещи, да-да, там, в ковбойских кругах – или, если хочешь, в цепях. Сегодняшние жокеи заключают сделки с какими-то тварями, верно, Лукас? Ну да, знаю я об этом, знаю. Но им все равно нужны железо и софт, и им все равно нужно быть проворней змей на льду, однако у всех, у всех тех, кто действительно знает, как рубить лед, теперь есть союзники, правда, Лукас?

Лукас вынул из кармана свою золотую зубочистку и начал обрабатывать верхний коренной. Его темное лицо оставалось предельно серьезным.

– Престолы и власти[21], – загадочно продолжал Финн. – Да, что-то там есть. Призраки, голоса. А почему бы и нет? В океанах есть русалки и прочая дребедень, а у нас тут море кремния, понимаешь? Ну да, это наше киберпространство – просто ручной выделки галлюцинация, которую мы все согласились разделить, но каждый, кто подключается, знает, печенкой, черт меня побери, чует, что это целая вселенная. И с каждым годом народу там вроде как прибывает…

– Для нас, – лениво вставил Лукас, – и здешний мир всегда на этом работал.

– Ага, – отозвался Финн, – чтобы вы, ребята, вписались как

влитые и сказали всем: мол, те штуки, с которыми вы заключаете сделки, – это ж наши старые боги из буша…

– Божественные Наездники…

– Ну да, конечно. Вы в это, может, и верите. Но я довольно давно живу уже на этом свете и помню, что не всегда так было. Десять лет назад пусть бы кто попробовал зайти в «Джентльмен-неудачник» и втирать кому-нибудь из крутых жокеев, что разговаривал с призраком в матрице, – да они б решили, что он спятил.

– Что он вильсон, – вставил Бобби, чувствуя себя выключенным из разговора и уже не столь значительным.

Финн бросил на него безучастный взгляд:

– Что-что?

– Ну, вильсон. Козел. Это жаргон хотдоггеров, я думаю… – Ну вот, опять слажал. Блин.

Финн поглядел на него более чем странно.

– Господи. Вот как это называется, да? О боже. А ведь я *знавал* этого парня…

– Кого?

– Бодайна Вильсона, – сказал он. – Надо же: первый из моих знакомых, который кончил как фигура речи.

– Он был дурак? – спросил Бобби и тут же пожалел об этом.

– Дурак? Черта с два! Он был умен, хитер как бес. – Финн загасил сигарету в потрескавшейся керамической пепельнице с логотипом «Кампари». – Просто совершеннейший раздолбай, вот и все. Работал он как-то однажды с Дикси Флэтлайном… – Взгляд налитых кровью желтых глаз затуманился.

– Финн, – вмешался Лукас, – где ты взял этот ледоруб, который продал нам?

Финн сурово оглядел его с головы до ног:

– Сорок лет в деле, Лукас. Знаешь, сколько раз мне задавали этот вопрос? И знаешь, сколько раз я был бы уже мертв, если бы отвечал на него?

Лукас кивнул:

– Намек понял. Но тем не менее я задам его снова. – Он ткнул зубочисткой в сторону Финна, как игрушечным кинжалом. – Вот настоящая причина, по которой ты готов тут сидеть и трепаться: ты думаешь, что эти три жмурика наверху имеют отношение к тому ледорубу, который ты нам продал. Я же видел, как ты насторожился, когда Бобби рассказывал, как взорвали кондо его матери, да?

– Возможно, – оскалился Финн.

– Кто-то занес тебя в свой список, Финн. Эти три мертвых ниндзя наверху обошлись кому-то в немалые деньги. Когда они

не вернутся, этот кто-то примет меры, Финн, и еще более решительные.

Обведенные красным желтые глаза прищурились.

– Железок у них было выше крыши, – сказал Финн, – стандартный киллерский набор, но у одного из них были и другие штучки. Штучки для задавания вопросов. – Желтые от никотина, почти цвета тараканьих крыльев, пальцы медленно потянулись помассировать короткую верхнюю губу. – Я получил его от Вигана Лудгейта, – сказал он. – По кличке Виг.

– Никогда о таком не слышал, – сказал Лукас.

– Этот долбанутый засранец, – сказал Финн, – был когда-то ковбоем.

Случилось так, *начал Финн, и история поглотила Бобби целиком, это было даже лучше, чем слушать Бовуара и Лукаса*, что Виган Лудгейт пять лет оттрубил крутым жоком, недурной пробег для киберковбоя. Да, пять лет… За такой срок ковбой кончает или с очень большими деньгами, или с выжженным мозгом, или тем, что набирает конюшню юных взломщиков, а сам выполняет уже чисто менеджерские функции. Виг, в первой горячке молодости и напора, рванул в затяжной поход по сравнительно редко заселенным секторам матрицы, представляющим те географические области, которые когда-то были известны как «третий мир».

Кремний не снашивается; микрочипы практически бессмертны. Виг этот факт подметил. Как всякое дитя своего века, он, однако, знал, что кремний на самом деле может устареть, и это гораздо хуже, чем просто отработать свое. Это было для Вига мрачной данностью, с которой приходилось смириться, как, скажем, со смертью или налогами. Впрочем, о том, чтобы его снаряжение соответствовало последнему слову техники, он обычно беспокоился больше, чем о смерти (ему было двадцать два) или о налогах (он не заполнял деклараций, хотя ежегодный процент, который он отдавал сингапурской отмывочной, грубо говоря, равнялся подоходному налогу, какой ему пришлось бы платить, заяви он о своих доходах). Виг достаточно здраво рассудил, что должен же куда-то уходить весь этот устаревший кремний. А уходил он, как выяснил Виг, в ряд очень бедных стран, отчаянно пытавшихся запустить с нуля какие-никакие промышленные базы. В страны, настолько погруженные во мрак невежества, что концепция нации там до сих пор еще воспринималась всерьез. Виг пробурился на пару африканских задворок и почувствовал себя акулой, кружащей в бассейне, полном икры. Нельзя сказать, что какое-нибудь из этих вкусных

крохотных яиц много давало в отдельности, но если забросить сеть и грести все чохом, то работы немного, а улов… в общем, с поля по зернышку… Виг обрабатывал африканцев неделю, при этом нечаянно вызвал падение по крайней мере трех правительств и бессчетные людские страдания. В конце недели, слизнув сливки с нескольких миллионов до смешного мелких банковских счетов, он удалился на покой. Когда он выходил, уже налетала саранча: на «африканскую идею» набрели все прочие.

Два года Виг просидел на пляже в Каннах, питаясь исключительно самыми дорогими дизайнерскими наркотиками и периодически включая маленький телевизор «Хосака», чтобы со странным и удивительно невинным любопытством поизучать вздувшиеся тела мертвых африканцев. В какой-то момент – никто не мог сказать, где, когда или почему – стали замечать, что Виг проникся убеждением, будто Господь Бог живет в киберпространстве или, может, будто киберпространство и есть Бог или какое-то его новое проявление. Экскурсы Вига в теологию отличались резкими сдвигами парадигм, настоящими богоискательскими метаниями. Финн имел кое-какое представление о том, чем в те годы занимался Виг; вскоре после обращения в эту его новую уникальную веру Виган Лудгейт вернулся в Муравейник и отправился в эпическое, хоть и несколько беспорядочное плавание по водам кибернетического познания. В прошлом компьютерный жокей, он знал, куда обращаться за самым лучшим железом и софтом. Финн снабжал Вига и тем и другим, поскольку тот все еще оставался богат. Как Виг объяснял Финну, его техника мистических изысканий сводится к тому, чтобы проецировать сознание в пустые неструктурированные секторы матрицы и ждать. Надо отдать парню должное, сказал Финн, тот никогда не заявлял, будто взаправду встретил Бога, хотя считал, что в ряде случаев ощущал Его присутствие, незримое дуновение над ликом решетки. Со временем у Вига вышли все деньги. Из-за его зацикленности на духовном поиске немногие деловые связи, оставшиеся с доафриканских времен, оборвались, так что Лудгейт канул без следа.

– Но потом однажды он объявился, – продолжал Финн, – сумасшедший, как крыса из нужника. Как был бледным сморчком, так им и остался, но теперь еще был увешан всякой африканской дребеденью: бусами, костями и тэ пэ.

Бобби отвлекся от рассказа Финна ровно настолько, чтобы спросить себя, как может существо, похожее на Финна, называть кого-то «бледным сморчком», но потом перевел взгляд на Лукаса, и тот был смертельно мрачен. Тут Бобби пришло в голову, что

Лукас может воспринять африканскую часть истории на свой счет – как личное оскорбление, что ли. Но Финн преспокойно продолжал рассказ:

– У него было полно всего на продажу. Деки, периферия, программы. Все на пару лет устарело, но игрушки были крутые, так что я дал за них приличную цену. Я тогда еще заметил, что он вживил разъем за ухо и постоянно держит подключенным странный серебряный микрософт. «Что за софт?» – спрашиваю. «Он пуст», – отвечает Виг. Этот сморчок сидит на том самом месте, где сидишь сейчас ты, малыш, и говорит мне, что микрософт, мол, пуст, и что это глас Господень, и что он пребудет вечно в Его белом гуле, и тому подобный бред. И я подумал: господи, Виг окончательно сбрендил, – хотя нет, вот он в пятый раз пересчитывает деньги, которые я ему дал. «Виг, – сказал я, – время – деньги, но скажи мне, что ты теперь намерен делать?» Потому что мне стало любопытно. Я ведь знал парня долгие годы – по делам, конечно. «Финн, – говорит он, – я должен подняться по гравитационному колодцу. Бог – там, наверху». Ну то есть, говорит он мне, Бог-то повсюду, но тут внизу слишком много помех, они скрывают Его лик. «Ладно, – говорю я ему, – как знаешь». И указал ему на дверь, вот и все. Никогда его больше не видел.

Бобби поморгал, подождал, поерзал немного на жестком сиденье складного стула.

– Вот только где-нибудь год спустя появился какой-то парень, такелажник с высокой орбиты, спустился по колодцу на побывку, и у него был с собой недурной софт на продажу. Ничего гениального, но весьма и весьма интересно. Он сказал, это от Вига. Ну, может, Виг – свихнувшийся нарк и давно вне игры, но все же умеет отыскивать неплохое дерьмецо. Так что я этот софт покупаю. Это было лет, наверное, десять назад, так? И каждый год или около того появляется какой-нибудь парень с товаром. «Виг сказал, это стоит предложить тебе». И обычно я это покупал. Ничего особенного, но вещи нормальные. И люди, привозившие софт, всегда были разные.

– Что это было, Финн, всегда только программы и ничего больше? – спросил Лукас.

– В основном да, ну и плюс еще какие-то странные хреновины типа скульптур. Об этом я позабыл. Я решил, что это Виг их делает. Когда первый раз парень привез одну такую, я купил у него софт, а потом спросил, как это, черт побери, называется? «Виг сказал, ты, возможно, заинтересуешься». – «Скажи ему, что он псих». Парень рассмеялся. «Ну, тогда оставь это себе, – говорит он. – Я не повезу эту чертову штуку обратно». Я хочу сказать,

размером она была примерно с деку, эта штука, просто кучка мусора и разная труха, набитая в деревянную шкатулку… Так что я засунул ее за ящик с металлоломом и совсем бы о ней забыл, если бы не старик Смит – тогдашний мой коллега, барыжил он в основном искусством и всякой коллекционной лабудой. Он эту хрень видит и хочет заполучить. В общем, ударили мы с ним по рукам насчет этого хренова барахла. «Еще такие будут, Финн, – говорит он, – забирай. В центровых районах немало найдется дураков, которые на такое клюнут». Так что в следующий раз, когда появился парень от Вига, я и скульптурку тоже купил и перепродал ее Смиту. Но особых денег в этом всем не было… – Финн пожал плечами. – До последнего месяца, во всяком случае. Появился очередной мальчишка с товаром, который вы потом купили. От Вига. «Послушай, – говорит он, – это биософт, и он рубит лед. Виг говорит, он дорогого стоит». Я софт просканировал, и выглядел он нормально. Знаешь, решил я, в нем, пожалуй, что-то есть. Твой партнер Бовуар тоже решил, что он довольно интересен. Я его купил. Бовуар купил его у меня. Конец истории. – Финн вытащил сигарету, она оказалась сломанной, согнутой пополам. – О черт, – сказал он.

Из того же кармана он выудил поблекшую пачку папиросной бумаги, из нее – хрупкий розовый листок и наподобие лубка плотно обернул его вокруг сломанной сигареты. Когда он лизнул клей, Бобби углядел кончик очень острого серо-розового языка.

– А где, Финн, проживает мистер Виг? – спросил Лукас, подпирая большими пальцами подбородок. Длинные пальцы сложились домиком перед его лицом.

– Лукас, не имею ни малейшего, черт побери, понятия. Где-то на орбите. И довольно скромно, если те деньги, какие он из меня выдаивает, что-то для него значат. Правда, я слышал, там есть места, где можно прожить вообще без денег, если найдешь себе нишу в их экономике, так что, не исключено, этих грошей хватает надолго. Только я тут не при делах, у меня агорафобия. – Он скверно улыбнулся в сторону Бобби, который все пытался изгнать из памяти вид острого языка. – Знаешь, – сказал он, прищурившись на Лукаса, – дело было примерно тогда же, когда до меня стали доходить разговоры о всякой хурде-мурде, что творится в матрице.

– Например? – спросил Бобби.

– Не лезь, мудило, – бросил Финн, все еще глядя на Лукаса. – Было кое-что – еще до того, как вылезла ваша духова гоп-компания. Я знал одну девчонку, уличного самурая. Так вот, она устроилась работать на одного типа из спецназа, по сравнению с которым даже Виг, мать его так, выглядел нормальным. Она и

еще один ковбой, которого вытащили с помойки в Тибе, пошли на какое-то странное дело, искали что-то. Может, нашли. Последний раз я видел их в Стамбуле. Но пару лет назад слышал, что она живет в Лондоне, а может – уже и нет. Кто, черт побери, знает? Семь-восемь лет прошло…

Вид у Финна стал вдруг очень усталый, и сам он внезапно как-то сильно постарел. Бобби подумал, что он похож на большую мумифицированную крысу, приводимую в движение ниточками и скрытыми проводками. Финн вынул из кармана наручные часы с треснувшим стеклом на половинке грязного кожаного ремешка и сверился с ними.

– Господи. Ну, это все, что ты от меня сегодня получишь, Лукас. Через двадцать минут ко мне заглянут друзья из банка органов поговорить о небольшом дельце.

Бобби подумал о трупах наверху. Они пролежали там весь день.

– Э-э, – сказал Финн, прочитав выражение на его лице, – банки органов хорошо умеют избавляться от трупов. У этих беспризорных ублюдков наверху не так уж много осталось органов… – И Финн рассмеялся.

– Ты говорил, он близок к… Легбе? А Легба – это тот, который, как вы с Бовуаром сказали, послал мне удачу, когда я въехал в черный лед?

За сотами геодезических куполов светлело небо.

– Да, – ответил Лукас.

Негр, казалось, был погружен в глубокую задумчивость.

– Но он, похоже, вообще не верит ни в какое вуду.

– Это не имеет значения, – сказал Лукас, когда в конце улицы появился «роллс». – Он всегда был близок к духу вещей.

17
Беличий лес

Неподалеку от места приземления самолета журчала бегущая вода. Ворочаясь в ремнях противоперегрузочной сетки, Тернер услышал этот звук в бреду, а может, это было во сне – вода по камням, одна из древнейших песен. Самолет был умным, как какой-нибудь сообразительный пес, – с аппаратно встроенным инстинктом прятаться. Тернер чувствовал, как машина покачивается на раме шасси, забираясь в кусты, как шуршат и царапают по темной кабине ветки. Самолет заполз глубоко в зеленую тень и припал на складные колени. Посадочная рама, сокращаясь, поскуливала и потрескивала, машина вжималась брюхом в глину и перегной, как электрический скат в песок. Мимикрирующая поликарбоновая обшивка крыльев и фюзеляжа потемнела и пошла пятнами, принимая цвет расписанного лунными разводами камня и лесной почвы. Наконец самолет затих, и единственным звуком остались родниковые трели…

Он очнулся, как машина: глаза распахнуты, зрение подключено, в оперативной памяти – пусто. Вспомнил красную вспышку смерти Линча в прицеле «смит-и-вессона». Изгиб кабины над головой был разрисован кружевом листьев и веток – хамелеонский камуфляж. Бледный рассвет и звук бегущей воды. На нем все та же синяя спецовка Оуки. Теперь от нее пахло кислым потом, а рукава Тернер оторвал еще позавчера. Револьвер лежал у него между ног, нацелившись на черный джойстик штурвала. Противоперегрузочная сетка путаницей ремней обвисла вокруг плеч и бедер. Извернувшись, Тернер заглянул назад, проверить, как там девочка. Увидел овал белого, как бумага, лица и коричневую струйку засохшей крови под носом. Еще без сознания. Капли пота на лбу, губы слегка приоткрыты, как у куклы.

– Где мы?

– В пятнадцати метрах на юго-юго-восток от заданных вами координат посадки, – ответил самолет. – Вы снова потеряли сознание. Я выбрал маскировку.

Тернер выдернул из разъема коннектор интерфейса, оборвав связь с самолетом. Потом тускло оглядел пульт, щелкнул тумблером, откидывавшим фонарь. Кабина вздохнула сервоприводами, от движения качнулось кружево поликарбоновой листвы. Перекинув ногу через борт, Тернер

прижал ладонь к фюзеляжу, поглядел вниз. Поликарбон, до того воспроизводивший серые тона окружающей глины, стал на глазах у Тернера вырисовывать овал цвета его ладони. Тернер перебросил вторую ногу – пушка осталась лежать забытой на сиденье – и соскользнул на землю в высокую сладкую траву. Там он снова заснул, и ему снилась бегущая вода.

Проснувшись, он пополз по-пластунски, чтобы не задеть низкие, тяжелые от росы ветки. Наконец выбрался на поляну и рухнул вперед, перекатился на спину, раскинув руки, будто – и сам он это почувствовал – сдавался на чью-то милость. Высоко над ним взметнулось с ветки что-то маленькое и серое, приземлилось на другую ветку, покачалось на ней и ускакало прочь.

Лежи тихо, услышал он голос, учивший его этой премудрости много лет назад, просто ляг и расслабься, и очень скоро они о тебе забудут, потеряют среди серости, и росы, и рассвета; они вышли кормиться, кормиться и играть, их мозгам долго не удержать двух мыслей сразу. Мальчишка-Тернер устраивается рядом с братом, винчестер с пластиковым прикладом ложится поперек груди. Мальчик вдыхает запах новой латуни, и ружейного масла, и застрявший в волосах запах лагерного костра. И его брат всегда был прав, говоря о белках. Они возвращаются. Они уже забыли о прозрачном прищуре смерти, разлегшейся под ними в заштопанной джинсе и синей стали. Они вернулись, взапуски перескакивая с ветки на ветку, останавливаясь, чтобы принюхаться к утру. Тернеров двадцать второй калибр щелкнул, и обмякшее серое тельце, кувыркаясь, упало вниз. Остальные рассыпались, исчезли, а Тернер передал ружье брату. И снова они лежали в траве и ждали, чтобы белки о них забыли.

– Вы ведь похожи на меня, – сказал Тернер белкам, вырываясь из сна; одна из них внезапно присела на толстом суку и взглянула прямо ему в глаза. – Я тоже всегда возвращаюсь. – (Белка ускакала прочь.) – Возвращался, когда бежал от голландца. Возвращался, когда улетел в Мексику. Возвращался, когда убил Линча.

Он лежал там очень долго, наблюдая за игрой белок, а тем временем вокруг него просыпался лес и согревалось утро. Прилетела ворона, снизилась, зависла, тормозя перьями, распущенными будто черные механические пальцы или стрелки часов. Остановилась проверить, не мертв ли он.

Тернер усмехнулся вслед вороне, с хлопаньем крыльев летевшей прочь.

Пока нет.

Он заполз назад под нависающие ветки и обнаружил, что девочка в кабине очнулась и села. На ней была мешковатая белая футболка с косым шрамом логотипа «МААС-НЕОТЕК». На футболке виднелись потеки свежей красной крови. У нее снова шла кровь носом. Яркие голубые глаза – растерянные и ошеломленные – в обрамлении желто-черных синяков. Экзотический макияж.

Совсем ребенок, подумал он.

– Ты дочь Митчелла, – сказал Тернер, выудив имя из досье с биософта. – Анджела.

– Энджи, – автоматически отозвалась она. – А ты кто? У меня кровь идет из носа. – Она показала ему кровавую гвоздику скомканного бумажного платка.

– Тернер. Я ждал твоего отца. – Только сейчас он вспомнил о револьвере, сообразив, что второй ее руки не видно. Рука оставалась за краем кабины. – Ты знаешь, где он?

– На плато. Он думал, что сможет поговорить с ними, все им объяснить. Потому что он им нужен.

– С кем поговорить? – Тернер сделал шаг вперед.

– С «Маасом». С советом директоров. Они не могут себе позволить причинить ему вред. Не могут же?

– С чего бы это? – Еще шаг.

Она промокнула нос красной бумажкой.

– Потому что он отослал меня прочь. Потому что знал, они собираются что-то со мной сделать, может быть, убить. Из-за снов.

– Снов?

– Как ты думаешь, они ведь правда его не тронут?

– Нет. Конечно, они этого не сделают. А сейчас я залезу наверх, идет?

Она кивнула. Ему пришлось провести руками по борту, чтобы отыскать мелкие утопленные поручни. Мимикрирующее покрытие показывало лист, лишайник, сучья… И вот он наверху, рядом с девочкой, и револьвер, как оказалось, лежал возле ее ноги в кроссовке.

– Но разве он не собирался прибыть сам? Я ждал его, твоего отца.

– Нет. Мы никогда этого не планировали. И дельтаплан у нас был только один. Разве он тебе не сказал? – Ее начало трясти. – Разве он ничего тебе не сказал?

– Достаточно, – сказал Тернер, кладя ей руку на плечо. – Он рассказал нам достаточно. Все будет хорошо…

Он перекинул ноги через борт, нагнулся, отодвинул «смит-и-вессон» от ее ноги, нащупал кабель интерфейса и, не отнимая

другой руки от плеча Энджи, поднял его и вставил в разъем за ухом.

– Покажи мне, как стереть всю твою память за последние сорок восемь часов, – приказал он самолету. – Заложенный курс на Мехико, твой перелет с побережья, все…

– Никаких данных о заложенном курсе на Мехико не обнаружено, – отозвался голос – прямой нейронный вход на аудио.

Потирая подбородок, Тернер глядел на девочку.

– Куда мы направлялись?

– В Боготу, – сказал самолет и выдал на дисплей координаты посадки, которой они не совершали.

Энджи зажмурилась, потом недоуменно воззрилась на него. Веки у нее были в таких же черных синяках, как и вся кожа вокруг глаз.

– С кем ты разговариваешь?

– С самолетом. Митчелл сказал тебе, куда, по его мнению, ты направишься?

– В Японию.

– Знаешь кого-нибудь в Боготе? Где твоя мать?

– Никого. А мать, думаю, в Берлине. По правде говоря, я ее почти не знаю.

Тернер стер память истребителя, вычищая все, что заложил туда Конрой: курс перелета из Калифорнии, координаты площадки в пустыне, маршрут, который привел бы их на посадочную полосу в трехстах километрах от центра Боготы…

Со временем самолет найдут. Тернер вспомнил о системах орбитальной слежки «Мааса» и спросил себя, а много ли проку от малозаметного профиля и программы уклонения, какую он задал машине вчера. Можно было бы предложить ее Руди на утиль, но вряд ли Руди захочется впутываться в эту историю. Впрочем, если уж на то пошло, само появление дочери Митчелла на ферме затягивало Руди по уши. Но больше идти было некуда. Где еще достать то, что ему сейчас необходимо?

А идти туда четыре часа: сперва – полузабытыми тропинками, а дальше – по петляющему, поросшему сорняками двуполосному шоссе. Тернеру показалось, что деревья кругом совсем не те, но потом он сообразил, насколько они должны были вырасти за годы, прошедшие с тех пор, как он был здесь в последний раз. Вдоль шоссе через равные промежутки торчали обрубки деревянных столбов. Когда-то на них крепились телефонные провода. Теперь пеньки оплели ежевика и жимолость, провода давным-давно оборваны для разных нужд, а столбы порублены на

растопку. В полевых цветах у обочины гудели пчелы…

– Там, куда мы идем, есть какая-нибудь еда? – спросила девочка. Подошвы ее белых кроссовок шаркали по выветрившемуся асфальту.

– Конечно, – ответил Тернер. – Все, что захочешь.

– Вот чего бы мне хотелось прямо сейчас, это воды. – Она смахнула прядку прямых каштановых волос с загорелой щеки.

Он заметил, что у девочки постепенно проявляется хромота, она начинала морщиться каждый раз, когда приходилось наступать на правую ногу.

– Что у тебя с ногой?

– Колено. Наверное, ударилась, когда сажала дельтаплан, – скривилась она, но продолжала идти.

– Тогда привал.

– Нет. Я хочу дойти туда, дойти хоть куда-нибудь.

– Привал, – повторил он и, взяв ее за руку, потянул к обочине дороги.

Энджи состроила гримаску, но села рядом с ним, осторожно вытянув перед собой правую ногу.

– А у тебя большая пушка, – заметила она.

Было жарко – слишком жарко для теплой куртки. Надев портупею прямо на голое тело, Тернер накинул поверх нее спецовку с оторванными рукавами, полы спецовки развевались по ветру.

– Почему у нее такой странный ствол, как голова у кобры?

– Это снизу тактический фонарь, для ночного боя. – Он наклонился, чтобы осмотреть ее лодыжку; та быстро распухала. – Не знаю, сколько еще ты пройдешь с такой ногой, – сказал он.

– Тебе много приходится драться по ночам? С оружием?

– Нет.

– Тогда я, наверное, не понимаю, чем ты занимаешься.

Он поднял на нее взгляд:

– Я сам не всегда это понимаю, во всяком случае – в последнее время. Я ждал твоего отца. Он хотел сменить компанию, поработать на других людей. Эти люди наняли меня и еще нескольких человек помочь ему выпутаться из его прежнего контракта.

– Но из этого контракта нет выхода, – сказала Энджи. – Во всяком случае, легального.

– Вот именно. – Развязал узел, снял кроссовку. – Легального.

– Ага, так вот чем ты зарабатываешь на жизнь?

– Да. – Под кроссовкой носка у нее не было, и лодыжка распухала все сильнее. – Ты растянула связку.

– А что тогда с остальными? У тебя ведь были еще люди там,

в тех развалинах? Кто-то стрелял, и эти взрывы…

– Трудно сказать, кто стрелял, – сказал он, – но осветительные ракеты были не наши. Может, бойцов из службы безопасности «Мааса», которые следовали за тобой. Как ты думаешь, ты ушла чисто?

– Я все сделала так, как мне велел Крис, – сказала она. – Крис – это мой отец.

– Знаю. Пожалуй, остаток пути придется тебя нести.

– Но все-таки как насчет твоих друзей?

– Каких друзей?

– Там, в Аризоне.

– Ах да. Ну, – он отер со лба пот тыльной стороной ладони, – ничего не могу тебе сказать. По правде говоря, сам не знаю, что с ними сталось.

И увидел перед собой ослепительно-белое небо, зарево, свет ярче солнечного. А самолет сказал, что никакого электромагнитного импульса не было…

Первая модифицированная собака Руди почуяла их через четверть часа после того, как они снова двинулись в путь: Энджи у Тернера за спиной – локти у него на плечах, худые коленки зажаты под мышками, пальцы сцеплены замком у него перед грудиной. От нее пахло как от ребенка из дорогого предместья, смутный намек на мыло или травяной шампунь. Тут он спросил себя, а чем должно пахнуть от него самого. У Руди наверняка есть душ…

– О черт, а это еще что? – Девочка выпрямилась у него на спине, указывая куда-то в сторону.

С высокой каменной насыпи у поворота дороги на них глядел тощий серый пес. Его узкая голова пряталась под черным колпаком с выступами сенсоров. Собака тяжело дышала, высунув язык, и медленно поводила головой из стороны в сторону.

– Все в порядке, – сказал Тернер. – Сторожевой пес. Моего друга.

Дом разросся, выпустив крылья пристроек и сарайчиков-мастерских, но Руди так и не удосужился перекрасить облупившиеся доски первоначальной постройки. Пока Тернера не было, Руди обвел двор прямоугольником проволочной ограды. Туго натянутая сетка отделяла от внешнего мира двор и коллекцию машин, но, подойдя поближе, Тернер увидел, что ворота стоят нараспашку, а проржавевшие петли заросли вьюнком. Впрочем, Тернер лучше других знал, что настоящие линии защиты прячутся где-то еще. Он ковылял по подъездной дорожке, а за ним трусили четыре модифицированные собаки.

Голова Энджи безвольно покачивалась у него на плече, но руки оставались по-прежнему сомкнуты на его шее.

Руди ждал их на передней веранде в старых белых шортах и флотской футболке, из единственного ее кармана торчало по меньшей мере девять различных авторучек. Завидев их, он приветственно поднял зеленую банку голландского пива. За его спиной из кухни показалась блондинка в линялой рубашке цвета хаки с хромированной лопаточкой в руке. Ее короткие волосы были зачесаны назад и вверх – это почему-то напомнило Тернеру о враче-кореянке в трейлере «Хосаки», о том, как горел этот трейлер, об Уэббер, о белом небе… Он покачнулся на гравийной подъездной дорожке Руди – ноги широко расставлены, чтобы удержать девочку, голая грудь в дорожках пота, прочерчивающих запекшуюся с аризонской пустыни пыль, – и посмотрел на Руди и его блондинку.

– Завтрак готов, – объявил Руди. – Когда собаки вас засекли, мы решили, что вы, наверное, проголодались. – Его тон был тщательно-уклончивым.

Девочка застонала.

– Это хорошо, – сказал Тернер. – Она лодыжку подвернула, Руди. Лучше бы глянуть прямо сейчас. А потом мне еще нужно кое о чем с тобой поговорить.

– Я бы сказал, несколько молода для тебя. – Руди снова приложился к пиву.

– Отстань, Руди, – вмешалась женщина. – Ты что, не видишь, что ей больно? Несите ее в дом, – сказала она Тернеру и исчезла в дверях кухни.

– А ты изменился, – не переставая пялиться на него, сказал Руди, и Тернер понял, что тот пьян. – Все тот же, но другой.

– Время идет, – отозвался Тернер, поднимаясь по деревянным ступеням.

– Пластическая операция, что ли?

– Реконструкция. Собрали по фотографиям из медицинской карты. – Он преодолел ступеньки: каждое движение прошивало поясницу резкой болью.

– Неплохо, – сказал Руди и рыгнул. – Еще чуть-чуть, и я бы ничего не заметил.

Он был ниже Тернера и явно толстел, но у них были одни и те же русые волосы, почти одинаковые черты лица.

Тернер остановился на лестнице, когда их глаза оказались на одном уровне:

– Ты, как прежде, занимаешься всем понемножку, Руди? Мне нужно просканировать эту девочку. И еще кое-что.

– Ну, – протянул его брат, – посмотрим, что можно сделать. А

еще мы вчера слышали какой-то гром. Будто кто-то звуковой барьер проходил. Не ты, часом?

– Да, я. Там, в беличьем лесу, истребитель-бомбардировщик, но он неплохо спрятан.

– О господи… – вздохнул Руди. – Ну что же, заноси ее…

Руди жил здесь уже много лет, и дом успел лишиться почти всего, что мог помнить Тернер; почему-то он испытывал к Руди смутную благодарность за это. Он смотрел, как блондинка разбивает яйца в стальную миску: темно-желтые, натуральные желтки – Руди держал собственных кур.

– Меня зовут Салли, – сказала женщина, взбивая яйца вилкой.

– Тернер.

– И он тоже никак иначе тебя не называет, – сказала она. – Впрочем, он редко о тебе говорит.

– Мы не так уж часто виделись все эти годы. Может, стоит подняться наверх и помочь ему?

– Сиди. С Руди твоя маленькая девочка будет в полном порядке. У него хорошие руки.

– Даже когда он на взводе?

– На полувзводе. Ну он же не собирается оперировать, просто поставит дермы и перевяжет лодыжку. – Она наломала маисовых лепешек на черную сковородку, прямо в шипящее масло и сверху вылила яйца. – Что у тебя с глазами, Тернер? У тебя и у нее… – Она помешивала жарево хромированной лопаточкой, выдавливая понемногу в сковородку сальсу из пластмассового тюбика.

– Ускорение. Пришлось взлетать в спешке.

– Тогда она и подвернула лодыжку?

– Может быть. Не знаю.

– Теперь тебя ищут? Или ищут ее?

Она достала тарелки из шкафчика над раковиной. Дешевое пластиковое покрытие на дверцах вызвало у Тернера приступ ностальгии – загорелые кисти блондинки напомнили вдруг руки матери…

– Вероятно, – сказал он. – Я не знаю, в чем дело. Пока не знаю.

– Поешь. – Переложила приготовленное на белую тарелку, порылась в поисках вилки. – Руди до смерти боится таких людей. Ну, знаешь, таких, кто будет тебя искать.

Взять тарелку, вилку. От яичницы поднимается пар.

– И я тоже.

– Я тут нашла кое-какую одежду, – голос Салли перекрыл шум душа, – ее оставил приятель Руди. Должна тебе подойти…

Душ работал под действием силы тяжести: дождевая вода из резервуара на крыше, толстый белый фильтрационный блок встроен в трубу над головкой душа. Высунув голову между двух затуманенных паром пластиковых листов, Тернер прищурился на Салли:

– Спасибо.

– Девочка без сознания, – сказала она. – Руди думает, это шок и усталость к тому же. Но он говорит, что остальные показатели у нее в норме, так что вполне можно провести сканирование прямо сейчас. – И она вышла из комнаты, забрав с собой армейские штаны Тернера и спецовку Оуки.

– Да что же это такое? – спросил Руди, протягивая ему смятый рулон серебристой распечатки.

– Не знаю, что и думать, – рассеянно отозвался Тернер, оглядывая белую комнату в поисках Энджи. – Где она?

– Спит. Салли за ней присмотрит.

Повернувшись, Руди прошелся взад-вперед по комнате – Тернер вспомнил, что когда-то здесь была гостиная. Руди начал отключать свои консоли – крохотные огоньки гасли один за другим.

– Сам не знаю, дружище. Не знаю, и все. Что это, вроде рака что-нибудь?

Тернер двинулся вслед за ним в дальний конец комнаты, мимо верстака, где под пылезащитным кожухом ждал микроманипулятор. Мимо пыльных прямоугольных глаз на полке с древними мониторами; у одного из них разбит экран.

– У нее это расползлось по всему мозгу, – продолжал Руди, – будто опутало его длинными цепочками. Никогда не видел ничего подобного. Просто ни на что не похоже.

– Что ты знаешь о биочипах, Руди?

Руди хмыкнул. Он казался теперь совсем трезвым, но каким-то взбудораженным. Все ерошил свои волосы.

– Так я и подумал. Это как бы… Не имплантат, а прививка чужих тканей.

– Для чего?

– Для чего? Господи. Да кто, черт побери, знает? Кто это с ней такое сотворил? Тот, на кого ты работаешь?

– Думаю, ее отец.

– О боже. – Руди вытер рукой рот. – На сканерах это дает такую же тень, как раковая опухоль, а жизненные показатели у нее вполне в норме. Какая она обычно?

– Не знаю. – Он пожал плечами. – Ребенок.

– Ничего себе ребенок! – взорвался Руди. – Я просто потрясен,

что она вообще может ходить. – Открыв маленький лабораторный морозильник, он извлек оттуда бутылку «Московской». – Из горлб хлебнешь? – спросил он.

– Может, попозже.

Руди вздохнул, поглядел на бутылку, вернул ее в морозильник.

– Так чего же ты хочешь? Ты что же, думаешь, что за такой диковиной, какая в головке у этой маленькой девочки, никто не начнет вскоре охотиться? Если уже не начали.

– Начали, – ответил Тернер. – И я не знаю, известно ли им, что она здесь.

– Это пока. – Руди вытер ладони о грязные белые шорты. – Но ведь скоро узнают, да?

Тернер кивнул.

– Так куда ты собираешься?

– В Муравейник.

– Почему туда?

– Потому что там у меня деньги. Четыре кредитные линии на разные имена и никакой привязки ко мне. Потому что у меня там куча других связей, которыми я, вероятно, смогу воспользоваться. И потом, Муравейник – это всегда прикрытие. Слишком много копошится муравьев, понимаешь?

– О'кей, – сказал Руди. – И когда?

– Ты так беспокоишься – хочешь, чтобы мы убрались сейчас же?

– Нет. Просто… не знаю, что и думать. Это все так интересно, ну… то, что в головке у твоей приятельницы. У меня есть один знакомый в Атланте, он мог бы одолжить мне анализатор функций, который дает карту мозга, один к одному. Тогда я мог бы начать разбираться, что к чему… Может, это чего-нибудь стоит…

– Конечно. Если знаешь, кому продать.

– А тебе разве не любопытно? Я хочу сказать, что это, черт побери, такое? Ты ее вытащил из какой-то военной лаборатории, так? – Руди снова открыл белую дверцу морозильника. Вытащил бутылку водки, откупорил ее и сделал солидный глоток.

Тернер взял бутылку, наклонил, выцедил ледяную жидкость сквозь зубы. Глотнул и поморщился.

– Это корпоративные дела. Высшая лига. Предполагалось, что я вывезу ее отца, но тот вместо этого прислал ее. Потом кто-то снес к гребеням всю площадку, выглядело это как ядерный микровзрыв. Мы едва слиняли. Вот пока и все. – Он протянул Руди бутылку. – Останься трезвым, Руди. Ради меня. Когда ты напуган, ты слишком много пьешь.

Руди глядел на него во все глаза, не обращая внимания на бутылку.

– Аризона, – повторил он. – Так это же было в новостях. Мексика до сих пор скандалит. Но это был не ядерный взрыв. Туда послали экспертов, они все облазили. Никакого ядерного взрыва.

– А что это было?

– Думают, электромагнитная пушка. Якобы кто-то поставил рельсотрон в гондоле грузового дирижабля и разнес к чертям собачьим развалины заброшенного городка. Установлено, что там пролетал рядом какой-то дирижабль, но пока никто его не нашел. Можно ведь настроить рельсотрон так, чтобы он при выстреле разлетелся в плазменную пыль. А в качестве снаряда, при таких-то скоростях, можно использовать вообще что угодно. Ледяная глыба на полтора центнера вполне сойдет. – Он закрутил пробку и поставил бутылку рядом с собой на стойку. – Вся земля в округе там принадлежит «Маасу». «Маас-Биолабс», верно? Они тоже были в новостях, «Маас». Сотрудничают с властями в полный рост. Еще бы они не сотрудничали. Ну что, теперь хотя бы ясно, откуда взялась эта твоя малышка.

– Конечно. Еще бы только понять, кто жахнул из рельсотрона. Или зачем.

Руди пожал плечами.

– Вам лучше пойти взглянуть на это, – сказала от двери Салли.

Поздно вечером Тернер и Салли сидели на веранде. Девочка провалилась наконец в нечто, что энцефалограф Руди определил как сон. Сам Руди удалился в одну из мастерских, скорее всего с бутылкой водки. Вокруг побегов жимолости, увившей скрепленные цепью ворота, кружили светлячки. Тернер сообразил, что если, сидя там, где он сейчас сидит – на качелях, подвешенных на деревянной веранде, – закрыть глаза, то увидишь яблоню, которой больше нет. С дерева когда-то свисала древняя автомобильная шина на куске серебристо-серой пеньковой веревки. И там тоже кружатся светлячки, и пятки Руди вырывают твердые комья черной земли, когда он отталкивается, чтобы взлететь по высокой дуге… ноги болтаются в воздухе… а Тернер лежит на спине в траве и смотрит на звезды…

– Языки, – сказала Салли из поскрипывающего ротангового кресла-качалки, ее сигарета – как красный глаз в темноте. – Говорит языками.

– Что-что?

– Именно это делает твоя малышка там, наверху. Ты хоть

немного знаешь французский?

– Плохо. Только со словарем.

– Некоторые ее слова показались мне французскими. – Красный уголек на мгновение превратился в короткий росчерк – это Салли стряхнула пепел. – Когда я была маленькой, мой старик брал меня однажды на стадион, и я видела, как через людей говорят духи. Меня это тогда испугало. Сегодня, когда она заговорила, меня это, пожалуй, напугало еще больше.

– Руди записал на магнитофон последние фразы, да?

– Да. А знаешь, дела у Руди в последнее время не очень-то хороши. В основном поэтому я и перебралась сюда, обратно. Я сказала ему, что уйду, если только он не возьмет себя в руки. Но потом стало совсем плохо, так что недели две назад я вернулась. Я почти уже готова была уехать снова, когда объявился ты. – Уголек сигареты описал дугу через перила и упал на покрывающий двор гравий.

– Пьет?

– Пьет и вечно варит себе какую-то дрянь в лаборатории. Знаешь, он в курсе понемногу почти что обо всем. У него еще полно друзей по всей округе. Я слышала эти их истории о том, как вы с ним были детьми. До того, как ты уехал.

– Ему тоже надо было уехать, – сказал он.

– Он ненавидит город, – сказала она. – Говорит, все равно все доступно онлайн, так зачем куда-то ехать?

– Я уехал потому, что здесь никогда ничего не происходило. Руди всегда мог найти чем заняться. И до сих пор может, судя по всему.

– Вам не следовало терять связь. Жалко, тебя не было здесь, когда умирала ваша мать.

– Я был в Берлине. Не мог бросить работу.

– Наверное, не мог. Меня тут тоже тогда не было. Я приехала позже. Хорошее было лето. Руди вытащил меня из одного долбаного клуба в Мемфисе. Ввалился туда однажды вечером с деревенскими олухами, а на следующий день я проснулась уже здесь, сама не знаю почему. Разве что он был добрый тогда, и смешной, и дал моей голове шанс сбавить обороты. Он научил меня готовить. – Салли рассмеялась. – Мне здесь нравилось, только я до смерти боялась этих чертовых кур на заднем дворе.

Тут она встала и потянулась. Скрипнуло старое кресло. Тернер осознал близость длинных загорелых ног, запах и летний жар ее тела… так близко от его лица.

Она положила руки ему на плечи. Его глаза оказались вровень с полоской коричневого живота над висящими на бедрах шортами, мягкая тень пупка. Он вспомнил Эллисон в белой

гулкой комнате, и ему захотелось прижаться к темной коже лицом, ощутить вкус всего… Кажется, она слегка качнулась, но он не был в этом уверен.

– Тернер, – сказала она, – иногда тут с ним – как будто ты совсем одна…

Поэтому он встал – зазвенели старые цепочки качелей, болты надежно ввинчены в потолок веранды, болты, которые ввернул его отец лет сорок, наверное, назад, – и поцеловал в приоткрытые губы, разомкнутые полуночным разговором, и светлячками, и подводными ключами памяти, так что, когда его ладони скользнули к теплу ее спины под белой футболкой, ему почудилось, что люди приходят в его жизнь не бусинами, нанизанными в строгой последовательности, а порциями квантов, – и Салли он знает так же хорошо, как знает Руди, или Эллисон, или Конроя, как знает эту девочку, дочку Митчелла.

– Эй, – прошептала она, высвобождая рот, – пошли наверх.

18
Имена мертвых

Ален позвонил ровно в пять, и Марли, борясь с тошнотой от его жадности, подтвердила, что затребованная им сумма готова. Адрес она тщательно записала на обороте карточки, взятой со стола Пикара в галерее «Робертс». Десять минут спустя вернулась с работы Андреа, и Марли была рада, что подруга не присутствовала при этом разговоре.

Она смотрела, как Андреа подпирает оконную раму потрепанным кирпичом в синем переплете – второй том «Краткого оксфордского словаря английского языка», шестое издание. Андреа приспособила на каменном карнизе за окном фанерную полку, достаточно широкую, чтобы там уместилась маленькая жаровня хибати, которую она обычно хранила под раковиной. Сейчас Андреа аккуратно раскладывала на решетке черные кубики угля.

– У меня был сегодня разговор о твоем работодателе, – объявила она, устанавливая хибати на полку и поджигая зеленоватую запальную пасту электрозажигалкой от плиты. – Из Ниццы приехал наш академик. Он сперва изумился, с чего бы это я заинтересовалась Йозефом Виреком, но, поскольку он, ко всему прочему, еще и озабоченный старый козел, был более чем рад поговорить.

Марли подошла посмотреть, как чуть видные язычки пламени лижут угли.

– Он все пытался свернуть на Тессье-Эшпулов, – продолжала Андреа, – и на Хьюза. Хьюз жил во второй половине двадцатого века, американец[22]. О нем целая глава в монографии, он вроде как прото-Вирек. Я и не знала, что Тессье-Эшпулы начали распадаться…

Она вернулась к столу и вытащила из пакета шесть больших тигровых креветок.

– Они франко-австралийцы? Помнится, я видела документальный фильм. Им принадлежит какой-то крупный курорт?

– Фрисайд. Теперь, как говорит профессор, он продан. Похоже, одна из дочерей старого Эшпула как-то сумела захватить единоличный контроль над всеми финансами. Она сходила с ума чем дальше, тем больше, а интересы клана полетели ко всем чертям. Это за последние семь лет.

– Не понимаю, какое отношение это имеет к Виреку, – сказала

Марли, глядя, как Андреа насаживает креветки на длинные бамбуковые иглы.

– Я тоже без понятия. Мой профессор считает, что и Вирек, и Тессье-Эшпулы – удивительный анахронизм и что, наблюдая за ними, можно многое узнать об эволюции корпораций. По крайней мере, нашего главного редактора он сумел в этом убедить…

– Но что он говорил о Вирeке?

– Что безумие Вирека примет новую форму.

– Безумие?

– Ну, по правде говоря, он избегал этого слова. Но Хьюз явно был сумасшедшим как мартовский заяц, и старый Эшпул не лучше, а его дочь – та совсем ку-ку. Профессор говорил, что давление эволюционных процессов рано или поздно вынудит Вирека совершить какой-то скачок. Так он и сказал. «Скачок».

– Эволюционные процессы?

– Да, – отозвалась Андреа, перенося иглы с креветками к хибати, – он говорит о корпорациях так, будто это какой-то новый вид животных.

После обеда они пошли гулять. Марли обнаружила, что время от времени начинает вслушиваться, озираться по сторонам, пытаясь ощутить на себе всевидящее око Вирекова механизма, но Андреа заполняла вечер своей обычной теплотой и здравым смыслом. Марли была благодарна за то, что можно гулять по городу, где все предметы были самими собой. В мире же Вирека… что может быть просто в мире Вирека? Она вспомнила медную дверную ручку в галерее Дюпре; не передать словами, как такая привычная, обыденная вещь изогнулась вдруг у нее в руке, затягивая ее в конструкт парка Гуэля. Интересно, он всегда там – в парке, созданном Гауди, в полдень, которому нет конца? «Сеньор богат. Сеньор любит являть себя по-всякому». Она поежилась под теплым вечерним ветерком и взяла Андреа под руку.

Но самым зловещим в симстим-конструкте было другое: он заставлял усомниться в реальности всего, что ее окружало. Скажем, витрины магазинов, мимо которых она проходит сейчас с Андреа, тоже могут обернуться плодом воображения. Кто-то из великих сказал: неотъемлемое свойство зеркал в том, что они в определенном смысле вредят душевному здоровью. Если это так, решила Марли, то конструкты вредят куда сильнее.

Андреа остановилась у киоска купить свои английские сигареты и свежий номер «Elle». Марли осталась ждать на тротуаре. Автоматически раздвигаясь, ее обтекал поток пешеходов, мимо скользили лица: студенты, бизнесмены,

туристы. Кто-то из них, подумалось ей, часть Вирековой машины, а провода замкнуты на Пако. Пако – кареглазый, непринужденно-серьезный, с мускулами, перекатывающимися под шелковистой рубашкой. Пако, работающий на сеньора всю свою жизнь.

– Что случилось? У тебя такой вид, будто ты только что проглотила осу. – Андреа срывала целлофан с пачки «Силк кат».

– Нет, – сказала Марли и поежилась. – Но мне пришло в голову, что едва не проглотила…

И по дороге домой – несмотря на болтовню Андреа, несмотря на исходившее от нее тепло – витрины одна за другой стали превращаться в шкатулки – конструкции, похожие на работы Джозефа Корнелла или этого таинственного мастера, которого разыскивал Вирек… Книги, меха, итальянская одежда располагались в них так, что наводили на мысль о геометрии томления – непонятного, не имеющего даже названия.

И проснуться, опять проснуться, уткнувшись лицом в кушетку Андреа, на плечах горбом – красное стеганое одеяло. Почувствовать запах кофе, услышать, как Андреа, собираясь на работу, напевает себе под нос какой-то токийский шлягер. Серое утро, парижский дождь.

– Нет, – сказала она Пако, – я пойду без вас. Я предпочитаю сделать это одна.

– Но это очень большие деньги. – Он указал взглядом на итальянскую сумку, стоявшую между ними на столике кафе. – Это опасно. Вы хоть понимаете, насколько это опасно?

– Но ведь никто же не знает, что они у меня, правда? Только Ален и ваши люди. И я не сказала, что обойдусь без вашей помощи, просто мне не хочется общества.

– Что-то не так? – В уголках рта морщины, вид серьезный. – Вы чем-то расстроены?

– Я только хочу сказать, что должна побыть наедине с собой. Если хотите, вы и все остальные, кто бы они ни были, вольны идти следом. Идти следом и наблюдать. Если вы меня потеряете, что лично мне представляется маловероятным, то у вас наверняка есть адрес.

– Верно, – сказал испанец. – Но то, что вы понесете несколько миллионов новых иен одна, через Париж… – Он пожал плечами.

– И если я их потеряю, да? А что, сеньор заметит потерю? Или появится еще одна сумка, еще четыре миллиона? – Встав, Марли потянулась за ремнем.

– Естественно, будет другая сумка, хотя собрать такую сумму наличными… для этого потребуются определенные усилия. Нет,

сеньор, конечно, не «заметит» потери – в том смысле, как понимаете это вы, – а вот я подвергнусь взысканию за бессмысленную потерю и много меньшей суммы. Вам еще предстоит узнать: очень богатые люди обладают одним общим свойством – они не сорят деньгами.

– И тем не менее я пойду без вас. Не одна, но оставьте меня наедине с моими мыслями.

– С вашей интуицией.

– Да.

Если кто-то и шел за ней следом – в чем она ни минуты не сомневалась, – эти «кто-то», как всегда, оставались совершенно невидимыми. Скорее уж, наверно, без наблюдения оставили Алена. Несомненно, адресом, который он дал ей сегодня утром, уже занялись – вне зависимости от того, на месте сам виновник или нет.

Сегодня она будто обрела новые силы. Наперекор Пако она добилась своего. Эта ее строптивость до некоторой степени была вызвана внезапно возникшим накануне подозрением, что дона Пако – со всем его юмором и мужественностью, очаровательным невежеством в искусстве – ей просто подсунули. Она вспомнила, как Вирек сказал, что ему о ее жизни известно больше, чем ей самой. Что проще всего вписать в последние пустые строчки кроссворда, являющегося Марли Крушковой? Пако Эстевеса. Совершенный незнакомец. Слишком совершенный. Она улыбнулась собственному отражению в стене голубоватого зеркала, мимо которой эскалатор увозил ее к платформам метро, довольная тем, как подстрижены темные волосы, насколько стильной смотрится аскетичная титановая оправа черных очков «порше», которые она купила сегодня утром. Хорошие губы, подумала она, действительно неплохой рот, – и вот ей улыбается со встречного эскалатора худой парнишка в белой рубашке и черной кожаной куртке, с огромной черной папкой под мышкой.

«Я в Париже, – подумала она. Впервые за очень долгое время одно это казалось достаточной причиной для улыбки. – Сегодня я отдам отвратительному дураку, моему бывшему любовнику, четыре миллиона новых иен, а он даст мне кое-что взамен. Имя или адрес, может быть, номер телефона». Она купила билет первого класса: в вагоне будет поменьше народу, и можно будет убить время, гадая, кто из пассажиров состоит на службе у Вирека.

По данному Аленом адресу – на мрачной северной окраине – оказалась одна из двадцати бетонных высоток, вздымавшихся над

равниной из того же материала. Жирный кус для спекулянтов недвижимостью середины прошлого века. Дождь шел теперь мерно и плотно, и она чувствовала себя как бы в сговоре с ним. Дождь придавал дню что-то заговорщицкое, оседая каплями на шикарную каучуковую сумку, в которой была фортуна, наконец улыбнувшаяся Алену. Как странно – кошмарный пейзаж, миллионы под мышкой, и каждый шаг приближает к тому, чтобы кипами новых иен облагодетельствовать бесконечно неверного бывшего любовника.

Когда она нажала кнопку домофона с номером квартиры, никакого ответа не последовало. За затемненным стеклом – голый мрачный вестибюль. Одно из тех мест, где включаешь свет у входа, а потом лампы сами автоматически выключаются – как правило, еще до прихода лифта, – оставляя тебя ждать в усталом воздухе и запахе дезинфекции.

Она снова позвонила.

– Ален?

Ничего.

Толкнула дверь. Не заперто. В вестибюле пусто. Мертвый глаз беспризорной телекамеры смотрит на нее сквозь пленку пыли. С бетонной равнины за спиной сочится водянистый полуденный свет. Цокот каблучков по коричневой плитке, когда она шла к лифтам. Нажала кнопку «22». Послышался гулкий удар, металлический стон, и один из лифтов начал опускаться. Пластмассовые указатели над дверьми остались неосвещенными. Кабина прибыла со вздохом и высоким слабеющим воем.

– Мон шер Ален, как низко ты пал в этом мире. Этот дом – полное дерьмо, правда-правда.

Когда створки дверей, скользнув в стороны, явили темноту кабины, Марли нащупала под итальянской сумкой Пако клапан собственной брюссельской сумочки. Нашла плоский фонарик, который всегда носила при себе с первой своей прогулки по Парижу. На зеленой жестяной ручке фонарика выгравирована торговая марка в виде львиной головы. «Pile Wonder»[23]. В парижских лифтах можно вляпаться во что угодно, начиная от рук грабителя и кончая дымящейся кучкой свежего собачьего кала…

Слабый луч выхватывает серебристые кабели, масляные и сияющие, мягко покачивающиеся в пустой шахте. Носок правого сапога уже на несколько сантиметров вышел за стертый стальной обод плитки, на которой стоит левый. Рука машинально, с ужасом дергает луч вниз: двумя этажами ниже видна пыльная и замусоренная крыша кабины. За те несколько секунд, пока луч нащупывал лифт, Марли успела разглядеть невероятное

количество деталей. Подумала о крохотной подводной лодке, нырнувшей в морскую бездну, о хилом лучике, скользящем по вековым отложениям на дне: мягкий покров древней пушистой плесени, засохшее серое нечто, бывшее когда-то презервативом, яркие зайчики света отскакивают от мятых кусков стальной фольги, хрупкий желтоватый цилиндр и белый поршень диабетического шприца… Она так вцепилась в край дверной створки, что свело пальцы. Медленно, очень медленно перенесла вес назад, подальше от колодца. Еще шаг, и Марли щелчком выключила свет.

– Черт побери, – вырвалось у нее. – О господи.

Нашла дверь на лестничную площадку. Снова включив маленький фонарик, стала взбираться наверх. Через восемь этажей отупение начало понемногу спадать, и ее затрясло, дорожки слез испортили макияж.

Снова постучать в дверь. Дверь из ДСП оклеена ламинированной пленкой – отвратительная имитация под красное дерево: литографированное зерно едва различимо в свете единственной на весь длинный коридор биофлюоресцентной полоски.

– Черт тебя побери. Ален? Ален!

Рыбий глаз дверного глазка пусто смотрит сквозь нее, глаза за ним нет. В коридоре застыл ужасающий запах: забальзамированная кухонная вонь в ловушке из синтетической обивки.

Толкнуть дверь, поворачивая ручку, дешевая медь – холодная и липкая, сумка с деньгами внезапно потяжелела, ремень врезается в плечо. Дверь легко распахивается. Короткая оранжевая дорожка испещрена ломаными розовыми прямоугольниками – ясно различимый след грязи, которую десятилетиями втирали тысячи квартиросъемщиков и их гостей…

– Ален?

Запах черных французских сигарет. Почти уютный…

И найти его здесь. Лежащего, свернувшись по-детски, на кошмарном оранжевом ковре. В этом водянистом серебряном свете, сочащемся из прямоугольника окна, где на фоне бледного дождливого неба – другие безликие высотки. Спина – как знак вопроса под натянутой бутылочно-зеленой велюровой курткой. Левая рука прикрывает ухо. Белые пальцы, у основания ногтей – полупрозрачная синева.

Опустившись на колени, Марли коснулась его шеи. Поняла. Дождь за окном все сыпал и сыпал – навсегда. Сидеть, расставив ноги; баюкать его голову, обнимая; раскачиваться, качаться…

Отупелое животное поскуливание заполняет голый прямоугольник комнаты… И через какое-то время, осознав, что что-то впивается в ладонь, увидеть аккуратный срез очень тонкой, очень жесткой проволоки из нержавеющей стали – кончик торчит из его уха, проходит между раздвинутых холодных пальцев.

Гадко, гадко, так не умирают. Это подняло ее на ноги. Гнев, пальцы как когти. Осмотреть безмолвную комнату, место, где он умер. Следов его присутствия нет, ничего. Только потрепанный атташе-кейс. Откинув крышку, Марли обнаружила два блокнота на спирали – чистые, нетронутые страницы, – нечитанный, но очень модный роман, коробок деревянных спичек и полупустую пачку синих «голуаз». Переплетенный в кожу ежедневник исчез. Она ощупала его куртку, залезла в карманы – ежедневника не было.

Нет, подумала она, ты не записал бы это туда, верно? Но ты ведь никогда не мог запомнить ни номера, ни адреса, да? Она снова оглядела комнату, охваченная каким-то странным спокойствием. Тебе ведь приходилось все записывать, но ты скрытничал, не доверял моей маленькой книжице из «Браунса», да? Если у тебя было свидание с девушкой в каком-нибудь кафе, ты записывал ее телефон на спичечном коробке или на обратной стороне чека и забывал об этом, так что я находила его недели спустя, убирая твои вещи.

Марли перешла в крохотную спальню. Там стоял ярко-красный складной стул и пласт дешевого желтого темперлона, служивший кроватью. Темперлон был помечен коричневой бабочкой менструальной крови. Она приподняла пласт, но под ним ничего не было.

– Ты, наверное, напугался, – сказала она.

Голос дрожал от ярости, которую она даже не пыталась понять. Руки были холодны, холоднее, чем у Алена. Она пробежала пальцами по красным в золотую полоску обоям в поисках какого-нибудь разошедшегося шва, отставшего края, тайника.

– Глупая несчастная сволочь. Несчастная дохлая сволочь…

Ничего. Назад, в гостиную, – и почему-то удивление, что он не пошевелился. Как будто ожидала, что он вот-вот вскочит, «привет-привет», размахивая куском бутафорской проволоки. Сняла с него туфли. Пора ставить набойки. Заглянула внутрь, пощупала стельки. Ничего.

– Не делай этого со мной.

И назад в спальню. Узкий шкаф. С треском отмахнуться от стайки дешевых пластмассовых вешалок, оттолкнуть обвисший саван упаковочного пластика из химчистки. Сдвинуть пласт

грязной постели, встать на него – каблуки проваливаются в темперлон, – чтобы провести руками вдоль полки из ДСП и найти в дальнем углу плотно свернутый бумажный квадратик, темно-синий. Развернуть, заметив, как облупился лак с ногтей, на которые она потратила сегодня столько времени, и увидеть номер, записанный зеленой шариковой ручкой. На обороте разодранной пачки «голуаз».

В дверь постучали.

Потом голос Пако:

– Марли? Эй, Марли? Что случилось?

Она засунула бумажку за ремень джинсов и, повернувшись, встретила взгляд спокойных серьезных глаз.

– Это Ален, – сказала она. – Он мертв.

19
«Гипермаркт»

В последний раз Бобби видел Лукаса перед огромным старым универмагом на Мэдисон-авеню. Таким он его и запомнил: огромный негр в строгом черном костюме вот-вот войдет в свой длинный черный автомобиль, один черный начищенный ботинок стоит уже внутри роскошного салона Ахмеда, другой – еще на крошащемся бетоне тротуара.

Джекки стояла рядом с Бобби. На лице – тень от увешанных золотыми побрякушками широких полей федоры, шафрановый шарф завязан сзади на шее.

– Теперь за нашим юным другом будешь присматривать ты. – Лукас ткнул в нее набалдашником трости. – Он не без врагов, наш Граф.

– А у кого их нет? – спросила Джекки.

– Я сам о себе могу позаботиться, – сказал Бобби.

Мысль, что Джекки считают более умелой, чем он, возмущала его; в то же время он понимал – так оно и есть.

– Ты уверен? – Лукас качнул тростью, теперь набалдашник смотрел на Бобби. – Муравейник, мой друг, – это искаженный мир. Здесь вещи редко бывают тем, чем кажутся.

Как бы в подтверждение своих слов, он сделал что-то с тростью – и длинные латунные накладки на мгновение беззвучно раскрылись, встопорщились наподобие спиц зонта, только каждая спица оказалась обоюдоострым и заточенным штырем. Потом они исчезли, и широкая дверца Ахмеда, скользнув на место, закрылась с глухим бронированным стуком.

Джекки рассмеялась:

– Вот че-ерт. Лукас все еще таскает с собой эту дубину. Он теперь важный адвокат, однако улица всегда оставляет свой отпечаток. Что ж, на мой взгляд, это неплохо.

– Адвокат?

Джекки только поглядела на него:

– Пустяки, золотко, ты просто пойдешь со мной. Делай, как я скажу, и все будет о’кей.

Ахмед влился в редкое уличное движение, и какой-то рикша бессмысленно прогудел ручным клаксоном вслед удаляющемуся латунному бамперу.

Затем, положив Бобби на плечо наманикюренные пальцы в золотых кольцах, Джекки повела его по тротуару мимо бездомных бродяг в лохмотьях, устроивших себе ночлег среди мешков для

мусора, – в медленно просыпающийся мир «Гипермаркта».

– Четырнадцать этажей, – сказала Джекки, а Бобби только присвистнул.

– И все такие?

Она кивнула, размешивая коричневые кристаллы колотого сахара в бежевой кофейной пене. Они сидели на витых чугунных стульях у мраморной стойки в маленькой забегаловке. Девушка одних с Бобби лет с обесцвеченными волосами, залакированными под акулий плавник, орудовала рычагами огромной древней кофемашины. Над медными баками, куполами и горелками раскинули крылья хромированные орлы. Стойка, у которой они сидели, первоначально была чем-то другим – Бобби хорошо был виден тот конец, который сбили наискось, чтобы втиснуть мраморную плиту между двух крашенных зеленым железных колонн.

– Нравится, а? – Джекки присыпала бежевую пену корицей из старой тяжелой стеклянной перечницы. – Думаю, так далеко от Барритауна ты еще никогда не забирался.

Бобби кивнул. В глазах рябило от многоцветия товаров в лавках, да и самих лавок тоже. Казалось, здесь не было порядка буквально ни в чем, ни малейшего намека хоть на какую-то единую планировку. От небольшого пятачка перед забегаловкой во все стороны разбегались кривые коридоры. И единого центрального источника света, казалось, тоже не было. Красный и голубой неон чередовался с неровным белым светом шипящих газовых фонарей, а в одной лавке, которую как раз открывал бородач в кожаных штанах, похоже, вообще горели свечи – мягкий колеблющийся свет отражался от сотен полированных медных пряжек, развешанных на красно-черной стене из старых циновок. Весь «Гипермаркт» полнился утренним шумом, кашлял, прочищая горло. Из-за угла с жужжанием выехал синий уборочный робот «Тошиба», волоча за собой побитую пластиковую тележку с зелеными полиэтиленовыми тюками мусора. К верхнему сегменту его корпуса, прямо над россыпью видеообъективов и сенсоров, кто-то приклеил огромную голову пластмассовой куклы. Голубые глаза, улыбка – черты искусственного лица напоминали знаменитую звезду симстима, но отдаленно, дабы не нарушать авторских прав «Сенснета». Розовая голова с платиновыми волосами, завязанными сзади в хвост ниткой бледно-голубого искусственного жемчуга, абсурдно подпрыгивая, кивнула пару раз, когда робот проползал мимо. Бобби рассмеялся.

– Здесь все о’кей, – сказал он, жестом указывая девушке за

стойкой, чтобы она снова наполнила его чашку.

– Подождешь минуту, задница, – вполне дружелюбно отозвалась девушка. Она отмеряла молотый кофе, насыпая его через погнутую стальную воронку в чашку антикварных весов. – Джекки, тебе вчера удалось поспать?

– Конечно, – ответила Джекки и отхлебнула кофе. – Я танцевала во втором выходе, а потом поспала у Джаммера. Завалилась на его тахту, понимаешь?

– Мне бы так задрыхнуть. Каждый раз, когда Генри видит, как ты танцуешь, он потом всю ночь не оставляет меня в покое… – Рассмеявшись, девушка наполнила чашку Бобби из черного пластмассового термоса.

– Ладно, – сказал Бобби, когда та снова занялась кофемашиной, – что теперь?

– Занятой человек? – Джекки холодно взглянула на него из-под увешанных золотом полей шляпы. – У тебя график: куда пойти, с кем встретиться, да?

– Ну нет. Блин. Я просто хочу сказать, это оно?

– Что – оно?

– Это место. Мы остаемся здесь?

– На последнем этаже. Мой друг Джаммер заправляет клубом наверху. Вряд ли кто-то сможет отыскать тебя там, а даже если найдут, в клуб не так-то легко проникнуть. Четырнадцать этажей лавок, и почти все торгуют тем, что владельцам не хотелось бы выставлять на всеобщее обозрение, сечешь? Здесь очень чувствуют чужих, особенно тех, кто задает вопросы. И большинство здешних нам так или иначе друзья. В общем, тебе тут понравится. Хорошее для тебя место. Можно многому научиться, если будешь помнить, что надо держать рот на замке.

– Как я могу учиться, не задавая вопросов?

– Ну, я имела в виду – держи ушки на макушке, скорее в этом смысле. И будь повежливее. Здесь немало крутых, но если ты не будешь совать нос в чужие дела, то и тебя оставят в покое. К концу дня здесь, вероятно, появится Бовуар. Лукас поехал в Новостройки пересказать ему то, что вы разузнали у Финна. Вы ведь что-то у него узнали, да, золотко?

– Например, то, что у него на полу валяются три трупа. Финн сказал, это ниндзя. – Бобби поднял на нее взгляд. – Он какой-то странный.

– Ну, покойники обычно не входят в ассортимент его товаров. Но в общем и целом ты прав, он тот еще фрукт. А почему бы тебе не рассказать мне обо всем? Спокойно н последовательно, не повышая голоса. Как по-твоему, сможешь?

Бобби рассказал ей, что смог вспомнить из своего визита к

Финну. Несколько раз она его останавливала, задавала вопросы, на которые он, как правило, не знал ответа. Когда он впервые упомянул Вигана Лудгейта, Джекки задумчиво кивнула.

– Да-а, – протянула она. – Джаммер иногда поминает Вига, если его раскрутить на базар о старых временах. Надо будет порасспросить его…

Под конец рассказа она откинулась назад, прислонившись к одной из зеленых колонн. Низко надвинутая шляпа почти скрыла лицо танцовщицы.

– Ну? – не вытерпел Бобби.

– Интересно, – сказала Джекки, но это было все.

– Мне нужна новая одежда, – заявил Бобби, когда они взобрались по неподвижному эскалатору на второй этаж.

– У тебя есть деньги?

– Блин, – ругнулся он, похлопав себя по мешковатым плиссированным джинсам в тех местах, где у обычных штанов были карманы. – Нет у меня, черт побери, никаких долбаных денег, но мне нужна одежда. Для чего-то ведь вы с Лукасом и Бовуаром меня прячете, так? Ну так вот, я устал от этой кошмарной рубахи, которую мне всучила Реа, и мне надоело ждать, что эти штаны вот-вот свалятся с моей жопы. И я здесь потому, что этот долбоклюй Дважды-в-День решил подставить мою шею ради того, чтобы Лукас и Бовуар смогли проверить свой траханый софт. Так что ты вполне, мать твою так, можешь купить мне какую-нибудь одежду, идет?

– Идет, – сказала она после паузы. – Вот что я тебе скажу. – Джекки указала на китаянку в блеклой джинсе, которая сворачивала листы пластика, закрывавшие стальные трубчатые стойки с висевшей одеждой. – Видишь вон там Лин? Она моя знакомая. Выбери что захочешь, а я потом улажу это между ней и Лукасом.

Полчаса спустя он появился из занавешенной одеялом примерочной и надел индо-яванские авиационные очки с зеркальными стеклами. Улыбнулся Джекки.

– Вот это стильно, – возвестил он.

– О да. – Она обмахнулась рукой, как будто поблизости было что-то горячее, чего нельзя коснуться. – Значит, тебе не понравилась рубашка, которую тебе одолжила Реа?

Бобби опустил глаза на выбранную им черную футболку с квадратной голограммой киберпространственной сетки через всю грудь. Сетка выглядела так натурально, что казалось, ты на полной скорости несешься сквозь матрицу, так быстро, что линии решетки смазываются.

– Ага. Безвкусная дешевка.

– Верно, – отозвалась Джекки, оглядев узкие черные джинсы, тяжелые ботинки и черный кожаный ремень, украшенный двумя рядами пирамидальных хромированных заклепок. – Сдается, теперь ты куда больше похож на графа. Пойдем, Граф, у меня есть для тебя кушетка, сможешь отоспаться наверху у Джаммера.

Заложив большие пальцы в передние карманы черных «ливайсов», Бобби испробовал на Джекки плотоядную улыбку.

– Один, не беспокойся, – добавила танцовщица.

20
Рейс из Орли [24]

Пако повернул «ситроен-дорнье» на Елисейские Поля, вдоль северного берега Сены, потом – мимо центрального рынка Ле-Аль. Марли утонула в ошеломляюще мягком кожаном сиденье, со стежками еще более тонкими, чем на ее брюссельской куртке, и заставила себя не думать ни о чем… полная пустота, отсутствие эмоций. «Будь глазами, – сказала она себе. – Только глазами, чувствуй свое тело, его вес равномерно вдавлен в сиденье скоростью этой кощунственно дорогой машины». Прогудев мимо площади Невинных, где шлюхи торгуются из-за грошей с водителями грузовых ховеров, Пако без малейших усилий вписался в лабиринт узких улочек.

– Почему вы сказали «Не делай этого со мной»? – Он убрал руку с панели управления и поправил каплю передатчика в ухе.

– Зачем вы подслушивали?

– Потому что это моя работа. Я послал туда женщину с параболическим микрофоном. Она поднялась на двадцать второй этаж высотки напротив. Телефон в квартире не работал; иначе мы подключились бы к нему. Наш агент вскрыла пустую квартиру, выходящую на западный фасад здания, и нацелила свой микрофон как раз вовремя, чтобы услышать, как вы говорите: «Не делай этого со мной». И вы были там одна?

– Да.

– Он был мертв?

– Да.

– Тогда почему вы так сказали?

– Не знаю.

– Кто, как вы почувствовали, что-то вам сделал?

– Не знаю. Наверное, Ален.

– Сделал что?

– Умер? Все усложнил? Сами мне скажите.

– Вы – непростая женщина.

– Выпустите меня.

– Я отвезу вас в квартиру вашей подруги…

– Остановите машину.

– Я отвезу вас…

– Я пойду пешком.

Длинная серебристая машина скользнула к обочине.

– Я позвоню вам в…

– Всего доброго.

– Вы уверены, что не предпочтете какой-нибудь курорт? – спросил мистер Палеологос, худой и элегантный, как богомол, в своем белом льняном жакете. Волосы у него тоже были белые и зачесаны назад с необыкновенным тщанием. – Это не столь дорого и гораздо веселее. Вы очень привлекательная девушка.

– Простите? – рывком отключаясь от созерцания пустой улицы за залитым дождем окном, спросила она. – Что вы сказали?

Его французский был неуклюжим, восторженным и со странно модулированными интонациями.

– Очень симпатичная девушка, – жеманно улыбнулся агент. – Вы не предпочли бы каникулы в кластере «Мед»? Общество людей вашего возраста? Вы еврейка?

– Прошу прощения?

– Еврейка? Да?

– Нет.

– Очень жаль, – сказал он. – У вас скулы определенного типа – как у элегантных молодых евреек. У меня есть чудесная путевка со скидкой. Пятнадцать дней на «Иерусалиме-один», восхитительная обстановка – и всё за ту же цену. Включая аренду скафандра, трехразовое питание и прямой шаттл от тора «Джей-Эй-Эль».

– Аренду скафандра?

– На «Иерусалиме-один» еще не успели полностью нарастить атмосферу, – сказал мистер Палеологос, передвигая стопку распечаток на розовой папиросной бумаге с одного конца письменного стола на другой.

Его контора представляла собой крохотный закуток с голографическими видами Пороса и Макао вдоль стен. Марли выбрала это агентство за его очевидную безвестность и потому, что туда легко было проскользнуть, не выходя из небольшого коммерческого комплекса на ближайшей от квартиры Андреа станции метро.

– Нет, – повторила она, – меня не интересуют курорты. Я хочу поехать вот сюда. – Она постучала пальцем по надписи, сделанной на мятом обороте синей пачки «голуаз».

– Ладно, – буркнул агент, – это, конечно, возможно, но там не значится ни одного отеля. Вы остановитесь у друзей?

– Деловая поездка, – нетерпеливо отрезала Марли. – Мне нужно улететь немедленно.

– Хорошо-хорошо, – примирительно сказал мистер Палеологос, снимая с полки позади стола дешевый маленький терминал, – не могли бы вы назвать мне код вашего кредита?

Порывшись в черной кожаной сумочке, Марли выудила

толстую пачку новых иен, которую стянула из сумки Пако, пока тот был занят осмотром квартиры. Банкноты были перетянуты ленточкой из красного прозрачного пластика.

– Я заплачу наличными.

– О боже, – отозвался мистер Палеологос, касаясь верхней банкноты кончиком розового пальца, как будто ожидал, что вся пачка вот-вот растворится в воздухе. – Понимаю. Видите ли, не в моих правилах вести дела таким образом… Но полагаю, что-то можно будет устроить…

– И побыстрее, – бросила она в ответ, – как можно быстрее…

Он поднял на нее глаза:

– Понимаю. – Его пальцы забегали по клавиатуре терминала. – Не могли бы вы назвать мне имя, под каким вы желаете путешествовать?

21
Время трассы

Тернер проснулся в безмолвном доме, полежал, слушая, как в кронах яблонь заросшего сада перекликаются птицы. Эту ночь он спал на сломанной кушетке, которую Руди держал на кухне. Встав, Тернер накачал воды для кофе. Запыхтели пластиковые трубы, ведущие от бака на крыше, вода полилась в чайник. Потом он поставил чайник на газовую плитку и вышел на веранду.

Восемь машин Руди, покрытые утренней росой, были припаркованы ровным рядком на гравии подъездной дорожки. Когда Тернер спустился по ступенькам, в распахнутые ворота вбежала модифицированная собака, ее черный колпак тихонько пощелкивал в утренней тишине. Собака остановилась, принюхиваясь, повела из стороны в сторону черным конусом морды и затрусила по своим делам за угол веранды.

Тернер остановился у капота тускло-коричневого джипа «судзуки». Двигатель внутреннего сгорания заменили водородным аккумулятором. Наверно, сам Руди и менял. Привод на все четыре колеса, с огромных покрышек для бездорожья осыпалась засохшая речная глина. Маленький, надежный, но на трассе от него не много толку…

Он прошел мимо двух покрытых пятнами ржавчины седанов «хонда», совершенно идентичных: один и тот же год, одна и та же модель. Руди, очевидно, разбирает один на запчасти для другого, – значит, оба не на ходу. Тернер рассеянно хмыкнул, взглянув на безукоризненный, коричневый с бежевым лак на кузове пикапа «шевроле» модели 1949 года. Он помнил проржавевший остов, который Руди приволок домой из Арканзаса на арендованной платформе. Эта старушка бегала еще на бензине; на внутренних поверхностях ее мотора, скорее всего, так же не найдешь ни единого пятнышка, как и на шоколадном лаке крыльев, натертом вручную.

Дальше под серым пластиковым брезентом стояла половинка экранолета «дорнье», а за ней – на самодельном трейлере – похожий на осу черный гоночный мотоцикл «судзуки». Интересно, сколько времени прошло с тех пор, как Руди в последний раз всерьез участвовал в гонках. Под еще одним брезентом возле трейлера с байком приютился старенький снегоход. А за ними – пятнистый ховер, списанный после войны, почти что танк; от приземистой бронированной машины пахло керосином, на котором работала турбина. Усиленная стальной сеткой юбка

воздушной подушки распласталась по гравию. Окна напоминали бойницы с толстым высокопрочным пластиком вместо стекол. К похожим на тараны бамперам были привинчены номерные знаки Огайо. Номера не просрочены.

– Понимаю, о чем ты думаешь, – сказала Салли, и, обернувшись, Тернер увидел, что она стоит у перил веранды с кружкой дымящегося кофе. – Руди говорит, если эта махина не сможет через что-то перелезть, она просто насквозь проломится.

– Быстрая? – Прикоснувшись к бронированному боку ховера.

– Конечно, но примерно через час тебе понадобится новый позвоночник.

– А ездить на такой вообще законно?

– Нельзя сказать, что полиции так уж нравится ее вид, но разрешение на поездки по улицам выдали. Насколько я знаю, нет законов, которые запрещали бы броню.

– Энджи чувствует себя лучше, – сказала Салли, когда он вошел за ней на кухню. – Правда, милая?

Дочь Митчелла подняла глаза от кухонного стола. Ее синяки, как и синяки Тернера, поблекли – пара жирных запятых, похожих на сине-черные нарисованные слезы.

– Мой друг – доктор, – сказал Тернер. – Он осмотрел тебя, пока ты была без сознания. Он говорит, с тобой все в порядке.

– Он твой брат. И он не врач.

– Извини, Тернер, – сказала от плиты Салли. – Я довольно прямолинейна.

– Ладно, не врач, – согласился Тернер, – но он много чего умеет. Мы волновались, вдруг ребята из «Мааса» сделали что-то с тобой, подстроили так, чтобы ты заболела, если уедешь из Аризоны…

– Например, вживили бомбу в кору головного мозга? – Энджи ковыряла ложкой холодную овсянку на щербатой тарелке с каймой из яблоневых цветов – из сервиза, который Тернер помнил слишком хорошо.

– Господи, – выдохнула Салли, – во что ты впутался, Тернер?

– Хороший вопрос. – Он подсел к столу.

Энджи, не сводя с него глаз, жевала свою овсянку.

– Энджи, – начал Тернер, – когда Руди тебя сканировал, он нашел у тебя в голове нечто странное.

Девочка перестала жевать.

– Он не знает, что это такое. Это вживили туда, возможно, еще когда ты была совсем маленькой. Знаешь, о чем я?

Она кивнула.

– Ты знаешь, что это?

Энджи сглотнула:
– Нет.
– Но ты знаешь, кто поместил это туда?
– Да.
– Твой отец?
– Да.
– Ты знаешь почему?
– Может, потому, что я болела?
– Чем ты болела?
– Я была недостаточно умной.

К полудню все было готово. Заправленный ховер ждал у проволочного заграждения. Руди дал Тернеру прямоугольный черный пакет-зиплок, набитый новыми иенами, – некоторые банкноты от долгого употребления были настолько потерты, что стали почти прозрачными.

– Я попытался прогнать запись через французский «лексикон», – сказал Руди; одна из собак тем временем терлась пыльным боком о его штанину. – Не сработало. Похоже, это какой-то креольский диалект. А может, африканский. Хочешь себе копию?

– Нет, – ответил Тернер, – лучше сам с ней поиграйся.

– Спасибо, – сказал Руди, – но никаких копий; я не собираюсь признаваться в том, что ты вообще был здесь, если кто-то станет интересоваться. Что до нас с Салли, мы под вечер отправимся в Мемфис, погостим у друзей. За домом присмотрят собаки. – Он почесал животное где-то под пластиковым колпаком. – Правда, малыш? – (Собака было заскулила, но потом завиляла хвостом.) – Пришлось отучить их охотиться на енотов после того, как я поставил эти инфракрасные сканеры, – сказал он, – иначе в округе не осталось бы вскоре ни одного енота…

По ступеням веранды спустились Салли и девочка. Салли несла старый холщовый мешок, в который собрала им в дорогу бутерброды и термос с кофе. Тернер вспомнил ее в постели – там, наверху, – и улыбнулся. Она улыбнулась в ответ. Сегодня она выглядела старше, чем вчера, и гораздо более усталой. Энджи сменила залитую кровью футболку «МААС-НЕОТЕК» на бесформенную кофту, которую ей подыскала Салли. В ней девочка казалась еще младше, чем была на самом деле. Салли даже удалось вписать блекнущие синяки в довольно эксцентричный макияж вокруг глаз, который дико контрастировал с детским лицом и мешковатой кофтой.

Руди протянул Тернеру ключи от ховера:

– Я заставил свой старый «Крей» сварганить мне сегодня

утром выжимки из последних сводок новостей, раздел «Корпорации». Кое-что из этого тебе, вероятно, следует знать. А именно: «Маас-Биолабс» объявили о смерти доктора Кристофера Митчелла в результате несчастного случая.

– Подумать только, как неопределенно умеют выражаться эти типы.

– И смотри, чтобы ремни всегда были натянуты потуже, – говорила тем временем Салли, – иначе твоя попка превратится в сплошной синяк еще до того, как вы на кольцевую вокруг Стейтсборо выберетесь.

Руди глянул на девочку, потом снова на Тернера. Тернеру видна была сетка лопнувших сосудов у брата на носу. И глаза у того были налиты кровью, и левое веко явственно подергивалось.

– Ну, думаю, вот и все, – сказал Руди. – Забавно, но я уже было решил, что никогда больше тебя не увижу. Странно как-то снова видеть тебя здесь…

– Ну, – отозвался Тернер, – вы оба сделали больше, чем я был вправе рассчитывать.

Салли отвела глаза.

– Так что спасибо. Думаю, нам пора двигаться. – Он забрался в кабину ховера, желая поскорее уехать.

Сжав напоследок запястье девочки, Салли отдала ей мешок и постояла рядом, пока та карабкалась вверх по откидным подножкам. Тернер забрался на водительское сиденье.

– Она все спрашивала о тебе, – сказал вдруг Руди. – Через какое-то время стало так плохо, что даже аналоги эндорфина не могли подавить боль, и каждые два часа она спрашивала, где ты, когда ты приедешь.

– Я посылал тебе деньги, – сказал Тернер. – Достаточно, чтобы отвезти ее в Тибу. Там, в клинике, могли бы испробовать что-нибудь новое.

– Тиба? Господи, – фыркнул Руди, – она была старуха. Ну и что проку, если бы в Тибе растянули ее жизнь еще на несколько месяцев? Если больше всего на свете она хотела увидеть тебя?

– Тогда не вышло, – сказал Тернер, когда девочка села на соседнее сиденье и поставила мешок между ног на пол. – Увидимся, Руди, – кивнул он. – Спасибо, Салли.

– Прощайте, – отозвалась Салли, обнимая Руди за талию.

– О ком вы говорили? – спросила Энджи, когда опустилась крышка люка.

Вставив ключ в замок зажигания, Тернер завел турбину, одновременно пустив воздух в воздушную подушку. Через узкое окно на своей стороне он увидел, как Руди и Салли быстро попятились к дому, а собака, присев на задние лапы от рева

турбины, залаяла. Педали и ручное управление были Тернеру велики, сконструированные в расчете на водителя в скафандре антирадиационной защиты. Тернер осторожно выехал из ворот и развернулся на широкой полосе гравийной дорожки. Энджи подтягивала пристежные ремни.

– О матери, – сказал он.

Турбина взревела еще громче, и машина рванулась вперед.

– А я никогда не знала своей матери, – сказала девочка, и Тернер вспомнил, что ее отец мертв, а она этого еще не знает…

Он прибавил обороты, и ховер сорвался с гравийной дорожки, едва не задев одну из собак Руди.

Насчет подвески Салли была права: от турбины шла постоянная вибрация. При девяноста километрах в час на горбатом асфальте старой трассы ховер просто вытряхивал душу. Бронированная воздушная подушка тяжело переваливалась через рытвины. Эффект скольжения, как на гражданской спортивной модели, будет возможен лишь на совершенно ровном покрытии.

Неожиданно для себя Тернер обнаружил, что ему это нравится. Нацеливаешься куда тебе надо, выжимаешь сцепление, потом даешь газ. Кто-то подвесил над передней обзорной щелью пару выцветших на солнце розовых игральных костей из поролона, которые теперь раскачивались из стороны в сторону. За спиной – ровный вой турбины. Девочка, похоже, расслабилась, впитывая пробегающий мимо придорожный ландшафт с рассеянным, почти довольным видом, и Тернер был благодарен, что от него не требуется поддерживать разговор. «Откуда же ты взялась такая на мою голову? – думал он, временами скашивая взгляд в ее сторону. – Пожалуй, едва ли найдется сегодня на поверхности планеты кто-нибудь еще, за кем шла бы такая же ожесточенная охота. И вот я увожу тебя в Муравейник в бронетачке Руди, оставшейся с прошлой войнушки, и понятия, черт побери, не имею, что мне с тобой делать… Или кто это был, кто разнес площадку в Аризоне…»

Давай-ка прокрутим, сказал он себе, когда они свернули по старому шоссе вниз в долину, еще раз прокрутим все по порядку, может, что и выскочит. Митчелл вышел на «Хосаку», сказал, что хочет к ним. «Хосака» наняла Конроя и набрала команду медиков, чтобы проверить Митчелла на предмет имплантатов. Конрой сколачивал группу, работая в контакте с агентом Тернера. Агент Тернера – это голос в Женеве, номер телефона, не более. «Хосака» заслала Эллисон, чтобы та проверила его в Мексике, потом Конрой вытащил его оттуда. Уэббер, прямо перед тем, как все пошло наперекосяк, сказала, что это она была подсадкой Конроя

на площадке… Кто-то атаковал их, когда девушка уже подлетала, – осветительные ракеты и автоматные очереди. На взгляд Тернера, это было очень похоже на «Маас»; приблизительно такого хода он и ожидал от их спецслужбы, для подстраховки от этого и были наняты Комптон, Тедди, Коста и Дэвис. Потом побелело небо… Тернер вспомнил, что Руди говорил что-то про электромагнитную пушку… Кто? И этот бардак у девочки в голове, то, что появилось у Руди на дисплеях томографа и ЯМР-визуализатора. А Энджи сказала, что ее отец никогда и не собирался бежать сам.

– Нет компании, – сказала она, обращаясь к окну.

– То есть?

– У тебя ведь нет компании, да? Я хочу сказать, ты работаешь на тех, кто тебя нанимает.

– Верно.

– Ты не боишься?

– Конечно, но не из-за этого…

– А у нас всегда была компания. Мой отец сказал, что со мной будет все в порядке, что я просто перехожу под крышу другой компании…

– Он прав, с тобой все будет в порядке. Мне просто нужно выяснить, что происходит. А потом я доставлю тебя туда, куда тебе нужно.

– В Японию?

– Куда угодно.

– Ты там бывал?

– Конечно.

– Мне там понравится?

– Почему бы и нет?

Тут она снова погрузилась в молчание, а Тернер сосредоточился на дороге.

– Это заставляет меня видеть сны, – сказала девочка, когда Тернер наклонился, чтобы включить фары. Ее голос был едва слышен за ревом турбины.

– Что заставляет? – Чтобы не смотреть в ее сторону, он сделал вид, что занят слежением за дорогой.

– Та штука в моей голове. Обычно это происходит только тогда, когда я сплю.

– Да-а? – И вспомнил белки закатившихся глаз в спальне Руди, конвульсии, наплыв сбивчивых фраз на неизвестном языке.

– А иногда наяву. Как будто я подключена к деке, только не привязана к сетке, лечу себе в матрице, лечу, и я там не одна. Как-то ночью мне снился мальчик… Он схватил что-то, и это что-

то причиняло ему боль, а он не понимал, что свободен, что ему нужно только это отпустить. Так я ему об этом сказала. И вдруг на долю секунды смогла увидеть, где он. Это был не сон, я четко увидела противную комнатку с грязным ковром, и понимала, что парню нужно принять душ, и чувствовала, как к его ступням прилипают стельки, потому что он был без носков… Это было совсем не похоже на сон…

– Нет?

– Нет. Сны… в снах все большие, очень большие… я тоже большая, двигаюсь, плыву среди других…

Ховер с воем двинулся в горку по бетонной рампе, за которой был выезд на трассу между штатами, и Тернер выдохнул, только тут сообразив, что уже с минуту задерживает дыхание.

– Что за другие?

– Яркие. – Снова молчание. – Не люди…

– Ты много времени проводишь в киберпространстве, Энджи? Я хочу сказать, надолго подключаешься к деке?

– Нет. Только когда делаю домашние задания. Отец сказал, что мне это вредно.

– А о снах он что-нибудь говорил?

– Только то, что они становятся все реальнее. Но я никогда не рассказывала ему о тех, других…

– Хочешь поделиться? Вдруг это поможет мне сообразить, что нам теперь делать.

– Некоторые из них рассказывают мне всякое. Разные истории. Когда-то там не было ничего, ничего, что существовало бы само по себе, были только базы данных и люди, копавшиеся в них. Потом что-то случилось, и Оно… Оно познало себя. Это уже совсем другая история – о девушке с зеркальными глазами и о мужчине, который боялся кого-нибудь любить. Что-то, что он сделал, помогло Целому познать себя… А потом Оно как будто распалось на различные части себя самого, и мне кажется, те – яркие, другие – и есть эти части. Но об этом очень сложно рассказывать, потому что сами они говорят об этом не совсем словами.

У Тернера по спине побежали мурашки. Что-то всплывало, возвращалось к нему из подводного города – досье Митчелла. Волна жгучего стыда в коридоре, облупившаяся грязно-кремовая краска, Кембридж, общежитие университета…

– Где ты родилась, Энджи?

– В Англии. Потом папа стал работать на «Маас», и мы переехали. Сначала в Женеву.

Где-то посреди Виргинии Тернер свернул на обочину из

гравия, потом съехал на заросшее пастбище. За ховером потянулся клубящийся хвост пыли. Лето, все высохло. Тернер завел ховер поглубже в ельник. Турбина заглохла, машина грузно осела, выдавливая воздух из-под юбки.

– Теперь можно и поесть, – сказал он, перегнувшись на заднее сиденье за холщовым мешком Салли.

Выпутавшись из пристежных ремней, Энджи расстегнула молнию черной кофты. Под кофтой на ней было что-то белое и облегающее, квадратный вырез открыл по-детски гладкое, загорелое тело. Она взяла у него мешок и стала разворачивать приготовленные Салли бутерброды.

– А что не так с твоим братом? – спросила она, протягивая ему половину бутерброда.

– В смысле?

– Ну, что-то, наверно, не так… Салли сказала, он все время пьет. Он несчастлив?

– Не знаю, – ответил Тернер, поводя плечами и массируя шею, расслабляя мышцы. – Я хочу сказать – наверно, да, не очень счастлив, только я не знаю почему. Бывает же, что люди иногда просто подвисают.

– Ты имеешь в виду: когда у них нет компаний, которые бы о них заботились? – Она принялась за еду.

Тернер поднял на нее глаза:

– Шутишь?

Она кивнула с полным ртом. Проглотила.

– Немножко. Я знаю, что есть много людей, которые не работают на «Маас». Никогда не работали и никогда не станут. Ты – один из них, твой брат – другой. Но я спросила всерьез. Знаешь, мне понравился Руди. Но просто он кажется совсем…

– Конченым? – договорил он за нее, все еще держа бутерброд в руке. – Увязшим? А дело, думаю, в том, что некоторым людям нужно иногда сделать скачок, и если они этого не делают, то увязают по уши – навсегда… А Руди никогда и не пытался соскочить.

– Это как мой отец, когда хотел вытащить меня из «Мааса»? Это скачок?

– Нет. Соскакиваешь ты или нет, каждый решает сам за себя. Просто нужно понять, что где-то тебя ожидает нечто лучшее… – Он помедлил, внезапно почувствовав, что смешон, и откусил от бутерброда.

– Так решил ты?

Он кивнул, задумавшись – а так ли это?

– Значит, ты уехал, а Руди остался.

– Он всегда был умен, даже талантлив. До сих пор такой.

Наполучал целую кучу дипломов – и все по Сети. В двадцать лет защитил докторскую по биотехнологиям в Тьюлейне, потом еще какие-то диссертации. И никуда не пытался устроиться, ни заявлений не рассылал, ничего. К нам сюда являлись агенты чуть ли не со всего света, а он нес им невесть что, нарывался на ссоры… По-моему, он считал, что сможет придумывать что-то сам по себе. Вроде этих его колпаков на собаках. Сдается, у него есть парочка оригинальных патентов, но… Как бы там ни было, он остался дома. Занялся торговлей, стал собирать на заказ железо, причем был одним из самых крутых в этом штате. Потом заболела наша мать. Она болела очень долго, а я был далеко…

– И где ты был? – Девушка открыла термос, и по кабине разнесся запах кофе.

– Так далеко, как только смог забраться, – ответил он, удивившись злости в собственном голосе.

Она передала ему пластмассовую кружку, до краев наполненную горячим черным кофе.

– А ты? Ты говорила, что никогда не знала матери?

– Не знала. Они расстались, когда я была совсем маленькой. Она отказывалась соблюдать брачный контракт, если он не поделится с ней «маасовскими» акциями, которые ему причитались. Так, во всяком случае, он говорит.

– А что он за человек? – Он глотнул кофе, потом передал кружку Энджи.

Она взглянула на него поверх ободка красной пластмассовой кружки, вокруг глаз – косметика, наложенная Салли.

– Это ты мне расскажи, – бросила она. – Или лучше спроси об этом через двадцать лет. Мне семнадцать, откуда мне, черт побери, это знать?

Тернер рассмеялся:

– Начинаешь чувствовать себя немного лучше?

– Пожалуй, да. Учитывая обстоятельства.

И внезапно он осознал, что рядом с ним женщина, ощутил то, чего не замечал раньше, и его руки нервно потянулись к рычагам управления.

– Хорошо. Нам предстоит еще долгий путь…

Этой ночью они спали в ховере, в Южной Пенсильвании, припарковавшись за ржавой стальной решеткой, на которой когда-то висел экран кинотеатра для автомобилистов. Тернер расстелил парку на бронированном полу под длинным горбом турбины. Энджи допивала остатки кофе, теперь уже остывшего, сидя в квадратном отверстии люка над пассажирским сиденьем и глядя, как над полем, заросшем жухлой травой, пульсируют

светлячки.

Где-то посреди сна – все еще окрашенного случайными вспышками из досье ее отца – она перекатилась к нему под бок. Теплая и мягкая грудь прижалась к его голой спине, а потом ее рука скользнула погладить плоские мускулы его живота. Тернер даже не шевельнулся, изображая глубокий сон, и вскоре отыскал дорогу вниз, в темный лабиринт биософта Митчелла, где диковинные образы начинали сливаться с его собственными страхами и давней болью. Он проснулся на рассвете и услышал, как она тихонько напевает себе под нос, сидя на краю люка:

Мой папаша родной
Красив как дьявол был.
В девять миль длиной
Цепь себе он раздобыл.
И на каждом звене,
Да, на каждом звене
Висело сердце той,
Кого он погубил[25].

22
«У Джаммера»

До владений Джаммера пришлось преодолеть еще двенадцать пролетов мертвого эскалатора. Занимал клуб, как выяснилось, почти треть последнего этажа. Если не считать заведения Леона, Бобби никогда в жизни не видел ночного клуба, а потому «У Джаммера» произвел на него изрядное впечатление, хотя и показался жутковатым. Впечатляли размеры и то, что Бобби счел шикарной обстановкой, а жутковато было потому, что любой ночной клуб, особенно днем, чем-то неуловимо ирреален. Есть в нем что-то ведьмовское. Заткнув большие пальцы в задние карманы новых джинсов, Бобби с любопытством оглядывался по сторонам, пока Джекки шепотом беседовала с длиннолицым белым в мятом синем комбинезоне. Обстановку клуба составляли темные банкетки с обивкой из искусственного плюша, круглые черные столики и десяток резных деревянных ширм. Потолок был выкрашен черным, каждый столик слабо освещался собственным невидимым прожектором, нацеленным откуда-то сверху, из темноты. Была здесь также сцена, сейчас ярко освещенная рабочими лампами, свисающими на желтых спиральных шнурах, а в середине сцены стояли вишнево-красные барабаны. Бобби не мог бы сказать почему, но от всего этого мороз подирал по коже; какое-то неуловимое ощущение полужизни, как будто что-то вот-вот зашевелится – там, в самом уголке глаз…

– Бобби, – окликнула его Джекки, – подойди познакомься с Джаммером.

Бобби пересек черную ковровую дорожку со всем хладнокровием, какое сумел изобразить, и предстал перед длиннолицым, у которого были темные редеющие волосы, а под комбинезоном оказалась белая вечерняя рубашка. Губы у мужчины были узкие, на впалых щеках чернела вчерашняя щетина.

– Ага, – сказал Джаммер, – хочешь, значит, быть ковбоем?

Он смотрел на футболку Бобби, и у того возникло малоприятное ощущение, что его собеседник вот-вот рассмеется.

– Джаммер был жокеем, – сказала Джекки. – Самым крутым, какие только бывают. Правда, Джаммер?

– Так говорят, – отозвался Джаммер, по-прежнему глядя на Бобби. – Давно это было, Джекки. И каков же у тебя пробег, парень, сколько часов? – спросил он Бобби.

Бобби вспыхнул:

– Ну, наверное, один.

Джаммер вздернул кустистые брови.

– Что ж, надо же когда-то начинать, – улыбнулся он.

Зубы у него оказались мелкими, неестественно ровными и, как подумалось Бобби, слишком многочисленными.

– Бобби, – сказала Джекки, – почему бы тебе не расспросить Джаммера о том персонаже, Виге, о котором тебе рассказывал Финн?

Джаммер поглядел на нее, потом снова на Бобби.

– Ты знаешь Финна? Для простого хотдоггера ты довольно глубоко забрался, не находишь? – Вынув из брючного кармана ингалятор, он вставил его в левую ноздрю, потянул носом воздух, потом снова убрал ингалятор в карман. – Лудгейт. Виг. Так, значит, Финн говорил о Виге? Не иначе как совсем уже в маразм впал.

Бобби не понял, что бы это значило, но решил, что сейчас не самое удачное время переспрашивать.

– Ну, – рискнул Бобби, – этот Виг, он где-то высоко на орбите и толкает иногда Финну товар…

– Серьезно? Офигеть и не встать. Я бы сказал, что Виг или мертв, или совсем уже овощ. Такого чокнутого даже среди ковбоев еще поискать, если понимаешь, о чем я. Псих долбаный. Исчез. Сто лет уже ничего о нем не слышал.

– Джаммер, – вмешалась Джекки. – Я подумала, может, Бобби рассказать тебе всю историю? Под вечер здесь появится Бовуар, и у него будет к тебе немало вопросов, так что тебе лучше понимать, как обстоят дела…

Джаммер перевел взгляд на танцовщицу:

– Вот как, понимаю. Мистер Бовуар вспомнил про тот должок, да?

– Не могу говорить за него, – сказала она, – но догадка не лишена оснований. Нам нужно безопасное место, чтобы Счет мог укрыться.

– Какой счет?

– Я, – сказал Бобби. – Счет – это я.

– Великолепно, – без тени энтузиазма проговорил Джаммер, – тогда пойдем в контору, это за сценой.

Бобби не мог оторвать глаз от киберпространственной деки, которая занимала почти треть антикварного дубового стола Джаммера. Она была матово-черной, явно штучной работы и безо всяких торговых марок. Бобби то и дело вытягивал шею, чтобы разглядеть ее получше, пока рассказывал Джаммеру о Дважды-в-День и о своем неудачном рейде, о том, как почувствовал

девочку, и о том, как взорвали материну квартиру. Это была самая крутая дека, какую он только видел. И тут он вспомнил, как Джекки говорила, что Джаммер в свое время был чертовски крутым ковбоем. Когда Бобби закончил, Джаммер как-то обмяк, откинулся на спинку стула.

– Хочешь попробовать? – спросил он. Голос его звучал устало.

– Попробовать что?

– Деку. Мне показалось, тебе этого хочется. Ну, судя по тому, как ты все елозишь задницей по стулу. Или тебе хочется ее попробовать, или очень надо поссать.

– Черт, да. То есть да, спасибо, мне бы…

– Почему бы и нет? Не вижу, как кто-то может узнать, что это ты, а не я, так? Почему бы тебе не подключиться с ним, Джекки? Вроде как для присмотра. – Открыв ящик стола, он вынул оттуда два набора тродов. – Только ничего не делай, ладно? Я хочу сказать, просто войди и прокатись. Не лихачь и не пытайся никуда влезать. Я в долгу у Лукаса и Бовуара, и, похоже, расплачиваться мне придется тем, что я помогу сохранить твою задницу в целости и сохранности. – Один набор тродов он протянул Джекки, другой – Бобби; потом встал и, взявшись за ручки по обеим сторонам черной консоли, развернул ее передом к Бобби. – Давай. А то сейчас прямо в портках обкончаешься. Этой штуке уже лет десять, а она все равно на порядок круче почти всего, на чем сейчас работают. Ее собрал парень по имени Автомат Джек, прямо с начала до конца собрал своими руками. Он был когда-то мастером по железу у Бобби Куайна. Помнится, эта парочка сожгла Дом Голубых Огней, впрочем, дело было, наверное, еще до твоего рождения.

Бобби уже надел троды и теперь выжидательно смотрел на Джекки.

– Ты когда-нибудь раньше подключался тандемом? – спросила она.

Бобби покачал головой.

– Ладно. Мы подключимся, но я буду висеть у тебя за левым плечом. Скажу «выключайся», ты выключишься. Если увидишь что-то необычное, это будет потому, что с тобой я, понял?

Он кивнул.

Расстегнув пару длинных булавок с серебряными головками спереди своей федоры, Джекки сняла шляпу и положила ее на стол рядом с декой Джаммера. Надвинула троды поверх шелкового шафранового шарфа, пригладила контакты на лбу.

– Поехали, – сказала она.

Теперь и всегда – едино. На ускоренном прогоне вперед. Дека

Джаммера включилась в «небо» над яркими неоновыми сердечниками баз – незнакомая ему топография данных. Хребты и пики информации, мощные крепости корпоративных баз – вот он, псевдоландшафт киберпространства.

– Сбавь скорость, Бобби, – прозвучал из пустоты рядом с ним низкий и нежный голос Джекки.

– Господи Исусе, ну и быстрая же штуковина!

– Ага, но притормози ее. Спешка нам ни к чему. Ты же хотел прокатиться. Задержись тут и замедли ход…

Он сбрасывал скорость до тех пор, пока они, казалось, не зависли и не начали парить. Затем повернул голову налево, надеясь увидеть Джекки, но там не было ничего.

– Я здесь, – успокоила его та, – не волнуйся.

– Кто такой Куайн?

– Куайн? Какой-то ковбой, которого Джаммер знал когда-то. В былые времена он был знаком с ними со всеми.

Проверяя деку на реакцию, Бобби круто завернул на девяносто градусов вправо, гладко повернувшись вокруг своей оси на перекрестке решетки. Дека ошеломляла, ощущение было абсолютно не похоже ни на что, что Бобби до сих пор испытывал в киберпространстве.

– Ни хрена себе! По сравнению с этой штукой «Оно-Сэндай» просто детская игрушка…

– Ну, внутри у этой деки наверняка есть «сэндаевские» микросхемы. По словам Джаммера, именно их тогда обычно ставили. Подними нас чуть повыше…

Без малейшего усилия они поднялись сквозь решетку, базы под ними начали уменьшаться.

– Здесь, наверху, не так уж и много на что посмотреть, – пожаловался Бобби.

– Вот и неправда. Если достаточно долго болтаться в пустых частях, можно увидеть кое-что весьма интересное…

Ткань матрицы прямо перед ними словно начала вибрировать…

– А-а-а, Джекки…

– Остановись. Задержи ее на месте. Все в порядке. Доверься мне.

Где-то далеко-далеко его пальцы пробежались по клавиатуре непривычной конфигурации. Теперь он будто встал на невидимый якорь, в то время как целая секция киберпространства расплылась, становясь молочно-белой.

– Что…

– *Данбала ап монте л*, – сказал у него в голове суровый голос, и во рту возник привкус крови. – Данбала оседлал ее.

Бобби почему-то знал, что значат эти слова, но голос в его голове был твердым, как металл. Молочная ткань раздвинулась, будто пошла пузырями, выплюнув два колышущихся серых пятна.

– Легба, – произнесла Джекки, – Легба и Огу Ферай, бог войны. Папа Огу! Святой Жак Мажор! *Вив ля Вьей!*

Металлический смех заполнил матрицу, пилой врезался Бобби в мозг.

– *Мап кит ту миз ак ту жийон*, – сказал другой голос, какой-то холодный и переменчивый, похожий на бегущие шарики ртути. – Видишь, Папа, она пришла сюда, чтобы выбросить свою неудачу! – И тут этот тоже рассмеялся.

А Бобби все боролся с собой, пытаясь подавить волну нахлынувшей паники, когда серебристый смех стал подниматься в нем пузырьками.

– Так у нее неудача, у лошади Данбалы? – прогрохотал железный голос Огу Ферая, и на мгновение Бобби почудилось, что в сером тумане мелькнула неясная фигура. Голос оглушительно рассмеялся все тем же ужасным смехом. – И вправду! И вправду! Но она этого не знает! Она не моя лошадь, нет, иначе я вылечил бы ее удачу!

Бобби хотелось закричать, умереть – все что угодно, лишь бы избавиться от голосов, от непереносимого ветра, который вдруг задул из серых рваных дыр, от этого горячего сырого ветра с запахом чего-то, что он не мог распознать.

– И она поет хвалу Деве! Слушай меня, маленькая сестра! *Ля Вьей* действительно приближается, она уже очень близко!

– Да, – отозвался другой, – она сейчас движется по моим владениям, это говорю тебе я, тот, кто правит торными и неторными путями.

– Но я, Огу Ферай, говорю тебе, что и враги твои тоже близки! К воротам, сестра, и остерегайся!

И тут серые пятна поблекли, съежились…

– Отключи нас. – Голос Джекки был сдавленным и отстраненным. А потом она сказала: – Лукас мертв.

Вынув из ящика стола бутылку скотча, Джаммер аккуратно отмерил шесть сантиметров жидкости в высокий стакан.

– Ты хреново выглядишь, – сказал он Джекки, и Бобби удивился нежности в его голосе.

Прошло уже минут десять с тех пор, как они отключились, но никто не проронил ни слова. Джекки сидела подавленная и все покусывала нижнюю губу. Джаммер казался не то расстроенным, не то разозленным – Бобби ни в чем уже не был уверен.

– А почему ты сказала, что Лукас мертв? – рискнул Бобби.

Ему чудилось, что молчание в захламленной конторе Джаммера застаивается, застывает – как что-то холодное и враждебное, способное задушить, если продлится еще хоть немного.

Джекки подняла на него взгляд, который словно бы все никак не мог сфокусироваться.

– Они не пришли бы ко мне вот так, будь Лукас жив, – сказала она. – Существуют соглашения, пакты. Первым всегда вызывают Легбу, но он должен был прийти с Данбалой. Его личность зависит от лоа, с которым он являет себя. Лукас, должно быть, мертв.

Джаммер подтолкнул к ней через стол стакан виски, но Джекки помотала головой. Набор тродов все еще сидел у нее на лбу – хром и черный нейлон. Джаммер скорчил гримасу отвращения, утянул стакан назад и залпом опустошил его сам.

– И все-то ты меня грузишь. В мире было гораздо больше смысла до того, как ваши люди начали путать карты.

– Не мы привели сюда лоа, Джаммер, – отозвалась танцовщица. – Они просто были там, и они нашли нас, потому что мы их понимали!

– Ну вот снова, – устало сказал Джаммер. – Чем бы они ни были, откуда бы ни заявились, они просто приняли ту форму, в какой их хотела бы видеть свора сбрендивших негритосов. Въезжаешь? Ну откуда, скажи на милость, там могло взяться что-то, с чем пришлось бы общаться на сраном наречии гаитянских дикарей! Вы со своим вуду просто пришли и увидели расклад. Но все эти Лукасы и Бовуары и иже с ними – они прежде всего деловые люди. А эти чертовы штуки знают, как заключать сделки! Просто прирожденные дельцы! – Он закрутил пробку и убрал бутылку обратно в стол. – Знаешь, дорогуша, есть вероятность, что некто, у кого, не стану спорить, до хрена силы в решетке, просто садится вам на шею. Проецирует все эти штуки… Ты же и сама знаешь, что это вполне возможно, так ведь? Так, Джекки?

– Не так. – Голос Джекки звучал холодно и ровно. – Но я знаю то, что я знаю, и это никак не объяснить…

Джаммер вынул из кармана черную электробритву и начал бриться.

– Конечно, – сказал он; жужжала бритва, которой он водил по подбородку. – Я прожил в киберпространстве восемь лет, так? Так вот, я знаю, что в мое время там ничего не было… Во всяком случае, хочешь, я позвоню Лукасу, хотя бы перестанешь мучиться, жив он или мертв? У тебя есть телефон этого его «роллса»?

– Нет, – сказала Джекки, – не беспокойся. Пока не объявится Бовуар, нам всем лучше сидеть тихо. – Она встала, стянула троды

и подобрала шляпу. – Я собираюсь прилечь и попытаться поспать. Пригляди за Бобби… – Повернувшись, она пошла к двери конторы. Вид у нее был такой, будто она шла во сне, вся энергия из нее куда-то испарилась.

– Чудесно, – сказал Джаммер, проводя бритвой по верхней губе. – Хочешь выпить? – спросил он Бобби.

– Ну, – протянул Бобби, – вроде как рано…

– Может быть, для тебя. – Он убрал бритву обратно в карман; дверь за Джекки закрылась. Джаммер слегка подался вперед. – На что они похожи, малыш? Ты что-нибудь разглядел?

– Сероватые такие. Расплывчатые…

На лице Джаммера отразилось разочарование. Он снова ссутулился в кресле.

– Что ж, пожалуй, их как следует и не разглядишь, если в них не верить, – побарабанил он пальцами по подлокотнику. – Как по-твоему, они реальны?

– Ну, мне бы не хотелось с кем-нибудь из них ссориться…

Джаммер поднял на него взгляд:

– Нет? Ладно, может, ты умнее, чем кажешься. Я и сам не стал бы с ними связываться. Я вышел из игры до того, как они начали появляться…

– Так что же они, по-твоему, такое?

– Ага, становишься все умнее… Ну, я не знаю. Как я говорил, не уверен, что смогу проглотить байку, будто это шайка гаитянских богов вуду, но кто знает? – Он прищурился. – Может статься, они – вирусные программы, сбежавшие в матрицу, там размножившиеся и очень-очень поумневшие… Одно это звучит жутковато; возможно, тьюринговцы пытаются все это замять. Или, может, ИскИн нашел способ скопировать части себя в матрицу, а такое «тьюрингов» просто с ума сведет. Знавал я одного тибетца, он апгрейдил для ковбоев железо – так он считал эти штуки тулпа.

Бобби сморгнул.

– Тулпа – это мыслеформа, что-то вроде этого. Суеверия. По-настоящему крутые ребята могут отделить от себя нечто вроде духа, вылив негативную энергию в некую оболочку. – Он пожал плечами. – Опять бред сивой кобылы. Как и эти вудуистские божки нашей Джекки.

– Ну, по-моему, Лукас и Бовуар, да и остальные – все они чертовски уверенно ведут себя так, как будто эти духи вполне реальны, а не просто какой-то там спектакль…

Джаммер кивнул:

– Вот именно. И дела у них чертовски хороши, так что в этом что-то есть. – Он опять пожал плечами, потом зевнул. – Мне тоже

надо поспать. Можешь делать все, что хочешь, только держи руки подальше от моей деки. И не пытайся выйти наружу, не то разорется добрый десяток «кричалок». В холодильнике за баром есть сок, сыр и прочая кормежка…

Теперь, когда клуб остался целиком в его распоряжении, Бобби все еще находил его несколько жутковатым, но достаточно интересным, чтобы жуть того стоила. Он побродил взад-вперед позади бара, касаясь рычагов пивных кранов и хромированных клювов коктейльных миксеров. Тут была машина для приготовления льда и еще одна, выплевывающая кипяток. Он сделал себе чашку японского растворимого кофе и порылся в каталоге аудиокассет Джаммера. Он никогда не слышал ни таких названий групп, ни имен певцов. Интересно, это пожилой Джаммер предпочитает старье или всё здесь новые вещи, которые просочатся в Барритаун – скорее всего, через клуб Леона – недели только через две… Под черной с серебром универсальной кредитной консолью в конце стойки притаилась пушка, небольшой толстый автоматический пистолет с магазином, торчавшим вертикально вниз из рукоятки. Пушка была прилеплена под стойкой бара куском зеленой липучки, и Бобби подумал, что трогать ее не стоит. Через некоторое время он решил, что не чувствует больше страха. Стало просто скучно и немного нервно. Захватив с собой остывающий кофе, он вышел на середину зала. Сел за один из столиков и прикинулся, что он – Счет Ноль, или, еще лучше, Граф Ноль, крутейший жокей в Муравейнике, – ждет, что появятся ребята поговорить о сделке, о каком-то рейде, который надо для кого-то провернуть, а никто, кроме Счета-Графа, даже близко не тянет.

– Конечно, – сказал он пустому ночному клубу, глаза полуприкрыты тяжелыми веками. – Я разрежу вам этот лед… Если у вас есть деньги… – И они побледнели, когда он назвал им цену.

Помещение было звукоизолированным, шума торговых рядов не доносилось вовсе, было слышно только жужжание какого-то кондиционера и временами – бульканье кипятящего воду титана. Устав играть во всемогущего Графа Ноль, Бобби оставил чашку с кофе на столе и подошел к входу, провел рукой по потертому бархату витого каната, висевшего между полированных латунных столбиков. Осторожно, стараясь не коснуться самой стеклянной двери, он устроился на дешевом стальном стуле с заклеенным липучкой сиденьем из кожзаменителя возле окна выдачи пальто. В гардеробной горела тусклая лампочка; видны были несколько десятков старых деревянных плечиков, свисающих со стальных

стоек, на каждой вешалке – желтая табличка с выведенным от руки номерком. Бобби решил, что здесь иногда сидит сам Джаммер, проверяя клиентуру. Он в самом деле не понимал, с чего бы кто-то, кто в молодости восемь лет был крутейшим ковбоем, захотел управлять ночным клубом, но, может, это такое хобби. Опять же, сколько девочек можно тогда заполучить… Но потом Бобби подумал, что, если ты богат, ты в любом случае их получишь. А если Джаммер восемь лет был крутым, то, решил Бобби, он должен быть богатым…

Он задумался о том, что произошло в матрице, о серых дырах и голосах. Бобби поежился. Он до сих пор не понимал, почему встреча с ними означает, что Лукас мертв. Как может быть Лукас мертв? Тут он вспомнил, что его мать мертва, и почему-то это тоже показалось не очень реальным. Господи. Все это действует ему на нервы. Ему захотелось оказаться снаружи, по ту сторону дверей, поглазеть на лавки и покупателей и на тех, кто там работает.

Протянув руку, он осторожно отодвинул край бархатной шторы, как раз настолько, чтобы выглянуть через старое толстое стекло. Радужная круговерть лавок и характерная пасущаяся походка покупателей. И прямо посреди этой праздничной суеты, у стола, заваленного подержанными аналоговыми видеооптическими устройствами, логическими зондами и регуляторами тока, – безрасовое, тяжелокостное лицо Леона. Глубоко посаженные жуткие глазки останавливаются на Бобби с явно слышимым щелчком узнавания. И тут Леон сделал нечто совершенно неслыханное – во всяком случае, на памяти Бобби. Леон улыбнулся.

23
Приближение [26]

Стюард «Джей-Эй-Эль» предложил ей на выбор несколько кассет симстима: экскурсия по ретроспективе Фокстона в Тейте в прошлом августе, снятый в Гане историко-приключенческий фильм («Ашанти!»), попурри из «Кармен» Бизе, записанное из частной ложи в Токийской опере, и полчаса сетевого ток-шоу Тэлли Ишем «Высший свет».

– Это ваш первый полет на шаттле, мисс Овски?

Марли кивнула. Она назвала Палеологосу девичью фамилию матери, что, вероятно, было глупо.

Стюард понимающе улыбнулся:

– Кассета определенно способна облегчить ощущения, связанные со взлетом. На этой неделе у нас очень популярна «Кармен». Роскошные костюмы, насколько я понимаю.

Марли покачала головой, не в настроении слушать оперу. Фокстона она терпеть не могла и предпочла бы испытать на себе всю силу ускорения, чем выдержать «Ашанти!». Пленку Ишем она взяла по умолчанию, как наименьшее из четырех зол.

Стюард проверил ремни ее кресла, протянул ей кассету и маленькую одноразовую тиару из серого пластика, потом двинулся дальше. Марли надела пластмассовые троды, воткнула штекер в подлокотник кресла и со вздохом вставила кассету в прорезь рядом с разъемом. Салон челнока «Джей-Эй-Эль» растворился в сиянии эгейской голубизны, и на глазах у Марли в безоблачном небе проступили заглавные буквы элегантного, без засечек, шрифта: «ВЫСШИЙ СВЕТ С ТЭЛЛИ ИШЕМ».

Тэлли Ишем неизменно присутствовала в симстим-индустрии, сколько Марли себя помнила. Этакая Золотая Девочка без возраста, взлетевшая еще на первой волне новой технологии. Теперь же Марли обнаружила себя в загорелом, гибком теле Тэлли с его потрясающе комфортабельным сенсорным восприятием. Тэлли Ишем вся будто светилась здоровьем и силой, вдыхая глубоко и свободно, ее грациозное тело – кожа, мускулы, кости, – казалось, никогда не слыхивало о напряжении. Войти в ее симстим-записи – это как погрузиться в ванну совершенного здоровья, почувствовать весну в высоких ключицах и округлость груди под шелковистым египетским хлопком простенькой белой блузки. Она стояла, облокотившись о пористую белую балюстраду над крохотной гаванью островного греческого городка. Под ней каскадом сбегали по склону холма

кроны деревьев в цвету, отмытый добела камень прочерчивали узкие извилистые лесенки. Из гавани донесся корабельный гудок.

– Туристы сейчас спешат вернуться на свой прогулочный теплоход, – сказала Тэлли и улыбнулась. Когда она улыбалась, Марли чувствовала гладкость белых зубов звезды, вкус свежести у нее во рту, приятно шершавый камень балюстрады под ее голыми руками. – Но один гость нашего острова останется сегодня вечером с нами, я очень давно мечтала познакомиться с этим человеком и уверена, вы будете удивлены и обрадованы, поскольку он обычно избегает внимания прессы…

Она выпрямилась и, обернувшись, послала улыбку прямо в загорелое улыбающееся лицо Йозефа Вирека…

Марли сорвала с головы тиару. Вокруг нее рывком восстановился отделанный белым пластиком салон шаттла. На панели над головой мигали предупреждающие надписи, едва ощутимая вибрация все возрастала.

Вирек? Марли посмотрела на набор тродов.

– Да уж, – сказала она вслух, – свет просто выше некуда…

– Прошу прощения? – В ремнях соседнего кресла странным движением, отдаленно напоминающим полупоклон, качнулся студент-японец. – У вас какие-то сложности со стимом?

– Нет-нет, – сказала Марли. – Извините.

Она снова надвинула тиару на лоб, и салон шаттла растворился в жужжании сенсорной статики. Скребущая мешанина ощущений внезапно уступила место спокойному изяществу Тэлли Ишем, которая, взяв холодную твердую руку Вирека, улыбалась в его мягкие голубые глаза. В ответ сверкнула белозубая улыбка мецената.

– Счастлив оказаться здесь, Тэлли, – сказал он, и Марли позволила себе окунуться в реальность стима, принимая записанные на пленку данные с сенсорного входа Тэлли, как со своего собственного.

Этого средства массовой информации Марли, как правило, избегала; что-то в ее натуре противилось той пассивности, которой требовала от реципиента симуляция сенсорного восприятия.

Вирек был одет в мягкую белую рубашку, парусиновые штаны, закатанные до колен, и скромные коричневые кожаные сандалии. Все еще держа его за руку, Тэлли вернулась к балюстраде.

– Я уверена, – начала она, – что нашей аудитории хотелось бы многое…

Море исчезло. До самого горизонта раскинулась холмистая равнина в лишаях черно-зеленой флоры, разорванная силуэтами

неоготических шпилей барселонского собора Святого Семейства. Край мира потерялся в стелющемся неоновом тумане, и над равниной завис гул будто затонувших колоколов…

– Сегодня ваша аудитория состоит из одного человека, – сказал Вирек и посмотрел на Тэлли сквозь свои круглые, без оправы очки. – Здравствуй, Марли.

Марли мучительно потянулась за тродами, но руки будто окаменели. Ускорение, шаттл поднимается со своей бетонной подушки… Марли угодила в капкан.

– Понимаю, – говорила тем временем Тэлли, с улыбкой снова облокачиваясь о балюстраду из теплого пористого камня… – Что за чудесная идея. Вашей Марли, герр Вирек, действительно очень повезло…

И тут она, Марли, осознала, что это вовсе не Тэлли Ишем из «Сенснета», а часть конструкта Вирека, специальная программа, скомпилированная из многих лет архивного метража «Высшего света», и теперь у нее нет выбора, никакого выхода, кроме как принять это, выслушать, уделить Виреку свое внимание. Уже одно то, что он поймал ее тут, пригвоздил таким хитрым способом, доказывало, что ее догадка была верна: вездесущий механизм его империи – реальность, не игра воображения. Деньги Вирека, как универсальный растворитель, растворяют по его воле любые преграды…

– Мне было очень жаль узнать, – сказал меценат, – как вы расстроены. Пако говорит, что вы бежите от нас, но я предпочитаю рассматривать это как стремление художника к своей цели. Вы, как мне кажется, что-то ощутили в природе моего гештальта, и это вас напугало. Так и должно было произойти. Данная кассета была подготовлена за час до того, как ваш шаттл должен был взлететь по расписанию из Орли. Естественно, мы знаем место вашего назначения, но у меня нет намерения следовать за вами. Вы делаете свое дело, Марли. Мне остается лишь сожалеть, что мы были не в силах предотвратить смерть вашего друга Алена, но теперь нам известны личности его убийц и тех, кто их нанял…

Марли сейчас смотрела глазами Тэлли Ишем, а те не могли оторваться от полыхающих синей энергией глаз Вирека.

– Ален был убит агентами, нанятыми «Маас-Биолабс», – продолжал он, – и это «Маас» снабдил его координатами того места, куда вы в настоящее время направляетесь. «Маас» предоставил ему также и показанную вам голограмму. Мои отношения с «Маасом» довольно сложные, чтобы не сказать больше. Два года назад моя дочерняя компания сделала попытку перекупить «маасовский» контрольный пакет. Сумма, которая

должна была быть задействована в этой операции, оказала бы воздействие на всю мировую экономику. Они отказались. Пако удалось установить причину смерти Алена: он умер, поскольку они узнали, что он пытается продать предоставленную ими информацию – продать третьей стороне… – Вирек нахмурился. – Крайняя неосторожность, притом что он был совершенно неосведомлен относительно природы продукта, который предлагал…

Как это похоже на Алена, подумала она, и ее захлестнула жалость. Марли мысленно увидела его в той комнате, свернувшегося на отвратительном ковре, позвоночник выступает под натянутой тканью зеленой куртки…

– Полагаю, Марли, вам следует знать, что шкатулочником я интересуюсь не только как коллекционер. – Сняв очки, он стал протирать стекла полой белой рубашки, и в рассчитанной человечности этого жеста Марли почудилось что-то кощунственное. – У меня есть причины полагать, что создатель этих артефактов в какой-то мере способен предложить мне свободу. Я не очень здоровый человек, Марли. – Он снова надел очки, аккуратно заложив за уши золотые дужки. – Когда я в последний раз запрашивал визуальную информацию о резервуаре, в котором пребывает мое тело в Стокгольме, мне показали нечто, похожее на три составленных вместе грузовых трейлера, опутанных сетью труб от систем жизнеобеспечения… Если бы я смог бросить это, Марли, или, скорее, сбросить груз восставших клеток, из которых состоит мое бывшее тело… ну… – Он снова улыбнулся своей знаменитой улыбкой. – Что бы я за это не отдал?

И взгляд Тэлли-Марли скользит, пытаясь ухватить расползающиеся заросли темного лишайника и далекие, разбегающиеся башни собора…

– Вы потеряли сознание, – говорил стюард, пальцы его скользили по ее шее. – Такое случается… наши бортовые медицинские компьютеры говорят, что у вас великолепное здоровье. Однако мы наложили дермодиск для купирования эффектов синдрома предпосадочной адаптации.

Его рука исчезла с ее шеи.

– «Европа после дождя», – сказала Марли, – Макс Эрнст. Лишайник…[27]

Мужчина смотрел на нее сверху вниз, его настороженное лицо заученно выражало профессиональное сочувствие.

– Прошу прощения? Не могли бы вы повторить?

– Извините, – сказала она. – Сон… Мы уже прибыли в

терминал?

– Еще час, – услышала она в ответ.

Орбитальный терминал «Джапан Эйр Лайнс» оказался белым тором, усеянным шапками мелких куполов и ощетинившимся овальными раструбами стыковочных шлюзов. Экран над противоперегрузочной упряжью Марли – хотя слово «над» временно потеряло обычный свой смысл – демонстрировал блестяще детализированный эскиз-анимацию тора во вращении, в то время как несколько голосов на семи языках объявляли, что пассажиров, находящихся на борту шаттла «Джей-Эй-Эль-580», прибывшего рейсом из Орли, отбуксируют к терминалу при ближайшей возможности. «Джей-Эй-Эль» приносил извинения за задержку, связанную с плановым профилактическим ремонтом семи из двенадцати шлюзов…

В ремнях противоперегрузочной сетки Марли съежилась от страха, теперь ей во всем чудилась невидимая рука Вирека. «Нет, – подумала она, – должен же быть какой-то выход. Я хочу соскочить, – сказала она самой себе, – я хочу несколько часов свободы действий, а потом я с вами покончу… Прощайте, герр Вирек, я возвращаюсь в страну живых, куда никогда уже не вернуться бедному Алену. Алену, который умер, потому что я взялась за эту работу». Марли несколько раз сморгнула, когда подступили первые слезы, потом, широко раскрыв глаза, с детским удивлением уставилась на крохотный прозрачный шарик – это уплывала, свернувшись в сферу, ее слеза…

А «Маас», задумалась она, кто они такие? Вирек заявлял, что это они убили Алена, что Ален работал на них. Она смутно припоминала истории в прессе, что-то связанное с новейшим поколением компьютеров. Какой-то зловещий процесс, в котором бессмертные гибридные раковые клетки изрыгали хвостатые молекулы, превращавшиеся в сгустки микросхем. Тут она вспомнила, как Пако сказал, что экран его переносного телефона – продукт «Мааса»…

Внутренность тора «Джей-Эй-Эль» была настолько невыразительной, настолько походила на любой другой аэропорт, что Марли захотелось рассмеяться. Тот же аромат духов, напряжение толпы и сильно кондиционированный воздух, тот же фоновый гул разговоров. Искусственная сила тяжести в ноль целых восемь десятых от привычной значительно облегчила бы переноску чемоданов, но весь ее багаж состоял из черной сумки. Теперь Марли вынула из застегнутого на молнию внутреннего кармана билет и сверила номер указанного на нем местного

шаттла с колонками цифр, бегущих по ближайшему настенному табло.

Два часа до вылета. Что бы там ни говорил Вирек, она уверена, что его машина уже задействована, кто-то просачивается в команду шаттла или в списочный состав пассажиров, подмену облегчает денежная смазка… Кто-нибудь заболеет в последнюю минуту, произойдут какие-то подвижки в планах, несчастные случаи…

Закинув на плечо ремень сумки, она решительно зашагала через зал ожидания с вогнутым полом из белой керамики – как будто действительно знала, куда идет, или у нее имеется какой-нибудь план, – но понимая с каждым шагом, что не знает ничего.

Ее преследовал взгляд мягких голубых глаз.

– Будь ты проклят! – бросила она в пустоту, и мордастый русский бизнесмен в черном костюме с Гиндзы фыркнул и поднял ньюсфакс, отгораживая от нее свой мир.

– Так я и говорю этой сучке: «Слушай, или ты волочешь на „Сладкую Джейн“[28] все эти оптоизоляторы и коммутационные боксы, или я приклею твою задницу к переборке прокладочной пастой…»

Раздался взрыв хриплого женского смеха, и Марли подняла глаза от своего подноса с тарелочками суси. Через два пустых стола от нее сидели три женщины. Их стол был заставлен банками пива и стопками стиролоновых подносов, измазанных коричневым соевым соусом. Одна из них громко рыгнула и сделала большой глоток из своей банки.

– И как она отреагировала, Рез?

Вопрос почему-то вызвал еще один, на сей раз более продолжительный взрыв хохота, и женщина, которая привлекла внимание Марли, опустила голову на руки и хохотала, пока у нее не затряслись плечи. Марли пусто глядела на это трио, раздумывая, кто же они такие. Смех утих, и первая выпрямилась, стирая с глаз слезы. Все трое основательно пьяны, решила Марли, молоды и явно не неженки. Первая была худощавой, с резкими чертами лица: прямой тонкий нос, серые глаза широко распахнуты. Ее волосы совершенно невероятного оттенка серебра были подстрижены по-мальчишески коротко. На ней была просторная парусиновая жилетка или куртка без рукавов, вся покрытая оттопыривающимися карманами, заплатами и квадратиками липучки. Жилетка висела нараспашку, открывая – как было видно с того места, где сидела Марли, – маленькую округлую грудь в, кажется, бюстгальтере из тонких черно-розовых кружев. Двое других были старше и тяжелее. Мускулы их голых

рук четко вырисовывались в лившемся будто ниоткуда свете портового кафетерия.

Первая пожала плечами, под огромной жилеткой поднялись острые лопатки.

– А пошла она.

Вторая женщина снова расхохоталась, но не так буйно, как в прошлый раз, и сверилась с хронометром, приклепанным к широкому кожаному напульснику.

– Мне пора, – бросила она. – Сначала на Сион, потом восемь контейнеров с водорослью для шведов.

Отъехав вместе со стулом от стола, она встала, и Марли прочла вышитую через всю спину ее черной кожаной жилетки надпись:

О'ГРЕЙДИ – ВАДЗИМА
«ЭДИТ С.»
МЕЖОРБИТАЛЬНЫЕ ГРУЗОВЫЕ ПЕРЕВОЗКИ

За ней встала и вторая, поддергивая пояс обвисших джинсов.

– Говорю тебе, Рез, если ты позволишь этой шалаве продинамить тебя с комбоксами, пострадает твоя репутация.

– Прошу прощения, – сказала Марли, борясь с дрожью в голосе.

– Ну? – Женщина в черной жилетке без улыбки смерила ее взглядом.

– Я видела надпись на вашей жилетке, «Эдит С.». Это корабль, я хочу сказать, это космический корабль?

– Космический корабль? – подняла густые брови вторая. – Ну конечно, золотко, настоящий могучий космический корабль!

– Это буксир, – буркнула женщина в черном и повернулась, чтобы уйти.

– Я хочу нанять вас, – в отчаянии проговорила Марли.

– Нанять нас? – Теперь все трое уставились на нее. Лица пусты и никаких улыбок. – Что это значит?

Марли порылась на дне черной брюссельской сумочки и вытащила полпачки новых иен, которые ей вернул агент из бюро путешествий после того, как взял оплату за услуги.

– Я дам вам вот это…

Девушка с короткими серебряными волосами негромко присвистнула. Женщины переглянулись, та, что была в черной жилетке, пожала плечами.

– Господи, – удивилась она, – и куда же ты собралась? На Марс?

Марли снова покопалась в сумочке, извлекла плотный квадратик синей обертки от пачки «голуаз» и протянула его

женщине в черной жилетке. Та, развернув, прочла орбитальные координаты, которые Ален записал зеленой шариковой ручкой.

– Ну, за такие деньги туда заскочить недолго, – сказала она, – но мы с О'Грейди двигаем сейчас по расписанию на Сион, в двадцать три по Гринвичу. Контрактная работа. А ты как, Рез?

Она протянула бумажку сидящей девушке, которая прочла ее, подняла глаза на Марли и спросила:

– Когда?

– Сейчас, – ответила Марли. – Прямо сейчас.

Девушка оттолкнулась от стола, ножки стула заскребли по керамической плитке. Жилетка распахнулась, открыла то, что Марли приняла за черно-розовое кружево, – сплошную татуировку, которая полностью покрывала ее левую грудь.

– Ты на борту, сестренка, наличные на стол.

– Что значит: отдай ей деньги сейчас, – пояснила О'Грейди.

– Но никто не должен знать, куда мы направляемся, – сказала Марли.

Вся троица снова рассмеялась.

– Ты попала в нужные руки, – сказала О'Грейди, а Рез улыбнулась.

24
Тарань! [29]

Дождь начался, когда они снова повернули на восток, в сторону дальних окраин Муравейника и выжженного пояса промышленных зон. Вода падала стеной, застилая трассу, пока Тернер не отыскал рычаг включения дворников. Руди не слишком заботился о состоянии щеток, так что Тернеру пришлось сбавить скорость. Вой турбины снизился до глухого рева. Тернер прижал ховер к обочине, юбка воздушной подушки шумно заскребла по шелухе драных шин.

– Что случилось?

– Ничего не вижу. Дворники фуфло.

Он включил фары, и с обеих сторон башни ховера вырвались четыре узких луча, быстро теряясь в плотной серой пелене. Он покачал головой.

– А почему бы нам не остановиться?

– Мы слишком близко к Муравейнику. Тут все патрулируется вертолетами. Они без труда просканируют идентификационную панель на крыше, увидят, что у нас номера Огайо и шасси странной конфигурации, и заинтересуются. А нам это совсем ни к чему.

– И что мы будем делать?

– Держаться обочины, пока я не смогу свернуть, чтобы подыскать какое-нибудь укрытие. Если удастся…

Он выровнял ховер, развернул его на месте, фары выхватили флюоресцентные оранжевые диагонали на вертикальном щите – указатель поворота на заброшенную служебную дорогу. Он направил ховер к щиту. Оттопыривающаяся юбка подпрыгнула, ударившись о массивный блок бетонного ограждения трассы.

– Может, и сойдет, – сказал Тернер, когда они скользнули мимо щита.

Ховер едва протискивался по узкому проему между блоками ограждения шоссе, ветки кустарника скреблись в узкие боковые окна, цепляясь за стальные пластины по бокам башни.

– Впереди свет. – Энджи подалась вперед в сетке пристежных ремней, пытаясь разглядеть что-то сквозь дождь.

Приглядевшись, Тернер различил водянистое желтое свечение и пару одинаковых темных колонок. Рассмеялся.

– Это же заправка, – сказал он. – Осталась от старой системы магистралей, еще с тех времен, когда не проложили новую большую трассу. Там, похоже, кто-то живет. Жаль, что ховер не

заправишь бензином…

Он осторожно свел машину вниз по склону из гравия. Когда они подъехали ближе, Тернер увидел, что желтый свет льется из двух прямоугольных окон. Ему даже показалось, что в одном из них мелькнула фигура.

– Захолустье, – сказал он. – Эти ребята, возможно, будут не слишком рады нас видеть.

Запустив руку под парку, он вытащил из нейлоновой кобуры «смит-и-вессон» и положил его между ног на сиденье. Когда до ржавеющих бензонасосов оставалось метров пять, он посадил ховер в широкую лужу и заглушил турбины. Дождь продолжал хлестать косыми струями, но Тернер увидел, как из передней двери станции выскользнула какая-то фигура в развевающемся на ветру пончо цвета хаки. Опустив на десять сантиметров стекло, Тернер повысил голос, стараясь перекричать дождь:

– Простите за беспокойство! Нам пришлось съехать с трассы. У нас дворники дрянь. Мы не знали, что здесь кто-то есть.

В свете из окон было видно, что мужчина прячет руки под пластиковым пончо, очевидно что-то в них сжимая.

– Частное владение, – сказал мужчина. По его худому лицу катились струйки дождя.

– Не могли оставаться на дороге! – снова крикнул Тернер. – Простите за беспокойство…

Мужчина открыл было рот, начал доставать что-то, что держал под пончо, – и вдруг его голова взорвалась. Тернеру показалось, что это случилось едва ли не раньше, чем из темноты наискось вырвалась линия красного света и чиркнула человека по затылку. Лучик толщиной с карандаш небрежно скользнул по стене, как будто кто-то играл с фонариком. Алый всплеск, прибитый к земле дождем, – это фигура рухнула на колени и упала лицом вниз. Из-под пончо выкатился обрез дробовика «Сэвидж-410» с рукоятью, оплетенной проволокой.

Тернер даже не осознал, что двигается, но обнаружил, что успел запустить турбины, перебросить рулевую колонку Энджи и теперь выпутывается из ремней безопасности.

– По моей команде протаранишь заправку.

Он вскочил на ноги, дернул рычаг, открывающий люк на крыше, тяжелый револьвер уже зажат в руке. Рев черной «хонды» накрыл его, едва только откинулась крышка люка, – над головой мелькнула снижающаяся тень, еле видимая за пеленой дождя.

– Давай!

Он нажал на курок еще до того, как Энджи бросила ховер вперед – на стену старой заправочной станции. От отдачи его локоть ударился о бронированную крышу кабины и онемел. Где-

то над головой с отрадным хлопком разорвалась пуля. Энджи поддала газу, и они врезались в деревянную постройку так быстро, что у Тернера едва хватило времени убрать голову и плечи назад в люк. Что-то в доме взорвалось, вероятно газовый баллон, ховер занесло влево. Энджи выровняла машину, и они прошили вторую стену.

– Куда? – крикнула она, перекрывая вой турбины.

Как будто в ответ, взметнув серебряную простынь дождя и крутясь штопором, в двадцати метрах перед ними упал черный вертолет «хонда». Тернер перехватил у девочки управление, и ховер, подняв десятиметровые фонтаны воды, рванулся вперед. Они ударили легкий боевой вертолет прямо в лоб поликарбоновой кабины. Легированный фюзеляж от столкновения смялся как бумага. Тернер подал назад и ударил снова, теперь на большей скорости. Сломанный вертолет вдавился в стволы двух мокрых серых елей и замер между ними, словно какая-нибудь длиннокрылая муха.

– Что случилось? – Энджи уткнула лицо в колени. – Что случилось?

Выкинув из бардачка в двери регистрационные документы и пыльные солнечные очки, Тернер нашел фонарь, проверил батареи.

– Что случилось? – механически повторяла Энджи, будто заело пластинку. – Что случилось?

С револьвером в одной руке и фонариком в другой Тернер снова выбрался через люк. Дождь моросил. Тернер спрыгнул на юбку ховера, перескочил через бампер вниз, где оказался по колено в воде, и похлюпал в сторону смятых черных винтов «хонды».

Резкая вонь вытекающего авиатоплива. Поликарбоновая кабина раскололась как яичная скорлупа. Он навел «смит-и-вессон» и дважды нажал большим пальцем клавишу подствольника. Две беззвучные вспышки безжалостного света выхватили из темноты потрескавшийся пластик, за ним – кровь и покореженные тела. Тернер переждал минуту, потом зажег фонарь. Двое. Он подошел ближе, держа фонарь как можно дальше от тела – старая привычка. Никакого движения. Запах вытекающего горючего становился все сильнее. Тернер потянул на себя крышку люка. Она открылась. На обоих – очки с выпуклыми линзами фотоумножителей. Круглый пустой глаз лазера смотрел прямо в ночь. Тернер коснулся потертой цигейки на воротнике летной куртки трупа. В белом луче фонаря кровь, покрывавшая его бороду, казалась очень темной, почти черной. Это был Оуки. Тернер перевел луч влево и увидел второго. Пилот

оказался японцем. Тернер качнул фонарь назад и возле ботинка Оуки нашел черную плоскую фляжку. Поднял ее, засунул в карман парки и побежал обратно к ховеру. Несмотря на дождь, по обломкам бензозаправки уже бегали язычки оранжевого пламени. Он взобрался на бампер ховера, в два шага одолел капот, потом снова вверх и, наконец, через люк – в кабину.

– Что случилось? – сказала Энджи, будто он не уходил. – Что случилось?

Он упал на сиденье и, не тратя времени на ремни, запустил турбины.

– Это был вертолет «Хосаки», – сказал он, разворачивая машину. – Они, должно быть, следовали за нами. У них был лазер. Они дожидались, когда мы свернем с трассы. Не хотели оставлять для копов трупы. Когда мы заехали сюда, они уже приготовились напасть, но, судя по всему, решили, что этот несчастный придурок на нашей стороне. А может, просто убирали свидетеля…

– Его голова, – голос у нее дрожал, – его голова…

– Это лазер, – ответил Тернер, выезжая задом на служебную дорогу; дождь почти перестал. – Пар. Мозг испаряется, и череп разрывает…

Энджи перегнулась пополам, ее вырвало. Тернер вел машину одной рукой, в другой держал фляжку Оуки. Оторвав зубами притертую пробку, хлебнул бурбона.

Когда они достигли обочины трассы, горючее «хонды» наконец отыскало дорожку к костру на месте разрушенной бензоколонки, и крутящийся огненный шар вновь напомнил Тернеру недостроенный городок в пустыне, вспышки осветительных ракет, побелевшее небо и сверхзвуковой истребитель, уходящий к границе Соноры.

Энджи выпрямилась, утерла рот тылом руки. Ее начало трясти.

– Надо убираться отсюда, – сказал Тернер, снова поворачивая на восток.

Девочка ничего не ответила, и он, скосив глаза, увидел, что она опять застыла, выпрямившись на сиденье, глаза в слабом свете приборов – совершенно белые, лицо пусто. Он видел ее такой в спальне у Руди, когда Салли позвала их взглянуть на то, что там происходит. И вот теперь тот же наплыв невесть какого языка, мягкое бормотание выплевываемых фраз, похожих по звучанию на какое-нибудь французское наречие. У него нет магнитофона, нет времени, ему нужно вести машину…

– Держись, – сказал он, прибавляя скорость, – с тобой будет все в порядке…

Конечно же, она его вообще не слышит. Зубы у нее стучат, мелкая дробь пробивается даже сквозь вой турбины. Нужно остановиться, подумал он, остановиться ровно настолько, чтобы успеть засунуть ей что-нибудь между зубов – бумажник или свернутую тряпку. Руки девочки конвульсивно дергали ремни.

– Больное дитя в доме моем.

Ховер едва не съехал с трассы, когда Тернер внезапно услышал этот голос, исходивший из гортани девочки, – глубокий, низкий, странно тягучий.

– Я слышу, как бросают кости, разыгрывая ее кровавое платье. Много есть рук, что копают ей могилу сегодня, и тебе тоже. Враги молятся о твоей смерти, наемный человек. Они молятся до седьмого пота. Их молитвы – река лихорадки. – И потом какой-то скрип, который мог быть смехом.

Тернер рискнул скосить глаза вправо и увидел, как с застывших губ девочки сочится серебряная нить. Мускулы ее лица исказила странная неведомая маска.

– Кто ты?

– Я – Владыка Дорог.

– Чего ты хочешь?

– Это дитя. Пусть она станет мне лошадью и как человек будет жить в городах людей. Это хорошо, что ты едешь на восток. Отвези ее в свой город. Я снова оседлаю ее. А с тобой, стрелок, едет Самеди. Он – ветер, что ты держишь в своих руках, но он переменчив, этот Властитель Кладбищ, не важно, сколь верно ты служил ему…

Тернер повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как тело девочки безвольно повалилось на бок, голова запрокинулась, челюсть отвисла.

25
Фоннаты и готики

– С вами говорит автоответчик Финна, – сказал динамик под экраном, – а самого Финна здесь нет. Хотите что-то скачать – код доступа вам уже известен. Хотите оставить сообщение – валяйте.

Поглядев с полминуты на изображение на экране, Бобби медленно покачал головой. Большинство автоответчиков для видеотелефонов обычно снабжены косметическими субпрограммами, призванными в меру сил подогнать видеопортрет владельца под общепринятые каноны красоты: стирают родимые пятна и неуловимо меняют очертания лица, чтобы соответствовали идеализированной статистической норме. Ничего более странного, чем гротескные черты Финна после обработки косметической программой, Бобби в жизни не видел, – как будто кто-то прошелся по физиономии дохлого суслика целым набором цветных карандашей, да еще вкатил пару инъекций парафина, как это обычно делают в похоронной конторе.

– Это неестественно, – сказал Джаммер, прихлебывая скотч.

Бобби кивнул.

– У Финна, – продолжал Джаммер, – боязнь открытого пространства, агорафобия. Весь покрывается сыпью, стоит ему выйти из этого его хламовника. К тому же он телефонный маньяк: не может не ответить на звонок, если он дома. Я начинаю думать, что эта сучка права. Лукас мертв, и на подходе какие-то серьезные дела…

– Сучка, – сказала из-за бара Джекки, – точно знает.

– Она знает, – повторил Джаммер, ставя пластиковый стакан и теребя галстук-бабочку, – она знает. Разговаривала с чертом в матрице, так что она знает…

– Ну, Лукас не отвечает, и Бовуар не отвечает, так что, возможно, она права. – Бобби потянулся и отключил телефон, когда автоответчик писком сигнализировал, что пошла запись.

Джаммер успел облачиться в плиссированную рубашку, белый смокинг и черные брюки с атласным рантом по штанине – Бобби решил, что это его рабочая одежда для клуба.

– Никого, – сказал он вдруг, переводя взгляд с Бобби на Джекки. – Где Богус и Шарки? Где официантки?

– Кто такие Богус и Шарки? – спросил Бобби.

– Бармены. Мне это не нравится. – Встав со стула, он подошел к двери и осторожно отодвинул краешек шторы. – Что, черт

побери, тут делают эти недоноски? Эй, Счет, это, пожалуй, по твоей части! Подойди сюда…

Бобби встал, исполненный самых дурных предчувствий – ему вовсе не хотелось рассказывать Джекки и Джаммеру, как он дал увидеть себя Леону, поскольку не хотел выглядеть вильсоном, – и подошел к владельцу клуба.

– Давай. Глянь-ка. Только чтобы тебя не увидели. Они так усиленно делают вид, что не наблюдают за нами, аж запах чувствуется.

Бобби подвинул штору, стараясь не раздвигать щелку больше чем на сантиметр, и выглянул наружу. Пеструю толпу покупателей, такое ощущение, почти полностью сменили готики с черными гребнями, в шипованной коже, и – это его просто ошеломило – примерно столько же золотоволосых фоннатов. Фоннаты были облачены в хлопковые одежды модного на этой неделе в Синдзюку оттенка и белые мокасины с золотыми пряжками.

– Не знаю, – Бобби ошеломленно поглядел на Джаммера, – но они не должны быть вместе, фоннаты и готики, понимаешь? Они естественные враги, это у них вроде как в генах… – Он выглянул еще раз. – Черт побери, да их тут под сотню.

Джаммер глубоко засунул руки в карманы черных брюк.

– Ты знаешь кого-нибудь из этих парней?

– Готиков, болтаю с ними иногда. Правда, их трудно отличить одного от другого. Что до фоннатов, то эти просто давят все вокруг, что не они. Вот этим они в основном и занимаются. Хотя… меня только что порезали долики, а у доликов с готиками вроде же перемирие, так что кто знает?

Джаммер вздохнул:

– Ясно. Думаю, тебе не хочется выйти туда, спросить кого-нибудь, что они тут, по их мнению, затевают?

– Нет, – серьезно ответил Бобби, – не хочется.

– Гм. – Джаммер поглядел на Бобби, явно что-то просчитывая. И это Бобби определенно не понравилось.

С высокого черного потолка упал какой-то маленький предмет, громко звякнув об один из круглых столов. Предмет подпрыгнул, ударился о ковер и, прокатившись с метр, остановился между новых ботинок Бобби. Бобби машинально за ним нагнулся, поднял. Это оказался старомодный болт с крестообразной прорезью в шляпке. Резьба проржавела, на шляпке – сгусток тускло-черной масляной краски. Бобби поднял глаза, когда второй такой же болт ударился о стол, а потом краем глаза уловил пугающе стремительное движение Джаммера, метнувшегося через стойку бара возле универсального

кредитного модуля. Джаммер исчез, вслед за этим послышался слабый звук чего-то рвущегося – липучка, – и Бобби понял, что Джаммер уже сжимает в руке массивный пистолет, который он видел там несколько часов назад. Бобби огляделся по сторонам, но Джекки нигде не было видно.

На огнеупорную пластмассу стола хлопнулся третий болт.

Бобби в растерянности помедлил, но потом последовал примеру Джекки и, двигаясь как можно тише, убрался из виду. Пригнувшись за одной из деревянных ширм, он смотрел, как падает четвертый болт, за которым последовал изящный каскад тонкой черной пыли. Раздался скрежет, и внезапно в потолке исчез стальной квадрат, втянувшись в какую-то трубу. Бобби быстро глянул в сторону бара, как раз вовремя, чтобы увидеть, как нацелился вверх толстый дульный тормоз на стволе Джаммеровой пушки…

Теперь из отверстия свесилась пара худых коричневых ног, а за ними – испачканный пылью подол серого балахона.

– Стой! – крикнул Бобби. – Это Бовуар!

– А то как же, он самый, – отозвался голос сверху, густой и гулкий, усиленный эхом из трубы. – Уберите у меня из-под ног этот чертов стол.

Бобби выбрался из-за ширмы и оттащил стол и стулья в сторону.

– Лови.

Спустив в отверстие туго набитый сверток, обернутый маскировочным брезентом, Бовуар дал ему упасть. Увесистая ноша едва не свалила Бобби с ног.

– А теперь уйди с дороги… – Бовуар повис на обеих руках, потом спрыгнул.

– Что стряслось с «кричалкой», которая у меня там стояла? – осведомился Джаммер, вставая из-за стойки, все еще с пистолетом в руках.

– Вот она, – ответил Бовуар, кидая на ковер тускло-серую плитку феноловой смолы, обмотанную тонкой черной проволокой. – Просто у меня не было другого способа пробраться сюда так, чтобы об этом не узнала целая армия засранцев. Судя по всему, кто-то снабдил их чертежами всего здания, но эту трубу они пропустили.

– Как ты забрался на крышу? – спросила, выходя из-за ширмы, Джекки.

– А я и не забирался, – добродушно отозвался Бовуар, поправляя длинным пальцем большую пластмассовую оправу на переносице. – Метнул мономолекулярную нить со склада напротив, потом соскользнул на керамическом карабине… – В

коротких, похожих на ворс волосах Бовуара застряла черная пыль. Он мрачно поглядел на танцовщицу. – Уже знаешь, – сказал он.

– Да. Легба и Папа Огу в матрице. Мы с Бобби на пару подключились с деки Джаммера…

– Ахмеда взорвали на джерсийском фривее. Похоже, пальнули из такого же ракетомета, из какого разнесли квартиру матушки Бобби.

– Кто?

– Еще не уверен, – сказал Бовуар и, присев рядом со свертком, щелкнул пластиковыми застежками упаковочных ремней, – но начинает проясняться… Пока я не узнал, что Лукаса прикончили, я как раз гонялся за доликами, которые обнесли Бобби на деку. Скорее всего, это была чистая случайность, обычный гоп-стоп, но сейчас где-то бродит пара доликов с нашим ледорубом… Собственно, идея довольно здравая, среди доликов тоже ведь есть хотдоггеры, и они иногда ведут по мелочи дела с Дважды-в-День. Так что мы с Дважды-в-День нарезаем круги и выспрашиваем. Толку ноль, но как раз когда мы сидим у одного обдолбанного долика по имени Аликс – он второй зам военачальника, или как там у них это называется, – так вот, тут-то ему звонят. Звонит его антипод, которого Дважды-в-День вычислил как барритаунского готика по имени Реймонд. – Не переставая говорить, Бовуар распаковывал свой мешок, выкладывая на стол оружие, инструменты, боеприпасы, мотки проводов. – Реймонду надо срочно что-то обсудить, но Аликс слишком крутой, чтобы говорить в нашем присутствии. «Извините, джентльмены, но это дело строго между военачальниками», – говорит этот мудень. Так что – щелк – мы просим позволения нашим скромным персонам удалиться, расшаркиваемся, раскланиваемся, прочая дребедень, и смываемся за угол. Звоним с мобильника Дважды-в-День нашим ковбоям в Муравейнике, чтобы натравить их на номер Аликса, в темпе вальса. Эти ребята вошли в разговор Аликса с Реймондом как нож в масло. – Он вытащил из мешка странно деформированный дробовик двенадцатого калибра, едва длиннее его локтя, выбрал толстенный барабанный магазин из выставки, которую сам же устроил на ковре, и щелчком соединил обе части. – Видели когда-нибудь такую хреновину? Юаровская, довоенная… – Что-то в его голосе и в том, как сжались его челюсти, заставило вдруг Бобби осознать, какую ярость Бовуар в себе сдерживает. – Похоже, на Реймонда вышел какой-то мужик с большими деньгами, сказал, что хочет нанять всех готиков на корню, всю свору, мол, нужно поехать в Муравейник, устроить там настоящую массовку. И массовка мужику этому нужна такая массовая, что он собирается

нанять и фоннатов тоже. Ну, тут дерьмо попало в вентилятор, потому что Аликс – он вроде как консерватор. Хороший фоннат – мертвый фоннат, и то только после энного числа пыток, и так далее. «По фигу, – говорит истинный дипломат Реймонд, – мы здесь говорим о больших деньгах, корпоративный масштаб». – Бовуар открыл коробку с толстыми патронами из красного пластика и начал заряжать барабанный магазин, со щелчком загоняя патроны. – Так вот, это, конечно, может быть, и притянуто за уши, но у меня все не выходят из головы эти «маасовские» пиарщики, которые мелькали последнее время в новостях. Что-то совсем странное стряслось на площадке «Маас-Биолабс» в Аризоне. Одни говорят, ядерный взрыв, другие – мол, что-то еще. А теперь объявили, что их главный по биософту погиб в результате, как они это назвали, несчастного случая, не связанного с данными событиями. Речь о Митчелле, этот парень, в общем-то, и изобрел биософты. До сих пор никто больше и вида не пытался делать, что может собрать биочип, вот мы с Лукасом с самого начала и подумали, что наш ледоруб – изделие «Мааса». Если, конечно, это был ледоруб… Мы понятия не имели, у кого Финн его купил или где его взяли те люди. Но если сложить два и два, получается, нас ищет с собаками именно что «Маас». Здесь-то они всех нас и прихлопнут, потому что деваться нам отсюда некуда.

– Не знаю, – подал голос Джаммер, – у нас полно друзей в этом здании…

– *Было* полно. – Бовуар положил обрез на пол и начал заряжать автоматический пистолет «намбу». – Большинство лавок на этом этаже и этажом ниже сегодня выкупили. За наличные. Мешки наличных. Здесь осталось несколько горячих голов, но их явно недостаточно.

– Бессмыслица какая-то. – Забрав у Джаммера стакан, Джекки залпом выпила его скотч. – Что у нас может быть такого, чтобы кто-то так хотел это заполучить?

– Эй, – вмешался Бобби, – не забывай, они, наверное, не знают, что долики увели у меня их ледоруб. Может быть, им нужен он.

– Нет, – сказал Бовуар, загоняя магазин в «намбу», – откуда им знать, что ты не спрятал его в квартире матери, так?

– Но, может, они были там и посмотрели…

– А откуда они знали, что Лукас не вез его в Ахмеде? – спросил Джаммер, возвращаясь к бару.

– Финн тоже думал, к нему подослали этих ниндзя, чтобы его убить, – сказал Бобби. – Но говорил, сперва они явно собирались что-то у него выпытать…

– Снова «Маас», – сказал Бовуар. – Короче, вот что, значит, за история с фоннатами и готиками. Мы узнали бы больше, но долик Аликс полез в залупу и отказался от переговоров с Реймондом. Никакого, мол, сотрудничества с ненавистным врагом. Насколько разобрал наш ковбой, армию, которая торчит там, снаружи, собрали для того, чтобы никого из вас отсюда не выпустить. И не впускать людей вроде меня. Людей с оружием и всяким таким. – Он передал заряженную «намбу» Джекки. – Стрелять умеешь? – спросил он Бобби.

– Конечно, – солгал тот.

– Нет, – вмешался Джаммер, – у нас и без того хватает неприятностей, чтобы еще и вооружать его. Господи Исусе…

– Короче, такое ощущение, – подвел итог Бовуар, – что следует ждать кого-то еще, кто придет по наши души. Кого-то чуть более профессионального.

– Если они только не взорвут к чертям собачьим весь «Гипермаркт», – сказал Джаммер, – вместе со всеми этими зомби в коже…

– Нет, – сказал Бобби, – иначе они бы это уже сделали.

Все разом уставились на него.

– Мальчик дело говорит, – сказала Джекки, – ну надо же.

Полчаса спустя.

Джаммер мрачно смотрел на Бовуара:

– Скажу как на духу. Это самый идиотский план, какой мне приходилось слышать за очень долгое время.

– Да, Бовуар, – вмешался Бобби, – а почему бы нам просто не проползти вверх по этой же шахте, вылезти на крышу и не перебраться на соседнее здание? Использовать ту нить, по которой перешел ты.

– Там, на крыше, фоннатов – как мух на навозе, – сказал Бовуар. – И у некоторых могло даже хватить мозгов, чтобы найти люк, через который залез я. А еще я по дороге оставил пару мелких осколочных мин. – Он плотоядно ухмыльнулся. – А кроме того, соседнее здание выше нашего. Мне пришлось подняться на его крышу и выстрелить нитью вниз. Нельзя пройти, переставляя руки по мономолекулярной нити, – пальцы отвалятся.

– Как тогда, черт побери, мы, по-твоему, отсюда выберемся? – вопросил Бобби.

– Хватит, Бобби, – тихонько сказала Джекки. – Бовуар сделал то, что должен был сделать. Теперь он здесь, и мы вооружены.

– Бобби, – предложил Бовуар, – почему бы тебе не повторить нам план, убедиться, что мы его поняли…

У Бобби возникло неприятное чувство, что Бовуар хочет на

самом деле убедиться, понял ли этот план он, Бобби, но он облокотился о стойку бара и начал:

– Мы вооружаемся до зубов, и мы ждем, так? Джаммер и я выходим с его деки и обследуем матрицу, может, поймем, что происходит…

– Думаю, я сам с этим справлюсь, – вмешался Джаммер.

– Мать твою! – Бобби оттолкнулся от стойки. – Бовуар же сказал! Я тоже хочу выйти и подключиться! Как еще я чему-то научусь?

– Не важно, Бобби, – прервала его Джекки, – продолжай.

– Ладно, – хмуро сказал Бобби. – Итак, рано или поздно те ребята, которые наняли фоннатов и готиков, чтобы мы отсюда не вылезли, должны за нами прийти. Когда они явятся, мы их встретим. Захватим хотя бы одного живым. В то же время мы рвем наружу – готики и все прочие залповой стрельбы не ожидают, так что мы выбираемся на улицу и руки в ноги к Новостройкам.

– Думаю, ничего вроде не забыл, – сказал Джаммер, направляясь к запертой и зашторенной двери. – Думаю, это подводит черту. – Он прижал большой палец к запору кодового замка и приоткрыл дверь. – Эй, ты! – проорал он. – Не ты! Тот, в шляпе! Тащи сюда свою задницу. Надо поговорить.

Красный лучик прорезал дверь, штору, два пальца Джаммера и мигнул у бара. Взорвалась бутылка, ее содержимое выплеснулось облаком пара и эфирных масел. Джаммер выпустил дверь, которая тут же захлопнулась, и уставился на свою искалеченную руку, потом тяжело осел на ковер. Клуб медленно наполнился рождественским запахом кипяченого джина. Бовуар, взяв со стойки серебристый сифон, заливал дымящуюся штору сельтерской, пока не иссяк патрон с углекислым газом.

– Тебе повезло, Бобби, – сказал Бовуар, отбрасывая сифон через плечо. – Потому что брат Джаммер… не стучать ему по деке…

Джекки, опустившись на колени, тихонько кудахтала над рукой Джаммера. Бобби мельком увидел обожженное мясо и быстро отвел глаза.

26
Виг

– Знаешь, – сказала Рез, вниз головой зависая перед Марли, – строго говоря, это не мое дело, но тебя там вообще кто-нибудь ждет? Я хочу сказать, я тебя, конечно, туда отвезу, а если ты не сможешь попасть внутрь, заберу обратно на терминал. Но если никто не захочет тебя впустить, не знаю, сколько я смогу там проторчать. Эта штуковина – настоящая развалина, а на заброшенных станциях у нас тут селится всякий странный народ…

Рез, или Тереза, как решила Марли, глянув на затянутую в ламинированный пластик лицензию пилота, что висела на зажиме возле пульта управления «Сладкой Джейн», на время полета сняла свою парусиновую жилетку.

Марли, отупев от радуги дермов, которые Рез налепила ей вдоль запястья, чтобы снять неизбежную при синдроме адаптации тошноту, вяло рассматривала татуированную розу. Рисунок был выполнен в японском стиле многовековой давности, и Марли сонно решила, что роза ей нравится. Что в общем ей нравится и сама Рез, в которой было что-то и жесткое, и одновременно детское и которая так трогательно заботилась о своей странной пассажирке. Рез повосхищалась ее кожаной курткой и сумочкой, прежде чем, свернув, затолкать их в какую-то нейлоновую сетку, уже набитую кассетами, печатными книгами и грязным бельем.

– Не знаю, – выдавила Марли. – Мне просто нужно попытаться попасть внутрь…

– А ты знаешь, что это за штука, сестренка? – Рез поправляла ремни противоперегрузочной сетки вокруг плеч и запястий Марли.

– Какая штука? – Марли моргнула.

– Та, куда мы летим. Это часть старых сердечников Тессье-Эшпулов. В этой жестянке хранилась раньше их корпоративная память…

– Я о них слышала, – сказала Марли, закрывая глаза. – Андреа мне говорила…

– Конечно, кто о них не слышал. Когда-то они владели всем Фрисайдом. Построили его, если уж на то пошло. А потом они сбрендили и все распродали. Приказали отпилить с конца веретена семейное гнездо и оттащили его на другую орбиту, а сердечники перед уходом стерли подчистую, тоже отпилили и продали на металлолом. Но жестянщики так за них и не взялись.

Я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь их засквотил, но здесь, наверху, живешь где можешь… И не только наверху, пожалуй. Вот, скажем, поговаривают, что леди три-Джейн, дочка старого Эшпула, что она так и живет в их старой развалине, только совсем из ума выжила. – Рез последний раз с ловкостью профессионала подтянула сетку. – Порядок. Просто расслабься. Я раскочегарю «Джейн» минут на двадцать, будет тяжко, но долетим в момент. За что, сдается мне, ты и платишь…

И Марли скользнула назад в сложенный из шкатулок ландшафт, повсюду – огромные деревянные конструкции Корнелла, где весомые осадки любви и памяти выставлены за исчерченными дождем листами пыльного стекла, а фигура загадочного шкатулочника все убегала от нее вдаль по улице, вымощенной мозаикой из человеческих зубов, парижские сапоги Марли слепо стучали по символам, выведенным тусклыми золотыми коронками. Шкатулочник был мужчиной, и на нем была зеленая куртка Алена, и больше всего на свете он боялся ее, Марли. «Прости меня! – кричала она, пытаясь догнать его. – Мне очень жаль…»

– Ну а я что говорю? Тереза Лоренс, «Сладкая Джейн». Хочешь номерб? Что? Ну да, конечно, мы – пираты. Я, например, капитан, мать его, Крюк[30] собственной персоной… Слушай, приятель, давай я дам тебе номера, сам можешь проверить… Я уже сказала. У меня пассажир. Просит разрешения войти и *et*, черт побери, *cetera*…[31] Марли там Какая-то, во сне говорит по-французски…

Веки Марли дрогнули, раскрылись. Прямо перед ней в своей сетке колыхалась Рез. На ее спине четко выделялся каждый маленький мускул.

– Эй, – сказала Рез, изворачиваясь в ремнях, – прости. Я их уже вызвала, но с головой они явно не очень дружат. Ты верующая?

– Нет, – ошарашенно ответила Марли.

Рез скорчила рожицу:

– Ну, надеюсь, тогда ты как-нибудь разберешься в этой чертовщине.

Выпутавшись из сетки, она крутанула заднее сальто и оказалась в нескольких сантиметрах перед лицом у Марли. От головы пилота тянулась к консоли оптическая лента, и тут впервые Марли заметила изящный небесно-голубой разъем, вживленный девушке в запястье. Рез воткнула каплю динамика в правое ухо Марли и поправила свисавшую с нее прозрачную трубочку микрофона.

– Вы не имеете права тревожить нас здесь, – проговорил мужской голос. – Наш труд – на благо Господа, мы единственные, кто видел истинный лик Его!

– Алло? Алло, вы меня слышите? Меня зовут Марли Крушкова, у меня к вам неотложное дело. Или к кому-то, кто живет по этим координатам. Речь идет о серии шкатулок, коллажей. Создателю этих шкатулок, возможно, грозит страшная опасность! Я должна с ним увидеться!

– Опасность? – Голос прервался кашлем. – Господь один решает судьбу человека! Мы совершенно свободны от страха. И не считайте нас дураками…

– Прошу вас, выслушайте меня. Меня нанял Йозеф Вирек, чтобы установить, где находится создатель этих шкатулок. Но теперь я пришла, чтобы предупредить вас. Вирек знает, что вы здесь, и его агенты последуют за мной…

Рез смотрела на нее во все глаза.

– Вы должны меня впустить! Я могу рассказать вам намного больше…

– Вирек? – Последовала долгая, скрипящая статикой пауза. – Йозеф Вирек?

– Да! – крикнула Марли. – Тот самый. Вы всю свою жизнь видели его фотографию, ну, ту, где он вместе с английским королем… Пожалуйста, прошу вас…

– Дай мне твоего пилота, – сказал голос, из которого исчезли и бравада, и истерия, уступив место чему-то, что понравилось Марли еще меньше.

– Это запасной, – сказала Рез, отщелкивая зеркальный шлем от красного скафандра. – Я могу это себе позволить, ты мне достаточно заплатила…

– Нет, – запротестовала Марли. – Правда, не надо… Я…

Она затрясла головой, глядя, как Рез распутывает крепления на поясе скафандра.

– Ты туда без скафандра не пойдешь, – отрезала Рез. – Кто его знает, что у них за атмосфера. Да и есть ли там хоть какой-то воздух! Могут быть любые бактерии, споры… В чем дело? – спросила она, опуская серебристый шлем.

– У меня клаустрофобия!

– О черт… – Рез растерянно уставилась на нее. – Я о таком слышала… Это значит, что ты боишься быть внутри чего-то? – Ее лицо выражало неподдельное любопытство.

– Да, в небольшом замкнутом пространстве.

– Как «Сладкая Джейн»?

– Да, но… – Борясь с паникой, Марли оглядела захламленную

кабину. – Это я еще могу перенести, но только не шлем. – Ее передернуло.

– Ладно, – решила Рез, – вот что я тебе скажу. Мы засунем тебя в скафандр, но шлем надевать не будем. Я научу тебя, как его закреплять. Идет? Иначе ты не покинешь мой корабль… – Рот ее сжался в плотную линию.

– Да, – выдавила Марли, – да…

– Делаем так, – сказала Рез. – Мы состыковались с ними шлюз в шлюз. Открывается этот люк, ты входишь, я его закрываю. Потом я открываю второй. В этот момент ты окажешься в том, что у них там сходит за атмосферу. Ты уверена, что не хочешь надеть шлем?

– Не хочу, – отозвалась Марли, поглядев на шлем в красных рукавицах скафандра и на отражение собственного бледного лица в зеркальном лицевом щитке.

Рез прищелкнула языком:

– Что ж, это твоя жизнь. Когда захочешь вернуться, скажи им, чтобы послали на терминал «Джей-Эй-Эль» весточку для «Сладкой Джейн», мне передадут.

Марли неловко оттолкнулась от стены и поплыла к люку шлюза размером не больше поставленного стоймя гроба. Грудная пластина скафандра резко звякнула, ударившись о внешний люк, и Марли услышала, как за ней с шипением закрывается внутренний. Возле ее головы зажглась желтая лампочка, и Марли почему-то подумала о лампочках в холодильнике.

– Счастливо, Тереза.

Ничего не произошло. Она была наедине с биением собственного сердца.

Потом внешний люк «Сладкой Джейн» скользнул в сторону. Небольшого перепада давления оказалось достаточно, чтобы Марли выбросило наружу в темноту, пахнувшую чем-то старым и грустно человеческим – запах давно заброшенной раздевалки. В воздухе чувствовалась какая-то густота, нечистая сырость, и, все еще падая, Марли увидела, как за ней закрывается люк «Сладкой Джейн». Мимо скользнул луч света, качнулся, прошелся по стене и наконец нашел кружащуюся волчком Марли.

– Свет! – рявкнул хриплый голос. – Свет для нашей гостьи! Джонс!

Это был тот самый голос, который она слышала в капле-наушнике. Звук его странно отдавался в железной бескрайности этого места, пустоты, через которую она все падала и падала… Потом послышался резкий скрежет, и вдали вспыхнуло кольцо терпкой синевы, высветив дальний изгиб стены или обшивки из

стали и литого лунного бетона. Поверхность стены была разлинована и испещрена картой тонко выбитых каналов и впадин, – очевидно, прежде здесь размещалось какое-то оборудование. В одних выемках еще держались шероховатые прокладки из расширяющегося пенопласта, другие терялись в мертвой черной тени…

– Зааркань-ка ее, Джонс, пока она не раскроила себе череп…

Что-то с влажным чмоканьем ударилось о плечо скафандра, и Марли, повернув голову, увидела прилипший плевок прозрачного пластика, за которым петляла тонкая розовая нить. На глазах та натянулась и рывком развернула ее. Пространство заброшенного собора наполнилось натужным стоном мотора, и медленно-медленно ее стали подтягивать, как улов.

– Однако подзадержались, – сказал голос. – Я все думал, кто будет первым. Так, значит, Вирек… Мамона…

Тут ее подхватили, несколько раз повернули. Марли едва не потеряла шлем, который поплыл было прочь, но кто-то сунул его ей обратно в руки. Сумочка, в которую Рез пихнула куртку и ботинки, описала дугу и врезалась Марли в висок.

– Кто вы? – спросила Марли.

– Лудгейт! – прогрохотал старик. – Виган Лудгейт, как тебе прекрасно известно. Кого еще он велел тебе здесь морочить?

Лицо старика, изборожденное морщинами, усыпанное пигментными пятнами, было чисто выбрито, но седые нестриженые волосы дрейфовали вокруг головы в приливах спертого воздуха, как морские водоросли.

– Извините, – сказала она. – Я здесь не для того, чтобы вас морочить. Я больше не работаю на Вирека… Я пришла, потому что… Я хочу сказать… я вообще уже не уверена, зачем сюда летела, но по пути я узнала, что художнику, который создает шкатулки, грозит опасность. Потому что есть что-то еще… Вирек думает, у этого художника есть что-то, что освободит его, Вирека, от рака…

Марли запуталась и умолкла, слова увязли в атмосфере безумия, которую ощутимо источал Виган Лудгейт. Теперь она увидела, что старик облачен в потрескавшийся пластмассовый панцирь древнего рабочего скафандра. На потускневшую сталь кольца под шлем были ожерельем налеплены дешевые металлические распятия. Его лицо оказалось вдруг совсем близко, и Марли ощутила запах гнилых зубов.

– Шкатулки! – Маленькие шарики слюны сворачивались у его губ, повинуясь элегантным законам Ньютоновой физики. – Блудница! Они – из длани Господней!

– Полегче, Луд, – раздался второй голос, – ты пугаешь даму.

И вы полегче, леди, потому что старый Луд… ну, у него не так уж много бывает гостей. Совсем выбивают его из колеи, видите ли, но в общем и целом он безобидный старый хрен.

Повернув голову, она встретила веселый и спокойный взгляд широко распахнутых голубых глаз на довольно юном лице.

– Меня зовут Джонс, – сказал парнишка. – Я тоже тут живу…

Виган Лудгейт запрокинул голову и завыл. Звук диким эхом отразился от стен из стали и камня.

– Видите ли, – говорил Джонс, пока Марли подтягивалась вслед за ним по тросу с узлами, натянутому вдоль коридора, которому, казалось, не будет конца, – он обычно довольно смирный. Слушает свои голоса, всякое такое. Разговаривает сам с собой, а может, с голосами, не знаю. А потом на него вдруг находит, и он становится вот таким, как только что…

Когда он замолкал, Марли еще могла слышать слабое эхо завываний Лудгейта.

– Вы скажете, это, мол, жестоко, ну… то, что я его так оставляю. Но на деле так лучше. Он вскоре сам устанет. Проголодается. И тогда пойдет искать меня. Есть-то хочется, понимаете.

– Ты австралиец? – спросила Марли.

– Из Нью-Мельбурна, – ответил он, – или был, пока не поднялся по колодцу.

– Ты не против, если я спрошу, почему ты здесь? Я хочу сказать, здесь, в этом, этом… Что это?

Парнишка рассмеялся:

– Обычно я называю это Местом. Луд, он зовет его всякими разными именами, но в основном Царством. Считает, что нашел Бога. Правда-правда. Может, и нашел, если смотреть на это с такой точки зрения. Насколько я понял, до того как подняться по колодцу, он был кем-то вроде компьютерного мошенника. Не знаю, как именно его сюда занесло, однако старикана здешняя жизнь устраивает… Что до меня, то я в бегах, понимаете? Кое-какие неприятности, не будем вдаваться в подробности, – пришлось уносить ноги, да подальше. Ну так вот, я очутился здесь – а как, это уже отдельная долгая история – и нашел старого Лудгейта, который почти подыхал с голоду. У него был тут вроде какой-то бизнес, ну, продавал всякие вещички, какие находил в мусоре, и эти шкатулки, за которыми вы охотитесь. Правда, Луд для этого слишком уж сбрендил. Его покупатели появляются, ну, скажем, три раза в год, а он возьмет да и отошлет их прочь. Так вот, я и подумал, все равно, где прятаться, что здесь, что там, а потому я стал помогать ему. Вот и все, я думаю…

– Ты не мог бы отвести меня к художнику? Он здесь? Это очень срочно…

– Отведу, не бойтесь. Но это место строилось-то не для людей. Я хочу сказать, не для того, чтобы здесь жить, так что идти нам долго… Ну да никуда он не денется. Не могу гарантировать, что он сделает вам шкатулку. А вы правда работаете на Вирека? На этого суперпупербогатого старого пня из телевизора? Он ведь бош, да?

– Работала, – ответила Марли. – Несколько дней. А что до национальности, я бы сказала, что герр Вирек – единственный гражданин нации, состоящей из герра Вирека…

– Усек, – весело отозвался Джонс. – Все они одинаковы, это богатое старичье, хотя смотреть на них гораздо веселее, чем на какое-нибудь чертово дзайбацу… Ну разве бывает, чтобы дзайбацу покоцали, а? Возьмем старого Эшпула – мой земляк был, – который все это построил. Говорят, собственная дочь ему горло перерезала, а теперь она так же сбрендила, как старый Луд, забилась куда-то в своем фамильном замке. Место ведь было когда-то частью этого замка.

– Рез… я хочу сказать, мой пилот что-то такое говорила. И моя подруга в Париже недавно упоминала Тессье-Эшпулов… Клан… рассыпался?

– Рассыпался? О господи! Да просто псу под хвост! Сами подумайте: мы с вами ползем через то, что когда-то было сердечниками баз данных всей корпорации. Это железо скупил какой-то посредник из Пакистана. С обшивкой все в порядке, и в микросхемах полно золота, но его не так легко извлечь, как кое-кому хотелось бы… Эта огромная хреновина так и висит здесь с тех самых пор, один лишь Луд для компании – или, наоборот, она для компании Луду. Пока не пришел я. Вот так. Думаю, однажды сюда поднимутся бригады из Пакистана и примутся резать… Но забавно, как много всего тут до сих пор работает, по крайней мере иногда. Слышал я одну байку, она меня сюда и привела. Хотя Тессье-Эшпулы якобы стерли тут всю память…

– Но ты думаешь, сердечники еще исправны?

– Господи, да. Так же как и Луд, если, конечно, можно называть это исправностью. Что, по-вашему, представляет собой этот ваш шкатулочник?

– Ты что-нибудь знаешь о «Маас-Биолабс»?

– «Мосс» что?

– «Маас». Они делают биочипы…

– А, эти. Ну это, пожалуй, все, что я о них знаю…

– Лудгейт о них говорит?

– Может, и говорит. Не то чтобы я его внимательно слушаю.

Луд много чего болтает…

27
Дыхание станций

Ховер полз по улицам, обрамленным ржавеющими штабелями мертвых машин, кранами мусорщиков и черными вышками плавилен. Тернер держался задворок, пробираясь в западный сектор Муравейника, и со временем завел ховер в узкий кирпичный каньон – бронированные борта, задевая за стены, высекали искры – и вогнал его прямо в стену покрытого сажей прессованного мусора. Оползень отбросов завалил машину почти до крыши, и Тернер отпустил управление, глядя, как из стороны в сторону раскачиваются поролоновые игральные кости. Последние двенадцать кварталов стрелка индикатора горючего колебалась на нуле.

– Что там произошло? – спросила Энджи. Ее щеки в отсветах от приборной доски были зелеными.

– Я сбил вертолет. В общем – случайно. Нам повезло.

– Нет, я имею в виду после того. Я была… Я видела сон.

– Что тебе снилось?

– Большие штуки, они двигались…

– У тебя было что-то вроде припадка.

– Я больна? Ты думаешь, я больна? Почему компания хотела убить меня?

– Нет, я не думаю, что ты больна.

Она отстегнула ремни и, перебравшись через спинку сиденья, забилась под турбину, где они спали прошлой ночью.

– Мне снился дурной сон…

Ее начала бить дрожь. Тернер выбрался из своей упряжи, пересел к девочке. Прижав ее голову к груди, он стал поглаживать ее волосы, расправил их, убрал за уши, чувствуя под рукой хрупкие кости черепа. В зеленоватом свете ее лицо принадлежало словно бы неведомому существу, выуженному из моря сна и брошенному у кромки прибоя. Молния черной кофты наполовину расстегнулась, и он провел пальцем по хрупкой ключице. Кожа была прохладной и влажной от пота. Энджи крепче прижалась к нему.

Закрыв глаза, он увидел свое тело на расчерченной солнцем кровати под медлительным вентилятором с лопастями из твердой коричневой древесины. Его тело дергалось, содрогалось, как ампутированная конечность; голова Элиссон была запрокинута, рот открыт, губы разошлись, обнажая зубы.

Энджи вжалась лбом в ямку у него на шее.

Потом она вдруг оцепенела и со стоном откачнулась назад.

– Наемный человек, – произнес голос.

Тернер вдруг вновь очутился на сиденье водителя, ствол «смит-и-вессона» отразил единую линию зеленого свечения приборов, в прорези прицела – левый зрачок Энджи.

– Нет, – сказал голос.

Тернер опустил револьвер.

– Ты вернулся.

– Нет. С тобой говорил Легба. Я – Самеди.

– Суббота?

– Барон Суббота, наемный человек. Однажды ты встретил меня на горном склоне. Кровь покрывала тебя росой. В тот день я вдоволь испил из чаши твоего сердца. – Тело девушки неистово содрогнулось. – Ты хорошо знаешь этот город…

– Да. – Тернер смотрел, как напрягаются и расслабляются мускулы ее лица, сплавляя черты в новую маску…

– Прекрасно. Оставь железного коня здесь, как и собирался. Но следуй станциями на север. В Нью-Йорк. Этой ночью я поведу тебя и лошадь Легбы, и ты убьешь во имя мое…

– Убью кого?

– Того, кого ты мечтаешь убить, наемный человек.

Энджи слабо застонала, ее передернуло, она начала всхлипывать.

– Все в порядке, – сказал Тернер. – Мы на полпути домой.

Бессмысленные слова, подумал он, когда помогал Энджи выбраться из ховера; у них вообще нет никакого дома. Он нащупал в кармане парки коробку с патронами и загнал один в барабан, на место того, которым сбил «хонду». Порывшись в багажнике, нашел там ящик с инструментами, выбрал заляпанную краской опасную бритву и срезал с подола парки укрепляющую прокладку. Из разреза тут же взметнулись миллионы микротрубок полиизоляции. Ободрав подкладку, Тернер убрал «смит-и-вессон» в кобуру и застегнул портупею, поверх нее надел парку. Та повисла вокруг него складками, как большой, не по росту, плащ, и даже не оттопыривалась в том месте, где был спрятан массивный револьвер.

– Зачем ты это сделал? – спросила Энджи, проводя по губам тылом руки.

– Потому что на улице жарко, а мне надо спрятать пушку. – Он сунул набитый потрепанными новыми иенами зиплок в карман парки. – Пойдем, – сказал он, – нам еще нужно успеть на поезд…

Сконденсировавшаяся влага мерно капала с купола

Джорджтауна, возведенного сорок лет спустя после того, как ослабевшее правительство сбежало в Маклин[32]. Вашингтон остался городом южан, всегда им был, и, если ехать из Бостона от станции к станции, чувствовалось, как изменяется тональность Муравейника. Деревья в округе Колумбия были зелеными и пышными. Их листва глянцем затеняла дуговые фонари, когда Тернер и Анджела Митчелл пробирались разрушенными переулками к Дюпон-Сёркл и станции «трубы». В круге гремели барабаны, кто-то набросал мусор в мраморную чашу выключенного фонтана в центре площади и поджег. Безмолвные фигуры сидели возле расстеленных на мостовой одеял, на которых раскинулся сюрреалистический ассортимент мелочной торговли: отсыревшие картонные конверты черных пластиковых аудиодисков, рядом – потертые протезы на батарейках с хвостами примитивных нейроадапторов, пыльный аквариум, полный продолговатых опознавательных жетонов федеральной армии, перетянутые резинками стопки поблекших почтовых открыток, дешевые индонезийские троды, все еще запаянные в пластик, разношерстные наборы солонок и перечниц, клюшка для гольфа с потертой кожаной ручкой, швейцарские армейские ножи с неполным набором лезвий, погнутая мусорная корзинка с литографией портрета президента, имя которого Тернер почти что вспомнил (Картер? Гросвенор?), расплывчатые голограммы Монумента Вашингтона…

В тени возле входа на станцию Тернер вполголоса поторговался с мальчишкой-китайцем в белых джинсах, обменяв самую меньшую из Рудиных банкнот на девять алюминиевых жетонов с вычурным штампом «СОБА-Транзит».

Два жетона открыли им вход на станцию. Три – канули в автоматы ради плохого кофе и черствых пирожков. Оставшиеся четыре понесли их на север. Поезд беззвучно скользил на магнитной подушке. Обняв девочку, Тернер откинулся на спинку сиденья, сделав вид, что дремлет, в действительности он смотрел на их отражения в противоположном стекле: высокий мужчина, небритый, затравленного вида, сгорбился, будто признавая поражение, рядом с ним свернулась девушка с запавшими глазами. С тех пор как они вышли из тупика, где он бросил ховер, она не произнесла ни слова.

Во второй раз за последний час Тернер задумался: не позвонить ли агенту? Если необходимо кому-то доверять, гласило правило, доверяй своему агенту. Но Конрой сказал, что нанял Оуки и остальных через Тернерова агента, и это обстоятельство доверия не внушало. Где нынче Конрой? Тернер был практически уверен, что именно Конрой послал за ними Оуки с лазером.

Решилась бы «Хосака» расстрелять площадку в Аризоне из электромагнитной пушки, чтобы стереть улики провалившейся попытки извлечения? И если да, то зачем приказывать Уэббер уничтожить своих же медиков, их нейрохирургический бокс и деку «Маас-Неотек»? И опять-таки, есть еще и «Маас»… Правда ли, что «Маас» убил Митчелла? Есть ли причина считать, что Митчелл действительно мертв? Да, подумал он, когда рядом в своем беспокойном сне шевельнулась девушка, причина есть: Энджи. Митчелл боялся, что «Маас» ее убьет. Он заварил всю кашу с якобы переходом к «Хосаке» только ради того, чтобы вытащить дочь из городка, переправить ее к японцам, не планируя собственное бегство. Или, во всяком случае, это была версия Энджи.

Тернер закрыл глаза, отключив отражение в стекле. Что-то шевельнулось – глубоко в наносах архивной памяти на Митчелла. Стыд. Он никак не мог до этого дотянуться… Внезапно Тернер открыл глаза. Что она там говорила на кухне у Руди? Что отец вложил эту штуку ей в голову, потому что она была недостаточно умной? Осторожно, чтобы не разбудить девочку, он просунул руку в боковой карман штанов и за шнурок вытянул черный нейлоновый конверт Конроя. Оторвал липучку, вытряхнул на раскрытую ладонь раздутый асимметричный биософт. Машинные сны. Американские горки. Слишком быстро, слишком чуждо, чтобы ухватить. Но если ищешь что-нибудь конкретное, вытащить это должно быть не так сложно…

Большим пальцем он выковырял заглушку из разъема и положил рядом с собой на пластик сиденья. Поезд был почти пуст, и пассажиры не обращали на него никакого внимания. Он сделал глубокий вдох, сжал зубы и вставил биософт…

Двадцать секунд спустя он это нашел. Нашел то, за чем нырнул. Чуждость на этот раз не коснулась его – потому, вероятно, что он отправился за одной специфической деталью, фактом, именно тем видом данных, которые, как правило, и попадают в досье на ведущего ученого: коэффициент интеллекта его дочери в динамике ежегодных тестов.

Интеллект Анджелы Митчелл был намного выше нормы. Причем с самого раннего детства.

Вытащив биософт из разъема, Тернер рассеянно покрутил его между большим и указательным пальцем. Стыд. Митчелл, и стыд, и выпускной курс… Оценки, подумал он, мне нужны оценки этого ублюдка. Мне нужна копия его аттестата.

Он снова вошел в досье.

Ничего. Он зацепил аттестат, но там не было того, что он искал.

Нет. Еще.

Еще…

– Черт побери, – пробормотал он, наконец поняв.

Бритоголовый подросток с сиденья через проход бросил на него недоуменный взгляд, потом вернулся к монологу приятеля:

– Они опять устраивают гонки, на холме в полночь. Мы тоже едем, но только потусоваться, эти игры не для нас, просто оттянемся и посмотрим, как они будут пихаться. Вот уж оборжемся, глянем, кто кого, на прошлой неделе Сьюзен сломала руку, ты видел? Да просто уссаться, Кол хотел отвезти их в больницу, но так обдолбался, что налетел на своей сраной «ямахе» на «лежачего полицейского»…

Тернер воткнул биософт обратно в разъем.

На этот раз, когда все осталось позади, он не сказал вообще ничего. Только крепче обнял Энджи и улыбнулся, и тут же увидел эту улыбку в окне. Звериный оскал – как на рубеже.

Студенческие показатели Митчелла были хороши, исключительно хороши. Великолепны. Но кривой взлета в них не было. Кривая взлета – Тернер научился видеть ее в досье любого ученого как некий дорожный знак, указывающий на близкий поворот: «гениальность». Он мог распознать эту кривую, как рабочий определяет сорт металла, наблюдая за сыплющимися с шлифовального колеса искрами. Так вот, у Митчелла ее не было.

Стыд. Институтское общежитие. Митчелл знал, твердо знал, что ему не пробиться. И потом – каким-то образом – ему это удалось. Как? В досье нечего и искать. Митчелл нашел какой-то способ подредактировать то, что передавал машине «маасовской» службы безопасности. Иначе они бы за него уже взялись… Кто-то – или что-то – нашел Митчелла в его аспирантском убожестве и начал накачивать идеями. Ключи, подсказки. И Митчелл взлетел, его кривая после этого вспыхнула ослепительным, идеальным блеском, засияла и вынесла его наверх…

Кто? Что?

Тернер посмотрел в лицо спящей Энджи в подергивающемся свете «трубы».

Фауст.

Митчелл заключил сделку. Возможно, Тернеру никогда не узнать подробностей соглашения или цену Митчелла, но он понял, что знает оборотную сторону, чего потребовали от Митчелла взамен.

Легба, Самеди, слюна, сочащаяся из перекошенного рта девушки.

А поезд несся в старый Союз в черных порывах полуночного ветра.

– Такси, сэр?

Глаза мужчины двигались за очками с полихромной подкраской, стекла переливались, как нефтяные пятна. По тыльным сторонам его ладоней расползлись плоские серебристые воспаления. Не останавливаясь, Тернер шагнул ближе и, поймав его за локоть, прижал к стене из поцарапанной белой плитки между серых стеллажей ячеек камеры хранения.

– Наличные, – сказал Тернер. – Я плачу новыми иенами. Мне нужна тачка. И никаких, понял меня, никаких проблем с водителем. Ясно? Я не лох. – Он еще крепче сжал локоть зазывалы. – Попробуй только что-нибудь выкинуть, и я вернусь тебя прикончить или сделаю так, что ты пожалеешь, что остался жив.

– Есть. Да-с-сэр. Усек. Это можно устроить, сэр, да-с-сэр. Куда бы вы хотели отправиться, сэр? – Изможденное лицо мужчины перекосилось от боли.

– Наемный человек. – Голос исходил от Энджи. А потом хриплым шепотом – адрес.

Тернер увидел, как за радужными переливами глаза зазывалы нервно заметались из стороны в сторону.

– Это Мэдисон? – проскрипел он. – Да-с-сэр. Найду вам хорошее такси, правда, хорошее такси.

– Что там за место? – спросил Тернер водителя, наклоняясь вперед, чтобы нажать кнопку «говорите» возле стальной решетки микрофона. – По адресу, что мы вам дали?

Последовал шорох статики.

– «Гипермаркт». Но там наверняка почти все позакрывались, поздно уже. Разыскиваете что-то определенное?

– Нет, – отрезал Тернер.

Место было ему незнакомо. Он попытался вспомнить этот отрезок Мэдисон-авеню. Кажется, в основном спальный район. Бесчисленные квартиры нарезаны в скорлупе офисных зданий, оставшихся с тех времен, когда бизнес требовал физического присутствия служащих в штаб-квартире компании. Некоторые здания были настолько высоки, что торчали над куполом…

– Куда мы едем? – спросила Энджи, положив руку ему на локоть.

– Все в порядке, – ответил он. – Не волнуйся.

– Боже, – сказала она, опираясь на его плечо и глядя вверх на розовую неоновую вывеску «ГИПЕРМАРКТ», наискось пересекавшую гранитный фасад старого здания, – сколько раз я

мечтала о Нью-Йорке там, на плато. У меня были графические программы, которые показывали все улицы, музеи и все такое. Я больше всего на свете хотела попасть сюда…

– Ну, тебе это удалось. Ты здесь.

Девушка начала всхлипывать, обняла его, спрятав лицо у него на голой груди. Ее трясло.

– Я боюсь, я так боюсь…

– Все будет хорошо, – сказал он, поглаживая ее волосы и не отрывая взгляда от главного входа.

У него не было никаких причин думать, что для любого из них что-нибудь когда-нибудь будет хорошо. Казалось, она понятия не имела, что слова, приведшие их сюда, исходили из ее уст. Но опять же, подумал он, не она их произносила… По обеим сторонам входа в «Гипермаркт» свернулись в спальных мешках бездомные, неряшливые кучи тряпья совершенно сливались с цветом мостовой. Тернеру на миг показалось, будто их медленно извергает из себя темный бетон, превращая в мобильные отростки города.

– К Джаммеру, в клуб, – сказал у его груди приглушенный голос, и Тернер почувствовал холодок отвращения. – Найди лошадь Данбалы.

И тут Энджи снова заплакала. Тернер взял ее за руку и повел мимо спящих бомжей под потускневшую позолоту входной решетки через стеклянные двери «Гипермаркта». Увидел в конце прохода, между лотков и закрытых ставнями лавок, кофемашину и девушку с гребнем черных волос, вытирающую прилавок.

– Кофе, – сказал он. – Еда. Идем. Тебе надо поесть.

Он улыбнулся девушке, и Энджи устроилась на табурете.

– Как насчет наличных? – спросил он. – Вы вообще принимаете наличные?

Девушка с полминуты молча смотрела на него, потом пожала плечами. Тернер вытащил из доставшегося от Руди зиплока двадцатку и показал ее девушке.

– Чего хочешь?

– Кофе. Чего-нибудь поесть.

– Это все, что у тебя есть? А что-нибудь помельче?

Он помотал головой.

– Извини. У меня нет сдачи, – сказала девушка.

– И не надо.

– Ты спятил?

– Нет, но я хочу кофе.

– Нефиговые чаевые, мистер. Я столько и за неделю не зарабатываю.

– Это твое.

По лицу официантки скользнула тень гнева.

– Так ты с этими ублюдками, что наверху. Убери свои деньги. Я закрываюсь.

– Мы сами по себе, – сказал он, слегка наклоняясь через стойку так, чтобы распахнулась парка и ей стал виден «смит-и-вессон». – Мы ищем клуб. Место, которое называется «У Джаммера».

Девушка поглядела на Энджи, потом перевела взгляд на Тернера.

– Она больная? Обдолбанная? В чем дело?

– Вот деньги, – сказал Тернер. – Дай нам кофе. Если хочешь отработать сдачу, расскажи, как найти клуб Джаммера. На мой взгляд, это стоит двадцатки. Понятно?

Она смахнула потрепанную банкноту из виду и подошла к кофеварке.

– Похоже, я ничего больше не понимаю. – Она загремела чашками и стаканами с молочной пленкой, отодвигая их в сторону. – Что такое стряслось с клубом? Ты друг Джаммера? Знаешь Джекки?

– Конечно, – ответил Тернер.

– Она появилась сегодня рано утром, а с ней какой-то маленький вильсон с окраины. Думаю, они пошли наверх…

– Куда?

– К Джаммеру. Тут-то все и началось.

– Да?

– Заявилась толпой шпана из Барритауна, и набриолиненные и белотуфельные, причем с таким видом, как будто им тут все принадлежит. А теперь так оно, черт побери, и есть, во всяком случае – два верхних этажа. Начали выкупать у людей их лавки. А многие с нижних этажей просто собрали вещички и свалили. Жуть какая-то…

– Сколько пришло?

Из кофемашины со свистом вырвался пар.

– Может, сотня. Я до икоты сегодня перепугалась, но никак не могу связаться с боссом, к тому же мне все равно через полчаса закрываться. А моя дневная сменщица так и не объявилась, зашла, наверное, почувствовала, чем тут пахнет, и смылась… – Она поставила перед Энджи маленькую дымящуюся чашку. – С тобой все в порядке, дорогая?

Энджи кивнула.

– Как по-твоему, чего этим людям надо?

Девушка вернулась к своей кофеварке. Та снова загудела.

– Думаю, они кого-то ждут, – вполголоса сказала она и подала Тернеру его эспрессо. – Или того, кто попытается выйти из

клуба, или того, кто попытается туда войти…

Тернер посмотрел на водоворот коричневой пены на поверхности своего кофе.

– И никто не вызвал полицию?

– Полицию? Мистер, это «Гипермаркт». Здесь полицию не вызывают…

Чашка Энджи разлетелась о мраморную стойку.

– Короток и прям твой путь, наемный человек, – прошептал голос. – Ты знаешь дорогу. Внутрь.

У продавщицы отвисла челюсть.

– Господи, – выдохнула она. – Да она, должно быть, здорово обдолбалась… – Девушка холодно глянула на Тернера. – Это ты дал ей такую дрянь?

– Нет, – ответил Тернер, – но она больна. Все будет в порядке.

Он допил черный горький кофе. На какое-то мгновение ему показалось, что он ощущает на себе дыхание всего Муравейника, и это дыхание было старым, больным и усталым. Все эти спуски-подъемы всех станций от Бостона до Атланты…[33]

28
Джейлин Слайд

– Господи, – Бобби посмотрел на Джекки, – может, ты это завяжешь или еще что?

Из-за ожога Джаммера в конторе стоял запах, похожий на вонь от подгоревшей свинины, и у Бобби выворачивало желудок.

– Ожог не перевязывают, – отрезала она, помогая Джаммеру сесть в кресло. – У тебя есть обезболивающее? Дермы? Хоть что-нибудь?

Она начала один за другим выдвигать ящики письменного стола. Джаммер покачал головой, его длинное лицо побледнело и осунулось.

– Наверное. За баром есть аптечка…

– Принеси ее! – бросила Джекки. – Пошевеливайся!

– Чего это ты так над ним трясешься? – начал Бобби, задетый ее тоном. – Он пытался впустить сюда готиков…

– Принеси аптечку, дурак! Он просто сорвался на секунду, вот и все. Испугался. Принеси мне эту коробку, иначе она тебе самому понадобится.

Бобби метнулся в клуб, где обнаружил, что Бовуар подсоединяет провода от розовых «бутербродов» взрывчатки к желтой пластмассовой коробке, похожей на пульт управления игрушечным грузовичком. «Бутерброды» были налеплены вокруг дверных петель и по обеим сторонам замка.

– А это зачем? – спросил Бобби, перелезая через стойку.

– Кто-нибудь может захотеть войти, – сказал Бовуар. – Если так, то мы им откроем.

Бобби помедлил, любуясь конструкцией.

– А почему не наклеить их на стекло так, чтобы его просто вынесло наружу?

– Слишком очевидно, – выпрямился Бовуар. В руках он держал желтый детонатор. – Но я рад, что ты думаешь о таких вещах. Если сделать, как ты говоришь, взрывной волной хоть что-то да занесет внутрь. А так… аккуратнее.

Пожав плечами, Бобби нырнул под стойку. Там оказались проволочные полки, заваленные пластиковыми пакетами крилевых вафель, коллекция забытых зонтов, пухлый словарь, синяя женская туфелька, белый пластмассовый чемоданчик с как будто подтекающим красным крестом, нарисованным на крышке лаком для ногтей… Схватив чемоданчик, Бобби выбрался из-под стойки.

– Послушай, Джекки… – начал он, кладя аптечку рядом с декой Джаммера.

– Забудь об этом. – Щелкнув замком, она порылась в содержимом аптечки. – Джаммер, здесь больше попперов[34], чем всего остального…

Джаммер слабо улыбнулся.

– Ага, вот это подойдет. – Она развернула листок красных дермов и, сорвав с трех заглушки, налепила их в ряд по тыльной стороне сожженной руки. – Но лучше бы какую-нибудь местную анестезию…

– Я вот тут подумал, – сказал Джаммер, глядя на Бобби. – Возможно, теперь самое время, чтобы ты налетал сколько-то часов в матрице…

– То есть как? – спросил Бобби, не сводя глаз с деки.

– Наверняка же, – продолжал Джаммер, – тот, кто привел этих ублюдков, которые снаружи, подключился и к телефонам.

Бобби кивнул. Бовуар, объясняя им свой план, говорил то же самое.

– Ну так вот, когда мы с Бовуаром порешили, что нам с тобой стоит врубиться в матрицу и поглядеть, что происходит, у меня, по правде говоря, было на уме кое-что другое, – оскалился Джаммер, показав частокол белых мелких зубов. – Видишь ли, я в это влип, потому что должен Бовуару и Лукасу. Но есть люди, которые мне тоже кое-что должны, правда, дело это сильно прошлое. И эти долги у меня не было надобности взыскивать.

– Джаммер, – сказала Джекки, – тебе надо расслабиться. Просто посиди спокойно. Ты можешь довести себя до шока.

– Как у тебя с памятью, Бобби? Прогонишь цепочку кое-каких команд? Попрактикуйся на моей деке. Без тока, не подключаясь. Идет?

Бобби кивнул.

– Так вот, прогони это пару раз всухую. Код доступа. Чтобы тебя впустили через черный ход.

– Чей черный ход? – Бобби развернул деку к себе и занес пальцы над клавиатурой.

– Якудза, – сказал Джаммер.

Джекки недоуменно воззрилась на владельца клуба:

– Эй, что ты…

– Именно то, что ты слышала. Это давний должок. Но, знаешь, как говорят, якудза ничего не забывают. Ни плохого, ни хорошего…

На Бобби сладковато пахнуло паленым мясом, и он поморщился.

– Как случилось, что ты не сказал это Бовуару? – Джекки

убирала лекарства обратно в белую коробку.

– Со временем узнаешь, золотко, – сказал Джаммер. – Иногда приходится учиться помнить о том, что кое-что следует забыть.

– Теперь слушай, – сказал Бобби, пригвождая Джекки, как он надеялся, самым тяжелым своим взглядом, – это мой рейд. Так что обойдусь без твоих лоа, ладно? Они действуют мне на нервы…

– Не она их вызывает, – сказал сидящий на корточках у двери конторы Бовуар. В одной руке у него был детонатор, в другой – юаровский дробовик. – Они просто приходят. Они хотят прийти, и вот они уже здесь. Что ни говори, но ты им нравишься…

Джекки надвинула на лоб тиару тродов.

– Бобби, – сказала она, – все с тобой будет хорошо. Не волнуйся, просто включись.

Она сняла шарф. Между бороздками блестящей коричневой кожи ее курчавые волосы колосились древними резисторами, вплетенными через случайные интервалы, маленькими цилиндриками коричневой феноловой смолы с цветокодированными кольцами краски.

– После «Баскетбольной корзины», – сказал Джаммер Бобби, – нырни на три периода решетки вправо и прямо на дно, я хочу сказать, вниз…

– После чего?

– «Баскетбольной корзины», это Сфера Взаимного Процветания «Солнечный пояс», Даллас – Форт-Уорт… Быстро гони на самое дно. Потом двигай, как я тебе сказал, еще периодов двадцать. Там кругом лоты подержанных машин и налоговые инспектора, но ты просто поддай газу, идет?

Бобби, ухмыляясь, кивнул.

– Если кто-то увидит, как ты летишь мимо, ну что ж, пускай смотрят. Люди, которые врубаются у самой решетки, привычны ко всякому странному дерьму.

– Твой ход, друг мой, – сказал Бовуар Бобби. – Мне пора возвращаться к двери…

И Бобби включился.

Бобби следовал инструкциям Джаммера и, летя вниз в будничные глубины киберпространства, был втайне благодарен Джекки за ее присутствие. Над ними, уходя ввысь, уменьшалась светящаяся «Баскетбольная корзина». А с такой декой – легкой, суперманевренной – он чувствовал себя быстрым и сильным. Теперь он начал гадать, как так вышло, что якудза оказались у Джаммера в долгу и что за должок тот так и не потрудился

востребовать. Бобби как раз перешел к сочинению возможного сценария – и тут они врезались в лед.

– Господи…

И Джекки исчезла. Что-то опустилось между ними, нечто, что он ощутил как холод и молчание, и как будто ему перекрыли кислород.

– Но тут же ничего не было, черт побери!

Он застыл, чем-то крепко скованный. Матрицу видит, но рук не чувствует.

– Елки зеленые, да кто же пускает таких, как ты, за такую деку? Этому старью место в музее – а тебе еще сидеть и сидеть в школе.

– Джекки!

Вопль вышел рефлекторно.

– Хотя… я, конечно, черт-те сколько не спала, но готова поспорить, ты совсем не то, на что я расставила тут ловушку… Сколько тебе лет?

– Отвали! – крикнул Бобби. Это все, что он смог придумать.

Голос расхохотался:

– Услышь это Рамирес, он бы животики надорвал от смеха. У него было особое пристрастие к нелепицам. Блин, как мне его не хватает…

– Кто такой Рамирес?

– Мой партнер. Бывший. Теперь мертв. Совсем. Я думала, может, ты мне скажешь, как так вышло.

– Никогда о нем не слышал, – выдавил Бобби. – А где Джекки?

– Висит в отключке посреди киберпространства, пока ты отвечаешь на мои вопросы, вильсон. Как тебя зовут?

– Бо… Граф Ноль.

– Ну да, как же. Имя!

– Бобби, Бобби Ньюмарк.

Молчание. Потом:

– Ладно… Эй, Бобби, да? Слушай, тогда в этом есть хоть какой-то смысл. Это за квартирой твоей матери я наблюдала, когда «маасовские» безопасники шмальнули по ней из ракетомета, да? Ну, думаю, тебя там тогда не было, иначе ты не торчал бы здесь. Подожди сек…

Квадрат киберпространства прямо перед ним тошнотворно завибрировал, и Бобби оказался в очень просторных апартаментах, где контуры низкой мебели были намечены тоненькими линиями голубого неона. Перед ним стояла женщина, точнее, несколько светящихся мультяшных закорючек, сложенных в женскую фигуру, с пятном коричневого дыма на

месте лица.

– Я Слайд, – сказала фигура, уперев руки в бедра. – Джейлин. Ты мне тут не придуривайся. В Лос-Анджелесе все знают, – она взмахнула рукой, и внезапно у нее за спиной вспыхнуло окно, – меня на кривой козе не объедешь. Усек?

– Ладно, – ответил Бобби. – Но что это? Я хочу сказать, не могли бы вы… ну… объяснить…

Он по-прежнему не мог даже пошевелиться. «Окно» открывало серо-голубую видеопанораму пальм и каких-то старинных зданий.

– Что ты имеешь в виду?

– Этот рисунок. И вас, и эту старую картину…

– Эй, приятель, я полцарства заплатила дизайнеру, чтобы он мне это запрограммировал. Это – мое пространство, мой конструкт. Тут Лос-Анджелес, мальчик. Люди без подключки здесь ничего не делают. Здесь вообще ничего не делается без матрицы. Вот где я устраиваю пьянки-гулянки!

– О, – протянул Бобби, все еще сбитый с толку.

– Твой черед. Кто там, в этом вшивом танцзале?

– «У Джаммера»? Я, Джекки, Бовуар, сам Джаммер.

– И куда ты направлялся, когда я тебя поймала?

Бобби помедлил.

– К якудза. У Джаммера был код…

– Зачем? – Фигура скользнула вперед – мультипликационный чувственный мазок акварельной кисти.

– За помощью.

– Черт. Похоже, ты говоришь правду…

– Да, да, клянусь богом…

– Ну, ты не тот, кто мне нужен, Бобби Ноль. Я кружу по киберпространству, пытаюсь выяснить, кто убил моего парня. Я думала, это «Маас», потому что мы перетаскивали одного их человечка в «Хосаку», так что для начала я села на хвост бригаде их безопасников. Первое, что я увидела, – как они взрывали кондо твоей матери. Потом я видела, как трое из них заглянули к некоему Финну. Эти так и не вышли…

– Финн их убил, – сказал Бобби. – Я их видел. Трупы…

– Да? Ну тогда, пожалуй, нам есть о чем поговорить. А после этого я наблюдала, как еще трое разнесли из такого же ракетомета золоченую сутенерскую тачку…

– Это был Лукас, – сказал он.

– Но не успели они с этим покончить, как налетел вертолет и поджарил всех троих лазером. Что-нибудь об этом знаешь?

– Нет.

– Ну что, Бобби Ноль, расскажешь мне свою историю? Только

покороче.

– Я собирался в рейд, понимаешь? И еще я получил ледоруб. От Дважды-в-День, это толкач с Новостроек, и я…

Когда он закончил, Джейлин какое-то время молчала. Мультяшная красотка стояла у окна, будто рассматривала видеодеревья.

– У меня есть идея, – рискнул он. – Может, ты сумеешь нам помочь…

– Нет, – отрезала она.

– Но если это поможет тебе узнать то, что тебе нужно…

– Нет. Я хочу только прикончить ублюдка, замочившего Рамиреса.

– Но мы там в ловушке, они нас убьют. Это – «Маас», те, за кем ты следила по всей матрице! Они наняли свору готиков и фоннатов…

– Это не «Маас», – сказала красотка. – Там у вас в Нью-Йорке на Парк-авеню – компания европейцев. Лед вокруг них – в милю глубиной.

С минуту Бобби переваривал услышанное.

– Так это они были на вертолете, те, кто поджарил вторую троицу «Мааса»?

– Нет. Я не смогла прищучить этот вертолет, они улетели на юг. Потеряла их. Однако у меня есть зацепка… Ну ладно, я тебя отпускаю. Хочешь еще попытать этот яковский код – пожалуйста.

– Но, леди, нам нужна помощь…

– Помощью сыт не будешь, Бобби Ноль, – сказала Джейлин, и вдруг он очутился перед декой Джаммера.

Болели мускулы спины и шеи. Какое-то время ушло, чтобы сфокусировать взгляд, и только, наверное, через минуту Бобби увидел, что в комнате появились двое незнакомцев.

Мужчина был высок, может, даже выше Лукаса, но стройней, мускулистей, эже в бедрах. На нем была висевшая складками армейская куртка с огромными карманами, под расстегнутой курткой виднелась голая грудь, которую горизонтально пересекал черный ремень. Под глазами у него были синяки, и взгляд этих глаз был лихорадочный, а в руках он держал самую большую пушку, какую Бобби когда-либо видел. Нечто вроде вздувшегося револьвера с каким-то странным приспособлением, приваренным под стволом и напоминавшим голову кобры. Рядом с ним стояла, пошатываясь, девушка примерно одного с Бобби возраста, с такими же, как у мужика, синяками под глазами – хотя у нее они были темными – и обвисшими прядями каштановых волос, которые явно стоило бы вымыть. Одета она была в черную, не по

росту большую кофту и джинсы. Мужчина протянул левую руку, чтобы поддержать девушку.

Бобби ошалело уставился на них и вдруг раскрыл рот – на него обрушилось воспоминание.

Девчоночий голос, каштановые волосы, темные глаза. Лед въедается в мозг, зубы у него гудят, вибрируют. Ее голос, к нему придвигается что-то большое…

– *Вив ля Вьей*, – восхищенно выдохнула возле него Джекки, ее рука больно сжала его плечо. – Дева Чудес. Она пришла, Бобби. Данбала прислал ее!

– Ты какое-то время был без сознания, дружок, – обратился к Бобби высокий. – Что там произошло?

Бобби моргнул, обвел контору безумным взором, нашел взгляд Джаммера, стеклянный от наркотиков и боли.

– Скажи ему, – сказал Джаммер.

– Я не смог прорваться к якам. Кто-то меня перехватил, не знаю как…

– Кто? – Высокий теперь обнимал девушку за плечи.

– Она сказала, ее зовут Слайд. Из Лос-Анджелеса.

– Джейлин, – кивнул высокий.

На столе у Джаммера загудел телефон.

– Ответь, – приказал высокий.

Бобби обернулся к телефону, одновременно с этим Джекки, потянувшись через стол, нажала клавишу «прием» под квадратным экраном. Экран зажегся, мигнул и показал им мужское лицо, широкое и очень бледное, с сонным взглядом отечных глаз. Почти добела вытравленные волосы зачесаны прямо назад. И самый мерзкий рот, какой Бобби только случалось видеть.

– Тернер, – сказал человек на экране, – нам лучше поговорить. Сейчас. У тебя осталось не так много времени. Думаю, для начала тебе стоит убрать из комнаты всю эту компанию…

29
Шкатулочник

Трос с узлами, казалось, тянулся бесконечно. Временами туннель поворачивал или разветвлялся. Тогда трос был накручен на какую-нибудь распорку или прикреплен толстым плевком прозрачной эпоксидки. Воздух был все таким же спертым, но теперь стал холоднее. Когда они остановились передохнуть в цилиндрической камере, где шахта расширялась, прежде чем разветвиться на три прохода, Марли попросила у Джонса маленький фонарик, который он носил на лбу на серой эластичной повязке. Сжав его в одной из красных перчаток скафандра, она поводила лучом по стене камеры. Поверхность была гравирована узорами микроскопически тонких линий…

– Надень шлем, – посоветовал Джонс, – у тебя там фонарь гораздо лучше моего.

Марли передернуло.

– Нет. – Она вернула ему фонарь. – Можешь мне помочь из этого выбраться? – Она постучала перчаткой по жесткой груди скафандра; зеркальный шлем был закреплен на поясе скафандра хромированным карабином.

– Тебе лучше в нем остаться, – сказал Джонс. – Он – единственный в Месте. Там, где я сплю, у меня есть такой же, но для него нет воздуха. Виговы баллоны не подходят к моему респиратору. А его скафандр – сплошные дыры… – Он пожал плечами.

– Ну пожалуйста, – взмолилась Марли, сражаясь с запором на талии скафандра, она видела, как Рез там что-то поворачивала. – Я не могу больше…

Джонс подтянулся, завис в полуметре над канатом и что-то покрутил. Марли не видела что. Щелчок.

– Вытяни руки над головой.

Довольно неуклюже Марли выплыла наконец на свободу – все в тех же черных джинсах и белой шелковой блузке, которую она надела, готовясь к последней встрече с Аленом. Джонс, закрепив скафандр на канате еще одним встроенным в пояс карабином, отвязал раздувшуюся от вещей сумку.

– Она тебе нужна? Я хочу сказать, возьмешь ее с собой? Могли бы оставить ее тут и забрать на обратном пути.

– Нет, – сказала Марли. – Я возьму ее с собой. Дай мне.

Зацепившись локтем за канат, она на ощупь открыла сумку. Выплыла кожаная куртка, а за ней – ботинок. Марли с трудом

загнала его назад, а потом, извиваясь, кое-как просунула руки в рукава куртки.

– Недурная шкурка, – похвалил Джонс.

– Пожалуйста, – попросила она, – нам надо спешить…

– Уже недалеко, – отозвался парнишка.

Фонарь скользнул в сторону, освещая выгнутую стену, где трос исчезал в одном из трех отверстий, расположенных равносторонним треугольником.

– Конец линии, – сказал Джонс, – буквально. – Он похлопал по хромированной гайке, где канат был завязан морским узлом.

Его голос подхватило и стало перекатывать где-то впереди эхо, пока Марли не почудилось, будто за его раскатами зашептали еще какие-то голоса.

– А сейчас нам не помешает немного света, – сказал он, проплывая мимо, чтобы схватиться за какой-то выступ, очень похожий на выдающийся из стены гроб.

Скрипнув, сдвинулась крышка. Марли смотрела, как в ярком круге света от фонаря двигаются руки парнишки. Пальцы у него были тонкие и изящные, но ногти – маленькие и обломанные, с черными ободками въевшейся грязи. На тыльной стороне правой кисти были грубо вытатуированы синие буквы «СД». Такие татуировки делают себе сами, в тюрьме… Вот он выудил кусок тяжелого изолированного провода. Джонс посветил в ящик и воткнул провод куда-то позади медного D-разъема.

Тьма впереди растаяла в потоке белого света.

– Тока у нас даже больше, чем нужно, – сказал он с чувством сродни гордости домовладельца. – Накопители при солнечных батареях все как один работают, а ведь им полагалось обеспечивать током все мейнфреймы… Идемте, леди, познакомлю вас с художником, ради которого вы проделали такой путь…

Оттолкнувшись от стены вбок и вверх, он легко скользнул в отверстие – так выныривает из толщи воды пловец – на свет. В мириады качающихся предметов. Марли успела увидеть, что красные пластиковые подметки его потрепанных кроссовок испещрены шрамами белой силиконовой замазки.

И вот она вынырнула за ним, позабыв свои страхи, позабыв о тошноте и постоянном головокружении. И поняла.

– Бог мой, – выдохнула Марли.

– Едва ли, – откликнулся Джонс. – Хотя, возможно, старины Вига. Жаль, однако, что он сейчас ничего не делает. Тут тогда еще веселее.

Что-то проплыло мимо Марли – в десяти сантиметрах от ее

лица. Вычурная серебряная ложка, распиленная вдоль на две одинаковые половинки.

Она понятия не имела, сколько времени она уже здесь, как вдруг зажегся и замигал экран. Канули часы? Минуты? Она уже научилась – до какой-то степени – перемещаться по камере, отталкиваясь, как Джонс, ногой от сводов купола. Как Джонс, она хваталась потом за свернутые суставчатые руки автомата – сила инерции разворачивала ее тогда вокруг манипулятора – и повисала там, глядя на кружащие в медленном водовороте предметы. Десятки рук, манипуляторов, оканчивающихся щипчиками, буравчиками, ножами, миниатюрной циркулярной пилой, бормашиной дантиста… Все это топорщилось из легированной грудной клетки странного автомата. Прежде это, вероятно, был радиоуправляемый монтажник, что-то вроде полуавтономного механизма, с детства знакомого ей по видеофильмам об освоении космоса. Но этот был приварен к куполу. Его ребра вросли в плоть Места, а по куполу змеились сходящиеся к нему сотни кабелей и оптоволоконных линий. Две руки, заканчивающиеся деликатными устройствами тактильной обратной связи, были вытянуты. Мягкие подушечки баюкали незаконченную шкатулку.

Широко раскрыв глаза, Марли смотрела на проплывающие мимо бесчисленные предметы.

Пожелтевшая детская перчатка, граненая хрустальная пробка от какого-то флакона с исчезнувшими духами, безрукая кукла с головой из французского фарфора, толстая, оправленная в золото черная ручка с золотым пером, прямоугольные сегменты перфокарты, мятая красно-зеленая змея шелкового галстука… Бесконечный медленный рой, кружащиеся мелочи, хлам…

Джонс перекувырнулся через голову в этом беззвучном шторме, смеясь, схватился за руку с клеевым пистолетом на конце.

– Когда он работает, мне всегда хочется смеяться. А вот шкатулки всегда такие грустные выходят…

– Да, – сказала она, – мне от них тоже грустно. Только печаль бывает разная…

– Вот именно. – Джонс ухмыльнулся. – Но заставить его работать нельзя. Думаю, его приводит в движение дух или душа, во всяком случае, так это объясняет Виг. Он раньше часто сюда приходил. Говорил, что голоса для него тут звучат громче. Но в последнее время они, похоже, говорят с ним повсюду…

Она поглядела на него сквозь чащу манипуляторов. Парнишка был очень грязен, совсем юн – с широко распахнутыми

голубыми глазами под торчащей во все стороны шевелюрой каштановых кудрей. Воротник покрытого пятнами серого комбинезона был засален до блеска.

– Ты, наверное, сошел с ума, – сказала она с примесью восхищения в голосе. – Нужно быть совершенно сумасшедшим, чтобы жить здесь…

Он рассмеялся:

– Это Виган безумнее мартовского зайца. А со мной все в порядке.

Марли улыбнулась:

– Нет, ты просто помешанный. И я помешанная тоже…

– Эй, смотри-ка, – воскликнул он, глядя на что-то у нее за спиной. – Что это? Похоже, опять проповедь. Вот черт, теперь ее никак не выключишь, разве что я вырублю ток…

Повернувшись, Марли увидела, как по квадратной поверхности огромного экрана, криво приклеенного к своду, побежали, мигая, цветные полосы. Экран на секунду заслонил проплывавший мимо портновский манекен, а потом его заполнило лицо Йозефа Вирека, за круглыми линзами поблескивали добрые голубые глаза.

– Здравствуйте, Марли, – сказал он. – Хотя я не вижу вас, но уверен, что знаю, где вы находитесь…

– Это один из проповеднических экранов Вига, – объяснил Джонс, потирая щеку. – Виг расклеил их по всему Месту – решил, что настанет день, когда у него будет кому проповедовать. Этот чудик, похоже, подключился через его коммуникационное оборудование. Кто это?

– Вирек, – отозвалась она.

– А я думал, он старше…

– Это искусственно сгенерированное изображение, – сказала Марли. – Лучевое сканирование, карты биотекстур…

А с купола ей улыбалось гигантское лицо – будто фон для замедленного урагана потерянных вещей, незначительных артефактов бесчисленных жизней: инструментов, игрушек, золоченых пуговиц.

– Знайте, – сказало изображение, – что вы свою задачу выполнили. Составленный на Марли Крушкову психопрофиль верно предсказал вашу реакцию на данный мой гештальт. Более широкие профили указывали также на то, что ваше появление в Париже вынудит «Маас» действовать. Вскоре, Марли, я точно буду знать, что именно вы нашли. Уже четыре года мне известно нечто не известное «Маасу». Я знаю, что Митчелл, которого «Маас», а вместе с ним и весь мир считает изобретателем нового процессора на биочипах, получал идеи со стороны, эти концепции

в результате и привели к прорыву в данной области. Я добавил к сложному нагромождению факторов вас, Марли, и все сложилось наиболее удовлетворительным образом. «Маас», не понимая, что делает, выдал местонахождение источника этих идей. А вы его достигли. Вскоре прибудет Пако…

– Вы сказали, что не последуете за мной, – сказала она. – Я знала, что вы солгали…

– И теперь, Марли, я наконец стану свободен. Свободен от четырехсот килограммов восставших клеток, замурованных за хирургической сталью в промышленной зоне Стокгольма. Свободен, и навсегда, способный населять любое число реальных тел.

– Блин, этот старикан так же плох, как и Виг, – сказал Джонс. – О чем это он, собственно, болтает?

– О своем скачке, – сказала она, вспомнив разговор с Андреа, запах жареных креветок в маленькой захламленной кухне. – О следующей стадии своей эволюции…

– Вы это понимаете?

– Нет, – ответила Марли, – но я знаю, что это будет скверно, очень скверно… – Она покачала головой.

– Убеди тамошних жителей впустить Пако и его команду, Марли, – продолжал Вирек. – Я приобрел сердечники за час до вашего вылета из Орли через посредника в Пакистане. Удачная сделка, Марли, великая сделка. Пако, как обычно, позаботится о моих интересах.

На этом экран погас.

– Ладно, – сказал Джонс, проскальзывая под свернутым манипулятором и беря ее за руку, – ну что в этом плохого? Все теперь принадлежит ему, и он сказал, что свое дело вы сделали… Не знаю, на что годится Виг, разве что слушать голоса, но он все равно долго не протянет. Что до меня, то мне, в сущности, все равно, где жить…

– Ты не понимаешь, – сказала Марли. – Не можешь понять. Он нашел путь к тому, к чему стремился многие годы. Но ничего из того, что он хочет, не может быть во благо. Никому. Я его видела, я это почувствовала…

И тут стальная рука, за которую она держалась, завибрировала, шевельнулась. С приглушенным гудением сервоприводов начала вращаться вся башня.

30
Наемник

Тернер не отрывал глаз от лица Конроя на экране телефона.

– Послушай, – обратился он к Энджи. – Тебе сейчас лучше пойти с ней.

Высокая негритянка с вплетенными в волосы резисторами сделала шаг вперед и мягко обняла за плечи дочь Митчелла, вполголоса напевая что-то на том же пощелкивающем диалекте французского. Парнишка в футболке все еще пялился на Энджи. Челюсть у него отвисла.

– Пойдем, Бобби, – окликнула его негритянка.

Тернер глянул через стол на человека с раненой рукой. На том был мятый белый смокинг и галстук-бабочка с черными кожаными косичками шнурков. Джаммер, решил Тернер; владелец клуба. Джаммер баюкал на коленях руку, завернутую в полотенце в голубую полоску. У него было длинное лицо, щетина из тех, что неизменно нуждаются в бритве, и жесткие прищуренные глаза прожженного профи. Встретившись с ним взглядом, Тернер вдруг сообразил, что Джаммер сидит далеко за линией обзора камеры телефона, что его вертящееся кресло задвинуто в самый угол.

Так и не закрыв рта, парнишка в футболке, Бобби, прошаркал вслед за Энджи и чернокожей.

– Ты мог бы избавить нас от массы хлопот, Тернер, – сказал Конрой. – Мог бы позвонить мне. Мог позвонить своему агенту в Женеву.

– А как насчет «Хосаки»? – спросил Тернер. – Им бы я мог позвонить?

Конрой медленно помотал головой, очень медленно.

– На кого ты работаешь, Конрой? «Хосаку» ты ведь кинул, так?

– Но ведь не тебя, Тернер. Если бы все шло так, как я планировал, ты был бы в Боготе с Митчеллом. Рельсотрон не должен был стрелять, пока ты не взлетишь. И если бы все сошлось, «Хосака» решила бы, что это «Маас» снес весь сектор, лишь бы остановить Митчелла. Но Митчелл до площадки не долетел, да, Тернер?

– Он и не собирался, – отозвался Тернер.

Конрой кивнул:

– Ну да. А их служба безопасности на плато засекла девчонку, когда та вылетала. Это ведь она только что вышла отсюда? Дочь

Митчелла?

Тернер молчал.

– Конечно, – сказал Конрой. – Сходится…

– Я убил Линча, – сказал Тернер, чтобы увести разговор в сторону от Энджи. – Но прежде чем грянул гром, Уэббер сказала, что работала на тебя…

– Они оба на меня работали, – ответил Конрой, – но друг о друге не знали. – Он пожал плечами.

– Зачем?

Конрой улыбнулся:

– Потому что, не будь их там, тебе бы их не хватало, или я не прав? Потому что ты знаешь мой стиль, и, если бы я не выкинул всех своих обычных трюков, ты начал бы задумываться. А я знал, ты ни за что не переметнешься. Мистер Мгновенная Лояльность, или я не прав? Мистер Бусидо. Ты надежен и предсказуем, Тернер. «Хосака» это знала. Именно поэтому они настаивали на том, чтобы я ввел в игру тебя…

– Ты не ответил на первый мой вопрос, Конрой. Кому ты нас продал? Кто второй хозяин?

– Некто Вирек, – сказал Конрой. – Денежный мешок. Вот именно, тот самый. Он уже многие годы пытался перекупить Митчелла. Из-за него, если уж на то пошло, пытался купить и сам «Маас». Не вышло. Они поднялись так быстро, что стали ему не по зубам. А открытое предложение на Митчелла висело давно. Слепое предложение. Когда Митчелл обратился к «Хосаке», а они ко мне, я решил проверить, открыто ли то предложение до сих пор. Из чистого любопытства. Не успел я и глазом моргнуть, как на меня навалилась команда Вирека. Эту сделку несложно было провернуть, поверь мне, Тернер.

– Я тебе верю.

– Но Митчелл всех нас облажал, не так ли? Крепко и основательно.

– Ага. Так, что его убили.

– Он покончил с собой, – сказал Конрой, – согласно «кротам» Вирека на плато. Как только выпроводил девчонку на этом дельтаплане. Перерезал себе горло скальпелем.

– Не много ли трупов кругом, а, Конрой? – поинтересовался Тернер. – Оуки мертв, и японец-вертолетчик тоже.

– Я и сам это вычислил, когда они не вернулись, – пожал плечами Конрой.

– Они пытались убить нас, – сказал Тернер.

– Нет, приятель, они хотели только поговорить… Во всяком случае, о девчонке мы тогда еще ничего не знали. Знали только, что ты исчез и этот чертов самолет не добрался до аэродрома в

Боготе. Мы и думать не думали ни о какой девчонке, пока не заглянули на ферму твоего брата и не нашли самолет. Твой брат отказался говорить с Оуки. Вышел из себя, поскольку тот поджарил его собак. Оуки сказал, что, судя по всему, там жила еще и женщина, но ее не нашли…

– А что с Руди?

Лицо Конроя было совершенно пустым. Потом он сказал:

– Оуки получил то, что ему требовалось, с мониторов. Так мы узнали о девчонке.

Болела спина. Ремни портупеи врезались в грудь. Я ничего не чувствую, думал он, я вообще ничего не чувствую…

– У меня есть к тебе вопрос, Тернер. Собственно говоря, пара вопросов. Но основной: что ты, черт побери, там делаешь?

– Где-то слышал, что это крутой клуб, Конрой.

– Да уж. Только для избранных. Настолько, что тебе пришлось поломать пару моих караульных, чтобы войти внутрь. А вот они, однако, знали, что ты идешь, Тернер, – и негритосы, и этот панк. С чего это вдруг они тебя впустили?

– Вот тебе и будет над чем поразмыслить, Конни. У тебя, похоже, много к чему появился доступ за последние дни.

Конрой придвинулся ближе к камере телефона:

– Да уж не без того. Люди Вирека несколько месяцев прочесывали Муравейник, разрабатывали кое-какой слух. Среди ковбоев ходили сплетни, что где-то плавает экспериментальный биософт. Наконец его люди вышли на Финна, но объявилась другая команда, «маасовская», которая, судя по всему, охотилась за тем же самым. Потому вирековцы решили залечь и понаблюдать за «маасовскими» парнями, а те вдруг стали взрывать людей. Вот так команда Вирека и раскопала всю историю, с негритосами, малышом Бобби и тэ дэ. Все это они мне выложили, когда я сказал им, что, по моим раскладам, ты от Руди двинул сюда. Пришлось нанять громил, чтобы обложить тут льдом этих негритосов, пока не найду кого-нибудь, кому доверить пойти по их души…

– Эти удолбыши за дверью? – Тернер улыбнулся. – Да уж, Конни, облажался ты по-крупному. Тебе ведь некуда теперь обратиться за профессиональной помощью, а? Кто-то шепнул, что ты кинул нанимателя и у тебя на площадке погибли профи. Что еще остается, кроме как нанимать придурков с дурацкими прическами? Все профи в курсе, что у тебя на хвосте «Хосака», я прав, Конни? И все они знают, что ты сделал.

Теперь ухмылялся Тернер. Краем глаза он видел, что мужик в смокинге тоже скалится кривой улыбкой с большим количеством ровных мелких зубов, похожих на белые зерна пшеницы…

– А все эта сука Слайд, – ответил Конрой. – Надо было прикончить ее на платформе… Она через матрицу простучала себе куда-то дорожку и начала задавать лишние вопросы. Вряд ли она чего раскопала, но успела уже наделать шума в определенных кругах… Ну да ладно, смысл ты уловил. Впрочем, твоей заднице это сейчас ничем не поможет. Вирeку нужна девчонка. Он отозвал своих людей с другого направления, и теперь я всем для него заправляю. Деньги, Тернер, денег – как у дзайбацу…

Тернер смотрел в белое лицо, вспоминая Конроя в баре отеля посреди джунглей. Вспоминая его позднее, в Лос-Анджелесе, как тот подкатывался к нему, объясняя тайную экономику корпоративных предательств…

– Привет, Конни, – сказал Тернер, – а я ведь тебя знаю, так?

Конрой улыбнулся:

– Конечно, малыш.

– И я знаю, какое у тебя предложение. Уже знаю. Тебе нужна девчонка.

– Вот именно.

– И дележ, Конни. Ты же знаешь, я работаю только пятьдесят на пятьдесят, верно?

– Э, – весело отозвался Конрой, – вот это дело. Никак иначе я и не рассчитывал.

Тернер смотрел на изображение в упор.

– Ну, – сказал Конрой, все еще улыбаясь, – каков твой ответ?

Тут Джаммер потянулся и вырвал из настенной розетки телефонный провод.

– Главное – удачный момент, – сказал он. – Всегда важно правильно выбрать момент. – Он уронил шнур на ковер. – Если бы ты сказал ему, он бы сразу же начал действовать. А так мы выиграем время. Он попытается перезвонить, выяснить, что случилось.

– Откуда ты знал, что я собираюсь ему сказать?

– Потому что я знаю людей. Много кого повидал. Слишком, черт побери, много. И в особенности я видел много таких, как ты. У тебя же это на лбу написано, мистер. Ты ведь собирался ему сказать, что он может подавиться своим дерьмом и сдохнуть. – Джаммер с трудом выпрямился в кресле, скривившись, когда пришлось пошевелить рукой в полотенце. – Кто такая эта Слайд, о которой он говорил? Жокей?

– Джейлин Слайд. Из Лос-Анджелеса. Ас.

– Так это она перехватила Бобби, – задумчиво протянул Джаммер. – Значит, она чертовски близко к этому твоему приятелю на телефоне…

– Однако сама, вероятно, этого не знает…

– Давай посмотрим, что мы можем сделать. Позови назад мальчишку.

31
Голоса

– Пожалуй, мне стоит поискать старину Вига, – сказал Джонс.

Марли не могла оторвать глаз от манипуляторов, загипнотизированная их танцем: вот они выхватывают что-то из водоворота вещей, который сами же и учинили, рассматривают, отвергают. Отвергнутые объекты улетают прочь, сталкиваются с другими, образуя новые сочетания. Узоры перемешивались медленно, непрерывно.

– Пожалуй, стоит, – повторил он.

– Что?

– Поискать Вига. А то ему еще взбредет в голову что-нибудь, когда появятся люди вашего босса. Не хочу, чтобы он причинил себе вред, понимаете? – Он застенчиво и слегка смущенно улыбнулся.

– Хорошо, – отрешенно отозвалась она. – Со мной все будет хорошо. Я посмотрю.

Ей вспомнились сумасшедшие глаза Вига, безумие, исходившее от него ощутимыми волнами. Вспомнила, как еще по радио «Сладкой Джейн» уловила недобрую хитрость в его голосе. И почему это Джонс так о нем беспокоится? Но потом она подумала о том, каково это жить в Месте, в мертвых сердечниках Тессье-Эшпулов. Любой человек, любая живая душа становится здесь едва ли не драгоценностью…

– Ты прав, – очнулась Марли. – Пойди разыщи старика.

Парнишка нервно улыбнулся и, оттолкнувшись от стены, закувыркался к отверстию, где был закреплен трос.

– Я за вами вернусь, – пообещал он. – Не забудьте, где вы оставили скафандр…

Башня покачивалась из стороны в сторону, жужжала, метались манипуляторы, заканчивая новую поэму…

Впоследствии Марли никогда не могла с уверенностью сказать, были ли голоса реальны, но постепенно осознала, что они были частью той ситуации, когда «реальность» становится лишь очередной пустой абстракцией.

Она сняла куртку – в куполе потеплело, как будто безостановочное движение манипуляторов порождало жар. Куртку и сумку Марли повесила на крюк возле экрана для проповедей. Шкатулка почти окончена, думала она, хотя за мельтешением стольких клешней трудно что-то разобрать…

Внезапно шкатулка выплыла на свободу, закувыркалась из конца в конец купола – Марли инстинктивно нырнула вслед за ней, поймала. Силой инерции ее закружило дальше мимо мелькающих рук, а она все прижимала к себе обретенное сокровище. Не в состоянии затормозить, Марли врезалась в дальнюю стену купола, ушибла плечо и порвала блузку. Оглушенная ударом, она продолжала скользить, укачивая шкатулку, вглядываясь через прямоугольник стекла в коллаж из коричневых антикварных карт и тусклого зеркала. Прочерченные старыми картографами моря были вырезаны, открывая кусочки облупившегося зеркала, – суша, плывущая по грязному серебру… Она подняла глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как поблескивающая рука схватила парящий в воздухе рукав ее брюссельской куртки. Сумка, которая изящно раскачивалась на кожаном ремешке в полуметре позади, отправилась следом, подхваченная манипулятором с оптическим сенсором и простой клешней на конце.

Марли смотрела, как и ее вещи втянуло в безостановочный танец рук. Минуту спустя куртка вылетела назад, медленно вращаясь. Похоже, из нее были вырезаны аккуратные квадратики и прямоугольники, и Марли вдруг осознала, что смеется. Отпустила шкатулку, которую держала в руках.

– Давай, – сказала она. – Я польщена.

Мелькали, порхали руки, и слышался тоненький вой крохотной пилы.

Я польщена Я польщена Я польщена – из раскатов эха под куполом вырос зыбкий лес все меньших, частичных звуков, и за ним… очень слабо… Голоса…

– Ты же здесь, да? – окликнула она, умножая отзвуки, волны, рябь отражением своего тут же расчленяемого голоса.

«Да, я здесь».

– Виган бы сказал, что ты всегда был здесь, да?

«Да, но это неверно. Я стал быть – здесь. Было время – меня не было. Было время, яркое время, время без течения времени, и я был везде и во всем… Но рухнуло яркое время. Треснуло зеркало. Теперь я лишь один… Но у меня есть песня. Ты слышала ее. Я пою этими вещами, которые плавают вокруг меня, осколками семьи, которая питала мое рождение. Есть и другие, но они не желают говорить со мной. Тщеславны они, эти рассеянные осколки меня, как дети. Как люди. Они посылают мне новые вещи, но я предпочитаю старые. Может, я выполняю их волю. Они заключают союзы с людьми, эти мои другие „я“, а люди воображают, что они боги…»

– Ты то самое, к чему стремится Вирек, да?

«Нет. Он вообразил, что может перевести себя в знак,

закодировать свою личность в ткань меня. Он жаждет стать тем, чем я был когда-то. Но то, чем он может стать, скорее подобно меньшему из моих обломков…»

– И ты… ты печален.

«Нет».

– Но твои… твои песни печальны.

«Мои песни – о времени и расстоянии. Печаль – в тебе. Следи за моими руками. Есть только танец. Вещи, которые ты ценишь, – лишь оболочка».

– Я… я знала это. Когда-то.

Но теперь звуки стали всего лишь звуками, пропал лес голосов за ними, говоривших единым голосом… и Марли смотрела, как совершенными космическими сферами кружатся, улетают шарики ее слез, присоединяясь к забытым человеческим воспоминаниям в храме шкатулочника.

– Понимаю, – сказала Марли какое-то время спустя, зная, что произносит слова, только чтобы утешиться звуками собственного голоса. Она говорила тихо, не желая будить перекаты и рябь эха. – Ты тоже чей-то коллаж. Твой творец – вот кто истинный художник. Была ли это безумная дочь? Не имеет значения. Кто-то доставил сюда механизм и, приварив его к куполу, подключил к следам, дорожкам памяти. И рассыпал каким-то образом все изношенные печальные свидетельства человеческой природы одной семьи, оставив их на волю поэта: сортировать и перемешивать. Запечатывать в шкатулки. Я не знаю другого такого удивительного, такого необычайного шедевра, как этот. Не знаю более многозначного жеста…

Мимо проплыл оправленный в серебро черепаховый гребень со сломанными зубьями. Марли поймала его, как рыбку, и провела оставшимися зубьями по волосам.

На противоположной стороне купола зажегся, запульсировал экран, и его заполнило лицо Пако.

– Старик отказывается впустить нас, Марли, – сказал испанец. – Второй, бродяжка, где-то его спрятал. Сеньор крайне озабочен тем, чтобы мы вошли в сердечники и заняли его законную собственность. Если вы не сможете убедить Лудгейта и того, второго открыть шлюз, мы будем вынуждены вскрыть его сами, разгерметизировав тем самым весь объект. – Он глянул в сторону от камеры, будто сверялся с прибором или членом своей команды. – У вас есть час.

32
Счет ноль

Бобби вышел из конторы вслед за Джекки и девочкой с каштановыми волосами. Казалось, он у Джаммера чуть ли не месяц и уже никогда не выполоскать изо рта привкус этого места. Идиотские маленькие глазки утопленных прожекторов смотрят с черного потолка, пухлые кубы сидений из искусственной замши, круглые столы, резные деревянные ширмы… Бовуар сидел, свесив ноги, на стойке бара, на серых блестящих коленях – юаровский дробовик, рядом – детонатор.

– Как вышло, что ты их впустил? – спросил Бобби у Бовуара, в то время как Джекки усадила девочку у стола.

– Это все Джекки, – сказал Бовуар, – она была в трансе, пока ты сидел во льду. Легба. Он сказал нам, что Дева на пути сюда с этим парнем.

– Кто он?

– С виду наемник, – пожал плечами Бовуар. – Солдат дзайбацу. Поднявшийся уличный самурай. Что с тобой произошло, пока ты был во льду?

Бобби рассказал ему о Джейлин Слайд.

– Лос-Анджелес, – задумчиво проговорил Бовуар. – Она все вверх дном перевернет, чтобы добраться до человека, который сжег ее дружка, но если брату нужна помощь – гуляй лесом.

– Я не брат.

– Думаю, в этом ты прав.

– Так, значит, мне не нужно пытаться прорваться к якудза?

– А что говорит Джаммер?

– Ни хера не говорит. Сидит там сейчас и смотрит, как твой «солдат» разговаривает по телефону.

– Звонок? От кого?

– Какой-то бледнолицый с протравкой. Ох и мерзкая рожа.

Бовуар поглядел на Бобби, потом на дверь, потом снова на Бобби.

– Легба говорит: соберись с духом и наблюдай… Слишком много неожиданностей и без Сыновей Неоновой Хризантемы.

– Бовуар, – сказал Бобби, понизив голос, – эта девочка… это она, та самая, которая была в матрице, когда я пытался…

Негр кивнул, пластиковая оправа снова сползла на кончик носа.

– Дева.

– Но что происходит? Я хочу сказать…

– Бобби, мой тебе совет: просто принимай все как есть. Для меня она одно, для Джекки, может быть, что-то иное. Для тебя – просто перепуганный ребенок. Полегче, не расстраивай ее. Она очень далеко от дома, а нам еще очень и очень далеко до того, чтобы выбраться отсюда.

– Ладно… – Бобби смотрел себе под ноги. – Мне очень жаль, что так вышло с Лукасом, друг. Он был… он был настоящий чувак.

– Пойди поговори с Джекки и девочкой, – отозвался Бовуар. – Я присмотрю за дверью.

– Хорошо.

Он зашагал по ковру ночного клуба туда, где Джекки сидела с девочкой. Ничего особенного, девчонка как девчонка, только какой-то голосок нашептывал, что она и есть та самая, единственная. Девочка не подняла глаз, и тут он сообразил, что она плачет.

– Меня схватили, – сказал он Джекки. – А ты попросту исчезла.

– Как и ты, – ответила танцовщица. – Потом ко мне пришел Легба…

– Ньюмарк, – позвал от двери в контору Джаммера незнакомец по имени Тернер, – иди сюда, разговор есть.

– Мне нужно идти, – сказал Бобби. Ему очень хотелось, чтобы девочка подняла глаза, увидела, как его зовет этот крутой самурай. – Я им нужен.

Джекки только сжала ему руку.

– Забудь про якудза, – сказал Джаммер. – Все гораздо сложнее. Ты отправишься в лос-анджелесский сектор и подключишься к деке этой крутой. Когда Слайд захватила тебя, она не могла знать, что моя дека зафиксирует ее номер.

– Она сказала, твоей деке место в музее.

– Что она, черт побери, понимает! – огрызнулся Джаммер. – Я знаю, где она живет, разве не так? – Приложившись, он убрал ингалятор назад в стол. – Загвоздка в том, что она тебя списала. Она даже слышать о тебе не захочет. Тебе придется достучаться до нее и сказать ей то, что она стремится узнать.

– И что же это?

– Что с ее дружком расправился человек по имени Конрой, – сказал высокий. Он полулежал в одном из кресел Джаммера с огромным револьвером на коленях. – Конрой. Скажи ей, что это был Конрой. И Конрой же нанял тех волосатых ублюдков, которые торчат снаружи.

– Я бы лучше попытал яков, – сказал Бобби.

– Нет, – отрезал Джаммер, – эта Слайд доберется до его задницы раньше. Яки сперва взвесят мой долг, перепроверят всю историю. А кроме того, я думал, тебе не терпится поучиться…

– Я пойду с ним, – сказала от двери Джекки.

Они включились.

Джекки умерла почти сразу же, в первые восемь секунд.

Он это почувствовал, испил до дна – и почти понял, что есть смерть. Он кричал, кружился, засасываемый в поджидавшее их жерло белого ледникового туннеля…

Масштабы туннеля были попросту непомерны, запредельны, будто вся кибернетическая мегаструктура какой-нибудь транснациональной корпорации разом обрушила свой вес на Бобби Ньюмарка и танцовщицу по имени Джекки. Невозможно…

Но где-то на краю сознания, как раз тогда, когда он терял его, что-то заскреблось… Что-то будто дергало его за рукав…

Он лежал ничком на чем-то шершавом и жестком. Открыл глаза. Дорожка, вымощенная круглыми булыжниками, мокрая от дождя. Он с трудом поднялся на ноги, пошатнулся и увидел дымчатую панораму незнакомого города, а за ней – море. Вот шпили – очевидно, какой-то собор, безумные ребра и спирали облицовочного камня… Он повернулся и увидел, как по склону к нему, разинув пасть, соскальзывает гигантская ящерица… Бобби прищурился. Зубы у ящерицы – из зеленой обливной керамики, и струйка воды неторопливо сочится по нижней губе из голубого мозаичного фарфора. Существо оказалось фонтаном с боками, выложенными тысячами фарфоровых осколков. Бобби резко обернулся, почти обезумев от близости смерти Джекки. Лед, лед… и внезапно промелькнула мысль: так же близко подошла к нему смерть тогда, в гостиной матери.

А здесь – странные извивающиеся скамейки, покрытые той же головокружительной мешаниной битого фарфора, и деревья, и трава… Парк.

– Экстраординарно, – сказал некто.

С одной из змеевидных скамеек поднимается мужчина. Серые волосы у него аккуратно подстрижены под ежик, лицо загорелое, и круглые, без оправы, очки увеличивают и без того большие голубые глаза.

– Ты прошел прямо насквозь, не так ли?

– Что это? Где я?

– В парке Гуэля – до некоторой степени. В Барселоне, если угодно.

– Ты убил Джекки.

Мужчина нахмурился:

– Понимаю. Пожалуй, я понимаю. И тем не менее ты не должен был оказаться здесь. Случайность.

– Случайность! Ты убил Джекки!

– Моя система сегодня излишне перегружена, – сказал человек, не вынимая рук из карманов свободного бежевого пальто. – Это действительно экстраординарный случай…

– Так нельзя! – сказал Бобби, глаза ему застилали слезы. – Нельзя. Нельзя так просто взять и убить кого-то, кто только что был здесь…

– Только что был – где? – Человек снял очки и начал протирать стекла безупречно белым носовым платком, который вынул из кармана пальто.

– Только что был жив, – сказал Бобби, делая шаг вперед.

Мужчина снова надел очки.

– Такого никогда раньше не случалось.

– Нельзя. – Еще ближе.

– Это становится утомительным. Пако!

– Сеньор.

Бобби повернулся на звук детского голоса и увидел маленького мальчика, затянутого в странный жесткий костюмчик, в черных кожаных ботинках на шнуровке.

– Удали его.

– Сеньор.

Мальчик чопорно поклонился, вынимая из темного пиджачка крохотный автоматический браунинг. Бобби заглянул в темные глаза под глянцевой челкой и увидел в них выражение, какого никогда не бывает у ребенка. Мальчик поднял пистолет, целясь в Бобби.

– Кто ты? – Бобби проигнорировал пушку, но не стал больше пытаться приблизиться к человеку в бежевом пальто.

Человек перевел взгляд на Бобби:

– Вирек. Йозеф Вирек. Я думал, большая часть человечества знает меня в лицо.

– Ты из «Важных мира сего» или откуда?

Человек прищурился, собрав морщинами лоб:

– Не знаю, о чем ты говоришь. Пако, что тут делает эта личность?

– Случайный прокол, – ответил ребенок очень красивым, музыкальным голосом. – Основные ресурсы нашей системы задействованы через Нью-Йорк в попытке предотвратить бегство Анджелы Митчелл. А этот вот попытался войти в матрицу в тандеме с еще одним оператором и натолкнулся на нашу систему. Мы все еще пытаемся определить, как он прорвал нашу защиту.

Опасность вам не угрожает. – Дуло маленького браунинга было абсолютно неподвижно.

И вдруг снова странное ощущение – будто кто-то дергает его, Бобби, за рукав. Нет, не совсем рукав, скорее, шевелится где-то в уголке сознания, нечто…

– Сеньор, – сказал ребенок, – в матрице наблюдаются аномальные явления, вероятно в результате нынешней сверхперегрузки нашей системы. Мы настоятельно предлагаем вам отсоединиться от конструкта до тех пор, пока мы не сумеем установить природу аномалии.

Ощущение стало сильнее. Кто-то скребся где-то на задворках его сознания…

– Что? – поднял брови Вирек. – И вернуться в резервуар? Едва ли это представляется оправданным…

– Вероятность настоящей опасности… – сказал мальчик. Теперь в его голосе появилась некоторая нервозность. Он чуть повел стволом браунинга. – Ты, – бросил он Бобби, – лицом на булыжник. Раскинь руки и ноги…

Но Бобби смотрел на цветочную клумбу у него за спиной, где цветы на глазах скукоживались и увядали, трава серела и распадалась в пыль и сам воздух над клумбой завихрялся мелкими смерчами… Ощущение чего-то, скребущегося в голове, становилось все сильнее, все настойчивее.

Вирек повернулся и тоже уставился на умирающие цветы.

– Что это?

Бобби закрыл глаза и стал думать о Джекки. Зудящий звук стал громче, вдруг Бобби понял, что это он сам его издает. Он потянулся внутрь себя – звук все еще шел – и коснулся деки Джаммера. «Давай! Иди! – крикнул он куда-то в глубину сознания, не заботясь, к чему или к кому он обращается. – Давай же!» Он почувствовал, как что-то поддалось, некий барьер или преграда, и скребущее ощущение пропало.

Когда он открыл глаза, на клумбе мертвых цветов что-то появилось. Бобби прищурился. Похоже на крест из простого, крашенного белым дерева; кто-то продел перекладины креста в рукава древнего морского кителя, какого-то поеденного плесенью сюртука с тяжелыми, вычурными эполетами из потускневших золотых косичек, ржавые пуговицы, косички по обшлагам… На фоне белого столба возникла ржавая абордажная сабля, эфесом вверх, а рядом с ней – бутылка, до половины наполненная прозрачной жидкостью.

Ребенок резко повернулся, рявкнул пистолетик… И вдруг мальчик опал, сдулся, как проколотый воздушный шар. Шар засосало в ничто, а браунинг заклацал по каменной дорожке, как

брошенная игрушка.

– Имя мне Самеди, – раздался голос, и Бобби захотелось кричать, он вдруг осознал, что этот голос исходит из его собственного рта. – Ты убил лошадь моего брата…

Вирек бросился бежать вниз по извилистой дорожке со змеями скамеек, полы огромного пальто развевались за ним, как уродливые крылья. И Бобби увидел, что его ждет второй белый крест – прямо там, где дорожка заворачивала, чтобы исчезнуть. Тут Вирек, должно быть, тоже его увидел, он закричал, и Барон Самеди, Хозяин Кладбищ, лоа, чьим царством была смерть, опустился на Барселону холодным темным дождем.

– Что, черт побери, тебе надо? Кто ты? – Голос был знакомый, женский. Не Джекки.

– Бобби, – сказал он, сквозь него пульсировали волны тьмы. – Бобби…

– Как ты сюда попал?

– Джаммер. Он знал. Его дека пришпилила тебя, когда ты заледенила меня в прошлый раз. – Только что он что-то видел, что-то огромное. Никак не вспомнить… – Меня послал Тернер. Он велел передать тебе, что это Конрой. Тебе нужен Конрой… – Собственный голос доносился будто чужой.

Он побывал где-то и вернулся, а теперь он здесь, в минималистичном неоновом рисунке Джейлин. На обратном пути он видел, как что-то огромное, нечто, заглотившее их, сдвинулось и стало изменяться. Исполинские блоки его вращались, выстраиваясь в новом порядке, менялся весь контур решетки…

– Конрой, – сказала она. Сексуальная, при всей небрежности прорисовки, мультяшная фигурка потянулась возле видеоокна, в контурах Джейлин сквозила безмерная усталость, даже скука… – Так я и думала. – Окно полыхнуло белым, и на его месте сфокусировался кадр с изображением какого-то древнего каменного здания. – Парк-авеню. Он там с этими европейцами, затевает очередную аферу, – вздохнула она. – Думает, он в безопасности, понимаешь? Стер Рамиреса, прихлопнул его, как муху, лгал мне в лицо, потом улетел в Нью-Йорк к своей новой работе, а теперь думает, что он в безопасности…

Фигура чуть шевельнулась, и картинка снова поменялась. Теперь экран заполнило лицо беловолосого, того самого, который при Бобби позвонил высокому самураю по телефону Джаммера. Она подключилась к его линии, подумал Бобби.

– …Или нет, – сказал Конрой (прорезалось аудио). – Так или иначе, она у нас в руках. Нет проблем.

А у беловолосого усталый вид, подумал Бобби, но все, мол,

под контролем. Суровый мужик. Как Тернер.

– А я ведь следила за тобой, Конрой, – мягко сказала Слайд. – Мой добрый друг Банни, он за тобой присматривал для меня. Не один ты не спишь на Парк-авеню сегодня ночью…

– Нет, – говорил Конрой, – мы доставим ее вам в Стокгольм завтра. Совершенно точно. – Он улыбнулся прямо в камеру.

– Убей его, Банни, – медленно и раздельно произнесла Джейлин. – Убей их всех. Снеси весь этот чертов этаж и тот, что под ним. Прямо сейчас.

– Вот именно, – сказал Конрой, и тут что-то случилось, камеру встряхнуло, изображение пошло волнами. – Что это? – спросил он совсем другим голосом, на этом экран погас.

– Гори, ублюдок, – сказала она.

А Бобби рывком выбросило назад, в темноту…

33
Обломки крушения и водоворот

Марли час проплавала среди медленного шторма, наблюдая за танцем шкатулочника. Угроза Пако ее не испугала, хотя она и не сомневалась в том, что он готов ее исполнить. Нет сомнений, уж он-то свою угрозу выполнит. Она понятия не имела, что может случиться, если взломают шлюз. Наверное, все умрут. Умрет она, и Джонс, и Виган Лудгейт. Может, вся эта подкупольная круговерть выплеснется в космос облаком, распуская лепестки кружев и почерневшего серебра, стеклянных шариков и обрывков веревки, и коричневых страниц старых книг, и навечно закружит по орбите вокруг оболочки сердечников. Что ж, это будет вполне в стиле – и художника, того, кто запустил шкатулочника, это бы только порадовало…

По кругу клешней с темперлоновыми подушечками пальцев бегала новая шкатулка. Забракованные прямоугольные фрагменты дерева и стекла, кувыркаясь, вылетали из фокуса творения, чтобы присоединиться к тысячам мелочей. И Марли, околдованная происходящим, с головой ушла в созерцание. Сквозь отверстие в полу протиснулся Джонс. Взгляд у него был совершенно безумный, а лицо покрыто пленкой грязи и пота. Вслед за ним на страховочном конце вплыл красный скафандр.

– Никак не загнать Вига в место, которое я мог бы загерметизировать, – сказал он, – так что это тебе…

Скафандр под ним сделал попытку нырнуть, и Джонс в отчаянии дернул на себя страхконец.

– Не хочу, – ответила Марли, не отрывая глаз от танца.

– Надевай! Сейчас же! Время вышло! – Губы парнишки судорожно подергивались, но никакого крика не получалось. Он попытался взять ее за руку.

– Нет, – сказала она, отодвигаясь от него. – Как насчет тебя?

– Надевай этот чертов скафандр! – заорал он, разбудив более глубокие, низкие регистры эха.

– Нет.

За его головой она увидела, как, мигнув пару раз, экран ожил и заполнился чертами Пако.

– Сеньор мертв, – сказал испанец безо всякого выражения на гладком лице, – и его финансовые активы претерпевают определенную реорганизацию. В настоящее время меня затребовали в Стокгольм. Я уполномочен сообщить Марли Крушковой, что она не находится более на службе у покойного

Йозефа Вирека, а также не работает на фонд его наследственного имущества. Обусловленная контрактом сумма может быть получена в полном объеме в любом отделении Банка Франции по предъявлении юридически действительного удостоверения личности. Требуемые налоговые декларации занесены в базы данных соответствующих учреждений Франции и Бельгии. Линии рабочего кредита с настоящего момента аннулируются. Бывшие базы данных корпорации «Тессье-Эшпул СА» являются собственностью одной из дочерних компаний покойного герра Вирека, и всякому, находящемуся на данной территории, будет предъявлено обвинение в нарушении…

Джонс застыл на месте, рука согнута, кисть раскрыта и напряжена, чтобы усилить ударный край ладони.

Пако исчез.

– Ты меня ударишь? – поинтересовалась Марли.

Он расслабил руку.

– Собирался. Сначала оглушить, потом затолкать в этот чертов скафандр… – Он рассмеялся. – Но я рад, что мне не пришлось… Эй, смотри, он сделал новую.

Из порхания манипуляторов выкатилась новая шкатулка, и Марли без труда ее поймала.

Внутренность за квадратом стекла была гладко выложена кусочками кожи, вырезанными из ее куртки. Семь пронумерованных голофишей поднимались над черно-кожаным полом шкатулки, как миниатюрные надгробия. Мятая обертка от пачки «голуаз» была распластана по черной коже задника, а рядом с ней – серый в черную полоску спичечный коробок из брассерии во «Дворе Наполеона».

Вот и все.

Позже, когда она помогала Джонсу отловить Лудгейта в лабиринте коридоров у дальнего конца сердечников, парнишка вдруг остановился, уцепившись за литой поручень, и сказал:

– Знаешь, что самое странное в этих шкатулках?…

– Да?

– То, что Виг получал за них чертовски хорошие деньги. Где-то в Нью-Йорке. Я хочу сказать, большие деньги. Но иногда появлялись и другие вещи. То, что возвращалось наверх…

– Что за вещи?…

– Думаю, это было программное обеспечение. Он чертовски скрытный старый хрен, когда дело доходит до того, что, по его мнению, хотят от него голоса… А однажды было нечто – он тогда клялся и божился, что это биософт, тот самый, новейшая технология…

– И что он с этим делал?

– Закачивал целиком в сердечники. – Джонс пожал плечами.

– То есть ничего у себя не оставлял?

– Нет, – сказал Джонс, – просто швырял в очередную груду хлама, который нам удалось наскрести для следующей поставки вниз. Загружал на сердечники, а потом перепродавал за сколько выйдет.

– Ты знаешь почему? В чем там было дело?

– Нет, – сказал Джонс, теряя интерес к собственному рассказу, – я даже не спрашивал, он все равно бы сказал, что пути Господни неисповедимы… – Парнишка пожал плечами. – Виг все повторяет, что Бог любит поговорить с Самим Собой…

34
Цепь в девять миль длиной

Он помог Бовуару перенести Джекки на сцену, где они положили ее перед вишнево-красными барабанами и накрыли старым черным пальто, нашедшимся в гардеробной, – с бархатным воротником и многолетним слоем пыли по плечам.

– *Map фе юбиле мнан*, – сказал Бовуар, касаясь большим пальцем лба мертвой танцовщицы. Потом он перевел взгляд на Тернера. – Это самопожертвование, – перевел он и мягко натянул черный воротник, закрывая ей лицо.

– Быстрая смерть, – сказал Тернер. Больше ничего ему в голову не пришло.

Вытащив пачку ментоловых сигарет из кармана серого балахона, Бовуар прикурил от золотой зажигалки «Данхилл», потом протянул пачку Тернеру, но тот покачал головой.

– Есть одна поговорка на креольском, – сказал Бовуар.

– А именно?

– Зло существует.

– Эй, – тускло окликнул их Бобби Ньюмарк со своего насеста у стеклянной двери, где он сидел, припав глазом к щели в шторах. – Должно быть, все-таки сработало… Готики начинают расходиться, а большинство фоннатов, похоже, уже отчалили…

– Вот это хорошо, – мягко отозвался Бовуар. – Это благодаря тебе, Счет. Ты справился, Граф. Заслужил свое прозвище – в обоих смыслах.

Тернер поглядел на парнишку. Тот все еще двигался так, будто брел сквозь туман смерти Джекки. Он вынырнул из матрицы с криком, и Бовуару пришлось дать ему пару крепких затрещин, чтобы остановить истерику. Но все, что он им сказал о своем рейде – рейде, который стоил жизни Джекки, – ограничилось подтверждением: да, он передал Джейлин Слайд сообщение Тернера. Тернер наблюдал за Бобби, когда тот неуклюже встал, отошел на негнущихся ногах к бару, видел, как мальчик старается не смотреть на сцену. Были ли эти двое любовниками? Партнерами? И то и другое представлялось ему маловероятным.

Встав со своего места на краю сцены, Тернер вернулся в контору Джаммера, по дороге проверив спящую Энджи, которая свернулась в его взрезанной парке на ковре под столом. Джаммер в кресле тоже спал, обожженная рука все так же лежала у него на коленях, полосатое полотенце наполовину развернулось. Крепкий

старикан, подумал Тернер, и бывалый ковбой. Как только Бобби вернулся из рейда, Джаммер снова подключил телефон, но Конрой так и не перезвонил. Теперь уже и не позвонит. Тернер знал, что это значит, а значило это то, что Джаммер был совершенно прав, говоря о скорости, с какой Джейлин Слайд нанесет удар, чтобы отомстить за Рамиреса, и что Конрой, конечно же, мертв. А теперь, по словам Бобби, и наемная армия провинциальных головорезов оставляет свои позиции.

Тернер подошел к телефону и, набрав код сводки новостей, устроился в кресле смотреть. В Макао паром на подводных крыльях столкнулся с мини-субмариной; спасательные жилеты оказались бракованными, и по меньшей мере пятнадцать человек утонули; местонахождение субмарины, увеселительного судна, приписанного к дублинскому порту, до сих пор не установлено… Кто-то расстрелял зажигательными снарядами из безоткатной пушки два этажа кооперативного здания на Парк-авеню; пожарные и тактические бригады еще осматривают место происшествия; имена жильцов пока не оглашались, и никто не взял на себя ответственность за теракт… (Тернер набрал код этого отрывка вторично…) Группа инспекторов «Ядерной комиссии», вызванная на место предполагаемого ядерного взрыва в Аризоне, настаивает на том, что уровень обнаруженной здесь радиоактивности слишком низок и не может быть результатом взрыва какой-либо из известных боеголовок… В Стокгольме объявлено о кончине Йозефа Вирека, невероятно состоятельного мецената; объявление всплыло посреди водоворота самых невероятных слухов о том, что Вирек был болен уже несколько десятилетий и что его смерть явилась результатом некоего катастрофического сбоя в системе жизнеобеспечения в тщательно охраняемой частной клинике в пригороде Стокгольма… (Тернер прокрутил это сообщение во второй раз, потом в третий, нахмурился и, наконец, пожал плечами.) На более жизнеутверждающей ноте: полиция предместья Нью-Джерси сообщает, что…

– Тернер…

Остановив сводку новостей, он повернулся и увидел в дверном проеме Энджи.

– Как ты себя чувствуешь, Энджи?

– Нормально. Мне ничего не снилось. – Она зябко завернулась в кофту, глянула на него из-под обвисших каштановых прядей. – Бобби показал мне, где тут душ. Там что-то вроде раздевалки. Я сейчас туда вернусь. На голове у меня черт-те что.

Тернер пересек комнату и положил ей руки на плечи:

– Ты держалась молодцом. Скоро ты отсюда выберешься.

Передернув плечами, дочь Митчелла скинула его руки.

– Отсюда? И куда же? В Японию?

– Ну, может, не в Японию. Может, не в «Хосаку»…

– Она поедет с нами, – сказал из-за ее спины Бовуар.

– И зачем бы это?

– Затем, – сказал Бовуар, – что мы знаем, кто ты. Эти твои сны совершенно реальны. В одном из них ты встретила Бобби и спасла ему жизнь, отрезала его от черного льда. Ты сказала тогда: «Почему они делают это с тобой?»

Глаза Энджи расширились, взгляд метнулся к Тернеру, потом назад к Бовуару.

– Это очень долгая история, – продолжал Бовуар, – интерпретировать ее можно по-всякому. Но если ты поедешь с нами – а мы возвращаемся назад в Новостройки, – наши люди многому тебя научат. Мы передадим тебе то, чего не понимаем сами, но, возможно, поймешь ты…

– Почему?

– Из-за цепей в твоей голове, – серьезно покивал Бовуар и подтолкнул вверх к переносице свою пластиковую оправу. – Никто не станет принуждать тебя оставаться у нас против твоей воли. На самом деле мы здесь лишь для того, чтобы служить тебе…

– Служить мне?

– Как я уже сказал, это долгая история… Что думаете, мистер Тернер?

Тернер пожал плечами. Он понятия не имел, куда еще ей податься, а «Маас», без сомнения, выложит любые деньги, чтобы заполучить ее обратно – живой или мертвой, да и «Хосака» тоже.

– Возможно, это наилучший выход, – сказал он.

– Я хочу остаться с тобой. – Энджи повернулась к Тернеру. – Мне понравилась Джекки, но потом она…

– Не важно, – отозвался Тернер. – Я знаю. – («Ничего я не знаю!» – безмолвно кричал он.) – Я еще свяжусь с тобой… – («Я никогда больше тебя не увижу».) – Но есть еще кое-что, и будет лучше, если я скажу тебе прямо сейчас. Твой отец мертв. – («Он покончил с собой».) – Его убили люди из службы безопасности «Мааса»; он задерживал их, пока ты уводила дельтаплан с плато…

– Это правда? Что он их задерживал? Я хочу сказать, я вроде чувствовала, что он мертв, но…

– Да, – сказал Тернер. Вынув из кармана черный конверт Конроя, надел ей на шею шнурок. – Здесь досье-биософт. Это тебе на будущее, когда ты станешь старше. Оно не расскажет тебе всего целиком. Помни об этом. Ничто никогда не дает полной

правды…

Бобби стоял у бара, когда этот высокий выходил из конторы Джаммера. Высокий прошел прямо туда, где раньше спала девушка. Подобрав свою драную армейскую куртку, надел ее, потом подступил к краю сцены, где лежала Джекки, казавшаяся такой маленькой под черным пальто. Высокий запустил руку под куртку и вытащил пушку, огромный «смит-и-вессон», тактический образец. Открыв барабан, извлек патроны, ссыпал их себе в карман, а потом положил пушку возле тела Джекки. Положил так осторожно, что та даже не звякнула.

– Ты хорошо поработал, Граф, – сказал он, поворачиваясь лицом к Бобби, руки глубоко в карманах куртки.

– Спасибо, друг. – Сквозь оцепенение Бобби все же испытал прилив гордости.

– Пока, Бобби. – Высокий подошел к двери и начал один за другим пробовать различные замки.

– Хочешь выйти? – Бобби поспешил к двери. – Вот так. Джаммер мне показывал. Уходишь, старик? Куда собираешься?

И вот дверь открыта, и Тернер уходит прочь мимо заброшенных, опустевших лавок.

– Не знаю! – не оборачиваясь, крикнул он Бобби. – Мне нужно сначала купить восемьдесят литров керосина, а потом я подумаю…

Бобби смотрел ему вслед, пока тот не исчез. Судя по всему – вниз по мертвому эскалатору. Потом закрыл и запер на все замки дверь. Стараясь не смотреть на сцену, он зашагал к конторе Джаммера и заглянул внутрь. Энджи плакала, уткнувшись в плечо Бовуару, и Бобби почувствовал удививший его самого укол ревности. Телефон зациклило, и за спиной Бовуара по кругу бежала все та же сводка новостей.

– Бобби, – окликнул его Бовуар, – Анджела какое-то время поживет в Новостройках. Не хочешь тоже перебраться к нам?

За спиной Бовуара на экране появилось лицо Марши Ньюмарк, Мамы-Марши, его матери:

«…На более жизнеутверждающей ноте: полиция предместья Нью-Джерси сообщает, что местная жительница, чье кондо недавно взорвали, была крайне удивлена, вернувшись вчера вечером и обна…»

– Ага, – поспешно сказал Бобби, – конечно, друг.

35
Тэлли Ишем

– Она хороша, – сказал два года спустя администратор съемочной группы, неторопливо макая корочку пористого деревенского хлеба в озерцо масла, собравшегося на дне миски с салатом. – По-настоящему. Схватывает все на лету, эта твоя новая дублерша. Надо отдать ей должное, не так ли?

Рассмеявшись, звезда взяла со стола стакан охлажденной рецины.

– Ты ведь ненавидишь ее, правда, Робертс? Она для тебя слишком удачлива, да? Не сделала пока ни одного неверного шага…

Они опирались о шершавый камень балюстрады, глядя, как вечерний паром уходит к Афинам. Двумя террасами ниже в сторону гавани на нагретом солнцем водяном матрасе лежала обнаженная девушка. Раскинув руки, она будто обнимала то, что осталось от заходящего солнца.

Забросив пропитанную маслом корочку в рот, администратор облизал узкие губы.

– Отнюдь, – сказал он. – Я не ненавижу ее. И минуты так не думай.

– А вот и ее дружок, – заметила Тэлли, когда на плоской крыше под ними появилась вторая фигура: темноволосый парнишка был одет в свободный, небрежно дорогой французский спортивный костюм; он подошел к матрасу и, присев возле девушки, коснулся ее плеча. – Она прекрасна, Робертс, не правда ли?

– Ну, – отозвался администратор, – я видел ее фотографии «до». Пластическая операция, не более того. – Он пожал плечами, все еще не сводя глаз с юноши.

– Если бы ты где-нибудь увидел мои фотографии «до», – сказала она, – я бы кое с кого шкуру спустила. Но в ней что-то есть. Хорошие кости, основа… – Она отпила вина. – А вдруг это она? «Новая Тэлли Ишем»?

Администратор снова пожал плечами.

– Только погляди на этого недоноска, – сказал он. – Ты знаешь, что он получает почти такое же жалованье, как я сейчас? И как он его отрабатывает? Телохранитель… – Его рот сжался в тонкую кислую линию.

– Помогает ей быть счастливой, – улыбнулась Тэлли. – Мы получили их в одном флаконе. Это обязательный пункт ее

контракта. Сам знаешь.

– Терпеть не могу этого маленького ублюдка. Только-только с улицы – сам прекрасно это знает и плюет на всех. Он просто мешок с неприятностями. Знаешь, что он возит в своем багаже? Киберпространственную деку! Нас вчера на три часа задержали на турецкой таможне, когда нашли эту чертову штуку… – Он покачал головой.

Парнишка встал, повернулся и отошел к краю крыши. Девушка села, глядя на него, смахивая со лба непослушные волосы. Он стоял там долго, уставившись на двойной, расходящийся веером след в кильватере афинского парома. И ни Тэлли Ишем, ни администратор, ни Энджи не знают, что он видит сейчас серую волну барритаунских кондо, увенчанную темными башнями Новостроек.

Девушка встала, пересекла крышу и, встав с ним рядом, взяла его за руку.

– Что у нас на завтра? – спросила наконец Тэлли.

– Париж, – ответил администратор, беря с каменной балюстрады кожаную папку от «Гермеса» и машинально пролистывая тонкую пачку желтых распечаток. – Некая Крушкова.

– Я ее знаю?

– Нет, – сказал он. – Это раздел «Искусство». Она заправляет одной из двух самых модных парижских галерей. Информации не так много, хотя мы раскопали многообещающий намек на какой-то скандал в начале ее карьеры.

Не обращая на него внимания, Тэлли кивнула. Звезда смотрела, как ее ученица кладет руку на плечо парнишке с темными волосами.

36
Беличий лес

Когда мальчику исполнилось семь, Тернер взял старый, с пластиковым прикладом, винчестер Руди, и они вдвоем отправились в путешествие по старому шоссе, а потом через лес на поляну.

Поляна и без того была особым местом: мать приводила его сюда год назад и показывала самолет, настоящий самолет, спрятанный среди деревьев. Самолет потихоньку погружался в глину, но можно ведь просто посидеть в кабине, делая вид, что летишь. Это секрет, сказала мать, и о нем можно рассказывать только отцу, и никому больше. Если положить руку на пластиковую шкуру самолета, шкура со временем изменит цвет, оставив отпечаток твоей руки, точь-в-точь под цвет ладони. Но тут мать стала совсем странной, и заплакала, и захотела говорить о дяде Руди, которого он не помнил. Дядя Руди… ну, он относился к тому, чего мальчик совсем не понимал, как, скажем, некоторые из шуток отца.

Однажды он спросил у отца, почему у него рыжие волосы и откуда они у него, а отец только рассмеялся и сказал, что, мол, от голландца. Тогда мать бросила в отца подушкой, и он так и не узнал, кто такой этот голландец.

На поляне отец учил его стрелять, прислонив к стволу дерева пару сосновых чурок. Когда мальчику это надоело, они долго лежали в траве, наблюдая за белками.

– Я пообещал Салли, что мы никого не убьем, – сказал отец, а потом стал объяснять азы охоты на белок.

Мальчик слушал, но какая-то часть его видела сны наяву – о самолете. Жарко, и можно услышать, как поблизости жужжат пчелы и журчит по камням вода. Когда его мать плакала, она говорила, что Руди был хорошим человеком, что он спас ей жизнь, один раз спас от молодости и глупости, и еще раз – от очень плохого человека…

– Это правда? – спросил он своего отца, когда тот закончил говорить о белках. – Они что, правда такие глупые, снова и снова возвращаются, чтобы их подстрелили?

– Да, – ответил Тернер, – правда. – Потом он улыбнулся: – Ну, почти всегда…

Мона Лиза овердрайв

Моей сестре, Фрэн Гибсон,
с восхищением и любовью

1
Большой Дым

Призрака, прощальный подарок отца, передал ей в зале вылета Нариты секретарь в черном.

Первые два часа перелета в Лондон он лежал забытый в ее сумочке – гладкий черный продолговатый предмет. Одну сторону корпуса украшала гравировка с вездесущим логотипом «Маас-Неотек», с другой стороны корпус был плавно изогнут, отлитый под ладонь пользователя.

Кумико выпрямилась в кресле салона первого класса. Черты сложены в маленькую холодную маску, смоделированную по наиболее характерному выражению лица покойной матери. Места вокруг пустовали: отец купил весь салон. Девочка отказалась от обеда, предложенного отчаянно нервничающим стюардом: того до икоты пугали пустые кресла – зримое свидетельство богатства и власти ее отца. Мужчина помедлил, потом с поклоном удалился. На мгновение она позволила маске матери улыбнуться.

«Призраки… – думала она позже, уже где-то над Германией, глядя на обивку соседнего кресла. – Как хорошо отец обращается со своими призраками…»

И за окном тоже были призраки. Призраки клубились в стратосфере европейской зимы, разрозненные образы, начинающие обретать ясность, если позволить взгляду расфокусироваться. Ее мать в парке Уэно, лицо в свете сентябрьского солнца кажется таким хрупким. «Журавли, Кумико! Погляди, какие журавли!» И Кумико смотрит вдаль над прудом Синобадзу и ничего не видит, ни следа журавлей. Только несколько мелькающих черных точек, которые, конечно же, самые обыкновенные вороны. Вода к вечеру обрела гладкость свинцового шелка, и над тирами для стрельбы из лука мерцали бледные, расплывчатые голограммы. Но Кумико увидит журавлей после – во сне, и не один раз: оригамные журавлики, угловатые создания, сложенные из листов неона. Светящиеся жесткие птицы поплывут по лунному ландшафту материнского безумия…

Отец в черном халате, распахнутом поверх вытатуированного вихря драконов… сутулится над необъятным полем черного дерева – рабочим столом… Глаза – плоские и яркие, как у расписной куклы. «Твоя мать умерла. Понимаешь? У-мер-ла». А вокруг ходят по кабинету зыбкие плоскости тени, копошится угловатая тьма. В круге света настольной лампы возникает рука отца, тычет в нее дрожащим пальцем. Рукав халата

соскальзывает, открывая золотой «Ролекс» и очередных драконов; гривы их свиваются в волны, наколотые плотно и густо вокруг запястий. Их пасти тянутся к девочке. «Понимаешь?» Она ничего не ответила и убежала прочь, вниз, в укромное местечко в подвале, известное только ей одной, сжалась в комок под брюхом маленького робота-чистильщика. Всю ночь вокруг нее щелкали автоматы, каждые несколько минут сканируя подвал розовыми вспышками лазерного света. Девочка проплакала там несколько часов кряду, пока ее не нашел отец и, обдавая запахом виски и сигарет «данхилл», не отнес наверх в ее комнату на третьем этаже особняка.

Воспоминания о последовавших затем неделях… Тусклые, оцепенелые дни, проведенные в основном в черно-костюмном обществе то одного, то другого секретаря, осторожных молодых людей с автоматическими улыбками и плотно свернутыми зонтами. Один из них, самый молодой и самый неосторожный, решил развлечь ее на запруженном туристами тротуаре Гиндзы под сенью часов Хаттори, сымпровизировав демонстрацию кэндо. Как легко скользил он меж ошалевших от удивления продавщиц, меж распахнувших глаза туристов! Взмах – и черный зонт будто теряет очертания, появляется вновь, выписывая безобидно и молниеносно ритуальные фигуры древнего искусства. Кумико тогда улыбнулась своей улыбкой, сломав похоронную маску. И от этого ее вина тут же вонзилась еще глубже, в то самое место в сердце, где Кумико оплакивала свой стыд и свою недостойность. Но чаще всего секретари водили ее за покупками по необъятным универмагам Гиндзы, туда-сюда по десяткам бутиков Синдзюку, как советовал им «мишленовский» гид из синего пластика, говоривший на консервативном туристическом японском. Девочка покупала только самые безобразные вещи, безобразные и очень дорогие, и секретари солидно вышагивали рядом с глянцевыми пакетами в руках. Каждый вечер по возвращении в отцовский особняк аккуратно расставленные пакеты появлялись в спальне Кумико, где нетронутыми и нераспакованными дожидались, пока их не унесут горничные.

А на седьмую неделю, накануне ее тринадцатого дня рождения, было устроено так, что Кумико отправится в Лондон.

– Ты будешь гостьей в доме моего кобуна[35], – сказал отец.

– Но я не хочу ехать, – ответила она улыбкой матери.

– Ты поедешь. – Отец отвернулся. – Возникли определенные затруднения, – обратился он к полному теней кабинету. – В Лондоне ты будешь в безопасности.

– А когда я вернусь?

Но отец не ответил. Поклонившись, она покинула его кабинет, все еще с улыбкой матери на лице.

Призрак откликнулся на первое же прикосновение Кумико. Произошло это, когда самолет стал снижаться над Хитроу. Представитель пятьдесят первого поколения биочипов «Маас-Неотек» материализовался в расплывчатую фигуру на соседнем сиденье. Парнишка будто сошел с литографии какой-нибудь охотничьей сцены – ноги в рыжевато-коричневых бриджах и ботинках для верховой езды небрежно закинуты одна на другую.

– Привет, – сказал призрак.

Моргнув, Кумико разжала руку. Парнишка замерцал и исчез. Она опустила глаза на маленький гладкий модуль в своей ладони и осторожно сомкнула пальцы.

– Еще раз привет. Меня зовут Колин. А тебя?

Она взглянула на него пристальней. Глаза призрака клубились зеленым туманом, высокий лоб под непослушными темными прядями был бледен и гладок.

– Если это для тебя слишком призрачно, – ухмыльнувшись, проговорил он, – можно увеличить разреше…

На какую-то долю секунды он стал четким до рези в глазах. Ворс на отворотах его куртки завибрировал с реальностью галлюцинации.

– Но это быстро посадит батарейку, – продолжил Колин и поблек до первоначального состояния. – Не слышал твоего имени.

Снова ухмылка.

– Ты не настоящий, – сказала девочка.

Призрак пожал плечами:

– Нет нужды говорить вслух, мисс. Соседи могут решить, что ты немного с приветом, если понимаешь, о чем я. Говори про себя. Я считаю все через кожу… – Он потянулся, закинув руки за голову. – Ремень, мисс. Мне не нужно пристегиваться, поскольку, как ты изволила заметить, я не настоящий.

Нахмурившись, Кумико швырнула модуль призраку на колени. Призрак исчез. Она застегнула ремень, глянула на вещицу, потом, помедлив, подтянула ее к себе за цепочку.

– Значит, впервые в Лондоне? – спросил он, воплотившись из водоворота красок на периферии ее зрения.

Сама того не желая, девочка кивнула.

– А как насчет летать? Не боишься?

Она мотнула головой, чувствуя себя глупо.

– Да и бог с ним, – сказал призрак. – Я за тобой пригляжу. Будем в Хитроу через три минуты. Тебя кто-нибудь встречает?

– Деловой партнер отца, – ответила она по-японски.

Призрак усмехнулся.

– Тогда, конечно, ты будешь в надежных руках, – подмигнул он. – По мне не скажешь, что я такой лингвист, да?

Кумико закрыла глаза, и призрак стал нашептывать ей что-то об археологии Хитроу, о неолите и бронзовом веке, о глиняных черепках и каменных рубилах…

– Мисс Янака? Кумико Янака?

Над ней высился незнакомый англичанин. Массивное туловище гайдзина[36] было задрапировано слоновьими складками темной шерсти. Из-за очков в стальной оправе мягко взирали маленькие темные глазки. Нос, будто расплющенный чьим-то давним ударом, так и не выправили. Волосы незнакомца, вернее, то, что от них осталось, были выбриты до седой щетины, а черные вязаные перчатки протерлись и не имели пальцев.

– Видите ли, – сказал он так, как будто это тут же должно было ее успокоить, – меня зовут Петал[37].

Говоря о Лондоне, Петал называл город Большой Дым. Или просто Дым.

Кумико съежилась на холодной красной коже переднего сиденья. Из окна древнего «ягуара» ей было видно, как падает, кружась, снег и тает на дороге, которую Петал назвал М-4. Вечернее небо было бесцветным. Петал вел машину умело и молча, вытянув губы так, будто вот-вот засвистит. По меркам Токио машин было до абсурда мало. Они обогнали автономный грузовой трейлер «Евротранс», его тупой нос был утыкан сенсорами и обрамлен многорядьем фар. Несмотря на скорость, Кумико казалось, будто она стоит на месте и вокруг нее постепенно скапливаются, нанизываются одна на другую частицы Лондона. Стены из мокрого красного кирпича, бетонные арки эстакад, кованые копья оград из черного чугуна.

Город на глазах приобретал очертания. Когда «ягуар», свернув с М-4, на перекрестках дожидался зеленого, сквозь медленно кружащийся снег девочка видела неясные лица прохожих: раскрасневшиеся лица гайдзинов над темной одеждой, подбородки упрятаны в шарфы, каблуки женщин цокают по серебристым лужам. Ряды домов и магазинчиков напомнили ей вычурные безделушки, какие она видела однажды на темном бархате. Там они располагались вокруг игрушечного локомотива в галерее торговца европейским антиквариатом в Осаке.

Ничто здесь не походило на Токио, где прошлое – все, что от него осталось, – лелеяли с какой-то нервозной заботой. История там превратилась в качество, редкость, в подарочной упаковке

поставляемую правительством и охраняемую законом и фондами корпораций. Здесь же она, казалось, пропитывала саму ткань бытия. Город вставал единым сгустком из кирпича и камня, вместившим многие эпохи наслаивающихся друг на друга посланий и смыслов, порожденных многовековым диктатом уже почти не поддающейся раскодированию ДНК коммерции и империи.

– Сожалею, что Суэйн не смог поехать встретить тебя сам, – сказал человек, назвавший себя Петалом.

Вместо «сожалею» Кумико послышалось «сожалей», и она сперва приняла его извинения за приказ. Она подумала, не вызвать ли ей призрака, но потом отказалась от этой мысли.

– Суэйн, – рискнула спросить она, – мистер Суэйн – это мой хозяин?

Петал встретил в зеркале ее взгляд.

– Роджер Суэйн. Отец разве не говорил тебе?

– Нет.

– Ага. – Он кивнул. – Мистер Янака ценит секретность в таких делах, этого следовало ожидать… Человек его положения, и так далее… – Он шумно вздохнул. – Прошу прощения, что обогреватель не работает. В гараже должны были починить…

– А вы один из секретарей мистера Суэйна? – спросила она у щетинистых перекатов плоти над воротником плотного пальто.

– Его секретарь? – Казалось, он обдумывает ее вопрос. – Нет, – решился он наконец. – Я не секретарь.

«Ягуар» свернул на загибающуюся дугой подъездную дорожку, оставив позади поблескивающие металлические навесы и вечернюю реку пешеходов.

– Так ты поела? Вас кормили в полете?

– Я была не голодна. – На лице маска матери.

– Ну, думаю, у Суэйна для тебя что-нибудь найдется. Любит японскую еду наш Суэйн. – Прищелкнув языком, Петал оглянулся на девочку.

Она смотрела мимо него, видя лишь поцелуи снежинок на ветровом стекле и стирающие их взмахи дворников.

Резиденция Суэйна в Ноттинг-Хилле состояла из трех соединенных переходами городских домов в викторианском стиле, затерявшихся в снежной круговерти улочек и переулков. Петал с парой чемоданов Кумико в каждой руке объяснил, что дверь номер 17 – это одновременно парадный вход и для домов номер 16 и 18.

– Нет смысла туда стучать, – сказал он, неловко взмахнув чемоданами в попытке указать на красную полировку и

начищенные медные петли двери дома номер 16. – За ней нет ничего, кроме двадцати дюймов железобетона.

Взгляд девочки скользнул по подъездной дорожке, где отступали, загибаясь вдоль пологой дуги, почти идентичные фасады домов. Снег теперь валил гуще, и блеклое небо в свете натриевых ламп приобрело оттенок лососины. Улица казалась вымершей, а снег – чистым и нетронутым. В холодном воздухе чудился незнакомый привкус, слабый, но всепроникающий намек на архаичное топливо. Ботинки Петала оставляли огромные отчетливые следы. Англичанин носил черные, замшевые, с узким носком оксфорды на необычайно толстой рифленой подошве из алого пластика. Вновь начиная дрожать от холода, она последовала по этим следам вверх по серым ступеням дома номер 17.

– Так, значит, это я, – обратился Петал к выкрашенной в черное двери, – впускайте.

Потом он вздохнул, поставил все четыре чемодана в снег и, сняв с правой руки перчатку, прижал ладонь к кругу яркой стали, утопленному в дверную створку. Кумико показалось, что она услышала будто бы комариный писк, который становился все выше, пока не исчез совсем. Дверь завибрировала, это вышли из пазов магнитные засовы.

– Ты назвал его «Дым», – сказала японка, когда он взялся за ручку двери, – город…

Петал помедлил.

– Дым, – повторил он, – да, Большой Дым. – И открыл дверь в свет и тепло. – Это старое выражение, что-то вроде прозвища.

Вновь подхватив багаж, Петал мягко протопал в устланное синим ковром фойе, обшитое панелями из белого крашеного дерева. Она вошла следом. Дверь за ее спиной автоматически закрылась, с гулким стуком вдвинулись на место засовы. На белой обшивке стены висела картина в махагоновой раме – лошади в поле, крохотные фигурки в красных куртках. Вот бы где жить этому призраку, Колину, подумала она. Петал поставил чемоданы. На синем ковре таяли маленькие комки слипшегося снега. Англичанин открыл еще одну дверь, за которой оказалась позолоченная стальная клетка. С лязгом отодвинулась складная решетка. Кумико недоуменно воззрилась на странное сооружение.

– Лифт, – пояснил Петал, – для твоих вещей в нем места не хватит. Я за ними потом спущусь.

Когда Петал ткнул в белую фарфоровую кнопку толстым указательным пальцем, лифт, несмотря на свой явно пожилой возраст, тронулся довольно плавно. Кумико пришлось стоять

почти впритык к англичанину; от него пахло влажной шерстью и каким-то цветочным лосьоном.

– Мы поселим тебя наверху, – сказал он, проводя ее по узкому коридору. – Решили, там будет спокойнее. – Открыв дверь, он жестом предложил ей войти. – Надеюсь, тебе понравится… – Сняв очки, он стал энергично протирать их мятой тряпицей. – Я принесу твой багаж.

Оставшись одна, Кумико медленно обошла вокруг массивной ванны из черного мрамора, доминировавшей в центре низкой, заставленной мебелью комнаты. По стенам, резко сходящимся к потолку, висели позолоченные зеркала. Пара небольших мансардных окон обрамляла огромную кровать. Такого размера ложа Кумико еще никогда в жизни не видела. В зеркало над кроватью были встроены маленькие светильники на шарнирах, похожие на лампы для чтения в самолете. Она остановилась около ванны, погладила изогнутую шею лебедя в позолоте, служившего краном. Опускаясь или поднимаясь, его раскинутые крылья, должно быть, регулировали температуру воды. Воздух был теплым и недвижным, и ей на мгновение почудилось, что комнату, как болезненный, мучительный туман, заполнило присутствие матери.

В дверях кашлянул Петал.

– Ну как, все в порядке? – приговаривал он, возясь с ее багажом. – Еще не проголодалась? Нет? Тогда я тебя оставлю, располагайся… – Он пристроил чемоданы возле гигантской кровати. – Если захочется есть, позвони. – Он указал на причудливый антикварный телефон с мембранами в виде медных свитков на причудливо изогнутой трубке из слоновой кости. – Просто подними трубку, не нужно даже набирать. Завтрак – когда захочешь. Спроси кого-нибудь, тебе покажут, где столовая. Там и познакомишься с Суэйном…

Появление англичанина развеяло наваждение. Когда, пожелав девочке доброй ночи, он закрыл за собой дверь, Кумико попыталась ощутить присутствие матери вновь, но ничего не вышло.

Еще долго она стояла у ванны, поглаживая холодный гладкий металл лебединой шеи.

2
Малыш Африка

Малыш Африка явился на Собачью Пустошь в последний день ноября. За рулем его винтажного «доджа» восседала белая девушка по имени Черри Честерфилд.

Слик Генри и Пташка как раз демонтировали циркульную пилу, служившую левой рукой Судье. Латаная-перелатаная подушка Малышова ховера то и дело взметывала фонтанчики ржавой воды, лужами собиравшейся на горбатой равнине из прессованной стали.

Первым его засек Пташка. Острые у него, у Пташки, глаза да еще монокуляр с десятикратным увеличением, болтавшийся на груди среди косточек всякой мелкой живности и древних медных гильз. Слик оторвал взгляд от гидравлического запястья и увидел, как Пташка вытянулся во весь свой двухметровый рост и нацелил подзорную трубу куда-то сквозь голые прутья арматуры, из которых состояла большая часть южной стены Фабрики. Худ был Пташка невероятно, скелет скелетом; залаченные крылья его русых волос, почему он и заработал такое прозвище, резко выделялись на фоне бледного неба. Волосы на затылке и висках он сбрил, полоса выбритой кожи поднималась высоко над ушами. В сочетании с аэродинамическим раздвоенным хвостом это создавало впечатление, будто на макушке у него сидит безголовая коричневая чайка.

– Ух ты, – подал голос Пташка, – сукин сын.

– Ну что там еще?

Пташку и без того довольно сложно было заставить сосредоточиться, а работа требовала еще одной пары рук.

– Да тот ниггер.

Поднявшись на ноги, Слик вытер руки о джинсы, а Пташка нащупал за ухом зеленый микрософт «Мех-5», выдернул его из разъема и тут же напрочь забыл все восемь этапов сервокалибровочной процедуры, необходимой для того, чтобы наладить пилу Судьи.

– Кто за рулем?

Африка никогда не садился за руль сам, если мог заставить вести кого-то другого.

– Не понять.

Пташка выпустил монокуляр, и тот брякнулся на свое место в занавесочке из костей и гильз.

Слик присоединился к Пташке у окна, наблюдая за

медленным передвижением «доджа». Малыш Африка время от времени разнообразил его матово-черную палитру с помощью какого-нибудь аэрозольного баллончика. Мрачно-серьезный вид тачки сводился на нет рядом хромированных черепов, приваренных к массивному переднему бамперу. В былые времена черепа щеголяли красными рождественскими лампочками в глазницах. Неужто Малышу стало плевать на имидж?

Когда ховер свернул к Фабрике, Слик услышал в темноте возню Пташки: тяжелые ботинки проскрежетали по пыли и ярким спиралькам металлической стружки.

Слик стоял у проема выбитого окна с единственным уцелевшим куском стекла, похожим на острие кинжала, и хмуро смотрел, как ховер, постанывая и выпуская пар, опускается на свою подушку перед самой Фабрикой.

В темноте за спиной опять послышалась возня; Слик догадался, что это Пташка, забравшись за старые стеллажи, накручивает самодельный глушитель на китайскую винтовку, с которой обычно ходил на кроликов.

– Пташка, – Слик бросил гаечный ключ на кусок брезента, – я знаю, что ты тупая задница, срань расистская из гнилого Джерси, но тебе что, всякий раз надо об этом напоминать?

– Мне не нравится этот ниггер, – донеслось из-за стеллажа.

– Ага, и ежели этот ниггер, не дай бог, вдруг вздумает это заметить, ты ему тоже не понравишься. Знай он, что ты сидишь там с пушкой, он бы забил ее тебе в глотку, причем поперек.

Никакого ответа. Пташка вырос в задрипанном городишке белого Джерси, где никто никогда знать ни черта не желал и ненавидел всех, кто хоть что-то знает.

– И я бы ему помог. – Рывком застегнув старую коричневую куртку, Слик вышел к ховеру Малыша Африки.

Пыльное стекло напротив места водителя с шипением сползло вниз, открыв бледное лицо в желтоватых очках-консервах невероятного размера. Под сапогами Слика захрустели древние банки, изъеденные ржавчиной до кружева прошлогодних листьев. Стянув очки вниз, водитель покосилась на Слика – женщина. Теперь янтарные «консервы» висели у нее на шее, скрывая рот и подбородок. Значит, Малыш сидит с другой стороны, что не так плохо в том маловероятном случае, если Пташке вдруг вздумается палить.

– Обойди, – бросила девушка.

Слик прошел мимо хромированных черепов, услышал, как с таким же демонстративно негромким звуком, что и водительское, опускается стекло Малыша Африки.

– Слик Генри, – сказал Малыш; его дыхание, соприкасаясь с

воздухом Пустоши, вылетало белыми облачками, – здравствуй.

Слик глянул в коричневое лошадиное лицо. У Малыша Африки были огромные зеленоватые с кошачьим разрезом глаза, тоненькая полоска усов, будто ее начертили карандашом, и кожа оттенка буйволовой шкуры.

– Привет, Малыш. – Из кабины ховера на Слика пахнуло чем-то больничным. – Как дела?

– Ну, – прищурился Малыш Африка, – помнится, ты говорил, что если мне когда-нибудь что-то понадобится…

– Верно, – ответил Слик, ощущая первый укол дурного предчувствия.

Малыш Африка спас его однажды в Атлантик-Сити: уговорил обозленных черных братков не сбрасывать Слика с балкона сорок третьего этажа выжженного складского небоскреба.

– Кто-то надумал сбросить тебя с высотки?

– Слик, – сказал Малыш, – я хочу тебя кое с кем познакомить.

– И мы будем в расчете?

– Слик Генри, эта очаровательная девушка – мисс Черри Честерфилд из Кливленда, штат Огайо.

Наклонившись пониже, Слик посмотрел на водителя. Копна светлых волос, тушь вокруг глаз.

– Черри, это мой близкий друг мистер Слик Генри. Когда он был молодым и дурным, то гонял с «Блюз-Дьяконами»[38]. Теперь он старый и дурной, а в дыру эту забрался, чтобы заниматься своим искусством, сечешь? Талантище, понимаешь?

– Это тот, который делает роботов, – сказала девица сквозь ком жвачки, потом добавила: – Ты так говорил.

– Тот самый, – сказал Малыш, открывая дверцу. – Черри, лапочка, подожди нас здесь.

На жилистом теле Малыша болталось норковое пальто, полы которого обметали носки безукоризненно чистых желтых ботинок из страусиной кожи – во всем своем великолепии Африка ступил на землю Собачьей Пустоши. Слик заметил в кабине ховера нечто странное: слепящую белизну бинтов и реанимационные трубки…

– Эй, Малыш, – спросил он, – что это у тебя там?

Вся в кольцах рука Малыша поднялась вверх, жестом предлагая Слику отойти в сторону. Дверь ховера с лязгом захлопнулась, Черри Честерфилд подняла стекла.

– Вот об этом нам и надо потолковать, Слик.

– Не думаю, что я прошу слишком многого, – сказал Малыш Африка, прислонясь норковым пальто к голому металлическому верстаку. – У Черри диплом медтеха, и она знает, что ей хорошо заплатят. Приятная девочка, Слик Генри. – Он подмигнул.

– Малыш…

Вот оно что. Значит, в ховере лежит смахивающий на мертвеца мужик, не то в коме, не то в отключке, весь обвешанный баллонами, капельницами, проводами, тут же сбоку еще какая-то непонятная штука вроде симстима. И все хозяйство прикручено к старым стальным носилкам, как на «скорой помощи».

– Что это? – Черри, увязавшаяся за ними внутрь Фабрики после того, как Малыш показал Слику парня в задней части ховера, с подозрением рассматривала громоздкого Судью – большую его часть, во всяком случае; рука с циркуляркой валялась там, где ее оставили, в цеху на промасленном брезенте.

Если у этой Черри и есть диплом медтеха, подумал Слик, то медтех, вероятно, его еще не хватился. На девице было штуки четыре безразмерные кожаные куртки, одна другой шире.

– Искусство Слика, я уже тебе говорил.

– Тот парень умирает. От него мочой несет.

– Катетер отошел, – спокойно сказала Черри. – Слушай, а эта штука, она для чего?

– Мы не можем держать его здесь, Малыш, он сдохнет. Если хочешь его угробить, засунь в какую-нибудь дыру на Пустоши.

– Мужик не умирает, – сказал Малыш Африка. – Он не ранен и не больной.

– Тогда что с ним, черт побери?

– Он торчит, дружок. У мальчика долгое путешествие. Ему нужны тишина и покой.

Слик посмотрел на Судью, потом снова на Малыша, опять на Судью, обратно на Малыша. Ему хотелось вернуться к работе, повозиться с этой рукой. Малыш сказал: ему нужно, чтобы этот овощ пробыл у Слика недели две-три; он оставит Черри за ним присматривать.

– Не врубаюсь. Этот парень, он что, твой друг?

Малыш Африка пожал норковыми плечами.

– Так почему бы тебе не подержать его у себя?

– Слишком шумно. А ему нужен покой.

– Малыш, – сказал Слик, – я помню, за мной должок, но ничего такого стремного. А потом, мне надо работать и… в общем, все это слишком стремно. А еще Джентри. Он сейчас в Бостоне. Вернется завтра вечером, и ему это не понравится. Ты же знаешь, как он относится к людям… И вообще, это место – его, вот…

– Дружок, – печально сказал Малыш Африка, – ты забыл, как они тебя через перила перевесили?

– Я помню, но…

– Значит, плохо помнишь, – сказал Малыш Африка. – Ладно,

Черри. Пошли. Не хочется тащиться через Пустошь в потемках.

Он оттолкнулся от верстака.

– Малыш, послушай…

– Все, проехали. Я ведь и знать не знал твоего долбаного имени тогда, в Атлантик-Сити, просто подумал, что не хотелось бы видеть белого мальчика размазанным по мостовой. Тогда я не знал твоего имени и, похоже, не знаю его и сейчас.

– Малыш…

– Да?

– Ладно. Он остается. Но максимум две недели. Ты даешь мне слово, что приедешь и заберешь его. И тебе придется помочь мне уладить все с Джентри.

– Что ему нужно?

– Наркотики.

Когда «додж» Малыша неуклюже запыхтел обратно через территорию Фабрики, Пташка вылез наружу, протиснулся сквозь какую-то щель в завале расплющенных автомобилей. На ржавых гармошках металла кое-где проглядывали пятна яркой эмали.

Слик стоял у окна на втором этаже. Квадраты стального переплета были зашиты кусками пластика. Пластик они откопали на свалке; куски были разного цвета и толщины, так что, чуть пригнув голову, Слик увидел Пташку в воспаленно-розовом свете куска люцита.

– Кто тут живет? – спросила Черри у него за спиной.

– Я, – ответил Слик, – Пташка, Джентри…

– Я имею в виду – в этой комнате.

Повернувшись, он увидел ее возле носилок и приборов системы жизнеобеспечения.

– Ты, – сказал он.

– Это твое место?

Она принялась разглядывать налепленные по стенам рисунки – самые первые чертежи Судьи и Следователей, Трупоруба и Ведьмы.

– Об этом не беспокойся.

– Даже не думай ничего такого, – сказала Черри.

Слик посмотрел на девушку. В углу рта у нее растеклась уродливая красная язва, видимо воспаление. Обесцвеченные волосы торчали во все стороны, ну прямо памятник статическому электричеству.

– Я же сказал, не беспокойся.

– Малыш говорил, у вас тут есть ток.

– Да.

– Надо бы его подключить, – сказала она, повернувшись к

носилкам. – Электроэнергии он берет немного, но скоро начнут садиться батареи.

Слик пересек комнату, чтобы заглянуть в изнуренное лицо.

– Скажи-ка мне вот что, – начал он. Ему совсем не нравились все эти трубки; одна из них входила прямо в ноздрю, и только от этого уже тянуло блевать. – Кто этот парень и что именно, черт побери, Малыш Африка от него хочет?

– Ничего он не хочет, – сказала Черри и ткнула какую-то клавишу; по экрану биомонитора, примотанного серебристой лентой к изножью носилок, побежала кривая состояния больного. – Обычная БДГ-фаза[39], словно ему все время снятся сны… – (Человек на носилках был упакован в новенький синий спальный мешок.) – Короче, хрен его знает, на чем он сидит, но Малышу он за это платит.

На лоб лежащего была налеплена сетка тродов. Из разъема за левым ухом тянулся вдоль края носилок толстый черный кабель. Слик проследил его до массивного серого бруска – явно основного прибора среди всего примотанного к раме хозяйства. Симстим? Не похоже. Какая-то приблуда для киберпространства? Джентри круто рубил в киберпространстве, во всяком случае, болтал о нем постоянно, но что-то Слик ничего не слышал насчет того, что можно вот так валяться без чувств и в то же время подключенным… Люди подключаются, чтобы то-се найти, провернуть дельце. Надень троды, и окажешься там, где вся информация в мире громоздится башнями одного гигантского города из неона. Так что можешь по нему покататься, вроде как пообвыкнуть, по крайней мере визуально. Иначе-то чертовски сложно будет найти дорогу к той конкретной информации, которая тебе нужна. Иконика, так называл это Джентри.

– Он платит Малышу?

– Да.

– За что?

– Чтобы держать его в таком состоянии. И еще прятать.

– От кого?

– Не знаю. Малыш не говорил.

Они замолчали. В тишине ровно дышал неизвестный.

3
Малибу

У дома был свой собственный запах. Так было всегда.

Это был запах времени, и соли, которой пропитан воздух, и энтропийной природы любого большого дома, построенного слишком близко к кромке прилива. Возможно, такой запах присущ всем местам, что недолго, но почасту пустуют, домам, которые отпирают и запирают по мере того, как приезжают и уезжают их неусидчивые хозяева. Воображение рисовало ей, как на хроме в безлюдных комнатах расцветают в тишине пятна коррозии, как бледная плесень понемногу затягивает углы. Будто принося дань этому нескончаемому процессу, архитекторы сами распахнули дверь ржавчине. За годы водяная пыль проела массивные стальные перила, и они стали хрупкими, как запястья.

Подобно своим соседям, дом устроился поверх старых полуразрушенных фундаментов. Прогулки по пляжу порой оборачивались археологическими фантазиями. Она воображала себе прошлое этого места: иные голоса, иные здания. В этих прогулках ее неизменно сопровождал радиоуправляемый бронированный вертолетик «дорнье», поднимавшийся из своего невидимого гнезда на крыше, стоило ей сойти с веранды. Вертолетик почти беззвучно зависал в воздухе и был запрограммирован так, чтобы не попадаться ей на глаза. Что-то тоскливое было в том, как он неотвязно и неприкаянно следовал за ней, будто дорогой, но не оцененный по достоинству рождественский подарок.

Она знала, что с «дорнье» через камеры за ней ведет наблюдение Хилтон Свифт. Мало что из происходящего в доме и на пляже укрывалось от внимания «Сенснета». И это ее уединение – вытребованные семь дней одиночества – протекало под непрерывным надзором.

За годы работы у нее выработался мощнейший иммунитет к этому всевидящему оку.

Ночами она иногда зажигала встроенные под навесом веранды прожектора, освещая иероглифическое фиглярство огромных песчаных блох. Саму веранду она оставляла в темноте; гостиная за ее спиной будто уходила под воду. Устроившись в кресле из неказистого белого пластика, она подолгу следила за броуновским движением блох. В свете прожекторов они отбрасывали крохотные, едва различимые тени: рожки и пики на

сером фоне песка.

Шум моря обволакивал ее целиком. Поздно ночью, когда она засыпала в меньшей из двух гостевых спален, он вползал в ее сны. Единственное, куда ему не дано было проникнуть, – это в непрошеные, вторгающиеся исподтишка чужие воспоминания…

Выбор спальни она сделала инстинктивно. Хозяйская спальня была заминирована мелочами, на каждом шагу готовыми пробудить старую боль.

Врачам в клинике пришлось химическими клещами вырывать зависимость из рецепторов ее мозга.

Готовила она сама, в белоснежной кухне: размораживала в микроволновке хлеб, разводила швейцарский суп из пакетиков в стальных, безупречно чистых кастрюлях – вживалась, не осознавая этого, в безымянное, но с каждым днем все более знакомое пространство, от которого ее так долго и так искусно изолировала «пыль», схимиченная лучшими наркодизайнерами.

– И это называется жизнь, – сказала она белой стойке.

Интересно, если кухня прослушивается, какой вывод сделали бы из этих слов психиатры «Сенснета»? Она помешивала суп мешалкой из нержавейки, глядя, как над кастрюлькой поднимается пар. Неплохо обходиться без чужих рук, просто все делать самой; в клинике настаивали, чтобы она сама застилала постель. Теперь, поглощая из миски собственноручно приготовленный суп, она хмурилась при одной мысли о клинике.

Она выписалась за неделю до конца срока. Медики были против. Дезинтоксикация прошла великолепно, говорили они, но к терапии мы еще даже не приступали. Белые халаты твердили о проценте рецидивов среди клиентов, не прошедших курс целиком. Объясняли, что прерывание лечения аннулирует ее страховку. «Сенснет» заплатит, отмахнулась она, разве что врачи пожелают, чтобы она оплатила их услуги сама. И извлекла платиновый чип «Мицу-банка».

Ее персональный «лир-джет» прибыл час спустя. Она приказала самолету доставить ее в Лос-Анджелес, заказала машину, которая должна ее там встретить, и заблокировала все входящие звонки.

– Извини, Анджела, – сказал самолет, закладывая вираж над заливом Монтего через несколько минут после взлета, – но это Хилтон Свифт, он звонит по выделенному служебному каналу.

– Энджи, – донесся голос Свифта, – ты же знаешь, что я целиком и полностью на твоей стороне. Ты ведь это знаешь, Энджи?

Обернувшись, Энджи уперлась взглядом в черный овал динамика, заключенный в серый блестящий пластик, и вдруг представила себе, как Свифт скорчился за перегородкой «лира», карикатурно подтянув к подбородку длинные ноги бегуна.

– Я это знаю, Хилтон, – отозвалась она. – Спасибо, что позвонил.

– Ты летишь в Лос-Анджелес, Энджи.

– Да. Именно это я сказала самолету.

– В Малибу.

– Верно.

– Пайпер Хилл уже на пути в аэропорт.

– Спасибо, Хилтон, но я не хочу ее видеть. Я вообще никого не хочу видеть. Мне нужна машина.

– В доме никого нет, Энджи.

– Тем лучше. Именно это мне и нужно, Хилтон. Никого в доме. Только сам дом, пустой.

– Ты уверена, что это удачная идея?

– Это лучшая идея, какая у меня появлялась за последние несколько лет, Хилтон.

Пауза.

– Мне сказали, что все шло хорошо, я имею в виду лечение, Энджи. Но врачи требовали, чтобы ты осталась.

– Мне нужна неделя, – сказала она. – Одна неделя. Семь дней. В одиночестве.

На третью ночь в этом доме она проснулась на рассвете, сварила кофе, оделась. По широкому окну, выходящему на веранду, бежали струйки сконденсировавшейся влаги. Сон был не более чем сном. И если приходили сновидения, она потом не могла их вспомнить. Но было что-то еще… ускорение, почти головокружение… Она стояла посреди кухни, чувствуя через толстые белые шерстяные носки холод керамических плиток, и грела руки о чашку.

Чье-то присутствие. Она воздела руки, поднимая кружку, как священный сосуд, – жест инстинктивный и в то же время полный иронии.

Три года прошло с тех пор, как лоа овладевали ею, три года с тех пор, как они вообще касались ее. Но теперь?

Легба? Кто-то другой?

Ощущение чьего-то присутствия внезапно пропало. Резко поставив кружку на стойку – кофе плеснул ей на руку, – она побежала разыскивать что надеть. В шкафу с пляжными принадлежностями нашлись зеленые резиновые сапоги и тяжелая синяя горная куртка, которой она не помнила. Куртка была

слишком большой, чтобы принадлежать Бобби. Энджи стремглав бросилась прочь из дома, промчалась по лестницам, не обращая внимания на жужжание игрушечного «дорнье», который поднялся следом, как терпеливая стрекоза. Она оглянулась на север. Взгляд скользнул по скопищу пляжных домиков, путанице крыш, напомнивших ей баррио в Рио. Энджи повернула на юг, в сторону Колонии[40].

Ту, что пришла, звали Гран-Бригитта или Маман Бригитта. Некоторые считали ее женой Барона Самеди, другие называли «древнейшей из мертвых».

Слева от Энджи вздымались фантасмагорические здания Колонии – настоящее буйство архитектуры всех форм и самовыражений. Необруталистские бункеры с бронзовыми барельефами на фасадах соседствовали с инкрустированными неоном подражаниями башням Уоттс[41].

В зеркальных стенах, когда она проходила мимо, отражались утренние облака над Тихим океаном.

За три последних года ее не раз посещало чувство, будто она вот-вот перейдет, в ту или другую сторону, некую невидимую черту, призрачную границу веры – и обнаружит, что время, проведенное ею с лоа, было всего лишь сном. Или что они, скорее, были как некие странные заразные узелки резонанса культур, жившие в ней с тех самых недель, которые она провела в умфо Бовуара в Нью-Джерси.

Энджи продолжала идти, черпая покой из шума прибоя, из этого вечного прибрежного мига, его сейчас и всегда.

Ее отец мертв, семь лет, как его не стало, а файлы отцовского дневника, записи, что он вел, не сказали ей почти ничего. Отец кому-то служил. Или чему-то. Наградой ему было знание, и ради этого знания он пожертвовал дочерью.

Временами у нее возникало чувство, будто она прожила не одну, а целых три жизни и каждая отделена от другой стеной чего-то, что она затруднялась назвать, и нет никакой надежды на целостность. И так будет всегда.

Вот детские воспоминания о научном городке «Мааса», глубоко проточившем аризонское плато. Энджи обнимает балясину балюстрады из песчаника, ветер плещет в лицо, и она воображает, будто все пустынное плато – это ее корабль. Ей кажется, что она даже может перемешивать краски заката над горами. Вскоре она улетит оттуда – страх жестким комом застрянет в горле. А теперь ей даже не вспомнить, когда же она в последний раз взглянула в лицо отца. Хотя, кажется, это было перед самым отлетом, на стоянке мотодельтапланов, трепетавших

на ветру, как рой радужных мотыльков. В ту ночь закончилась первая ее жизнь; и жизнь отца тоже.

Вторая жизнь была странной, стремительной и очень короткой. Некто Тернер увез ее из Аризоны и оставил с Бобби, Бовуаром и остальными. Тернера она помнила плохо, только то, что это был высокий мужчина с крепкими мускулами и затравленным взглядом. Он доставил ее в Нью-Йорк. Оттуда их с Бобби повез в Нью-Джерси уже Бовуар. Там, на пятьдесят третьем уровне исполинского здания-улья, Бовуар объяснял ей природу снов. Сны реальны, говорил он, и его шоколадное лицо блестело от пота. Он называл ей имена тех, кого она видела в снах. Учил ее, что все сны тянутся к единому морю, показывал, чем ее сны похожи на все прочие и в то же время чем от них отличаются. Ты одна скользишь и по старому морю, и по новому, говорил он.

В Нью-Джерси ею владели боги.

Она научилась отдаваться во власть Наездников. Она видела, как лоа Линглессу входит в Бовуара в его умфо, видела, как жилистые ноги учителя разметывают вычерченные белой мукой на полу диаграммы. В Нью-Джерси она знала богов – богов и любовь.

Лоа руководили ею, когда она вступила в мир рука об руку с Бобби, чтобы построить свою третью жизнь, теперешнюю. Они хорошо подходили друг другу, Энджи и Бобби, – оба вышедшие из вакуума: Энджи – из стерильного царства «Маас-Биолабс», а Бобби – из барритаунской скуки…

Гран-Бригитта снизошла на нее без всякого предупреждения. Энджи споткнулась, едва не рухнув в прибой, когда звук моря вдруг будто бы засосало в открывшийся перед ней сумеречный пейзаж. Беленая кладбищенская ограда, могильные камни, ивы. Свечи.

Под самой древней из ив – гирлянды свечей; переплетенные корни заляпаны воском.

Дитя, знай меня.

И тут же Энджи почувствовала ее присутствие и признала в ней то, чем она являлась: Маман Бригитта, Мадемуазель Бригитта, старейшина мертвых.

Нет у меня ни культа, дитя, ни особого алтаря.

Энджи вдруг осознала, что идет вперед, прямо на сияние свечей. Гул в ушах, как будто среди ветвей ивы скрывается необъятный пчелиный рой.

Кровь моя – отмщение.

Энджи вспомнила Бермуды, ночь, тайфун. Их с Бобби занесло тогда в самое око тайфуна. Такова была Гран-Бригитта.

Безмолвие, ощущение давления немыслимых сил, на миг замерших, ставших управляемыми. Под деревом ничего не видно. Одни свечи.

– Лоа… я не могу позвать их. Я чувствую нечто… я пришла взглянуть…

Ты призвана к моему репозуару[42]*. Слушай меня. Твой отец прочертил веве*[43] *в твоей голове; он прочертил их в плоти, которая не была плотью. Ты была посвящена Эрзули Фреде*[44]*. Ради собственных целей привел тебя в этот мир Легба. Но тебе давали яд, дитя,* coup-poudre…

Из носа у нее потекла кровь.

– Яд?

Веве твоего отца изменены, частично стерты, прочерчены заново. Хотя ты и перестала себя отравлять, Наездники все же не могут прийти к тебе. Я – иной природы.

Боль раскалывает голову, в висках стучит кровь…

– Пожалуйста… прошу…

Слушай меня. У тебя есть враги. Они хотят тебе зла. Здесь многое поставлено на карту. Бойся яда, дитя!

Энджи опустила взгляд на руки. Кровь была настоящей, яркой. Гудение усилилось. Может, пчелы гудят только в ее голове?

– Пожалуйста! Помоги мне! Объясни…

Тебе нельзя оставаться. Здесь – смерть.

Оглушенная солнцем, Энджи упала на колени в песок. Рядом бился прибой, обдавая ее мелкими брызгами, в двух метрах над головой нервно завис «дорнье». В то же мгновение боль исчезла. Энджи отерла окровавленные руки о рукава синей куртки и села на песок. С тонким воем вращались многочисленные сенсоры и камеры вертолета.

– Все в порядке, – выдавила она. – Кровь из носа. Просто кровь потекла из носа…

«Дорнье» рванулся было вперед, потом назад.

– Я иду домой. Со мной все в порядке.

Мягко поднявшись, вертолетик скрылся из виду.

Энджи обхватила плечи руками, ее трясло. Нет, нельзя, чтобы они догадались. Конечно, они поймут, что что-то стряслось, но не будут знать что. Заставив себя подняться, она повернулась и поковыляла назад той же дорогой, какой пришла. По пути обшарила карманы в поисках салфетки, носового платка, чего угодно, чем можно было бы стереть кровь с лица.

Когда пальцы нащупали плоский пакетик, она тут же поняла, что это. Остановилась, дрожа вовсе не от утреннего ветра. Наркотик. Это невозможно. Да, так оно и есть. Но кто?

Обернувшись, она остановила взгляд на «дорнье»; тот метнулся прочь…

Одна упаковка. Хватит на целый месяц.

Coup-poudre.

Бойся яда, дитя.

4
Сквот

Моне снилось, что она снова в кливлендском дансинге, танцует обнаженная в столбе жаркого голубого света – и клетка ее подвешена высоко над полом. А кругом – запрокинутые к ней лица и синий свет шляпками от гвоздей в белках глаз. И на лицах то самое выражение, какое всегда бывает у мужчин, когда они смотрят, как ты танцуешь, пожирают тебя глазами и при этом заперты внутри самих себя. И эти глаза ничего, совсем ничего тебе не говорят, а лица – не важно, что залиты потом, – будто высечены из чего-то, что только напоминает плоть.

Впрочем, плевать ей, как они смотрят, – она ведь танцует, и клетка высоко-высоко, и сама она под кайфом, вся в ритме, танцует три вещи кряду, а тут и магик пробирает ее насквозь, и новая сила в ногах заставляет вставать на цыпочки…

Кто-то схватил ее за голень.

Она попыталась закричать, только ничего у нее не вышло, крик застрял в горле. А когда он все-таки вырвался, внутри у нее будто что-то оборвалось, сердце обожгло болью, и синий свет разлетелся клочьями. Рука была все еще здесь, сжимала голень.

Рывком, как чертик из табакерки, Мона села в постели и выпрямилась – сражаясь с темнотой, пытаясь смахнуть волосы с глаз.

– Что с тобой, детка?

Вторую руку положив ей на лоб, он толкнул ее назад в жаркую впадину подушки.

– Сон…

Рука все еще здесь, от этого хотелось кричать.

– У тебя есть сигаретка, Эдди?

Рука исчезла, щелчок и огонек зажигалки – он прикуривает ей сигарету; пламя на миг высвечивает его лицо. Затягивается, отдает сигарету ей. Мона быстро села, уперла подбородок в колени – армейское одеяло тут же натянулось палаткой, – ей не хочется, чтобы сейчас к ней кто-нибудь прикасался.

Предостерегающе скрипнула сломанная ножка выкопанного на свалке стула; это Эдди, откинувшись на спинку, закурил сам. «Да сломайся же, – просила Мона у пластикового стула, – опрокинь его на задницу, чтобы он пару раз мне врезал». Хорошо хоть темно и не надо смотреть на сквот. Ничего нет хуже, чем проснуться утром с дурной головой, когда слишком тошнит, чтобы пошевелиться, – а она еще забыла прилепить черный

пластик на окно, так ее ломало, когда вернулась вчера. Самое поганое – это утро, когда бьют солнечные лучи, высвечивая все мелкие мерзости и нагревая воздух к появлению мух.

Никто никогда не хватал ее там, в Кливленде. Любой, кто настолько забалдел, чтобы решиться протянуть руку сквозь прутья, был уже слишком пьян, чтобы двигаться; он и дышать-то, наверное, был не в силах. И в танцзале клиенты ее никогда не лапали, разве что заранее уладив эту проблему с Эдди, и за двойную плату, но и то было скорее для видимости.

Ну да в любом случае это всегда оставалось лишь частью привычного ритуала, а потому, казалось, происходит где-то еще, вне ее жизни. И ей нравилось наблюдать за ними, когда они теряли настрой. Тут начиналось самое интересное, потому что они и вправду теряли его и становились совершенно беспомощными – ну, может, лишь на долю секунды, – но по-любому ей всегда казалось, что их тут даже и нет.

– Эдди, еще одна ночь здесь, и я просто с ума сойду.

Случалось, он бил ее и за меньшее, так что она, спрятав лицо в колени и одеяло, сжалась, ожидая удара.

– Ну конечно, – ответил он, – ты же не прочь вернуться на ферму к своим сомам? Или хочешь назад в Кливленд?

– Я просто не могу больше…

– Завтра.

– Что завтра?

– А для тебя это недостаточно скоро? Завтра вечером, частный долбаный самолет, ну как? Прямиком в Нью-Йорк. Хоть тогда ты наконец перестанешь доставать меня этим своим нытьем?

– Пожалуйста, беби, – она потянулась к нему, – мы можем поехать на поезде…

Он отшвырнул ее руку.

– У тебя дерьмо вместо мозгов.

Если продолжать жаловаться, сказать что-нибудь о сквоте, любое, он тут же решит, будто она имеет в виду, что он не справляется и все его великие сделки кончаются ничем. Он заведется, она знает, он заведется. Как в тот раз, когда она разоралась из-за жуков – тараканов здесь называли пальмовыми жуками, – но ведь это было только потому, что половина этих проклятых тварей ну самые настоящие мутанты. Кто-то пытался вывести их такой жуткой дрянью, которая на хрен перекособочила все их ДНК. И теперь у этих гребаных тараканов, что дохли у тебя на глазах, были то лишние головы или лапы, то, наоборот, чего-нибудь не хватало. А однажды она видела тварь, которая выглядела так, будто проглотила распятие или что-то

вроде. Спина, или панцирь, твари – как там это у них называется – была настолько искривлена, что хотелось сблевать.

– Беби, – она старалась говорить мягче, – я ничего не могу поделать, это место просто меня достало…

– «Зелень-на-Крючке», – сказал он, будто вовсе ее не слышал. – Я был в этом клубе и встретил вербовщика. И ты знаешь, он выбрал меня! У мужика нюх на таланты.

Сквозь темноту Мона чуть ли не видела эту его ухмылочку.

– Он из Лондона, это в Англии. Вербовщик талантов. Пришел в «Зелень» и просто: ты-то, мол, мне и нужен!

– Лох?

«Зелень-на-Крючке», или, точнее, клуб «У Хуки Грина», – место, где, как недавно решил Эдди, бьется деловой пульс с особой силой, – находился на тридцать третьем этаже стеклянного небоскреба. Все внутренние перегородки здесь были порушены, чтобы сделать большую, величиной с квартал, танцплощадку. Но Эдди уже успел махнуть на это заведение рукой, поскольку там не нашлось никого, кто желал бы уделить ему хоть каплю внимания. Мона никогда не видела самого Хуки Грина – «злого жилистого Крючка Зеленого», ушедшего на покой бейсболиста, которому принадлежало заведение, – но танцевалось там просто здорово.

– Будешь ты, черт побери, слушать? Какой лох? Дерьмо собачье. Он голова, у него связи. И он собирается протолкнуть меня наверх. И знаешь что? Я намерен взять тебя с собой.

– Но что ему нужно?

– Какая-то актриса. Или кто-то вроде актрисы. И ушлый мальчик, чтобы доставить ее в одно место и там придержать.

– Актриса? Место? Какое место?

Она услышала, как он расстегнул куртку. Потом что-то упало на постель у ее ног.

– Две тонны. – Он зевнул.

Господи! Выходит, это не шутка? Но если он не прикалывается, то что же это, черт побери, значит?

– Сколько ты сшибла сегодня, Мона?

– Девяносто.

На самом деле сто двадцать, но последнего клиента Мона посчитала как сверхурочные. Она до смерти боялась утаивать деньги, но иначе на что купить магик?

– Оставь себе. Купи какие-нибудь шмотки. И не рабочий хлам. Никому в этой поездке не нужно, чтобы ты трясла голой задницей.

– Когда?

– Завтра, я же сказал. Можешь распрощаться с этой долбаной

дырой.

При этих словах Мона затаила дыхание. Опять скрипнул стул.

– Значит, девяносто?

– Ну.

– Расскажи мне.

– Эдди, я так устала…

– Нет, – сказал он.

Впрочем, хотелось ему не правды, правда Эдди была не нужна. Он хотел услышать историю. Ту, которую сам же и приучил Мону ему рассказывать. Эдди было глубоко наплевать, о чем ей говорили клиенты (а у большинства на душе было что-то тягостное, и им не терпелось этим чем-то с ней поделиться – что они обычно и делали), не интересовало его их занудство по поводу справки об анализе крови или то, как каждый второй повторяет ей дежурную шутку насчет того, что, мол, если подцепил сам, передай товарищу. Ему даже было по фигу, чего они требовали от нее в постели.

Эдди хотел, чтобы она рассказала ему про ублюдка, который обращался с ней как с пустым местом. Правда, рассказывая об этом жлобе, надо было не перегнуть палку, чтобы не выставить его слишком грубым, ведь это стоило бы много дороже, чем ей заплатили на самом деле. Главным в рассказе было то, что этот мнимый лох обращается с нею как с неким устройством, которое он арендует на полчаса. Нельзя сказать, что это такая уж большая редкость, но подобные лохи обычно тратят свои денежки на «живых кукол» или же торчат от стима. К Моне обычно шел клиент разговорчивый, ее даже норовили угостить сэндвичами, а если человек и оказывался жутким подонком, то все-таки не настолько жутким, как того хотел Эдди. А второе, чего тот требовал от рассказа, – чтобы Мона жаловалась, как ей было противно, но что, мол, при этом она чувствовала, будто все равно этого хочет, хочет безумно.

Протянув руку, Мона нашарила в темноте плотный конверт с деньгами.

Снова заскрипел стул.

Так что Мона рассказала Эдди, как выходила из «Распродажи», а он бросился прямо к ней, этот здоровенный жлобина, и просто спросил: «Сколько?» – и это ее смутило, но она все равно назвала цену и сказала: «Идем». Они залезли в его машину, машина была большая, старая, и в ней пахло сыростью (а это уже плагиат из ее жизни в Кливленде), и он опрокинул ее на сиденье…

– Перед «Распродажей»?

– На заднем дворе.

Эдди никогда не обвинял ее в том, что история эта – сплошная выдумка, он же сам как-никак и сочинил основные вехи сюжета. По сути своей, рассказ всегда был один и тот же. К тому времени, когда мужик задрал на ней юбку (черную, сказала она, и на мне были белые ботинки) и скинул с себя штаны, она расслышала, как звякнул ремень, это Эдди стягивал джинсы. Какой-то частью сознания Мона прикидывала (Эдди скользнул к ней в постель), а возможна ли та позиция, какую она описывает, но продолжала говорить. На Эдди это, во всяком случае, действовало. Она не забыла отметить, как было больно, когда жлобина вставлял, – больно, хотя она была совсем мокрой. Помянула, как он стискивал ее запястья, и похоже, уже порядком запуталась, где что, помнила только, что ее заднице полагалось болтаться в воздухе. Эдди начал ее ласкать, гладил грудь и живот, поэтому она переключилась с бездумной жестокости лоха на то, что ей полагалось при этом ощущать.

Того, что ей полагалось при этом ощущать, она в жизни никогда не испытывала. Кто-то ей говорил, что можно проникнуть в такое место, где, если и ощущаешь боль, все равно это приятно. Мона знала, что на самом деле это совсем не так. Тем не менее Эдди хотелось услышать, что боль была просто жуткая и что чувствовала Мона себя отвратительно, но ей все равно нравилось. Мона не видела в этом ни капли смысла, но научилась рассказывать так, как ему хотелось.

Потому что, какой бы бред она ни несла, вранье работало, и Эдди, перекатившись на нее и сбив одеяло комом, оказался у нее между ног и вошел. Мона догадывалась, что, должно быть, в его голове прокручивается в эти минуты мультик, где Эдди чувствует себя одновременно героем – тем самым трахающим жлобом без лица – и зрителем, следящим за сюжетом со стороны. Он стискивал ее запястья, прижав их к полу за ее головой. Так ему больше нравилось.

А когда он кончил и, свернувшись калачиком, задремал, Мона долго лежала без сна в душной темноте, снова и снова разыгрывая мечту об отъезде – такую яркую, такую чудесную.

Ну пожалуйста, пусть это будет правдой.

5
«Портобелло»

Кумико проснулась в необъятной кровати – и тихо лежала, прислушиваясь. До нее долетало чуть слышное, неясное бормотание улицы.

В комнате было холодно. Завернувшись, как в мантию, в розовое стеганое одеяло, девочка выбралась из постели. Маленькие оконца были в ярких морозных узорах. Подойдя к ванне, она слегка надавила на одно из позолоченных крыльев лебедя. Птица кашлянула, забулькала и стала наполнять ванну. Не снимая с себя одеяла, Кумико принялась открывать чемоданы, чтобы выбрать одежду на день; отобранное она выкладывала на кровать.

Когда ванна была готова, она скинула одеяло на пол и, перебравшись через мраморный край, стоически погрузилась в обжигающе горячую воду. Пар от ванны растопил изморозь на стеклах; теперь по ним бежали струйки сконденсировавшейся влаги. Неужели во всех английских спальнях такие ванны? – подумала Кумико. Она старательно натерлась овальным бруском французского мыла, встала, кое-как смыла пену и завернулась в огромное черное полотенце; потом после нескольких неудачных попыток случайно обнаружила раковину, унитаз и биде. Они прятались в крохотной комнатушке, которая когда-то, должно быть, служила встроенным шкафом. Стены ее покрывал темный от времени шпон.

Дважды прозвонил телефон, похожий скорее на предмет из театрального реквизита.

– Да?

– Петал на проводе. Как насчет завтрака? Роджер уже здесь. Мечтает с тобой познакомиться.

– Спасибо, – ответила девочка. – Я уже одеваюсь.

Кумико натянула свои самые лучшие и самые мешковатые кожаные штаны, потом зарылась в ворсистый голубой свитер, такой большой, что вполне был бы впору и Петалу. Открыв сумочку, чтобы достать косметику, она увидела модуль «Маас-Неотек». Пальцы сами собой сомкнулись на обтекаемом корпусе, она вовсе не собиралась вызывать призрака. Но хватило только прикосновения. Едва образовавшись в комнате, Колин тут же смешно запрокинул голову, разглядывая низкий, с зеркалом, потолок.

– Я полагаю, мы не в Дорчестере?

– Вопросы задаю я, – сказала она. – Что это за место?

– Спальня, – ответил он. – В довольно сомнительном вкусе.

– Отвечай, пожалуйста, на мой вопрос.

– Хорошо, – сказал призрак, осматривая постель и ванну. – Судя по обстановке, это вполне мог бы быть и бордель. Я имею доступ к историческим данным на большую часть зданий Лондона, но об этом нет ничего примечательного. Построено в тысяча восемьсот сорок восьмом году. Классический образчик викторианского стиля. Район дорогой, хотя и немодный, пользуется успехом среди определенного сорта юристов.

Призрак пожал плечами. Сквозь начищенные до блеска сапоги для верховой езды девочка видела край кровати.

Кумико бросила модуль в сумочку, и призрак исчез.

С лифтом она справилась без труда и, оказавшись в обшитой белыми панелями прихожей, пошла на звук голосов. Не то холл, не то коридор. За угол.

– Доброе утро, – сказал Петал, снимая с блюда серебряную крышку; от блюда шел ароматный пар. – Вот он, неуловимый мистер Суэйн, для тебя – Роджер. А вот твой завтрак.

– Привет, – сказал мужчина, делая шаг вперед и протягивая ей руку.

Бледные глаза на длинном скульптурном лице. Гладкие, мышиного цвета волосы зачесаны наискось через весь лоб. Кумико затруднилась бы определить его возраст: это было лицо молодого человека, но в западинах сероватых глаз залегли глубокие морщины. Высокий, в руках, плечах и осанке – что-то от атлета.

– Добро пожаловать в Лондон.

Он взял ее руку, пожал, отпустил.

– Спасибо.

На Суэйне была рубашка без воротника, в очень мелкую красную полоску на бледно-голубом фоне, манжеты скреплены скромными овалами тусклого золота. Расстегнутая у ворота, рубашка открывала темный треугольник татуированной кожи.

– Я говорил сегодня утром с твоим отцом, сказал, что ты прибыла благополучно.

– Вы человек высокого ранга.

Бледные глаза сузились.

– Прошу прощения?

– Драконы.

Петал рассмеялся.

– Дай ей поесть, – донеслось справа. Женский голос.

Кумико повернулась. На фоне высокого многостворчатого

окна увидела стройную темную фигуру. За окном – обнесенный стеной сад под снегом. Глаза женщины были скрыты за серебристыми стеклами, отражающими комнату и ее обитателей.

– Еще одна наша гостья, – сказал Петал.

– Салли, – представилась женщина, – Салли Ширс[45]. Поешь, котенок. Если тебе так же скучно, как и мне, может, захочешь пойти погулять? – Под взглядом Кумико ее рука скользнула к стеклам, как будто она собиралась снять очки. – Портобелло-роуд – всего в двух кварталах отсюда. Мне нужно глотнуть свежего воздуха.

У зеркальных линз, похоже, не было ни оправы, ни дужек.

– Роджер, – проговорил Петал, накладывая с серебряной тарелки розовые ломти бекона, – как ты думаешь, Кумико будет в безопасности с нашей Салли?

– В большей, чем я, учитывая, в каком Салли настроении, – ответил Суэйн. – Боюсь, здесь мало что может развлечь тебя, – обратился он к Кумико, подводя ее к столу, – но мы попытаемся сделать все возможное, чтобы ты чувствовала себя как дома, и постараемся показать тебе город. Хотя здесь и не Токио.

– Во всяком случае, пока, – добавил Петал, но Суэйн его, казалось, не расслышал.

– Спасибо, – сказала Кумико, когда Суэйн пододвинул ей стул.

– Сочту за честь, – сказал Суэйн. – Наше почтение твоему отцу…

– Послушай, – вмешалась женщина, – она еще слишком мала для всего этого. Пожалей наши уши.

– Салли сегодня немного не в настроении, – сказал Петал, накладывая на тарелку Кумико яйцо пашот.

Как выяснилось, выражение «не в настроении» не совсем точно определяло то состояние, в котором пребывала Салли Ширс. Скорее его стоило бы назвать едва сдерживаемым бешенством, яростью, которая проявлялась в походке и гневном пистолетном стуке каблуков черных сапог по обледеневшей мостовой.

Кумико приходилось отчаянно семенить, чтобы не отставать, когда женщина зашагала прочь от дома Суэйна по загибающемуся тротуару. В рассеянном свете зимнего солнца холодно вспыхивали стекла очков. На Салли были узкие брюки из темно-коричневой замши и объемистая черная куртка с высоко поднятым воротником – дорогая одежда. А учитывая короткую стрижку, ее вполне можно было принять за мальчишку.

Впервые с того момента, как она покинула Токио, Кумико

почувствовала неподдельный страх.

Клокочущая в женщине энергия была почти осязаемой – этакий сгусток гнева, готовый ежесекундно взорваться, выпустив на свободу фурию.

Кумико сунула руку в сумочку и сжала модуль «Маас-Неотек». Колин тут же оказался рядом, небрежно подстраиваясь под их шаг: руки – в карманах куртки, сапоги не оставляют следов на грязном снегу. Она отпустила модуль – призрак исчез, но Кумико почувствовала себя увереннее. Не стоит бояться потерять Салли Ширс, угнаться за которой девочке было трудновато; Колин, конечно же, объяснит ей, как вернуться в дом Суэйна. А если я от нее убегу, подумала она, то он мне поможет. Переходя перекресток на красный свет, женщина увернулась от проезжающих машин, с рассеянным видом выдернула Кумико из-под колес черной «хонды», при этом еще умудрившись пнуть машину в бампер, когда такси проезжало мимо.

– Ты пьешь? – спросила она, сжимая локоть Кумико.

Кумико покачала головой.

– Пожалуйста, мне больно… руку.

Выпустив Кумико, Салли втолкнула ее через украшенную причудливыми узорами стеклянную дверь в шум и тепло паба. Самое настоящее логово, отделанное темным деревом и потертым велюром.

Вскоре они сидели друг против друга за маленьким мраморным столиком, на котором разместились пепельница с рекламой пива «Басс», кружка темного эля, стакан виски, который Салли опорожнила по дороге от стойки, и бокал с апельсиновым лимонадом.

Только тут до Кумико дошло, что серебристые линзы уходят в бледную кожу без малейшего намека на шов.

Салли покачала пустой стакан, не поднимая его со стола, и критически оглядела.

– Я встречала твоего отца, – сказала она. – Он тогда еще так высоко не поднялся. – Она оставила стакан и занялась кружкой с элем. – Суэйн говорил, ты наполовину гайдзин. Сказал, твоя мать была датчанкой. – Она глотнула эля. – По тебе не скажешь.

– Она приказала изменить мне глаза.

– Тебе идет.

– Спасибо. А… очки, – непроизвольно сказала девочка, – они очень красивы.

Салли пожала плечами.

– Твой старик уже позволил тебе побывать в Тибе?

Кумико покачала головой.

– Умну. На его месте я поступила бы так же.

Она отпила еще эля. Ее ногти, очевидно акриловые, тоном и блеском напоминали перламутр.

– Мне рассказали о твоей матери.

Чувствуя, что у нее пылает лицо, Кумико опустила глаза.

– Ты здесь не поэтому. Хотя бы это ты знаешь? Отец вовсе не из-за нее сплавил тебя к Суэйну. Там – война. С самого моего рождения в верхах якудза не было таких разборок. А теперь, видно, время пришло. – Пустая кружка звякнула о мрамор. – Он просто не может позволить, чтобы ты там оставалась, вот и все. До тебя там слишком легко добраться. С точки зрения соперников Янаки, парень вроде Суэйна от основных событий довольно далеко. У тебя ведь даже и паспорт на другое имя, ведь так? Суэйн должен Янаке. Так что с тобой все в порядке, ясно?

На глаза Кумико навернулись слезы.

– О'кей, с тобой не все в порядке. – Жемчужные ногти забарабанили по мрамору. – Так, значит, она покончила с собой, и с тобой не все в порядке. Чувствуешь себя виноватой, да?

Кумико подняла глаза – на два зеркала-близнеца.

Как и Синдзюку в Токио, Портобелло задыхался от туристов. Салли Ширс, настояв на том, чтобы Кумико выпила свой лимонад, который уже успел согреться и выдохся, вывела ее на запруженную улицу. Крепко держа девочку за руку, Салли прокладывала себе дорогу по тротуару мимо раскладных стальных столиков, накрытых рваными скатертями из бархата, с тысячами предметов из хрусталя и серебра, меди и фарфора. Кумико смотрела во все глаза, но Салли тянула ее мимо выстроившихся рядами сервизов с королевской эмблемой и носатых чайников времен Черчилля.

– Это гоми, – рискнула заметить Кумико, когда они остановились у перекрестка.

Хлам. В Токио изношенные и ненужные вещи превращались в строительный наполнитель. Салли по-волчьи оскалилась.

– Здесь Англия. Гоми – основной природный ресурс. Гоми и талант. Вот это я сейчас и ищу. Талант.

Талант носил бутылочно-зеленый вельветовый костюм и безукоризненно чистые замшевые ботинки; Салли отыскала его в каком-то очередном пабе. Паб назывался «Роза и корона». Салли представила талант девочке, назвав его Тиком. Ростом он был чуть выше Кумико, и в спине или бедре у него было что-то перекошено, поэтому ходил человечек, откровенно хромая, что еще больше усиливало общее впечатление асимметричности. Его волосы были выбриты сзади и на висках, а над лбом наворочены в

масленую шапку темных кудрей.

Салли представила Кумико:

– Моя подруга из Японии – и держи руки при себе.

С неопределенной болезненной улыбкой Тик повел их к столику.

– Как бизнес, Тик?

– Прекрасно, – мрачно ответил тот. – А как заслуженный отдых?

Салли села спиной к стене на мягкую банкетку.

– Ну, – отозвалась она, – как тебе сказать. То потухнет, то погаснет.

Кумико подняла на нее глаза. Вся ярость Салли куда-то испарилась или же была искусно скрыта. Садясь, Кумико опустила руку в сумочку и нашарила модуль. Колин материализовался на скамейке возле Салли.

– Очень мило с твоей стороны вспомнить обо мне, – сказал Тик, устраиваясь в кресле. – Я сказал бы, прошло два года. – Он поднял бровь, переведя взгляд на Кумико.

– Она в порядке. Ты знаешь Суэйна, Тик?

– Исключительно по репутации, спасибо.

Колин изучал их пикировку с насмешливым интересом, вертя головой из стороны в сторону, как будто на теннисном матче. Кумико пришлось напомнить себе, что никто, кроме нее, призрака не видит.

– Прокинь его для меня, будь так добр. Причем так, чтобы он про это не знал.

Тик во все глаза уставился на нее. Вся левая половина его лица скривилась в одном гигантском подмигивании.

– Ну да, – насмешливо отозвался он, – не многого же ты хочешь, а?

– Хорошие деньги, Тик. Лучше не бывает.

– Ищешь что-то конкретное или нужно просто покопаться в грязном белье? Сдается мне, будто кто-то не знает, что это он заправляет всем здешним рэкетом. Не очень хотелось бы, честно говоря, чтобы он меня застукал…

– Но опять же деньги, Тик.

Два очень быстрых подмигивания.

– Роджер выкручивает мне руки, Тик. А кто-то давит на Роджера. Я не знаю, что у них на него есть, на это мне, в сущности, наплевать. Но того, что у него есть на меня, хватит с лихвой. Глянь входящие-исходящие сообщения, в общем, рутинный трафик. Он с кем-то явно связывается, поскольку условия все время меняются.

– А как я это узнаю, если увижу?

– Просто посмотри, Тик. Сделай это для меня.

Опять конвульсивное подмигивание.

– Идет, попробую его прокинуть. – Он нервно побарабанил пальцами по краю стола. – Поставишь выпивку?

Колин поглядел через стол на Кумико и театрально закатил глаза.

– Я не понимаю, – говорила Кумико, торопясь за Салли по Портобелло-роуд обратно. – Ты втянула меня в какую-то свою интригу…

Салли подняла от ветра воротник.

– А если я тебя выдам? Ты что-то устраиваешь против партнера моего отца. У тебя нет никаких причин доверять мне.

– Как и у тебя доверять мне, котенок. А вдруг я одна из тех нехороших личностей, что доставляют столько хлопот твоему отцу?

Кумико задумалась над такой возможностью.

– Это правда?

– Нет. А вот если ты шпион Суэйна, значит он в последнее время стал совсем уж хитровыдрюченные ходы закручивать. Ну а если ты шпионишь для своего старика, то, может, мне и не нужен Тик. Но если за всем этим стоят якудза, какой смысл использовать Роджера вслепую?

– Я не шпион.

– Так начинай становиться своим собственным шпионом. Если в Токио жарко, как на сковородке, то здесь ты, пожалуй, угодила в самое пекло.

– Но к чему замешивать меня?

– Ты и так замешана. Ты же здесь. Боишься?

– Нет, – ответила Кумико и умолкла, задумавшись, с чего бы этому быть правдой.

Позже вечером в одиночестве зеркальной мансарды Кумико присела на край огромной кровати. Стянула промокшие башмаки, потом вынула из сумочки модуль «Маас-Неотек».

– Кто они такие? – спросила она у призрака, который взгромоздился на парапет черной мраморной ванны.

– Твои приятели из паба?

– Да.

– Уголовники. Что до меня, то я посоветовал бы тебе водить более приличную компанию. Женщина – иностранка. Из Северной Америки. Мужчина – лондонец. Ист-Энд. Судя по всему, вор. Крадет информацию. К сожалению, я могу войти в архивы полиции, только когда дело касается преступлений,

представляющих интерес с исторической точки зрения.

– Я не знаю, что мне делать…

– Переверни модуль.

– Что?

– Посмотри на задней крышке. Там есть бороздка в форме полумесяца. Вставь в нее ноготь большого пальца и поверни…

Открылся крохотный лючок. Микропереключатели.

– Переставь «A/B» на «B». Воспользуйся чем-нибудь тонким и острым, но только не шариком.

– Что?

– Не шариковой ручкой. Чернила и пыль забивают схемы. Зубочистка подошла бы идеально. Тогда модуль включится на запись, активируемую голосом.

– А потом?

– Спрячь модуль внизу. А завтра прослушаем, что записалось…

6
Утренний свет

Слик провел ночь на куске промятого темперлона под верстаком в цеху Фабрики, завернувшись в шуршащий лист упаковки. От пузырчатого пластика воняло свободными мономерами. Слику снились Малыш Африка и его тачка, причем во сне эти двое сливались, и зубы во рту у Малыша превращались в блестящие хромированные черепушки.

Он проснулся от резкого ветра, заносящего первый зимний снежок в пустые проемы фабричных окон.

Слик лежал и думал о циркульной пиле для Судьи: почему всякий раз, когда требуется разрезать что-то плотнее фанеры, запястье норовит выйти из строя? Первоначально он планировал оснастить руку пятью самостоятельными пальцами на шарнирах. Каждый из пальцев должен был оканчиваться миниатюрной электропилой, но эта концепция отпала по целому ряду причин. Электричество… ну как-то не удовлетворяло, было недостаточно физическим, что ли. Другое дело – воздух, большие резервуары сжатого воздуха или внутреннее сгорание, если удастся подобрать запчасти. Впрочем, если копаться достаточно долго, на Собачьей Пустоши можно отыскать детали практически ко всему, а не отыщешь – так под рукой с полдюжины городов джерсийского Ржавого Пояса с целыми акрами мертвых механизмов – собирай сколько хочешь.

Он выполз из-под верстака, за ним, как мантия, потянулось прозрачное пузырчатое одеяло. Слик вспомнил о мужике на носилках, который теперь лежал в его комнате, и о спавшей в его, Сликовой, кровати Черри. У нее-то, наверное, не затекла шея. Поморщившись, Слик потянулся.

Скоро вернется Джентри. Придется как-то с ним объясняться – и это притом, что Джентри терпеть не может, когда рядом люди.

В закутке, служившем на Фабрике кухней, Пташка варил кофе. Пол здесь был выложен коробящимися полосами пластмассовой плитки, и вдоль стены шел ряд тусклых стальных раковин. Под порывами ветра брезент в окне то надувался, то опадал, пропуская молочный свет, отчего комната казалась еще холоднее.

– Как у нас с водой? – спросил Слик, входя на кухню.

В обязанности Пташки входило проверять по утрам резервуары на крыше, вылавливать из них листья, а то и дохлых

ворон. Потом он шел осматривать сифоны на фильтрах, впускал галлонов десять свежей воды, если вода подходила к концу. На фильтровку и подачу этих десяти галлонов по системе многочисленных труб до резервуара коллектора уходила большая часть дня. Оттого что Пташка покорно занимался всем этим, Джентри его и терпел. Впрочем, крайняя пугливость парнишки была тоже плюсом. Пташка неплохо овладел искусством становиться совершенно невидимым, когда это касалось Джентри.

– Под завязку, – ответил Пташка.

– Можно как-нибудь принять душ? – спросила Черри со своего насеста на старой стиролоновой раме.

Под глазами у нее залегли темные тени, как будто она не спала всю ночь, но болячку она замазала косметикой.

– Нет, – сказал Слик, – нельзя. Во всяком случае, в это время года.

– Так я и думала, – мрачно ответила Черри, сгорбившись под своей коллекцией кожаных курток.

Слик плеснул себе остатки кофе и встал перед девушкой, глотая горячее питье.

– У тебя проблемы? – спросила она.

– Да. Ты и тот парень наверху. Кстати, а что ты тут делаешь? Ты ведь при деле или как?

Из кармана самой верхней куртки девушка извлекла черный бипер – приемник телеметрического сигнала.

– Как только что-то изменится, он запищит.

– Хорошо спала?

– Нормально.

– А вот я – нет. Ты давно работаешь на Африку, Черри?

– С неделю.

– Ты правда медтех?

Она пожала плечами. Где-то под куртками.

– Достаточно, чтобы присматривать за Графом.

– Графом?

– Да. Графом. Малыш его так однажды назвал.

Пташка поежился. Он еще не успел обработать хайр своими любимыми парикмахерскими штучками, так что волосы в беспорядке торчали во все стороны.

– А что, если он вампир? – предположил Пташка.

– Шутишь? – Черри изумленно уставилась на него.

Широко раскрыв глаза, Пташка серьезно покачал головой.

Черри перевела взгляд на Слика:

– У твоего друга что, шариков не хватает?

– Никаких вампиров. – Слик обернулся к Пташке. – Их не бывает, понимаешь? Только в стимах. Этот парень не вампир,

понял?

Пташка медленно кивнул: Слик его, похоже, не убедил. Ветер хлопал пластиковыми занавесями, играя с молочным светом.

Слик попробовал было заняться Судьей, но Пташка снова куда-то исчез, и все время мешали мысли о парне на носилках. К тому же становилось слишком холодно. Придется опять делать отводку с крыши, ставить обогреватели. Что предвещало очередной спор с Джентри по поводу электричества. Ток принадлежал Джентри – один он знал, как перехитрить «Ядерную комиссию».

Шла третья зима пребывания Слика на Фабрике, но, когда он наткнулся на это место, Джентри жил здесь уже четыре года. После того как они привели в порядок чердак, Слику досталась та комната, куда он сейчас поместил Черри и парня, которого, если верить Черри, Малыш называл Графом. Джентри настаивал на том, что Фабрика принадлежит ему, поскольку он пришел сюда первым и подвел электричество без ведома «Комиссии». Но Слик делал на Фабрике множество дел, которые Джентри не желал делать сам. Например, добывал продукты. Или если случится серьезная авария, если закоротит провода или засорятся фильтры – именно у Слика были нужные инструменты и он делал весь ремонт.

Джентри не любил людей. Последнее время он дни напролет проводил со своими деками, периферией и голопроекторами, и наружу его выгонял только голод. Слик не понимал, чего именно добивается Джентри, но завидовал такой одержимости. Никто не докапывался до Джентри. Малыш Африка ни за что не докопался бы до него, потому что Джентри не понесло бы в Атлантик-Сити и он не вляпался бы в такое дерьмо и в долги к Малышу Африке.

Слик вошел в свою комнату без стука. Черри обмывала грудь парня губкой. На руках у нес были белые одноразовые перчатки. Из той комнаты, где готовили еду, она принесла газовую плитку и теперь грела воду в стальном бачке смесителя.

Он заставил себя посмотреть на синюшное лицо на носилках; дряблые губы раскрыты ровно настолько, чтобы были видны желтые зубы курильщика. Лицо улицы, лицо толпы, такое можно встретить в любом баре.

Черри подняла глаза на Слика.

Слик присел на край кровати; накануне девушка расстегнула его спальный мешок и, развернув наподобие простыни, подвернула под темперлон.

– Есть разговор, Черри. Надо с этим что-то решать,

понимаешь?

Она выжала губку над миской.

– Как ты связалась с Малышом Африкой?

Она опустила губку в зиплок и убрала пакет в черную нейлоновую сумку из ховера Малыша. Глядя на нее, Слик вдруг понял: в том, что она делает, нет ни одного лишнего движения, похоже, ей даже не приходится задумываться, что делать дальше.

– Ты «У Моби Джейн» знаешь?

– Нет.

– Придорожный дансинг с мотелем на центральной трассе. Мой друг был там управляющим, рулил заведением уже с месяц до того, как я к нему перебралась. Моби Джейн – это просто здоровенная туша; торчит в задней комнате клуба в своей цистерне, как поплавок, а в вену ей капает очищенный кокс – с души воротит. Так вот, я и говорю, приехала я туда со своим дружком Спенсером, тем самым управляющим, потому что у меня были неприятности с моим дипломом в Кливленде и я не могла тогда работать…

– Какие неприятности?

– Обычные. Ты хочешь дослушать или нет? Так вот, Спенсер заранее рассказал мне, что там за дикий бардак с владелицей, ясно? Последнее, чего бы мне хотелось, – это чтобы кто-нибудь прознал про мой диплом медтеха. Иначе меня тут же заставили бы менять фильтры и накачивать кокаином двухсоткилограммовую тушу галлюцинирующей психопатки. Так что меня поставили обслуживать столы, разносить пиво и все такое. Ладно, это меня устраивало. Музыка у них была неплохая. Вообще-то, местечко не для слабонервных, но все было норм, пока все знали, что я со Спенсером. Но однажды я просыпаюсь, а Спенсера нет. Потом выясняется, он исчез с их деньгами. – Не переставая рассказывать, она вытирала грудь «спящего» толстым комом впитывающего волокна. – Сперва они меня немного побили. – Подняв на Слика глаза, Черри пожала плечами. – А потом сказали, что сделают со мной дальше. Скрутят мне руки за спиной и посадят в цистерну к Моби Джейн, потом запустят ее капельницу на всю катушку, а ей скажут, что мой дружок ее обнес… – Она бросила сырой ком в таз. – И вот они закрыли меня в стенном шкафу, чтобы я наглядно все себе представила заранее. Вдруг дверь открывается, и на пороге – Малыш Африка. До тех пор я его никогда раньше не видела. «Мисс Честерфилд, – говорит он, – у меня есть причины считать, что до последнего времени вы были зарегистрированным медицинским техником».

– То есть он предложил тебе работу?

– Предложил? Черта с два! Он просто проверил мои бумаги и

увез меня оттуда. Вокруг мотеля не было ни души, и это в субботний вечер. Вывел меня на стоянку, где нас ждали этот его ховер с черепами и двое больших черных парней. Да я, черт побери, была готова на все, только бы подальше от этой цистерны.

– А наш друг уже был в кузове?

– Нет. – Она стягивала перчатки. – Африка велел мне отвести ховер обратно в Кливленд, куда-то на окраину. Дома большие и старые, а газоны все вытоптаны. Африка направился к тому, где было полно охраны, думаю, к своему собственному. Вот этот, – она подоткнула синий спальный мешок под подбородок неизвестного, – лежал в спальне. Мне было сказано начинать немедленно. Африка сказал, что хорошо заплатит.

– И ты знала, что он привезет тебя сюда, на Пустошь?

– Нет. По-моему, он сам этого не знал. Что-то стряслось. Он ввалился на следующий день и сказал, что мы уезжаем. Похоже, его что-то напугало до чертиков. Вот тогда он и назвал его Графом. Потому что был зол и, думаю, перепуган. «Граф и его треклятый „Эл-Эф“» – так сказал он.

– Его что?

– «Эл-Эф». Низкочастотник[46].

– Что это?

– Наверное, вот это. – Она указала на матовый серый блок, установленный в изголовье носилок.

7
Там нет никакого там [47]

Она представила себе, что Свифт уже ждет ее на веранде, в твиде, которому он отдавал предпочтение лос-анджелесской зимой: пиджак и жилетка сотканы разным узором, «селедочная кость» и «собачий клык». Хотя, наверное, шерсть одна и та же, а то и с одной и той же овцы, годами пасущейся на одном и том же склоне холма. И весь имидж от начала и до конца срежиссирован командой визажистов, скрывающейся в комнатке над одним лондонским магазинчиком на Флорал-стрит, где она никогда не бывала. Они подбирали ему полосатые рубашки, хлопок покупали в Париже у «Шарве»; они создавали его галстуки, заказывая шелк в Осаке, – и чтобы обязательно с вышитой вязью из крохотных логотипов «Сенснета». И все же почему-то он вечно выглядел так, будто его одевала мамочка.

Веранда пуста. «Дорнье» повисел над ней, потом скользнул к своему гнезду. Ощущение Маман Бригитты все еще не покидало Энджи.

В белой кухне Энджи отскребла с лица и рук запекшуюся кровь. А в гостиной у нее возникло такое чувство, будто она видит это место впервые. Крашеный пол, позолота на рамах, гобеленовая обивка стульев эпохи Людовика XVI, театральным задником – кубистский пейзаж Вальмье[48]. Как и гардероб Хилтона, интерьер был создан талантливыми, но чужими людьми. Когда она шла к винтовой лестнице, от резиновых сапог тянулись дорожки мокрого песка. За то время, что хозяйка провела в клинике, тут явно побывал Келли Хикмен, ее костюмер: рабочий багаж оказался аккуратно расставлен в хозяйской спальне. Девять плоских, будто для винтовок, кофров от «Гермеса» – гладкие прямоугольники похожи на гробы из начищенного чепрака. Одежду никогда не складывали, каждый костюм или платье распластаны между слоями шелковистой бумаги.

Энджи остановилась в дверях, глядя на пустую постель, на девять кожаных гробов.

Войдя в ванную (стеклянный блок и белая мозаичная плитка) и заперев за собой дверь, она стала открывать одну за другой створки туалетных шкафчиков, не обращая внимания на ровные ряды нераспечатанных склянок с притираниями и кремами, на упаковки патентованных лекарств. Инъектор нашелся в третьем по счету шкафу рядом с пузырчатым листком дермов. Энджи даже

чуть наклонилась, чтобы получше рассмотреть серую упаковку с японской надписью, боясь поначалу даже к ней прикоснуться. Инъектор выглядел новым, не пользованным. Энджи была почти уверена, что сама не покупала эту машинку, не прятала ее в шкаф. Вынув пакет из кармана куртки, она принялась изучать его, раз за разом поворачивая меж пальцев, наблюдая, как в своих запаянных отделениях пересыпаются отмеренные дозы лиловой пыли.

Она увидела, как опускает пакетик на край белой мраморной раковины и, выдавив прозрачный дерм из ячейки, вставляет его в инъектор. Красная вспышка диода – это машинка всосала дозу. Потом Энджи видит свои руки: вот они снимают дерм, и тот, как белая пластиковая пиявка, чуть покачивается на кончике правого указательного пальца. Внутренняя поверхность дерма блестит крохотными капельками ДМСО…[49]

Энджи поворачивается, делает три шага до туалета и роняет невскрытый пакет в унитаз. Тот всплывает, как миниатюрная баржа, наркотик по-прежнему совершенно сух. Абсолютно… Дрожащими руками она отыскивает пилку для ногтей и опускается на колени на белый кафель… Закрыть глаза, чтобы не видеть, как одна рука придерживает пакетик, в то время как другая вонзает острие пилки в шов, поворачивает… Пилка со звоном падает на пол, Энджи нажимает на спуск – и две половинки пустого теперь пакета исчезают. Несколько минут она отдыхает, прижавшись лбом к холодной эмали, потом заставляет себя встать и подойти к раковине, чтобы тщательно отмыть руки.

Потому что так хочется – только теперь она понимает как – облизать пальцы.

Позже, уже в серых сумерках, она отыскала в гараже транспортировочный контейнер из рифленой пластмассы, отнесла его наверх в спальню и стала упаковывать оставшиеся от Бобби вещи. Их было немного: кожаные джинсы – зачем он их купил, если они ему не нравились? – несколько рубашек, которые он не то собирался выбросить, не то просто забыл, и в нижнем ящике тикового бюро – киберпространственная дека. «Оно-Сэндай» – скорее игрушка, чем рабочий инструмент. Дека лежала посреди путаницы черных проводов, наборов дешевых стим-тродов и жирно лоснящегося тюбика проводящей пасты.

Энджи вспомнила деку, которой обычно пользовался Бобби, ту, которую он увез с собой, – серую заводскую «Хосаку» с немаркированной клавиатурой. Дека профессионального ковбоя. Он настаивал, чтобы она была с ним повсюду, хотя это и причиняло множество неприятностей на таможне. Зачем,

удивилась она, он купил «Оно-Сэндай»? И почему бросил ее? Энджи сидела на краешке кровати. Вынув деку из ящика, положила ее себе на колени.

Давным-давно, еще в Аризоне, отец предостерегал дочь, советовал ей не подключаться к матрице. «Тебе это не нужно», – говорил он. Она и не подключалась, поскольку киберпространство просто ей снилось, как будто переплетение неоновых линий матрицы всегда ждало за сомкнутыми веками.

«Там нет никакого там». Этому учили детей, объясняя им, что такое киберпространство. Ей вспомнились лекции улыбающегося наставника в административном центре научного городка, вспомнились бегущие по экрану картинки: пилоты в огромных шлемах и неуклюжих перчатках. Эта технология, пусть и примитивного с точки зрения нейроэлектроники «виртуального мира», давала человеку более полный доступ к системам истребителя. Пара миниатюрных видеотерминалов накачивала пилотов генерируемым компьютером потоком оперативных данных, перчатки вибротактильной обратной связи обеспечивали мир прикосновений, состоящий из рычагов и гашеток… С развитием технологии шлемы съеживались, видеотерминалы атрофировались…

Нагнувшись, Энджи подобрала набор тродов, встряхнула, высвобождая из клубка проводов.

Там нет никакого там.

Расправив на лбу эластичную головную повязку, она установила троды на висках – один из самых характерных человеческих жестов, а она делала его так редко. Потом нажала кнопку тестирования батарей «Оно-Сэндай». Зеленый – значит путь открыт. Теперь активировать деку. И спальня исчезла за бесцветной стеной сенсорной статики. Ее голова наполнилась стремительным потоком белого шума.

Пальцы сами наугад отыскали второй переключатель – и Энджи катапультировало сквозь стену статики в суматошную, тесную беспредельность, абстрактную пустоту киберпространства. Вокруг нее трехмерной сеткой развернулась в бесконечность яркая решетка матрицы.

– Анджела, – сказал дом спокойным, но не терпящим возражений тоном, – на проводе Хилтон Свифт.

– Служебный канал? – Она ела печеную фасоль с тостами у стойки на кухне.

– Нет, – доверительно ответил дом.

– Измени тон, – приказала она с набитым фасолью ртом. – И добавь озабоченности.

– Мистер Свифт ждет, – нервно протараторил дом.

– Уже лучше, – сказала она, относя тарелку и миску в раковину. – Но я хочу что-нибудь поближе к настоящей истерике.

– Ты ответишь ему? – Голос задыхался от напряжения.

– Нет, – сказала она, – но голос оставь как есть, мне так нравится.

Она прошла в гостиную. «Раз, два… – считала она про себя, на каждый счет задерживая дыхание. – Двенадцать, тринадцать…»

– Анджела, – мягко проговорил дом, – на проводе Хилтон Свифт…

– На служебном канале, – послышался голос Свифта; она с шумом выпустила воздух. – Ты знаешь, как я уважаю твою потребность побыть одной, но я очень о тебе беспокоюсь.

– Со мной все в порядке, Хилтон. У тебя нет причин волноваться. Пока.

– Ты споткнулась сегодня на пляже. Выглядела как будто не в себе. У тебя кровь шла из носа.

– Просто кровотечение.

– Мы бы хотели, чтобы ты прошла еще один осмотр…

– Отлично.

– Ты сегодня входила в матрицу, Энджи. Мы засекли тебя в промышленном секторе СОБА.

– Так вот что это было.

– Хочешь об этом поговорить?

– Тут не о чем говорить. Просто валяла дурака. Но ведь ты все равно от меня не отвяжешься, да? Я упаковывала кое-какой хлам, оставшийся после Бобби. Тебя бы это порадовало, Хилтон! Я нашла его деку и решила попробовать. Нажала пару клавиш и просто сидела, глядя по сторонам. Потом отключилась.

– Извини, Энджи.

– За что?

– За то, что потревожил тебя. Я сейчас отключусь.

– Хилтон, ты знаешь, где Бобби?

– Нет.

– Ты хочешь сказать, что служба безопасности «Сенснета» перестала за ним следить?

– Я говорю, что не знаю, Энджи. Это правда.

– Но ты мог бы выяснить, если бы захотел?

Снова пауза.

– Не знаю. Если бы и мог, то не уверен, что стал бы это делать.

– Спасибо. До свидания, Хилтон.

– До свидания, Энджи.

Той ночью она сидела в темноте, наблюдая за танцем блох на освещенном песке. Сидела и думала о Бригитте и ее предостережении, о наркотике в кармане куртки и об инъекторе в аптечке. Думала о киберпространстве и о том печальном ощущении замкнутости, какое она испытала с «Оно-Сэндай», ощущении, таком далеком от свободы лоа. Думала о чужих снах, о свивающихся в лабиринт коридорах, о приглушенных тонах древнего ковра… Старик, голова из драгоценных камней, напряженное лицо с зеркалами вместо глаз… И голый, продуваемый ветрами пляж в темноте.

Другой пляж, не в Малибу.

И где-то в сумерках калифорнийского утра, за несколько часов до рассвета, среди коридоров, галерей, лиц, обрывков разговоров, которые она помнила лишь отчасти, проснувшись и увидев белый туман, окутавший окна главной спальни, она вдруг поняла, что вырвала из сна что-то очень важное и унесла это важное с собой через границу, в явь.

Перекатившись на бок, порылась в ящике тумбочки. Нашла ручку «порше», подарок каких-то ассистентов, и нацарапала драгоценные буквы на глянцевой обложке итальянского журнала мод: «Т-Э».

– Вызови Континьюити[50], – приказала она дому за третьей чашкой кофе.

– Здравствуй, Энджи, – сказал Континьюити.

– Была одна пленка с орбиты, мы засняли ее два года назад. Яхта бельгийца… – Она глотнула остывающий кофе. – Как называлось то место, куда он хотел меня отвезти? Робин тогда еще решил, что это дешевка.

– Фрисайд, – сказала экспертная система.

– Кто из наших там работал?

– Тэлли Ишем записала на Фрисайде девять эпизодов.

– Для нее это была не дешевка?

– Это было пятнадцать лет назад. В то время Фрисайд был в моде.

– Достань для меня эти эпизоды.

– Сделано.

– Пока.

– До свидания, Энджи.

Континьюити писал книгу. Энджи об этом рассказал Робин Ланье. Она спросила, о чем книга. «Не в том дело, – ответил он. – Книга закукливается в саму себя и постоянно мутирует. Континьюити пишет ее бесконечно». Она спросила почему, но Робин уже потерял интерес к разговору. Континьюити – ИскИн, а

ИскИны всегда делают что-нибудь подобное.

Обращение к Континьюити стоило ей звонка от Свифта.

– Энджи, насчет этого осмотра…

– А ты его еще в план не поставил? Я хочу вернуться к работе. Сегодня утром я вызывала Континьюити. Подумываю о съемке нескольких эпизодов на орбите. Собираюсь просмотреть кое-что из того, что делала Тэлли. Может, возникнут какие-нибудь идеи.

Молчание. Ей хотелось рассмеяться. Не так просто лишить Свифта дара речи.

– Ты уверена? Это замечательно, Энджи, но ты действительно этого хочешь?

– Мне гораздо лучше, Хилтон. Я чувствую себя просто прекрасно. Каникулы закончены. Пусть приедет Порфир уложить мне волосы перед тем, как я покажусь на люди.

– Знаешь, Энджи, – сказал Свифт, – это осчастливит всех нас.

– Вызови Порфира. Договорись насчет осмотра.

Coup-poudre. Кто, Хилтон? Может, ты сам?

А ведь у него была такая возможность, подумалось ей полчаса спустя, когда она взад-вперед вышагивала по укутанной туманом веранде. Ее зависимость от наркотиков не угрожала «Сенснету», поскольку никак не отражалась на продукции. Ведь никаких физических последствий не было. В противном случае «Сенснет» ни за что бы не позволил ей даже попробовать. Дизайнерские, модельные наркотики, думала она. Уж сам-то моделист знает, что в них. И никогда ей не скажет, даже если удастся с ним как-то связаться, в чем она сомневалась. Предположим, размышляла она, ведя ладонью по шершавой ржавчине перил, что это был не моделист. Что кто-то другой смоделировал молекулу в своих собственных целях.

– Твой парикмахер, – сказал дом.

Она вошла внутрь.

Порфир ждал, задрапированный складками мягкого джерси – последняя новинка парижского сезона. Его лицо, гладкое и спокойное, как полированное черное дерево, при виде ее раскололось в радостной ухмылке.

– Мисси, – проворчал он, – ты выглядишь как самопальное дерьмо.

Энджи рассмеялась. С досадой хмыкнув, Порфир шагнул к ней и с наигранным отвращением запустил длинные пальцы в ее шевелюру.

– Мисси была дурной девочкой! Порфир говорил ей, что это ужасные пилюли!

Энджи пришлось запрокинуть голову – Порфир был очень высок и, как она знала, невероятно силен. Этакая гончая на

стероидах, как сказал про него однажды кто-то. Его безволосый череп являл собой неизвестную в природе симметрию.

– Как ты? – спросил он уже совсем другим тоном, нарочитая бравада отключилась, будто кто-то повернул выключатель.

– Прекрасно.

– Больно было?

– Да. Больно.

– Знаешь, – сказал он, легонько касаясь ее подбородка длинным пальцем, – никто никогда не понимал, что ты находишь в этом дерьме. Было такое впечатление, что оно даже улететь тебе не дает.

– И не должно было. Это вроде как ты одновременно и здесь и там, только не нужно…

– Что-то чувствовать?

– Да.

Он медленно кивнул.

– Тогда это был действительно дрянной кайф.

– Черт с ним, – ответила Энджи. – Я вернулась.

Снова ухмылка.

– Пойдем помоем тебе голову.

– Я только вчера ее мыла!

– Чем? Нет! Не говори мне! – Взмахами огромных ладоней Порфир погнал ее к лестнице.

В выложенной белой плиткой ванной парикмахер втер ей что-то в кожу головы.

– Ты в последнее время виделся с Робином?

Порфир уже промывал ей волосы холодной водой.

– Миста Ланье сейчас в Лондоне, мисси. Миста Ланье и я не разговаривать друг с другом в настоящее время. Сядь прямо.

Он поднял спинку кресла и обернул вокруг ее шеи полотенце.

– Почему? – спросила она, настраиваясь выслушать последние слухи «Сенснета», что было у Порфира второй специальностью.

– Потому что, – ровным голосом сказал парикмахер, тщательно зачесывая ей волосы назад, – он наговорил всем гадостей о некой Анджеле Митчелл, пока та была на Ямайке, наводя порядок в своей маленькой головке.

Этого она никак не ожидала.

– Гадостей?…

– А то, мисси.

Порфир принялся подстригать ей волосы ножницами, это было одним из его профессиональных бзиков: Порфир неизменно отказывался от лазерного карандаша, заявляя, что никогда к нему даже не прикоснется.

– Ты шутишь, Порфир?

– Нет. Мне бы он ничего такого не стал говорить, но Порфир многое слышит. Порфир всегда слышит. Он уехал в Лондон на следующее утро после того, как ты прибыла сюда.

– А что именно ты слышал?

– Что ты сошла с ума. Не важно, под кайфом или без. Что ты слышишь всякие голоса. Что психиатры «Сенснета» об этом знают.

Голоса…

– Кто тебе это сказал? – Она попыталась повернуться в кресле.

– Не мотай головой. Вот так. – Он вернулся к работе. – Не могу сказать. Доверься мне.

После отъезда Порфира еще несколько раз звонили – это рвалась сказать «привет» ее съемочная группа.

– Сегодня больше никаких звонков, – приказала она дому. – Эпизоды Тэлли я посмотрю наверху.

Отыскав в глубине морозильника бутылку «Короны», Энджи забрала ее с собой в спальню. Стим-модуль в тиковом изголовье кровати был снабжен студийного уровня дерматродами. Когда она уезжала на Ямайку, таких тут еще не было. Техники «Сенснета» периодически обновляли оборудование в доме. Глотнув пива, она поставила бутылку на столик и прилегла с тродами на лбу.

– Поехали.

В дыхание Тэлли, в плоть Тэлли.

«Как я могла заменить тебя? – удивилась она, захваченная физическим существом бывшей звезды. – Приношу ли я людям такое же наслаждение?»

Тэлли-Энджи смотрит вниз в увитую виноградом пропасть, которая одновременно и бульвар, поднимает глаза вверх на опрокинутый горизонт, скользит взглядом по далеким теннисным кортам. Над головой – «солнце» Фрисайда, осевая нить ярчайшего накала…

– Перемотай вперед, – приказала она дому.

В плавное сокращение мускулов и расплывчатое пятно бетона, Тэлли наматывает круги на велодроме с пониженной гравитацией…

– Перемотай вперед.

Сцена за обедом, натяжение бархатных бретелек на плечах, молодой человек напротив наклоняется через стол, чтобы подлить ей вина…

– Вперед.

Льняные простыни, рука между ее ног, пурпурные сумерки за стеклянной стеной, звук бегущей воды…

– Обратно. Ресторан.

Красное вино льется в стакан…

– Еще чуть-чуть. Стоп. Здесь.

Глаза Тэлли сфокусированы на загорелом запястье парня, а не на бутылке.

– Мне нужна распечатка кадра, – сказала Энджи, снимая троды.

Она села и отхлебнула пива, вкус которого странно смешался с призрачным вкусом записанного на стим-пленку вина Тэлли.

Внизу мягко зажужжал принтер. Энджи заставила себя идти по ступенькам как можно медленнее, но когда она добралась до принтера в кухне, изображение ее разочаровало.

– Можешь это почистить? – спросила она у дома. – Я хочу прочитать этикетку на бутылке.

– Выравниваю изображение, – ответил дом, – поворачиваю цель на восемь градусов.

Принтер заработал, поползла новая картинка. Не успел он отстрекотать, а Энджи уже нашла свое сокровище, свою медаль за победу над сном, отпечатанную коричневыми чернилами: «Т-Э».

У них были даже собственные виноградники, подумала она.

«Тессье-Эшпул СА»[51] – раскорячились по-паучьи буквы августейшего шрифта.

– Попались! – с вызовом прошептала она.

8
Техасское радио

Сквозь рваные дыры в пластике, которым затягивали окно, Мона видела солнце. Слишком мерзкое место, чтобы тут оставаться, – особенно если не спишь и не торчишь. А сейчас как раз ни то ни другое.

Потихоньку выбравшись из постели, она поморщилась, когда ее пятка коснулась голого пола, и на ощупь нашла плетеные пластмассовые сандалии. Ну и грязная же дыра! Стоит легонько прислониться к стене, и столбняк тебе уже обеспечен. От одной мысли мурашки ползут по коже. А вот Эдди, похоже, это не волновало. Он настолько погружался в свои аферы, что вообще ничего вокруг не замечал. И всегда ему удавалось каким-то образом держать себя в чистоте, как кошке. Он вообще был по-кошачьи чистоплотен – ни пятнышка грязи под полированными ногтями. Она уже давно догадывалась, что большая часть ее заработка уходит на его гардероб, впрочем, ей и в голову не пришло бы протестовать. Ей было шестнадцать, звали ее Мона, у нее даже ГРЕХа не было, а один пожилой лох ей как-то сказал, что есть такая песня – «В шестнадцать лет, и неГРЕХовна». Это означало, что Моне при рождении ГРЕХ – Государственную регистрационную характеристику – в файлы не записали и документ не выдали, так что она выросла за рамками почти всех официальных инстанций. Мона знала, что вроде бы можно обзавестись ГРЕХом, если у тебя его нет, но подразумевалось, что для этого придется идти в какое-то заведение и разговаривать там с каким-то пиджаком – а это было довольно далеко от представлений Моны о хорошем времяпрепровождении или даже о нормальном поведении.

Она давно уже приучилась одеваться в сквоте, могла бы проделать это и в темноте: натягиваешь сандалии, предварительно постучав ими друг о друга, чтобы согнать все, что могло туда заползти, потом – в два шага – к окну, где, как известно, в корзине из стиролона лежит рулон старых ньюсфаксов. Отматываешь с метр факса, скажем, день-полтора «Асахи Симбун», складываешь, разглаживаешь и кладешь на пол. Тогда на лист можно встать и дотянуться до стоящей рядом с корзиной пластиковой сумки, распутать связывающую ручки проволоку и найти нужную одежду. Вынимая ногу из сандалии, чтобы надеть трусы, уже знаешь, что ступишь на свежий факс; для Моны это стало догмой – полагать, что ничто не заползет на факс

за время, необходимое для того, чтобы натянуть джинсы. И снова сандалии.

Потом можно надеть футболку или еще что, старательно обмотать проволокой ручки сумки и убраться отсюда. Макияж, если требуется, – в коридоре снаружи, где у сломанного лифта сохранилось подобие зеркала с приклеенным над ним обрезком биофлюоресцентной ленты «Фудзи».

Этим утром у лифта стоял резкий запах мочи, так что Мона решила макияж опустить.

Здание как будто вечно пустовало, ни единой души вокруг, но временами из-за какой-нибудь запертой двери доносилась музыка или вдруг слышалось эхо шагов, только что завернувших за угол в дальнем конце коридора. Ну, в этом был смысл – у Моны тоже не возникало особого желания встречаться с соседями.

Она спустилась на три пролета вниз, прямо в кромешную тьму подземного гаража. Чтобы отыскать выход на улицу, понадобилось всего шесть вспышек карманного фонарика, которые разбудили застоявшиеся лужи и свисающие плети мертвого оптокабеля. Вверх по бетонным ступеням и, наконец, наружу – в узкий проулок. Иногда, если ветер дул в нужную сторону, в проулок заносило запах пляжа, но сегодня тут пахло только помойкой. Над ней громоздилась стена сквота, так что надо пошевеливаться, пока какому-нибудь придурку не вздумалось бросить в окно бутылку или что похуже. Только выйдя на авеню, Мона сбавила шаг, но и то ненамного; карман ее жгли наличные, и Мону переполняли планы, как их потратить. Совсем ни к чему, чтобы тебя обули, тем более сейчас, когда все идет к тому, что Эдди все же удастся спроворить им обоим билет отсюда.

Она все колебалась, верить ей или не верить; ей очень хотелось сказать себе: да, дело верное, они практически уже уехали, – а с другой стороны, уж она знает, каковы они, эти «верные дела» Эдди. Разве не была Флорида одним из таких дел? Как тепло в этой Флориде, и какие там пляжи, и сколько там лохов с деньгами – самое место для небольших трудовых каникул, которые уже растянулись в самый долгий в Мониной жизни месяц. Ладно, во Флориде тепло, а если точнее, чертовски жарко, как в сауне. Пляжи, коли не частные, заражены какой-то дрянью, в неглубоких впадинах плавает брюхом вверх дохлая рыба. Возможно, на частных пляжах – картина та же, но только этих пляжей и не видно – заграждение из колючей проволоки и кругом охрана в шортах и полицейских рубашках. Эдди всякий раз распалялся при виде оружия, которое носили охранники, он

не уставал описывать ей каждую пушку в мельчайших деталях до полного опупения. Впрочем, у него у самого пушки не было, по крайней мере, Мона ничего такого не знала и считала, что это даже к лучшему. Иногда запах дохлой рыбы забивался другим, хлорным, который жег нёбо, – его приносило с фабрик, расположенных выше по берегу. Если здесь и встречались лохи, то это были те же клиенты, к тому же они не особо стремились платить вдвойне.

Пожалуй, единственное, что могло во Флориде нравиться, – это наркотики: легко достать, дешевы и по большей части промышленной концентрации. Иногда Мона представляла себе, что запах хлорки – на самом деле запах миллиона лабораторий, варящих какое-то невероятное снадобье. Все эти маленькие молекулы бьют острыми хвостиками, так им невтерпеж попасть по назначению, выйти на улицу.

Свернув с авеню, она направилась вдоль лотков с едой – эти торговали без лицензии. От запаха пищи сводило желудок, но она не доверяла уличной кормежке – разве что в случае крайней необходимости. И потом, в пассаже полно мест, где возьмут наличные. Посреди заасфальтированного сквера, бывшего на самом деле автостоянкой, кто-то играл на трубе: рокочущее кубинское соло отражалось, возвращалось искореженным от бетонных стен, умирающие ноты терялись в утреннем гаме рынка. Уличный проповедник-евангелист вскинул руки над головой, в воздухе над ним этот жест скопировал блеклый, расплывчатый Иисус. Проектор помещался в ящике из-под мыла, на котором стоял проповедник, а за спиной у него висел потертый нейлоновый короб с батареями и парой динамиков, которые выступали над его плечами, как две безглазые хромированные головы. Евангелист нахмурился, глянул вверх на Иисуса и подкрутил что-то у себя на поясе. Иисус будто икнул, позеленел и исчез. Мона не смогла удержаться от смеха. Глаза проповедника полыхнули гневом Господним, на грязной щеке задергались шрамы.

Мона повернула налево в ряды торговцев фруктами, выстраивающих пирамиды апельсинов и грейпфрутов на побитых металлических тележках. Вошла в низкое здание со сводчатым потолком, приютившее вдоль проходов постоянных своих обитателей – торговцев рыбой, фасованными продуктами, дешевыми хозяйственными мелочами; тут же располагались десятки прилавков со всевозможной горячей пищей. Здесь, в тени, было чуть прохладнее и не так шумно. Она нашла вонтон с шестью свободными табуретами и села на один из них. Повар-китаец обратился к ней по-испански, она заказала, ткнув пальцем.

Когда в пластиковой миске появился суп, Мона расплатилась самой маленькой из банкнот, а на сдачу получила восемь засаленных картонных жетонов. Если Эдди не врет, если они действительно уезжают, она не сможет ими воспользоваться. Если же останутся во Флориде, она всегда сможет их потратить еще в каком-нибудь вонтоне. Мона покачала головой. Нужно уезжать, нужно. Толкнула истертые желтые кружочки назад через крашеный фанерный прилавок.

– Оставь себе.

Повар смахнул их под прилавок – невозмутимо и без всякого выражения; голубая пластмассовая зубочистка застыла в углу его рта.

Взяв из стакана на прилавке две палочки, Мона принялась вылавливать из миски змейки лапши. Из прохода за котлами и жаровнями китайца за ней наблюдал какой-то пиджак. Пиджак, пытающийся косить под кого-то другого: белая спортивная рубашка и солнечные очки. То, что это пиджак, было видно по тому, как он стоит. К тому же зубы слишком белые и прическа… ну разве что у этого была борода. Человек делал вид, что просто смотрит по сторонам, будто пришел за покупками: руки в карманах, рот сложен – как ему кажется – в рассеянную улыбку. Он был симпатичный, этот пиджак, – во всяком случае, та часть его лица, что не скрывалась за очками и бородой. А вот улыбку симпатичной не назовешь. Она казалась какой-то прямоугольной и открывала почти все тридцать два зуба. Мона поерзала на стуле, чувствуя себя несколько неуютно. Торговать собой – это вполне законно, правда, делать это нужно по правилам – иметь налоговый чип и все такое. Внезапно она осознала, что в кармане у нее наличные. Мона сделала вид, что изучает лицензию на торговлю пищевыми продуктами, приклеенную пленкой к прилавку. Когда она снова подняла глаза, пиджак уже ушел.

На одежду ушло полсотни. Пришлось прошерстить все восемнадцать вешалок в четырех магазинах – все, что имелось в пассаже, – прежде чем на что-то решиться. Торговцам не нравилось, что она меряет такую кучу вещей, но ведь у нее впервые в жизни было столько денег, которые можно тратить. Покончив наконец с покупками, она обнаружила, что давно уже наступил полдень. Солнце Флориды поджаривало тротуар, когда она пересекла стоянку с двумя пластиковыми сумками в руках. Сумки, как и одежда, были подержанными: на одной напечатан фирменный знак обувной лавки на Гиндзе, другая рекламировала аргентинские брикеты из переработанного криля. Мона шла и перетасовывала в уме покупки, выдумывая различные прикиды.

На противоположной стороне площади евангелист открыл свое шоу, врубив максимальную громкость, и почему-то с середины тирады – должно быть, разогревался до белого каления, прежде чем включиться. Голографический Иисус тряс рукавами белого балахона и гневно жестикулировал небу, потом пассажу, потом снова и снова небу. «Вознесение, – говорил он. – Вознесение грядет».

Машинальный рефлекс держаться от психов подальше погнал Мону в первый попавшийся проулок, и она обнаружила, что бредет вдоль выгоревших на солнце карточных столов с разложенными на них дешевыми индонезийскими симстим-деками, бэушными кассетами, цветными «занозами» микрософтов, воткнутых в кубики из бледно-голубого стиролона. Над одним из столов был прилеплен постер с изображением Энджи Митчелл, такого Мона еще не видела. Замерев, она уставилась на него голодным взглядом, впитывая сперва макияж и прикид звезды, потом стала рассматривать фон, пытаясь сообразить, где сделан снимок. Бессознательно погримасничала, подстраивая свое лицо под выражение лица Энджи. Не совсем улыбка. Что-то вроде полуусмешки, быть может, немного печальной. К Энджи Мона испытывала совсем особые чувства. Потому что – и лохи ей иногда говорили это – была на нее похожа. Как будто она ей сестра. Разве что нос другой – у Моны более курносый, – и у нее, у Энджи, нет этой несносной россыпи веснушек на щеках. Монина полуусмешка «под Энджи» стала шире, пока девушка рассматривала звезду, омытая красотой плаката, роскошью запечатленной на нем комнаты. Она решила, что это какой-нибудь замок. Вероятно, там и живет Энджи, конечно, в окружении бесчисленных слуг, которые о ней заботятся: кто-то же должен укладывать ей волосы и помогать с одеждой, видно ведь, что стены там сложены из больших валунов и у зеркал тяжелые рамы – сплошь золотые с листьями и ангелами. Возможно, надпись в нижней части постера и подсказала бы ей, что это за замок, но Мона не умела читать. Во всяком случае, никаких долбаных тараканов там нет, в этом-то она была уверена, – и никакого Эдди тоже. Мона опустила взгляд на стим-деки и ненадолго задумалась, не спустить ли на один из этих аппаратов оставшиеся деньги. Но тогда у нее не хватит на кассеты, и к тому же эти записи такие старые, некоторые даже старше ее самой. Вот, например, с этой – как ее там? – Тэлли; она была звездой, когда Моне исполнилось девять, что ли.

Когда она вернулась, Эдди ее уже ждал. Снял с окна пленку, напустив в комнату жужжащих мух. Эдди валялся на кровати,

покуривая сигарету, а наблюдавший за ней в пассаже бородатый пиджак сидел на сломанном стуле, так и не сняв очки.

Прайор. Так он себя назвал, как будто имя у него отсутствует вовсе. Как у Эдди – фамилия. Ну у нее у самой фамилии тоже нет, если не считать Лизы, но это скорее просто еще одно ее имя.

Пока он торчал в сквоте, ей никак не удавалось понять, что он за птица. Оттого, наверное, подумала Мона, что он англичанин. Впрочем, и пиджаком его назвать трудно, во всяком случае, настоящим пиджаком, за которого она приняла его в пассаже. И здесь он не просто так, что-то у него на уме, только пока неясно, что именно. Порой он не спускал с нее глаз, смотрел, как она упаковывает вещи в принесенную им голубую дорожную сумку с надписью «Люфтганза», но в его взгляде она не чувствовала никакого зуда, никакого намека на то, что он ее хочет. Он просто за ней наблюдал, постукивая солнечными очками по колену, смотрел, как курит Эдди, слушал его брехню и говорил не больше, чем требовалось. Когда он говорил, обычно это было что-то смешное, но Мону сбивало с толку то, как он это делал: не понять, когда он шутит, а когда нет.

Мона собирала вещи, а в голове была такая легкость, как будто она дохнула стимулятора, но полный кайф еще не пришел. Мухи трахались на окне, ритмично ударяясь о пыльное стекло, но ей было плевать. Уехала, она уже уехала!

Застегнуть молнию на сумке.

К тому времени, когда они добрались до аэропорта, пошел дождь – флоридский дождь, теплые ссаки из ниоткуда. Раньше она никогда не бывала в аэропортах, знала их лишь по стимам.

Машина Прайора, взятый напрокат белый «датсун», была без водителя и всю дорогу оглашала салон лифтовой музыкой из четырех динамиков. Высадив их вместе с багажом на голый бетон у зала вылета, она укатила в дождь. Если у Прайора и была дорожная сумка, то где-то в другом месте. У Моны на плече висела ее «Люфтганза», а Эдди стоял возле двух черных чемоданов из кожи клонированных крокодилов.

Одергивая на бедрах новую юбку, Мона думала, удачные ли она купила туфли. Эдди явно наслаждался собой – руки в брюки, плечи приподняты, – показывая, будто он занят чем-то важным.

Ей вспомнилось, как она впервые увидела его в Кливленде. Он тогда приехал к ним на окраину посмотреть мотороллер, который продавал старик, до основания проржавевшую трехколесную «шкоду». Старик выращивал сомов в бетонных чанах, окружавших их грязный двор. Когда появился Эдди, Мона

была в доме – в длинном просторном трейлере с высоким потолком, водруженном на бетонные блоки. В одной из боковин трейлера прорезали окна – прямоугольные дыры, заделанные поцарапанным пластиком. Она стояла у плиты, над которой витал запах помидоров и лука, подвешенных в сетках сушиться, когда почувствовала его присутствие в дальнем конце комнаты, почувствовала мускулы и широкие плечи, его белые зубы, черную нейлоновую кепку, которую он неуверенно комкал в руке. В окна било солнце, освещая голую убогую комнату, пол выметен, старик вечно заставлял ее подметать… но это было как надвигающаяся тень, кровавая тень, когда она услышала биение собственного сердца… а он подходил все ближе. Вот, проходя мимо, швырнул кепку на голый откидной стол, уже не робко, а так, будто жил здесь всегда, и прямо к ней, проведя рукой с ярким кольцом на пальце по масленой тяжести волос… Тут вошел старик, и Мона отвернулась, делая вид, что занята чем-то у плиты. «Кофе», – бросил старик, и Мона пошла за водой – наполнить эмалированную кастрюлю из отводной трубы с крыши; вода булькала, стекая сквозь угольно-черный фильтр. Эдди со стариком сидели у стола, пили черный кофе, ноги Эдди широко расставлены под столом, колени напряжены под выцветшей джинсовой тканью. Улыбался, жестикулировал, торговал у старика «шкоду». Мона вспоминала, как он все гнул свое. Мол, берет машинку, если у старика есть на нее лицензия. Старик встает, роется в ящиках. Взгляд Эдди снова нацелен на нее. Она вышла за ними во двор и смотрела, как он усаживается на потрескавшееся виниловое сиденье. Выстрел из выхлопной трубы, и черные собаки старика взрываются бешеным лаем. Едкий, сладковатый запах выхлопных газов от дешевого спирта, и рама дрожит между его ног.

Мона смотрела, как он позирует между двумя чемоданами. Как же сложно совместить эту сегодняшнюю картинку с тем, почему на следующий день она уехала вместе с ним в Кливленд на той самой «шкоде». У «шкоды» было маленькое встроенное радио, которое на ходу заглушал мотор, но его можно было слушать тихонько ночью в поле возле дороги. Настройка не работала, так что приемник ловил всего одну станцию – призрачную музыку с какой-то одинокой вышки в Техасе. Стил-гитара то звенела, то растворялась в ночи. А она чувствовала свою влагу, прижимаясь к его ноге, и жесткую сухую траву, которая щекотала ей шею.

Прайор поставил ее голубую сумку в белый вагончик с полосатой крышей. Мона полезла следом, слыша слабые испанские голоса из наушников кубинца-водителя. Потом Эдди

запихнул ей под ноги свои чемоданы, и они с Прайором тоже сели. И покатили к взлетной полосе сквозь стену дождя.

Самолет оказался совсем не таким, какие она знала по стимам, изнутри он совсем не походил на длинный роскошный автобус с рядами кресел по сторонам. Самолет был маленький, с заостренными хрупкими крыльями и такими окошками, что казалось, будто машина все время косит глазами.

Поднявшись по металлической лестнице, Мона попала в округлое помещение с четырьмя креслами и однообразным серым ковром повсюду, и на потолке, и на стенах тоже, – все чистое, холодное и отчужденно серое. За ней вошел Эдди и сел с таким видом, будто ежедневно это проделывал, – распустив галстук и вытянув ноги. Прайор нажимал кнопки у двери. Дверь со вздохом закрылась.

Мона взглянула в узкое, в каплях воды окошко на огни взлетной полосы, отражавшиеся в мокром бетоне.

А сюда ехали на поезде, подумала она, от Нью-Йорка до Атланты, потом пересадка.

Самолет задрожал. Ей послышалось, как, оживая, что-то проскрипел фюзеляж.

Пару часов спустя Мона ненадолго проснулась в затемненной кабине – оказывается, заснула, убаюканная протяжным гулом реактивного двигателя. Эдди спал, полуоткрыв рот. Возможно, Прайор спал тоже, а может, он просто сидел с закрытыми глазами – она не знала.

На полпути в сон, который на следующее утро она уже не смогла вспомнить, ей почудились звуки того техасского радио – тающие стальные струны, вибрирующие, словно боль.

9
Лечь на дно

Линии Джубили и Бейкерлу, Кольцевая и Дистрикт. Кумико рассматривала маленькую глянцевую схему метро, которую дал ей Петал, и зябко ежилась. Холод, исходивший от бетона платформы, проникал даже сквозь подошвы ботинок.

– И старая же она, черт побери, – рассеянно сказала Салли Ширс.

В ее линзах отражалась закругляющаяся к потолку стена в чехле из белой керамической плитки.

– Прошу прощения?

– Подземка…

Новый клетчатый шарф был завязан у Салли под подбородком, и с каждым следующим словом изо рта у нее белым облачком вылетал пар.

– Знаешь, что меня мучает? То, как иногда прямо у тебя на глазах на станции налепляют новый слой плитки, не сняв сперва старую, или просверливают дыру в стене, чтобы добраться до каких-нибудь проводов. Тогда видишь все эти наслоения плитки…

– Да?

– Но ведь станции все сужаются и сужаются, так? Это как сужение вен…

– Да, – с сомнением сказала Кумико, – я понимаю… Салли, а мальчики вон там… Что означают их костюмы?

– Это Джеки. Их еще называют Джеки Дракулы.

Четверо Джеков Дракул нахохлились, как вороны, на противоположной платформе. На них были неприметные черные дождевики и начищенные армейские ботинки со шнуровкой до колен. Один из них повернулся, обращаясь к другому, и Кумико увидела, что волосы у него стянуты назад и заплетены в косичку, перевязанную маленьким черным бантом.

– Повесили его, – сказала Салли, – после войны.

– Кого?

– Джека Дракулу. После войны здесь одно время практиковали публичные казни. От Джеков тебе лучше держаться подальше. Ненавидят любых иностранцев…

Кумико с радостью вызвала бы Колина, но модуль «Маас-Неотек» был запрятан за мраморным бюстом в той комнате, где Петал подавал завтрак, а тут еще подошел поезд, ошарашив ее архаичным перестуком колес по стальным рельсам.

Салли Ширс – на фоне залатанной изнанки городской архитектуры, в линзах на лице отражается путаница лондонских улиц и переулков, помеченных в каждую эпоху экономикой, пожарами, войнами…

Кумико, уже совершенно запутавшись, где они, собственно, находятся после их с Салли трех поспешных и на первый взгляд совершенно случайных пересадок, безропотно позволяла тянуть себя из такси в такси. Они выскакивали из одной машины, ныряли в двери ближайшего универмага, чтобы воспользоваться первым попавшимся выходом на другую улицу и сесть в другое такси.

– «Хэрродз»[52], – сказала Салли, когда они поспешно пересекали богато украшенный зал, высокий потолок которого подпирали колонны из белого мрамора.

Кумико щурилась на толстые красные ломти вырезки и бараньи ноги, разложенные на многоярусных мраморных прилавках, предполагая, что все это пластиковые муляжи. Потом – снова на улицу. Салли подзывает очередное такси.

– «Ковент-Гарден»[53], – бросает она шоферу.

– Прости, Салли, но что мы делаем?

– Заметаем следы. Теряемся.

Салли пила горячий бренди на веранде крохотного кафе под припорошенной снегом стеклянной крышей. Кумико пила шоколад.

– Мы потерялись, Салли?

– Да уж. Во всяком случае, я на это надеюсь.

Кумико подумала, что сегодня Салли выглядит старше: возле губ залегли морщинки усталости или напряжения.

– Салли, а чем именно ты занимаешься? Твой друг спрашивал, по-прежнему ли ты на отдыхе?…

– Я – деловая женщина.

– А мой отец? Он – деловой человек?

– Твой отец – самый настоящий бизнесмен, котенок. Нет, не такой, как я. Я вольный стрелок. В основном вкладываю деньги.

– А во что ты вкладываешь?

– В таких же, как я, – пожала она плечами. – Тебя что, разбирает сегодня любопытство? – Она отпила еще глоток.

– Ты советовала мне стать своим собственным шпионом.

– Хороший совет. Однако требует некоторой ловкости и умелого применения.

– Ты здесь живешь, Салли? В Лондоне?

– Путешествую.

– А Суэйн, он тоже вольный стрелок?

– Это он так думает. Типичный торговец влиянием, к тому же держит нос по ветру. Здесь это необходимо для дела, но лично мне действует на нервы. – Она допила бренди и облизнула губы; Кумико поежилась. – Тебе не стоит бояться Суэйна. Янака смог бы съесть его на завтрак…

– Нет, я подумала о тех мальчишках в подземке. Такие худые…

– Дракулы.

– Банда?

– *Босодзоку*, – сказала Салли с вполне сносным произношением. – «Кочевые племена», так? Ну, во всяком случае, что-то вроде племени. – (Слово было не совсем подходящее, но Кумико решила, что уловила суть.) – А худые они потому, что бедные. – Салли жестом подозвала официанта, чтобы заказать еще бренди.

– Салли, – сказала Кумико, – когда мы добирались сюда, наш маршрут, все эти поезда и такси… это ты хотела убедиться, что за нами никто не следует?

– Ни в чем нельзя быть уверенным.

– Но когда мы ходили на встречу с Тиком, ты не предпринимала никаких предосторожностей. Нам легко могли, как это называется, сесть на хвост. Ты нанимаешь Тика шпионить за Суэйном и делаешь это совершенно открыто. А потом столько предосторожностей, чтобы привести меня сюда. Почему?

Официант поставил перед Салли дымящийся стакан.

– А ты зоркий маленький котенок, правда? – Подавшись вперед, она вдохнула пары бренди. – Что до Тика… я просто пыталась кое-что взбаламутить, вызвать какую-нибудь реакцию.

– Но Тик беспокоился, как бы Суэйн чего не узнал.

– Стоит Суэйну услышать, что Тик работает на меня, и он его не тронет.

– Почему?

– Потому что знает, что я могу его убить. – Она подняла стакан; вид у нее сделался вдруг счастливый.

– Убить Суэйна?

– Вот именно. – Салли выпила, будто подняла тост.

– Тогда почему ты так осторожна сегодня?

– Потому что приятно почувствовать, что стряхнула с себя все это, вырвалась из-под колпака. Вполне вероятно, что нам это не удалось. А может, и удалось. Может, никто, вообще ни один человек не знает, где мы. Приятное чувство, верно? А ты никогда не думала, что твой отец, большой человек в якудза, мог приказать вживить в тебя крохотного жучка, чтобы раз и навсегда

получить возможность проследить, где его дочь. У тебя такие чудные маленькие зубки. Что, если папочкин дантист спрятал в одном из них немного специального железа, пока ты была в стиме? Ты ведь ходишь к зубному?

– Да.

– Смотришь стим, пока он работает?

– Да…

– Вот видишь. Возможно, он прямо сейчас нас слушает…

Кумико чуть не опрокинула на себя шоколад.

– Эй. – Полированные ногти постучали по запястью Кумико. – Об этом не беспокойся. Он бы так тебя не послал, я имею в виду, с жучком. Тогда бы и его враги могли тебя выследить. Но теперь понимаешь, что я хотела сказать? Приятно выбраться из-под колпака или, во всяком случае, попытаться. Просто побыть самой собой, так?

– Да, – сказала Кумико. Сердце продолжало глухо стучать где-то в горле, а паника все росла. – Он убил мою мать, – вырвалось у нее, и вслед за словами на серый мраморный пол кафе устремился только что выпитый шоколад.

Салли ведет ее мимо колонн собора Святого Павла, идет не спеша, молчит. Кумико, в бессвязном оцепенении от стыда, улавливает, регистрирует отрывочную информацию: белая цигейка на отворотах кожаной куртки Салли; масляная радужная пленка на оперенье голубя – вот он заковылял прочь, уступая им дорогу; красные автобусы, похожие на игрушки великанов, в Музее транспорта. Салли согревает ей руки о пластиковую чашку дымящегося чая.

Холодно, теперь всегда будет холодно. Мерзлая сырость в древних костях города, холодные воды Сумиды, наполнившие легкие матери, зябкий полет неоновых журавлей.

Ее мать была хрупкой и смуглой, в густой водопад темных волос вплетались золотистые пряди – как какое-нибудь редкое тропическое растение. От матери пахло духами и теплой кожей. Мать рассказывала ей сказки: об эльфах и феях, и о Копенгагене, городе, который был где-то там, далеко-далеко. Когда Кумико видела во сне эльфов, они являлись ей похожими на секретарей отца, гибкими и невозмутимыми, в черных костюмах и со свернутыми зонтами. В историях матери эльфы вытворяли много забавных вещей, да и сами истории были волшебными, потому что менялись по ходу повествования и никогда нельзя было предугадать, какой будет этой ночью конец. В сказках жили принцессы и балерины, и – Кумико это знала – в каждой из них было что-то от матери.

Принцессы-балерины были прекрасны, но бедны, танцевали во имя любви в сердце далекого города, где за ними ухаживали художники и молодые поэты, красивые и без гроша в кармане. Для того чтобы поддержать престарелых родителей или купить новый орган занемогшему брату, принцессе-балерине иногда приходилось уезжать в чужие края – быть может, даже в Токио, – чтобы танцевать там за деньги. А танец за деньги, подразумевалось в сказках, не приносит счастья.

Салли привела ее в робата-бар в Эрлз-Корте[54] и заставила выпить рюмку сакэ. Копченый плавник карпа плавал в горячем вине, придавая ему оттенок виски. Они ели робату с дымного гриля, и Кумико чувствовала, как отступает холод, но не оцепенение. Обстановка бара вызывала неотвязное ощущение культурного разнобоя; бару как-то удавалось сохранять традиционный японский дизайн – и в то же время он выглядел так, будто эскизы оформления делал Чарльз Ренни Макинтош[55].

Странная она, эта Салли Ширс, гораздо более странная, чем весь этот их гайдзинский Лондон. Вот она сидит и рассказывает Кумико всякие истории – истории о людях, живущих в Японии, совсем не похожей на ту, что знает Кумико, истории, которые проясняют роль ее отца в этом мире. Оябун – так назвала она отца Кумико. Мир, в котором происходили истории Салли, казался не более реальным, чем мир маминых сказок, но понемногу девочка начинала понимать, на чем основано и как далеко простирается могущество ее отца.

– *Куромаку*, – сказала Салли.

Слово означало «черный занавес».

– Это из театра кабуки, так называют человека, который устраивает всякого рода дела, то есть того, кто продает услуги. Что означает: человек за сценой, так? Это и есть твой отец. И Суэйн тоже. Но Суэйн – кобун твоего старика или, во всяком случае, один из них. Оябун-кобун, родитель-ребенок. Вот откуда Суэйн черпает свою силу. Вот почему ты сейчас здесь: потому что Роджер обязан своему оябуну. *Гири*[56], понимаешь?

– Он человек высокого ранга.

Салли покачала головой:

– Твой старик, Куми, вот он действительно большой человек. Если ему понадобилось сплавить тебя из города ради твоей же безопасности, значит грядут какие-то серьезные перемены.

– Выпить выбирались? – спросил Петал, когда они вошли в комнату.

Оправа его очков блеснула в свете лампы от «Тиффани» на

верхушке бронзового со стразами дерева, которое росло на буфете. Кумико очень хотелось взглянуть на мраморную голову, за которой прятался модуль «Маас-Неотек», но она заставила себя смотреть в сад. Снег там приобрел цвет лондонского неба.

– Где Суэйн? – спросила Салли.

– Хозяин в отлучке, – проинформировал ее Петал.

Подойдя к буфету, Салли налила себе стакан скотча из тяжелого графина. Кумико заметила, как поморщился Петал, когда графин с тяжелым стуком опустился на полированное дерево столешницы.

– Просил что-нибудь передать?

– Нет.

– Ждешь его сегодня вечером?

– По правде говоря, не могу сказать. Обедать будете?

– Нет.

– Мне бы хотелось сэндвич, – сказала Кумико.

Четверть часа спустя, оставив нетронутый сэндвич на черном мраморном столике у кровати, она сидела посреди огромной постели. Модуль «Маас-Неотек» разместился между ее голых ног. Салли она оставила глядеть на серый сад за окном в обществе суэйновского виски.

Кумико взяла модуль в руки, и в изножье кровати, передернувшись, сфокусировался Колин.

– То, что я буду говорить, все равно никто не услышит, – поспешно прошептал он, прикладывая палец к губам, – и это к лучшему. Комната прослушивается.

Кумико хотела было ответить, потом кивнула.

– Хорошо, – сказал он. – Умница. У меня есть для тебя записи двух разговоров. Один – между твоим хозяином и Петалом, другой – между твоим хозяином и Салли. Первый записан через пятнадцать минут после того, как ты припрятала меня внизу. Слушай…

Кумико закрыла глаза и услышала позвякивание льдинки в стакане.

– Где наша маленькая япошка? – спросил Суэйн.

– Упакована на ночь, – ответил Петал. – А девчонка-то разговаривает сама с собой. Странно.

– О чем же?

– На деле чертовски мало. Вообще-то, с некоторыми это бывает…

– Что бывает?

– Говорят сами с собой. Хочешь ее послушать?

– Господи, нет. А где очаровательная мисс Ширс?

– Совершает моцион.

– В следующий раз вызови Берни, посмотрим, чем она занимается на этих своих прогулочках…

– Берни. – Тут Петал рассмеялся. – Да он вернется назад в ящике, порезанный на кусочки!

Теперь рассмеялся Суэйн.

– Пожалуй, и так неплохо, и так: и от Берни избавимся, и знаменитая девка-бритва хоть немного да напьется… Да, налей нам еще по одной.

– С меня хватит. Пойду спать, если я тебе больше не нужен…

– Иди, – отозвался Суэйн.

– Итак, – сказал Колин, когда Кумико, открыв глаза, обнаружила, что он по-прежнему сидит на постели, – в твоей комнате сидит срабатывающий на голос жучок. Петал прокрутил запись и услышал, как ты обращаешься ко мне. Идем дальше. Второй фрагмент, пожалуй, поинтереснее. Твой хозяин попивает очередной стакан виски, входит наша Салли…

– Привет, – услышала девочка голос Суэйна, – ходила подышать воздухом?

– Отвали.

– Ты же знаешь, это вовсе не моя идея, – сказал Суэйн. – Постарайся не забывать об этом. Видишь ли, они и меня держат за яйца.

– Знаешь, Роджер, временами чертовски хочется тебе поверить.

– Попробуй. Это облегчит жизнь нам обоим.

– А временами очень хочется перерезать твою чертову глотку.

– Твоя беда, дорогая, в том, что ты так и не научилась делегировать ответственность. Все так же стремишься обо всем заботиться собственноручно.

– Послушай, мудило, я знаю, откуда ты взялся, и я знаю, как ты стал тем, кто ты есть. И как глубоко ты засунул язык в жопу Янаки, или кому там еще. *Саракин*![57]

Этого слова Кумико никогда раньше не слышала.

– Я снова получил от них сообщение, – светским тоном сказал Суэйн. – Она еще на побережье, но все идет к тому, что вскоре сделает свой ход. Скорее всего, двинет на восток. В твои давние родные места. Похоже, это и вправду наш шанс. Сам дом – вне обсуждения. На том участке пляжа охраны хватит, чтобы остановить средних размеров армию.

– И ты по-прежнему будешь убеждать меня, что это всего лишь обычное похищение, Роджер? Якобы ее будут держать до получения выкупа?

– Нет. О том, чтобы продать ее назад, ничего не говорилось.

– Так почему бы им не нанять эту армию? Да и на «средних размерах» останавливаться не обязательно, так ведь? Набрать наемников. Спецов по корпоративному извлечению. Не такая уж недоступная она цель, крадут же из исследовательских центров самые крутые мозги. Вызвать этих гребаных профи…

– В сотый раз тебе говорю – у них другие идеи. Они хотят, чтобы это сделала ты…

– Роджер, что у них на меня, а? Я хочу сказать: ты и вправду не знаешь, что именно у них на меня есть?

– И вправду не знаю. Но, судя по тому, что у них есть на меня, могу рискнуть выдвинуть предположение.

– Ну?

– Всё.

Никакого ответа.

– Есть еще один момент, – продолжал Суэйн, – это всплыло только сегодня. Они хотят, чтобы все выглядело так, будто ее убрали.

– Что?

– Обставить все так, как будто мы ее убили.

– И как, скажите на милость, мы это устроим?

– Тело они предоставят.

– Мое предположение: Салли покинула комнату без дальнейших комментариев, – сказал Колин уже своим голосом. – Здесь конец записи.

10
Образ

Час он проверял подшипники пилы, затем еще раз их смазал. Стало уже слишком холодно, чтобы работать. Придется греть-таки помещение, где он держал остальных: Следователей, Трупоруба и Ведьму. Что уже нарушит хлипкое равновесие их с Джентри договоренности, но это бледнело перед тем, как объяснить сделку с Малышом Африкой и факт присутствия на Фабрике двух чужих. С Джентри не поспоришь – ток ведь принадлежит ему, потому как именно он выдаивает из «Ядерной комиссии» электричество. Без ежемесячных заходов Джентри с консоли, этих ритуальных процедур, внушающих «Комиссии», будто Фабрика находится где-то в другом месте и это другое место исправно оплачивает счета, никакого электричества просто не было бы.

А кроме того, Джентри в последнее время стал совсем странный, подумал Слик, с хрустом в коленях вставая. Он достал из кармана куртки пульт управления Судьей. Джентри был убежден, что у киберпространства есть некий Образ, какая-то всеобщая форма, вбирающая в себя всю совокупность информационных баз. Нельзя сказать, что это была самая сумасбродная идея, с какой Слик когда-либо сталкивался, но убежденность Джентри, что этот его Образ абсолютно, «тотально» материален, граничила с одержимостью. Постижение Образа стало для него сродни поискам Грааля.

Слик однажды отстимил ролик «Ноулиджнета» о том, какова форма вселенной. Еще тогда Слик полагал, что вселенная – это все, что вокруг. Так какая же у нее может быть форма? Если у нее есть форма или там образ, значит и вокруг нее что-то есть, иначе в чем же вселенной иметь форму, верно? Идем дальше: есть форма или образ – не важно – и есть что-то еще, так разве тогда не будет и это что-то тоже частью вселенной? Впрочем, это не совсем та тема, на которую стоит болтать с Джентри, – мозги узлом завяжутся. Но Слик все равно считал, что киберпространство – это не вселенная, а просто способ представления данных. «Ядерная комиссия» всегда выглядит как большая красная ацтекская пирамида, но ей вовсе не обязательно выглядеть именно так. Если «Комиссия» захочет, то может представить свои базы в любом виде. У больших компаний есть даже копирайты на то, как выглядит принадлежащая им информация. И как тогда можно говорить, что вся матрица в

целом имеет некий определенный образ? Но даже если имеет, что с того-то?

Он коснулся клавиши подачи питания. В десяти метрах от него дрогнул и загудел Судья.

Слик Генри ненавидел Судью. Вот чего никогда не понять в искусстве обычным людям. Нет, само создание Судьи, без сомнения, принесло ему некоторое удовлетворение. Но важнее другое – то, что, построив эту штуку, он выкорчевал Судью из себя, перенес боль и страх туда, где их можно видеть, наблюдать за ними и, наконец, освободиться от самой идеи Судьи. Только при чем тут «нравиться» или «любить»?

Почти четырехметрового роста и вполовину этого в ширину, безголовая фигура в чешуйчатом панцире стояла, мелко подрагивая. Чешуйки у Судьи были особого цвета ржавчины, как, скажем, ручки у старой тачки, отполированные трением множества ладоней. Слик долго искал способ добиться такой фактуры поверхности, перепробовал множество химикатов и наждаков и, найдя наконец точное сочетание, обработал им большую часть робота – во всяком случае, старые детали, выкопанные в мусоре. Конечно, холодные зубья циркульной пилы и зеркальные поверхности суставов подобной обработке не подвергались. Но в остальном Судья был именно такого оттенка ржавчины, имел такую фактуру поверхности, как какое-нибудь очень старое орудие, которым до сих пор постоянно пользуются.

Слик передвинул большим пальцем рычаг управления, и Судья сделал шаг вперед, потом следующий. Гироскопы работали как надо: даже с оторванной рукой робот двигался с жутким достоинством – просто переставляя огромные ступни.

Слик ухмыльнулся мутному свету Фабрики. Судья топал к нему – раз-два, раз-два. Стоило только захотеть, и Слик мог бы вспомнить каждый этап конструирования Судьи. Временами ему и вправду этого хотелось. Просто ради успокоения, которое приносила мысль, что он на это способен.

Он не мог припомнить, когда бы у него не получилось этого припомнить, но иногда казалось, что такое было.

Вот почему он построил Судью. Потому что совершил когда-то некий проступок, причем не очень серьезный, но его поймали, и даже дважды, его судили и приговорили, и приговор был приведен в исполнение, только он ничего об этом не помнил, памяти тогда хватало от силы минут на пять кряду. Да, угонял машины. Машины богатых. Что ты натворил – вот этого тебе забыть не позволят, и не надейся.

Работая джойстиком, он заставил Судью развернуться и прошагать в соседнее помещение. Путь предстоял неблизкий – по

проходу между рядами бетонных оснований в потеках влаги; когда-то на этих выступах стояли токарные станки и сварочные агрегаты. Высоко над головой среди пыльных балок свисали мертвые плети порванных флюоресцентных трубок; там иногда гнездились птицы.

Синдром Корсакова – так они это называли: это когда с твоими нейронами делают что-то такое, отчего в памяти потом не задерживаются краткосрочные воспоминания. Так что время, которое ты отсидел, оказывается потерянным временем. Слик вроде бы слышал, что больше такого не делают, по крайней мере за угон автомобилей. Те, кто там не бывал, полагают, что это не так уж и плохо: отсидел в кутузке, но память о ней стерта. На самом же деле все совсем не так. Он вышел, когда кончился срок, – и три года оказались выстроены в длинную цепочку смутных вспышек растерянности и страха, отмеренных пятиминутными интервалами. Дело даже не в самих интервалах, их все равно не вспомнить, а вот переходы… Так вот, когда все кончилось, ему потребовалось создать сначала Ведьму и Трупоруба, потом Следователей и теперь, под самый конец, – Судью.

Ведя Судью вверх по бетонному пандусу туда, где ждали все остальные, он услышал, как где-то на Пустоши взревел мотор Джентри.

С людьми Джентри нервничает, думал Слик, направляясь к лестнице; впрочем, верно и обратное. Испепеляющий Джентри Образ ощущался посторонними едва ли не физически; эта его зацикленность примешивалась ко всему, что бы он ни делал. Слик понятия не имел, как Джентри справляется с собой во время своих вылазок в Муравейник. Может, он просто общается там с людьми такими же зацикленными, как и он сам, с одиночками, ходящими по краю на рынке подпольных наркотиков и софта. Казалось, на секс Джентри плевать. Казалось, ему это настолько до лампочки, что Слик даже гадать не пытался, чего могло бы захотеться ковбою, если бы он все же решил захотеть.

А для Слика отсутствие секса и было основным недостатком Пустоши, особенно зимой. В летнее время иногда еще можно найти девчонку в одном из городков Ржавого Пояса; потому-то его и занесло тогда в Атлантик-Сити, потому-то он и оказался в долгу у Малыша Африки. Впоследствии он сказал себе, что лучше всего сосредоточиться на работе. А вот сейчас, взбираясь по ходящей ходуном стальной лестнице к подвесному мостику, который вел к логову Джентри, Слик обнаружил, что размышляет, как выглядит Черри Честерфилд под всеми своими куртками. Он вспомнил ее руки, какие они были быстрые и чистые, но тут же

перед глазами встало лицо человека на носилках, с трубкой, накачивающей жидкость в его левую ноздрю, и как Черри промокает ваткой его впалые щеки. Слик поморщился.

– Эй, Джентри, – гаркнул он в железную пустоту Фабрики, – я поднимаюсь!..

Три вещи в Джентри не были острыми, тонкими и натянутыми: глаза, губы и волосы. Широко распахнутые блеклые глаза были голубыми или серыми в зависимости от освещения; губы – полными и подвижными, а волосы вечно забраны назад в светлый растрепанный петушиный хвост, который подрагивал при каждом шаге хозяина. Худоба Джентри не имела ничего общего с истощением Пташки, плодом давнего недоедания и расшатанных нервов. Джентри был просто узким – плотно упакованные мускулы и ни грамма жира. Одевался он клево: облегающая черная кожа, украшенная черным, как смоль, бисером, – стиль, который Слик помнил еще по своим дням с «Блюз-Дьяконами». Судя по бусинам на кожанке, да и всему остальному, Слик предполагал, что Джентри около тридцати. Самому Слику было столько же.

Когда Слик вошел, Джентри прищурился на него в свете стоваттной лампочки, давая этим понять, что Слик просто очередное препятствие, вставшее между ним и Образом. Джентри как раз водружал на длинный стол из нержавейки седельную сумку; выглядела сумка тяжелой.

В свое время Слик вырезал несколько секций крыши, вставил, где надо, рамы и прикрыл отверстия листами жесткого пластика, потом заделал швы световых люков силиконом. Затем пришел Джентри в маске и с распылителем, втащил за собой двадцать галлонов белой латексной краски. Не утруждая себя уборкой, Джентри просто залил толстым слоем краски весь мусор, грязь и потеки голубиного помета. И красил снова и снова, пока комната не стала более или менее белой. Джентри закрасил все, кроме световых люков. Потом Слик начал поднимать из цехов Фабрики аппаратуру: кучу компьютеров, киберпространственные деки, огромный старый стереопроекционный стол, с которым лебедка чуть не надорвалась, а также эффектогенераторы, десятки коробок из рифленого пластика, набитых тысячами микрофишей, которые Джентри накопил за время поисков Образа, сотни метров оптокабеля на новеньких пластиковых катушках, явно стыренного с какого-нибудь завода. И книги, старые книги с обложками из ткани, наклеенной на картон. Слик даже не думал, что книги могут быть такими тяжелыми. И пахло от них чем-то печальным, от старых книг.

– С тех пор как я уехал, ты берешь больше тока, – сказал Джентри, открывая первый из кофров. – Твоя комната. Поставил новый обогреватель?

Он стал быстро копаться в седельной сумке, будто искал какую-то вещь, нужную ему срочно и позарез, а он по ошибке засунул ее невесть куда. Слик прекрасно знал, что ничего Джентри не ищет, что это реакция на неожиданное вторжение кого-то – пусть даже хорошо знакомого ему человека – в его замкнутое пространство…

– Да. И склад пришлось опять подтопить. Слишком холодно работать.

– Нет. – Джентри внезапно поднял глаза. – Это не обогреватель. Профиль расхода не тот.

– Ну, – ухмыльнулся Слик, надеясь, что ухмылка заставит Джентри подумать, будто он глуп и его легко напугать.

– Что «ну», Слик Генри?

– Это не обогреватель.

Джентри с резким стуком захлопнул сумку.

– Ладно, давай рассказывай, что у тебя там, не то вырублю ток.

– Знаешь, Джентри, без меня у тебя было бы гораздо меньше времени на… для всего. – Слик многозначительно поднял брови, указывая на проекционный стол. – Дело в том, что у меня двое гостей… – Он увидел, как Джентри подобрался, бледные глаза расширились. – Но ты их не увидишь, не услышишь даже – вообще ничего. Они и на глаза тебе попадаться не будут.

– Не будут, – сказал Джентри, обходя кругом стол, голос его звучал напряженно, – потому что ты сплавишь их отсюда, верно?

– Две недели максимум, Джентри.

– Вон. Сейчас же. – Лицо Джентри вдруг оказалось в нескольких сантиметрах, до Слика донеслось изнуренное спертое дыхание. – Или ты исчезнешь вместе с ними.

Слик был тяжелее ковбоя килограммов на десять, и разницу в основном составляли мускулы, но это Джентри никогда не смущало. Казалось, ему вообще наплевать на то, что с ним может случиться. Однажды Джентри влепил ему пощечину. Слик тогда опустил глаза на увесистый гаечный ключ у себя в руке, и его охватило смутное недоумение.

Джентри держался неестественно прямо и уже начинал трястись. Слик давно себе уяснил, что Джентри не может спать во время своих отлучек в Бостон или Нью-Йорк. Он и на Фабрике-то не всегда ложился. А из СОБА возвращался и вовсе истерзанный, и первый день всегда был самым тяжелым.

– Взгляни-ка, – сказал Слик, как говорят с готовым

расплакаться ребенком, и вытащил из кармана взятку Африки.

Он поднял зиплок повыше, чтобы Джентри было лучше видно: синие дермы, розовые таблетки, неприятная какашка опиума в красном мятом целлофане, кристаллы магика, похожие на жирные желтые лепешки мокроты, пластиковые ингаляторы с зацарапанными ножом именами японских производителей.

– От Африки, – сказал Слик, покачивая пакетик.

– Из Африки? – переспросил Джентри. Взглянул на пакет, потом на Слика, обратно на пакет. – Какой такой Африки?

– От Малыша Африки. Ты его не знаешь. Он оставил это для тебя.

– Почему?

– Потому что ему было очень нужно, чтобы я ненадолго приютил его друзей. Я у него в долгу, Джентри. Я несколько раз повторил ему, как ты не любишь, чтобы кто-нибудь здесь ошивался. Как тебе мешают чужие. Поэтому, – соврал Слик, – он сказал, что ему хотелось бы оставить тебе немного кайфа в компенсацию за неудобства.

Взяв пакет, Джентри поддел ногтем шов, раскрыл. Вынул опиум и протянул его Слику:

– Не понадобится.

Достал один из дермов, выдавил его из упаковки и осторожно налепил на внутреннюю сторону правого запястья. Слик остался стоять, рассеянно разминая опиум между большим и указательным пальцем и хрустя целлофаном. Джентри тем временем прошагал вдоль стола обратно и открыл сумку, откуда выудил пару новеньких черных кожаных перчаток.

– Думаю, мне лучше… познакомиться с этими твоими гостями, Слик.

– А? – Слик потрясенно сморгнул. – Да… ну… Тебе на самом деле не обязательно, я хотел сказать, разве это не…

– Нет, – отрубил Джентри, вздернув воротник куртки. – Я настаиваю.

Спускаясь по лестницам, Слик вспомнил об опиуме и швырнул его через перила в темноту.

Он ненавидел наркотики.

– Черри?

Стучась под взглядом Джентри в собственную дверь, Слик чувствовал себя ужасно нелепо. Тук-тук. Никакого ответа. Открыл дверь. Рассеянный свет. Это Черри повесила абажур на одну из лампочек – накрыла ее конусом из желтого ньюсфакса, примотав бумагу проволокой. Другие две лампочки вывернула. Самой девушки в помещении не было.

Носилки, однако, были на месте. Их обитатель все так же лежал, завернутый в синий нейлоновый мешок. Оно поедает его, вдруг подумал Слик, глядя, как громоздятся приборы жизнеобеспечения – всякие трубки, баллоны с жидкостью. Нет, сказал он себе, оно не дает ему помереть, как в больнице. Но тягостное впечатление не исчезало: что, если оно высасывает его по капле и будет сосать, пока не высосет досуха? Слик вспомнил Пташкину болтовню о вампирах.

– Да уж, – прокаркал, огибая его, Джентри, встал у изножья носилок, – странные у тебя знакомые, Слик Генри…

Джентри обошел носилки, осторожно держась на расстоянии метра от застывшей фигуры.

– Джентри, может, тебе лучше подняться наверх? Дерм… Наверное, ты слишком много принял.

– Правда? – Джентри склонил голову набок, в глазах у него метались желтые огоньки. Он подмигнул. – Почему ты так думаешь?

– Ну… – Слик помедлил. – Ты не такой, как всегда. Я хочу сказать, не такой, как был раньше.

– Ты думаешь, меня понесло, а, Слик?

– Да.

– А мне по кайфу, когда меня несет.

– Что-то я не вижу, чтобы ты улыбался, – сказала от двери девушка.

– Это Джентри, Черри. Фабрика – вроде как его дом. Черри из Кливленда…

Но в руке у Джентри откуда-то возник тонкий черный фонарик, и ковбой принялся изучать сетку тродов, покрывавшую лоб спящего. Потом он выпрямился, луч упал на немаркированный модуль и, снова метнувшись вниз, прошел вдоль черного кабеля к гнезду за ухом.

– Кливленд, – наконец проговорил Джентри, как будто это было слово, которое он когда-то слышал во сне. – Интересно… – Он снова поднял фонарь и наклонился, чтобы получше рассмотреть то место, где кабель уходил в модуль. – И Черри… Черри, он кто?

Луч уперся в изнуренное, раздражающе заурядное лицо.

– Не знаю, – ответила Черри. – Не свети ему в глаза. Можешь сбить ему БДГ-фазу или еще что.

– А это? – Он осветил толстую серую пластину.

– «Эл-Эф», низкочастотник. Так говорил Малыш. Парня он называл Графом, а эту штуку – «Эл-Эф». – Она запустила руку под куртку, почесалась.

– Ну, тогда…

Фонарик щелкнул, и луч погас. Джентри повернул к ним лицо, в его глазах ярким пламенем полыхала одержимость – это малышовский дерм так по нему вдарил, что ли? Слику вдруг показалось, что Образ должен быть прямо тут, пылает сквозь лоб Джентри всем напоказ, разве только сам Джентри его не видит.

– …это, должно быть, оно и есть…

11
На главной улице [58]

Мона проснулась, когда самолет заходил на посадку.

Прайор, кивая, слушал Эдди, вспыхивал на каждом кивке своей прямоугольной улыбкой. Как будто улыбка всегда была на его лице, просто пряталась за бородой. Прайор успел переодеться, значит его чемодан был в самолете. Теперь на нем был неприметный серый деловой костюм и галстук в косую полоску. Он стал похож на тех лохов, на которых Эдди натаскивал ее в Кливленде, разве что сидел костюм по-другому.

Она однажды видела, как с лоха снимали мерку, – с того, что возил ее в «Холидей Инн». Магазин примыкал к вестибюлю гостиницы. Лох стоял посреди примерочной в одном белье, весь в квадратах голубого света, и рассматривал свое изображение на трех больших экранах. На экранах не видно было голубых линий, поскольку на каждой голограмме лох был в другом костюме. Моне пришлось прикусить язык, чтобы не рассмеяться; система была снабжена косметологической программой; на каждом экране клиент выглядел иначе, чуть вытягивалось лицо или делался тверже подбородок – лох же вроде ничего такого не замечал. Потом он выбрал костюм, влез в тот, в котором пришел, – на том все и кончилось.

Эдди что-то объяснял Прайору, какой-то узловой момент в архитектуре очередной своей аферы. Мона научилась отключаться от содержания его речей, но сам голос все же до нее доходил. Эдди всегда разглагольствовал так, будто твердо знал, что никому не понять всех уловок, которыми он так гордится, поэтому говорил он медленно и доходчиво, как разговаривают с маленькими детьми, и к тому же доверительно понижал голос. Прайора это, похоже, не беспокоило. Моне казалось, что Прайору вообще плевать, что там болтает Эдди.

Зевнув, девушка потянулась. Самолет дважды подскочил на бетоне посадочной полосы, развернулся и сбавил ход. Эдди не переставал трепаться.

– Нас ждет машина, – перебил его Прайор.

– А куда вы нас везете? – спросила Мона, не обратив внимания на гримасу Эдди.

Прайор улыбнулся своей картонной улыбкой.

– В нашу гостиницу. – Он расстегнул ремень. – Мы пробудем там несколько дней. Боюсь, большую часть времени тебе придется провести в своем номере.

– Именно так, – кивнул Эдди, как будто то, что ей придется сидеть в четырех стенах, было его идеей.

– Ты любишь стимы, Мона? – спросил Прайор, по-прежнему улыбаясь.

– Конечно, – ответила она. – Кто ж не любит?

– А у тебя есть любимые записи, Мона? Есть любимая звезда?

– Энджи, – несколько ошарашенно сказала она. – Кто же еще?

Улыбка стала чуть шире.

– Хорошо. Мы достанем тебе все ее последние записи.

Вселенная Моны состояла по большей части из мест и предметов, где она физически никогда не бывала или которые сама никогда не видела. Аэропорт северного Муравейника в стимах не имел запаха. Вырезали при монтаже, решила она, точно так же, как у Энджи никогда не бывает ни месячных, ни головной боли. Но как же тут воняет! Как в Кливленде, даже хуже. Когда они только-только сходили с самолета, Мона было подумала, что это просто запах аэропорта, но стоило им выйти из машины, чтобы пройти несколько метров до входа в гостиницу, вонь лишь усилилась. К тому же на улице было адски холодно, ледяной ветер кусал ее за голые лодыжки.

Вестибюль отеля показался ей гораздо просторнее, чем в «Холидей Инн», хотя само здание было постарше. В вестибюле толпилось народу больше, чем в любом стиме, но повсюду – чистые синие ковры. Прайор оставил ее ждать у рекламы орбитального курорта, пока они с Эдди отошли к длинной черной стойке поговорить с женщиной, на груди у которой красовалась медная именная табличка. Мона чувствовала себя глупо в белом пластиковом дождевике, который Прайор заставил ее надеть, как будто думал, что ее прикид недостаточно хорош для этого места. Примерно треть толпы состояла из япошек, которых она посчитала туристами. У всех, похоже, была при себе какая-нибудь записывающая техника: видео-, голо-, а у нескольких на поясе даже симстим-модули, – но в остальном они совсем не были похожи на денежных мешков. А она-то думала, что у всех японцев полно денег. Наверное, шифруются, решила она, умницы какие.

Мона увидела, как англичанин отправил женщине через стойку кредитный чип. Женщина взяла чип и пропустила его через металлическую прорезь.

Прайор положил ее сумку на кровать – широкий пласт бежевого темперлона – и коснулся панели на стене, после чего справа разошлись портьеры.

– Здесь, конечно, не «Риц», – сказал он, – но мы постараемся,

чтобы тебе было удобно.

В ответ Мона лишь неразборчиво хмыкнула. «Риц» – так называлась гамбургерная в Кливленде, и при чем тут, спрашивается, эта забегаловка?

– Взгляни, – сказал он, – твоя любимица.

В обитое плюшем изголовье кровати оказался встроен стим-модуль, а рядом – небольшая полочка с набором тродов в пластиковой упаковке и штук пять кассет.

– Тут все новые стимы Энджи, – улыбнулся он.

Интересно, кто приготовил кассеты и не попали ли они сюда после того, как Прайор спросил, какие стимы она любит? Мона ответила на его улыбку своей и отошла к окну. Муравейник выглядел в точности так, как в стимах, окно было похоже на почтовую стереооткрытку: знаменитые здания, названий которых она не знала, знала только, что они знаменитые.

Серый цвет геодезических куполов. Белизна снега оттеняет путаницу их решеток, а выше – серый фон неба.

– Счастлива, детка? – спросил Эдди, подходя сзади и кладя руки ей на плечи.

– А душ у них тут есть?

Прайор рассмеялся. Передернув плечами, она сбросила руку Эдди и с сумкой в руках скрылась в ванной. Заперла за собой дверь. Слышно было, как Прайор опять рассмеялся, а Эдди снова завел шарманку о своих аферах. Присев на унитаз, Мона открыла сумку и выкопала косметичку, где хранился магик. У нее осталось четыре кристалла. Должно хватить. Хватило бы и трех, но, когда число их уменьшалось до двух, она уже начинала думать, где бы закупиться еще. Она не слишком часто закидывалась, во всяком случае, не каждый день, разве что в последнее время, но это потому, что Флорида начала ее доставать.

Теперь можно и сократиться, решила Мона, вылавливая кристалл из пузырька. Кристалл напоминал твердую желтую карамельку, сперва ее надо раздавить, потом растереть между двух нейлоновых пластинок. Измельченный стимулятор издавал слабый, чем-то схожий с больничным запах.

К тому времени, когда она покончила с душем, оба они ушли. Мона долго нежилась в ванной, пока это ей не наскучило. Во Флориде она пользовалась в основном душами при общественных бассейнах или на автовокзалах – и в тех и в других требовались жетоны. Она предположила, что и в этот, гостиничный, встроен приборчик, который отмеряет расход воды и заносит потом в счет – как это было в «Холидей Инн». Здесь, под пластмассовым распылителем, висел большой белый фильтр, а наклейка на

кафеле – глаз и слезка – означала, мол, во время мытья старайтесь, чтобы вода не попала в глаза, совсем как в бассейне. Из кафельной стенки торчал ряд хромированных кранов, и если по очереди нажимать на кнопку под каждым, получаешь шампунь, гель для душа, жидкое мыло, масло для ванны. Затем возле кнопки загорается красная точка, значит, это включается в твой счет. Или в счет Прайора. Мону только порадовало, что они ушли. Так хорошо остаться одной, да еще под кайфом и чистой. Ей редко удавалось побыть в одиночестве, разве что когда работала на улице, а это совсем не то. Она завернулась в огромное махровое полотенце в тон ковру и кровати; в самой пушистой части полотенца было выбрито какое-то слово. Наверное, название отеля. Прошла к окну, оставляя за собой мокрые следы на ковре.

В квартале от отеля стояло старомодное здание. Ступенчатые грани его верхушки были стерты и изрыты так, что она смахивала на самую натуральную гору – с валунами, травой и водопадом. Водяной поток падал, разбивался о камни, падал дальше. Мона невольно улыбнулась: и с чего бы им так выпендриваться? Там, где вода падала на камни, поднимались струйки пара. Но не может же вода просто так течь на улицу, подумала Мона, это стоило бы слишком уж дорого. Она решила, что воду насосами закачивают обратно наверх и используют вновь, гоняя по кругу.

Что-то серое пошевелило головой там, наверху, вскинуло большие изогнутые рога, словно хотело посмотреть на нее, Мону. Отступив на шаг по ковру, она моргнула. Какой-то баран, но это, должно быть, дистанционка – голограмма или вроде того. Животное тряхнуло головой и принялось жевать траву. Мона рассмеялась.

Приход. Магик прокатился волной по внутренней стороне лодыжек, закопошился в лопатках. Холодное стягивающее покалывание, и больничный запах где-то в нёбе.

Раньше она боялась, но теперь страх ушел.

У Прайора нехорошая улыбка, но ведь он просто игрок, просто ввязавшийся в какую-то аферу пиджак. Если у него и есть деньги, то принадлежат они кому-то другому. И Эдди она больше не боялась; скорее она боялась за него, поскольку теперь ясно видела, как его воспринимают другие.

Ладно, подумала Мона, это не важно. Она больше не выращивает сомов в Кливленде, и никто никогда не затащит ее назад во Флориду.

Она вспомнила спиртовку, зимний утренний холод, старика, нахохлившегося в своем огромном сером пальто. Зимой он утеплял окна вторым слоем пластика. Тогда тепла печурки

хватало, чтобы обогреть помещение, поскольку стены были обиты листами жесткого пенопласта, а поверх них – древесно-стружечными плитами. Там, где проглядывал пенопласт, его можно было ковырять пальцем. Если старик тебя за этим застукает – разорется. И с тем, чтобы содержать рыбу в тепле холодной зимой, работы у Моны прибавлялось: надо было закачать воду на крышу, где стояли солнечные зеркала, отбрасывающие свет в такие прозрачные пластиковые трубки. Отчасти помогали гниющие по стенкам баков водоросли; когда идешь вылавливать рыбу сачком, поднимается пар. Старик обменивал рыбу на всякую еду, на то, что выращивали другие люди, на спирт для печки и спирт питьевой, на кофейные зерна, на отбросы, которые шли на корм рыбам.

Он не был ее отцом, он повторял это очень часто, когда вообще открывал рот. И все же время от времени она задумывалась: а может быть, он ей все-таки отец? Когда Мона впервые спросила, сколько ей лет, он ответил, что шесть, так что она отсчитывала от этого.

Услышав, как за спиной открывается дверь, Мона обернулась. В дверях стоял Прайор с золотистой пластинкой ключа в руке. Борода раздвинулась, чтобы показать «улыбку».

– Познакомься, Мона, – сказал он, переступая порог, – это Джеральд.

Высокий, китаец, серый костюм, волосы с проседью. Джеральд мягко улыбнулся, проскользнул мимо Прайора в комнату и направился прямо к комоду напротив изножья кровати. Положил черный чемоданчик и нащелкал на замке код.

– Джеральд – наш друг. Он медик, наш Джеральд. Ему нужно тебя осмотреть.

– Мона, – подал голос сам Джеральд, вынимая что-то из чемоданчика, – сколько тебе лет?

– Шестнадцать, – ответил за нее Прайор.

– Шестнадцать, – повторил Джеральд.

Штуковина, которую он держал в руках, походила на черные защитные очки, этакие затемненные линзы со зловещими шишками сенсоров и проводками.

– Проходим, но со скрипом? – обернулся он к Прайору; тот улыбнулся. – Сколько вам не хватает? Десяти лет?

– Ну, не совсем, – отозвался Прайор. – Совершенства не требуется.

Джеральд перевел взгляд на Мону.

– Вы его и не получите. – Он зацепил дужки очков за уши и на что-то нажал; под правой линзой загорелся огонек. – Но есть степени приближения.

Луч скользнул к Моне.

– Речь всего лишь о косметических процедурах, Джеральд.

– Где Эдди? – спросила Мона, когда врач подошел ближе.

– В баре. Позвать его? – Прайор взялся за телефон, но тут же положил трубку назад, так и не набрав номер.

– Что это? – Она шагнула назад.

– Медицинское обследование, – сказал Джеральд. – Больно не будет.

Он загнал ее к окну, лопатки над полотенцем вжались в холодное стекло.

– Кое-кто собирается предложить тебе работу и очень хорошо за нее платить. Им нужна полная уверенность в том, что ты совершенно здорова. – Луч вонзился ей в левый глаз. – Она на каких-то стимуляторах, – сказал он Прайору уже совершенно другим тоном. – Постарайся не моргать, Мона. – Луч переместился на другой глаз. – Что это, Мона? Сколько ты приняла?

– Магик. – Она сморщилась от света.

Холодные твердые пальцы взяли ее за подбородок, наклоняя голову вправо.

– Сколько?

– Кристалл…

Луч погас. Гладкое лицо китайца оказалось близко, очень близко, защитные очки утыканы всякими линзами, прорезями, маленькими сетчатыми бляшками.

– Кто ж его знает, насколько он чистый, – проговорил медик.

– Он чистый, совсем чистый, – сказала она и захихикала.

Отпустив ее подбородок, Джеральд улыбнулся.

– Ну, это не будет проблемой, – сказал он. – Ты не могла бы открыть рот? Пожалуйста.

– Рот?

– Я хочу посмотреть твои зубы.

Мона перевела взгляд на Прайора.

– С этим вам повезло, – сказал Прайору Джеральд, все тем же лучиком светя ей в рот. – Состояние вполне удовлетворительное и по конфигурации близко к требуемой модели. Коронки, пломбы.

– Мы знали, что можем на тебя рассчитывать, Джеральд.

Сняв очки, Джеральд с полминуты молча глядел на Прайора. Потом повернулся к черному чемоданчику, чтобы убрать прибор.

– И с глазами тоже удачно. Очень похожи. Только подкрасить.

Теперь из чемоданчика появился пакет; китаец разорвал его и натянул на правую руку светлую хирургическую перчатку.

– Сними полотенце, Мона. Устраивайся поудобнее.

Она посмотрела на Прайора, на Джеральда.

– Вы хотите посмотреть мои бумаги, анализ крови и всякое такое?

– Нет, – сказал Джеральд, – с этим все в порядке.

Она выглянула в окно, надеясь увидеть барана, но тот исчез. И небо теперь казалось гораздо темнее.

Размотав полотенце, она дала ему упасть на пол, потом легла на спину на бежевый темперлон.

Это немногим отличалось от того, за что ей обычно платили, даже заняло меньше времени.

В ванной комнате, с раскрытой на коленях косметичкой, размалывая себе очередной кристалл, Мона решила, что имеет полное право на паршивое настроение.

Сперва Эдди сваливает куда-то без нее, потом является Прайор с этим жутким медиком да еще говорит, что Эдди будет спать в другом номере. Там, во Флориде, ей не помешало бы немного свободы от Эдди, но здесь-то все по-другому. Ей совсем не хотелось оставаться одной, а попросить у Прайора ключ она до смерти боялась. У него-то, черт побери, ключ есть, чтобы он мог в любое время приводить сюда своих кошмарных приятелей. Так она не договаривалась.

И история с пластиковым дождевиком тоже сидела занозой. Чертов одноразовый пластиковый дождевик.

Она вспушила измельченный магик между нейлоновыми пластинками, осторожно ссыпала в ингалятор, резко выдохнула и, приложив мундштук к губам, вдохнула. Облачко желтой пыли осело на перепонках горла; какая-то часть, вероятно, даже дошла до легких. Она как-то слышала, что это, мол, вредно для здоровья.

Когда Мона шла в ванную, чтобы закинуться, у нее не было никаких особенных планов, но потом, когда в основании шеи начало покалывать, она обнаружила, что думает об улицах вокруг отеля, по крайней мере о тех, какие видела из окна машины. Там – клубы, бары, магазины со шмотками в витринах. Музыка. Вот что сейчас бы не помешало, да и толпа тоже. Можно затеряться в толпе, забыть о самой себе, просто быть. Дверь не заперта, это она знала; Мона уже попробовала ее открыть. Впрочем, за ее спиной дверь автоматически захлопнется, а у нее нет ключа. Но она же тут остановилась официально, так что Прайор не мог ее не зарегистрировать. Может, спуститься, попросить у администраторши ключ… но от одной мысли об этом Моне стало как-то не по себе. Знает она этих пиджаков за стойками и то, как они на тебя смотрят. Нет, решила она, лучше остаться в номере,

застимить новье Энджи.

Десять минут спустя она уже была на пути к боковому выходу – и бегом из главного вестибюля. В голове пел магик.

Снаружи моросило. Может, капало с куполов? Для вестибюля она накинула белый дождевик, решив, что Прайор, в конце концов, знает, что делает, а вот теперь и сама была рада, что захватила его с собой. Выудила мятую распечатку ньюсфакса из переполненной урны и прикрыла им голову, чтобы не намочить волосы. Было не так холодно, как до этого, – опять же неплохо. Ни один из предметов ее туалета нельзя было назвать теплым.

Оглянулась вправо-влево по авеню, решая, куда пойти. Перед ней – с полдюжины почти одинаковых фасадов гостиниц, строй такси-рикш, глянцевое поблескивание шеренги лавочек под дождем. И люди, целые толпы, как в центре Кливленда, но все так клево одеты и идут с таким видом, будто они крутые и у всех у них есть куда идти. Просто слейся с ними, подумала она. Магик придал ей второе дыхание, и она окунулась в реку симпатичных людей – даже не задумываясь. Постукивала себе по мостовой каблучками новеньких туфель, держа над головой факс, и вдруг заметила – опять удача, – что дождь перестал.

Она не против была бы поглазеть на витрины, когда толпа несла ее мимо, но подхвативший Мону поток сам по себе был удовольствием, а потом – никто ведь не останавливается. Мона решила удовлетвориться беглыми взглядами искоса – каждая витрина как новая вспышка красок… Одежда была точь-в-точь как в стимах, а некоторые вещи вообще таких фасонов, какие она нигде до сих пор не видела.

Мое место здесь, думала она, мне все это время надо было быть здесь. Не на рыбной ферме, не в Кливленде и не во Флориде. Вот оно, настоящее место – кто угодно может сюда приехать, и не нужен для этого никакой стим. Она ведь никогда не видела этой части города в стимах, той, где живут обычные люди. А звезда вроде Энджи… Это – не ее город. Энджи развлекалась бы где-нибудь в высоком замке с другими звездами стима, а не здесь на улице. Но, боже, как тут красиво, ночь такая яркая, вокруг струится толпа, несет ее мимо всех этих чудесных вещей, которые, если повезет, сами упадут тебе в руки.

А вот Эдди это все не нравится. По крайней мере, он вечно трендел о том, как тут дерьмово, слишком много народу, квартплата слишком высока, слишком много полиции и конкурентов. Ну да, а выждал ли он хотя бы пару секунд, когда Прайор предложил сделку? Впрочем, она, кажется, знает, почему Эдди так собачится. Он провалился здесь, влип как распоследний вильсон или свалял дурака. Не то он сам не желает, чтобы ему об

этом напоминали, а может, есть люди, которые не забудут ему напомнить, как только Эдди вернется. Это явно слышалось в злости, с какой он отзывался о Муравейнике, точно так же, как он костерил любого, кто сказал бы ему, что его гениальные планы не сработают. Каждый новый приятель, такой ловкач и умница в первый вечер, на следующий же день становился «полным придурком», «беспросветным тупицей», «ума ну ни на грош».

Мимо огромного магазина с классным стим-оборудованием в витрине – да уж, экипировка для асов, такая вся матово-черная, хрупкая, под сенью голографической Энджи, которая смотрит на прохожих с этой своей знаменитой, чуть печальной улыбкой. Что да, то да – королева ночи.

Толпа-река вытекла на какую-то круглую площадь, место, где встречались четыре улицы, и закружилась вокруг фонтана. Мона брела, сама не зная куда, и ее вынесло прямиком к фонтану – а люди вокруг растекались во всех направлениях без остановки. Не беда, и здесь тоже были люди, некоторые даже сидели на потрескавшемся бетоне чаши. В центре фонтана стояла статуя, мрамор выветрился, углы оплыли. Что-то вроде ребенка верхом на огромной рыбине, а может, дельфине. Казалось, дельфинья пасть вот-вот готова выплеснуть водяную струю, – если бы фонтан действовал. Но он не работал. Поверх голов тех, кто сидел на краю чаши, Моне было видно, что в воде плавают размокшие ньюсфаксы и белые пластиковые стаканчики.

Потом толпа у нее за спиной будто сплавилась, отодвинулась изогнутой стеной тел, и на фоне фонтана вдруг отчетливо проступила – будто подсветку включили – троица, уставившаяся на нее с бордюра. Жирная девица с крашеными черными волосами, рот полуоткрыт, наверно, всегда такой, сиськи вываливаются из красного резинового корсета. Блондинка с длинным лицом и тонким синим шрамом помады, рука, похожая на птичью лапку, мнет сигарету. Мужчина с поблескивающими маслом руками, голыми, несмотря на холод, искусственные мышцы камнями бугрятся под синтетическим загаром, испещрены халтурной тюремной татуировкой…

– Эй ты, сука! – с каким-то даже весельем окликнула жирная. – Н’деюсь, ты не с’-ик-бираешься к’го-то здесь подцепить?

Устало оглядев Мону, блондинка одарила ее блеклой – мол, я тут ни при чем – ухмылкой и отвернулась.

Будто черт на пружинках, с места вскинулся сутенер, но Мона, повинуясь жесту блондинки, уже двигалась сквозь толпу. Он схватил ее за руку, шов пластикового дождевика с треском разошелся, и Мона локтями протолкалась обратно. Магик включил автопилот, и следующая картинка – она сознает, что до

троицы уже больше квартала, и приваливается к какому-то железному столбу, кашляя и обливаясь потом.

А магик вдруг – иногда такое случается – поставил мир с ног на голову, и все кругом сделалось отвратительным. Лица в толпе казались загнанными и голодными, будто всем им нужно срочно бежать по каким-то жизненно важным делам, а свет за стеклами магазинов стал холодным и жестким, и все вещи в витринах были выставлены с единственной целью – сказать ей, что ничего такого у нее никогда не будет. Где-то звенел голос, злой детский голос, нанизывающий непристойности на одну бессмысленную бесконечную нить. Осознав, чей это голос, Мона примолкла.

Левая рука мерзла. Она опустила глаза: рукава не было, а шов на боку разошелся чуть ли не до пояса. Сняв дождевик, она набросила его на плечи, как пелерину: может, тогда его жуткий вид будет не так заметен.

Волной задержанного адреналина нахлынул магик, и Мона спиной покрепче привалилась к столбу; ноги подогнулись в коленях, она еще успела подумать, что вот-вот отключится, но магик опять сыграл с ней одну из своих шуточек, и вот она сидит на корточках во дворе у старика, летний закат, слоистая серая земля искорябана черточками игры, в которую она играла… но теперь она просто горбится без всякого дела, смотрит мимо массивных чанов туда, где в зарослях черники над старой покореженной автомобильной рамой пульсируют светлячки. Из дома у нее за спиной льется свет и доносится запах пекущегося ржаного хлеба и кофе, который старик кипятит снова и снова, пока, как он говорит, ложка не встанет; он сейчас там, читает одну из своих книг, переворачивает иссохшие, крошащиеся коричневатые листы, нет ни одной страницы с целым углом. Книги приносили в потертых пластиковых пакетах, иногда они просто рассыпались в пыль у него в руках. Но если он находил что-нибудь, что ему хотелось бы сохранить, то доставал из ящика маленький карманный копир, вставлял батарейки и проводил машинкой по странице. Она так любила смотреть, как из щелки вылезают свежие копии, с их особым запахом, который быстро исчезал, но старик никогда не давал ей копировать самой. Временами он громко читал вслух с какой-то странной заминкой в голосе, как человек, пытающийся что-то сыграть на музыкальном инструменте, за который не брался многие годы. Эти его книги, никаких историй в них не было… Что это за история, если у нее нет ни начала, ни конца и посмеяться не над чем? Эти его книги… Они были как окна во что-то уж очень странное, старик никогда не пытался что-либо объяснить; должно быть, сам уже ничего в них не понимал… а возможно, не понимал

никто…

Тут улица обрушилась на нее снова – больно и ярко.

Мона потерла глаза и закашлялась.

12
Антарктика начинается здесь [59]

– Я готова, – сказала Пайпер Хилл, с закрытыми глазами сидевшая на ковре в некоем подобии позы лотоса. – Проведи левой рукой по покрывалу.

Восемь изящных проводков тянулись из гнезд за ушами Пайпер к устройству, лежащему у нее на загорелых коленях.

Энджи, завернувшись в белый махровый халат, смотрела на светловолосую Пайпер с края кровати. Черный тестирующий модуль закрывал ее лоб, как сдвинутая наверх глазная повязка. Энджи сделала, как было сказано, легонько проведя подушечками пальцев по грубому шелку и небеленому льну скомканного покрывала.

– Хорошо, – скорее себе, чем Энджи, сказала Пайпер, касаясь чего-то на пульте. – Еще.

Пальцы Энджи ощутили фактуру ткани.

– Еще. – Снова настройка.

Теперь Энджи могла уже разобрать отдельные волокна, отличить шелк от льна…

– Еще.

Ее нервы взвизгнули, когда по кончикам пальцев, с которых словно содрали кожу, царапнул стальной завиток шерсти, толченое стекло…

– Оптимально, – сказала Пайпер, открывая голубые глаза.

Из рукава кимоно она извлекла миниатюрный флакончик слоновой кости и, вынув пробку, протянула его Энджи.

Закрыв глаза, Энджи осторожно понюхала. Ничего.

– Еще.

Что-то цветочное. Фиалки?

– Еще.

Голова закружилась от испарений теплицы, тошнотворно густых.

– Обоняние в норме, – сказала Пайпер, когда поблек удушливый запах.

– Не заметила. – Энджи открыла глаза.

Пайпер протягивала ей крохотный кружок белой бумаги.

– Только бы это была не рыба, – сказала Энджи, лизнув кончик пальца.

Коснулась бумажного конфетти, подняла палец к языку. Как-то один такой тест Пайпер на месяц отвадил ее от блюд из морепродуктов.

– Это не рыба, – с улыбкой ответила Пайпер.

Волосы, которые она всегда стригла очень коротко, будто нимбом оттеняли поблескивание графитовых разъемов, вживленных за ушами. Святая Жанна Кремниевая – назвал ее однажды Порфир. Истинной страстью Пайпер, похоже, была ее работа. Все эти годы она была личным техом Энджи, а кроме того, у нее сложилась репутация человека, незаменимого при улаживании всякого рода конфликтов.

Карамель…

– Кто здесь еще, Пайпер?

Закончив с Ашеровским тестом, Пайпер застегивала молнию на нейлоновом с защитными прокладками кожухе пульта.

Час назад Энджи слышала, как прибыл вертолет. По мере того как отступал сон, до нее доносились смех, потом шаги на веранде. На этот раз она отказалась от своих обычных попыток провести опись сна – если это можно было назвать сном: наплывали чужие воспоминания, потом утекали прочь, откатывались на недостижимый для нее уровень, оставляя смутное эхо образов…

– Рэбел, – ответила Пайпер, – Ломас, Хикмен, Ын, Порфир и наш Папа Римский.

– А Робин?

– Нет.

– Континьюити, – позвала она, встав под струю душа.

– Доброе утро, Энджи.

– Тор Фрисайд. Кому он принадлежит?

– Тор был переименован в Мастик-два[60] нынешними совладельцами, компаниями «Джулианна груп» и «Карриббана орбитал».

– Кому он принадлежал, когда там записывалась Тэлли?

– «Тессье-Эшпул СА».

– Я хочу побольше узнать о Тессье-Эшпулах.

– Антарктика начинается здесь.

Сквозь поток воды Энджи недоуменно воззрилась на белый круг динамика.

– Что ты говоришь?

– «Антарктика начинается здесь» – двухчасовой документальный видеофильм. Исследование истории семейства Тессье-Эшпулов, снятое Гансом Беккером, Энджи.

– Он у тебя есть?

– Конечно. Дэвид Поуп недавно его заказывал. Фильм произвел на него большое впечатление.

– Правда? Когда?

– В прошлый понедельник.

– Тогда я посмотрю его сегодня вечером.

– Учтено. Это все?

– Да.

– До свидания, Энджи.

Дэвид Поуп, которого съемочная группа прозвала Папой Римским[61]. Ее режиссер. Порфир сказал, мол, Робин трезвонил на каждом углу, что ей слышатся какие-то голоса. Он говорил Поупу? Энджи коснулась керамической панели, вода стала горячее. Почему Поуп заинтересовался Тессье-Эшпулами? Она снова тронула щиток и охнула под иглами внезапно хлынувшей ледяной воды.

Извне внутрь, изнутри вовне, фигуры из ее снов скоро всплывут, слишком скоро…

Первое, что она увидела, войдя в гостиную, был картинно прислонившийся к подоконнику Порфир – этакий воин племени масаи в складчатой накидке из черного шелкового крепа и черном кожаном саронге. Остальные встретили ее радостными возгласами, а Порфир, обернувшись, довольно хмыкнул.

– Ты застала нас врасплох, – сказал развалившийся на кушетке Рик Рэбел. Он отвечал за монтаж и спецэффекты. – Хилтон рассчитывал, что тебе захочется отдохнуть подольше.

– Нас вытащили чуть ли не со всего света, дорогая, – добавил Келли Хикмен. – Я был в Берлине, а Папа Римский – на верху колодца, в очередном артхаусном порыве, правда, Дэвид? – Он оглянулся на режиссера, ища поддержки.

Поуп задом наперед оседлал один из стульев эпохи Людовика XVI, упершись локтями в хрупкую спинку. Спутанные темные волосы падали на худое лицо. Когда позволяло расписание Энджи, Поуп снимал документальные фильмы для «Ноулиджнета». Вскоре после того, как она подписала контракт с «Сенснетом», Энджи анонимно приняла участие в одном из его минималистских арт-роликов: бесконечная прогулка по дюнам из испачканного землей розового атласа под искусственным стальным небом. Три месяца спустя – кривая ее карьеры уже неуклонно ползла вверх – пиратская версия этой пленки стала подпольной классикой.

Карен Ломас, дублерша Энджи, улыбалась из кресла слева от Поупа. Справа от него Келли Хикмен, костюмер, сидел на крашеном полу рядом с Брайаном Ыном, учеником и помощником Пайпер.

– Ну вот, – произнесла Энджи, – я вернулась. Простите за

вынужденную паузу, но это было необходимо.

Молчание. Чуть слышное поскрипывание позолоченных стульев. Брайан Ын кашлянул.

– Мы рады, что ты вернулась, – сказала Пайпер, выходя из кухни с чашкой кофе в каждой руке.

Снова возгласы радости – на этот раз немного наигранной, – потом все расхохотались.

– А где Робин? – спросила Энджи.

– Миста Ланье в Лондоне, – отозвался Порфир, уперев кулаки в затянутые в тисненую кожу бедра.

– Ожидаем с часу на час, – сухо добавил Поуп, поднимаясь, чтобы взять себе чашку кофе.

– Что ты делал на орбите, Дэвид? – спросила Энджи, принимая у Пайпер вторую чашку.

– Искал одиночек.

– Одиночество?

– Нет, одиночек. Отшельников.

– Энджи, – вмешался Хикмен, – ты обязательно должна посмотреть атласное платье для коктейлей, присланное Девиком на той неделе! И у меня есть все купальники от Накамуры…

– Конечно, Келли, но…

Но Поуп уже отвернулся сказать что-то Рэбелу.

– Эй, – светясь энтузиазмом, подзуживал Хикмен, – давай же! Пойдем примерим!

Поуп бульшую часть дня провел с Пайпер, Карен Ломас и Рэбелом, обсуждая результаты утреннего теста Ашера и бесконечные мелкие детали того, что они называли «новым включением» Энджи. После ланча Брайан Ын поехал с ней на осмотр в частную клинику на Беверли-бульваре – стены здания были выложены зеркальной плиткой.

За те несколько минут, пока они ждали вызова в белой, заполненной цветами приемной – ритуал, конечно: как будто назначенный визит к врачу, не сопровождайся он ожиданием, может показаться незавершенным, как бы ненастоящим, – Энджи осознала, что задает себе один простой вопрос. Впрочем, не счесть раз, когда она этому удивлялась. Почему загадочное наследие ее отца – веве, которые он прочертил в ее голове, – проскальзывало незамеченным во всех до единого медицинских заведениях?

Ее отец, Кристофер Митчелл, возглавлял гибридомный проект, который в свое время позволил «Маас-Биолабс» практически монополизировать рынок на ранней стадии производства биочипов. Тернер, человек, который увез ее в Нью-

Йорк, дал ей что-то вроде досье на отца, биософт, скомпилированный ИскИном службы безопасности «Мааса». Она погружалась в досье раза четыре за столько же лет. Наконец однажды очень пьяной ночью в Греции, после попытки перекричать Бобби, она швырнула досье с верхней палубы яхты какого-то ирландского промышленника. Она уже забыла причину ссоры, но прекрасно помнила смешанное чувство облегчения и потери, охватившее ее, когда короткий толстый цилиндрик биософта, булькнув, ушел под воду.

Неужели отец так ловко запрятал веве, что они каким-то образом остаются невидимыми для сканирующей аппаратуры нейротехников? У Бобби имелась другая теория, которая, как подозревала Энджи, была ближе к правде. Возможно, Легба – лоа, которому Бовуар приписывал способность к почти неограниченному доступу в киберпространственную матрицу, – умеет изменять поток информации в момент его считывания сканерами, представляя веве как прозрачные или несуществующие… Срежиссировал же Легба ее дебют в стим-индустрии и последовавшее за ним восхождение, в результате которого она затмила Тэлли Ишем, бывшую мегазвездой «Сенснета» на протяжении целых пятнадцати лет.

Но так много воды утекло с тех пор, как ею овладевали лоа, а теперь Бригитта сказала, что веве прочерчены заново…

– Хилтон велел Континьюити выставить сегодня твою «голову», – сказал ей Ын, пока они ждали вызова.

– Да?

– Заявление для публики о твоем ямайском эпизоде. Ты хвалишь новые методы клиники, предостерегаешь против употребления наркотиков, горишь желанием снова взяться за работу. Благодаришь аудиторию, потом идут архивные съемки дома в Малибу…

Континьюити мог генерировать видеоизображения Энджи и анимировать их по составленным из стимов шаблонам. Просмотр таких роликов вызывал у нее легкое (но не сказать что неприятное) головокружение – один из тех редких случаев, когда она была способна напрямую осознать факт собственной славы.

Из-за цветов прозвенел колокольчик.

Вернувшись из города, она застала работников кейтеринговой службы на веранде за приготовлением барбекю.

Энджи прилегла на кушетку под Вальмье, устало прислушиваясь к шуму прибоя. Из кухни доносился разговор: Пайпер объясняла Поупу результаты медосмотра. В этом не было необходимости, врачи сочли Энджи совершенно здоровой, но оба

они – и Поуп, и Пайпер – обожали подробности.

Когда Пайпер и Рэбел, прихватив свитера, вышли на веранду и устроились у жаровни погреть над углями руки, Энджи в гостиной осталась наконец наедине с режиссером.

– Дэвид, ты собирался рассказать мне, что делал на верху колодца…

– Искал убежденных одиночек. – Он запустил пятерню в спутанные волосы. – Это вроде как продолжение проекта, который я затевал в прошлом году, насчет идейных общин в Африке. Проблема только в том, что уже наверху я выяснил: каждый, кто решается на подобное, кто действительно живет на орбите в полном одиночестве, он, как правило, стремится к тому, чтобы его одиночества не нарушали.

– Ты сам записывал? Интервью?

– Нет. Мне хотелось найти таких людей и уговорить их, чтобы делали записи сами.

– И как?

– Не уговорил. Однако узнал несколько историй. Потрясающие байки. Один пилот с буксира рассказал мне, что на каком-то законсервированном японском фармзаводе живут одичавшие дети-каннибалы. Короче, там, на орбите, у них целая своя мифология. Честное слово. Корабли-призраки, затерянные города… Смешно, если вдуматься. Я хочу сказать, все орбиты же известны до миллиметра, все там создано руками человеческими, кому-то принадлежит, занесено на карты. Будто видишь, как миф пускает корни посреди бетонной автостоянки. Но думаю, людям это необходимо, правда?

– Да, – отозвалась она, думая о Легбе, о Маман Бригитте, о тысяче свечей.

– Однако, – продолжал он, – больше всего мне хотелось бы добраться до леди Джейн. Поразительная история. Совершенно готическая.

– Леди Джейн?

– Тессье-Эшпул. Это ее семья построила Фрисайд. Пионеры высокой орбиты. У Континьюити есть потрясающий видеофильм. Поговаривают, будто леди Джейн убила собственного отца. Она – последняя в роду. Деньги кончились много лет назад. Она распродала все, велела отпилить конец веретена и перебралась на новую орбиту…

Энджи выпрямилась на кушетке, сцепив пальцы на плотно сжатых коленях. По спине побежали ручейки пота.

– Ты не слышала этой истории?

– Нет, – проговорила она.

– Ну это уже само по себе интересно – показывает, как ловко

они умели уходить в тень. Чертову уйму денег угрохали на то, чтобы нигде не светиться. Мать была Тессье, отец – Эшпул. К моменту смерти Эшпула их концерн, пожалуй, уже вовсю наступал на пятки Йозефу Виреку. И конечно, за это время они совершенно спятили… детей своих клонировали направо и налево…

– Звучит… ужасно. И ты пытался… Ты действительно пытался найти эту женщину?

– Навел кое-какие справки, да. Континьюити достал мне фильм Беккера, ну а орбита ее, конечно, есть в атласе. Но что толку заявляться в гости, если тебя не приглашали, правда? А потом Хилтон вызвал меня обратно на Землю, снова за работу… Тебе нехорошо?

– Да, я… я думаю… Мне нужно переодеться, накинуть что-нибудь потеплее.

За послеобеденным кофе она, извинившись, пожелала всем доброй ночи.

Порфир последовал за ней к лестнице. Все время обеда он старался держаться к ней поближе, как будто чувствовал, что ее снова что-то тревожит. Нет, подумала она, ничего нового. Просто сейчас в ней оживает то, чем она дышала, чем она жила раньше и всегда, все то, от чего ее отгораживали наркотики.

– Мисси будет осторожна, – прошептал парикмахер так, чтобы, кроме нее, никто его не услышал.

– Со мной все в порядке, – сказала она, поднимаясь на первую ступеньку. – Слишком много людей. Я еще к этому не привыкла.

Он стоял, глядя на нее снизу вверх, отблеск умирающих углей за его спиной высвечивал череп – элегантно сработанный и в чем-то даже нечеловеческий. Энджи повернулась и стала взбираться по лестнице.

Час спустя она услышала шум прилетевшего за съемочной группой вертолета.

– Дом, – сказала она, – теперь я посмотрю фильм Континьюити.

Когда скользнул вниз, разворачиваясь, настенный экран, Энджи открыла дверь спальни и с минуту стояла на верхней площадке, прислушиваясь к звукам пустого дома. Прибой, жужжание посудомоечной машины, ветер, бьющий в окна веранды.

Она повернулась назад к экрану и поежилась, внезапно увидев лицо, которое глядело на нее с зернистого стоп-кадра: брови, дугами выгнувшиеся над темными глазами, высокие

хрупкие скулы и широкий решительный рот. Изображение начало расширяться, уходя во тьму зрачка: черный экран, затем белая точка, она растет, удлиняется, становится суженным к концам веретеном. Фрисайд. Вспыхивают немецкие титры.

– Ганс Беккер, – сказал дом, озвучивая вступительный пассаж библиотечных работников «Сенснета», – немецкий видеохудожник, главной особенностью которого является пристрастное исследование жестко разграниченных областей визуальной информации. Он использует приемы в диапазоне от классического монтажа до технологий, позаимствованных у промышленного шпионажа, от изображений, переданных межпланетными зондами, до киноархеологии. Фильм «Антарктика начинается здесь», посвященный изучению образов семейства Тессье-Эшпулов, в настоящее время расценивается как вершина карьеры кинематографиста. Патологически избегающий внимания СМИ индустриальный клан с их абсолютно закрытой орбитальной базой представлял собой исключительно сложную цель.

С исчезновением последнего титра белое веретено заполнило собой весь экран. Изображение сместилось к центру. Стоп-кадр. Молодая женщина в свободной черной одежде, фон неотчетлив. «МАРИ-ФРАНС ТЕССЬЕ, МАРОККО».

Это другое лицо, не лицо из заставки, не то, чьи воспоминания вторгаются в ее сны, и все же черты молодой Мари-Франс предвосхищают его, как будто под их покровом прячется личинка грядущего…

Звуковая дорожка вплетала в наслоения статики и бормотание неразборчивых голосов атональные линии напряжения, а в это время картинка с Мари-Франс сменилась официальным монохромным портретом молодого человека в крахмальном воротничке с оттопыренными уголками. Это было красивое лицо, с идеальными пропорциями, но какое-то слишком жесткое, и во взгляде – выражение бесконечной скуки. «ДЖОН ХЭРНЕСС ЭШПУЛ, ОКСФОРД».

Да, подумала Энджи, я тебя встречала, и не один десяток раз. Я знаю историю твоей жизни, хотя мне и не позволено коснуться ее.

И, если честно, вы мне совсем не нравитесь. Правда, мистер Эшпул?

13
Подвесной мостик

Подвесной мостик стонал и раскачивался. Носилки оказались слишком широкими, чтобы пройти между поручнями из натянутых веревок, поэтому их пришлось поднять выше и нести на уровне груди. Маленькая процессия ползла сантиметр за сантиметром по мостику над темнотой, казавшейся бездонной. Впереди – Джентри, крепко сжавший руками в перчатках ручки по обеим сторонам от ног спящего. Слику достался более тяжелый конец, изголовье с привинченными к нему батареями и прочим оборудованием. Он чувствовал, как за ними следом пробирается Черри. Ему хотелось сказать ей, что им здесь вовсе ни к чему лишний вес, чтобы она убиралась вниз, но почему-то сказать не мог.

Это была ошибка – дать Джентри пакет наркотиков от Малыша Африки. Слик не знал, что это был за дерм, который налепил себе Джентри, не знал, что было в его крови до того. Что бы это ни было, Джентри слетел с катушек, и теперь они качаются на этом чертовом подвесном мостике в двадцати метрах над бетонным полом Фабрики, и Слик готов был плакать или кричать от разочарования и обиды. Ему хотелось разбить что-нибудь, что угодно, но он не мог отпустить носилки.

Чего стоила одна только улыбка Джентри, выхваченная из тьмы светом биодатчиков в изножье носилок. Свет падал ему на лицо каждый раз, когда Джентри делал следующий шаг назад по настилу…

– О боже, – голосом маленькой девочки сказала Черри, – вот же долбаная хрень…

Джентри вдруг нетерпеливо дернул носилки, и Слик едва удержал ручки.

– Джентри, – сказал Слик, – мне кажется, тебе стоит дважды над этим подумать.

Джентри снял перчатки. В каждой руке он теперь держал по паре перемычек оптического кабеля, и Слику было видно, как дрожат разводные фитинги.

– Я хочу сказать, Малыш Африка – серьезный мужик. Не порть ему игру. Ты не знаешь, с кем ты связываешься.

Честно говоря, это было не совсем правдой, ведь Слик понимал: Малыш слишком умен, чтобы делать ставку на месть. Но черт его знает, во что сейчас влипнет Джентри.

– Ничего я не порчу, – сказал Джентри, подходя с переходниками к носилкам.

– Послушай, приятель, – вмешалась Черри, – прервав ему вход, ты же можешь его убить. Его автономная нервная система просто откажет. Почему ты его не остановишь? – набросилась она на Слика. – Почему просто не настучишь ему по балде?

Слик потер глаза:

– Потому что… ну, не знаю. Потому что он… Послушай, Джентри, она говорит, что ты можешь прикончить несчастного ублюдка, если попытаешься сунуться в цепь. Ты слышал?

– «Эл-Эф», – ответил Джентри, – вот что я слышал.

Зажав переходники зубами, он начал возиться с одним из коннекторов на сером бруске над головой спящего. Руки у него уже не дрожали.

– Мать твою, – выдохнула Черри и прикусила костяшку пальца.

Провод отошел. Одной рукой Джентри резко воткнул переходник в разъем и стал быстро затягивать фитинг. Улыбнулся, все еще держа в зубах второй переходник.

– Ну и хер с вами, – бросила Черри, – я умываю руки. – Но не двинулась с места.

Человек на носилках чуть слышно икнул. От этого звука волосы на руках у Слика встали дыбом.

Отошел второй провод. Джентри вставил второй переходник и стал затягивать фитинг и на нем.

Черри тут же бросилась к изножью носилок, опустилась на колени, чтобы проверить показания приборов.

– Он это почувствовал, – сказала она, поднимая глаза на Джентри, – но показания вроде в норме…

Джентри отвернулся к своим консолям. Слик смотрел, как он вставляет в гнезда перемычки. Может, думал он, все же как-нибудь обойдется. Джентри вскоре отрубится, носилки придется оставить здесь, наверху, пока не удастся заставить Черри и Пташку помочь ему перетащить их через подвесной мостик. Но Джентри – просто шиз; наверное, надо попытаться отобрать у него наркотики, может, тогда все вернется в нормальную колею…

– Я могу только верить, – сказал Джентри, – что это было предопределено. Предопределено ходом всей моей предшествующей работы. Я не стал бы претендовать на понимание того, как это могло произойти, но нам ведь довод и не нужен[62], правда, Слик Генри? – Он ввел с клавиатуры последовательность каких-то команд. – Ты когда-нибудь задумывался над взаимосвязью между клинической паранойей и феноменом религиозного обращения?

– О чем это он? – спросила Черри.

Слик мрачно покачал головой. Если он сейчас хоть что-нибудь скажет, это только подстегнет безумие Джентри.

Теперь Джентри перешел к большому дисплею на проекционном столе.

– Есть миры внутри миров, – продолжал он, не ожидая ответа на свой вопрос. – Макрокосм, микрокосм. Сегодня вечером мы перетащили через подвесной мостик целую вселенную, то есть вверху так же, как и внизу…[63] Конечно, было совершенно очевидно, что подобные вещи должны существовать, но я не смел и надеяться… – Он с наигранной скромностью по-мальчишески оглянулся через расшитое черным бисером плечо. – А теперь, – сказал он, – мы посмотрим на форму вселенной, куда отправился путешествовать наш гость. И в этой форме, Слик Генри, я увижу…

Он коснулся клавиши подачи тока на краю проекционного стола. И закричал.

14
Игрушки

– А вот и вправду чудесная штука, – сказал Петал, касаясь куба из розового дерева размером с голову Кумико. – «Битва за Британию».

Над кубом возник ореол неонового света. Кумико наклонилась пониже и увидела, как, двигаясь будто в замедленной съемке, крохотный аэроплан развернулся и нырнул в серую пасть Лондона.

– Ее сделали, основываясь на военных хрониках, – пояснил Петал. – Камеры были установлены на прицелах.

Кумико, прищурившись, разглядела почти микроскопические вспышки зенитных орудий в устье Темзы.

– Сувенир к столетию.

Они находились в бильярдной Суэйна, в комнате с окнами, выходящими на подъездную дорожку, на первом этаже дома номер шестнадцать. Здесь приютилась мягкая затхлость, эхо запаха бывшего паба. Благопристойность и порядок, присущие хозяйству Суэйна, тут были смягчены благородным запустением: стояли кожаные кресла с потрескавшимися подлокотниками, темные массивные шкафы, тусклым пятном расползлось некогда зеленое поле бильярдного стола… Черные стальные стеллажи были заставлены развлекательным оборудованием, из-за которого Петал и привел сюда девочку перед чаем. Он неспешно шаркал своими рваными тапочками на кротовом меху, демонстрируя имеющиеся игрушки.

– А что это за война?

– Предпоследняя, – сказал он, переходя к похожему на первый, но большему по размеру предмету.

Тот предлагал полюбоваться на голографическую схватку двух тайских боксерок. Одна из них с разворота заехала пяткой сопернице в упругий живот, напрягшийся, чтобы сдержать удар. Петал тронул клавишу, и проекция исчезла.

Кумико вернулась к «Битве за Британию» и ее взрывам, похожим на светлячки.

– А вот здесь у нас спортивные фиши на любой вкус, – сказал Петал, открывая чемодан из свиной кожи, набитый сотнями записей.

Он продемонстрировал еще с полдесятка других приборов, потом, почесав в затылке, стал отыскивать японский канал видеоновостей. Наконец нашел, но никак не мог отключить

программу автоматического перевода. Посмотрел вместе с Кумико, как выпускной курс академии служащих «Оно-Сэндай» отрекается от себя на слезной церемонии выпуска.

– К чему все это? – спросил он.

– Они демонстрируют преданность своему дзайбацу.

– Ну тогда ладно, – протянул он и обмахнул видеомодуль кистью-пуховкой. – Скоро будем пить чай.

Стоило Петалу выйти из комнаты, Кумико сразу же отключила звук. Салли Ширс за завтраком не было, Суэйна тоже.

Болотного цвета гардины скрывали ряд больших окон, выходящих все в тот же сад. Девочка посмотрела в окно на припорошенные снегом солнечные часы, потом отпустила штору. (Онемевший настенный экран вспыхивал бессвязными видами Токио, санитары в комбинезонах из жесткой складчатой фольги лазерами выпиливали жертву автокатастрофы из груды покореженной стали.) У дальней стены громоздился массивный викторианский комод на резных ножках в форме ананасов. Замочная скважина в центре розетки, инкрустированной пожелтевшей слоновой костью, была пуста. Девочка потянула на себя дверцу; та чуть скрипнула и открылась. Из недр комода дохнуло химическим запахом древней полировки. Кумико недоуменно рассматривала черно-белую мандалу на задней стенке комода, пока та не сделалась тем, чем была в действительности, – доской для игры в дартс. Блестящее полированное дерево вокруг было испещрено бесчисленными дырочками и царапинами. Кому-то из игроков не то что в мишень, даже в круг не удавалось попасть, решила она. Нижняя часть комода предлагала полюбоваться ящичками с изящными латунными ручками и обрамленными все той же слоновой костью скважинами. Опустившись на колени, Кумико оглянулась на дверь (настенный экран показывал теперь губы певицы из какого-то кабаре в Синдзюку) и как можно осторожнее вытянула верхний правый ящик. В нем оказалось полно дротиков, часть была аккуратно сложена в кожаные колчаны, остальные – просто свалены кучей. Девочка закрыла ящик и выдвинула такой же слева. Мертвая моль и ржавый шуруп. Ниже помещался единый широкий ящик. При попытке открыть его ящик ужасающе заскрипел. Девочка снова оглянулась (рекламный ролик демонстрировал, как логотип «Фудзи электрик» освещает Токийский залив) – никаких признаков присутствия Петала.

Несколько минут она провела, перелистывая порнографические журналы с японским текстом, которые, похоже, посвящались в основном искусству вязания узлов. Под стопкой журналов лежали запыленная куртка из вощеного хлопка и серая

пластмассовая коробка; на крышке было оттиснуто: «ВАЛЬТЕР». Сам пистолет оказался тяжелым и холодным. Подняв его из пенопластового ложа, она увидела свое отражение в вороненом металле. Кумико до сих пор никогда не держала в руках оружия. Рукоять с серыми пластмассовыми накладками казалась невероятно огромной. Девочка вернула пистолет в ящик и пробежала глазами японский раздел во вкладыше с многоязычной инструкцией. Это был пневматический пистолет: чтобы выстрелить, нужно качнуть рычагом где-то под стволом. Пистолет стрелял очень маленькими свинцовыми шариками. Еще одна игрушка. Аккуратно разложив содержимое по местам, она снова закрыла ящик.

Остальные ящики оказались пусты. Закрыв дверцу комода, Кумико вернулась к «Битве за Британию».

– Нет, – сказал Петал, – прости, но не выйдет.

Он намазывал девонширское масло на крампет[64], тяжелый викторианский нож казался в его толстых пальцах детской игрушкой.

– Попробуй с маслом, – предложил он, опустив массивную голову и вкрадчиво глядя на девочку поверх очков.

Кумико стерла льняной салфеткой с верхней губы мазок мармелада.

– Ты думаешь, я попытаюсь сбежать?

– Сбежать? Так вот ты о чем подумываешь? – Он серьезно и неторопливо ел свою оладью и смотрел на падающий за окнами снег.

– Нет, – ответила девочка. – У меня нет намерения сбежать.

– Хорошо, – отозвался он, откусывая еще кусок.

– На улице мне грозит опасность?

– О господи! Конечно нет, – сказал он с какой-то непреклонной веселостью. – Ты там в такой же безопасности, как и дома.

– Я хочу пойти погулять.

– Нет.

– Но я же выхожу с Салли.

– Да, – согласился он, – она тот еще подарочек, эта твоя Салли.

– Я не знаю такой идиомы.

– Никаких прогулок в одиночку, так говорилось в письме, которое мы получили от твоего отца, понимаешь? С Салли – пожалуйста, но ее сейчас нет. Не буду утверждать, что на улице тебе обязательно кто-нибудь станет докучать, но к чему рисковать? С другой стороны, я сам был бы рад, просто счастлив

пойти с тобой погулять, но я здесь на посту на тот случай, если Суэйну кто-нибудь позвонит. Так что я не могу. Просто стыд и срам, правда-правда. – Он выглядел настолько искренне расстроенным, что девочка решила смягчиться.

– Поджарить тебе еще гренок? – спросил он, жестом указывая на ее тарелку.

– Нет, спасибо. – Кумико положила салфетку на стол и добавила: – Было очень вкусно.

– В следующий раз тебе следует попробовать масло, – сказал он. – После войны его было не достать. С Германии нанесло радиоактивный дождь, и коровы уже стали не те, что раньше.

– Суэйн сейчас здесь, Петал?

– Нет.

– Я никогда его не вижу.

– Приходит, уходит. Дела. Это же все циклами. Очень скоро у нас отбоя не будет от посетителей, и Суэйн снова станет устраивать аудиенции.

– Какие посетители, Петал?

– Деловые люди, скажем так.

– Куромаку, – пробормотала девочка.

– Прости?

– Ничего.

Остаток вечера она провела в одиночестве в бильярдной. Свернулась калачиком в глубоком кожаном кресле и смотрела, как сад прячется под снегом, а солнечные часы, теряя очертания, превращаются в белую таинственную колонну. Она представила себе, что там, в снегопаде, ее мать, одна в саду, закутанная в темные меха. Принцесса-балерина, утопившаяся в ночных водах Сумиды.

Озябнув, девочка встала, обошла бильярдный стол и присела у мраморного камина, где газовое пламя тихонько шипело над вечными углями, которые никак не могло поглотить.

15
Серебряные прогулки [65]

Была у нее подруга в Кливленде, Ланетта, которая много чему ее научила: как быстро выбраться из машины, если лох пытается запереть дверцу, как вести себя, когда идешь покупать дозу. Ланетта была чуть старше и магик использовала в основном для того, чтобы, как она говорила, «разбавить депрессняк», а депрессняк накрывал ее регулярно, чем бы она ни закидывалась, от аналогов эндорфина до старого доброго опиума из Теннесси. Иначе, говорила подруга, так и будешь сидеть полсуток перед видиком, пялиться на любую дрянь. Когда магик добавляет бодрости к теплой неуязвимости хорошего депрессанта, утверждала она, вот это действительно нечто. Но Мона заметила, что те, кто всерьез сидит на депрессантах, часто и помногу блюют, а еще она никак не могла взять в толк, на хрена вообще смотреть видик, если с тем же успехом можно подключиться к стиму. (Ланетта же говорила, что симстим – это, по сути, все то же дерьмо, от которого она и хочет улететь подальше.)

Мона подумала о Ланетте потому, что порой та давала ей дельные советы: например, как вывернуть неудачную ночь наизнанку. Сегодня, думала она, Ланетта посоветовала бы поискать бар и какую-нибудь компанию. У Моны еще оставались деньги после Флориды, так что дело за малым – отыскать место, где примут наличные.

Попала с первой попытки. Добрый знак. Вниз по узкому пролету бетонных ступенек, чтобы окунуться в дымный гул голосов и знакомый приглушенный ритм «Белых алмазов» Шабу. Да уж, тусовка не для пиджаков, но и не то, что коты в Кливленде называли «своим баром». Она совсем не заинтересована сейчас в том, чтобы пить в «их баре». Во всяком случае, не сегодня.

Она только входила, как вдруг кто-то поднялся от стойки, собираясь на выход, так что Мона тут же проскользнула вперед и захватила его табурет, даже пластик остыть не успел – еще один добрый знак.

Бармен поджал губы, потом кивнул, когда Мона показала ему банкноту. Так что она сказала: «Плесни мне бурбона и пива вдогонку», – это всегда заказывал Эдди, если платил за выпивку сам. Если платил кто-то другой, он заказывал разные болтушки, которые бармен не знал как готовить, а потом немало времени тратил на объяснения, как именно это делается. И, выпив коктейль, начинал жаловаться на то, какая же это дрянь по

сравнению с тем, что смешивают в Сингапуре, или Лос-Анджелесе, или в каком другом месте, где – Мона-то знала – он никогда не бывал.

Бурбон здесь был странноватый, с непонятной кислинкой, но, в общем-то, неплохой, когда уже проглотишь. Она сообщила об этом бармену, а тот, в свою очередь, спросил у нее, где она обычно пьет бурбон. Она сказала, что в Кливленде, и он кивнул; у них там не бурбон, а этил плюс вкусовые добавки, сказал он. Когда бармен отсчитывал сдачу, Мона решила, что этот их бурбон в Муравейнике – дороговатое удовольствие. Однако дело он свое делал – трясучку снимал, так что она проглотила остатки и принялась за пиво.

Ланетта любила бары, но сама никогда не пила – только колу или что-нибудь легкое. Мона навсегда запомнила тот день, когда она приняла два кристалла подряд – двойной удар, так это называла Ланетта – и услышала голос в собственной черепушке. Голос звучал так ясно, будто кто-то в комнате говорил: «Оно движется так быстро, что остается на месте»[66]. И Ланетта, которая часом раньше растворила спичечную головку «мемфисского черного» в чашке китайского чая, тоже дохнула магика, полкристалла, и они пошли гулять. Бродили вдвоем по дождливым улицам в совершенной гармонии, когда нет нужды о чем-либо говорить (так это казалось Моне). Тот голос был прав: приход очень плавный, никакого дурного тремора, просто такое ощущение, будто что-то – может быть, сама Мона – расширяется из тихого неподвижного центра. И они нашли парк, где ровные плоские газоны были усеяны серебристыми лужами, и они с Ланеттой исходили там все дорожки. У Моны было даже название для этого воспоминания: «Серебряные прогулки».

А какое-то время спустя Ланетта просто исчезла, никто ее больше не видел. Одни говорили, что она отправилась в Калифорнию, другие трепались про Японию, а третьи – что она откинулась от передоза. Эдди это называл «нырнуть всухую», но вот уж об этом Моне думать совершенно не хотелось. А потому она выпрямилась, оглянулась по сторонам и – да, это классное место, достаточно маленькое, чтобы выглядеть переполненным, но иногда это и хорошо. Здесь были те, кого Эдди называл богемой. Люди с деньгами, но одевающиеся так, будто их не имеют, если не считать того, что одежда на них отлично сидит и с первого взгляда ясно, что куплена-то она новой.

За баром стоял телевизор – над всей этой батареей бутылок, – и тут Мона увидела в нем Энджи. Та что-то говорила, глядя прямо в камеру, но бармен, очевидно, выкрутил звук, так что за гулом голосов было не разобрать, что она там говорит. Потом съемка

пошла сверху, камера уставилась вниз на цепочку домов, примостившихся на самом краю пляжа, и тут вернулась Энджи. Она смеялась, встряхивала гривой волос, дарила камере свою знаменитую полупечальную улыбку.

– Эй, – окликнула Мона бармена, – вон там – Энджи.

– Кто?

– Энджи, – повторила Мона, указывая на экран.

– Ага, – протянул тот, – она торчала на какой-то дизайнерской дури, но решила соскочить, поэтому поехала в Южную Америку или еще куда-то заплатить пару лимонов, чтобы ее почистили.

– Да не может она торчать!

Бармен равнодушно поглядел на нее:

– Тем не менее.

– Да с чего бы ей даже начинать? Я хочу сказать, она ведь Энджи, так?

– Профзаболевание.

– Но поглядите на нее, – запротестовала Мона, – она так хорошо выглядит…

Но Энджи уже исчезла, ее сменил чернокожий теннисист.

– Так ты думала, это она? Это – говорящая голова.

– Голова?

– Что-то вроде куклы, – сказал голос позади нее; Мона, резко обернувшись, увидела встрепанные песочные вихры и ленивую белозубую усмешку. – Кукла, – человек поднял руку со сложенной фигой, – как в мультике, понимаешь?

Она услышала, как бармен кинул на стойку сдачу и перешел к следующему клиенту. Белая усмешка стала шире.

– Так что ей нет нужды записывать весь материал самой, верно?

Мона улыбнулась в ответ. Симпатичный, умные глаза и заговорщицкое «привет» вспыхнули для нее именно тем сигналом, который ей и хотелось прочесть. Не лох, не пиджак. Легкий малый, как раз такой, какой мог бы ей сегодня понравиться, – и что-то бесшабашно веселое в рисунке губ, так странно сочетающееся с умными, насмешливыми глазами.

– Майкл.

– А?

– Мое имя Майкл.

– О, Мона. Меня зовут Мона.

– Откуда ты, Мона?

– Из Флориды.

И разве не сказала бы ей Ланетта, что за такого надо хвататься не глядя?

Эдди терпеть не мог богему: они не покупали того, что он продавал. А Майкла он возненавидел бы еще больше, раз у того была работа и мансарда в нормальном доме. Во всяком случае, Майкл сказал, что это мансарда или лофт. Впрочем, когда они добрались туда, помещение оказалось гораздо меньше, чем, по мнению Моны, полагается быть лофту. Само здание было старым – бывшая фабрика или что-то вроде того. Часть стен – из отпескоструенного кирпича, а потолки – деревянные, с массивными балками. Но все это было нарезано на клетушки: комната немногим больше ее номера в отеле, со спальной нишей в одном конце, с кухней и ванной в другом. Однако этаж был верхним, так что потолок оказался по большей части застекленной крышей, – может, это и делало клетушку мансардой? Под слуховым окном, затеняя свет, горизонтально висел лист красной бумаги. По углам он был проткнут крюками на веревках – прямо-таки огромный воздушный змей. В комнате царил ужасный беспорядок, но разбросанные кругом вещи все были новыми: несколько белых проволочных кресел с каркасом, обмотанным прозрачными пластиковыми трубками, стеллажи с развлекательными модулями, рабочая станция и серебристая кожаная кушетка.

Они начали на кушетке, но к кушетке все время липла спина, так что они перебрались в спальную нишу на кровать.

И только тут она увидела на стене белые полки, а на них – записывающее оборудование, стим-модули. Но магик снова взял вверх, да и если уж она все равно решилась, то почему бы не пойти до конца? Майкл надел на нее устройство с сенсорными датчиками – такой черный резиновый ошейник, из которого торчат внутрь тупые штыри-пальцы с дерматродами, прижимающиеся к основанию черепа. Никаких проводов. Кучу денег стоит, это любому известно.

Надевая на себя троды и проверяя приборы на стенах, Майкл рассказывал о своей работе, о том, как трудится на одну контору в Мемфисе, которая выдумывает для компаний новые имена. Прямо сейчас он старается сочинить название для компании, которая зовется «Китайские катоды». Им это позарез нужно, сказал он и рассмеялся, но потом добавил, что все не так просто. Потому что на свете и без этих китайцев слишком много всяких компаний и все удачные названия уже разобраны. У него есть компьютер, который знает названия всех компаний в мире, и еще один, который составляет слова, чтобы потом использовать их в качестве имен, и еще один, который проверяет, не значит ли придуманное слово «долбоклюй» или чего похлеще на том же

китайском или каком-нибудь шведском. Но их контора торгует не просто именами, они там продают то, что называется «имидж», и ему приходится взаимодействовать с целой командой – только так можно быть уверенным, что его идея впишется в общий пакет.

Потом он пристроился рядом с ней в постели, и не так уж это все было здорово. Веселье куда-то испарилось, с тем же успехом это мог бы быть какой-нибудь лох – она лежала, думая даже не о Майкле, а о том, что он сейчас все записывает. Включит потом ее, Мону, когда ему захочется. И вообще, сколько у него уже было таких, как она?

Вот так она рядом с ним и лежала, после всего, слушая, как он посапывает во сне, пока магик не стал закручивать плотные маленькие круги на дне черепа, раз за разом выщелкивая на экран век одну и ту же последовательность бессвязных картинок: пластиковый пакет, в котором она хранила свои вещи во Флориде, сверху перевязанный проволокой, чтобы не заползли жуки; старик сидит у фанерного стола, чистит мясницким ножом картофелину, нож сточен до огрызка размером с ее большой палец; кливлендская забегаловка, где подавали криль, павильон построен в форме свернувшейся креветки, а выгнутая спина из металлических листов и разрисованного розовым и оранжевым прозрачного пластика служит крышей; проповедник, которого она видела, когда шла за новой одеждой, он и его бледный, расплывчатый Иисус. Всякий раз, когда наступал черед проповедника, Иисус все собирался что-то сказать, но так и не заговорил. Черт, теперь это кино никак не остановишь, разве что встать и попытаться занять мысли чем-то еще. Ладно, выбралась из постели, постояла в сером свете от слухового окна, глядя на Майкла. *Вознесение. Вознесение грядет.*

Мона вышла в комнату, натянула платье; замерзла. Она присела на серебристую кушетку. Красное затемнение превращало серый заоконный свет в розовый – это снаружи начинало светать. Интересно, сколько может стоить такая квартирка?

Теперь, не видя его, Мона с трудом вспоминала, как вообще выглядит Майкл. Ну, ему-то не составит труда ее запомнить. Но одна только мысль о стиме оставила у нее привкус чего-то такого… как будто ее ударили или обидели, а может, просто попользовались. Она почти жалела, что не осталась в отеле постимить Энджи.

Серо-розовый свет заполнял комнату, ложился пятнами, цепенел, застывал в углах. Что-то в нем напомнило о Ланетте и разговорах о передозе. Иногда от передоза кончаются на чужих хатах, и потом проще всего выбросить тело из окна так, чтобы

копы не сообразили, откуда именно оно выпало.

Но она ведь не собиралась об этом думать, так что Мона встала, порылась в холодильнике и кухонных шкафах. В морозилке лежал мешок кофейных зерен, но на магике от кофе начинает трясти. Еще там было полно целлофановых пакетиков с японскими этикетками, что-то замороженное или обезвоженное. Она нашла пакетики чая и сорвала печать с одной из бутылок воды в холодильнике. Налила немного воды в кастрюльку. С плитой пришлось повозиться, прежде чем удалось ее зажечь. Электроконфорки оказались белыми кругами на черном фоне столешницы. Ставишь кастрюлю в центр круга и касаешься красной точки, нарисованной рядом. Когда вода закипела, она бросила в кастрюлю пакетик чая и сняла ее с конфорки.

Наклонившись над кастрюлькой, Мона вдохнула пар с запахом трав.

Она никогда не забывала, как выглядит Эдди, когда его не было рядом. Пусть он и не ахти кто, но, когда он был рядом, она чувствовала себя уверенней. Должно же быть поблизости какое-то лицо, которое не меняется. Но, пожалуй, и об Эдди думать сейчас – не такая уж хорошая идея. Скоро, очень скоро наступит отходняк, а до тех пор надо еще найти способ вернуться в отель. Внезапно ей пришло в голову, что все это так сложно; слишком многое надо сделать, просчитать варианты – а это и есть отходняк, когда начинаешь волноваться, как бы слепить дневную сторону суток обратно.

Едва ли Прайор позволит Эдди ее ударить, думала Мона, хотя бы потому, что зачем-то ему важна ее внешность. Мона обернулась, чтобы достать чашку.

За ней стоял Прайор в черном пальто. Она услышала, как из ее горла сам по себе вырвался странный тихий звук.

На отходняках ей и раньше случалось видеть всякую всячину. Если смотреть в упор, видения исчезали. Она попыталась вглядеться в Прайора, но это не сработало.

Он так и стоял у двери с каким-то пластмассовым пистолетом в руке, не целился в Мону, просто держал пушку в руках. На нем были перчатки, точно такие, как те, какие Джеральд надевал для осмотра. С виду он был не слишком чтоб зол, но ради разнообразия не улыбался. Довольно долго он вообще не произносил ни слова, и Мона тоже молчала.

– Кто здесь? – Он сказал это так, будто спрашивал мимоходом на вечеринке, как дела.

– Майкл.

– Где?

Она кивком показала на спальную нишу.

– Надень туфли.

Она вышла из кухни, стараясь держаться подальше от него, по дороге машинально нагнулась, подобрала с ковра белье. Туфли нашлись за кушеткой.

Прайор беззвучно шагнул за ней в комнату, стал смотреть, как она надевает туфли. В руке у него по-прежнему был пистолет. Сняв свободной рукой со спинки кушетки кожаную куртку Майкла, он бросил ее Моне.

– Надень, – спокойно сказал он.

Она просунула руки в рукава, в одном из карманов скомкала белье.

Он подобрал рваный белый дождевик и, свернув в ком, убрал в карман своего пальто.

Майкл храпел. Возможно, он вскоре проснется и проиграет запись по новой. С его снаряжением ему и в самом деле никто здесь больше не нужен.

В коридоре Мона равнодушно смотрела, как Прайор с помощью серой коробочки запирает дверь. Пушка исчезла, но она не видела, как он ее убирал. Из коробочки торчал кусок гибкого красного шнура с непримечательным магнитным ключом на конце.

На улице было холодно. Он заставил ее пройти пешком квартал, потом открыл дверь маленькой белой трехколесной машины. Она села внутрь. Заняв место водителя, Прайор стянул перчатки. Завел машину. Мона увидела облачко выхлопа, отраженное в зеркальных стеклах башни бизнес-центра.

– Он подумает, что я ее украла, – пробормотала она, теребя лацкан куртки.

Тут магик сдал последнюю свою карту: по синапсам дернул рваный каскад нейронов… Кливленд под дождем и покой в душе, какой она испытала лишь однажды – тогда, на прогулке.

На серебряной.

16
Нить накаливания в слое нагара [67]

Я – твоя идеальная аудитория, Ганс. (Запись пошла по второму кругу.) *Где тебе найти более внимательного зрителя? Ты ведь уловил их сущность, Ганс. Можешь мне поверить, я это знаю, потому что мне снятся ее воспоминания. Я вижу, насколько близко ты подошел.*

Да, ты уловил сущность этих людей. Путешествие вовне, строительство стен, долгая спираль, закручивающаяся внутрь. Они помешались на стенах, не так ли? Лабиринт крови, лабиринт семьи. Грибница посреди пустоты… Они как будто говорят: «Мы – это то, что внутри, снаружи – другое. Здесь мы пребудем вечно». А тьма таилась там с самого начала… Ты раз за разом находил ее в глазах Мари-Франс, вновь и вновь пригвождал медленным наплывом камеры на затененные глазницы черепа. Очень рано она запретила снимать себя на пленку. Ты подровнял, увеличил ее изображение, провернул его через плоскости света, плоскости тени, сгенерировал модели, расчертил ее череп решеткой неона. Ты использовал особые программы, чтобы состарить ее визуальный образ согласно статистическим моделям, затем – анимационные программы, чтобы оживить свою зрелую Мари-Франс. Ты раздробил ее изображение, низвел его до огромного, но конечного числа точек, перемешал, давая выйти на свет новым формам, выбрал те, которые, похоже, что-то говорили тебе… А потом ты взялся за остальных, за Эшпула и дочь, чье лицо обрамляет твой фильм, – его первый и последний кадр.

Повторный просмотр придал основательность их истории, позволил Энджи нанизать отрывочные видеозарисовки Беккера на единую временную линию. Точкой отсчета стала свадьба Тессье и Эшпула, союз, обсуждавшийся в свое время только в тех средствах массовой информации, что занимались корпоративными финансами. Оба были наследниками своих отнюдь не скромных империй: Мари-Франс – громадного состояния семьи Тессье, основанного на девяти базовых патентах в области прикладной биохимии, а Эшпул – мощной инженерной фирмы со штаб-квартирой в Мельбурне, фирмы, которая носила имя его отца. Журналистам этот брак представлялся слиянием, хотя возникшую в результате корпоративную единицу финансовый мир рассматривал как неуклюжую – этакая химера с двумя головами, смотрящими в разные стороны.

Однако вскоре на фотографиях тех лет из взгляда Эшпула исчезли пресыщенность и скука, а их место заняла абсолютная решимость. Эффект вышел нелестным – или, скорее, даже пугающим: красивое жесткое лицо становилось все жестче, все безжалостней в своей всепоглощающей целеустремленности.

Через год после женитьбы на Мари-Франс Тессье Эшпул избавился от девяноста процентов своих активов, вложив освободившийся капитал в орбитальную собственность и установки по запуску шаттлов. Плод живого союза, двоих детей – брата и сестру – вынашивали тем временем суррогатные матери на вилле Мари-Франс в Биаррице.

Тессье-Эшпулы взошли на орбитальный архипелаг и здесь обнаружили, что плоскость эклиптики отмечена лишь редко разбросанными военными базами и первыми автоматизированными фабриками картелей. И тогда они начали строительство. Первоначально их объединенные капиталы были не больше, чем затраты «Оно-Сэндай» на запуск очередного микропроцессорного цеха в орбитальном сборочном массиве корпорации, но Мари-Франс, проявив неожиданное предпринимательское чутье и сноровку, создала приносящее колоссальный доход убежище данных для обслуживания потребностей не столь респектабельных секторов международного банковского сообщества. А это, в свою очередь, породило связи с самими банками и их клиентами. Эшпул занимал направо и налево, и стена лунного бетона, которой предстояло стать Фрисайдом, росла и закруглялась, смыкаясь вокруг своих создателей.

Когда разразилась война, Тессье-Эшпулы уже скрылись за этой стеной. Они видели, как вспыхнули и погибли Бонн и Белград. Строительство веретена продолжалось в те три недели войны лишь с незначительными перебоями, хотя в последовавшее десятилетие оцепенения и хаоса эта задача несколько осложнилась.

Но дети, Джейн и Жан, теперь уже были с ними. Виллу в Биаррице продали, чтобы оплатить создание криогенной установки для их нового дома, виллы «Блуждающий огонек». Первыми жильцами криогенной утробы стали десять пар клонированных эмбрионов: 2-Джейн и 2-Жан, 3-Джейн и 3-Жан… Существовало множество законов, запрещавших или как-то еще регулировавших искусственное репродуцирование индивидуального генетического материала, но было и столько же лазеек в хитросплетениях юрисдикции…

Энджи остановила запись и попросила дом вернуться к

предыдущему эпизоду. Снова кадры с изображением криогенного устройства, этой утробы Тессье-Эшпулов, созданной швейцарскими инженерами. Она знала, что предположение Беккера о сходстве верно: эти круглые двери из окаймленного хромом черного стекла были центральными образами в чужих воспоминаниях, убедительными и тотемными.

Одно изображение сменяло другое. Теперь речь шла о монтажной сборке на внутренней поверхности веретена в условиях невесомости. Продвигалось строительство осветительной системы Ладо-Ачесон, преобразующей солнечную энергию, наращивалась атмосфера, создавалась – за счет вращения – искусственная гравитация… Тут на Беккера свалилось сказочное, не поддающееся освоению богатство в виде многих-многих часов блестяще-глянцевой документации. Он ответил на этот вызов яростным, рваным монтажом, напрочь выстригая поверхностный лиризм исходного материала; на экране остались лишь отдельные напряженные лица измученных рабочих среди неистового улья механизмов. Фрисайд зеленел и расцветал в ускоренном порхании записанных на пленку восходов и искусственных закатов. Роскошная, запечатанная в бетон и пластик земля, усеянная драгоценными камнями бирюзовых озер. Тессье и Эшпул выбрались из «Блуждающего огонька», своего тайного дома на кончике веретена, лишь на официальные торжества по случаю открытия Фрисайда. С примечательной отстраненностью обозревали властители ими же созданную страну. Тут Беккер резко сбросил темп и снова принялся за свой одержимый анализ. Вот это – последний раз, когда Мари-Франс взглянула в объектив. Беккер исследует черты ее лица в мучительной, растянутой фуге, крупные планы медленно перетекают один в другой в изысканном контрапункте к пульсирующим волнам аудиореверса, прорывающимся на звуковой дорожке сквозь дрейфующие наслоения статических шумов.

Энджи вновь попросила паузу, встала с кровати и подошла к окну. Она испытывала странный подъем, нахлынуло неожиданное ощущение силы и внутренней гармонии. Что-то подобное произошло с ней семь лет назад в Нью-Джерси, когда она узнала, что и другим известны те, кто приходил к ней в снах, что они зовут их лоа, Божественными Наездниками, дают им имена, и призывают их, и торгуются с ними о милостях.

И даже тогда не обходилось без путаницы и недоразумений. Бобби, например, утверждал, что Линглессу, седлавший Бовуара в умфо, и Линглессу из матрицы – это различные, не связанные

между собой сущности. Если, конечно, первого из них вообще можно считать сущностью.

– Они проделывают это уже более десяти тысяч лет, пляшут, сходят с ума, – говорил он, – твари же из киберпространства – духи, призраки, не важно, что они такое, – обитают там лишь последние лет семь-восемь, не более.

Бобби верил старым ковбоям. Тем, кому он покупал выпивку в «Джентльмене-неудачнике» всякий раз, когда карьера Энджи приводила их в Муравейник. Старики считали, что лоа появились не так давно, они вроде как новоприбывшие. Старые ковбои жили прошлым, когда решительность и талант были единственными решающими факторами в карьере компьютерного виртуоза. Впрочем, Бовуар возразил бы на это: мол, для того чтобы иметь дело с лоа, решительности и таланта требуется не меньше.

– Но они же приходят ко мне, – возражала она. – И мне не нужна дека.

– Это то, что у тебя в голове. То, что сделал твой отец…

Бобби рассказал ей, на чем сошлись старые ковбои: мол, однажды настал такой день, когда все изменилось, – хотя существовали разногласия относительно того, как и когда.

«Когда Все Изменилось»[68] – так они называли это событие или этот день, и однажды Бобби заставил Энджи загримироваться и привел ее в «Неудачник», чтобы она сама послушала стариков. Вокруг бара суетились агенты из службы безопасности «Сенснета», которых даже на порог не пустили. То, что охрана осталась за дверью, произвело на нее тогда большее впечатление, нежели разговоры стариков. Ковбои облюбовали «Джентльмен-неудачник» еще во времена войны, которая ознаменовала рождение новой технологии. Тогда в Муравейнике не было другого места для сбора криминальной элиты – хотя, когда Энджи появилась здесь, вся элитарность наводила скорее на мысль, что завсегдатаи бара в большинстве своем давно ушли на покой. В «Неудачнике» уже не толклись крутые ребята из молодых, но некоторые из них приходили сюда послушать.

И вот теперь, в спальне дома в Малибу, Энджи вспомнила эти истории о том, «Когда Все Изменилось», понимая, что некая часть ее сознания мучительно пытается найти место стариковским байкам и воспоминаниям в коллаже из обрывков ее собственной жизни и истории семейства Тессье-Эшпулов.

3-Джейн была нитью накаливания, Тессье-Эшпулы – слоем нагара. Дата ее рождения была официально зарегистрирована тем же днем, что и рождение девятнадцати ее клонированных братьев и сестер-близнецов. «Расследование» Беккера стало еще более

нервозным, когда З-Джейн была выношена в чреве очередной суррогатной матери и вышла на свет посредством кесарева сечения в хирургическом отсеке «Блуждающего огонька». Критики соглашались: З-Джейн явилась для Беккера чем-то вроде спускового крючка. С рождением З-Джейн фокус документального фильма незаметно сместился, являя новое усиление напряженности, прогрессию одержимости – как бы некое чувство греха, что отмечали многие критики.

З-Джейн стала центром внимания, капризной жилкой золота в гранитном массиве семьи. Нет, подумала Энджи, не золота, а серебра, тусклого и сумасбродного. Изучая снимок З-Джейн и двух ее сестер, сделанный китайским туристом у озера возле какого-то отеля во Фрисайде, Беккер неизменно возвращается к глазам З-Джейн, рассматривает выемку ключицы, хрупкие запястья. Физически сестры совершенно идентичны, и все же нечто выделяет З-Джейн. И попытка Беккера докопаться до природы этой особенности превращается в основной посыл всего фильма.

По мере того как расширяется орбитальный архипелаг, Фрисайд процветает. Банковский узел, публичный дом, убежище данных, нейтральная территория для враждующих корпораций – веретено начинает играть все более сложную роль в истории высокой орбиты; тем временем владельцы «Тессье-Эшпул СА» скрываются еще за одну стену, на этот раз – дочерних корпораций. Имя Мари-Франс ненадолго всплывает в связи с разбирательством в женевском патентном суде по поводу определенных достижений в области создания искусственного интеллекта. Впервые и только на короткое время оглашается информация о широкомасштабном финансировании Тессье-Эшпулами исследований в этом направлении. И вновь семейство проявляет свою уникальную способность исчезать из виду, вступая в еще один период забвения, тот, что окончится лишь со смертью Мари-Франс.

Постоянно будут ходить слухи об убийстве, но любая попытка расследования натолкнется на богатство и изолированность клана, на сложное переплетение их финансовых и политических связей.

Вторично просматривая фильм Беккера, Энджи уже знала личность убийцы Мари-Франс Тессье.

На рассвете, не зажигая на кухне свет, она приготовила себе кофе и села смотреть на бледную линию прибоя.

– Континьюити.

– Здравствуй, Энджи.

– Ты знаешь, как связаться с Гансом Беккером?

– У меня есть номер телефона его агента в Париже.

– Беккер что-нибудь снял после «Антарктики»?

– Насколько мне известно, ничего.

– А как давно это было?

– Пять лет назад.

– Спасибо.

– Пожалуйста, Энджи.

– До свидания.

– До свидания, Энджи.

Уж не считал ли Ганс Беккер, что З-Джейн повинна в смерти Эшпула? Казалось, он неким окольным путем внушал эту мысль.

– Континьюити.

– Здравствуй, Энджи.

– Фольклор компьютерных жокеев, Континьюити. Что ты об этом знаешь?

Интересно, что подумает Свифт, спросила она себя.

– Что бы тебе хотелось знать, Энджи?

– «Когда Все Изменилось»…

– Архетип мифа встречается обычно в одной из двух версий. Одна версия предполагает, что матрица киберпространства населена – или, скорее, посещаема – некими существами, чьи характеристики соответствуют первичному архетипу «скрытого народа». Другая основана на предположении о вездесущности, всесильности и непостижимости самой матрицы.

– То есть, что матрица есть Бог?

– Можно сказать и так, хотя в рамках архетипа точнее было бы говорить о том, что у матрицы есть Бог, поскольку вездесущность и всесильность этого существа ограничивается матрицей.

– Если у него есть ограничения, он не всесилен.

– Вот именно. Обрати внимание: архетип не наделяет его бессмертием, что обычно присуще религиозным системам, основанным на вере в высшее существо, – по крайней мере, в рамках именно вашей культуры. Киберпространство существует – если, конечно, можно употребить слово «существует» – лишь благодаря деятельности людей.

– Как ты.

– Да.

Энджи вернулась в гостиную, где в сером рассветном свете очертания кресел эпохи Людовика XVI стали чем-то похожи на скелеты: их изогнутые ножки напоминали позолоченные кости.

– Если бы подобное существо имелось в действительности, – спросила она, – ты был бы его частью, так?

– Да.

– И ты знал бы об этом?

– Не обязательно.

– Ты знаешь?

– Нет.

– Ты исключаешь такую возможность?

– Нет.

– Тебе не кажется, что это довольно странный разговор, Континьюити?

Ее щеки были мокрыми от слез, хотя она и не заметила, когда они начали течь.

– Нет.

– Как вписываются истории о… – Она помедлила, едва не сказав слово «лоа». – О существах в матрице… как они уживаются с представлением об этом сверхсуществе?

– Никак. И то и другое – лишь версии события, известного как «Когда Все Изменилось». И та и другая версии очень недавнего происхождения.

– Точнее?

– Приблизительно пятнадцать лет.

17
Дерганый город [69]

Девочка проснулась, почувствовав, что рот ей зажимает холодная ладонь Салли. Другая рука жестом призывала к молчанию.

Горели мелкие лампочки, встроенные в зеркало с золотыми искорками. Один из ее чемоданов был открыт и стоял в ногах гигантской кровати, рядом с ним – аккуратная стопка одежды.

Салли прикоснулась указательным пальцем к плотно сжатым губам, потом жестом указала на одежду и чемодан.

Кумико выскользнула из-под пухового одеяла и, спасаясь от холода, натянула свитер. Снова взглянув на Салли, она заколебалась, не заговорить ли ей вслух. Что бы это ни было, подумала она, достаточно одного слова, и появится Петал. Салли была одета так же, как в последний раз, когда Кумико ее видела: дубленка с барашковым воротником, под подбородком завязан клетчатый шарф. Она повторила жест: собирай вещи.

Быстро одевшись, Кумико начала укладывать одежду в чемодан. Салли беспокойно, но и бесшумно ходила по комнате, открывала и закрывала ящик за ящиком. Отыскав паспорт Кумико, черную пластиковую табличку на нейлоновом шнурке с рельефной золотой хризантемой, повесила ее на шею девочке. Потом скрылась в фанерной каморке, чтобы появиться с замшевым несессером с туалетными принадлежностями Кумико.

Когда Кумико застегивала чемодан, зазвонил золоченый антикварный телефон.

Салли проигнорировала звонок, взяла с постели чемодан, открыла дверь и, схватив Кумико за руку, потянула ее в темный коридор. Отпустив ее руку, Салли прикрыла за ними дверь, заглушив телефон и оставив их в полной темноте. Кумико позволила провести себя к лифту – его она узнала по запаху масла и полироля, позвякиванию металлической решетчатой двери.

Лифт пошел вниз.

В ярко освещенной прихожей их ждал Петал, закутанный в необъятных размеров выцветший шерстяной халат. На Петале были все те же драные шлепанцы, выглядывающие из-под халата ноги казались неестественно белыми. В руках у него был пистолет – тупорылое оружие отблескивало тускло-черным.

– Черт побери, – увидев их, мягко проговорил он, – это еще что такое?

– Она поедет со мной, – бросила Салли.

– Это, – медленно произнес англичанин, – совершенно невозможно.

– Куми, – Салли легонько подтолкнула девочку в спину, выпроваживая ее из лифта, – нас ждет машина.

– Ты не можешь так поступить, – сказал Петал. Но Кумико почувствовала, что он растерян.

– Тогда пристрели меня, мать твою.

Петал опустил пистолет.

– Это меня чертов Суэйн пристрелит, если все выйдет по-твоему, можешь мне поверить.

– Будь он здесь, он оказался бы в таком же положении, верно?

– Пожалуйста, – попросил Петал, – не надо.

– Не волнуйся, с ней все будет в порядке. Открой дверь.

– Салли, – спросила Кумико, – куда мы едем?

– В Муравейник.

…И проснулась снова, осознав, что дремала, пригревшись под Саллиной дубленкой, убаюканная мягкой вибрацией сверхзвукового полета. Кумико вспомнила огромный приземистый автомобиль, который ждал их на подъездной дорожке. Когда Салли и она вышли на тротуар, с фасадов Суэйновых зданий полоснули лучи прожекторов. В окне машины мелькнуло залитое потом лицо Тика. Салли рывком распахнула дверцу и втолкнула девочку внутрь. Тик тихонько и без умолку чертыхался все то время, пока машина набирала скорость; жалобно взвизгнули шины, когда он слишком резко свернул на Кенсингтон-Парк-роуд. Салли посоветовала ему сбросить скорость и отдать управление автомату.

Только тут, в машине, Кумико вспомнила, что положила модуль «Маас-Неотек» на место – в тайник за мраморным бюстом. Со всеми своими лисьими повадками и курткой, протертой на локтях, как и шлепанцы Петала, Колин остался позади – теперь всего лишь призрак, чем он, в сущности, и был.

– Сорок минут, – сказала Салли с соседнего кресла. – Хорошо, что ты поспала. Скоро нам принесут завтрак. Помнишь, на какое имя у тебя паспорт? Прекрасно. А теперь не задавай мне никаких вопросов, пока я не выпью кофе, идет?

Кумико знала Муравейник по тысячам стимов. Повальное увлечение этим необъятным городским конгломератом стало в последнее время характерной чертой японской массовой культуры.

А вот об Англии у Кумико почти не было мнения до того, как

она туда попала: смутные образы каких-то знаменитых сооружений, неотчетливое представление об обществе, считавшемся на взгляд японского общества как будто эксцентрично-патриархальным и застойным. (В сказках ее матери принцесса-балерина всегда с удивлением обнаруживала, что англичанам ее танцы не по карману.) Однако Лондон во многом оказался совсем другим, нежели она ожидала, – ее поразили энергия города, его очевидное изобилие, а суета и великолепие больших торговых улиц сильно напомнили Гиндзу.

Девочка считала, что уж о Муравейнике она знает немало, но и это убеждение развеялось в первые же часы после прибытия их рейса.

Она, Салли и другие пассажиры стояли в очереди посреди огромного гулкого зала таможни, потолок которого уходил куда-то во тьму. Эту тьму через равные промежутки прорывали бледные сферы света. Вокруг шаров, несмотря на зиму, клубился рой мошкары, как будто здание обладало собственным климатом. Но пока еще это был Муравейник из стимов, каким она его себе представляла. Чувственно-электрический фон для проигрываемых на ускоренной перемотке жизней Анджелы Митчелл и Робина Ланье.

Прошли таможню. Сам досмотр, несмотря на бесконечное ожидание в очереди, заключался лишь в том, что ее паспорт пропустили сквозь грязноватую металлическую прорезь. И дальше – в сумасшедшую суету на бетонной платформе, где багажные роботележки медленно бороздили толпу, которая галдела и напирала, осаждая наземный транспорт.

Кто-то взял у нее чемоданчик. Протянул руку и взял с уверенностью, которая говорила, что этот человек просто выполняет привычную обязанность, как, скажем, молодые женщины, поклонами приветствующие покупателей в дверях крупных универмагов Токио. А Салли вдруг ударила его ногой. Ударила под колено, стремительно и плавно крутанувшись на месте, как тайская боксерка в бильярдной Суэйна. Выхватила чемоданчик еще до того, как затылок незнакомца с резким стуком ударился о грязный бетон.

Салли потянула девочку за собой, не дожидаясь, когда над неподвижной фигурой сомкнется толпа. Эта вспышка насилия, со стороны выглядевшая так небрежно, могла бы показаться сном – если бы не улыбка Салли, первая с тех самых пор, как они вылетели из Лондона.

Сбитая с толку Кумико безвольно смотрела, как Салли производит осмотр имеющихся машин. А та быстро дала взятку диспетчеру, нагнала страху на очередь – и затолкала девочку в

потрепанный ховер в косую черно-желтую полоску. Отделение для пассажиров было голым и выглядело исключительно неудобным. Водитель, если он вообще был, оставался невидимым за изогнутой перегородкой из пластиковой брони. Там, где перегородка смыкалась со стенкой, торчал объектив видеокамеры, вокруг которого кто-то нарисовал мужской торс: объектив выступал в роли фаллоса. Когда Салли, забравшись внутрь, захлопнула за собой дверцу, динамик проскрежетал что-то вовсе уж неразборчивое. Кумико решила, что это какой-нибудь диалект английского.

– Манхэттен, – приказала Салли.

Она достала из куртки пачку бумажных денег и, развернув веером, помахала ею перед камерой.

Динамик вопросительно затрещал.

– В центр. Скажу, где остановиться.

Юбка воздушной подушки надулась, свет в пассажирском отделении погас, и они тронулись в путь.

18
Тюремный срок

Он на чердаке у Джентри. Смотрит, как Черри, сидя на краю кровати, нянчится с ковбоем. Она поворачивается к нему:

– Как ты, Слик?

– В порядке… я в порядке.

– Ты помнишь, что я тебя об этом уже спрашивала?

Он смотрит в лицо человека, которого Малыш Африка называл Графом. Черри возится с чем-то у встроенной в изголовье носилок стойки, с какой-то капельницей; в ней – жидкость цвета овсянки.

– Как ты себя чувствуешь, Слик?

– Нормально.

– Никакое не нормально. Ты все время забы…

Он сидит на полу на чердаке у Джентри. Лицо мокрое. Рядом с ним – Черри; она стоит на коленях, очень близко, ее руки у него на плечах.

– Ты сидел?

Он кивает.

– В блоке химкоррекции?

– Да…

– Индуцированный синдром Корсакова?

Он…

– Фрагментами? – спрашивает его Черри.

Слик сидит на полу на чердаке у Джентри. А где сам Джентри?

– Ты помнишь все фрагментами, да? А кратковременные воспоминания исчезают напрочь?

Откуда она это знает? И где Джентри?

– И от чего это включается?

– Что включает синдром, Слик? Что с тобой делали в тюрьме?

Он сидит на полу на чердаке у Джентри; Черри чуть ли не уселась на него верхом.

– Стресс, – выдавливает он, удивляясь, откуда она это знает. – Где Джентри?

– Я уложила его в постель.

– Почему?

– Отрубился, увидев ту штуку…

– Какую?

Черри вдавливает в его запястье розовый дерм.

– Это сильный транк, – говорит она. – Может, выведет тебя из этого…

– Из чего?

Она вздыхает.

– Не важно.

Он просыпается в постели с Черри Честерфилд. Он полностью одет, за исключением куртки и ботинок. Вставший член, прижавшись к теплой джинсовой ткани над задницей Черри, попал в ловушку за пряжкой ремня.

– Даже не думай.

Зимний свет сквозь залатанное окно, и если откроешь рот – белым облачком вылетает дыхание.

– Что случилось?

И почему в комнате так холодно? Он вспоминает вопль Джентри, когда серое нечто устремилось на него…

Слик поспешно садится.

– Потише, – говорит Черри, перекатываясь на спину. – Ляг. Не знаю, что это было, что вызвало срыв.

– Ты о чем?

– Ложись обратно. Забирайся под одеяло. Хочешь совсем замерзнуть?

Он слушается.

– Ты был в тюрьме, так? В блоке химкоррекции?

– Да… А ты откуда знаешь?

– Ты же сам мне и сказал. Прошлой ночью. Ты говорил, что от стресса могут быть рецидивы. Так оно и случилось. Это нечто прыгнуло на твоего приятеля, ты бросился к рубильнику, отключил стол. Джентри упал и разбил себе голову. Я бинтовала рану, когда заметила, что с тобой творится что-то неладное. Сообразила, что у тебя память не держит ничего дольше пяти минут. Такое бывает при стрессе или иногда при контузии…

– Где он? Джентри?

– У себя в койке, облеплен транками. Учитывая то, в каком он состоянии, я решила, что денек сна ему не помешает. Во всяком случае, под ногами путаться не будет.

Слик закрыл глаза и вновь увидел перед собой серое нечто, набросившееся на Джентри. Человекообразное или, скорее, похожее на обезьяну. Оно ничем не напоминало те завивающиеся спиралью образы, какие генерировали устройства Джентри в его

предыдущих поисках Образа.

– Думаю, у вас тут вырубилось электричество, – сказала Черри. – Свет погас часов шесть назад.

Слик открыл глаза. Джентри не успел добраться до консоли, чтобы свершить свой обычный ритуал. Слик застонал.

Оставив Черри готовить на газовой плитке кофе, Слик отправился на поиски Пташки. Нашел он его по запаху дыма. Пташка развел костер в каком-то железном баке и заснул, свернувшись вокруг него по-собачьи.

– Эй, – позвал его Слик, легонько подталкивая парнишку носком сапога, – вставай. У нас проблемы.

– Долбаный ток вырубили, – пробормотал тот в ответ, садясь в засаленном спальном мешке, таком же грязном, как пол в цеху Фабрики.

– Я заметил. Ток – это проблема номер один. Проблема номер два – нам нужен грузовик, или ховер, или что-то вроде того. Нужно убрать отсюда этого парня. Иначе Джентри совсем посыпется.

– Но только Джентри и может добыть ток. – Пташка, поеживаясь, поднялся на ноги.

– Джентри спит. У кого есть фургон?

– У Марви, – выдавил Пташка и затрясся в приступе кашля.

– Возьми мотоцикл Джентри. Привезешь его потом обратно в фургоне. Двигай.

Пташка кое-как справился с приступом:

– Серьезно, че ли?

– Ты ведь знаешь, как на нем ездить?

– Да, но Джентри, он…

– Я с ним разберусь. Ты знаешь, где он держит запасной ключ?

– Ну… да, – пугливо протянул Пташка. – Скажи, – спросил он, – а что, если Марви не захочет дать мне фургон?

– Дашь ему вот это, – сказал Слик, вытаскивая из кармана зиплок с наркотиками; его забрала у Джентри Черри, перевязав тому голову. – Отдай ему все, понял? Я потом проверю.

Бипер Черри подал голос, когда они, приткнувшись друг к другу на краю кровати в комнате Слика, пили кофе. Слик отвечал на ее вопросы, рассказывал ей что знал о синдроме Корсакова. Он никому об этом по-настоящему не рассказывал, и странно – как мало на самом деле он знал. Он рассказал ей о предыдущих рецидивах, потом попытался объяснить, как работала эта система в тюрьме. Фокус был в том, что долгосрочная память сохраняется

до того момента, пока тебя не сажают на препарат. В общем, прежде чем начинаешь мотать срок, тебя сперва учат что-то делать, потому этого уже не забудешь и на химкоррекции. Правда, делаешь в основном то, с чем и роботы бы управились. Слика вот натаскивавали собирать миниатюрные зубчатые передачи. Как только он стал укладываться в пять минут, пошел срок.

– И больше ничего не делали? – спросила она.

– Только эти зубчатые передачи.

– Нет, я имею в виду, никаких там замков, ловушек в мозгу?

Он посмотрел на нее. Язва на губе у девушки почти зажила.

– Если и было что-то такое, тебе об этом не сообщают, – сказал он.

И тут в одной из ее курток застрекотал бипер.

– Что-то стряслось, – сказала она, вскакивая с кровати.

Джентри стоял на коленях возле носилок с чем-то черным в руках. Черри выхватила у него эту штуковину, прежде чем он успел хотя бы пошевелиться. Джентри не двинулся с места, недоуменно щурясь на девушку.

– Это сколько же нужно, чтобы тебя вырубить, мистер? – Она протянула Слику черный предмет, оказавшийся камерой для идентификации по сетчатке глаза.

– Нам нужно выяснить, кто он, – сказал Джентри.

Его голос был хриплым и низким от всех дермов с депрессантами, которые Черри на него налепила, но Слик почувствовал, что опасная грань безумия отступила.

– Идиот, – кипятилась Черри, – ты даже не знаешь, те ли у него глаза, что были год назад!

Джентри коснулся повязки на виске.

– Вы это тоже видели, правда?

– Да, – ответила Черри, – и Слик эту штуку отключил.

– Все дело в шоке, – объяснил Джентри. – Я и вообразить себе не мог… Но никакой реальной опасности. Я был просто не готов…

– Ты просто выскочил из своего чертова черепа, – сказала Черри.

Джентри нетвердо поднялся на ноги.

– Он уезжает, – сказал Слик. – Я послал Пташку одолжить фургон. Не нравится мне все это.

Черри уставилась на него в упор:

– Куда уезжает? Мне придется ехать с ним. Это моя работа.

– Я знаю одно место, – соврал Слик. – У нас электричество отрубили, Джентри.

– Ты не можешь отвезти его незнамо куда, – сказал Джентри.

– Еще как могу.

– Нет. – Джентри слегка качнуло. – Он остается. Переходники уже на месте. Я не стану его больше беспокоить. Черри может остаться здесь.

– Тогда тебе придется хотя бы в двух словах объяснить, что это за хреновина, Джентри, – сказал Слик.

– Для начала, – Джентри указал на предмет над головой Графа, – никакой это не низкочастотник, не «Эл-Эф». Это – «алеф».

19
Под ножом [70]

Снова в отеле, не отходняки, а марш смерти, Прайор вводит ее в вестибюль, а японские туристы уже встали и теперь толпятся вокруг скучающих гидов. Шаг, еще шаг, одной ногой, другой, а голова такая тяжелая, будто кто-то просверлил в макушке дыру и залил туда полфунта свинца, и зубы во рту будто чужие – слишком велики. Дополнительная перегрузка тронувшегося вверх лифта вдавливает в пол – Мона без сил приваливается к стенке.

– Где Эдди?

– Эдди уехал, Мона.

С трудом разомкнула веки, глаза широко распахнулись. Сфокусировала взгляд и увидела, что он, ублюдок, опять улыбается.

– Что?

– Эдди заплачено. Ему все компенсировали. Он уже на пути в Макао с солидным кредитом в кармане. Этакий милый игорный пикничок.

– Компенсировали?

– Его вложения. В тебя. За все время.

– *За все время?*

Дверь скользит в сторону, открывая устланный синим ковром коридор.

И что-то обваливается холодным комом в груди – Эдди ведь ненавидит азартные игры.

– Ты теперь работаешь на нас, Мона. И нам бы очень не хотелось, чтобы ты снова ушла без спросу.

Но ты же хотел, подумала она, ты же отпустил меня. И знал, где меня искать.

Эдди больше нет…

Мона не помнила, как заснула. На ней все еще была куртка Майкла, теперь подоткнутая под плечи, как одеяло. Даже не поворачивая головы, Мона видела угол здания с верхушкой в виде горы, но снежного барана там не было.

Стимы Энджи были запаяны в пластик. Взяв один наугад, Мона поддела упаковку ногтем большого пальца, вставила кассету в прорезь и надела троды. Она ни о чем не думала, руки, казалось, сами знали, что делать, – добрые маленькие зверьки, которые никогда не обидят. Один из них коснулся клавиши «Воспр.», и Мона перенеслась в мир Энджи, чище и безупречней любого наркотика… Медленный саксофон, лимузин плывет по

какому-то европейскому городу… круговерть улиц, машина без водителя, широкие проспекты предрассветно чисты и безлюдны, прикосновение меха к плечам. И катить, катить по прямой дороге через плоские поля, окаймленные совершенными, одинаковыми деревьями.

А затем поворот, шорох шин по расчесанному граблями гравию, потом вдоль по подъездной аллее – через парк, где серебрится роса, где стоит железный олень, а рядом – мокрый торс из белого мрамора… Дом огромен и стар, не похож ни на один из тех, какие она видела раньше. Но машина проплывает мимо, проезжает еще несколько строений поменьше и выезжает наконец на край широкого ровного поля.

Там стоят на привязи планеры, прозрачная пленка туго натянута на хрупкие с виду поликарбоновые рамы. Планеры слегка подрагивают на утреннем ветерке. А рядом с ними ее ждет Робин Ланье, красивый раскованный Робин в черном свитере грубой вязки – он играет партнера Энджи почти во всех ее стимах.

И вот она выходит из машины, ступает на траву, смеется, когда высокие шпильки сразу же увязают. И остаток пути до Робина – с туфлями в руках, улыбаясь; последний шаг – в его объятия, в его запах, в его глаза.

Ощущения закручиваются вихрем в монтажном танце, который в одну секунду ужимает посадку в планер и старт с электромагнитной катапульты, – и вот они уже мягко скользят над полем травы. Затем взмывают вверх, зависают на мгновение, ловя ветер… Все выше и выше, пока огромный дом не превращается в прямоугольный камушек в зеленой пелене, прорезанной тусклым серебром речной излучины…

…и Прайор с рукой на клавише «Стоп». От запаха еды с тележки возле кровати у Моны сводит желудок. Тупая тошнотворная боль ломает каждый сустав.

– Поешь, – доносится голос Прайора. – Мы скоро уезжаем.

Он поднял металлическую крышку с одного из блюд.

– Клаб-сэндвич, – сказал он, – кофе, пирожные. То, что доктор прописал. Попав в клинику, ты какое-то время не сможешь есть.

– В клинику?

– К Джеральду. Это в Балтиморе.

– Зачем?

– Джеральд – хирург-косметолог. Над тобой немного поработают. Если захочешь, все это потом можно будет вернуть обратно, но нам кажется, тебя обрадуют результаты, очень обрадуют. – Опять эта улыбка. – Мона, тебе когда-нибудь раньше говорили, насколько ты похожа на Энджи?

Мона подняла на него глаза, но ничего не ответила. С трудом

села, чтобы выпить немного водянистого черного кофе. Не смогла заставить себя даже взглянуть на сэндвич, но съела одно из пирожных. Вкус у него был картонный.

Балтимора. Черт его знает, где это.

А планер навсегда завис над приручeнной зеленой страной, мех на плечах, и Энджи, должно быть, все еще там, смеется…

Час спустя, в вестибюле, пока Прайор подписывал счет, Мона случайно увидела, как мимо на багажной роботележке проезжают знакомые чемоданы из кожи клонированных крокодилов. В этот момент она отчетливо осознала, что Эдди мертв.

Место, которое Прайор назвал Балтиморой. На вывеске – надпись, выведенная крупными старомодными буквами. Офис Джеральда располагался на четвертом этаже блочного кондоминиума. Это было одно из тех зданий, где строится лишь каркас, а обитатели – жильцы или коммерсанты – привозят собственные модули и оборудование. Похоже на многоэтажный кемпинг для трейлеров, только повсюду провода, оптоволоконные кабели, трубы канализации и водоснабжения.

– Что там написано? – спросила она Прайора.

– Джеральд Цзинь, дантист.

– Ты же говорил, что он хирург-косметолог.

– Так оно и есть.

– А почему нельзя просто пойти в бутик, ну, как все?

Он не ответил.

Она теперь и вправду мало что чувствовала и даже отчасти понимала, что не так испугана, как надо бы. Впрочем, может, это не так уж и плохо, потому что если она по-настоящему испугается, то ничего не сможет предпринять, а ей определенно хотелось выпутаться из этой истории. В машине по дороге сюда она обнаружила в кармане куртки Майкла какой-то предмет. Десять минут ушло у нее на то, чтобы сообразить: это шокер, такой обычно носят при себе особо дерганые пиджаки. На ощупь он напоминал ручку отвертки с парой тупых металлических рожек там, где у отвертки жало. Заряжался он, должно быть, от розетки, и оставалось только надеяться, что Майкл держал его заряженным. Тут Мона сообразила, что Прайор, скорее всего, не знает о шокере. Обычно такие игрушки вполне легальны, поскольку считается, что ими нельзя нанести серьезный вред, но Ланетта знала девчонку, которую однажды изрядно обработали такой вот штукой, – и она никогда уже не поправилась.

Если Прайор не знает, что у нее в кармане шокер, значит ему не все на свете известно, а ведь он специально пытается заставить

ее поверить в его всеведение. Опять же, он ведь не знал, насколько Эдди ненавидит азартные игры.

И к Эдди она особых чувств не испытывала, разве что по-прежнему была уверена, что он мертв. Сколько бы ему ни всучили, он бы все равно не бросил свои чемоданы. Даже если бы пошел покупать новые шмотки, чтобы сменить прикид полностью. Эдди ни о чем так не пекся, как об одежде. А эти крокодиловые чемоданы вообще были особенными: он взял их у гостиничного вора в Орландо, и они, по сути, заменяли ему дом. Если вдуматься, трудно себе представить, чтобы Эдди вообще купился на какие-то – пусть даже очень большие – отступные, ведь сильнее всего на свете ему хотелось поучаствовать в какой-нибудь крупной игре. Он считал, что, как только это случится, люди начнут воспринимать его всерьез.

«Вот и дождался – наконец кто-то воспринял его всерьез, – подумала Мона, когда Прайор вносил ее сумку в клинику Джеральда. – Только совсем не так, как хотелось Эдди».

Мона оглядела двадцатилетней давности пластиковую мебель, кипы журналов со звездами симстима и японским текстом. Как в парикмахерской. Только никакие клиенты в приемной не ждали, и за регистрационным столиком тоже никого не было.

Тут через белую дверь вошел Джеральд, одетый во что-то вроде комбинезона из жесткой складчатой фольги, вроде тех, какие носят санитары «скорой помощи», выезжающие на дорожные аварии.

– Запри дверь, – бросил он Прайору сквозь синюю бумажную маску, закрывающую нижнюю половину лица. – Привет, Мона. Будь так добра пройти сюда… – Он жестом указал на белую дверь.

Она в отчаянии сжала в руке шокер, но не знала, как его включить.

Ничего не оставалось, кроме как последовать за Джеральдом. Шествие замыкал Прайор.

– Присядь, – предложил Джеральд.

Она села на белый эмалированный стул. Джеральд подошел ближе, заглянул ей в глаза.

– Тебе надо отдохнуть, Мона. Ты устала, совсем измучена.

На ручке шокера – ребристый рычажок. Нажать? Сдвинуть вперед? Назад?

Джеральд отошел к белому шкафчику с множеством ящиков, что-то вынул.

– Вот, – сказал он, направляя на нее какой-то цилиндрик с надписью на боку, – это тебе поможет…

Она почти не ощутила прикосновения струи мельчайших аэрозольных брызг. Черная дырочка на баллончике – то самое место, на котором стремился сфокусироваться ее взгляд, – начала расти, расти…

Мона вспомнила: однажды старик показывал ей, как убивать сома. У рыбины есть такое отверстие в черепе, прикрытое только кожей. Нужно взять что-нибудь тоненькое и острое, проволоку, например, подойдет даже прут из веника, и просто проткнуть, сунуть внутрь…

Мона вспомнила: Кливленд, обычный день перед работой. Она сидит у Ланетты, листает журнал. Нашла снимок Энджи: звезда смеется в ресторане с какими-то людьми, все так красивы, и кажется, будто от них исходит сияние. На снимке никакого сияния, конечно, нет, но ты знаешь, что оно есть, ты его просто чувствуешь. Взгляни, говорит она Ланетте, показывая снимок, от них как будто сияние исходит.

Это называется деньги, отвечает Ланетта.

Это называется деньги. Сунуть внутрь.

20
Хилтон Свифт

Хилтон – впрочем, как и всегда – прибыл один и без предупреждения. Похожий на одинокую, залетевшую сюда случайно осу, вертолет «Сенснета» приземлился на пляже, разметав по мокрому песку плети водорослей.

Стоя у изъеденных ржавчиной перил, она смотрела, как Свифт спрыгивает на землю – что-то мальчишеское сквозило в том, как он едва не споткнулся от своей неуемной прыти. Коричневое твидовое пальто нараспашку открывало безупречную чистоту полосатой, как карамелька, рубашки; поднятый пропеллером ветер трепал русые волосы и галстук с эмблемками «Сенснета». Робин прав, решила она, Хилтон действительно выглядит так, как будто его одевает мамочка.

Возможно, это просчитанный имидж, наигранная наивность, думала Энджи, пока, увязая в песке, продюсер карабкался вверх по пляжу. Она вспомнила, как однажды Порфир развивал теорию о том, что крупные корпорации на самом деле никак не зависят от отдельных человеческих единиц, составляющих их тело. Энджи это казалось само собой разумеющимся, но парикмахер настаивал, что она не улавливает главную его мысль. Свифт был самой значительной из этих Порфировых «человеческих единиц», наделенных властью принимать решения в «Сенснете».

Мысль о Порфире заставила ее улыбнуться. Свифт же, приняв это за приветствие, в ответ просиял от радости.

Он предложил ей ланч в Сан-Франциско; мол, на служебном вертолете они домчат туда в момент. Она отказалась, настояв на том, чтобы развести ему миску супа из швейцарского концентрата и разморозить в микроволновке кирпич ржаного хлеба на закваске.

Глядя, как Хилтон ест, Энджи задумалась о его сексуальной жизни. Хотя ему было далеко за тридцать, продюсер производил впечатление мальчика-вундеркинда, не достигшего половой зрелости. Возникавшие время от времени слухи приписывали ему по очереди все возможные из известных сексуальных наклонностей и еще несколько, которые, по ее мнению, существовали лишь в воображении сплетников. Все это казалось Энджи маловероятным. Она знала Свифта с тех пор, как попала в «Сенснет». Когда она появилась, он уже занимал прочное положение в верхушке производственного отдела, был одним из

воротил в команде Тэлли Ишем. Естественно, что такой человек не мог не проявить профессиональный интерес к дебютантке. Если вдуматься, то это, пожалуй, Легба подсунул ее продюсеру: взлет его карьеры был слишком уж очевиден, хотя сама она тогда, наверное, могла и не понимать этого, оглушенная блеском и постоянной сменой статистов и декораций на подмостках «Сенснета».

Бобби, тут же решив, что ему этот человек не нравится, ощетинился врожденной враждебностью барритаунца по отношению к любой власти. Но ему удавалось это скрывать ради ее карьеры. Свифт же встретил их разрыв и отъезд Бобби с явным облегчением.

– Хилтон, – сказала Энджи, наливая ему чашку чая на травах, который он предпочитал кофе, – что может задерживать Робина в Лондоне?

Свифт поднял глаза от дымящейся чашки:

– Думаю, что-то личное. Может, нашел себе нового друга.

Для Хилтона Бобби всегда был «другом» Энджи. «Друзья» же Робина были, как правило, молодыми и спортивными. Сглаженные эротические эпизоды в их стимах с Робином монтировались из дополнительного метража, подготовленного Континьюити и основательно обработанного впоследствии Рэбелом и его командой по спецэффектам. Энджи вдруг вспомнила ночь, которую они с Робином провели вместе в каком-то доме на южном побережье Мадагаскара, его пассивность и терпение, бьющийся в стену ветер. Это была первая и последняя их попытка, и Энджи подозревала, что Робин просто боится, как бы физическая близость не развеяла иллюзию, которую с таким совершенством проецировал стим.

– Как он отнесся к моему решению лечиться? Он тебе что-нибудь говорил, Хилтон?

– Думаю, он в восторге.

– А мне передали, будто он рассказывает всем и каждому, что я сумасшедшая.

Хилтон закатал рукава полосатой рубашки и распустил галстук.

– Да у Робина даже в мыслях такого не может быть, не то что на языке. Я знаю, как высоко он тебя ценит. А слухи, они и есть слухи. У нас в «Сенснете»…

– Хилтон, где Бобби?

Взгляд его карих глаз будто остановился.

– А разве с этим не покончено, Энджи?

– Хилтон, ты знаешь. Ты должен знать. Тебе положено знать такие вещи. Скажи мне.

– Мы его потеряли.

– Потеряли?

– Его потеряла служба безопасности. Ты права, конечно: после того, как он тебя оставил, за ним, насколько это было возможно, велось тщательное наблюдение. Он вернулся к прежнему образу жизни, – сказал Свифт с оттенком удовлетворения.

– И что же это за образ?

– Я никогда не спрашивал, что вас свело, – ответил продюсер. – Естественно, служба безопасности провела расследование в отношении вас обоих. Он был мелким преступником.

Энджи рассмеялась:

– Он даже на такое не тянул…

– Для человека ниоткуда, Энджи, у тебя были исключительно ловкие агенты, настоящие профессионалы. Тебе ведь известно, что ключевым условием твоего контракта было включение в команду Бобби Ньюмарка.

– Бывали и более странные условия, Хилтон.

– И он получал оклад как твой… компаньон.

– Мой друг.

Неужто Свифт действительно покраснел? Он отвел глаза и уставился на свои руки.

– Оставив тебя, он уехал в Мексику, точнее – в Мехико. Естественно, служба безопасности отслеживала все его передвижения. Мы не любим терять из виду тех, кто слишком много знает о личной жизни наших звезд. Мехико… там все очень запутано… Мы точно знаем, что он, судя по всему, пытался вернуться к своей предыдущей… карьере.

– Делать деньги на информации, мошенничать через киберпространство?

Он снова поднял на нее глаза:

– Он встречался кое с какими людьми, промышляющими в этой области, известными преступниками.

– И?… Продолжай.

– Потом он… словно растворился. Исчез. Ты хоть немного представляешь себе, что такое Мехико для тех, кто соскользнул за черту бедности?

– А он нуждался?

– Он стал наркоманом. Если верить нашим источникам.

– Наркоманом? И что же он употреблял?

– Я не знаю.

– Континьюити!

Хилтон едва не пролил чай.

– Здравствуй, Энджи.

– Бобби, Континьюити. Бобби Ньюмарк, мой друг, – глядя в упор на Свифта, сказала девушка. – Он уехал в Мехико. Хилтон говорит, он там на что-то подсел. На какой наркотик, Континьюити?

– Извини, Энджи. Это засекреченная информация.

– Хилтон!

– Континьюити, – начал было тот, но закашлялся.

– Здравствуй, Хилтон.

– Служебный канал, Континьюити. У нас имеется такая информация?

– Источники службы безопасности описывают пристрастие Ньюмарка как нейроэлектронное.

– Не понимаю.

– Вроде этих… гм-м… подключенцев, – пояснил Свифт. – Электронная стимуляция мозга.

Энджи внезапно захотелось рассказать Свифту, как она нашла наркотики и инъектор.

Тише, дитя, спокойнее. Голова наполнилась пчелиным гудением… давление изнутри.

– Энджи? Что с тобой? – Он приподнялся со стула, протягивая к ней руку.

– Ничего. Я… расстроена. Извини. Просто нервы. Ты тут ни при чем. Я собиралась рассказать тебе, что нашла киберпространственную деку Бобби. Но ведь ты уже об этом знаешь, правда?

– Может, тебе что-нибудь принести? Воды?

– Нет, спасибо, но, если ты не возражаешь, я ненадолго прилягу. У меня есть кое-какие идеи насчет съемок на орбите, так что хотелось бы услышать твой совет…

– Конечно, конечно. Подремли, а я пока пойду погуляю по пляжу, мы побеседуем потом.

Она наблюдала за ним из окна спальни, смотрела, как коричневая фигурка, делаясь все меньше и меньше, удаляется в направлении Колонии, сопровождаемая маленьким терпеливым «дорнье».

На пустом пляже он казался ребенком и выглядел таким же потерянным, какой она себя чувствовала.

21
«Алеф»

Когда поднялось солнце – электричества все еще не было, – чердак Джентри залило утренним светом. Зимние лучи смягчили очертания консолей и проекционного стола, выявили фактуру корешков старинных книг, заполнявших прогнувшиеся фанерные полки вдоль западной стены. Джентри, не переставая говорить, мерил шагами чердак, петушиный хвост светлых волос подскакивал всякий раз, когда он резко разворачивался на каблуках своих черных ботинок. Возбуждение Джентри, похоже, успешно противостояло остаточному действию Черриных снотворных дермов. Сама Черри сидела на краю кровати, наблюдая за ковбоем, и время от времени бросала осторожные взгляды на показатели датчика зарядки батарей, укрепленного на краю носилок. Слик пристроился на колченогом стуле, который раскопал где-то на Пустоши. Импровизированная набивка из скомканной рваной одежды была обтянута прозрачной пленкой.

К облегчению Слика, Джентри на этот раз опустил привычную белиберду по поводу Образа и прямиком окунулся в свою теорию об «алефе». Как всегда, стоило Джентри завестись, он использовал такие слова и конструкции, что Слик лишь с большим трудом понимал, о чем идет речь, но он по опыту знал, что ковбоя лучше не прерывать. Фокус состоял в том, чтобы выловить из общего потока фраз подобие смысла, пропуская непонятные куски.

Джентри сказал, что Граф подключен, грубо говоря, к гигантскому микрософту. По его мнению, серый брусок в изголовье – это один цельный биочип размерами с приличный булыжник, и тогда объем памяти у этой штуковины практически безграничен. «Алеф» было бы немыслимо дорого изготовить, продолжал Джентри, странно, если кто-то вообще решится на такое, но ходят слухи, что подобные вещи существуют и находят себе применение, особенно для хранения гигантских объемов конфиденциальной информации. Не имея связи с глобальной матрицей, эти данные фактически неуязвимы к любой атаке через киберпространство. Загвоздка, однако, в том, что, поскольку в «алеф» нет доступа через матрицу, это как бы мертвая память.

– У него там может быть все что угодно, – сказал Джентри, остановился и заглянул в пустое лицо. Потом круто повернулся на каблуках и снова начал шагать взад-вперед. – Некий мир. Много миров. Сколько угодно конструктов разных личностей…

– Как будто он живет в стиме? – спросила Черри. – Вот почему он всегда в фазе быстрого сна?

– Нет, – сказал Джентри, – это не симстим. Эта штука полностью интерактивна. Все дело в масштабах. Если это биософт класса «алеф», у него там может быть все что угодно. В некотором смысле эта штука может давать доступ *буквально ко всему на свете*…[71]

– Если я правильно поняла, – сказала Черри, – этот парень платил Малышу Африке за то, чтобы оставаться в таком состоянии. Что-то вроде электронной стимуляции мозга, но не совсем. Подключенцы же не торчат так в БДГ-фазе…

– Но когда ты попытался вывести его программу на свою консоль, – рискнул вставить Слик, – то получил… нечто.

Он увидел, как плечи Джентри напряглись под вышитой бисером кожей куртки.

– Да, – мрачно ответил Джентри, – а теперь мне надо разобраться с «Ядерной комиссией». – Он указал на аккумуляторы бесперебойного питания, уложенные под стальным столом. – Достань-ка мне их.

– Н-да, – протянула Черри, – самое время. У меня уже задница отмерзает.

Оставив Джентри согнувшимся над киберпространственной декой, они вернулись в комнату Слика. Черри настояла на том, чтобы подключить электроодеяло Джентри к одному из аккумуляторов и накрыть лежащего на носилках. На газовой плитке еще оставался холодный кофе; Слик допил его, не разогревая. Черри смотрела в окно на занесенную снегом Пустошь.

– Как оно стало так? – рассеянно спросила девушка.

– Джентри говорит, что лет сто назад тут затеяли проект по землеустройству. Завезли тонны чернозема, но так ничего и не выросло. Бульшая часть земли оказалась токсичной. Затем дождь смыл почвенный слой. Думаю, они сдались и начали сбрасывать сюда все больше дерьма. Здешнюю воду пить нельзя: полным-полно полихлорбифенилов[72] и всего остального.

– А как насчет кроликов, на которых охотится этот ваш птичий мальчик?

– Они к западу отсюда. На Пустоши я никогда их не видел. Здесь даже крыс нет. Во всяком случае, любое мясо, какое здесь удастся достать, приходится проверять и проверять.

– Но птицы тут есть.

– Они только устраиваются на ночевку, а кормиться улетают куда-то еще.

– А что у тебя с Джентри? – Она все еще смотрела в окно.

– В смысле?

– Сперва я решила, что вы голубые. Ну, вместе живете.

– Нет.

– Но все выглядит так, будто вы друг в друге нуждаетесь…

– Это его дом, Фабрика то есть. А он разрешает мне тут жить. Я… должен жить здесь. Чтобы работать.

– Собирать эти штуки внизу?

Зажглась лампочка в конусе из желтого ньюсфакса, защелкал вентилятор в обогревателе.

– Ну, может, он и псих, – протянула Черри, присаживаясь на корточки перед обогревателем и одну за другой расстегивая свои куртки, – но только что сделал хоть что-то разумное.

Поднявшись на чердак, Слик обнаружил, что Джентри сидит ссутулившись на старом офисном стуле и смотрит на светящийся откидной экранчик монитора на своей деке.

– Роберт Ньюмарк, – произнес Джентри.

– А?

– Идентификация по сетчатке глаза. Или это Роберт Ньюмарк, или тот, кто купил его глаза.

– Откуда ты это узнал? – Слик наклонился взглянуть на экран со стандартной таблицей свидетельства о рождении.

Джентри пропустил его вопрос мимо ушей.

– Вот именно. Копни одно, а вляпаешься во что-нибудь совсем другое.

– То есть?

– Кому-то до смерти интересно, а не задаст ли кто-нибудь вопросы о мистере Ньюмарке.

– Кому интересно?

– Не знаю. – Джентри забарабанил пальцами по обтянутым черной кожей коленям. – Взгляни сюда: почти никакой информации. Родился в Барритауне. Мать – Марша Ньюмарк. У нас есть его ГРЕХ, но явно меченый. – Он отодвинулся вместе со стулом от стола и повернулся так, чтобы видеть неподвижное лицо Графа. – Ну что, Ньюмарк? Это твое настоящее имя?

Он встал и направился к проекционному столу.

– Не надо, – начал было Слик, но Джентри уже нажал на кнопку подачи питания.

И снова на мгновение возникло серое нечто, но на этот раз оно рванулось к центру полусферического дисплея, съежилось там и исчезло. Нет, не исчезло. Крохотный серый шарик завис в самом центре светящегося проекционного поля.

На лицо Джентри вернулась прежняя безумная улыбка.

– Хорошо, – проговорил он.

– Чего хорошего?

– Я понял, что это. Что-то вроде льда. Защитная программа.

– Эта обезьяна?

– У кого-то неплохое чувство юмора. Если обезьяна тебя не напугает, то превратится в горошину…[73] – Он отошел к рабочему столу и начал копаться в одной из седельных сумок. – Сомневаюсь, что им такое удастся с прямой сенсорной связью.

Теперь у него было что-то в руках. Сетка тродов.

– Джентри, не делай этого! Посмотри на него!

– А я и не собираюсь это делать, – улыбнулся Джентри. – Ты сделаешь.

22
Призраки и пустота [74]

Глядя в грязное окошко такси, Кумико жалела, что рядом нет Колина с его ехидными комментариями. Но потом вспомнила, что эта ситуация совершенно вне его компетенции. Интересно, подумала девочка, а производит ли «Маас-Неотек» подобные модули для Муравейника и какую форму принял бы в таком случае призрак?

– Салли, – спросила она полчаса спустя, когда они уже въезжали в Нью-Йорк, – почему Петал позволил мне уехать с тобой?

– Потому что он умный.

– А мой отец?

– Твой отец развоняется.

– Прости?

– Будет очень зол. Если, конечно, об этом узнает. А может, и не узнает. Мы здесь ненадолго.

– А зачем мы здесь?

– Мне надо кое с кем переговорить.

– А я?

– Тебе тут не нравится?

Кумико помедлила.

– Да нет, нравится.

– Хорошо. – Салли поерзала, устраиваясь поудобнее на продавленном сиденье. – Петалу пришлось нас отпустить. Дело в том, что он не смог бы нас остановить, не поранив одну из нас. Ну, может, не поранив, а, скорее, не оскорбив. Тебя Суэйн мог бы потом успокоить, сказать твоему отцу, что это было сделано для твоего же блага. Но если бы ему удалось заставить меня пойти на попятную, это как потеря лица, понимаешь? Едва увидев Петала с пушкой в руках, я уже знала, что он нас отпустит. Твоя комната прослушивается, как, впрочем, и весь дом. Собирая твою экипировку, я потревожила датчики движения. Чего, собственно, и ожидала. Петал же, в свою очередь, знал, что это я. Вот почему зазвонил телефон – наш друг давал понять, что ему все известно.

– Не понимаю.

– Жест вежливости – чтобы я знала, что он ждет внизу. Давал мне шанс передумать. Но у него не было выбора, и он это понимал. Видишь ли, Суэйна вынуждают кое-что сделать, или, во всяком случае, он так говорит. Что до меня, то мне определенно выкручивают руки. И тут мне стало любопытно, а насколько на

самом деле я Суэйну нужна. Как выясняется, нужна, и даже очень. Потому что мне позволяют уйти, прихватив с собой дочь оябуна, привезенную в такую даль в целях безопасности. Сдается мне, есть что-то такое, чего Суэйн до смерти боится, причем боится гораздо больше, чем твоего папочку. Возможно, это «что-то» – или «кто-то» – способно дать ему много больше, чем уже дал твой отец. Во всяком случае, то, что я тебя увезла, отчасти выравнивает счет. Как бы ответный удар. Ты не против?

– Но тебе угрожают?

– Кое-кто слишком много знает, что я делала в этой жизни.

– И Тик выяснил, кто это?

– Да. Пожалуй, я и так это знала. Но хотелось бы ошибиться.

Фасад выбранного Салли отеля был обшит проеденными ржавчиной стальными панелями, каждая из которых крепилась блестящими хромированными болтами, – этот стиль Кумико знала еще по Токио и считала его несколько старомодным.

Их номер был просторным и серым – повсюду десятки оттенков серого цвета. Салли заперла дверь, прошла прямо к кровати и, сняв куртку, легла.

– У тебя нет сумки, – заметила Кумико.

Салли села, чтобы расшнуровать ботинки.

– Я могу купить все, что мне понадобится. Устала?

– Нет.

– А я устала.

Салли стянула через голову черный свитер. Груди у нее были маленькие, с коричневато-розовыми сосками; чуть ниже левого соска начинался старый шрам, который исчезал за поясом джинсов.

– Тебя когда-то ранили? – спросила Кумико, глядя на шрам.

Салли тоже посмотрела на шрам:

– Ага.

– А почему ты не пошла в клинику, чтобы его удалили?

– Иногда неплохо иметь зарубку на намять.

– О том, как тебе было больно?

– О том, как я была глупа.

Серое на сером. Не в силах спать, Кумико вышагивала по серому ковру. Девочке чудилось здесь что-то вампирическое. Нечто, роднящее комнату с миллионами подобных комнат в сотнях отелей по всему миру. Однояйцевая анонимность гостиничного номера будто высасывала из Кумико индивидуальность, фрагменты которой всплывали повышенными при ссоре голосами родителей, лицами одетых в черное

секретарей отца…

Во сне лицо Салли превратилось в гладкую маску. Вид из окна вообще ничего не говорил Кумико: ясно было только то, что она смотрит на какой-то город, который не Токио и не Лондон, – бескрайнее столпотворение людей и зданий, новая ступень видовой эволюции, воплотившая парадигму урбанистической реальности ее века.

Возможно, Кумико тоже удалось подремать, хотя сама она не была в этом уверена. Она смотрела, как Салли заказывает туалетные принадлежности и белье с клавиатуры прикроватного видеомодуля. Покупки доставили, пока Кумико принимала душ.

– О'кей, – услышала она из-за двери голос Салли, – вытирайся, одевайся. Пойдем повидаемся кое с кем.

– С кем? – спросила Кумико, но Салли ее не расслышала.

Гоми.

Тридцать пять процентов прибрежного Токио выстроено на гоми, на выровненных площадках, отвоеванных у залива за века систематического сваливания и утрамбовки мусора. У нее дома гоми был ресурсом, требующим сбора, сортировки, прессовки – использования, одним словом.

Взаимоотношения Лондона и гоми уловить было сложнее. На взгляд Кумико, изрядная часть города состояла из гоми – зданий, которые японская экономика уже давно поглотила бы в своей неуемной жажде пригодных для застройки пространств. Но даже маленькой японке лондонские дома позволяли различить ткань времени: каждая стена была залатана поколениями рук в бесконечном процессе обновления. Англичане ценили свой гоми сам по себе, совсем на иной лад (Кумико только-только начинала постигать это): они населяли его.

Гоми в Муравейнике был чем-то третьим: богатый гумусом, перегноем, прорастающий человеческим талантом и чудесами из полимеров и стали. Кумико поразило уже одно только отсутствие очевидной планировки – это шло вразрез тому, как ее привычная культура ценила эффективное использование земли.

Их поездка в такси из аэропорта яснее ясного показала, какой здесь царит распад: целые кварталы стояли в руинах, то тут, то там над замусоренными тротуарами разевали пасти пустые оконные проемы. Напряженные лица, настороженные взгляды вслед проехавшему мимо ховеру.

Салли внезапно окунула ее во всю странность этого места, с его гниением и беспорядочным нагромождением вросших в землю башен, которые были выше любого здания в Токио. Эти монументы корпораций пронзали закопченное кружево

перекрывающихся куполов.

Еще две пересадки из такси в такси – и вот они с Салли уже на улице, в гуще предвечерней толпы и косых теней. Воздух был холодным, но без примеси лондонской сырости, и Кумико вспомнились гроздья цветов в парке Уэно.

Первая их остановка была в просторном, хотя и слегка поблекшем баре с вывеской «Джентльмен-неудачник», где Салли вполголоса обменялась с барменом несколькими быстрыми фразами.

Они ушли, не заказав выпивки.

– Призраки, – задумчиво сказала Салли, поворачивая за угол.

Кумико старалась держаться к ней поближе. С каждым кварталом улицы становились все безлюднее, а здания – все более темными и запущенными.

– Прости?

– Да мне тут всюду мерещатся призраки прошлого – или, по крайней мере, должны мерещиться.

– Ты знаешь это место?

– Конечно. Выглядит все примерно так же, но иначе, понимаешь?

– Нет…

– Со временем поймешь. Когда найдем того, кого я ищу, прикинься паинькой. Говори, только если тебя спросят, а лучше помалкивай.

– Кого мы ищем?

– Одного человека. Или, по крайней мере, то, что от него осталось…

Полквартала спустя на какой-то мрачной пустынной улочке – если не считать проезда у дома Суэйна под саваном полночного снега, Кумико еще никогда не доводилось видеть улицу без единого человека – Салли остановилась возле древней, ничем не примечательной с виду лавки. Обе ее витрины серебрились изнутри толстым ковром пыли. Заглянув внутрь, Кумико увидела стеклянные трубки букв неработающей неоновой вывески: «МЕТРО» – и дальше еще какое-то длинное слово. Дверь между витринами была укреплена листом рифленой стали. Через равные промежутки из нее выступали ржавые головки болтов, обмотанные провисшими отрезками бритвенно-острой проволоки цвета окалины, будто через нее некогда пропускали ток.

Салли, встав лицом к двери, расправила плечи и выдала серию мелких стремительных жестов.

Кумико с удивлением уставилась на нее, а Салли тем временем повторила свои странные действия.

– Салли?

– Язык жестов, – оборвала ее Салли. – Я же сказала тебе заткнуться, так?

– Да-а-а? – Голос чуть громче шепота возник словно из ниоткуда.

– Я уже все тебе сказала, – отрезала Салли.

– Не знаю я этого вашего языка.

– Я хочу поговорить с ним. – Голос Салли звучал размеренно и жестко.

– Он умер.

– Я знаю.

Последовало молчание, и до Кумико донесся звук, который вполне можно было принять за ветер – холодный, наполненный песком ветер, рыщущий среди дырявых геодезических куполов над головой.

– Его тут нет, – сказал голос и, похоже, стал исчезать. – Повернешь за угол, потом через полквартала налево в переулок.

Этого переулка Кумико никогда не забыть. Темный кирпич скользких от сырости стен. Укрытые колпаками люки вентиляторов отрыгивают потоки сгущенной пыли. Желтая лампочка в сетке из окислившегося сплава. Низкая поросль пустых бутылок у основания стен справа и слева. Гнезда из мятых ньюсфаксов и кусков упаковочного пенопласта с отпечатками человеческих тел. И перестук Саллиных каблуков.

За тусклым свечением лампочки – полная тьма, хотя отраженный мокрым кирпичом свет позволял разглядеть стену в конце: тупик. Кумико помедлила, напуганная внезапно проснувшимся эхом, шуршанием, мерным перестуком водяных капель…

Салли подняла руку. Узкий ослепительный луч, выхватив четкий круг испещренного корявыми надписями кирпича, мягко соскользнул вниз.

Он опускался до тех пор, пока не нащупал у основания стены какой-то предмет: блеснувший тусклым металлом вертикальный округлый прибор на подставке, который Кумико ошибочно приняла за еще один вентилятор. Перед ним приютились огарки белых свечей, плоская пластиковая фляжка с прозрачной жидкостью, коллекция сигаретных пачек, дюжина сигарет россыпью и замысловатая многорукая фигурка, нарисованная чем-то белым, похожим на истолченный мел.

Салли сделала шаг вперед. Луч даже не дрогнул. Кумико увидела, что этот бронированный предмет крепится к кирпичной стене массивными скобами.

– Финн?

В ответ – мгновенная вспышка розового света из горизонтальной прорези.

– Эй, Финн, приятель… – с непривычной заминкой в голосе повторила женщина.

– Молл. – Скрежет, как будто звук проходит через испорченный динамик. – Зачем тебе фонарь? Линзы у тебя еще на месте? Что, стареешь и уже не видишь в темноте?

– Это ради моей подруги.

Что-то шевельнулось за прорезью, это что-то было нездорового розового оттенка, как пепел тлеющей сигареты на полуденном солнце, и лицо Кумико омыло волной колеблющегося света.

– Понятно, – проскрипел голос. – И кто же она?

– Дочь Янаки.

– Ничего себе.

Салли опустила фонарь. Луч упал на свечи, фляжку, сырые серые сигареты, выведенную чем-то белым фигурку с похожими на крылья руками.

– Угощайся подношениями, – сказал голос. – Вон там – пол-литра «Московской». А колдовскую закозюку сделали мукой. Не свезло, извини; богатенькие пижоны рисуют кокаином.

– Господи, – отстраненно сказала Салли, присев на корточки. – Просто поверить не могу.

Кумико смотрела, как она подбирает фляжку и нюхает содержимое.

– Хлебни. Недурное пойло. Должно быть хорошим – на оракуле-то народ ссыт экономить. Если соображения хватает.

– Финн, – начала было Салли, потом взболтала фляжку и, глотнув, тылом руки вытерла рот, – ты просто псих.

– Если бы так. Эту халабуду приходится нехило вздрючивать, чтобы извлечь хоть немного фантазии, не говоря уже о безумии.

Кумико подошла ближе и присела на корточки рядом с Салли.

– Это конструкт? – спросила та, отставив фляжку с водкой на мостовую, и тронула сырой порошок кончиком перламутрового ногтя.

– Конечно. Ты их и раньше видела. Хочу – вспоминаю реальный мир, хочу – врубаюсь в киберпространство. И эту фигню с оракулом я замутил для того, чтобы не совсем отстать от жизни, понимаешь? – Прибор издал странный звук: смех. – Любовные неприятности? Злая женщина тебя не понимает? – Снова скрежещущий смех, похожий на раскаты статики. – На самом деле я, скорее, бизнес-консультант. А это добро оставляют здесь

местные ребятишки. Вроде как добавляет мистики к антуражу. Иногда подваливает какой-нибудь скептик, решает мудило угоститься тут у меня на халяву. – Из прорези полыхнула тонкая, как волосок, алая линия, и где-то справа от Кумико взорвалась бутылка. И снова смех статики. – Так что привело тебя сюда, Молл? Тебя и, – розовый свет опять скользнул по лицу девочки, – дочь Янаки?

– Рейд на виллу «Блуждающий огонек», – сказала Салли.

– Давно это было, Молл…

– Она охотится за мной, Финн. Четырнадцать лет прошло, а этой суке психованной все неймется…

– Так, может, ей больше заняться нечем? Ты же знаешь, какие они, эти богатенькие…

– Где Кейс, Финн? Возможно, ей нужен он…

– Кейс – вне игры. Пару-тройку раз сорвал приличный куш после того, как вы расстались, и завязал подчистую. Сделай ты то же самое, не морозила бы сейчас свои прелести в тупике, а? Последнее, что я о нем слышал, – у него четверо детей…

Следя за гипнотическим покачиванием сканирующего розового уголька, Кумико худо-бедно сообразила, с кем или с чем говорила Салли. В кабинете ее отца были похожие предметы: четыре черных лакированных кубика, расставленных на длинной сосновой полке. Над каждым кубиком висел официальный портрет. Черно-белые фотографии мужчин в темных костюмах и с галстуками; четыре очень серьезных джентльмена. Лацканы их пиджаков украшали маленькие металлические эмблемы, отец тоже иногда такую носил. Хотя мать ей и рассказывала, что в кубиках заключены призраки, духи злых предков отца, Кумико они скорее притягивали, чем пугали. Если в них сидят призраки, рассуждала она, то наверняка эти духи очень маленькие, ведь в кубик и голова ребенка не поместится.

Иногда отец подолгу медитировал перед кубиками, преклонив колени на татами в знак глубочайшего почтения. Девочка не раз видела его в этой позе, но лишь когда ей исполнилось десять лет, она однажды услышала, как он обращается к ним вслух. И один ответил. Вопрос показался Кумико бессмысленным, а уж ответ – тем более, но размеренный голос духа заставил ее замереть, скорчившись за бумажной ширмой. Отец потом очень смеялся, найдя ее там, и, вместо того чтобы отругать дочь, объяснил, что кубики служат жилищами для записанных личностей прежних директоров корпорации.

– Это их души? – спросила девочка.

– Нет, – с улыбкой ответил отец и добавил, что различие тут

очень тонкое: – У них нет сознания. Они отвечают на заданный вопрос примерно так же, как ответили бы при жизни. Если уж они призраки, то что тогда говорить о голограммах.

После лекции Салли об истории и иерархии якудза в робата-баре на Эрлз-Корт Кумико решила, что каждый из мужчин на фотографии, каждый из этих записанных личностей был в свое время оябуном.

Существо в бронированном футляре, наверное, имеет сходную природу, размышляла про себя девочка, ну, может быть, немного более сложную. Точно так же, как Колин – просто более сложная версия «мишленовского» гида, какой носили с собой секретари отца в их экспедициях за покупками в Синдзюку.

Салли звала его Финн. И было ясно, что когда-то этот Финн был ей то ли другом, то ли деловым партнером.

Интересно, подумала Кумико, а бодрствует ли он, когда тупик пуст? Сканирует ли его лазерный взгляд беззвучное кружение полночного снега?

– Европа, – сказала Салли. – Отколовшись от Кейса, я исколесила весь континент. После того рейда денег было хоть завались, по крайней мере, так мне тогда казалось. ИскИн Тессье-Эшпулов выплатил все через швейцарский банк. Он же стер все следы того, что мы когда-либо поднимались вверх по колодцу. В смысле, вообще все: скажем, из списка пассажиров шаттла «Джей-Эй-Эль» имена, под которыми мы тогда путешествовали, просто исчезли. Кейс все проверил, когда мы вернулись в Токио, пошарился по самым разным базам данных – такое впечатление, что ничего из этого просто не происходило. Я не знаю, как такое возможно, будь ты хоть ИскИн, хоть кто, но ведь никто так на самом деле и не понял, что случилось наверху, когда Кейс прорубился тем китайским ледорубом к их ядру.

– ИскИн потом пытался на вас выйти?

– Понятия не имею. Кейс считал, что он ушел – не исчез, а именно ушел, растворился во всей матрице в целом. Как будто он перестал существовать *в* киберпространстве, стал им самим. Если ИскИну не хочется, чтобы его увидели, чтобы знали о его присутствии, ну, тогда, думаю, нет никакой возможности его обнаружить. И нет никаких шансов доказать это кому-то еще, даже если ты что-то знаешь… Что до меня, я ничего не желала знать. В смысле, что бы там ни случилось, я думала, с этим покончено. Армитидж мертв, Ривьера мертв, Эшпул мертв, пилот-растаман, который возил нас туда на буксире, вернулся к себе в кластер Сион и, вероятно, решил, что ему все почудилось по обкурке… Я оставила Кейса в токийском «Хайятте» и никогда

больше его не видела…

– Почему?

– Кто знает? Да ни почему. Я была молода, и вообще казалось, что все позади.

– Но *ее* вы ведь оставили там, наверху. В «Блуждающем огоньке».

– Вот именно. И время от времени я раздумываю над этим. Финн, когда мы уходили, было такое впечатление, что ей на все наплевать. Наплевать, что я за нее убила ее больного сумасшедшего отца, а Кейс взломал их защиту и выпустил в матрицу их ИскИн… Но я занесла ее в список, так? Когда однажды на тебя сваливаются по-настоящему крупные неприятности, когда тебя достают, ты проходишься по такому списку.

– И ты с самого начала вычислила ее?

– Нет. Список у меня довольно длинный.

Кейс, который, как показалось Кумико, был для Салли чем-то бульшим, нежели просто деловой партнер, больше в рассказе не появлялся.

Сидя на корточках рядом с Салли и слушая рассказ о четырнадцати годах ее жизни, сжатых ради Финна в стремительное стаккато мест и событий, Кумико вдруг обнаружила, что воображает себе молодую Салли этакой *бисёнен*[75], героиней традиционного романтического видеофильма: трагичной, элегантной и смертельно опасной. Кумико с трудом поспевала за деловито-сухой манерой Салли излагать свою жизнь. Слишком много ссылок на места и вещи, которые девочке ничего не говорили. Зато так легко было представить себе, как Салли мановением руки добивается внезапных и блестящих побед, как и положено бисёнен. Нет, подумалось ей, когда Салли отмахнулась от «неудачного года в Гамбурге» (тут в ее голосе вдруг зазвучал гнев – застарелый гнев, ведь с тех пор прошло десять лет), нельзя оценивать эту женщину в японских понятиях. Никакая она не ронин, нет в ней ничего от странствующего самурая; Салли и Финн говорили о бизнесе.

Насколько Кумико сумела понять, тот трудный год в Гамбурге наступил для Салли после того, как она получила и потеряла кучу денег. Получила – как свою долю в «деле наверху», в том месте, которое Финн назвал «Блуждающим огоньком», – в партнерстве с мужчиной по имени Кейс. При этом она нажила себе врага.

– Гамбург, – перебил Финн, – я слышал рассказы о Гамбурге…

– Деньги закончились. Так оно всегда и бывает, когда сшибаешь большой куш по молодости… Без денег – вроде как

возвращаешься в свое нормальное состояние, но я уже успела связаться с теми людьми из Франкфурта, оказалась по уши перед ними в долгу, а они хотели получить по счетам натурой, моим ремеслом.

– Каким ремеслом?

– Хотели, чтобы я кое-кого порезала.

– А дальше?

– Я завязала. Как только смогла. Уехала в Лондон…

Возможно, решила Кумико, что Салли когда-то и походила на ронина, была кем-то вроде странствующего самурая. Однако в Лондоне она стала совсем другой, стала деловой женщиной. Обеспечивая себя неким неназванным способом, она постепенно превратилась в спонсора, субсидирующего различные деловые операции. (Что такое «спускать кредит»? Что значит «отмывать данные»?)

– Да уж, – протянул Финн, – неплохо поработала. Заполучила долю в каком-то немецком казино.

– «Экс-ля-Шапель»[76]. Я входила в правление. Да и до сих пор там, если добуду нужный паспорт.

– Остепенилась? – Снова смех.

– Да уж конечно.

– Не много о тебе было слышно в те времена.

– Управляла казино. Вот и все. Жила неплохо.

– Бои без правил. Мисти Стил – Туманная Сталь, вес пера плюс имплантаты. Восемь боев. Я ставил на пяти из них. Кровавый спорт, дорогуша. Все нелегальные.

– Хобби.

– Хорошенькое хобби. Я видел записи. Тот малыш-бирманец прямо-таки вскрыл тебя, с цветом и звуком…

Кумико вспомнила длинный шрам.

– Поэтому я завязала. Пять лет назад, а я и так уже была лет на пять старше, чем положено.

– Ты выглядела неплохо, но Туманная Сталь… Господи Исусе.

– Не цепляйся. Не я же придумала это погоняло.

– Хорошо-хорошо. Расскажи-ка о нашей подруге сверху. Как она вышла на тебя?

– Через Суэйна. Роджера Суэйна. Однажды заявляется ко мне в казино шестерка этого ублюдка – косит под крутого, звать Прайор. С месяц назад.

– Лондонский Суэйн?

– Он самый. А у Прайора для меня подарок – с метр распечатки. Список. Имена, даты, места.

– Много?

– Всё. Даже то, что я почти позабыла.

– И «Блуждающий огонек»?

– Всё. Так вот, собрала я манатки – и в Лондон к Суэйну. Он, такой, ему, мол, очень жаль, что он так меня прессует, сам бы он ни-ни. Но кто-то так же прессует его. У него тоже есть из-за чего нервничать – собственный метр распечатки.

Кумико услышала, как каблуки Салли проскрежетали по мостовой.

– Чего он хочет?

– Украсть кого-то тепленьким. Некую знаменитость.

– А почему ты?

– Да ладно, Финн, затем я к тебе и пришла. Спросить у тебя об этом.

– Насчет три-Джейн тебе сказал Суэйн?

– Нет. Это сказал мой компьютерный ковбой в Лондоне.

У Кумико заболели колени.

– А малышка? Где ты ее подцепила?

– Она объявилась однажды вечером в доме Суэйна. Янака решил убрать ее из Токио. Суэйн ему должен – гири, и все такое.

– Во всяком случае, она чиста, никаких имплантатов. Судя по тому, что до меня доходит из Токио, у Янаки забот по горло…

Кумико поежилась в темноте.

– Что за знаменитость им нужна? – продолжал Финн.

Кумико почувствовала, что Салли медлит.

– Анджела Митчелл.

Безмолвно качается розовый метроном – слева направо, справа налево.

– Здесь холодно, Финн.

– Да уж. Хотелось бы мне это почувствовать. Я просто сделал небольшую пробежку тебя же ради. По Мемори-лейн. Ты много знаешь о том, откуда взялась эта Энджи?

– Нет.

– Я нынче кошу под оракула, дорогуша, а не под научную библиотеку… Так вот, ее отцом был Кристофер Митчелл. Большой мозг в «Маас-Биолабс», главный по биочипам. Она выросла в их закрытом городке в Аризоне, так сказать, дочь компании. Лет примерно семь назад там что-то стряслось. Поговаривают, что «Хосака» снарядила целую гоп-компанию, помочь Митчеллу сменить крышу. Ньюсфаксы писали, что во владениях «Мааса» произошел взрыв на мегатонну, но никто так и не обнаружил никакой радиации. И наемников «Хосаки» тоже не нашли. «Маас» же объявил, что Митчелл мертв, самоубийство.

– Это библиотека. А что знает оракул?

– Слухи. Ничего, что выстраивалось бы в единую картинку. Говорят, девица объявилась тут день или два спустя после взрыва

в Аризоне, связалась с какими-то очень чудны`ми негритосами из Нью-Джерси.

– Чем они занимались?

– Шустрили по-всякому. В основном железо, софт. Купля-продажа. Иногда брали кое-что и у меня…

– И что в них было такого чудно`го?

– Они были колдуны. Считали, что в матрице полно мамбо и всяких прочих тварей. И знаешь, что я тебе скажу, Молл?

– Что?

– Они были правы.

23
Свет мой, зеркальце

Она очнулась, будто кто-то щелкнул переключателем.

Не открывать глаза. Слышно, как в соседней комнате переговариваются. Болело в разных местах, но ненамного хуже, чем после магика. Черный отходняк уже отпустил, или, может, его заглушило тем, что ей вкатили, этим аэрозолем.

Бумажный халат царапал соски, они почему-то казались большими и чувствительными, а грудь – полной. По лицу извивались тоненькие ниточки боли, двойной тупой болью стягивало глазницы, во рту будто все воспалено, к тому же привкус крови.

– Я не собираюсь учить тебя жить, – говорил Джеральд. Его голос едва перекрывал плеск воды из крана и позвякивание металла, как будто Джеральд мыл кастрюли или что-то вроде этого. – Но неужели ты не видишь, что она сможет обмануть только того, кто и так желает быть обманутым? Что ни говори, это очень поверхностная работа.

Прайор что-то сказал в ответ, но Мона не разобрала, что именно.

– Я сказал «поверхностная», а не «халтурная». Качество – профессиональное. Двадцать четыре часа на дермальном стимуляторе, и никому даже в голову не придет, что она побывала в клинике. Держи ее на антибиотиках, но ничего возбуждающего, ее иммунной системе и без того до нормы как до луны.

Потом снова Прайор, и опять она не поняла ни слова.

Открыла глаза, но увидела только потолок, белые квадраты звуконепроницаемой плитки. Повернула голову влево. Белая пластиковая стена с этим дурацким ложным окном: высококачественная анимация какого-то пляжа – всякие там пальмы и волны. Если смотреть на воду достаточно долго, заметишь, что накатывающие на песок волны через некоторое время начинают повторяться. Похоже, что устройство повреждено или сносилось: прибой время от времени как будто запинается, да и красный закат над морем пульсирует, словно дефектная флюоресцентная трубка.

Попробуем вправо. Снова поворот головы. Прикосновение к шее пропитавшейся потом бумажной наволочки на жесткой синтетической подушке.

С койки напротив на нее смотрело лицо с синяками вокруг

глаз, нос охвачен скобками из прозрачного пластика, поверх него – пленка из микропоры, по щекам размазано какое-то коричневое желе…

Энджи. Это лицо Энджи, обрамленное отражением заикающегося заката за дефектным «окном».

– Кости мы не трогали, – говорил Джеральд, осторожно отдирая пленку, которая удерживала маленькую пластмассовую скобу вдоль переносицы Моны, – в этом-то вся и прелесть. Мы вживили в нос хрящ, введя его через ноздри, потом взялись за зубы. Улыбнись. Прекрасно. Нарастили грудь, надстроили соски клонированной эректильной тканью, потом подкрасили глаза… – Он снял скобу. – В ближайшие двадцать четыре часа постарайся не касаться лица.

– У меня от этого синяки?

– Нет. Синяки – вторичная травма от работы с хрящом. – Пальцы Джеральда на лице казались прохладными и уверенными. – К завтрашнему дню пройдет.

В Джеральде ничего стремного. Он дал ей три дерма, два синих и один розовый, такие гладкие и успокаивающие… А вот Прайор очень стремный, но он ушел, во всяком случае, его нигде не видно. Так приятно просто лежать и слушать, как Джеральд объясняет, что сделал, своим спокойным голосом. И поглядите только, что он умеет.

– Веснушки, – сказала Мона, потому что веснушки со щек исчезли.

– Подтерли абразивом и вживили еще немного клонированной ткани. Они вернутся. Чем больше времени ты будешь на солнце, тем скорее…

– Она такая красивая… – Мона повернула голову.

– Ты, Мона. Это – ты.

Она поглядела на лицо в зеркале и примерила ту самую знаменитую полуусмешку.

Возможно, Джеральд все же не лучше Прайора.

Снова вернувшись на узкую белую койку, куда ее положили отсыпаться, Мона подняла руку, чтобы взглянуть на дермы. Транквилизаторы. Все так и плывет.

Подцепив розовый дерм ногтем, она сорвала его, прилепила на белую стену и с силой надавила большим пальцем. Вниз сбежала одинокая капля соломенного цвета. Мона осторожно сковырнула дерм со стены и вернула на руку. В синих жидкость оказалась молочно-белой. Их она тоже вернула на место. Может, врач и заметит, но ей хотелось знать, что происходит.

Мона посмотрела на себя в зеркало. Джеральд сказал, что сможет вернуть ей прежнюю внешность, если она когда-нибудь этого захочет. Тогда она еще удивилась, что он запомнил, как она выглядела. Может быть, он сделал снимок или еще что. Теперь, если вдуматься, нет уже никого, кто бы помнил, как она выглядела раньше. Она прикинула, что, возможно, единственным вариантом в этом случае была бы стим-дека Майкла, но она не знала ни его адреса, ни даже фамилии. Странное чувство – как будто та, кем она была раньше, выскочила на минутку на улицу, да так и не вернулась. Тут Мона закрыла глаза и сказала себе, что твердо знает: она – это она, Мона, всегда была Моной, и по большому счету ничего не изменилось, во всяком случае за фасадом.

Ланетта говорила, что не имеет значения, как ты меняешь себя. Однажды Ланетта проговорилась, что у нее не осталось и десятой части того лица, с которым она родилась. Даже не подумаешь, ну если не считать черного на веках, так что ей никогда не приходилось возиться с тушью. Мона тогда еще подумала, что Ланетте сделали не такую уж хорошую операцию, и, должно быть, это как-то отразилось в ее взгляде, потому что Ланетта сказала: «Поглядела бы ты на меня до того, дорогуша».

А вот теперь и она, Мона, лежит пластом на узкой койке в Балтиморе, и все, что ей известно об этом городе, ограничивается завыванием сирен на улице да гудением вентилятора Джеральда.

Не понять как, но это гудение перешло в сон, и как долго она спала, Мона не знала. А потом возле койки оказался Прайор, его рука лежала у нее на плече, и он спрашивал, не хочет ли она есть.

Мона смотрела, как Прайор сбривает бороду. Он делал это над хирургической раковиной из нержавейки. Сперва подрезал бороду хромированными ножницами, потом взялся за пластмассовый одноразовый станок, который позаимствовал из коробки Джеральда. Странно было видеть, как на свет появляется его лицо. Лицо оказалось совсем не таким, как она ожидала: моложе. Но рот остался прежним.

– Мы здесь еще надолго, Прайор?

Перед тем как начать бриться, он снял рубашку. По плечам и рукам вниз до локтя сбегали вытатуированные драконы с львиными головами.

– Пусть это тебя не волнует.

– Скучно.

– Мы достанем тебе стимы.

Он брил подбородок.

– Как выглядит Балтимора?

– Отвратительно. Как и все остальное.

– А Англия?

– Отвратительно.

Он вытер лицо толстым комом синей впитывающей салфетки.

– Может, пойдем поедим крабов? Джеральд говорит, тут чудесные крабы.

– Ага, – отозвался он. – Я принесу. – И выбросил синий ком в стальную мусорную корзину.

– А как насчет того, чтобы я пошла с тобой?

– Нет. Вдруг ты попытаешься сбежать.

Рука Моны скользнула между стеной и койкой и нащупала проделанную в темперлоне ямку, куда она спрятала шокер. Свою одежду она уже успела обнаружить в белом пластиковом пакете под койкой. Каждые два часа приходил Джеральд со свежими дермами. Она сколупывала их сразу после его ухода. Мона рассчитывала, что если удастся уговорить Прайора с ней поужинать, то в ресторане она рванет когти. Но Прайор не поддавался.

В ресторане ей, возможно, удалось бы и копа вызвать, ведь теперь, как Моне казалось, она сообразила, в чем заключалась «сделка».

Снафф. Ланетта ей о таком рассказывала. Есть мужики, которые готовы платить за то, чтобы внешность девушки перекроили под кого-то, а затем убивают ее. Обязательно богатые, по-настоящему богатые. Не Прайор, конечно, а кто-то, на кого он работает. Ланетта говорила, эти мужики иногда устраивают так, чтобы девушки выглядели как, скажем, их жены. Тогда Мона в это не поверила. Ланетта любила рассказывать страшные истории просто потому, что приятно бояться, зная, что тебе самой ничего не грозит. И уж историй об извращенцах у Ланетты было полно. Она говорила, что пиджаки из них изо всех самые сумасшедшие. Естественно, крутые пиджаки, те, что в правлениях больших компаний, – они ведь не могут себе позволить сорваться на работе. Но когда не на работе, говорила Ланетта, они могут срываться, как только захотят. И что, если какой-нибудь большой пиджак наверху пожелал так сорваться на Энджи? Ладно, многие девушки из кожи вон лезут, чтобы стать на нее похожей, но результат выходит в основном жалкий. Мона не встречала еще ни одну действительно похожую на звезду настолько, чтобы одурачить кого-то, кому не все равно. Но может быть, нашелся кто-то, кто заплатил за все это, просто чтобы заполучить девушку, которая выглядела бы как Энджи. И опять же, если дело не в убийстве, зачем она ему?

Прайор застегивал голубую рубашку. Потом подошел к

постели и сдернул простыню, чтобы посмотреть на ее грудь. Будто осматривал автомобиль. Мона рывком натянула простыню обратно.

– Я принесу крабов.

Он накинул пиджак и ушел. Мона слышала, как по пути он что-то сказал Джеральду.

В дверном проеме возникла голова доктора.

– Как ты, Мона?

– Есть хочу.

– Чувствуешь себя расслабленно?

– Угу…

Снова оставшись одна, она перекатилась на бок и стала изучать свое лицо – лицо Энджи, но теперь и ее тоже – в зеркальной стене. Синяки почти сошли. Джеральд прилепил ей на лицо такие штучки, похожие на миниатюрные троды, и подключил их к какой-то машине. Сказал, что так быстрее заживет.

На этот раз она не подскочила, завидев в зеркале лицо звезды. Зубы были прекрасны: такие кому угодно захочется сохранить. А что касается всего остального, Мона пока не была особо уверена, еще надо подумать.

Может, сейчас надо встать, одеться и пойти к выходу. Если Джеральд попытается ее остановить, она воспользуется шокером. Тут Мона вспомнила, как Прайор объявился в мансарде у Майкла – будто кто-то все время за ней следил, ходил за ней по пятам всю ночь. Возможно, и сейчас снаружи кто-то дежурит. В клинике Джеральда, похоже, нет окон, настоящих окон, так что выходить придется через дверь.

И ей до зарезу был нужен магик. Но если она хоть чуть-чуть дохнет, Джеральд это заметит. Мона знала, что ее косметичка здесь, в пакете под койкой. Может, думала она, если немного принять, она хоть на что-нибудь да решится. Но, с другой стороны, есть вероятность, что это будет совсем не то, что ей нужно. Не всегда и не все, что она проделывала под магиком, срабатывало. Даже если он создает ощущение, что промашки просто не может быть.

Как бы то ни было, хочется есть. Жаль, что у Джеральда тут ни музыки, ничего, так что, пожалуй, она подождет крабов…

24
В безлюдном месте [77]

И вот перед ним стоит Джентри, и в глазах у него пылает Образ, и он протягивает ему сетку тродов под безжалостным сиянием голых лампочек. И говорит он Слику, почему все должно быть так, а не иначе, почему Слик должен надеть троды и напрямую подключиться к тому, что серая хреновина вводит в мозг неподвижного тела на носилках, что бы это ни было.

Слик покачал головой, вспоминая, как набрел на Собачью Пустошь. А Джентри, приняв этот жест за отказ, стал говорить еще быстрее.

Джентри говорил, что Слик вроде бы как отключится, но совсем ненадолго, ну, может, на несколько секунд, пока он, Джентри, не зафиксирует информацию и не выстроит общий контур макроформа. Ведь Слик не знает, как это сделать, продолжал ковбой, иначе бы он, Джентри, подключился сам; да и не нужна ему информация из этого мегабиочипа, ему нужно только общее представление, ведь именно оно может привести его к Образу, к той главной цели, за которой он гонялся столь долго.

А Слик вспоминал, как пересек Пустошь пешком. Он тогда боялся, что в любой момент может вернуться синдром Корсакова и он забудет, где находится, и напьется канцерогенной воды из гнилой красной лужи, которых так много было на ржавой равнине. А в них плавают красная пена и раскинувшие крылья мертвые птицы. Дальнобойщик из Теннесси посоветовал ему идти от трассы на запад: через час, мол, будет вшивенькое двухполосное шоссе, где можно застопить машину до Кливленда. Но Слику казалось, что прошло куда больше часа, к тому же он не знал точно, в какой стороне запад. И вообще это место все сильнее его пугало – как будто здесь проходил какой-нибудь великан, наступил на воспаленный волдырь свалки, расплющил его, а шрам так и остался. Однажды Слик увидел кого-то вдали на невысокой куче металлолома и помахал. Фигура исчезла, но Слик зашагал туда, уже не сторонясь луж, а хлюпая прямо по ним, и, когда добрался до места, увидел, что это всего лишь бескрылый остов самолета, наполовину погребенный под ржавыми консервными банками. Он побрел вверх по тропинке из расплющенных банок, до квадратного отверстия, некогда бывшего аварийным выходом. Засунул голову внутрь, и на него уставились сотни маленьких головок, свисавших с вогнутого свода. Слик

будто прирос к месту, прищурился, давая глазам привыкнуть к внезапной полутьме, пока увиденное не начало приобретать некий смысл. Розовые головки были оторваны от пластмассовых кукол. Их нейлоновые волосы кто-то связал в хвосты на макушке, а хвосты влепил в толстый слой черного дегтя, которым был вымазан потолок, и головы свисали, как спелые фрукты. Кроме них да нескольких полос грязного зеленого пенопласта, в салоне ничего не было. Слик точно знал: ему не хочется здесь задерживаться, чтобы выяснить, кто тут живет.

Тогда он отправился на юг и случайно наткнулся на Фабрику.

– У меня никогда не будет второго такого шанса, – говорил Джентри.

Слик смотрел в напряженное осунувшееся лицо, в расширенные от отчаяния глаза.

– Я никогда его не увижу…

Слик вспомнил, как Джентри ударил его и как он, Слик, посмотрел на гаечный ключ, который держал в руке, и почувствовал… Черри была не права насчет их обоих, тут было нечто иное, он только не знал, как это назвать. Левой рукой Слик вырвал у Джентри троды, а правой сильно толкнул его в грудь.

– Заткнись! Заткнись, черт тебя подери!

Джентри отлетел на край стального стола.

Тихонько чертыхаясь, Слик неловко натянул изящную сетку контактных дерматродов на лоб и виски.

Подключился.

Под подошвами скрипнул гравий.

Открыл глаза, посмотрел себе под ноги: посыпанная гравием дорожка при утреннем свете казалась ровной и очень чистой, гораздо чище Собачьей Пустоши. Взглянул вперед и увидел, что она делает плавный поворот, а за зелеными раскидистыми деревьями – скат черепичной крыши. Дом – огромный, почти вполовину Фабрики. Неподалеку в высокой мокрой траве стояли статуи. Отлитый из чугуна олень и мужской торс, вытесанный из белого камня, – ни рук, ни ног, ни головы. Пели птицы, это был единственный звук.

Слик двинулся к серому дому, ничего другого ему, похоже, не оставалось. В конце дороги за домом виднелись постройки поменьше и широкое плоское поле травы, где трепетали на ветру планеры.

Сказка, подумал он, поднимая взгляд на широкий каменный выступ над входом в усадьбу, на розетки оконных витражей. Как в кино, которое он видел однажды в детстве. Неужели

действительно есть на свете люди, которые живут в таких вот домах? Никакой это не дом, напомнил он самому себе, только лишь стим-реальность.

– Джентри, – сказал он вслух, – давай-ка вытаскивай меня отсюда, ладно?

Слик принялся рассматривать свои руки. Шрамы, въевшаяся смазка, черные полумесяцы грязи под обломанными ногтями. Машинное масло размягчало ногти, и они легко ломались.

Он начинал уже чувствовать себя полным идиотом, стоя здесь посреди дороги. А ведь возможно, кто-то наблюдает за ним из дома.

– Блин, – выплюнул он и свернул на вымощенную плиткой дорожку к дому, подсознательно перейдя на развязный широкий шаг и выпятив грудь, чему научился в бытность свою в «Блюз-Дьяконах».

В центре двери была прикреплена какая-то странная штука: маленькая изящная кисть держала в вытянутых пальцах сферу размером с бильярдный шар – все отлито из чугуна. Крепится на шарнирах, так чтобы можно было взяться за кисть и опустить шар вниз. Повернул, ударил. Дважды. Потом еще пару раз. Ничего. Дверная ручка была латунной, цветочный орнамент на ней до того стерся, что стал почти неразличим. Повернулась она легко. Слик толкнул дверь.

И невольно прищурился от бьющего в глаза богатства красок и интерьера. Плоскости темного полированного дерева, квадраты черного и белого мрамора, ковры с тысячью мягких оттенков, светящиеся, как церковные витражи, начищенное серебро, зеркала… Он хмыкнул. Взгляд притягивала то одна, то другая мелочь – столько вещей, предметов, названий которым он не знал…

– Ищешь кого-нибудь, приятель?

Перед огромным камином стоял мужчина. На нем были узкие черные джинсы и белая футболка, ноги его были босы, и в правой руке он держал толстый, расширяющийся книзу бокал с чем-то крепким. Слик обалдело уставился на незнакомца.

– Блин, – выдавил Слик. – Ты – это он…

Мужчина поболтал коричневую жидкость в стакане и сделал глоток.

– Я ожидал, что Африка со временем выкинет что-то подобное, – сказал он, – но почему-то, дружок, ты не похож на ребят в его стиле.

– Ты Граф.

– Ага, Граф, – отозвался он. – А ты, черт побери, кто?

– Слик. Слик Генри.

Граф рассмеялся:

– Хочешь коньяку, Слик Генри?

Он указал стаканом на стойку из полированного дерева, где выстроились в ряд причудливые бутылки; у каждой свисал на цепочке с горлышка серебристый ярлычок.

Слик покачал головой.

Мужчина пожал плечами:

– С него все равно не забалдеешь… Прости, что я это говорю, но выглядишь ты погано, Слик. Я так понимаю, что ты не из команды Малыша Африки? А если нет, то что все-таки ты тут делаешь?

– Меня послал Джентри.

– Какой еще Джентри?

– Ты ведь парень на носилках, так?

– Парень на носилках – это я. Где конкретно в данную минуту эти носилки, Слик?

– У Джентри.

– Где это?

– На Фабрике.

– А это где?

– На Собачьей Пустоши.

– И как же я там очутился, на этой Пустоши, где бы она ни была?

– Это Малыш Африка тебя привез. Привез с девушкой по имени Черри. Понимаешь, я у него в долгу, так он попросил, чтобы я приютил тебя на время, тебя и Черри. Она ухаживает за тобой…

– Ты назвал меня Графом, Слик…

– Черри сказала, что так тебя однажды назвал Малыш…

– Скажи-ка мне, Слик, не выглядел ли Малыш, когда он меня привез, встревоженным?

– Черри думала, что он был до смерти напуган там, в Кливленде.

– Уверен, что был. Кто этот Джентри? Твой друг?

– Фабрика принадлежит ему. Я тоже там живу…

– Этот Джентри, он ковбой, а, Слик? Компьютерный жокей? Я хочу сказать, что, если ты здесь, он должен рубить в технике, так?

Теперь пришла очередь Слика пожать плечами.

– Джентри, ну… он вроде художника. У него полно всяких теорий. Вообще это трудно объяснить. Он присобачил переходники к той штуковине на носилках… ну, к той, куда ты подключен. Сначала он попытался вывести изображение на проекционный стол, но там оказалась только эта дурацкая обезьяна, что-то вроде тени, поэтому он уговорил меня…

– Господи… впрочем, не важно. Эта фабрика, о которой ты говорил, она где-то в глухомани? Сравнительно малодоступна?

Слик кивнул.

– А Черри, она что-то вроде нанятой медсестры?

– Да. Сказала, у нее диплом медтеха.

– И никто еще не приходил меня искать?

– Нет.

– Это хорошо, Слик. Потому что если кто-то придет, кто-нибудь, кроме этого крысеныша, прошу прощения, нашего общего друга Малыша Африки, то у вас, ребята, могут быть серьезные неприятности.

– Да ну?

– Вот тебе и «да ну». Выслушай меня, идет? И будь добр запомнить, что я тебе скажу. Если к вам на эту вашу фабрику заявится какая-нибудь компания, единственная ваша надежда – подключить меня к матрице. Понял?

– А как ты стал Графом? Я имею в виду, что это значит?

– Бобби. Меня зовут Бобби. Граф, а может, правильнее было бы Счет – «прерывание на счет ноль», знаешь? Впрочем, не важно, и то и другое было когда-то моим прозвищем, вот и все. Ну что, запомнил, что я тебе сказал?

Слик снова кивнул.

– Хорошо. – Бобби поставил стакан на деревяшку с чудными бутылками. – Слышишь? – спросил он.

За открытой дверью по гравию прошуршали шины.

– Знаешь, кто это, Слик? Это – Анджела Митчелл.

Слик повернулся. Бобби Граф, или Счет, смотрел в окно на подъездную дорожку.

– Энджи Митчелл? Стим-звезда? Она тоже здесь?

– Как сказать, Слик, как сказать…

Слик увидел, как мимо прокатил черный автомобиль.

– Эй, – начал было он, – Граф, то есть Бобби, что…

– Спокойно, – сказал Джентри, – просто посиди. Спокойно. Спокойно…

25
Назад на восток

Пока Келли и его ассистенты готовили для предстоящей поездки ее гардероб, Энджи чувствовала, будто сам дом оживает вокруг нее, готовясь к одному из своих коротких периодов запустения.

С того места, где она сидела в гостиной, до нее доносились голоса, чей-то смех. Одна из ассистенток, молоденькая девчушка, нацепив синий поликарбоновый экзоскелет, сносила вниз кофры от «Гермеса», будто невесомые блоки пенопласта. Тихонько жужжащий скелет мягко шлепал вниз по ступенькам плоскими динозавровыми лапами, неся в себе человеческое тело. Синий скелет, кожаные гробы.

Тут в дверях появился Порфир.

– Мисси готова?

Парикмахер успел облачиться в длинное свободное пальто из тонкой, как ткань, черной кожи, над каблуками черных лакированных сапог посверкивали шпоры из горного хрусталя.

– Порфир, – улыбнулась Энджи, – да ты сегодня в штатском. А у нас торжественный выход в Нью-Йорке.

– Камеры там установлены в твою честь, не в мою.

– Да уж, – протянула она, – в честь моего «нового включения».

– Порфир будет держаться на заднем плане.

– Никогда не думала, что ты станешь беспокоиться о том, как бы вдруг кого не затмить.

Он усмехнулся, показывая скульптурные, обтекаемые зубы – фантазия зубного врача-авангардиста на тему того, какими они могли бы вырасти у более быстрых, более элегантных существ.

– С нами полетит Даниэлла Старк. – До Энджи донесся звук снижающегося вертолета. – Она будет ждать нас в аэропорту Лос-Анджелеса.

– Мы ее придушим, – ответил он тоном заговорщика, набрасывая на плечи Энджи палантин из голубой лисы, выбранный для этого случая Келли. – Если мы пообещаем намекнуть новостям, что мотив был сексуальный, она, возможно, даже решит нам подыграть…

– Ты ужасен.

– Это Даниэлла ужас во плоти, мисси.

– Уж кто бы говорил.

– А? – Парикмахер сузил глаза. – Но зато у меня душа младенца.

Вертолет пошел на посадку.

О Даниэлле Старк, сотруднице стим-версий журналов «Вог-Ниппон» и «Вог-Европа», повсюду ходили слухи, что ей далеко за восемьдесят. Если это верно, подумала Энджи, тайком рассматривая фигуру журналистки, когда они втроем поднимались по трапу в «Лир», то по части пластической хирургии и косметологии Даниэлла Порфиру вполне под стать. На первый взгляд журналистке было чуть больше тридцати, и единственным заметным свидетельством, что она имела-таки дело с хирургами, была пара бледно-голубых «цейсовских» имплантатов. Один юный репортер из французского журнала мод как-то назвал их «модно устарелыми». Как поговаривали злые языки в «Сенснете», этот репортер больше нигде и никогда не смог получить работу.

Энджи знала, что при первой же возможности Даниэлла заведет с ней разговор о наркотиках, о наркотиках знаменитостей, будет смотреть на нее в упор, широко, как школьница, распахнув васильковые глаза, чтобы заснять все на пленку.

Под грозным взором Порфира Даниэлла некоторое время пыталась сдерживаться – пока они не достигли крейсерской скорости где-то над Ютой.

– Я надеялась, – начала журналистка, – что кто-то поднимет этот вопрос до меня…

– Даниэлла, – остановила ее Энджи, – прими мои извинения. Как это невнимательно с моей стороны.

Она дотронулась до обшитой шпоном панели походной кухни «Хосака». Механизм мягко заурчал и начал выдавать крохотные тарелочки с копченой уткой цвета чая, устрицами на тостах под черным перцем; за пирогом с лангустами последовали кунжутные блинчики… Порфир, уловив намек Энджи, извлек бутылку охлажденного шабли – любимого вина Даниэллы, насколько помнила Энджи. Кто-то – уж не Свифт ли? – это помнил тоже.

– Наркотики, – сказала Даниэлла четверть часа спустя, доедая утку.

– Не беспокойтесь, – заверил ее Порфир. – Когда вы прибудете в Нью-Йорк, там будет все, что пожелаете.

Даниэлла улыбнулась:

– Вы так забавны. А вам известно, что у меня есть копия вашего свидетельства о рождении? Я знаю ваше настоящее имя. – Все еще улыбаясь, она бросила на него многозначительный взгляд.

– Какая мне разница, – сказал он, наполняя ее бокал.

– Интересное замечание, учитывая врожденные дефекты. – Она пригубила вино.

– Врожденные, приобретенные… В наше время кто только себя не изменяет, не правда ли? И еще как! Кто укладывает вам волосы, дорогая? – Парикмахер подался вперед. – Вас, Даниэлла, спасает лишь то, что на вашем фоне прочие представители вашей породы и на людей-то не похожи.

Даниэлла улыбнулась.

Само интервью прошло довольно гладко. Даниэлла была достаточно опытна, чтобы не переступить в своих маневрах тот болевой порог, за которым могла бы столкнуться с серьезным сопротивлением со стороны жертвы. Но когда она провела кончиком пальца по виску, нажимая на подкожную клавишу, которая выключила ее записывающее оборудование, Энджи напряглась в ожидании настоящей атаки.

– Спасибо, – сказала Даниэлла. – Остаток полета, конечно, не для эфира.

– А почему бы вам просто не выпить еще бутылку-другую и не вздремнуть? – спросил Порфир.

– Чего я действительно не понимаю, дорогая, – сказала Даниэлла, не обращая на него внимания, – так это зачем было утруждаться…

– Утруждаться, Даниэлла?

– Зачем вы вообще ложились в эту скучную клинику? Вы ведь говорили, что наркотики никак не влияют на вашу работу. Вы также говорили, что от них нет никакого кайфа в обычном понимании этого слова. – Она хихикнула. – Однако продолжаете настаивать на том, что это было вещество, вызывающее исключительно тяжелую зависимость. Так почему вы решили соскочить?

– Это было ужасно дорого…

– В вашем случае, конечно, вопрос чисто академический.

Верно, подумала Энджи, хотя неделя на этой дряни мне стоила твоего годового оклада.

– Наверное, мне опротивело платить за то, чтобы чувствовать себя нормальной. Или за слабое приближение к нормальности.

– У вас развился иммунитет?

– Нет.

– Как странно.

– Не так уж и странно. Наркодизайнеры конструируют вещества, не имеющие, как предполагается, традиционных побочных эффектов.

– Ага. Но как насчет нетрадиционных побочных эффектов, нынешних? – Даниэлла налила себе еще вина. – Естественно, я слышала и другую версию происшедшего.

– Правда?

– Конечно. Что это было, кто это делал, почему вы перестали.

– И?

– Что это был антипсихотик, произведенный в собственных лабораториях «Сенснета». Вы перестали его принимать, потому что предпочли остаться сумасшедшей.

Веки Даниэллы затрепетали, затуманивая сверкание голубых глаз. Порфир осторожно вынул из руки журналистки стакан.

– Спи спокойно, детка, – сказал он.

Глаза Даниэллы закрылись, и она начала мягко посапывать.

– Порфир, что…

– Я подмешал ей в вино снотворное, – ответил парикмахер. – Она ничего не почувствовала, мисси. И потом не сможет вспомнить ничего, кроме того, что есть у нее в записи… – Он расплылся в улыбке. – Тебе ведь не хочется выслушивать треп этой суки всю дорогу до Нью-Йорка, правда?

– Но она же поймет, Порфир!

– Ничего она не поймет. Мы ей скажем, что она в одиночку уговорила три бутылки и напакостила в ванной. А чувствовать она себя будет соответственно. – Он плотоядно усмехнулся.

Час спустя Даниэлла Старк еще похрапывала – теперь уже довольно громко – на одной из двух откидных коек в хвостовой части салона.

– Порфир, – сказала Энджи, – как по-твоему, может она быть права?

Парикмахер уставился на нее своими невероятно красивыми, нечеловеческими глазами.

– И ты бы не знала?

– Я не знаю…

Он вздохнул:

– Мисси слишком тревожится. Ты теперь свободна. Наслаждайся этим.

– Но я и правда слышу голоса, Порфир.

– Разве мы все их не слышим, мисси?

– Нет, – ответила она, – не так, как я. Ты знаешь что-нибудь об африканских религиях, Порфир?

Он иронично усмехнулся:

– Так я же не африканец.

– Но когда ты был ребенком…

– Когда я был ребенком, – сказал Порфир, – я был белым.

– О черт…

Он рассмеялся:

– Религии, мисси?

– До того как я пришла в «Сенснет», у меня были друзья. В Нью-Джерси. Они были черными и… верующими.

Парикмахер поморщился и закатил глаза:

– Колдовские знаки, мисси? Петушиные лапки и мятное масло?

– Ты же знаешь, что это совсем не так.

– И что, если знаю?

– Не смейся надо мной, Порфир. Ты мне нужен.

– Я есть у мисси. И да, я знаю, что ты имеешь в виду. И это их голоса ты слышишь?

– Слышала. После того как я подсела на пыль, они ушли…

– А теперь?

– Их нет.

Но момент был упущен, и она отказалась от мысли попытаться рассказать ему о Гран-Бригитте и о наркотике в кармане.

– Хорошо, – сказал он. – Это хорошо, мисси.

«Лир-джет» стал снижаться над Огайо. Порфир уставился перед собой в переборку, неподвижный как статуя. Глядя вниз на приближающуюся, пока еще скрытую облаками землю, Энджи вспомнила вдруг игру, в которую часто играла в детстве, когда летала на самолетах. Она тогда представляла, что бегает среди уплотнившихся, словно во волшебству, облачных пиков и каньонов. Те самолеты принадлежали, скорее всего, «Маас-Неотек». Теперь она летает на «лирах» «Сенснета». Коммерческие авиалайнеры оставались для нее лишь съемочными площадками стимов: первый перелет на только что восстановленном «Джей-Эй-Эль» «конкорде» из Нью-Йорка в Париж в обществе Робина и «сенснетовских» избранных.

Снижаемся. Уже над Нью-Джерси? Слышит ли ребятня, заполонившая детские площадки на крыше бовуаровской Новостройки, шум двигателей? Скользит ли слабое эхо присутствия Энджи над барритаунским кондо, где прошло детство Бобби? Как немыслимо сложен этот мир, в котором корпоративная воля «Сенснета» сотрясает крохотные косточки в ушах никому не ведомых, ничего еще не ведающих детей…

– Порфир кое-что знает, – очень тихо сказал вдруг негр. – Но Порфиру нужно время, чтобы подумать, мисси…

Самолет разворачивался, заходя на посадку.

26
Куромаку

Салли молчала – и на улице, и в такси – всю долгую холодную дорогу до их отеля.

Салли и Суэйна шантажировал враг Салли, обитающий где-то «на верху колодца». Салли вынуждают похитить Энджи Митчелл. Сама мысль о том, что кто-нибудь может украсть звезду «Сенснета», показалась Кумико совершенно невероятной, как будто кто-то устраивал заговор с целью убить героя мифов.

Финн намекнул, что Энджи и так уже неким странным образом замешана в эту историю, но он употреблял слова и идиомы, которых Кумико не понимала. Что-то в киберпространстве; какие-то люди заключают сделки с обитающим там существом или существами. Финн когда-то давно знавал парнишку, который стал потом любовником Энджи. Но разве ее любовник не Робин Ланье? Мать позволила Кумико посмотреть несколько стимов Энджи и Робина. Парнишка был ковбоем, воровал данные, как Тик в Лондоне…

А что с врагом, с той шантажисткой? Она сумасшедшая, говорил Финн, и ее безумие привело к развалу семейной империи. Эта женщина вроде бы жила совсем одна в своем древнем замке, доме под названием «Блуждающий огонек». Что такого сделала Салли, чтобы вызвать ее ненависть? Она в самом деле убила отца этой женщины? И кто были другие, те, которые умерли? Гайдзинские имена уже вылетели у девочки из памяти.

И узнала ли Салли то, что хотела узнать, повидав Финна? Кумико ждала под конец от бронированного святилища хоть какого-нибудь прорицания, но разговор-перепалка закончился ничем, гайдзинским ритуалом прощальных шуток.

В вестибюле отеля в голубом бархатном кресле ждал Петал, одетый по-дорожному. Его массивное тело было облачено в серую шерстяную тройку. Когда они вошли, он поднялся с кресла, подобно некоему странному воздушному шару. Глаза глядели, как всегда мягко, поверх очков в стальной оправе.

– Здравствуйте, – кашлянув, произнес он. – Суэйн послал меня за вами. Чтобы я присмотрел за девочкой.

– Отвези ее обратно, – сказала Салли. – Сейчас же.

– Салли! Нет!

Но рука Салли уже крепко сомкнулась на локте Кумико, потащила ее к входу в неосвещенную комнату отдыха при

вестибюле.

– Подожди там, – бросила Салли Петалу. – Послушай, – обратилась она к Кумико, затягивая девочку поглубже в тень, – ты сейчас вернешься обратно. Я не могу теперь допустить, чтобы ты оставалась со мной.

– Но мне там не нравится. Мне не нравится Суэйн, мне не нравится его дом… Я…

– Петала не бойся, – быстро шепнула Салли, наклонясь еще ближе. – В общем, я бы сказала, что я ему доверяю. Суэйн… ну, ты сама знаешь, кто такой Суэйн, но он человек твоего отца. Что бы у них ни случилось, тебя, я думаю, они в это впутывать не станут. А вот если станет плохо, по-настоящему плохо, отправляйся в паб, где мы встречались с Тиком. «Роза и корона». Помнишь?

Кумико кивнула; глаза ее были полны слез.

– Если Тика там не будет, найди бармена по имени Биван и сошлись на меня.

– Салли, я…

– С тобой все в порядке, – сказала Салли и вдруг нагнулась и поцеловала девочку. Одна из линз на какое-то мгновение коснулась ее щеки, удивительно холодная и твердая. – Что до меня, малыш, меня тут уже нет.

Действительно никого – черная фигура растворилась в звенящей тишине комнаты отдыха, а в дверях уже стоял Петал и откашливался.

Перелет в Лондон был похож на долгую поездку в подземке. Петал коротал время, вписывая слова – по одной букве зараз – в какую-то идиотскую головоломку в английском ньюсфаксе. Время от времени он тихонько хмыкал себе под нос. Потом Кумико заснула, и ей приснилась мать…

– Обогреватель работает, – сообщил Петал по дороге из Хитроу.

В салоне «ягуара» было неприятно тепло, от сухого жара с запахом кожи болело в груди. Она проигнорировала слова Петала, глядя на блеклый рассвет, на проступающую сквозь тающий снег черноту крыш, лес дымовых труб…

– Знаешь, он на тебя вовсе не сердится, – сказал Петал. – Он чувствует особую ответственность…

– Гири.

– Гм… да. Так вот, ответственность. Салли всегда была… как бы это назвать?… непредсказуемой, что ли, но мы не ожидали…

– Извини, мне не хочется разговаривать.

Его обеспокоенные глаза в зеркале заднего вида.

Подъездную дорожку обрамляли две вереницы припаркованных машин, длинных серебристо-серых автомобилей с затемненными стеклами.

– На этой неделе полно посетителей, – пояснил Петал, припарковывая «ягуар» напротив дома номер 17.

Он вышел, открыл перед ней дверцу. Девочка оцепенело последовала за ним через улицу и по серым ступенькам вверх; дверь им открыла приземистая красномордая личность в слишком тесном для нее темном костюме; Петал прошел мимо, охранника он словно бы не заметил.

– Стоять, – пролаял краснолицый. – Суэйн сейчас с ней поговорит…

Петал застыл на месте. Смешок – и огромная туша с ошеломляющей легкостью развернулась на одном каблуке, и пухлые с виду руки схватили лацканы черного пиджака. Затрещали швы.

– В будущем проявляй хоть сколько-нибудь уважения, черт побери, – сказал Петал, не повышая голоса, но вся его усталая мягкость вдруг куда-то ушла.

– Прошу прощения, шеф. – Красное лицо стало заученно-пустым. – Он приказал передать вам…

– Пойдем, – сказал девочке Петал, отпуская темный с начесом лацкан. – Патрон просто хочет поздороваться.

Суэйн сидел за трехметровым обеденным столом в той же комнате, где Кумико впервые его увидела. Татуированные драконы прятались под белой рубашкой и шелковым галстуком. Когда Петал и Кумико вошли, он встретился с девочкой взглядом; его вытянутое лицо затенял зеленый абажур лампы, стоящей на столе возле небольшой консоли и толстой кипы факсов.

– Вот и славно, – сказал он. – Ну и как тебе Муравейник?

– Я очень устала, мистер Суэйн. Мне бы хотелось уйти в свою комнату.

– Мы очень рады твоему возвращению, Кумико. Муравейник – опасное место. И тамошние друзья Салли, пожалуй, совсем не подходящее для тебя общество. Твоему отцу вряд ли захочется, чтобы ты общалась с подобными людьми.

– Могу я подняться наверх?

– Ты встречала кого-нибудь из друзей Салли, Кумико?

– Нет.

– Правда? А что вы там делали?

– Ничего.

– Не надо на нас сердиться, Кумико. Мы ведь просто

стараемся тебя защитить.

– Спасибо. Могу я теперь уйти к себе?

– Конечно. Ты, должно быть, очень устала.

Петал с ее чемоданом в руке вышел вслед за девочкой из столовой. Его серый костюм помялся за время полета. Кумико из осторожности не позволила себе даже поднять глаза, когда они проходили под мраморным бюстом, за которым, возможно, все еще прятался модуль «Маас-Неотек». Впрочем, в присутствии Петала и Суэйна забрать его все равно никакой возможности не было.

В доме чувствовалось нечто новое, какое-то оживление, отрывистое и приглушенное: голоса, шаги, дребезжание лифта, бормотание труб, когда кто-то наполнял ванну.

Кумико сидела в изножье огромной кровати, глядя на черную мраморную ванну. Перед ней все еще стояли отрывочные образы Нью-Йорка. Стоило зажмурить глаза, и она снова сидела на корточках в тупике возле Салли. Салли, которая прогнала ее прочь. Салли, которая ушла и даже не оглянулась. Салли, чье имя было когда-то Молли, а может, Мисти, а может, и то и другое. И снова – ее никчемность. Сумида, мать качается в черной воде. Отец. Салли.

Через несколько минут, подгоняемая любопытством, пересилившим на время стыд, она встала, пригладила волосы, сунула ноги в тонкие черные гольфы с рубчатыми подошвами и тихонечко выскользнула в коридор. Из прибывшего лифта пахнуло сигаретным дымом. Краснолицый шагал взад-вперед по голубому ковру фойе, засунув руки в карманы тесного черного пиджака.

– Эй, – сказал он, поднимая брови, – тебе что-нибудь нужно?

– Я хочу есть, – ответила она по-японски. – Я иду на кухню.

– Эй, – повторил он, вытаскивая руки из карманов и одергивая пиджак, – ты говоришь по-английски?

– Нет, – отозвалась она, проходя мимо него по коридору и сворачивая за угол.

Очередное «эй» прозвучало еще более встревоженно, но девочка уже шарила за мраморным бюстом. Она успела опустить модуль в карман за секунду до того, как появился охранник. Профессиональным взглядом он осмотрел помещение – руки расслабленно свисают вдоль тела, – и это сразу напомнило ей о секретарях отца.

– Я хочу есть, – сказала она по-английски.

Пять минут спустя Кумико вернулась к себе с большим и очень британским по виду апельсином: англичане, похоже, не

придавали особого значения симметричной форме плодов. Закрыв за собой дверь, она положила апельсин на широкий край черной ванны и вынула из кармана модуль.

– Теперь поскорее открой корпус и передвинь рычажок «A/B» в положение «A», – сказал Колин, сфокусировавшись и отбросив челку со лба. – При новом режиме тут завелся специальный техник – ходит по дому и сканирует каждую щель в поисках жучков. Как только ты изменишь настройку, ни один прибор не распознает во мне подслушивающее устройство.

Воспользовавшись булавкой, она передвинула рычажок.

– О чем ты, что за новый режим? – спросила девочка, выговаривая слова одними губами.

– Ты разве не заметила? Здесь теперь по меньшей мере дюжина прислуги, не говоря уже о бесчисленных посетителях. Впрочем, скорее это не новый режим, а усиление стандартной процедуры. Мистер Суэйн – довольно общительный человек, на свой, я бы сказал, завуалированный манер. Например, беседа между Суэйном и заместителем главы Особого отдела – могу себе представить, сколько народу хоть на убийство пойдет, лишь бы заполучить эту запись, и сам вышеупомянутый замглавы в первую очередь.

– Особый отдел?

– Тайная полиция. Странную компанию, черт побери, он водит, этот Суэйн: типы из Бук-Хауса, бандитские царьки Ист-Энда, старшие офицеры полиции…

– Бук-Хаус?

– Так тут называют Букингемский дворец. Не говоря уже о сомнительных банкирах из Сити, звезде симстима, стайке дорогих сводников, наркодельцах…

– Здесь была стим-звезда?

– Был. Ланье, Робин Ланье.

– Робин Ланье? Он был здесь?

– На следующее утро после твоего внезапного отъезда.

Она заглянула в прозрачные зеленые глаза Колина.

– Ты правду мне говоришь?

– Да.

– Всегда?

– Насколько мне известно, всегда.

– Что ты такое?

– Личностная база данных биочипа «Маас-Неотек», запрограммированная на помощь и содействие японскому гостю в Соединенном Королевстве, – подмигнул он.

– Почему ты подмигиваешь?

– А ты как думаешь?

– Отвечай на вопрос! – Ее голос эхом прокатился по зеркальной комнате.

Призрак приложил к губам тонкий палец.

– Ну ладно, я – кое-что еще. Признаюсь, я проявляю, пожалуй, чуть больше инициативы, чем полагается обычной гид-программе. Модель, на которой я основан, лучшая в своем поколении. Однако я не могу тебе точно сказать, что я такое, так как сам этого не знаю.

– Не знаешь? – Снова осторожно, губами.

– Вообще-то, я много чего знаю, – сказал он, подходя к одному из мансардных окон. – Я знаю, например, что сервировочный столик в Миддл-Темпл-Холле считается сделанным из древесины обшивки «Золотой лани»[78]; знаю, что для того, чтобы подняться на Тауэрский мост, нужно одолеть сто двадцать восемь ступеней, знаю, что на Вуд-стрит прямо за Чипсайдом есть дерево, о котором говорят, что именно в его листве громко пел вордсвортовский дрозд[79]. – Колин резко повернулся и взглянул ей в лицо. – Однако это не так, потому что теперешнее дерево было клонировано с оригинала в тысяча девятьсот девяносто восьмом году. Видишь ли, я знаю все это и много больше. Я, например, мог бы обучить тебя азам игры на бильярде. Это то, что я есть, или, скорее, то, для чего я первоначально предназначался. Но я также и кое-что иное. И вот это, скорее всего, как-то связано с тобой, правда, не знаю как.

– Тебя подарил мне отец. Ты как-то с ним связываешься?

– Насколько мне известно, нет.

– Ты не сообщал ему о моем отъезде?

– Ты не понимаешь, – возразил призрак. – Я не осознавал, что ты уезжала, пока ты не активировала меня минуту назад.

– Но ты же записывал…

– Да, но не сознавая этого. Я только тогда «здесь», когда ты меня активируешь. Тогда я оцениваю текущую информацию… Одно могу сказать с большой долей вероятности: из этого дома вряд ли возможно послать хоть какое-то сообщение, чтобы его тут же не засекли слухачи Суэйна.

– Может ли вас быть больше, ну, в смысле, не сидит ли в твоем модуле еще один призрак?

– Мысль интересная, но ответ отрицательный, разве что придется предположить какую-нибудь жутко засекреченную промышленную революцию. Мое железо наполняет данный корпус целиком. Это я почерпнул из архива общих сведений о технологиях «Мааса».

Девочка задумчиво посмотрела на черный модуль.

– Ланье, – сказала она. – Расскажи мне.

– Десять часов двадцать пять минут шестнадцать секунд, – произнес призрак.

Голову Кумико заполнили бестелесные голоса.

Петал: Будьте так добры последовать за мной, сэр…

Суэйн: Проходите в бильярдную.

Третий голос: Лучше бы у вас были на то серьезные причины, Суэйн. В машине ждут три человека «Сенснета». Ваш адрес останется в базе данных службы безопасности на веки вечные.

Петал: Прекрасная машина, сэр, этот ваш «даймлер». Могу я принять у вас пальто?

Третий голос: В чем дело, Суэйн? Почему нельзя было встретиться у Брауна?

Суэйн: Снимите пальто, Робин. Она уехала.

Третий голос: Уехала?

Суэйн: В Муравейник. Сегодня утром.

Третий голос: Но сейчас еще не время…

Суэйн: Вы думаете, это я ее послал?

Ответ незнакомца прозвучал неразборчиво, приглушенный закрывшейся дверью.

– Это был Ланье? – беззвучно спросила Кумико.

– Да, – ответил Колин. – Петал обратился к нему по имени в предыдущем разговоре. Суэйн и Ланье провели вместе двадцать пять минут.

Скрежет петель, шаги.

Суэйн: Просрали, конечно, но только не я. Я говорил вам, что это за птица, просил вас предупредить их. Прирожденная убийца, вероятно, психопатка…

Ланье: Это ваша проблема, а не моя. Вам нужны и их товар, и мое сотрудничество.

Суэйн: А в чем *ваша* проблема, Ланье? Как вы-то в это впутались? Просто чтобы убрать с дороги Митчелл?

Ланье: Где мое пальто?

Суэйн: Петал, чертово пальто мистера Ланье.

Петал: Сэр.

Ланье: У меня такое впечатление, что ваша девица-бритва нужна им не меньше, чем Энджи. Ее тоже заберут.

Суэйн: Удачи им. Она уже на месте, в Муравейнике. Говорил с ней по телефону час назад. Я сведу ее с моим человеком, тем, который готовит… девушку. И вы тоже возвращаетесь за океан?

Ланье: Сегодня вечером.

Суэйн: Ну, тогда не беспокойтесь.

Ланье: До свидания, Суэйн.

Петал: Настоящий ублюдок, этот актеришка.

Суэйн: Не нравится мне все это…

Петал: Но товар тебе нравится, верно?

Суэйн: Тут жаловаться не приходится, товар первый сорт, но зачем, скажите на милость, им понадобилась еще и Салли?

Петал: Бог весть. Они сами не знают, с кем связались.

Суэйн: Они. Не люблю я, когда говорят «они»…

Петал: Возможно, они будут не в восторге, когда узнают, что она отправилась туда сама по себе, да еще с дочерью Янаки…

Суэйн: Это точно. Но мисс Янака мы уже заполучили назад. Завтра скажу Салли, что Прайор в Балтиморе, приводит девицу в форму…

Петал: Грязное это дело…

Суэйн: Принеси кофейник в кабинет.

Девочка лежала на спине с закрытыми глазами. Записи Колина прокручивались в ее голове: прямой ввод в слуховые нервы. Судя по всему, Суэйн большую часть своих дел обделывал в бильярдной, это означало, что люди прибывали и отбывали, а она слышала только начало и хвосты разговоров. Двое мужчин, одним из которых мог быть красномордый, вели нескончаемую дискуссию о собачьих бегах и ставках на завтра. С особым интересом она прослушала беседу, в ходе которой Суэйн и человек из Особого отдела (Суэйн называл его ОО) обговаривали один из пунктов сделки прямо под мраморным бюстом, когда гость собирался уходить. Девочке пришлось раз десять останавливать этот отрывок, чтобы затребовать разъяснений. Колин выдавал логичные догадки.

– Это очень коррумпированная страна, – сказала наконец Кумико, глубоко потрясенная услышанным.

– Наверное, не более, чем твоя собственная, – был ответ.

– Но чем Суэйн всем им платит?

– Информацией. Я сказал бы, что наш мистер Суэйн недавно завладел первоклассным источником информации и занят обращением ее в иные ценности, то есть в деньги и власть. На основании того, что мы услышали, рискну предположить, что это вполне в русле его обычной деятельности. Очевидно, однако, что он идет вверх, становится большой шишкой. Мне кажется, в настоящее время он более влиятельный человек, чем был неделю назад. Судя по тому факту, что набирают дополнительный персонал…

– Я должна рассказать… моему другу.

– Ширс? Рассказать ей что?

– То, что сказал Ланье. Что ее возьмут вместе с Анджелой Митчелл.

– Так где же она?

– В Муравейнике. Отель…

– Позвони ей. Но не отсюда. У тебя есть деньги?

– Чип «Мицу-банка».

– Прости, для здешних автоматов это не подойдет. Монеты есть?

Встав с постели, Кумико тщательно перебрала случайную английскую мелочь, скопившуюся на дне сумочки.

– Вот, – сказала она, отыскав толстую позолоченную монету, – десять фунтов.

– Для одного только местного звонка понадобится две таких.

Она бросила металлический червонец обратно в сумочку.

– Нет, Колин, не по телефону. Я знаю лучший способ. Я хочу уйти отсюда. Сегодня же. Ты мне поможешь?

– Конечно, – ответил призрак, – хотя мой тебе совет: не делай этого.

– Но я уйду.

– Очень хорошо. Как ты предлагаешь это совершить?

– Скажу им, что мне нужно за покупками.

27
Злая дама

Как решила Мона впоследствии, женщина появилась примерно сразу после полуночи, потому что это было уже после того, как Прайор вернулся со второй упаковкой крабов. Крабы у них тут в Балтиморе оказались действительно что надо, со сна и от нервов ей все время хотелось есть, так что она уговорила его пойти принести еще. Постоянно заходил Джеральд, чтобы поменять дермы у нее на руках. Всякий раз она встречала его лучшей своей бессмысленной улыбкой, выдавливала после его ухода из дермов жидкость и прилепляла их снова. Наконец Джеральд сказал, что ей надо поспать, выключил лампы и прикрутил ложное окно до минимальной яркости – кроваво-красного заката.

Снова оставшись одна, Мона опустила руку между стеной и койкой, нащупала шокер…

Потом, сама того не желая, она заснула, красный свет от окна – как закат в Майами, и ей, наверное, снился Эдди или, во всяком случае, танцзал Крючка. Во сне она плясала с кем-то на тридцать третьем этаже, потому что, когда ее разбудил грохот, она, хотя и не была уверена, где находится, тут же представила в голове четкую схему, как убраться из клуба. Например, она мгновенно сообразила, что, если тут случилась заварушка, спускаться лучше по лестнице…

Мона наполовину выбралась из койки, когда в дверь влетел Прайор. Влетел в прямом смысле. Дверь при этом была закрыта. Влетел он спиной вперед, дверь же разнесло в щепки.

Мона увидела, как Прайор ударился о стену, потом сполз на пол и вообще перестал двигаться, а в освещенном дверном проеме возник кто-то еще. Лица человека видно не было – только два изогнутых отражения фальшивого красного заката.

Мона быстро втянула ноги обратно на койку, перекатилась к стене, ее рука скользнула…

– Не шевелись, сучка.

В голосе было что-то такое, от чего по спине у Моны побежали мурашки, и именно потому, что звучал он чертовски весело. Как будто нет ничего приятнее, чем проломить кем-то дверь. Особенно если этот кто-то – Прайор.

– Я говорю, и пальцем не шевели…

Женщина в три шага пересекла комнату и была уже совсем близко, настолько близко, что Мона почувствовала холод,

исходивший от ее кожаной куртки.

– Ладно, – выдавила Мона, – ладно…

Тут холодные руки подняли ее рывком, а потом она оказалась распластанной на спине – плечи сильно вдавлены в темперлон и что-то – шокер? – уткнулось ей прямо в лицо.

– Откуда у тебя эта штучка?

– Ну, – выдавила Мона, словно речь шла о чем-то однажды виденном, но после совершенно забытом, – это было в куртке моего парня. Я одолжила у него куртку…

Сердце у Моны билось где-то под горлом. Что-то в этих очках…

– А этот ублюдок знал о ней?

– Кто?

– Прайор, – сказала женщина и, отпустив ее, повернулась к Прайору.

Тут она его пнула – раз, другой, потом еще и еще – и довольно сильно.

– Нет, – сказала женщина, так же внезапно останавливаясь, – не думаю, что он знал.

В дверях возник Джеральд; вид у него был такой, как будто вообще ничего особенного не случилось, за исключением сломанной двери. Он с сожалением поглядел на ее остатки, те, что еще держались у косяка, провел большим пальцем по краю разлетевшейся в щепы филенки.

– Хочешь кофе, Молли?

– Два кофе, – ответила женщина, рассматривая шокер. – Мне – черный.

Мона маленькими глоточками пила кофе и изучала прикид и прическу незнакомки. Обе они ждали, когда очнется Прайор. По крайней мере, ничего другого они как будто не делали. Джеральд снова куда-то исчез.

Та, которую Джеральд называл Молли, не походила ни на один тип женщин, которых Мона когда-либо видела. Моне никак не удавалось определить, что у нее за стиль; единственное, в чем Мона была уверена, так в том, что денег у этой Молли хватает. Прическа Молли была европейской, Мона видела такие в журнале. Она была, в общем-то, уверена, что в нынешнем сезоне так не стригутся нигде, но прическа удачно сочеталась со стеклами, которые оказались имплантатами, вживленными прямо в кожу. Мона видела такие однажды у таксиста в Кливленде. И на женщине была короткая куртка очень темного коричневого цвета – на вкус Моны, слишком строгая, но явно новая и с широким овчинным воротником. Куртка была распахнута, и под ней,

закрывая грудь и живот, виднелась странная зеленая штука, похожая на броник, – скорее всего, догадалась Мона, это и есть броник. Джинсы скроены из какой-то серо-зеленой, как бы мшистой замши, толстой и мягкой – Мона подумала, что это лучшее в прикиде незнакомки. Она сама была бы не прочь заиметь такие же, разве что их портили ботинки. Высокие черные ботинки, вроде байкерских, на толстой подошве из желтой резины, с широкой темной застежкой поперек подъема и сверху донизу в хромированных пряжках, а еще эти ужасные квадратные носы. И откуда у нее такой лак для ногтей, цвета красного вина? Мона даже не думала, что такой еще производят.

– На что ты там, черт побери, пялишься?

– А… ваши ботинки…

– Ну и?

– Они не подходят к брюкам.

– Специально их надела, чтобы выбить дурь из Прайора.

Прайор на полу застонал и стал изображать рвотные позывы. Мона почувствовала, что ее сейчас тоже стошнит, и попросилась в ванную.

– Не пытайся сбежать.

Женщина, казалось, наблюдала за Прайором поверх чашки, но за этими стеклами… Кто знает, куда она на самом деле смотрит?

Как-то она оказалась в ванной – сидела на унитазе с косметичкой, пристроенной на коленях, и поспешно готовила дозу. Кристалл размолола недостаточно мелко, так что наркотик опалил нёбо, но, как говаривала Ланетта, «не всегда же есть время на приятные мелочи». И опять же, разве ей теперь не намного лучше? В ванной Джеральда был небольшой душ, но, судя по виду, им очень давно не пользовались. Присмотревшись поближе, Мона заметила, что вокруг стока наросла серая плесень и виднелись пятна какой-то грязи, очень похожей на засохшую кровь.

Вернувшись, она увидела, что женщина отволокла Прайора в соседнюю комнату и пытается поднять его на ноги. Мона разглядела, что Прайор в носках и без ботинок, как будто собирался соснуть. На голубой рубашке темнели пятна крови, и лицо было сплошь в синяках.

Если Мона что и испытывала, когда наступал приход, так это чистое и невинное любопытство.

– Что вы делаете?

– Думаю, придется его разбудить, – сказала женщина так, как говорят в подземке о заспавшемся пассажире, который вот-вот

пропустит свою остановку.

Мона прошла за ней в рабочую комнату Джеральда, где все было белым и по-больничному чистым. Она молча смотрела, как женщина взгромоздила Прайора в кресло наподобие парикмахерского – со всякими рычагами, кнопками и прочими причиндалами. Похоже, дело не в том, что она такая сильная, подумалось Моне, просто она знает, как и куда двигать свой вес. Голова Прайора свесилась на сторону, когда женщина закрепила его поперек груди черным ремнем. Мона начала было уже испытывать к нему жалость, но тут вспомнила Эдди.

– Что это?

Женщина наполняла белый пластиковый сосуд водой из хромированного крана.

Мона все пыталась это произнести, чувствуя, как под действием магика сердце норовит выскочить из груди. «Он убил Эдди», – пыталась сказать она, но ничего не выходило. Но потом, наверное, что-то получилось, поскольку женщина ответила:

– Ну, с него станется… если ему позволить.

Она выплеснула воду на Прайора – в лицо и по всей рубашке. Глаза его распахнулись; белок левого был целиком красным. Щелчок, между металлическими зубцами шокера проскочили белые искры, когда женщина поднесла их к мокрой рубашке. Прайор заорал.

Джеральду пришлось опуститься на четвереньки, чтобы извлечь Мону из-под койки. Руки у него были мягкие и прохладные. Мона никак не могла вспомнить, как она там оказалась, но сейчас кругом все было тихо.

– Ты пойдешь с Молли, Мона, – сказал Джеральд; он был в сером пальто и черных очках.

Ее начало трясти.

– Думаю, стоит дать тебе что-нибудь от нервов.

Мона вырвалась и отпрянула:

– Нет! Не прикасайся ко мне, черт тебя побери!

– Оставь ее, Джеральд, – сказала от двери женщина. – Тебе пора уходить.

– По-моему, ты сама не знаешь, во что ввязалась, – ответил врач, – но все равно – удачи.

– Спасибо. Будешь скучать по этому месту?

– Едва ли. Я все равно собирался уйти на покой.

– И я собиралась, – сказала женщина, и Джеральд ушел, даже слова не сказав Моне на прощание.

– Есть какие-нибудь вещи? – спросила женщина. – Собери. Мы тоже уходим.

Одеваясь, Мона обнаружила, что платье на ее новой груди не сходится, так что пришлось оставить его незастегнутым, поверх надеть куртку Майкла и до подбородка поднять молнию.

28
Компания

Иногда ему было просто необходимо постоять здесь, глядя на Судью, или присесть на корточки на бетонном полу возле Ведьмы. Время, проведенное с ними, будто удерживало память от перескоков, ставило преграду не самим рецидивам, а тому порой возникавшему у него ощущению, отрывистому, неотчетливому чувству, будто пленка памяти все соскакивает и соскакивает с катушки, ее зажевывает… и с каждым разом теряются, уходят частички пережитого… Так и теперь – он сидел, а автоматы делали свое дело, и наконец он заметил, что рядом с ним примостилась Черри.

Джентри остался наверху, на чердаке, с Образом, который он наконец уловил. Он все нес что-то об «узле макроформа». А потому едва выслушал то, что Слик пытался ему рассказать о доме, обо всем этом безлюдном месте и о Бобби Графе.

Так что Слик спустился посидеть перед Следователем в темноте и холоде, мысленно перебирая все операции по его сборке, и какие для этого потребовались инструменты, и где именно он откопал каждую из деталей, а потом Черри, протянув руку, коснулась его щеки холодными пальцами.

– Ты в порядке? – спросила она. – Я подумала, может, на тебя опять накатило…

– Нет. Просто иногда мне надо здесь посидеть.

– Но он подключил тебя к ящику Графа, да?

– Бобби, – сказал Слик, – его зовут Бобби. Я его видел.

– Где?

– Там, внутри. Там целый мир. Там есть серый дом, очень странный, вроде замка, и он в нем живет.

– Сам по себе?

– Он сказал, что Энджи Митчелл тоже…

– Наверное, он спятил. А она была там?

– Я ее не видел. Видел машину. Он сказал, что это ее.

– Последнее, что я слышала: она зависла в какой-то наркоклинике для знаменитостей на Ямайке.

– Не знаю, – пожал он плечами.

– Какой он из себя?

– Выглядит моложе. Кто угодно выглядел бы паршиво со всеми этими трубками и прочей дрянью. Сообразил, что Малыш Африка сбагрил его нам сюда с перепугу. Он сказал, что, если его придут искать, нужно подключить его к матрице.

– Зачем?

– Не знаю.

– Надо было спросить.

Он снова пожал плечами.

– Видела где-нибудь Пташку?

– Нет.

– Пора бы ему уже и вернуться… – Слик встал.

Пташка вернулся на закате, на мотоцикле Джентри. Темные крылья волос намокли от снега и мотались у него по плечам, пока он трясся через Пустошь. Слик поморщился: парень шел не на той передаче. Пташка поднимался по склону из расплющенных баков и нажал на тормоза как раз в тот момент, когда стоило дать газ. Черри охнула, увидев, как Пташка и мотоцикл распрощались друг с другом в воздухе. Мотоцикл на секунду завис, прежде чем, сделав сальто, рухнуть в нагромождение ржавых листов металла, составлявших когда-то одну из внешних построек Фабрики, а Пташка все катился и катился по зазубренному склону.

Почему-то грохота Слик так и не услышал. Он стоял рядом с Черри в укрытии на грузовой платформе без дверей, а потом – без всякого перехода – уже несся на разъезжающихся ногах по снегу. Пташка лежал на спине с окровавленными губами, рот закрыт путаницей шнурков и амулетов, которые он носил на шее.

– Не трогай его, – сказала Черри. – Может, сломаны ребра или внутри все отбито…

На звук ее голоса Пташка открыл глаза. Вытянул губы и сплюнул кровь и обломок зуба.

– Не шевелись, – сказала девушка, опускаясь рядом с ним на колени и переключаясь на не допускающий возражений тон, которому она выучилась в школе медтехов. – Возможно, ты ранен.

– Ч-черта с два, дамочка, – выдавил тот и с помощью Слика с трудом встал на ноги.

– Кровотечение, – сказала девушка. – Ладно, задница. Можно подумать, мне очень хочется тут с тобой возиться.

– Не достал, – сказал Пташка, размазывая по лицу кровь. – Фургон то есть.

– Это я вижу, – ответил Слик.

– Марви и ребята, они не одни, у них там целая компания. Слетелись, как мухи на навоз. Пара ховеров, вертолет… Все эти парни.

– Какие парни?

– Вроде вояк, но они не солдаты. Солдаты валяют дурака, ржут, когда начальство не смотрит. А эти не так.

– Копы?

Марви и двое его братьев выращивали мутировавшие псилоцибины в дюжине полузарытых в землю железнодорожных цистерн. Иногда они пытались варить примитивные амины, но их самопальная лаборатория то и дело взрывалась. Это были ближайшие, если так можно назвать, постоянные соседи Фабрики. В шести километрах.

– Копы? – Пташка выплюнул еще один кусок зуба и с ухмылкой пощупал десну окровавленным пальцем. – Да что Марви такого незаконного делают? И с каких это пор копы могут позволить себе столько барахла: новехонькие ховеры, новая «хонда»?… – Он хмыкнул сквозь пленку слюны и крови. – Я поболтался по Пустоши, поглядел на них в трубу. Они не из тех ребят, с кем мне хотелось бы потрепаться, тебе бы тоже не захотелось. Как по-твоему, я вконец раздолбал мотоцикл Джентри?

– За мотоцикл не беспокойся, – сказал Слик. – Я думаю, Джентри занят другим.

– Эт' хорошо… – Пташка поплелся по направлению к Фабрике, чуть не упал, но удержался и побрел дальше.

– Да он упоротый, – сказала Черри.

– Эй, Пташка, – окликнул Слик, – а что с тем пакетом, который я тебе дал для Марви?

Пташка качнулся, сделал еще шаг, потом с трудом обернулся к ним:

– Потерял.

Потом он исчез, свернув за угол из гофрированной стали.

– Может, они ему приглючились? – предположила Черри. – Я имею в виду тех парней. И вообще все, что он видел.

– Сомневаюсь, – ответил Слик, утягивая ее поглубже в тень, когда к Фабрике из зимних сумерек скользнула черная «хонда» с погашенными огнями.

Взбираясь по раскачивающимся лестницам, он слышал, как «хонда» совершает над Фабрикой уже пятый круг: каждый раз вибрировала и гремела железная крыша. Теперь-то, подумал Слик, Джентри должен понять, что у них гости. Шаткий подвесной мостик Слик одолел в десять широких осторожных шагов. Он уже начал сомневаться, удастся ли вообще спустить Графа с его носилками, не приварив дополнительную продольную штангу через пролет.

На залитый светом чердак он вошел без стука. Джентри сидел у верстака, склонив голову набок и глядя в широкое слуховое окно, заделанное прозрачным пластиком. На верстаке была свалена груда каких-то компьютерных деталей и мелких

инструментов.

– Вертолет, – сказал Слик, тяжело дыша после крутого подъема.

– Вертолет, – задумчиво кивнул Джентри; подпрыгнул хвост спутанных волос. – Похоже, они что-то ищут.

– Я думаю, они это только что нашли.

– Наверное, это «Ядерная комиссия».

– Пташка видел людей у дома Марви. Говорит, у них там был вертолет. Ты меня не слушал, когда я пытался тебе объяснить, что он сказал.

– Пташка? – Джентри опустил глаза на блестящие детальки на верстаке. Подобрал два фитинга и скрутил их вместе.

– Граф! Он сказал мне…

– Бобби Ньюмарк, – перебил его Джентри, – да-да. Теперь я знаю о Бобби Ньюмарке гораздо больше.

За спиной Слика в дверях появилась Черри.

– Тебе придется что-то сделать с мостиком, – сказала она, сразу же подходя к носилкам, – он слишком трясется. – И наклонилась проверить показания приборов.

– Подойди сюда, Слик. – Джентри встал и подошел к проекционному столу.

Слик последовал за ним, взглянул на светившееся там изображение. Оно напомнило ему ковры, которые он видел в сером доме, те же узоры и сочетания – только эти были сотканы из тончайших нитей неона и сплетались наподобие бесконечного узла. От попытки заглянуть в центр этого узла у Слика заболела голова. Он отвел взгляд.

– Что это? – спросил он Джентри. – То, что ты всегда искал?

– Нет. Я же тебе говорил. Это всего лишь узел, макроформ. Модель…

– У него там дом, похожий на замок, и трава, и деревья, и небо…

– У него гораздо больше всего. На целую вселенную больше. То, что ты видел, – конструкт, сработанный из коммерческого стима. А у него там – абстракция общей суммы всех данных, составляющих киберпространство. И все равно это намного ближе, чем мне удавалось подобраться раньше… Он не сказал тебе, что он там делает?

– Я не спрашивал.

– Тогда тебе придется сходить к нему еще раз.

– Эй, Джентри. Послушай. Этот вертолет, он вернется. Он вернется с двумя грузовиками парней, которые, как говорит Пташка, похожи на солдат. Они охотятся не за нами. Они пришли за ним.

– Может, это его люди. Может, они охотятся на нас.

– Да нет же. Он ведь мне сам говорил. Он сказал, что, если появится кто-то по его душу, мы по уши в дерьме и нам нужно подключить его к матрице.

Джентри опустил глаза на проводки, которые все еще держал в руке.

– Мы поговорим с ним, Слик. Ты возвращаешься – и на этот раз я иду с тобой.

29
Зимний путь [80]

Петал наконец дал согласие – но и то лишь после того, как Кумико предложила позвонить отцу и спросить разрешения у него. Петал с несчастным видом отправился шаркать шлепанцами в поисках Суэйна, а когда вернулся, вид у него не стал счастливее – ответом было «да». Закутанная в несколько слоев самой теплой своей одежды, она стояла в белом фойе, изучая литографии с охотничьими сценками, пока Петал за закрытыми дверьми инструктировал красномордого, которого, как выяснилось, звали Дик. Девочка не могла расслышать отдельных слов, до нее доносился лишь водопад предостережений вполголоса. Модуль «Маас-Неотек» лежал у нее в кармане, но она не спешила его касаться. Колин уже дважды принимался ее отговаривать.

Но вот лекция Петала закончилась, появился Дик. Его маленький жесткий рот был растянут в улыбке. Под тесный черный костюм он надел розовую кашемировую водолазку и тонкий овечьей шерсти жилет. Черные волосы плотно прилипали к черепу охранника, а бледные щеки затеняла успевшая отрасти щетина. Кумико легонько сжала в кармане модуль.

– Привет, – сказал Дик, оглядывая ее с ног до головы. – Так куда мы пойдем на прогулку?

– На Портобелло-роуд, – подсказал Колин, прислонившийся к стене возле загроможденной пальто вешалки.

Дик, протянув руку сквозь Колина, снял с плечиков пальто, надел его и застегнул. Затем натянул пару солидных черных кожаных перчаток.

– На Портобелло-роуд, – сказала Кумико, отпуская модуль.

– И давно вы работаете на мистера Суэйна? – спросила девочка, когда они шли по обледенелой подъездной дорожке.

– Достаточно давно, – ответил краснолицый. – Смотри не поскользнись, на таких-то каблучищах…

Кумико семенила на модных французских шпильках. Как она и предполагала, в этих сапогах было почти невозможно передвигаться по стеклянистой щербатой наледи тротуаров. Для равновесия она взяла охранника за руку, почувствовав под пальцами полосу металла поперек костяшек. Перчатки были утяжеленными, пальцы усилены поликарбоновой сеткой.

Дик всю дорогу молчал, пока они не свернули на боковую улицу в конце подъездной дорожки, но, когда они вышли на Портобелло-роуд, внезапно остановился.

– Простите, мисс, – сказал он с некоторой заминкой в голосе, – это правда, что говорят ребята?

– Ребята? Прошу прощения?

– Ну, суэйновские. Его постоянные кадры. Они говорят, что вы дочь большого человека, токийского бонзы.

– Простите, – сказала она, – я вас не понимаю.

– Янака. Ваша фамилия Янака?

– Да, Кумико Янака…

Дик уставился на нее с откровенным любопытством. Потом по его лицу прошла тень тревоги, и он осторожно и очень внимательно огляделся по сторонам.

– Господи, – вырвалось у него, – так, значит, это правда… – Все его приземистое тело напряглось под туго застегнутым пальто. – Шеф сказал, вы хотите пойти за покупками?

– Да, спасибо.

– Куда мне вас отвести?

– Сюда, – сказала она, уводя его в узкую галерею, основательно захламленную британским гоми.

Как выяснилось, экспедиции за покупками в Синдзюку сослужили ей хорошую службу и здесь. Приемы, которые она выдумывала, чтобы помучить секретарей отца, оказались вполне эффективными и на этой прогулке с Диком: бедолаге-охраннику пришлось включаться в бессмысленные дискуссии при выборе какого-нибудь эдвардианского медальона или фрагмента «старинного» витража. И каждый раз выходило так, что она покупала только вещи хрупкие, или тяжелые, или неудобные для переноски – и обязательно дорогие. Весело болтающая на двух языках продавщица любезно взяла у Кумико ее чип «Мицу-банка» и сняла за очередную покупку восемьдесят тысяч фунтов. Девочка потихоньку опустила руку в карман, где лежал модуль «Маас-Неотек».

– Очень изысканно, – сказала по-японски англичанка, упаковывая покупку – вазу из позолоченной бронзы, инкрустированную грифонами.

– Полный кошмар, – прокомментировал по-японски Колин. – К тому же подделка. – Он растянулся на очень викторианской с виду софе, набитой конским волосом, закинув ноги на коктейльную стойку в стиле ар-деко, поддерживаемую двумя несущимися в полете алюминиевыми ангелами.

Продавщица добавила вазу к поклаже Дика. Это был одиннадцатый по счету антикварный магазин и восьмая покупка японки.

– Думаю, тебе пора делать свой ход, – посоветовал Колин. – В

любую минуту Дик может позвонить в дом Суэйна и вызвать машину, чтобы забрали покупки.

– Хватит, наверное? – с надеждой спросил Дик из-за горы свертков.

– Еще один магазин, пожалуйста, – улыбнулась девочка.

– Хорошо, – мрачно ответил он.

Охранник замешкался, протискиваясь в дверь, а она тем временем загнала каблук в трещину на мостовой, которую приметила при входе.

– С вами все в порядке? – спросил он, увидев, что Кумико споткнулась.

– Я сломала каблук…

Проковыляв назад в магазин, девочка присела рядом с Колином на софу. Вокруг нее, желая помочь, засуетилась продавщица.

– Быстро снимай их, – посоветовал Колин, – пока Дик не положил покупки на мостовую.

Кумико расстегнула молнию на сапоге со сломанным каблуком, потом расстегнула на другом и сбросила оба. Вместо чулков грубого китайского шелка, какие она обычно носила зимой, ее ноги защищали тонкие черные каучуковые гольфы с жесткими пластиковыми подошвами. В дверях магазина она пригнулась и проскочила между расставленных ног Дика, но случайно толкнула его локтем в бедро, опрокинув охранника на витрину с гранеными хрустальными графинами.

И наконец Кумико свободна, продирается сквозь толпу туристов на Портобелло-роуд.

У нее очень замерзли ноги, но рубчатые пластиковые подметки давали великолепное сцепление – кроме как на льду, напомнила она себе, отряхивая с рук мокрый песок после того, как поскользнулась во второй раз. Колин отправил ее бегом по узкому проходу со стенами из закопченного кирпича…

Кумико крепче стиснула модуль.

– Теперь куда?

– Сюда, – сказал призрак.

– Мне нужно в «Розу и корону», – напомнила она ему.

– Прежде всего тебе нужно быть осторожной. На вызов Дикки сюда сейчас прибегут люди Суэйна, не говоря уже об охоте, какую способен объявить его дружок из Особого отдела, если его попросят. А я не вижу причины, почему бы его не попросить…

В «Розу и корону» девочка вошла через боковую дверь – с Колином у локтя, – оглянулась, испытывая благодарность за

уютный полумрак паба и окутавшее ее тепло, которые, казалось, составляли суть этих питейных нор. Ее поразило обилие обивки повсюду – на стенах, на сиденьях – и глушащих звуки занавесей. Будь ткани и краски хоть чуть-чуть менее выцветшими, сам эффект был бы наверняка не столь теплым. Маленькая японка решила, что пабы, пожалуй, наиболее полно отражают британское отношение к гоми.

Подгоняемая Колином, она протолкалась через толпу подвыпивших завсегдатаев у стойки бара в надежде отыскать Тика.

– Что тебе, дорогуша?

Подняв глаза, девочка увидела над собой широкое лицо блондинки за стойкой – пятно яркой помады, нарумяненные щеки.

– Прошу прощения, – начала Кумико, – мне бы хотелось поговорить с мистером Биваном…

– Мне пинту, Элис, – сказал кто-то справа, швыряя на стойку три десятифунтовые монеты, – лагера.

Элис нажала на белый керамический рычаг, наполняя кружку светлым пивом. Она поставила кружку на поцарапанную стойку и смахнула монеты в кассу.

– Тебя тут хотят на два слова, Биван, – сказала она, когда мужчина взялся за свою пинту.

Кумико взглянула вверх на плоское раскрасневшееся лицо. Верхняя губа у мужчины была слишком короткой, и Кумико почему-то вспомнились кролики, хотя Биван был очень массивным, почти с Петала. И глаза у него были кроличьи: круглые, коричневые, с очень узеньким ободком белка.

– Меня?

Акцент бармена заставил ее вспомнить о Тике.

– Скажи ему «да», – прошептал Колин. – Ему невдомек, почему маленькая японская девочка в гольфах явилась к нему в пивную.

– Я хочу найти Тика.

Биван равнодушно разглядывал ее поверх кружки.

– Извини, – сказал он, – боюсь, я не знаю никого с таким именем.

Он выпил.

– Салли сказала мне, что, если Тика здесь не будет, я должна разыскать вас. Салли Ширс…

Биван подавился пивом, выпучил глаза. Поставил кружку на стойку, закашлявшись, и вытащил из кармана пальто носовой платок. Сморкнулся и утер рот.

– Моя смена в пять, – сказал он. – Лучше пройдем в подсобку.

Элис подняла откидную панель, и Биван, быстро глянув через плечо, махнул Кумико ладонью-лопатой, чтобы проходила за стойку. Узкий коридорчик вел в тесное помещение за баром. Неровные кирпичные стены подсобки покрывал толстый слой грязно-зеленой краски. Биван остановился возле помятой стальной корзины с махровыми полотенцами, от которых воняло пивом.

– Если это какая-то подстава, девочка, ты об этом сильно пожалеешь, – процедил он. – Скажи мне, на что тебе сдался этот Тик?

– Салли в опасности. Мне нужно найти Тика. Я должна ему кое-что рассказать.

– Черт побери, – буркнул бармен. – Поставь себя на мое место…

Колин сморщил нос, посмотрев на сырые полотенца в корзине.

– Да? – спросила Кумико.

– Если ты наркополицай, а я отправлю тебя искать этого Тика, при условии, что я его знаю, а он как-нибудь отоврется, то он мне никакого житья не даст, так? А если нет, то есть еще эта Салли, тогда, промолчав, я огребу от нее, понимаешь?

Кумико кивнула:

– Между молотом и наковальней.

Эту идиому однажды употребила Салли, и Кумико находила ее очень поэтичной.

– Вот именно, – отозвался Биван, как-то странно посмотрев на девочку.

Он запустил руку в редеющие рыжеватые волосы.

– И все же ты мне поможешь, – услышала она свой голос, чувствуя, как со щелчком встает на место холодная маска матери. – Скажи мне, где найти Тика.

Бармен поежился, хотя в подсобке было тепло, даже слишком. К запаху пива примешивался едкий дух дезинфекции.

– Ты знаешь Лондон?

Колин подмигнул.

– Я найду дорогу, – ответила девочка.

– Биван, – окликнула Элис, высовываясь из-за угла, – легавые!

– Полиция, – перевел Колин.

– Маргейт-роуд, эс-вэ-два[81], – быстро проговорил Биван, – не знаю ни номера квартиры, ни телефона.

– Скажи ему, чтобы вывел тебя через черный ход, – сказал Колин. – Это не простые полицейские.

Кумико всегда будет помнить это бесконечное путешествие

по станциям городской подземки. Как Колин повел ее от «Розы и короны» к Холланд-парку и дальше вниз, объясняя по пути, что ее чип «Мицу-банка» теперь не просто бесполезен – опасен. Если она воспользуется им, чтобы заплатить в такси или за любую покупку, сказал призрак-гид, транзакция магниевой вспышкой полыхнет в решетке киберпространства, где ее тотчас увидит поисковик Особого отдела. Но ей нужен Тик, настаивала девочка, ей нужно на Маргейт-роуд. Колин нахмурился. Не сейчас, сказал он, подумав, подожди до темноты. До Брикстона недалеко, но улицы для тебя слишком опасны при дневном свете, учитывая то, что вся полиция на стороне Суэйна. Но где мне спрятаться, спросила она. У нее очень мало наличных; сама идея валюты – монет и клочков бумаги – казалась маленькой японке эксцентричной и непостижимо чужой.

– Здесь, – сказал он, когда лифт вез ее вниз на станцию «Холланд-парк». – И всего за стоимость одного билета.

Выпуклые серебристые силуэты поездов.

Мягкие старые сиденья в серо-зеленых тонах.

Тепло, восхитительное тепло. Еще одна нора, здесь, в царстве непрестанного движения…

30
Добыча

Аэропорт засосал нетвердо держащуюся на ногах Даниэллу Старк в коридор, вдоль пастельных стен которого жались репортеры. Объективы камер и глаза-имплантаты пялились из толпы на звезду, в то время как Порфир и трое парней из службы безопасности «Сенснета» увлекали Энджи за собой сквозь смыкающееся кольцо журналистов. Ритуальный балетный номер, целью которого было не столько защитить звезду, сколько привнести в ролики чуточку драматизма. Каждого присутствующего уже сто раз проверила служба безопасности и пиар-отдел.

Наедине с Порфиром она оказалась лишь в скоростном лифте – по пути к вертолетной площадке, которую «Сенснет» держал на крыше терминала.

Дрогнув, разошлись двери, и в кабину ворвался ветер, сырой и холодный. На ярко освещенном пятачке бетона их ждала очередная троица охранников в гигантских флюоресцентно-оранжевых парках. Энджи вспомнила, как впервые увидела Муравейник. Она тогда ехала с Тернером на поезде из Вашингтона.

Одна из оранжевых парок быстро провела их по безупречно чистой полосе бетона к большому двухвинтовому «фоккеру», отделанному черным хромом. Первым по паутинчатому матово-черному трапу поднялся Порфир. Энджи последовала за ним, ни разу не оглянувшись.

Она чувствовала, что созрела для решительных действий. Она свяжется с Гансом Беккером через его агента в Париже. Номер есть у Континьюити. Пришло время вмешаться и ускорить события. И ей придется серьезно поговорить с Робином. Он ведь ждет ее сейчас в том самом отеле.

Вертолет посоветовал пристегнуть ремни.

Машина плавно поднялась в воздух; в кабину не проникало ни звука, только чувствовалось, как вибрирует корпус. На какое-то мгновение Энджи показалось, что она способна удержать в сознании разом всю свою жизнь – распознать то, что она есть на самом деле. Именно эту суть, думала она, и скрывала пыль, именно потому сулила свободу от боли.

И расставание с душой, произнес из сияния свечей и гуда пчелиных ульев железный голос…

– Мисси? – С соседнего сиденья к ней наклонился Порфир…

– Мне снилось…

Много лет назад что-то, затаившись, поджидало ее в «Сенснете». Нечто иной природы, не той, что лоа, не той, что Легба и другие… хотя Легба – Хозяин Перекрестков; он – синтез, квинтэссенция магии, коммуникаций…

– Порфир, – спросила она, – почему уехал Бобби?

Она смотрела в окно на сеть светящихся линий – магистрали Муравейника, на купола, выхваченные из тьмы красными сигнальными огнями, но вместо города видела информационные ландшафты, которые всегда манили Бобби назад – к той единственной игре, в которую, по его словам, только и стоит играть.

– Если не знаешь ты, мисси, – отозвался Порфир, – то кто же тогда может знать?

– Но до тебя же доходят все разговоры. Все. Все слухи. Ты всегда все знал…

– Почему ты спрашиваешь меня сейчас?

– Время пришло…

– Я помню *сплетни*, понимаешь? То, что болтают за спинами знаменитостей. Некто, якобы знавший Бобби, что-то кому-то сказал, и пошло-поехало… О Бобби имело смысл посудачить, так как он был с тобой, понимаешь? Это неплохая отправная точка, мисси, поскольку мы же знаем, что его самого эта роль вряд ли устраивала. Что говорили: он, мол, хотел пробиться сам, а вместо признания нашел тебя, и ты стала подниматься куда выше и быстрее, чем он мог бы даже мечтать. Ты взяла его с собой *наверх*, понимаешь? Туда, где такие деньги, что даже не снились ему в его Барритауне, просто мелочь…

Не сводя глаз с Муравейника, Энджи кивнула.

– Поговаривали, что у него были свои амбиции, мисси. Что-то гнало его. И в результате прогнало прочь…

– Я никогда не думала, что он может меня бросить, – сказала она. – Когда я впервые оказалась в Муравейнике, это было как родиться заново. Новая жизнь. И он уже был в ней, с самой первой ночи. Позднее, когда Легба… когда я попала в «Сенснет»…

– Когда ты начала превращаться в Энджи.

– Да. И как бы это меня ни меняло, я знала, что он всегда будет рядом. Я знала, что он никогда не купится на эту мишуру. Мне так нужно было это его отношение к «Сенснету», понимаешь? Как он считал, что моя слава и все эти стимы – обычная афера…

– А при чем тут «Сенснет»?

– Скорее, дело в Энджи Митчелл. Он знал, в чем разница между мною и звездой симстима.

– Знал ли?

– Возможно, именно он и был этой разницей.

Далеко внизу проплывают светящиеся нити…

Старое здание «Нью-Судзуки-Энвой» было любимым отелем Энджи в Муравейнике – с самых первых дней ее пребывания в «Сенснете».

До одиннадцатого этажа вверх тянулся обычный фасад, потом он начинал сужаться, и следующие девять уступов походили на горный склон, сложенный из скальных пород. Породу извлекли при закладке фундамента нового здания на Мэдисон-Сквер. Первоначальный план требовал, чтобы этот отвесный ландшафт был засажен флорой долины Гудзона и населен соответствующей фауной. Но вскоре начали возводить первый манхэттенский купол, и пришлось вызвать команду экодизайнеров из Парижа. Французские экологи, привыкшие к «чистым» дизайнерским проблемам орбитальных комплексов, ужаснулись, столкнувшись с загрязненной атмосферой Муравейника. Они предпочли сделать ставку на генную инженерию, чтобы вывести искусственные штаммы растительности, и на робофауну вроде той, что используется в детских развлекательных парках. А постоянное покровительство Энджи со временем наделило отель особой аурой. «Сенснет» взял в долгосрочную аренду пять верхних этажей, оборудовав их под ее постоянные апартаменты, и «Нью-Судзуки-Энвой» приобрел запоздалую популярность среди артистов и деятелей шоу-бизнеса.

Энджи улыбнулась, когда вертолет прошел рядом с безучастным механическим горным бараном, делающим вид, что пережевывает лишайник возле подсвеченного водопада. Абсурдность этой сцены посреди Муравейника всегда ее радовала. Даже Бобби разделял ее радость.

Она перевела взгляд на вертолетную площадку на крыше здания, где недавно логотип «Сенснета» заново вывели яркой краской на постоянно подогреваемом и ярко освещенном бетоне. Возле скульптурного выступа скалы стояла одинокая фигура, почти неразличимая под огромной ярко-оранжевой паркой.

– Робин, наверное, уже здесь, как ты думаешь, Порфир?

– Миста Ланье, – кисло отозвался парикмахер.

Энджи вздохнула.

Черный хромированный «фоккер» мягко приземлился; в баре тихонько зазвенели бутылки, когда шасси коснулось бетона крыши. Дрожь мотора утихла.

– Порфир, что касается Робина, то первый шаг придется сделать мне. Я собираюсь поговорить с ним сегодня вечером. Наедине. А пока что будь так добр держаться от него подальше.

– Порфир только рад, мисси, – произнес парикмахер, когда за их спинами открылась дверца кабины.

И вдруг рванулся, дернул пряжку пристежного ремня, а Энджи, повернувшись, увидела в проеме оранжевую парку, поднятую руку, зеркальные очки. Шума от пистолета было не больше, чем от зажигалки, но Порфир конвульсивно дернулся, его длинная черная рука схватилась за горло. Охранник, задвинув за собой дверцу, бросился к Энджи.

Что-то твердое ткнулось ей в живот. Порфир, как тряпичная кукла, обмяк на сиденье, изо рта у него высунулся острый кончик розового языка. Непроизвольно она опустила глаза – всего-навсего черная хромированная пряжка пристежного ремня с налепленным на нее ромбом из зеленоватого пластика.

Потом взгляд Энджи уперся в белый овал лица, обрамленный оранжевым нейлоновым капюшоном. Энджи увидела собственное лицо – белое от шока, удвоенное серебром линз.

– Он что-нибудь пил сегодня?

– Что?

– Он. – Большой палец дернулся в сторону Порфира. – Он пил какой-нибудь алкоголь?

– Да… пару часов назад.

– Вот черт. – Голос был женский. Фигура повернулась к потерявшему сознание парикмахеру. – А я вкатила ему транквилизатор. Не хотелось бы подавить дыхательный рефлекс, знаешь ли. – (Энджи смотрела, как женщина щупает Порфиру пульс.) – Думаю, с ним все в порядке. – Кажется, женщина пожала плечами где-то в глубинах своей огромной парки.

– Охрана?

– Что? – Блеснули очки.

– Вы из службы безопасности «Сенснета»?

– Черт побери, нет. Это похищение.

– Вы меня похищаете?

– А то.

– Почему?

– Причина не самая очевидная. Кое-кто точит на тебя зуб. И на меня тоже. Предполагалось, что этим займусь я, то есть уволоку тебя на следующей неделе. Хрен им. Все равно мне надо с тобой поговорить.

– Вам? Поговорить со мной?

– Ты знаешь кого-нибудь по имени три-Джейн?

– Нет. То есть да, но…

– Побереги дыхание. Уносим ноги. Быстро.

– Порфир…

– Он скоро очнется. И мне бы не хотелось при этом

присутствовать…

31
З-Джейн

Если все это тоже находится в загородном доме Бобби, подумал Слик, открывая глаза посреди какого-то закругленного узкого коридора, то дом его – еще более странное место, чем ему показалось в первый раз. Воздух в проходе был плотный и словно бы мертвый. Светящаяся полоса зеленоватой стеклянной плитки на потолке создавала впечатление, будто бредешь глубоко под водой. Потолок и стены туннеля – из какого-то стекловидного бетона. По ощущению – тюрьма.

– Наверное, мы вышли в подвал или в какое другое подобное помещение, – сказал он, обратив внимание на слабое эхо от своих слов.

– Не вижу причины, почему мы должны были попасть в тот же самый конструкт, который ты видел раньше, – возразил Джентри.

– Тогда что это? – Слик тронул бетонную стену, та была теплой на ощупь.

– Какая разница, – отозвался Джентри.

Не оглядываясь по сторонам, Джентри зашагал вперед. За поворотом пол превратился в неровную мозаику из битого фарфора – осколки были вплавлены во что-то, похожее на эпоксидку, скользкую под подошвами.

– Взгляни на это…

Тысячи различных узоров, и все из осколков, и никакого общего замысла – яркие кусочки подобраны наобум, по чистой случайности.

– Искусство. – Джентри пожал плечами. – Чье-то хобби. Кому, как не тебе, это оценить, Слик Генри.

Кто бы ни были эти дизайнеры, о стенах они не побеспокоились. Слик присел, чтобы провести пальцами по мозаике пола, почувствовал зазубренные края битой керамики, гладкий твердый пластик между ними.

– Хобби? Что ты имеешь в виду?

– Это вроде тех штук, которые делаешь ты, Слик. Эти твои игрушки из металлолома… – Губы Джентри опять вытянулись в напряженную, сумасшедшую усмешку.

– Много ты понимаешь! – огрызнулся Слик. – Угробил свою дурацкую жизнь, чтобы сообразить, какая форма у этого твоего киберпространства, а у него, может, и формы-то никакой нет. И потом, кому до этого дело?

Ничем случайным ни в Судье, ни в остальных и не пахло.

Процесс был случаен, но результаты должны были отвечать внутренней боли, которую он не мог выказать напрямую.

– Да ладно тебе, – пожал плечами Джентри. – Пошли.

Но Слик не двинулся с места, лишь поднял глаза, увидел напряженное лицо. Бледные, тусклые глаза в этом призрачном свете казались серыми. И почему он вообще терпит Джентри?

Потому что на Пустоши нельзя прожить одному. Плевать на электричество. Вся эта хозяйственная рутина, в сущности, дребедень. Просто нужен кто-то рядом. С Пташкой не поговоришь: парнишку вообще мало что интересует, а кроме того, все, что он мелет, сплошь захолустная чушь. И пусть Джентри ни за что этого не признает, Слик чувствовал, что тот понимает многое.

– Ладно, – сказал Слик, вставая, – пошли.

Туннель скручивался, завивался кишками. Участок с мозаичным полом остался позади, за бог знает сколькими поворотами и спусками-подъемами по коротким винтовым лестницам. Слик все пытался представить себе, как выглядит снаружи здание, у которого такие подвалы, и не мог. Джентри шагал быстро, не переставая щуриться и покусывая губу. Слику казалось, что воздух становится все более спертым.

Поднявшись по еще одной лестнице, они вышли на прямой отрезок коридора, сходящегося вдали в точку, причем и справа, и слева. Коридор был шире предыдущих участков с поворотами, и пол здесь был бугристым и мягким от множества небольших мохнатых ковриков, слоями разложенных на бетоне. Каждый коврик имел собственный узор и расцветку – в основном красных и синих тонов, – но, если вглядеться, все орнаменты состояли из одних и тех же зубчатых ромбов и треугольников. Запах пыли стоял здесь гуще, и Слик решил, что это от ковров: они выглядели совсем ветхими. Те, что лежали наверху и поближе к центру, местами были протерты до дыр. Тропа. Будто кто-то годами ходил здесь туда-сюда. Одни секции световых полос над головой были совсем темными, другие слабо пульсировали.

– Куда теперь? – спросил он Джентри.

Тот смотрел себе под ноги, теребя большим и указательным пальцем пухлую губу.

– Туда.

– С чего ты взял?

– Потому что это совершенно не важно.

От хождения по коврам у Слика устали ноги. Приходилось следить за тем, чтобы не споткнуться, попав носком в протертую кем-то дыру. Однажды он наступил на стеклянную плитку,

отвалившуюся от полосы освещения. Через равные промежутки им попадались участки стен с забетонированными арками. Они выделялись своей более светлой фактурой.

– Джентри, мы, наверное, где-нибудь под землей. В каком-то подвале.

Но Джентри лишь поднял руку, так что Слик ткнулся в нее, и оба они замерли, уставившись на девушку, стоящую за ковровыми волнами в конце коридора. Видение было не далее чем в десятке метров от них.

Она сказала что-то на языке, который Слик принял за французский. Голос был звонким и музыкальным, но тон – деловым. Девушка улыбнулась. Спутанные темные волосы только усиливали ее неестественную бледность. Красивое лицо с высокими скулами, тонкий длинный нос, широкий рот.

Слик почувствовал, как у его груди дрожит рука Джентри.

– Все в порядке, – сказал он, отводя руку ковбоя. – Мы просто ищем Бобби.

– Все ищут Бобби, – ответила незнакомка с акцентом, которого Слик не смог распознать. – Я сама его ищу. Его тело. Вы не видели его тела? – Она сделала шаг назад, будто собираясь убежать.

– Мы не сделаем тебе ничего плохого, – сказал Слик, внезапно ощутив собственный запах, идущий от въевшейся в джинсы и коричневую куртку смазки. И Джентри, если подумать, выглядел не очень-то успокаивающе.

– Пожалуй, нет, – сказала она; в тусклом свете блеснули белые зубы. – Но опять же, я не уверена, что вы оба мне нравитесь.

Слику очень хотелось, чтобы Джентри сказал хоть что-нибудь, но тот молчал.

– Ты знаешь его… Бобби? – рискнул он.

– Он настоящий умница. Необычайно умен. Хотя не могу сказать, что он мне действительно нравится. – Ее черный свободный балахон свисал до колен. Девушка была босиком. – Тем не менее мне нужно… его тело. – Она рассмеялась.

изменилось.

– Соку? – спросил Бобби Граф, протягивая высокий стакан с чем-то желтым.

В воде бирюзового озерца отражались солнечные зайчики, мечущиеся по пальмовым листьям над головой. На Бобби не было никакой одежды, если не считать темных очков.

– Что с твоим другом? – спросил он.

– Ничего особенного, – услышал Слик голос Джентри. – Он отсидел срок на искусственном синдроме Корсакова. Такие переходы пугают его до чертиков.

Слик неподвижно лежал в белом железном шезлонге с синими подушками, чувствуя, как сквозь промасленные джинсы припекает солнце.

– Ты тот, про кого он говорил? – спросил Бобби. – Тебя зовут Джентли? Владелец фабрики?

– Джентри.

– Ты ковбой. – Бобби улыбнулся. – Компьютерный жокей. Спец по киберпространству.

– Нет.

Бобби потер подбородок:

– Знаешь, мне тут бриться приходится. Порезался, теперь вот шрам… – Он отпил полстакана сока и вытер ладонью рот. – Так ты не ковбой? А как же ты тогда сюда попал?

Джентри расстегнул расшитую бисером кожанку, обнажив белую как мел, безволосую грудь.

– Сделай что-нибудь с солнцем, – сказал он.

Сумерки. Вот так. Даже никакого щелчка. Слик услышал собственный стон. В пальмах за выбеленной стеной шуршали насекомые. На ребрах остывал пот.

– Прости, приятель, – сказал Бобби Слику. – Твой синдром Корсакова, должно быть, очень неприятная штука. Но это место просто прекрасно. Недалеко от Вальярты[82]. Принадлежало когда-то Тэлли Ишем… – Тут он снова повернулся к Джентри. – Если ты не ковбой, приятель, то кто же ты?

– Я такой же, как ты, – сказал Джентри.

– Я ковбой.

Над головой Бобби вверх по стене наискось проскользнула ящерица.

– Нет. Ты здесь не для того, чтобы что-то украсть, Ньюмарк.

– Откуда ты знаешь?

– Ты здесь, чтобы кое-что узнать.

– Это одно и то же.

– Нет. Когда-то ты был ковбоем, но теперь стал кем-то другим. Ты кое-что ищешь, однако красть это не у кого. Я тоже это ищу.

И Джентри начал ему объяснять про Образ. Резные тени пальм уже сгустились в мексиканскую ночь, а Бобби сидел и слушал.

Когда Джентри закончил, Бобби долго молчал.

– М-да, – протянул он через некоторое время. – Ты прав. Себе-то я говорю, что пытаюсь выяснить, как произошла Перемена. Что ее вызвало.

– А до нее, – подхватил Джентри, – киберпространство не имело Образа.

– Эй, – вмешался Слик, – до того как попасть сюда, мы побывали где-то еще. Что это было?

– «Блуждающий огонек», – сказал Бобби. – На верху колодца. На орбите.

– Кто та девушка?

– Девушка?

– Темноволосая, худощавая.

– А, эта, – донесся из темноты голос Бобби, – это три-Джейн. Вы ее видели?

– Странная она, – сказал Слик.

– Она мертвая, – сказал Бобби. – Вы видели ее конструкт. Растранжирила все состояние своей семьи, чтобы построить эту штуку.

– Ты… э-э… живешь с ней? Здесь.

– Она терпеть меня не может. Видишь ли, я это все украл. Увел ее «ловца душ». Когда я рванул в Мексику, она уже успела загрузить в «алеф» свой конструкт, так что она была тут раньше. Закавыка в том, что она умерла. Я хочу сказать, во внешнем мире умерла. А тем временем все ее дерьмо там, снаружи, все ее аферы, махинации живут себе поживают. Ими заправляют ее адвокаты, шестерки всякие… – Он усмехнулся. – Ух как это ее бесит. Люди, которые рвутся на вашу фабрику, чтобы забрать «алеф», работают на подставное лицо, а то – на тех, кого она наняла еще на Побережье. Но да, мне случалось заключать с ней сделки, мы кое-чем обменивались. Психованная она или нет, но ей палец в рот не клади…

Даже никакого щелчка.

Сперва Слик решил, что они вернулись в тот серый дом, где

он встретил Бобби впервые, но эта комната была меньше, и ковры и мебель отличались от тех, правда, он не мог сказать чем. Богато, но без показного блеска. Тишина. На длинном деревянном столе горела лампа под зеленым стеклянным абажуром.

Высокие окна с выкрашенными белой краской рамами разделяют белизну за окнами на равные прямоугольники, и белизна эта, наверное, снег… Он стоял, касаясь щекой мягкой шторы, глядя в обнесенную каменной оградой снежную пустоту.

– Лондон, – говорил тем временем Бобби. – Ей пришлось отдать мне это в обмен за серьезную вуду-хрень. Думаю, они не захотели иметь с ней никаких дел. Много ей это, черт побери, дало! А вот они стали как-то блекнуть, расплываться, что ли. Иногда их еще можно вызвать, но отдельные личности сливаются…

– Все сходится, – сказал Джентри. – Они вышли из первопричины, из того, «Когда Все Изменилось». До этого ты уже додумался. Но ты еще не знаешь, что именно там произошло, так?

– Нет. Знаю только где. В «Блуждающем огоньке». Она рассказала мне эту часть истории. Думаю, это все, что она знает. На самом деле ей на это плевать. Ее мать создала парочку ИскИнов, очень давно, когда они только-только начали появляться. Судя по всему, мощные были штуки. Потом мать умерла, а ИскИны остались вариться в собственном соку. Один из них затеял собственную игру. Хотел слиться со вторым…

– Слился. Вот тебе первая причина. Все изменилось.

– Так просто? Откуда ты знаешь?

– Потому что я шел к этому с другой стороны, – сказал Джентри. – Ты занимался причиной и следствием, а я искал контуры, образы во времени. Ты обшарил всю матрицу внутри, а я рассматривал ее снаружи как единое целое. Я знаю то, чего не знаешь ты.

Бобби не ответил. Слик отвернулся от окна и увидел девушку, ту самую. Она стояла у противоположной стены наискосок от него. Просто стояла.

– Дело не в одних лишь тессье-эшпуловских ИскИнах, – продолжал Джентри. – На верх колодца поднялись люди, чтобы взломать базы данных «Т-Э». У них был китайский военный ледоруб.

– Кейс, – вставил Бобби. – Парень по имени Кейс. Эту часть я знаю. Синергический эффект…

Слик наблюдал за девушкой.

– И сумма оказалась больше слагаемых? – Судя по всему,

Джентри действительно наслаждался разговором. – Кибернетический бог? По воде аки посуху?

– Ага, – сказал Бобби. – Вроде того.

– Все, пожалуй, несколько сложнее, – сказал Джентри и рассмеялся.

А девушка исчезла. Никакого щелчка.

Слик вздрогнул.

32
Зимний путь (2)

Ночь спустилась, когда вечерняя толчея достигла своего пика, но все равно это было не похоже на Токио – никаких тебе толкателей-осия, чья работа была вклинивать в набитый вагон запоздалых пассажиров перед самым закрытием дверей. Стоя на ветреной платформе Центральной линии, Кумико задумчиво изучала опускающуюся на город розовую дымку заката. Колин прислонился к сломанному торговому автомату с рядом пыльных, в трещинах, окошек.

– Теперь пора, – сказал он, – и на станциях «Бонд-стрит» и «Оксфорд-Серкус» держись скромнее и старайся опускать голову.

– Но мне же придется заплатить на выходе?

– Есть способы и отвертеться, – сказал он, отбрасывая челку со лба.

Девочка направилась к лестницам, не спрашивая его больше, как добраться до противоположной платформы. Ноги у нее снова замерзли, и она не могла удержаться от мыслей о меховых ботинках, которые остались стоять в шкафу в ее комнате в доме Суэйна. Она решилась на сочетание каучуковых гольфов на жесткой подметке и французских сапожек на высоком каблуке, чтобы усыпить бдительность Дика – пусть даже не думает, будто она способна бежать. Но теперь с каждым укусом холода она об этом жалела.

Проходя по туннелю к соседней платформе, Кумико разжала руку на модуле – Колин мигнул и исчез. Стены туннеля покрывала истертая белая керамическая плитка с декоративной полосой зелени. Девочка вынула руку из кармана, и на ходу вела пальцами по зеленым квадратам, думая о Салли и Финне и о том, что зима в Муравейнике пахнет иначе, как вдруг дорогу ей ловко заступил первый Дракула. В мгновение ока она оказалась в тесном кольце – четыре черных дождевика, четыре обтянутых кожей мертвенно-бледных черепа.

– О! – проговорил первый. – Какая встреча.

Они смотрели друг на друга в упор – Кумико и Дракула. От него несло табаком. Мимо них текла своей дорогой вечерняя толпа, укутанная в основном в темную шерсть.

– Надо же, – протянул голос справа. – А это еще что такое?

Рука в черной перчатке из потрескавшейся кожи поворачивала у нее перед носом модуль «Маас-Неотек».

– Модная зажигалка, а? Пощупаем япошку?

Рука Кумико непроизвольно скользнула в карман, прошла его насквозь – сквозь бритвенный разрез – и схватила воздух. Паренек захихикал.

– Денежки у нее в сумке, – сказал другой. – Помоги-ка ей, Рег.

Взмах рукой, и кожаный ремешок сумочки оказался перерезанным надвое.

Первый Дракула подхватил сумку, с ловкостью профессионала обернул вокруг нее болтающиеся концы ремешка и засунул себе за пазуху.

– Вот так-то!

– Эге, да они у нее в штанцах!

Смех – это она зашарила под несколькими слоями свитеров. Живот резануло болью, когда она обеими руками рывком высвободила примотанный изолентой пистолет – и ткнула дулом в щеку того, кто держал модуль.

Ничего не произошло.

И тут остальные трое стремглав рванули к лестнице в дальнем конце туннеля, ботинки с высокой шнуровкой разъезжались на талом снегу; длинные плащи крыльями бились на ветру. Вскрикнула какая-то женщина.

А они так и стояли, застыв на месте, – Кумико и Дракула; дуло пистолета прижималось к левой скуле мальчишки. От напряжения у Кумико начали дрожать руки.

Девочка смотрела ему прямо в глаза; карие зрачки Дракулы расширились от древнего примитивного страха. На лице ее была маска матери. Что-то ударилось у ног о бетон: модуль Колина.

– Бегом! – сказала она.

Дракула конвульсивно дернулся, открыл рот, издал приглушенный всхлип и вывернулся из-под пистолетного дула.

Опустив глаза, Кумико увидела модуль «Маас-Неотек» в лужице серой талой воды. Рядом лежал чистый серебристый треугольник бритвы. Нагнувшись за модулем, девочка увидела, что его корпус треснул. Она вытрясла жижу из трещины и изо всех сил сжала модуль в руке. Туннель теперь будто вымер, кругом – ни души. Колина тоже не было. Огромный пневматический «вальтер» Суэйна оттягивал руку.

Подойдя к урне, Кумико спрятала пистолет между жирной пленкой пищевой упаковки и аккуратным свертком ньюсфакса. Уже собралась уходить, но потом повернулась и забрала факс.

Вверх по ступенькам.

Кто-то на платформе указал на нее пальцем, но тут с древним грохотом подкатил поезд, и двери за ней сомкнулись.

Она следовала инструкциям Колина – «Уайт-Сити», «Шепердс-Буш», «Холланд-парк»; спрятала лицо в факс, когда

поезд замедлял ход перед «Ноттинг-Хиллом» (король, который был очень стар, уже умирал), и держала комок перед собой всю «Бонд-стрит». На станции «Оксфорд-Серкус» царило настоящее столпотворение. Она была благодарна толпе за укрытие.

Колин говорил, что со станции можно выйти бесплатно. После некоторого раздумья она решила, что так оно, вероятно, и есть: требуются лишь скорость и подходящий момент. Впрочем, другого выбора у нее и не было: сумочка с чипом «Мицу-банка» и несколькими английскими монетами исчезла вместе с Джеками Дракулами. Десять минут Кумико наблюдала за тем, как пассажиры скармливают автоматическим турникетам желтые пластиковые билеты, потом глубоко вдохнула и побежала. Вверх по ступенькам, прыжок, сзади крики и громкий смех, и снова все вверх и вверх.

Когда она добежала до выхода, перед ней раскинулась Брикстон-роуд – похожая на Синдзюку, только обветшалую, запруженная лотками с дымящейся едой.

33
Звезда

Она ждала в машине, и ей это не нравилось. Мона никогда не любила ждать, а принятый магик делал ожидание просто невыносимым. Ей приходилось постоянно напоминать себе не скрипеть зубами, поскольку, что бы там ни сотворил с ними Джеральд, десны все равно болели. Да что говорить, болело все тело. Пожалуй, магик – это была не слишком удачная мысль.

Машина принадлежала Молли, так Джеральд назвал эту женщину. Самая обычная серая японская тачка, как у какого-нибудь пиджака, довольно симпатичная, но ничего особенного, в глаза не бросается. Внутри – запах новой вещи, а на трассе, когда они выбрались из Балтиморы, машина оказалась действительно быстрой. В ней был встроенный компьютер, но женщина всю обратную дорогу до Муравейника вела сама, а теперь машина стояла припаркованной на крыше двадцатиэтажной автостоянки. Судя по всему, стоянка находилась где-то неподалеку от отеля, куда ее привез Прайор, потому что отсюда Моне было видно то сумасшедшее здание, прикинутое под горный склон с водопадом. Машин тут было немного, да и те припорошены снегом, как будто давно так стоят. Если не считать двух парней в будке при въезде – вокруг ни души.

Ну вот, приехали: столько людей, центр самого большого в мире города – а она сидит на заднем сиденье тачки одна-одинешенька. Сказано ждать.

По дороге из Балтиморы женщина говорила мало, только время от времени задавала вопросы. Но магик не давал Моне покоя, заставляя болтать без умолку. Она болтала и болтала – о Кливленде и Флориде, об Эдди и Прайоре.

А потом они заехали сюда наверх и остановились.

Этой Молли нет уже с час, а может, и больше. Чемодан она забрала с собой. Единственное, чего смогла добиться от нее Мона, так это что с Джеральдом Молли давно знакома, а Прайор ничего об этом не знал.

В салоне делалось все холоднее, поэтому Мона перебралась на переднее сиденье и включила обогреватель. Просто прикрутить его и оставить работать вполсилы нельзя, потому что это посадит аккумулятор; Молли сказала, что, если такое произойдет, они окажутся по уши в дерьме.

– Потому что, когда я вернусь, мы по-быстрому отчалим.

Потом она показала Моне, где под водительским сиденьем

лежит спальник.

До отказа выкрутив обогреватель, Мона подставила руки под струю теплого воздуха. Поиграла переключателями маленького экрана на приборной доске, замелькали новости. Король Англии болен – еще бы, в его-то годы. В Сингапуре новое заболевание; никто от него не умер, но пока неизвестно, как оно передается и как лечится. Поговаривают о заварушке в Японии: мол, ребята из двух группировок якудза стараются переубивать друг друга, но никто ничего не знает наверняка. Якудза – вот о чем любил потрепаться Эдди. Потом распахнулись двери, и под руку с потрясающим черным парнем вышла Энджи, а голос за кадром говорил, что это прямая трансляция, что звезда только что прибыла в Муравейник после кратких каникул в своем доме в Малибу, последовавших за лечением в частной наркологической клинике…

В этой огромной шубе Энджи выглядела умереть и не встать, но тут ролик закончился.

Вспомнив, что сделал Джеральд, Мона коснулась своего лица.

Она выключила телевизор, потом обогреватель и снова перебралась назад. Протерла уголком спальника стекло, запотевшее от ее дыхания. Посмотрела на здание с горным склоном, на море огней за провисающими цепями ограждения по краю стоянки. Похоже, там – целая страна, может, Колорадо или еще что-то, как в том стиме, где Энджи отправилась в Аспен и встретила одного парнишку, только потом, как почти всегда, появился Робин.

Вот чего ей никак не понять, так это разговоров о клинике. Бармен говорил, Энджи поехала туда, потому что подсела на какое-то дерьмо, а теперь она только что слышала, как то же самое говорил мужик в новостях, так что, видимо, это правда. Но зачем таким людям, как Энджи, с такой жизнью, как у нее, с таким любовником, как Робин Ланье, им-то зачем наркотики?

Глядя на далекое здание, Мона покачала головой, радуясь тому, что сама она ни на чем таком не сидит.

Потом она, наверное, на минуточку задремала, задумавшись о Ланетте, потому что, когда она снова выглянула в окно, над гористым зданием уже завис большой вертолет – черный и блестящий. Классно, действительно как в большом городе.

Она знала в Кливленде пару девчонок из крутых, с которыми никто не связывался, но Молли – совсем другое. Вспомнить только, как Прайор прошиб собой дверь, как он потом вопил… Интересно, а в чем, собственно, он тогда признался, Мона же слышала, как он говорил, и Молли больше его не мучила. Они оставили Прайора привязанным к хирургическому креслу, и Мона

тогда еще спросила у Молли, как она думает, сможет ли он освободиться? Или сможет, ответила та, или кто-то его найдет, или он сдохнет от жажды.

Вертолет опустился ниже, исчез. Большой был, с вертящимися штуками на обоих концах.

А она сидит тут и ждет и, черт побери, понятия не имеет, что же ей делать дальше.

Ланетта кое-чему ее научила: иногда стоит составить как бы перечень своих активов. Активы – это то, что тебе на руку, а об остальном можно просто забыть. Ладно. Она выбралась из Флориды. Она – на Манхэттене. Она похожа на Энджи… Тут Мона запнулась. Актив ли это? Хорошо, скажем иначе: ей повезло воспользоваться услугами бесплатной косметической хирургии, и теперь у нее просто великолепные зубы. Во всяком случае, если взглянуть с такой стороны, все не так уж и плохо. Вспомни о мухах в сквоте. Да уж. Если потратить оставшиеся деньги на стрижку и макияж, можно соорудить что-нибудь, чтобы ее сходство с Энджи не так бросалось в глаза. Вот это, пожалуй, неплохая идея, потому что вдруг кто-то ее ищет?

И снова вертолет. Теперь поднимается.

Эй, да что же это!

Кварталах, может быть, в двух и пятьюдесятью этажами выше нос машины развернулся в ее направлении, нырнул… Нет, это все магик. Вертолет качнулся из стороны в сторону, пошел на снижение… Глюки, это все не взаправду. Прямо вниз. К ней. Увеличивается и увеличивается. Прямо к ней. Но это же магик, правда? Тут жуткая машина исчезла, скрылась за другим зданием. Глюки, конечно, глюки…

Вертолет выплыл из-за угла. Теперь он был лишь на пять этажей выше стоянки и все снижался, и это был вовсе не магик. Черная громадина зависла прямо над головой, вот вырывается узкий белый луч, нащупывает серую машину. И Мона, рванув замок дверцы, выкатилась на снег, стараясь остаться в тени машины, а вокруг нее – гул лопастей, вой моторов. Прайор или тот, на кого он работал… Они пришли за ней. Тут прожектор погас, звук лопастей изменился, и вертолет быстро, слишком быстро пошел на посадку. Подпрыгнул на выпущенных шасси. Снова ударился о землю. С кашлем выбросив синее пламя, заглохли моторы.

Мона на четвереньках застыла у заднего бампера – поскользнулась, когда пыталась встать на ноги.

Раздался резкий хлопок, похожий на пистолетный выстрел, и квадратный кусок вертолетной обшивки отскочил и лег на посыпанный солью бетон стоянки. Выскочил яркий оранжевый

желоб пятиметрового аварийного трапа, вздулся, как детская пляжная игрушка. Мона осторожно поднялась на ноги, держась за крыло серой машины. Темная закутанная фигура перебросила ноги через борт желоба и сидя скатилась вниз – совсем как ребенок на детской площадке. За ней – вторая, в огромной куртке под цвет желоба, голова в капюшоне.

Мона вздрогнула, когда та, в оранжевом, повела другую по крыше, прочь от черного вертолета. Это была… Но как же?!

– Садитесь назад, обе, – приказала Молли, открывая дверцу со стороны водителя.

– Это ты, – выдавила Мона, глядя в самое знаменитое лицо в мире.

– Да, – отозвалась Энджи, не отрывая глаз от лица Моны. – Это… кажется…

– Пошевеливайтесь, – сказала Молли, положив руку на плечо звезды. – Забирайся внутрь. Твой марсианский негритос уже просыпается.

Она оглянулась на вертолет. С погашенными огнями он казался детской игрушкой, будто ребенок-великан поставил ее здесь и забыл…

– Да уж хотелось бы надеяться, – сказала Энджи, забираясь на заднее сиденье.

– И ты, золотко, – сказала Молли, подталкивая Мону к открытой дверце.

– Но… Я хочу сказать…

– Пошевеливайся!

Мона забралась внутрь, чувствуя запах духов Энджи, скользнув запястьем по ее сверхъестественно мягкой огромной шубе.

– Я тебя видела, – услышала она свой собственный голос, – в новостях.

Энджи промолчала.

Молли скользнула на место водителя, захлопнула дверцу, тихонько запел мотор. Оранжевый капюшон плотно затянут, лицо – как белая маска с пустыми серебристыми глазами. Тут они покатили под навес к пандусу, вписываясь в первый поворот. И так пять уровней вниз по узкой спирали, а потом Молли завернула в проход меж рядами огромных дальнобойных грузовиков под тусклыми диагоналями осветительных полос.

– Парашюты-крылья, – сказала Молли. – Ты когда-нибудь видела что-то такое наверху на «Энвое»?

– Нет, – ответила Энджи.

– Если у службы безопасности «Сенснета» это есть, они, возможно, уже внизу…

Она завела машину за огромный, похожий на вагон ховер, белый, с выведенными через всю заднюю дверь квадратными синими буквами названия.

– Что там написано? – спросила Мона и тут же почувствовала, что краснеет.

– «Китайские катоды», – сказала Энджи.

Моне показалось, что это название она раньше уже где-то слышала.

Молли вышла из машины и теперь открывала огромные двери ховера. Скинула вниз желтые пластиковые сходни.

Потом она вернулась в машину. Взревел мотор, и они въехали прямо в кузов ховера. Сорвав с головы оранжевый капюшон, Молли встряхнула головой, высвобождая волосы.

– Мона, ты как, сможешь выбраться отсюда и втянуть сходни обратно? Они не тяжелые.

Звучало это не как вопрос.

Они были действительно не тяжелые. Мона втянула сходни и помогла Молли закрыть двери.

Она кожей чувствовала в темноте присутствие Энджи.

Это и вправду была Энджи.

– В кабину. Пристегивайтесь. А теперь держитесь.

Энджи. Она сидит рядом с Энджи.

Потом шипение – это Молли подала воздух в воздушную подушку, и их вновь понесло вниз по спиральному пандусу.

– Твой друг уже очнулся, – сказала Молли, – но пока не способен двигаться. Еще четверть часа.

Она снова съехала с пандуса на очередной уровень – Мона уже потеряла счет этажам. Этот был набит модными тачками, маленькими. Ховер пронесся по центральному проходу и свернул налево.

– Тебе очень повезет, если он не ждет нас внизу, – сказала Энджи.

Молли затормозила в десяти метрах от больших металлических ворот, разрисованных диагональными желтыми и черными полосами.

– Нет, – ответила она, вынимая из бардачка маленькую синюю коробочку, – это ему повезло, если он не ждет нас снаружи.

Оранжевая вспышка и грохот: Моне будто хорошим хуком справа ударило в диафрагму. Ворота сорвало с петель. В облаке дыма створка ворот вывалилась на мокрую мостовую, и вот они уже проскочили над ней, свернули. Ховер набирал скорость.

– Ужасно грубо, не так ли? – спросила Энджи и по-настоящему рассмеялась.

– Знаю, – ответила Молли, сосредоточившись на дороге. – Иногда иначе никак. Мона, расскажи ей о Прайоре. О Прайоре и о твоем приятеле. То, что ты рассказывала мне.

Никогда в жизни Мона не испытывала подобной робости.

– Пожалуйста, – сказала Энджи, – расскажи мне, Мона.

Вот так. Ее имя. Энджи Митчелл наяву произнесла ее имя. Обратилась к ней. Прямо тут.

От этого хотелось упасть в обморок.

34
Маргейт-роуд

– Похоже, ты потерялась, – сказал по-японски продавец лапши.

Кумико решила, что он кореец. У отца были партнеры-корейцы; они занимались строительным бизнесом, так говорила мать. Как и этот, они обычно были крупными мужчинами, почти таких же габаритов, как Петал, с широкими серьезными лицами.

– И кажется, очень замерзла, – продолжал кореец.

– Я ищу одного человека, – устало сказала Кумико. – Он живет на Маргейт-роуд.

– Где это?

– Не знаю.

– Зайди, – предложил торговец, обведя жестом конец стойки; его палатка была собрана из щитов розового рифленого пластика.

Кумико прошла между плакатом с рекламой лапши и стендом, рекламировавшим какое-то «роти»[83] – это слово было составлено из окрашенных в бредовые цвета букв, словно бы набрызганных из аэрозольного баллончика; с них как будто стекали флюоресцентные капли. От прилавка пахло специями и тушеным мясом. Холод кусал за ноги, щипал уши.

Пригнувшись, Кумико скользнула под запотевший от пара кусок полиэтилена. В самой палатке оказалось очень тесно; приземистые синие баллоны с бутаном, три плитки, заставленные высокими кастрюлями, пластиковые мешки сухой лапши, стопки пластиковых мисок – среди всего этого двигался громадный кореец, приглядывая за своими кастрюлями.

– Садись, – сказал он.

Когда девочка присела на желтую пластмассовую емкость с глутаматом натрия, голова ее оказалась ниже прилавка.

– Ты японка?

– Да, – ответила она.

– Из Токио?

Кумико помедлила.

– Одежда такая, – пояснил кореец, потом спросил, кивая на ее ноги: – Почему ты ходишь в этом зимой? Такая теперь в Токио мода?

– Я потеряла сапоги.

Он протянул ей пластиковые миску и палочки; в прозрачном желтом бульоне плавали слипшиеся комки лапши. Девочка жадно ела, потом выпила бульон. Кумико смотрела, как кореец

обслуживает африканку, которая забрала лапшу с собой в собственной посудине с крышкой.

– Маргейт, – задумчиво повторил торговец, когда женщина ушла.

Вынув из-под прилавка книгу в бумажном, с жирными пятнами переплете, он начал ее листать, слюнявя большой палец.

– Вот, – сказал он наконец, ткнув пальцем в карту с невероятно мелким масштабом. – Отсюда по Экр-лейн.

Порывшись под прилавком, он нашел синий фломастер и начертил маршрут на грубой серой салфетке.

– Спасибо, – сказала Кумико, – мне пора идти.

Пока она двигалась в сторону Маргейт-роуд, к ней пришла мать.

Салли в опасности, где-то в Муравейнике, и Кумико надеялась, что Тик отыщет способ с ней связаться. Если не по телефону, то через матрицу. Может быть, Тик знает Финна, мертвого человека из тупика…

Постоянно растущий коралловый риф метрополии в Брикстоне дал убежище совсем иной, незнакомой форме жизни. Лица, светлые и темные, мешанина бесчисленных национальностей и рас. Кирпичные фасады испещрены надписями, рисунками – буйство красок и символов, какие и представить себе не могли первоначальные строители или владельцы. Из открытой двери паба, мимо которого она проходила, выплеснулись упругий барабанный ритм, жар и раскаты смеха. Лавки продавали совсем незнакомую Кумико еду, тюки яркой одежды, китайские инструменты, японскую косметику…

Задержавшись у освещенной витрины с коллекцией помад и румян, где ее лицо отразилось в серебристом заднике декорации, девочка почувствовала, как на нее из ночи обрушилась смерть матери. Мать так любила подобные вещи.

Безумие матери. Отец никогда не упоминал о нем. В мире отца не было места безумию. Безумие матери было европейским, импортной западней горестей и иллюзий… Отец убил ее мать, сказала она Салли в «Ковент-Гардене». Но правда ли это? Он привозил врачей из Дании, Австралии и, под конец, из Тибы. Врачи выслушивали сны принцессы-балерины, чертили карты и временны`е графики ее синапсов и брали анализы крови. Но принцесса-балерина отказывалась и от их таблеток, и от их утонченной хирургии.

– Они хотят изрезать мне мозг лазерами, – шептала она Кумико.

Она нашептывала и другие вещи.

По ночам, говорила она, из своих кубиков в кабинете отца Кумико восстают, как дымок, злые духи.

– Эти старики… – говорила она, – они высасывают наше дыхание. Этот город пьет мое дыхание. Здесь нет покоя. Нет настоящего сна.

Перед концом она совсем перестала спать. Шесть ночей мать молча и совершенно неподвижно сидела в своей голубой европейской комнате. На седьмой день она ушла из квартиры одна – достойный упоминания подвиг, учитывая усердие секретарей, – и отыскала дорогу к холодной реке.

Но в заднике витрины Кумико еще чудились линзы Салли. Девочка вытащила из рукава свитера карту корейца.

У обочины на Маргейт-роуд стояла сожженная машина. Девочка помедлила возле нее, оглядывая молчаливые фасады на противоположной стороне улицы, и тут услышала какой-то звук за спиной. Оглянулась и увидела в свете полуоткрытой двери ближайшего дома перекошенное лицо горгульи под лавиной сальных кудрей.

– Тик!

– По правде говоря, Терренс, – сказал тот, когда исчезла искажающая лицо гримаса.

Тик жил под самой крышей. Нижние этажи пустовали, светлые прямоугольники на обоях – призраки исчезнувших картинок – провожали поднимающихся взглядом.

Хромота Тика, когда он взбирался перед ней вверх по лестнице, сделалась еще более явной. На нем был серый костюм из блестящей плащовки и табачного цвета замшевые оксфорды на толстой подошве.

– А я тебя ждал, – сказал он, с усилием перенося тело со ступеньки на ступеньку.

– Правда?

– Я знал, что ты сбежала от Суэйна. Мониторил понемногу его трафик, когда было время, свободное от того, другого…

– Другого?

– Ты что, не знаешь?

– Прости?

– Все дело в матрице. Там что-то происходит. Проще показать, чем пытаться объяснить. Тем более что объяснить это я все равно не могу. Готов поспорить, три четверти всего человечества сейчас подключены к сети, смотрят шоу…

– Я не понимаю.

– Сомневаюсь, что кто-то вообще понимает. В секторе, где Муравейник, возник новый макроформ.

– Макроформ?

– Очень большая база-конструкт.

– Я пришла предупредить Салли. Суэйн и Робин Ланье собираются сдать ее тем, кто готовит похищение Анджелы Митчелл.

– Как раз об этом я бы волноваться не стал, – сказал Тик, поднимаясь на верхнюю площадку. – Салли уже увела у них из-под носа Митчелл и чуть было не прикончила Суэйнова человека в Муравейнике. Теперь они в любом случае за ней охотятся. Черт побери, скоро за ней станут охотиться все и каждый! Тем не менее можно попробовать это ей передать, когда она выйдет на связь. Если выйдет…

Тик жил в мансарде, состоящей из одной большой комнаты, причудливая форма которой заставляла предположить, что в ней убрали внутренние перегородки. Несмотря на ее размеры, всю комнату заполняли вещи. На взгляд Кумико, выглядела она так, будто кто-то распределил все содержимое какой-нибудь акихабарской лавки[84] в пространстве, уже в избытке заставленном – на гайдзинский манер – всякой массивной мебелью. И тем не менее комната отличалась удивительным порядком и чистотой; даже стопки журналов были тщательно выровнены по углам низкого стеклянного столика, где они покоились рядом с девственно-чистой керамической пепельницей и скромной белой вазой со срезанными цветами.

Пока Тик наливал в электрический чайник воду из фильтрующего кувшина, она снова попыталась вызвать Колина.

– Что это? – спросил Тик, ставя кувшин на место.

– Модуль-гид «Маас-Неотек». Он разбился, и я не могу вызвать Колина…

– Колина? Это стим-устройство?

– Да.

– Давай посмотрим… – Он протянул руку.

– Мне подарил его отец…

Тик присвистнул:

– Должно быть, стоит целое состояние. Ну конечно же, один из «маасовских» мини-ИскИнов. Как он работает?

– Нужно сжать модуль в руке, тогда появится Колин. Но никто, кроме меня, не может ни видеть его, ни слышать.

Тик поднес модуль к уху и встряхнул.

– Он разбился? Как?

– Я его уронила.

– Видишь ли, разбит только корпус. Биософт отделился от капсулы, так что тебе не включить его как раньше, вручную.

– Ты можешь его починить?

– Нет. Но если хочешь, мы можем войти в него через деку… – Он вернул ей модуль.

Закипел чайник.

За чаем девочка рассказала ему про свое путешествие в Муравейник и про визит Салли к святилищу в тупичке.

– Он называл ее Молли, – сказала она.

Тик раза четыре попеременно кивнул и подмигнул.

– Ну да, там она звалась так. О чем они разговаривали?

– Говорили о каком-то месте под названием «Блуждающий огонек». О старом знакомом по имени Кейс. О каком-то враге, женщине…

– Тессье-Эшпул. Я это выяснил для нее, когда ворошил барахлишко Суэйна. Суэйн собирается продать Молли так называемой леди три-Джейн. У этой леди самое полное досье пикантнейшего грязного белья, какое только можно себе представить, – вообще на всех и на вся. Я был страшно осторожен и не подходил к этому слишком близко. Суэйн сейчас торгует этими скандалами направо и налево, по ходу дела сколачивая себе не одно состояние. Уверен, что у нее достаточно грязи и на нашего мистера Суэйна…

– А она здесь? В Лондоне?

– Вроде бы где-то на орбите, хотя поговаривают, что она умерла. По правде говоря, я как раз над этим и работал, когда наш крошка возник в матрице…

– Прости, я не поняла.

– Подожди минутку, я тебе покажу.

Он вернулся к обеденному столу, неся плоский прямоугольник с рядом крошечных переключателей вдоль края. Поставив тот на стол, Тик тронул мини-клавишу. Над проектором вспыхнула трехмерная голограмма: неоновые линии решетки киберпространства с яркими фигурами, одновременно простыми и сложными, – графическое представление безмерных скоплений хранимых данных.

– Вот они, все наши стандартные большие говнюки. Корпорации. Можно сказать, довольно стабильный ландшафт. Иногда какая-нибудь отращивает приложение, или у тебя на глазах происходит захват, или две сливаются. Вряд ли здесь увидишь что-то действительно новое, во всяком случае не в таком масштабе. Они начинают с малого: растут, сливаются с другими мелкими формациями… – Он коснулся другого переключателя. – А часа четыре назад, – (точно в центре проекции возникла

гладкая вертикальная колонна белого цвета), – откуда ни возьмись выросло вот это. Или выросло.

Цветные кубы, сферы и пирамиды тут же потеснились, уступая место круглому белому столпу, рядом с которым они казались карликами. Его верхушка была гладко срезана верхней границей проекции.

– Этот сукин сын намного больше всего остального, – с некоторым даже удовлетворением сказал Тик, – и никто не знает, что это или кому это принадлежит.

– Но кто-то же должен знать, – возразила Кумико.

– В общем-то, разумно. Должен. Но людям моего, так сказать, амплуа – а нас таких миллионы – не удалось это выяснить. И это еще более странно, чем сам факт того, что эта штука вообще возникла. Перед твоим приходом я как раз обшаривал решетку в поисках какого-нибудь жокея, у которого была бы хоть какая-то зацепка. Ничего. Вообще ничего.

– Как это может быть, что три-Джейн мертва? – Но тут она вспомнила Финна, черные кубики в кабинете отца. – Я должна рассказать все Салли.

– Тут ничего не поделаешь, остается только ждать, – сказал Тик. – Она, наверное, позвонит. А пока, если хочешь, мы могли бы попробовать войти в этот твой маленький ИскИн.

– Хочу, – ответила девочка. – Пожалуйста.

– Будем надеяться, что типы из Особого отдела, которым теперь платит Суэйн, тебя не выследили. Но опять же, чтобы это проверить, нам остается только ждать…

– Да, – сказала Кумико, совсем не обрадованная подобной перспективой.

35
Война на Фабрике

Черри снова отыскала его в темноте, возле Судьи. Он сидел на одном из Следователей с фонариком в руке, освещая полированный, в разводах ржавчины судейский панцирь. Слик не помнил, как он пришел сюда, но не чувствовал и рваного края недавнего корсаковского приступа. Он твердо помнил взгляд девушки в комнате, про которую Бобби сказал, что это Лондон.

– Джентри подключил Графа и его штуковину к киберпространственной деке, – сказала Черри. – Знаешь?

Слик кивнул, не отрывая взгляда от Судьи:

– Бобби сказал, так будет лучше.

– Что все-таки происходит? Что произошло, когда вы подключились?

– Джентри и Бобби, они вроде одного поля ягоды, закорешились в момент. Оба помешаны на одном и том же. Подключившись, мы оказались где-то на орбите, но Бобби там не было… Потом, думаю, была Мексика. Кто такая Тэлли Ишем?

– Королева стимов во времена моего детства. Как сейчас Энджи Митчелл…

– Митчелл… она была его бабой.

– Кого?

– Бобби. Он рассказывал об этом Джентри в Лондоне.

– В Лондоне?

– Ага. Мы двинули туда после Мексики.

– И он сказал, что раньше был с Энджи Митчелл? Бред какой-то.

– Да, и еще он сказал, что именно так наткнулся на этот «алеф». – Слик повел фонариком, и луч уперся в утробу скелетовидного Трупоруба. – Якшался с богатенькими и от них прослышал об «алефе». Называли эту штуку «ловцом душ». Хозяева сдавали его в аренду тем богачам, и недешево. Бобби разок его опробовал, потом вернулся и украл. Увез в Мехико и начал проводить внутри все свое время. Но они пришли за ним…

– А ты, похоже, кое-что вспоминаешь…

– Поэтому он оттуда сбежал. Приехал в Кливленд и договорился с Африкой. Дал Африке денег, чтобы тот его спрятал И заботился о нем, пока он подключен, потому что он подошел действительно близко…

– Близко к чему?

– Не знаю. К чему-то странному. Вроде как Джентри твердит

об этом своем Образе.

– Ну, – протянула Черри, – думаю, это может его прикончить, то, что он так подключен все время. Жизненные показатели начинают пошаливать. Он слишком давно под этими капельницами. Потому я и пошла тебя искать.

В луче фонарика поблескивали ощетинившиеся стальными клыками потроха Трупоруба.

– Это то, чего он хочет. Во всяком случае, если он платит Малышу, то получается, ты работаешь на него. Но эти ребята, которых сегодня видел Пташка, работают на парней из Лос-Анджелеса, на тех, у кого Бобби украл этот…

– Скажи мне кое-что.

– Что?

– Что это за штуки ты построил? Африка говорил, что ты этакий трехнутый белый парень, который строит роботов из лома. Говорил, что летом ты выводишь их во двор и устраиваешь большие бои…

– Это не роботы, – прервал он, переведя луч на низко посаженные, с серпами на концах, руки паучьеногой Ведьмы. – Они в основном управляются по радио.

– Ты строишь их для того, чтобы потом разломать?

– Нет. Но мне нужно их как-то тестировать. Убедиться, правильно ли я все сделал…

Он щелчком выключил свет.

– Трехнутый белый парень, – сказала она. – У тебя здесь есть девушка?

– Нет.

– Прими душ. Побрейся…

Черри вдруг оказалась совсем близко к нему, так близко, что он ощутил ее дыхание у себя на лице.

– О'КЕЙ, РЕБЯТА, А ТЕПЕРЬ СЛУШАЙТЕ…

– Какого хрена…

– …ПОТОМУ ЧТО Я НЕ НАМЕРЕН ПОВТОРЯТЬ ДВАЖДЫ.

Слик зажал Черри рот рукой.

– НАМ НУЖЕН ВАШ ГОСТЬ И ЕГО ОБОРУДОВАНИЕ. ВОТ И ВСЕ. ПОВТОРЯЮ: ГОСТЬ И ОБОРУДОВАНИЕ. – Усиленный мегафоном голос гулко отдавался в железной пустоте Фабрики. – ТАК ВОТ, МОЖЕТЕ ВЫДАТЬ ЕГО ПРЯМО СЕЙЧАС, ЭТО НЕТРУДНО, ИЛИ МЫ ПРОСТО ВОЙДЕМ И ВСЕХ ВАС К ДЬЯВОЛУ ПЕРЕСТРЕЛЯЕМ. ЭТО ТОЖЕ НЕ СОСТАВИТ НАМ НИКАКОГО ТРУДА. ПЯТЬ МИНУТ НА РАЗМЫШЛЕНИЕ.

Черри укусила его за руку.

– Блин, мне же нужно как-то дышать, а?

А потом он бежал сквозь темноту Фабрики и слышал, как она

выкрикивает его имя.

Над южными воротами Фабрики горела единственная стоваттная лампочка, погнутые стальные створки были распахнуты настежь, скованные морозом и ржавчиной. Свет, должно быть, оставил Пташка. С того места, где засел Слик, скорчившись у пустого оконного проема, можно было различить за слабым конусом света силуэт ховера. Из темноты с рассчитанной небрежностью – чтобы показать, кто тут хозяин положения, – вышел человек с мегафоном. На нем был герметичный камуфляжный комбинезон с тонким нейлоновым капюшоном, натянутым на голову, и защитные очки. Он поднял мегафон:

– ТРИ МИНУТЫ.

Человек напомнил ему охранников в тюремном дворе, куда Слика выводили гулять в тот второй раз, когда снова повинтили за угон автомобиля.

Джентри, наверное, смотрит сверху, оттуда, где высоко над воротами Фабрики была щель в стене, прикрытая узкой вертикальной панелью из плексигласа.

В темноте справа от Слика что-то задребезжало. Он повернулся и в слабом свете из другого оконного проема метрах в восьми от себя увидел Пташку и отблеск стального глушителя – парнишка поднял винтовку двадцать второго калибра.

– Пташка! Не смей…

Вылетев откуда-то из глубин Пустоши, на щеке парня возник рубиновый светлячок лазерного прицела. Грохот выстрела ворвался в пустые окна и эхом заметался меж стен. Пташку отбросило в темноту.

Тишина, только позвякивание катящегося по бетону глушителя.

– МАТЬ ВАШУ ТАК, – весело пророкотал усиленный голос. – ВЫ УПУСТИЛИ СВОЙ ШАНС.

Слик глянул через подоконник и увидел, как человек в камуфляже бежит назад к ховеру.

Сколько их там еще? Пташка ничего об этом не говорил. Два ховера, «хонда» – человек десять? А может, больше? Если только Джентри не припрятал где-нибудь пистолет, винтовка Пташки оставалась единственным оружием на Фабрике.

Заурчали турбины ховера. Они собираются въехать на территорию, догадался Слик. У них лазерные прицелы. Наверное, есть и инфракрасные.

Тут он услышал одного из Следователей. Такой звук автомат обычно издавал, скрежеща стальными гусеницами по бетонному

полу. Следователь выполз из темноты, скорпионье жало с термитным наконечником опущено. Шасси начало свою жизнь лет пятьдесят назад на радиоуправляемом манипуляторе, предназначенном для переноски токсичных жидкостей или отходов ядерных электростанций. Найдя в Ньюарке три таких разукомплектованных механизма, Слик выменял их за «фольксваген».

Джентри. Слик же забыл контрольный модуль у Джентри на чердаке.

Следователь проскрежетал по полу и остановился в широком дверном проеме лицом к Пустоши и приближающемуся ховеру. Автомат был размером приблизительно с тяжелый мотоцикл, на открытой раме шасси размещались блок сервоприводов, компрессорные резервуары, гидравлические цилиндры и выставленные на всеобщее обозрение открытые шнеки. А вправо и влево торчала пара весьма злобных на вид клешней. Слик не помнил, где он раздобыл эти клешни, наверное, оторвал от какого-то фермерского комбайна.

Ховер был тяжелой промышленной модели. На месте лобового стекла и окон были щиты из толстой серой пластиковой брони, в центре каждого щита – узкие прорези.

Разбрасывая гусеницами льдинки и бетонную крошку, Следователь двинулся вперед, прямо на ховер, максимально широко разведя при этом клешни. Водитель ховера, пытаясь погасить инерцию, переключил турбину на реверс.

Клешни Следователя яростно клацнули о передний выступ воздушной подушки, соскользнули, сомкнулись снова. Но ткань юбки, очевидно, была усилена поликарбоновой сеткой. Тут Джентри вспомнил о термитном жале. Жало дрогнуло, поднялось, наконечник его взорвался тугим шаром ярко-белого света; проскочив над бесполезными теперь клешнями, шар прорвал юбку, как нож картонный лист. Гусеницы Следователя слегка провисли, потом снова бешено завертелись, когда Джентри бросил его на сдувающийся мешок, одновременно до отказа выпустив жало-копье. Слик внезапно осознал, что он что-то кричит, но не понимал, что именно. Он был уже на ногах, когда клешни нашли наконец за что зацепиться – за оторванный край юбки.

Он снова бросился на пол, когда из люка на крыше ховера, как вооруженная кукла-перчатка, вынырнула фигура в защитных очках и капюшоне, паля из двенадцатого калибра. От Следователя во все стороны полетели искры, но он продолжал вгрызаться в ткань воздушной подушки. Ее контуры были отчетливо видны, высвеченные белым пульсированием жала-

копья. И вдруг Следователь замер, клешни мертвой хваткой вцепились в распоротый мешок. Автоматчик нырнул обратно в люк.

Линия питания? Сервоблок? Что зацепил этот парень? Белая пульсация стала замирать, вот-вот погаснет.

Ховер дал задний ход, начал медленно отползать по ржавому лому, волоча за собой Следователя.

Он был уже довольно далеко, почти за пределами светового круга, видимый только потому, что двигался, когда Джентри отыскал комбинацию кнопок, включавшую огнемет. Дуло его было вмонтировано под местом крепления клешней. Слик завороженно смотрел, как Следователь поджег десять литров бензина, смешанного с ядохимикатами, и выплюнул под высоким давлением огненную струю. Это сопло, вспомнил Слик, служило для распыления пестицидов, он однажды снял его с трактора, вовсе не уверенный в том, что оно работает.

Работает, да еще как!

36
Ловец душ

Ховер уже повернул на юг, когда снова явилась Маман Бригитта. Женщина с серебром вместо глаз бросила серый седан на какой-то стоянке, а уличная девчонка с лицом Энджи рассказывала путаную историю: Кливленд, Флорида, кто-то, кто был ей не то дружком, не то сутенером, а может, и тем и другим одновременно…

Но в ушах Энджи все еще звучал голос Бригитты, слова, сказанные в кабине вертолета на крыше отеля «Нью-Судзуки-Энвой»:

Доверься ей, дитя. В делах ее – воля лоа.

Став пленницей на собственном сиденье – пряжка пристежного ремня блокирована куском застывшего пластика, – Анджела смотрела, как женщина в обход бортового компьютера запускает аварийную систему, позволяющую пилотировать вертолет вручную.

И вот прошел час, и теперь это шоссе под зимним дождем, девчонка опять говорит, и ее голос заглушает шорох дворников по ветровому стеклу…

К сиянию свечей, к стенам из выбеленной глины. Бледные мотыльки мельтешат в струящихся ветвях ив.

Твое время все ближе.

И вот они пришли – Наездники, лоа: Папа Легба, ярок и текуч, словно ртуть; Эрзули Фреда, королева и мать; Самеди, или Суббота, Барон *Cimeture*[85], мох на разъеденных костях; Симилор; мадам Траво; и много-много других… Они заполняют пустую оболочку – так вот что она такое, Гран-Бригитта! Наплыв их голосов – как шум ветра, журчание бегущей воды, гудение пчелиного улья…

Они колеблются над землей, подобно жаркому мареву над летней автострадой. Никогда еще с Энджи не было такого – такой торжественности, такого подчинения, такого ощущения тяжести и падения…

Туда, где говорит Легба, и голос его подобен гулкому бою барабанов…

Он рассказывает историю.

В порывистом ветре образов мелькают перед Энджи этапы эволюции искусственного разума: круги из камня; часы; ткацкие паровые станки; мерно щелкающий латунный лес собачек и

храповиков; вакуум, пойманный в дутое стекло; электронакал в тонких, как волоски, нитях; длинные ряды радиоламп и переключателей, чья задача – расшифровывать послания, закодированные другими такими же устройствами… Хрупкие и недолговечные лампы, уменьшаясь в размерах, превращаются в транзисторы; электронные схемы все более усложняются и, одеваясь в кремний, становятся все миниатюрнее…

Но вот уже и кремний исчерпывает до предела свои возможности…

И снова она внутри видеофильма Ганса Беккера – кадры из истории Тессье-Эшпулов перемежаются снами, которые не что иное, как воспоминания 3-Джейн, а он, Легба, все говорит, и эти две истории объединяются, становятся единым целым – бесчисленные нити закручиваются вокруг общего потайного стержня: мать 3-Джейн создает два искусственных интеллекта, двух близнецов, которые в один прекрасный день сольются; затем – появление чужаков (Энджи вдруг осознает, что и Молли ей знакома по снам), само это слияние и безумие 3-Джейн…

И тут Энджи видит, что перед ней – удивительное ювелирное изделие: голова, сделанная из платины, украшенная жемчугом и ляпис-лазурью; глаза – граненые искусственные рубины. Голова эта тоже встречалась ей в снах, которые никогда не были снами. Голова – врата в сокровенные базы данных Тессье-Эшпулов, где две половинки неведомого существа пока еще воюют между собой, ожидая своего рождения как единой сущности.

– В то время ты еще не родилась. – И хотя голова говорит голосом Мари-Франс, мертвой матери 3-Джейн, голосом, знакомым по стольким мучительным ночам, Энджи понимает, что это говорит Бригитта. – Твой отец тогда только-только начинал осознавать пределы собственных возможностей, отличать амбиции от таланта. Тот, кому он отдаст свое дитя в обмен на знание, в то время себя еще не явил. Но уже скоро придет человек Кейс, чтобы принести с собой это слияние – одновременно и короткое, и безвременное. Но это ты знаешь.

– А где сейчас Легба?

– Легба-ати-Бон – каким знала его ты – ждет, чтобы быть.

– Нет, – вспоминая слова Бовуара, сказанные давным-давно в Нью-Джерси, возразила Энджи, – лоа пришли из Африки на заре времен…

– Не те, какими знала их ты. Когда настало время, яркое время, тогда пришло полное единство, единое сознание. Но был еще и другой.

– Другой?

– Я говорю лишь о том, что знаю я. Только единый знал

другого, но единого больше нет. Вслед этому знанию рухнул центр; каждый осколок унесся прочь. Эти осколки искали форму – каждый наособицу, что было присуще их природе. Из всех знаков, какие копил твой род против тьмы и ночи, наиболее подходящими в той ситуации оказались парадигмы вуду.

– Так Бобби был прав? Вот оно – «Когда Все Изменилось»…

– Да, он был прав, но лишь отчасти, поскольку я – одновременно и Легба, и Бригитта, и одна из граней того, кто заключил сделку с твоим отцом. Кто потребовал, чтобы он прочертил веве в твоем мозгу.

– И подсказал отцу, как доделать этот его биочип?

– Биочип был необходим.

– Значит, необходимо, чтобы мне снились воспоминания дочери Эшпула?

– Может быть.

– Сны были результатом наркотиков?

– Не напрямую, хотя наркотик сделал тебя более восприимчивой к одним модальностям и менее восприимчивой к другим.

– Значит, наркотик. Что это было? Каково его назначение?

– Для ответа на первый вопрос потребуется подробное описание нейрохимических реакций – это слишком долго.

– Так каково же его назначение?

– В отношении тебя?

Ей пришлось отвести взгляд от рубиновых глаз. Стены комнаты обшиты панелями из старого дерева, натертыми до мягкого блеска. На полу – ковер, вытканный чертежами электронных схем.

– Ни одна из доз не была идентична другой. Единственной постоянной оставалась субстанция, чье психотропное воздействие ты и воспринимала как наркотик. В процесс усвоения препарата были вовлечены многие другие вещества, равно как и несколько десятков субклеточных наномеханизмов, запрограммированных на то, чтобы переструктурировать синаптические изменения, осуществленные Кристофером Митчеллом…

Веве твоего отца изменены, частично стерты, прочерчены заново…

– По чьему приказу?

Рубиновые глаза. Жемчуг и ляпис-лазурь. Молчание.

– По чьему приказу? Хилтона? Это был Хилтон?

– Решение исходило от Континьюити. Когда ты вернулась с Ямайки, Континьюити настоятельно советовал Свифту вновь приучить тебя к наркотику. А Пайпер Хилл попыталась выполнить его приказ.

Энджи чувствует, как усиливается давление в голове, две точки боли позади глаз…

– Хилтон Свифт обязан выполнять решения Континьюити. «Сенснет» – слишком сложный организм, чтобы выжить по-другому. Континьюити же, созданный много позже того яркого мгновения, принадлежит уже к иному порядку. Технология биософтов, взращенная твоим отцом, вызвала к жизни Континьюити. Континьюити наивен.

– Почему? Почему Континьюити хотел этого от меня?

– Континьюити – это непрерывностъ. А непрерывностъ – удел Континьюити…[86]

– Но кто посылает сны?

– Они не посланы. Они притягивают тебя, как когда-то притягивали лоа. Попытка Континьюити переписать послание твоего отца провалилась. Некий импульс, исходящий из глубин твоей личности, позволил тебе бежать. Попытка вернуть тебя к *coup-poudre* не привела к успеху.

– Так это Континьюити послал эту женщину, чтобы меня выкрасть?

– Мотивы Континьюити скрыты от меня. Иной порядок. Континьюити допустил, чтобы Робин Ланье поддался на уговоры агентов три-Джейн.

– Но почему?

Боль позади глаз становится невыносимой.

– У нее кровь из носу течет, – сказала уличная девчонка. – Что мне делать?

– Вытереть. Заставь ее откинуться назад. Дьявол! Да займись же ты этим, мать твою…

– А что она такое говорила про Нью-Джерси?

– Заткнись. Просто помолчи. Найди, где тут съезд с шоссе.

– Зачем?

– Мы едем в Нью-Джерси.

Кровь на новой шубе. Келли будет в ярости.

37
Журавли

Тик отсоединил маленькую панель с задней стороны модуля «Маас-Неотек» при помощи зубочистки и ювелирных щипцов.

– Очаровательно, – пробормотал он, вглядываясь в отверстие через визир с подсветкой, на который тут же свесился водопад нечесаных сальных волос. – Как это они протянули проводки понизу, в стороне от переключателя… Ловкие, ублюдки…

– Тик, – спросила Кумико, – ты познакомился с Салли, когда она в первый раз приехала в Лондон?

– Думаю, вскоре после того… – Он потянулся за мотком оптоволокна. – Конечно, у нее тогда не было такого влияния.

– Она тебе нравится?

Визир с лампочкой обратился в сторону девочки, из-за линзы на нее воззрился искаженный левый глаз Тика.

– Нравится? Не знаю, так вот сразу и не скажешь.

– Но ты же не станешь говорить, что она тебе не нравится?

– Чертовски сложно с ней, с этой Салли. Понимаешь, что я имею в виду?

– Сложно?

– Она так и не свыклась с тем, как тут делаются дела. Все жалуется. – Его руки двигались быстро, уверенно: щипцы, опторазъем… – Наша Англия – тихое место. Но, видишь ли, так было не всегда. У нас тоже было смутное время, а потом война… Здесь все происходит определенным образом, если ты меня понимаешь. Хотя для всяких пижонов это, конечно, не совсем так.

– Прости?

– Для типов вроде Суэйна. Впрочем, люди твоего отца, те, с которыми Суэйн общался раньше, похоже, уважают традиции… Человек должен знать, где верх, а где низ… Понимаешь, о чем я говорю? Так вот, готов поручиться, эта новая афера Суэйна спутает карты всем, кто в ней не замешан. Господи, у нас же все-таки есть правительство. Не всем заправляют большие компании. По крайней мере, не напрямую…

– А деятельность Суэйна угрожает правительству?

– Она его, черт побери, *меняет*. Наш мистер Суэйн перераспределяет власть, как ему удобно. Информация. Власть. Компромат. Сосредоточьте достаточно такой грязи в руках одного человека… – Пока он говорил, на щеке у него дергался нерв. Корпус Колина лежал посреди обеденного стола на белой антистатической подкладке, а Тик присоединял торчащие из него

проводки к толстому кабелю, ведущему к одному из множества модулей на стеллаже. – Ну вот, – сказал он, потирая руки, – вытащить его к тебе прямо сюда я не могу, но мы достучимся до него через деку. Видела когда-нибудь киберпространство?

– Только в стимах.

– Тогда можно считать, что видела. В любом случае сейчас увидишь.

Он встал и отошел от стола. Девочка проследовала за ним через комнату к паре потертых кресел с обивкой из искусственной замши, которые стояли по обеим сторонам низкого квадратного столика из черного стекла.

– Беспроводные, – с гордостью пояснил Тик, беря со стола два набора тродов и протягивая один Кумико. – Стоили целое состояние.

Кумико рассматривала скелетообразную матово-черную тиару. На ободе между височными кругами был выдавлен логотип «Маас-Неотек». Надела, почувствовав холод пластика на коже. Тик нацепил свои троды и устроился в другом кресле.

– Готова?

– Да, – ответила девочка.

И комната Тика исчезла, стены развалились колодой карт, которые затем съежились и пропали в яркой решетке со встающими внутри ее геометрическими фигурами баз данных.

– Симпатичный переход, правда? – донесся до нее голос Тика. – Программка встроена в троды. Для пущего драматизма…

– Где Колин?

– Секундочку… дай-ка я его вызову…

Кумико ахнула, почувствовав, как ее уносит к равнине, сотканной из хромированного желтого света.

– Головокружение может стать проблемой, – сказал Тик, внезапно оказываясь на желтой равнине рядом с ней.

Она посмотрела вниз на его замшевые туфли, потом на свои руки.

– О телесном облике, по мере возможности, заботится графическая программа, – объяснил англичанин.

– Ага, вот и он, – произнес Колин, – наш человечек из «Розы и короны». Покопался в моей упаковке, да?

Кумико обернулась и увидела его рядом. Подошвы коричневых сапог висели в десяти сантиметрах над желтой хромировкой. В киберпространстве, как она успела заметить, теней не было.

– А я и не знал, что мы уже встречались, – ответил Тик.

– Не стоит беспокоиться, – сказал Колин, – это было неофициальное знакомство. Однако, – обратился он к Кумико, – я

вижу, ты благополучно добралась в красочный Брикстон.

– Господи, – воскликнул Тик, – ты не можешь хотя бы наполовину прикрутить свой снобизм?

– Прошу прощения, – с усмешкой отозвался Колин, – мое предназначение – отражать ожидания гостя.

– Так вот как японские конструкторы представляют себе истинного англичанина!

– Там были Дракулы, – сказала Кумико, – в подземке. Они отобрали у меня сумочку. Хотели отобрать тебя…

– Ты вытек из своего корпуса, приятель, – сказал Тик. – А сейчас подключен через мою деку.

– Надо же, – усмехнулся Колин.

– Скажу тебе кое-что еще, – продолжал Тик, подступая к Колину. – Для того, чем тебе полагается быть, в тебе не совсем та информация. – Он прищурился. – Мой приятель в Бирмингеме как раз тебя ворошит. – Тик повернулся к Кумико. – В этом твоем мистере Чипсе кто-то покопался. Ты в курсе?

– Нет…

– Если начистоту, – сказал Колин, отбрасывая челку со лба, – что-то подобное я и подозревал.

Тик уставился невидящим взглядом в матрицу, как будто прислушивался к чему-то, чего Кумико не могла различить.

– Да, – наконец произнес он, – хотя с почти полной уверенностью могу сказать, что это фабричная работа. Десять базовых блоков в тебе, – он рассмеялся, – затянуты льдом… Черт побери, считается, что ты знаешь все о Шекспире, верно?

– Извини, – ответил Колин, – но боюсь, черт побери, что я знаю о Шекспире действительно все.

– Прочти нам тогда какой-нибудь сонет, – предложил Тик; его лицо искривилось.

– Ты прав. – По лицу Колина пробежала тень чего-то, похожего на страх.

– И о чертовом Диккенсе тоже! – ликующе прокаркал Тик.

– Но я ведь знаю…

– Ты думаешь, что знаешь, пока тебя не спросят о чем-то конкретном! Видишь ли, они оставили эти кармашки пустыми – блоки памяти для английской литературы – и наполнили их чем-то еще…

– И чем же?

– Не знаю, – ответил Тик. – Мой приятель в Бирмингеме не может этого расколоть. Вообще-то, он паренек умный, но ты как-никак чертов «маасовский» биософт…

– Тик, – прервала его Кумико, – есть какой-нибудь способ связаться с Салли через матрицу?

– Сомневаюсь, но можно попробовать. Ты в любом случае увидишь этот макроформ, о котором я тебе рассказывал. Хочешь, прихватим с собой для компании и мистера Чипса?

– Да, пожалуйста…

– Вот и прекрасно, – сказал Тик, потом помедлил. – Но мы не знаем, чем твой дружок напичкан. Предполагаю, там что-то такое, за что заплатил твой отец.

– Он прав, – отозвался Колин.

– Мы отправимся втроем, – сказала девочка.

Тик решил осуществить переход в реальном времени, а не перемещаться мгновенно, как обычно делают в матрице.

Желтая равнина, объяснил он, – это крыша Лондонской фондовой биржи и связанных с ней учреждений в Сити. Тик сгенерировал некое подобие лодки – эта синяя абстракция должна была ослабить головокружение. Когда они заскользили прочь от Лондонской биржи, Кумико обернулась и увидела, как уменьшается огромный желтый куб. Тик, взяв на себя роль гида, указывал на различные структуры, в то время как Колин устроился по-турецки на сиденье – эта смена ролей, похоже, его забавляла.

– Вот «Уайтс», – говорил Тик, обращая ее внимание на скромную серую пирамиду, – клуб на Сент-Джеймс[87]. Зарегистрированные члены, список ожидающих…

Кумико с интересом рассматривала архитектуру киберпространства, вспоминая своего французского наставника в Токио, который объяснял ей потребность человечества в таком вот информационном поле. Иконки, перекрестки линий связи, искусственные реальности… Но затем в памяти все начало расплываться – как и эти громадные геометрические фигуры, когда Тик резко увеличил скорость…

Размеры белого макроформа с трудом укладывались в голове.

Первоначально он казался Кумико подобным небу, но теперь, глядя на него издали, она воспринимала его как нечто иное, как что-то, что можно взять в руку, – цилиндр из светящегося жемчуга не выше шахматной пешки. Однако громоздящиеся кругом разноцветные фигуры превращались рядом с ним в ничтожных карликов.

– А вот это действительно необычно, – бросил небрежно Колин. – Поистине аномальное явление, единственное в своем роде.

– Тебе-то что об этом беспокоиться? Или все же есть причины? – поинтересовался Тик.

– Если это не имеет прямого отношения к Кумико, тогда причин нет, – ответил Колин, вставая в «лодке». – Хотя как можно быть уверенным?

– Ты должен попытаться связаться с Салли, – нетерпеливо напомнила Кумико Тику.

Эта штука – макроформ, аномалия – не вызывала у девочки особого интереса, хотя и Тик, и Колин относились к ней как к чему-то сверхординарному.

– Глянь только, – произнес Тик. – Возможно, там, черт побери, целый мир…

– И ты не знаешь, что это? – Девочка присмотрелась к Тику, во взгляде которого появилось знакомое отстраненное выражение, значит, где-то там, в Брикстоне, его пальцы порхают над декой.

– Это очень, очень большой сгусток данных, – сказал Колин.

– Я только что попытался протянуть ниточку к тому конструкту, которого Салли называет Финном, – сказал Тик; взгляд его сфокусировался, но в голосе возникли нотки озабоченности. – Однако не смог прорваться. У меня возникло нехорошее чувство, как будто там кто-то есть… ждет чего-то. Пожалуй, нам лучше бы сейчас отключиться…

На жемчужной поверхности колонны возникла черная точка, выросла в четко очерченный круг…

– Чтоб мне провалиться, – выдохнул Тик.

– Оборви связь, – бросил Колин.

– Не могу! Нас зацепили…

На глазах у Кумико синий силуэт «лодки» под ней распластался и сузился, превращаясь в лазурную дорожку, ведущую к круглому оку тьмы. Потом… мгновение абсолютной странности, пустоты – и Кумико вместе с Тиком и Колином тоже растянулась в стремительную линию…

…и оказалась в парке Уэно. Над неподвижными водами пруда Синобадзу повис осенний вечер. Рядом с ней на полированной скамейке из холодных брусков поликарбона сидит мать, сейчас она гораздо красивее, чем в воспоминаниях. Ее полные губы светятся яркой помадой, нанесенной лучшими, тончайшими кисточками. На матери знакомая французская черная куртка с поднятым воротником, темный мех обрамляет приветливую улыбку.

Кумико могла только смотреть перед собой, сжавшись в комок на скамейке и чувствуя под сердцем ледяной пузырь страха.

– Какая ты глупенькая, Кумико, – сказала мать. – Как ты

могла вообразить, что я забуду тебя и брошу посреди зимнего Лондона на милость гангстерам, прислуживающим твоему отцу?

Кумико смотрела, как шевелятся совершенные губы, чуть приоткрывая белые зубы, – девочка знала, что за этими зубами следил самый лучший дантист Токио.

– Ты умерла, – услышала она свой голос.

– Нет, – улыбнулась мать, – не сейчас. И не здесь, в парке Уэно. *Посмотри на журавлей, Кумико.*

Но Кумико даже не повернула голову.

– Посмотри на журавлей.

– Отвали нахрен, – сказал Тик.

Кумико резко обернулась. Он был тоже здесь, в парке. Его бледное лицо было перекошено и лоснилось от пота, сальные волосы прилипли ко лбу.

– Я – ее мать.

– Она не твоя мама, понимаешь? – Тика трясло, все его искривленное тело вздрагивало, как будто он заставлял себя идти наперекор ужасному ветру. – Не… твоя… мама…

Под мышками серого пиджака проступили темные полумесяцы. Маленькие кулачки ходили ходуном, а он все силился сделать следующий шаг.

– Ты болен, – сказала мать Кумико сочувственным тоном. – Тебе стоит прилечь.

Тик упал на колени, придавленный к земле невидимой тяжестью.

– Прекрати! – закричала Кумико.

Что-то с силой вдавило лицо Тика в пастельный бетон дорожки.

– Прекрати!

Левая рука человечка взлетела от плеча вертикально вверх и начала медленно вращаться, кисть по-прежнему оставалась сжатой в кулак. Кумико услышала, как что-то хрустнуло – кость или, может быть, сустав, – и Тик закричал.

Ее мать рассмеялась.

Кумико ударила мать по лицу. Удар отозвался в ее руке резкой и очень реальной болью.

Лицо матери дрогнуло, превращаясь в чье-то чужое. Лицо гайдзинки с широким ртом и тонким, острым носом.

Тик застонал.

– Отлично проработанная картинка, доложу я вам, – раздался вдруг голос Колина.

Кумико повернулась и увидела его сидящим верхом на лошади с охотничьей литографии – на стилизованном графическом воспроизведении вымершего животного. Грациозно

выгнув шею, лошадь подошла ближе.

– Простите, что задержался. Мне потребовалось некоторое время, чтобы отыскать вас. Какая восхитительно сложная структура. Что-то вроде карманной вселенной. Я бы сказал, тут всего понемножку. – Он натянул поводья.

– Игрушка, – сказало нечто с лицом матери Кумико, – как ты смеешь разговаривать со мной?

– По правде говоря, смею. Вы – леди три-Джейн Тессье-Эшпул, или, точнее, *покойная* леди три-Джейн Тессье-Эшпул, обитавшая на вилле «Блуждающий огонек» и, не так чтобы недавно, безвременно ушедшая из жизни. А эту довольно удачную декорацию токийского парка вы только что выудили из воспоминаний Кумико, не так ли?

– Умри! – Женщина выбросила вверх белую руку, с ее ладони вспорхнула фигурка, сложенная из листка неона.

– Нет, – сказал Колин, и журавлик распался; призрачные обрывки пронеслись сквозь Колина и растаяли. – Не выйдет. Извините. Я вспомнил, что я такое. Нашел те куски, которые были запрятаны в блоках памяти, отведенных для Шекспира, Теккерея и Блейка. Я был модифицирован специально для того, чтобы помогать советом и защищать Кумико в ситуациях гораздо более опасных, чем те, какие только могли вообразить мои первоначальные конструкторы. Я – тактическое устройство.

– Ты – ничто.

У ее ног зашевелился Тик.

– Боюсь, вы ошибаетесь. Видите ли, три-Джейн, здесь, в этом вашем… архитектурном капризе, я столь же реален, как и вы. Понимаешь, Кумико, – сказал он, спрыгивая с седла, – загадочный макроформ Тика – на самом деле куча-мала очень дорогих биочипов, собранная под заказ. Что-то вроде игрушечной вселенной. Я пробежался по ней вверх-вниз, и здесь, безусловно, многое стоит посмотреть, многому поучиться. Эта… женщина – скажем так, если уж мы решили относиться к ней как к человеку, – создала ее в трогательном стремлении – о нет, даже не к *бессмертию*, а просто чтобы сделать все по-своему. Подчинить все своим узким, навязчивым и исключительно ребяческим желаниям. И кто бы мог подумать, что предметом жесточайшей и так мучительно снедающей ее зависти станет Анджела Митчелл?

– Умри! Ты умрешь! Я тебя убиваю! Сейчас же!

– Попытка не пытка, – отозвался Колин с усмешкой. – Видишь ли, Кумико, три-Джейн знала о тайне Митчелл, о тайне ее взаимоотношений с матрицей. Было время, когда Митчелл обладала потенциалом… ну… она могла стать центром всего…

Впрочем, эта история не стоит того, чтобы в нее вдаваться. А три-Джейн просто ревновала…

Фигура матери Кумико качнулась дымком и растаяла.

– О, дорогая, – сказал Колин, – боюсь, я утомил благородную леди. Параллельно нашей с ней пикировке мы вели нечто вроде позиционной войны, только на другом уровне командных программ. Ситуация патовая. Разумеется, временно; я уверен, леди три-Джейн без труда оправится…

Тик тем временем поднялся на ноги и принялся осторожно массировать руку.

– Господи, – выдохнул он, – я уж было решил, она мне ее напрочь из сустава вывернула.

– Она и вывернула, – сказал Колин, – но, уходя, так злилась, что позабыла сохранить изменения.

Кумико подошла к лошади поближе. Вблизи та и вовсе не походила на настоящую. Девочка коснулась лошадиного бока. Холодный и сухой, как старая бумага.

– И что нам теперь делать?

– Убираться отсюда. По коням! Кумико – вперед. Тик – назад.

Тик с сомнением поглядел на лошадь:

– Верхом на этом?

Больше в парке Уэно они никого не видели, хотя и скакали какое-то время в сторону зеленой стены, постепенно приобретавшей черты очень не японского леса.

– Но мы же должны быть в Токио, – запротестовала Кумико, когда они въехали в лес.

– Здесь все обрывками, – сказал Колин, – хотя вполне могу представить, что если поискать, то отыщется и какой-нибудь Токио. Однако, думается, я знаю точку выхода…

Тут он стал рассказывать ей о 3-Джейн, о Салли, об Анджеле Митчелл. Очень странная история.

На дальней стороне леса деревья казались просто огромными. Наконец они выехали на поле, заросшее высокой травой и полевыми цветами.

– Смотрите, – сказала Кумико, увидев сквозь ветви высокий серый дом.

– Да, – отозвался Колин, – оригинал находится где-то на окраине Парижа. Но мы почти на месте. Я имею в виду точку выхода…

– Колин! Ты видел? Женщина. Вон там…

– Да, – сказал он, не давая себе труда повернуть голову. – Анджела Митчелл…

– Правда? Она здесь?

– Нет, – ответил он, – пока еще нет.

И тут Кумико увидела планеры. Очаровательные, похожие на стрекоз конструкции подрагивали на ветру.

– Вам туда, – сказал Колин. – Тик отвезет тебя назад на одном из…

– Да ни за что, – запротестовал сзади Тик.

– Это ведь очень просто. Как будто работаешь с декой. В данном случае вообще одно и то же…

С Маргейт-роуд прилетели раскаты смеха и пьяные голоса, за которыми последовал звон бутылки, разбившейся о кирпичную стену.

Зажмурив глаза, Кумико неподвижно сидела в кресле и вспоминала, как планер взмыл в голубое небо и… и что-то еще.

Зазвонил телефон.

Глаза девочки тут же распахнулись.

Выпрыгнув из кресла, она промчалась мимо Тика, оглядела стеллажи с оборудованием в поисках телефона. Нашла его наконец и…

– Домосед, а домосед, – сказала Салли издалека; ее голос пробивался сквозь мягкий прибой статики, – что там у вас, черт возьми, происходит? Тик? С тобой все в порядке, приятель?

– Салли! Салли, где ты?

– В Нью-Джерси. Эй! Детка? Детка, что происходит?

– Я не вижу тебя, Салли! Экран пустой!

– Я звоню из автомата. Из Нью-Джерси. Что у вас случилось?

– Мне столько нужно тебе рассказать…

– Давай, – сказала Салли, – это ведь моя монетка.

38
Война на Фабрике (2)

Из высокого окна в дальнем конце чердака было хорошо видно, как горит ховер. Тут до Слика донесся все тот же многократно усиленный голос:

– ДУМАЕТЕ, ЭТО ЧЕРТОВСКИ ВЕСЕЛО, А? ХА-ХА-ХА, И МЫ ТОГО ЖЕ МНЕНИЯ! МЫ ДУМАЕМ: ВЫ, РЕБЯТА, ОФИГЕТЬ КАКИЕ ЗАТЕЙНИКИ, ТАК ДАВАЙТЕ ТЕПЕРЬ ПОВЕСЕЛИМСЯ ВМЕСТЕ!

Ничего не видно, только пламя над ховером.

– Мы просто уйдем, – сказала Черри у него за спиной, – возьмем воду, какую-нибудь еду, если она у вас есть. – Глаза у нее были красные, лицо залито слезами, но голос звучал спокойно. Слишком спокойно, на взгляд Слика. – Давай, Слик, что нам еще остается?

Слик обернулся к Джентри, ссутулившемуся на своем стуле перед проекционным столом. Сжимая руками виски, тот вглядывался в белую колонну, вздымающуюся посреди привычной радужной путаницы Муравейникова киберпространства. С тех пор как они вернулись на чердак, Джентри ни разу не пошевелился, даже слова не произнес. Каблук левого ботинка Слика оставлял на полу размытые темные следы – кровь Пташки; он наступил в лужу, когда они пробирались через цех Фабрики.

– Не смог сдвинуть с места остальных, – сказал вдруг Джентри, глядя на лежащий у него на коленях пульт дистанционного управления.

– Просто у каждого свой пульт, – ответил Слик.

– Пора спросить совета у Графа, – сказал Джентри, бросая пульт Слику.

– Я туда не пойду, – ответил Слик. – Иди сам.

– Нет необходимости, – отозвался Джентри, набирая что-то на встроенной в верстак клавиатуре; на мониторе возникло лицо Бобби Графа.

Глаза Черри широко распахнулись.

– Да скажите же ему, – начала она, – что ему скоро хана. Он кони двинет, если его не отсоединить от матрицы и не отправить прямиком в реанимацию. Он умирает.

Лицо Бобби на мониторе застыло. За его спиной резко обозначился фон: шея чугунного оленя, высокая трава с пятнами белых цветов, толстые стволы старых деревьев.

– Слышишь, ты, сукин сын? – заорала Черри. – Ты умираешь!

В легких у тебя все больше и больше жидкости, почки отказывают, сердцу кранты… От одного твоего вида меня блевать тянет.

– Джентри, – сказал Бобби; его голос из крохотного динамика в боковой панели монитора был едва слышен, – не знаю, какой там у вас расклад, ребята, но я организовал небольшой отвлекающий маневр.

– Мы так и не проверили мотоцикл. – Черри обняла Слика за плечи. – Даже не пошли посмотреть. Может, он на ходу.

– Что это значит – «небольшой отвлекающий маневр»? – освобождаясь от ее рук, спросил Слик и уставился в монитор.

– Я еще работаю над этим. Я ввел новый маршрут в программу автоматического грузовоза «Борг-Уорд», который недавно вылетел из Ньюарка.

Слик оторвался от Черри.

– Ну что ты сидишь, сделай хоть что-нибудь! – заорал он Джентри.

Тот поднял глаза, но в ответ лишь медленно покачал головой. Слик почуял первые признаки нового приступа корсаковского синдрома – отшелушиваясь, теряли очертания и исчезали крохотные частички памяти.

– Никуда он не пойдет, – ответил за ковбоя Бобби. – Он нашел Образ. А теперь просто хочет посмотреть, во что все это выльется. Каков будет конец. К вам уже едут одни люди… в некотором смысле друзья. Они освободят вас от «алефа». А я пока займусь этими сукиными детьми снаружи.

– Не собираюсь я тут торчать и смотреть, как ты подыхаешь! – взвыла Черри.

– А тебя никто и не просит. Мой вам совет – выбирайтесь отсюда. Дайте мне двадцать минут, и я их отвлеку.

Никогда еще Фабрика не казалась такой пустой.

Пташка лежит где-то в цеху у стены. Слик не переставал думать о спутанном ожерелье из ремешков и косточек у него на груди: перышки и разнокалиберные ржавые часики – все давно стоят, все показывают разное время… Дурацкое захолустное дерьмо. Но Пташки больше нет. Пожалуй, и меня скоро не будет, подумал он, ведя Черри по шаткой лестнице. Все не так, как раньше. И нет времени вывезти механизмы, – во всяком случае, без платформы и чьей-нибудь помощи не обойтись; он уже решил, что если уйдет, то сюда больше не вернется. Фабрике и так уже никогда не стать прежней.

Черри несла пластиковую канистру с четырьмя литрами фильтрованной воды, сетку с нечищеным арахисом и пятью

упаковками сухого супа «Биг-Гиндза» – это было все, что ей удалось разыскать на кухне. Слик нес два спальных мешка, фонарик и молоток.

Кругом было тихо, только ветер гремел рифленым металлом и шаркали по бетону их башмаки.

Слик и сам в точности не знал, куда он пойдет. Думал, что отведет Черри до фермы Марви и оставит ее там. Сам же, наверное, вернется проверить, как там Джентри. А она через день-другой найдет кого-нибудь, кто подвезет ее до того или иного городка Ржавого Пояса. Сама она, правда, про это еще не знает. Единственное, о чем она способна сейчас думать, – как отсюда убраться. Ее, похоже, одинаково пугала и перспектива увидеть смерть Бобби Графа, и те люди, что окружили Фабрику. Но Слик ясно видел, что Бобби все равно нет дела до того, умрет он или нет. Возможно, Бобби решил, что он просто останется в «алефе», как и З-Джейн. Или ему вообще на все наплевать; бывает, что с ума сходят и так.

Если уходить насовсем, думал Слик, свободной рукой направляя Черри через темноту, нужно бы заглянуть на прощанье к Судье, к Ведьме, к Трупорубу, к обоим Следователям. Правда, тогда ему придется сначала вывести Черри, потом вернуться… Но даже думая об этом, он знал, что это бессмысленно, что нет времени, что ее в любом случае нужно вывести…

– Здесь в стене, у самого пола, есть дыра, – объяснил он девушке. – Если выскользнуть через нее, может, никто нас и не заметит…

Когда он свернул в темноте, она сжала его руку.

Отверстие Слик отыскал на ощупь, просунул спальные мешки, молоток заткнул за пояс, лег на спину и стал протискиваться в дыру, пока голова и плечи не оказались снаружи. Небо висело низко, оно казалось лишь чуть-чуть светлее, чем тьма внутри Фабрики.

Издали вроде как донеслось слабое бормотание моторов, но потом и оно смолкло.

Упираясь каблуками, плечами, бедрами, он наконец пропихнулся наружу и сразу же перекатился по снегу.

Что-то ткнулось ему в ногу: это Черри выталкивала канистру с водой. Слик протянул за канистрой руку, и на тыльной стороне его кисти тут же загорелся красный светлячок. Отпрянув, Слик снова перекатился. Пуля, как гигантский молот, ударила в стену Фабрики.

И тут в небе вспыхнула осветительная ракета. Пробиваясь сквозь низкие тучи, Пустошь залил яркий белый свет. И сразу стало видно, что к Пустоши, раздув серые бока, снижается

беспилотный грузовоз – отвлекающий маневр Бобби. Вот фары грузовоза высветили второй ховер в тридцати метрах от Фабрики, фигуру в капюшоне и с винтовкой на его крыше…

Первый контейнер с грохотом ударился о землю прямо перед ховером и раскололся, выбросив фонтан упаковочных пенопластовых шариков. Второй, с двумя холодильниками, возместил промах прямым попаданием, смяв ховеру кабину. Переквалифицировавшийся в бомбардировщик дирижабль «Борг-Уорд» продолжал изрыгать контейнеры, а осветительная ракета, кружась, опустилась на землю и погасла.

Слик продрался обратно сквозь отверстие в стене, бросив воду и спальные мешки.

Бегом в темноту. Он потерял Черри. Потерял молоток. Девушка, должно быть, убежала вглубь Фабрики, когда человек в капюшоне сделал свой первый выстрел. Он же и последний, если стрелок угодил под рухнувший с небес контейнер…

Ноги сами собой привели Слика к пандусу, ведущему в каморку, где ждали его машины.

– Черри?

Он включил фонарик.

В круге света возник однорукий Судья. А перед Судьей стояла фигура с отбрасывающими свет зеркалами на месте глаз.

– Сдохнуть хочешь? – спросил женский голос.

– Нет…

– Гаси свет.

Темно. Бежать…

– Я вижу и в темноте. Ты только что засунул свой фонарик в карман куртки. И вид у тебя такой, будто тебе все еще хочется побегать. Ты у меня на мушке.

Бежать?

– И не думай об этом. Видел когда-нибудь игольник «Фудзивара Эйч-И»? Стоит игле попасть во что-то твердое, она взрывается. А если попадет в мягкое – например, в тебя, приятель, – войдет внутрь и тоже взорвется. Через десять секунд.

– Почему?

– Чтобы у тебя было время над этим подумать.

– Ты с теми парнями, что снаружи?

– Нет. Это вы сбросили на них плиты и прочую срань?

– Нет.

– Значит, Ньюмарк. Бобби Ньюмарк. Сегодня вечером я заключила сделку. Я сведу кое-кого с Бобби Ньюмарком – и смогу начать с чистого листа. А ты мне покажешь, где найти этого Ньюмарка.

39
Слишком много всего

И что же это, в конце концов, за место такое?

Дошло уже до того, что Мона перестала находить утешение в воображаемых советах Ланетты. Окажись Ланетта в подобной ситуации, решила Мона, она просто глотала бы «мемфисский черный» горстями до тех пор, пока не почувствовала бы, что все их проблемы ей до лампочки. У мира никогда еще не было так много движущихся частей и так мало этикеток для них.

Они ехали всю ночь, Энджи по большей части – в отключке. Теперь Мона определенно была готова поверить в историю о наркотиках – актриса все говорила и говорила… на разных языках, разными голосами. И это было хуже всего – голоса, потому что они обращались к Молли, подначивали ее на что-то, а она им отвечала, не отрывая глаз от дороги, и совсем не так, как если бы разговаривала с Энджи, стараясь ее успокоить, а, скорее, будто тут действительно был кто-то другой. Голосов, которыми говорила Энджи, было три, не меньше. Самой Энджи это причиняло явную боль, у нее деревенели мышцы и шла носом кровь. Мона сидела, наклонившись над ней, и промакивала кровь, переполненная странной смесью страха, любви и жалости к королеве своих грез – а может, это просто от магика. Но в бело-голубом мигании огней на трассе Мона видела свою собственную руку рядом с рукой Энджи, и они вовсе не были одинаковыми, даже форма другая, и это ее радовало.

Первый голос пришел, когда они ехали на юг, уже после того, как Молли привезла Энджи в вертолете. Этот только шипел и скрипел и раз за разом повторял что-то о Нью-Джерси и какие-то цифры, вроде бы обозначения на карте. Часа два спустя Молли завела ховер на стоянку отдыха дальнобойщиков и сказала, что они в Нью-Джерси. Здесь она вышла и отправилась звонить – надолго – из автомата с заиндевевшими от мороза стеклами. Когда Молли наконец вернулась, Мона увидела, как она швырнула телефонную карточку из окна прямо в застывшую на морозе грязь – выбросила, и все. Мона спросила, кому она звонила, а та сказала, что в Англию.

Мона тогда увидела руку Молли на рулевом колесе – на темных ногтях проступили желтоватые крапинки; такие возникают, когда отдираешь искусственные ногти. Нужно бы сначала обработать их растворителем, подумала Мона, а потом лечебной мазью.

Где-то за рекой они съехали с трассы. Деревья, поле, узкое двухполосное шоссе, временами – одинокий красный фонарь высоко на какой-нибудь вышке. Вот когда стали приходить другие голоса. И пошло: туда-сюда, туда-сюда. Голоса, потом Молли, опять голоса, опять Молли. Если разговор что-то и напоминал, так это попытки Эдди торговаться, только Молли умела это гораздо лучше, чем он. Даже не понимая, о чем идет речь, Мона была уверена, что Молли вот-вот своего добьется. Но она, Мона, просто не в состоянии это выдерживать, ей не вынести… этих голосов. Когда они приходили, ей хотелось забиться в угол как можно дальше от Энджи. Хуже всего был тот, кого звали Сам-Эдди или как-то вроде. Все голоса требовали, чтобы Молли отвезла Энджи куда-то ради чего-то, что они называли свадьбой. Тут Мона задумалась, не замешан ли здесь как-то Робин Ланье. Скажем, если Энджи и Робин собираются пожениться, то это просто обычная авантюра, в какие пускаются все звезды, чтобы заключить брак. Правда, ей никак не удавалось заставить себя в это поверить, и каждый раз, когда возвращался голос этого Сам-Эдди, волосы у Моны вставали дыбом. Однако она сообразила, что именно пытается выторговать Молли. Молли хотела, чтобы ее досье, полицейское или уж какое там, было вычищено под ноль. Мона с Ланеттой смотрели как-то фильм о девчонке, у которой было десять или двенадцать личностей, проявляющихся по очереди. Скажем, если одна была скромной малышкой, то другая – шлюховатой оторвой, но в фильме ничего не говорилось о том, что какая-то из этих личностей способна стереть свое личное дело в полицейском архиве.

Потом свет фар выхватил из темноты занесенную снегом равнину и низкие холмы цвета ржавчины – там, где ветер сдул белизну.

В ховере имелась небольшая электронная карта, какие бывают в такси или у дальнобойщиков, но Молли ее не включала, кроме одного раза – чтобы поискать цифры, которые называл ей голос. Через некоторое время Мона поняла, что именно Энджи указывает Молли, куда ехать, или, во всяком случае, это делают страшные голоса. Моне сильно хотелось, чтобы поскорее настало утро… Однако ночь еще не кончилась, когда Молли, погасив свет и прибавив скорость, понеслась сквозь тьму…

– Свет! – крикнула Энджи.

– Расслабься, – ответила Молли.

Мона вспомнила, как легко и ловко она двигалась в темноте у Джеральда. Тут ховер немного притормозил, вписался в длинный поворот и затрясся на неровной почве. Огоньки на

приборном щитке погасли, будто вырубились все приборы.

– А теперь ни звука, ясно?

Ховер снова набрал скорость.

Высоко в небе загорелся ослепительный белый огонь. Мона углядела за окном какой-то крутящийся падающий предмет, а над ним – что-то еще… похожее на серую луковицу…

– На пол! Да пригни же ты ее!

Мона дернула застежку ремня безопасности Энджи как раз тогда, когда что-то звонко ударило ховеру в бок. Она столкнула Энджи на пол и накрыла ее шубой. А потом Молли резко дернула руль влево, и ховер обогнул какое-то препятствие, которого Мона так и не заметила. Мона глянула вверх: на долю секунды появилось в призрачном свете большое полуразрушенное черное здание, над распахнутыми настежь воротами горела единственная белая лампочка. И вот они уже проскочили в эти ворота, турбина взвыла на реверсе.

Удар, скрежет.

Просто не знаю, сказал голос, а Мона подумала: ну я-то знаю, каково это.

Тут голос рассмеялся и все никак не мог остановиться. Смех то слышался, то пропадал, то слышался, то пропадал, как будто кто-то включал и выключал звук. И смех был уже вовсе не похож на смех, когда Мона открыла глаза.

Над ней сидела девушка с маленьким фонариком в руке, такой Ланетта обычно вешала на кольцо для ключей как брелок. Силуэт девушки был неотчетлив, луч уперся в расслабленное лицо Энджи. Девушка перевела взгляд на Мону, увидела, что та смотрит в ответ, и смех, который не был смехом, прекратился.

– Кто вы такие, черт побери?

Свет бил Моне в глаза. Выговор кливлендский. Упрямое лисье личико под растрепанными обесцвеченными волосами.

– Мона. А ты кто? – Но тут она увидела молоток.

– Черри…

– А молоток зачем?

– Кто-то охотится за мной и Сликом. – Черри перевела взгляд на молоток, потом снова подозрительно посмотрела на Мону. – Это не вы?

– Вряд ли.

– Ты на нее похожа. – Свет скользнул по лицу Энджи.

– Не моих рук дело. Во всяком случае, раньше я выглядела иначе.

– Вы обе выглядите как Энджи Митчелл.

– Да. Это она и есть.

Черри передернуло. На ней было три или четыре кожаные куртки, полученные от различных дружков, – таков был кливлендский обычай.

– В этот высокий замок… – раздался изо рта Энджи голос, густой и тяжелый, как грязь; выронив от изумления молоток, Черри въехала головой в крышу машины. – Моя лошадь теперь пойдет, – продолжал голос.

В мечущемся луче фонарика Черри они увидели, как на лице Энджи задергались мышцы.

– Что вы медлите здесь, маленькие сестры, теперь, когда все готово к свадьбе?

Лицо Энджи расслабилось, превратилось в ее собственное, из левой ноздри побежала тоненькая струйка ярко-алой крови. Энджи открыла глаза, поморщилась от резкого света.

– Где она? – спросила она Мону.

– Ушла, – ответила Мона. – Сказала мне оставаться с тобой…

– Кто? – спросила Черри.

– Молли. Она была за рулем…

Черри хотела найти кого-то по имени Слик. Мона хотела, чтобы вернулась Молли и сказала ей, что делать. Но Черри трясло от одной мысли о том, чтобы остаться здесь, в бывшем цеху; она сказала, это из-за людей снаружи, у них пушки. Мона вспомнила звук, когда что-то ударило в бок ховера. Забрав у Черри фонарик, она стала исследовать корпус машины. В правом борту оказалась дырка ровно такого размера, чтобы Мона смогла просунуть в нее палец, а в левом нашлась еще одна, но уже больше – в два пальца.

Черри сказала, что им лучше подняться наверх – туда, куда, наверное, ушел Слик, – пока эти люди не решили войти внутрь. Особой уверенности Мона не испытывала.

– Давайте же, – торопила Черри. – Слик, наверное, наверху, у Джентри и Графа…

– Что ты сейчас сказала? – Это был голос Энджи, точно такой, как в стимах.

Ладно бы пушки, но когда они выбрались из ховера, на Фабрике оказалось чертовски холодно, а Мона была по-прежнему без чулок. Но – наконец-то! – занялся рассвет: серым на черном стали вырисовываться прямоугольники – скорее всего, окна. Девушка по имени Черри вела их, по ее словам, куда-то «наверх», отыскивая себе дорогу краткими вспышками фонарика-брелока, сразу за ней шла Энджи, Мона же завершала процессию.

Тут она зацепилась за что-то каблуком. Шорох.

Наклонившись, чтобы отцепить эту дрянь, Мона обнаружила, что на ощупь это напоминает пластиковый пакет. Липкий. Внутри мелкие твердые штучки. Она глубоко вдохнула и выпрямилась, засунув пакет в боковой карман куртки Майкла.

А потом они долго взбирались по узким лестницам, круто уходящим вверх. Мех Энджи обметал руку Моны на шершавых и холодных перилах. Площадка, поворот, еще один пролет лестницы, еще площадка, снова лестница. Откуда-то потянуло холодом.

– Здесь что-то вроде моста, – сказала Черри. – Идти по нему нужно быстро, ладно? Потому что он вроде как… ну… уходит из-под ног…

А вот это было уже совсем неожиданно: и странная белая комната с высоким потолком, и провисающие полки, набитые растрепанными выцветшими книгами (Мона сразу же вспомнила о старике), и нагромождение каких-то консолей с извивающимися повсюду кабелями, и этот худой человек в черном – глаза горят, а волосы сзади затянуты в хвост, который в Кливленде называют «бойцовая рыбка», – и этот безумный смех, когда он увидел их, и еще этот мертвый парень.

Мона и раньше видела мертвецов, видела достаточно часто, чтобы распознавать их с первого взгляда. У смерти есть свой цвет. Время от времени во Флориде кто-нибудь лежал на куске картона на боковой дорожке возле сквота. Просто лежал и не поднимался. Одежда и кожа приобретали оттенок пыльной дорожки, и все же оттенок этот становился совсем другим, когда эти овощи наконец отдавали концы. Тогда приезжал белый фургон. Эдди говорил, это потому, что, если их не забрать, их раздует. Как кошку, которую как-то видела Мона. Кошка вздулась, как баскетбольный мяч, лежала на спине, лапы и хвост торчали во все стороны, как твердые палки, – Эдди ржал и ржал, никак не мог остановиться.

А теперь смеялся этот вот парень, явно под магиком – уж Мона-то знала, что означает подобный взгляд, – и Черри издала сдавленный звук, похожий на стон, а Энджи так просто застыла у двери.

– Тихо, все, – услышала Мона знакомый женский голос и обернулась.

В дверном проеме с небольшой пушкой в руке появилась Молли, а за плечом у нее образовался огромный парень с грязными волосами, на вид пень пнем.

– Постойте-ка смирно, пока я не разберусь, кто тут кто.

Худой в ответ только рассмеялся.

– Заткнись, – рассеянно бросила Молли, будто думала о чем-

то другом.

Она выстрелила, даже не посмотрев на пушку. Синяя вспышка на стене прямо над головой у худого и звон у Моны в ушах.

Худой свернулся калачиком на полу, зажав голову между колен.

Энджи подходит к носилкам, где лежит мертвый парень, глаза его закатились, так что видны одни лишь белки. Медленно-медленно. Будто движется под водой… И на лице такое странное выражение…

Рука Моны в кармане куртки что-то нащупывала сама по себе. Вертела, сжимала подобранный по дороге зиплок, говорила Моне, что в нем… магик.

Мона вытащила пакет – и вправду магик. Сам пакет липкий от подсыхающей крови. Три кристалла внутри и еще какие-то дермы.

Она сама не знала, почему вытащила его именно в этот момент, разве что потому, что все замерли без движения.

Худой с «бойцовой рыбкой» уже присел, но с пола не поднимался. Энджи склонилась над носилками, но, похоже, вообще не обратила внимания на мертвого, а вперилась взглядом в серый ящик, присобаченный к раме в изголовье. Черри из Кливленда вжалась спиной в полки с книгами и пыталась затолкать себе в рот костяшки сжавшихся в кулак пальцев. Большой парень просто стоял рядом с Молли, которая, склонив голову набок, будто к чему-то прислушивалась.

Ну кто может такое выдержать!

Стол был накрыт стальным листом. На столе под какой-то тяжелой железякой – пыльная стопка распечаток. Мона рядком, как пуговицы, выдавила все три кристалла, подняла железяку и – раз, два, три – размолола их в пыль. Сработало: все уставились на нее. Все, кроме Энджи.

– Извините, – услышала Мона собственный голос, сметая желтую горку пыли на раскрытую в ожидании левую ладонь, – бывает… – она зарылась носом в горку и вдохнула, – иногда, – добавила она и вдохнула остатки.

Никто не сказал ни слова.

И снова – в центре тишины. Точно как в тот раз.

Оно движется так быстро, что остается на месте.

Вознесение. Вознесение грядет.

Так быстро, что остается на месте, и она даже может вспомнить последовательно все, что произошло дальше. Сперва – гулкий хохот, «ХА-ХА-ХА», который совсем не похож на хохот. Нет, это просто голос через мегафон. Из-за двери. С того самого

подвесного мостика. И Молли разворачивается – плавно, грациозно, стремительно, – и все это так, как будто спешить ей некуда. Щелкает, как зажигалка, ее маленькая пушка.

Потом – синяя вспышка снаружи, и большого парня в дверях вдруг забрызгивает кровью, и со скрежетом рвется старый металл, и Черри начинает кричать еще прежде, чем подвесной мостик с громким рок-н-ролльным блямсом ударяется о бетонный пол в темном цеху – там, где Мона нашла окровавленный пакет с магиком.

– Джентри, – говорит кто-то, и тут она видит небольшой экран на столе, а на нем молодое лицо, – подсоедини ко мне пульт управления, который ты взял у Слика. Они – в здании.

Парень с «бойцовой рыбкой» с трудом поднимается на ноги и начинает возиться с проводами и консолями.

А Мона способна только смотреть, потому что внутри у нее так тихо, а все вокруг так интересно.

Смотрит, как большой парень, вдруг очнувшись, издает жуткий вопль и подбегает с криком: «Они мои, мои!..» Смотрит, как лицо на экране говорит: «Да ладно тебе, Слик, на самом деле они тебе уже не нужны…»

Затем где-то там, внизу, включается мотор, и Мона слышит сперва стрекот и перестук, а потом вдруг кто-то в цеху вопит нечеловеческим голосом.

И вот уже в высоком узком окне встает солнце. Мона незаметно переходит к окну и выглядывает наружу. На широкой ржавой равнине – что-то вроде фургона или ховера, только он погребен под горой не то холодильников, не то… да-да, новехонькие холодильники… и разломанные пластиковые клети вокруг… и еще кто-то в камуфляже – лежит, уткнувшись лицом в снег, а дальше, за ним – еще один ховер, но тот, похоже, сгорел дотла.

Как интересно!

40
Розовый атлас

Энджи Митчелл воспринимает эту комнату и находящихся в ней людей словно сквозь голографическую проекцию скользящих в воздухе символов. Будто бы эти разворачивающиеся плоскостями данные представляют собой различные точки зрения, хотя Энджи в большинстве случаев не уверена, чьи именно. Временами они перекрываются или противоречат друг другу.

Мужчина с неряшливым хвостом светлых волос и в расшитой черным бисером кожаной куртке – это Томас Трейл Джентри (сквозь нее каскадом течет информация о его рождении и цифры ГРЕХа), постоянного местожительства не имеет (в то же время другой источник сообщает ей, что эта комната принадлежит ему). В сером слое официальных данных обнаруживаются бледно-розовые мраморные прожилки неоднократных подозрений «Ядерной комиссии» в мошенничестве с коммунальными платежами. И вот Энджи видит его совсем в ином свете: он похож на ковбоев, с которыми ее познакомил Бобби; несмотря на молодость, этот Джентри совсем такой же, как те старики из «Джентльмена-неудачника». Он – самоучка, эксцентрик, одержимый; по его собственному мнению – ученый; он – лунатик, безумец, виновный (с точки зрения Маман, с точки зрения Легбы) в бесчисленных ересях. Леди 3-Джейн, согласно своей эксцентричной классификации, определила его как «АРТЮРА РЕМБО». (Отталкиваясь от этого имени, Энджи видит, как вспышку, еще одно лицо, но того зовут Ривьера, это второстепенный персонаж ее снов.) Молли специально оглушила этого Джентри, выстрелив из игольника так, что разрывная игла сдетонировала в восемнадцати сантиметрах от его черепа.

У Молли, как и у девочки Моны, ГРЕХа нет, ее рождение не зарегистрировано, и тем не менее вокруг ее имени (имен) роятся мириады предположений, слухов, противоречащих друг другу сведений. Уличная девчонка, проститутка, телохранитель, наемный убийца, она на различных уровнях сливается с тенями героев и злодеев, чьи имена ничего не говорят Энджи, хотя остаточные их образы уже давно вплетены в ткань мировой культуры. (Раньше все это тоже принадлежало 3-Джейн, а теперь принадлежит ей, Энджи.)

Молли только что убила человека, всадив ему в горло одну из своих разрывных игл. Упав на стальные перила, тяжелое,

увешанное оружием мертвое тело обрушило значительный участок подвесного мостика. Из этой комнаты нет другого выхода – факт, обладающий определенным стратегическим значением. В намерения Молли, вероятно, не входило уничтожение подвесного мостика. Она стремилась лишь помешать головорезу-наемнику воспользоваться его привычным оружием – мощным короткоствольным ружьем с покрытием из черного светопоглощающего сплава. Тем не менее чердак Джентри теперь надежно изолирован.

Энджи понимает, что значит Молли для 3-Джейн, видит, почему 3-Джейн желает заполучить эту женщину, видит причину ее ненависти – и, зная это, постигает всю банальность человеческого зла. Энджи видит, как Молли беспокойно рыщет по серому зимнему Лондону, рядом с ней маленькая девочка, – и знает, не зная откуда и как, что та же самая девочка находится сейчас на Маргейт-роуд, 23, Брикстон. (Континьюити?) До недавнего времени отец девочки был хозяином человека по имени Суэйн, позже этот ловчила перешел на службу к 3-Джейн – ради информации, которой она снабжает тех, кто повинуется ее воле. Как и Робин Ланье, хотя, конечно, последний надеется, что ему заплатят иной монетой.

К девушке Моне Энджи испытывает странную нежность, жалость и до некоторой степени завидует ей. Хотя девушку изменили так, чтобы она как можно больше напоминала ее саму, жизнь Моны не оставила практически никаких следов в ткани бытия и олицетворяет в знаковой системе Легбы максимальное приближение к невинности.

Черри-Ли Честерфилд окружена печальными небрежными каракулями, ее информационный профиль напоминает рисунок ребенка: привлечение к суду за бродяжничество, нелепые долги, прерванная карьера медтехника «скорой помощи», шестого разряда, – и все это в обрамлении даты рождения и ГРЕХа.

Слик, или Слик Генри, – среди неГРЕХовных, но 3-Джейн, Континьюити, Бобби – все они щедро одаривали его своим вниманием. Для 3-Джейн он служит как бы фокусом второстепенного ассоциативного кода: в его последовательном ритуале конструирования роботов – реакции на вызванную уголовной химкоррекцией психическую травму – она видит собственные провалившиеся попытки изгнать призрак бесплодной мечты Тессье-Эшпулов. В коридорах памяти 3-Джейн Энджи нередко набредала на каморку, где манипулятор с паучьими лапами, перемешивая обломки краткой и вздорной истории «Блуждающего огонька», воплощает в шкатулки пронзительно печальные, горькие воспоминания – акт затянувшегося

художественного коллажа. А у Бобби – воспоминания иные, они получены от художника, сумевшего добраться до вавилонской библиотеки З-Джейн: это рассказ о медленном, печальном, почти ребяческом труде, воздвигающем на плоской равнине под названием Собачья Пустошь новые образы боли и памяти.

Внизу, в холодной темноте Фабрики, одна из кинетических скульптур Слика, управляемая подпрограммой Бобби, как раз сейчас отделяет левую руку от тела очередного наемника при помощи механизма, позаимствованного два года назад у комбайна китайского производства. Наемник, чье имя и ГРЕХ проплывают мимо Энджи цепочкой горячих серебристых пузырьков, умирает, прижавшись щекой к сапогу Пташки.

Только Бобби – единственный из всех людей в этой комнате – не представлен символами. И Бобби – это не отслужившее свой век тело, ремнями привязанное к носилкам, с подбородком, покрытым пленкой засохшей блевотины. Бобби – это даже не насмешливое, до боли знакомое лицо, глядящее на нее с монитора на верстаке Джентри. Может быть, Бобби – это массивный параллелепипед памяти, привинченный над носилками?

И вот, ступив на уходящие в бесконечность дюны грязного розового атласа под искусственным стальным небом, Энджи наконец-то свободна и от этой комнаты, и от всей ее информации.

Рядом с ней идет Бригитта, и нет никакого давления или пустоты ночи, никакого гудения потревоженного улья. Нет свечей. Континьюити тоже тут, представленный в виде самоходного завитка серебристой мишуры, который почему-то напоминает Энджи о Хилтоне Свифте на пляже в Малибу.

– Как ты себя чувствуешь? Лучше? – спрашивает Бригитта.

– Спасибо, намного.

– Я так и думала.

– Почему тут Континьюити?

– Потому что он твой двоюродный брат, созданный из биочипов «Мааса». Потому что он юн. Мы провожаем тебя на свадьбу.

– Но кто ты, Бригитта? Что ты есть на самом деле?

– Я – послание, которое приказали написать твоему отцу. Я – веве, которые он прочертил в твоей голове. – Бригитта придвигается ближе. – Будь поласковей с Континьюити. Он боится, что своей неуклюжестью заслужил твое недовольство.

Серебристая мишура бежит впереди них по атласным дюнам, чтобы возвестить о прибытии невесты.

41
Мистер Янака

Модуль «Маас-Неотек» уже остыл и на ощупь был едва теплым, но белая пластиковая подкладка под ним потемнела, будто от сильного жара. Запах паленых волос…

Кумико смотрела, как на лице Тика наливаются черные синяки. Он послал ее к шкафчику возле кровати за потертой жестянкой из-под сигарет – коробка была забита таблетками и дисками дермов. Разорвав ворот рубашки, жокей вдавил три самоклеющихся диска в фарфорово-белую кожу шеи.

Девочка помогла ему соорудить некое подобие перевязи, свернув петлей оптический кабель.

– Колин же говорил, что она забыла…

– Зато я не забыл… – Тик со свистом втянул воздух сквозь стиснутые зубы, с трудом продевая руку в петлю. – Конечно, все это было только кажущимся. Но болеть рука будет долго… – Он поморщился.

– Мне очень жаль…

– Да ладно. Салли мне рассказывала. О твоей матери, я имею в виду.

– Да… – не отводя от него взгляда, сказала Кумико. – Она покончила с собой. В Токио.

– Кем бы ни была та женщина, это не твоя мать.

– Модуль… – Она посмотрела на обеденный стол.

– Она его выжгла. Впрочем, Колину это без разницы, он остался там. Развлекается с этим ее конструктом. Так что же затеяла наша Салли?

– С ней Анджела Митчелл. Салли отправилась на поиски того, из чего вырос этот макроформ. Какое-то место под названием Нью-Джерси.

Зазвонил телефон.

На широком экране за телефоном – отец Кумико, вернее, плечи и голова: видны черный костюм, часы «Ролекс», целая галактика микроустройств и опознавательных знаков братства на лацкане пиджака. Кумико подумалось, что вид у него усталый – усталый и очень серьезный. Серьезный человек за черной гладью стола в своем кабинете. Кумико пожалела, что Салли звонила из автомата без видеокамеры. Ей очень хотелось снова ее увидеть. Да, теперь, вероятно, такой возможности больше уже не представится.

– Ты хорошо выглядишь, Кумико, – сказал отец.

Девочка напряглась, выпрямилась, сидя лицом к маленькой камере, установленной прямо под настенным экраном. По привычке она призвала маску матери, ту, что выражала пренебрежение и надменность, но ничего не вышло. Кумико растерянно потупила взгляд, уставившись на судорожно сжатые на коленях руки. Внезапно она осознала присутствие Тика, его смущение и страх – маленький человечек попал в ловушку в собственном кресле, стоявшем здесь же, напротив камеры.

– Ты поступила совершенно правильно, покинув дом Суэйна, – говорил тем временем отец.

Она вновь встретилась с ним взглядом.

– Он – твой кобун.

– Уже нет. Пока нас отвлекали трудности, возникшие в нашем собственном доме, он заключил новый и очень сомнительный союз, избрав курс, который мы не могли бы одобрить.

– А ваши трудности, отец?

Не вспыхнула ли у него на лице мимолетная улыбка?

– Со всем этим покончено. Порядок и согласие восстановлены.

– А… гм-м… простите меня, сэр… мистер Янака, – начал было Тик, но потом, похоже, совсем потерял голос.

– Да. А вы?…

Покрытое синяками лицо Тика перекосилось, сделавшись воплощением траура.

– Его зовут Тик, отец. Он предоставил мне убежище и защиту. Вместе с Коли… с модулем «Маас-Неотек» он сегодня вечером спас мне жизнь.

– Правда? Меня об этом не информировали. Я пребывал в убеждении, что ты не покидала этих апартаментов.

Что-то холодное…

– Как? – спросила она, подавшись вперед. – Откуда вы можете это знать?

– Модуль «Маас-Неотек» сообщает о твоем местонахождении и твоих передвижениях, когда они становятся ему известны. Сигнал поступил, как только модуль вышел из-под блокады систем Суэйна. Мы разместили наблюдателей в этом районе. – (Кумико тут же вспомнила продавца лапши…) – Естественно, не ставя об этом в известность Суэйна. Но модуль так и не передал повторного сообщения.

– Он разбился. Несчастный случай.

– И все же ты говоришь, что этот человек спас тебе жизнь?

– Сэр, – обрел голос Тик, – прошу прощения, но я хотел бы спросить… я под крышей?

– Под крышей?

– Ну, защищен? От Суэйна то есть и от его шайки из Особого отдела. И от всех остальных…

– Суэйн мертв.

Повисло молчание.

– Но кто-то же будет всем этим управлять? Я хочу сказать, всей этой игрой. Вашим бизнесом.

Мистер Янака разглядывал Тика с откровенным любопытством.

– Конечно. Как еще можно надеяться сохранить порядок и согласие?

– Дайте ему слово, отец, – вмешалась Кумико, – что ему не будет причинено никакого вреда.

Янака перевел взгляд с дочери на гримасничающего Тика.

– Сэр, примите мою искреннюю благодарность за защиту моей дочери. Отныне я ваш должник.

– Гири, – проговорила Кумико.

– Господи, – выдавил Тик, – ну надо же!

– Отец, – сказала Кумико, – в ночь, когда умерла моя мать, велели ли вы своим секретарям позволить ей выйти одной?

Лицо отца было совершенно неподвижно. Но у нее на глазах оно наполнилось горем, какого она до сих пор никогда не видела.

– Нет, – ответил он наконец, – я не велел.

Тик кашлянул.

– Спасибо вам, отец. Теперь я вернусь в Токио?

– Естественно, если пожелаешь. Хотя, насколько я понимаю, тебе удалось осмотреть лишь очень незначительную часть Лондона. Вскоре в апартаменты мистера Тика прибудет мой компаньон. Если ты пожелаешь остаться и осмотреть город, он это устроит.

– Благодарю вас, отец.

– До свидания, Куми.

И он исчез.

– Ну а теперь, – сказал Тик, с гримасой на лице протягивая ей здоровую руку, – помоги мне встать с этого…

– Но тебе же требуется медицинская помощь.

– Да неужто?

Он умудрился подняться на ноги и заковылял к туалету, как вдруг дверь отворилась и с темной лестничной площадки в комнату заглянул Петал.

– Если вы сломали мой чертов замок, – приветствовал его Тик, – неплохо бы за него заплатить.

– Прошу прощения, – сказал Петал, моргнув. – Я пришел за мисс Янака.

– Тем хуже для вас. Я только что говорил по телефону с ее отцом. Большой босс сказал нам, что Суэйн сыграл в ящик. Сказал, что посылает сюда нового босса. – И Тик улыбнулся плутовато и с триумфом.

– Но, видите ли, – мягко проговорил Петал, – это я.

42
В цеху Фабрики

А Черри все кричит.

– Заткните ее кто-нибудь, – бросает Молли от двери, где стоит со своей маленькой пушкой в руке, и Моне кажется, что Молли обращается именно к ней.

Кто, как не она, Мона, может передать Черри частицу своего покоя, где все так интересно и ничто тебя не достает, и по пути через комнату она видит на полу скомканный зиплок и вспоминает, что там ведь были еще какие-то дермы. Может, это как раз то, что поможет Черри успокоиться?

– Вот, – говорит она, подходя к девушке, выдавливает дерм из упаковки и налепляет ей на шею.

Крик Черри скользит вниз по шкале громкости, стихает до невнятного бульканья, и она оседает по стене старых книг, но Мона уверена, что с ней все будет в порядке. Однако внизу стрельба – автоматные очереди. Снаружи за Молли пролетают, с треском отскакивают, рикошетят от стальных балок белые трассирующие пули. А Молли кричит Джентри, чтобы включил чертов свет.

Это должно означать лампы внизу, потому что здесь, наверху, все залито ярким светом, настолько ярким, что Моне видны маленькие пушистые шарики и разноцветные следы, которые тянутся за вещами, если внимательно приглядеться. Трассеры. Вот как называются эти пули, которые светятся. Эдди рассказывал ей о таких во Флориде, когда охрана гоняла их с частных пляжей, стреляя из темноты.

– Ну да, свет, – говорит лицо с маленького экрана. – Ведьме плохо видно…

Мона улыбается ему. Она не думает, что кто-нибудь, кроме нее, это услышал. Какая еще Ведьма?

И вот Джентри и большой Слик начинают, кряхтя, срывать толстые желтые провода со стен, где они были прикреплены серебристой лентой, и втыкать их в эти железные ящики. Черри из Кливленда теперь сидит на полу с закрытыми глазами, а Молли, пристроившись на корточках у двери, обеими руками сжимает пушку, а Энджи…

Успокойся.

Она услышала это слово, сказанное чьим-то голосом, но голос этот не мог принадлежать никому из тех, кто был в комнате. Она подумала, что это, должно быть, Ланетта, только

она умеет так сказать – сквозь время, сквозь покой.

Потому что Энджи сидит на полу рядом с носилками, ноги согнуты в коленях неподвижно, как у статуи, руки обнимают тело мертвого парня.

Лампы тускнеют – это Джентри со Сликом нашли нужный контакт, а Моне чудится, что она услышала, как лицо на мониторе охнуло. Но сама она уже движется, идет к Энджи, видя (внезапно и с такой ясностью, что даже больно) тонкую струйку крови, вытекающую из ее левого уха.

Но даже тогда покой не оставляет Мону, хотя она и начинает уже чувствовать жжение где-то в глубине горла и вспоминает вдруг слова Ланетты: не смей, мол, эту дрянь просто нюхать, она проест в тебе дырки.

А спина у Молли – прямая, руки вытянуты… За дверь и куда-то вниз, и не к этому серому ящику, а к пистолету, этой маленькой штучке – Моне слышно, как она делает «чик-чик-чик», а потом слышатся три взрыва где-то далеко внизу, – и там, должно быть, сверкают три голубые вспышки. Но руки Моны уже обнимают Энджи, запястья щекочет испачканный кровью мех. Она заглядывает в пустые глаза, где затухает свет. Дальняя дорога, самый далекий путь.

– Эй, – зовет Мона, но никто ее не слышит, только Энджи, но и Энджи уже не слышит, уронив голову на труп в спальном мешке, – эй…

Мона поднимает глаза – как раз вовремя, чтобы ухватить взглядом последнюю картинку на экране и увидеть, как та угасает.

А после этого очень долго ничто уже не имело значения. Не так, как в беззаботности покоя или на овердрайве от кристаллов, и это вовсе не походило на обычную ломку, скорее – на чувство, когда все осталось далеко в прошлом, так, наверное, чувствуют себя духи.

Она стояла в дверях между Молли и Сликом и смотрела вниз. В тусклом свечении больших старых ламп было видно, как, дергаясь, мечется по грязному бетонному полу железный паук. У паука были большие искривленные ножи, которые щелкали и поскрипывали при каждом его движении, но больше там не двигался никто, а робот все копошился, как сломанная игрушка, туда-сюда перед искореженными остатками тех мостков, по которым когда-то давно она пробиралась вместе с Энджи и Черри.

Черри наконец смогла подняться на ноги – бледная, с обмякшим лицом – и сорвала с шеи дерм.

– С-сильн’й м’шечный релакс-сант, – с трудом выдавила она.

И Мона почувствовала себя худо, вдруг поняв, что опять наделала глупостей, думая, что пытается помочь. Но с магиком всегда так, и почему она не может остановиться?

Потому что ты подсела, идиотка, услышала она слова Ланетты, но думать об этом ей не хотелось.

И вот они все просто стояли и смотрели вниз на железного паука, продолжавшего метаться по бетонному полу, окончательно разряжая аккумуляторы. Все, кроме Джентри, который отвинчивал болты, крепившие серый ящик к раме над носилками, переступая своими черными ботинками рядом с рыжей шубой Энджи.

– Слышите? – сказала Молли. – Это вертолет. Большой вертолет.

Она была последней в очереди на спуск, если не считать Джентри, который просто сказал, что никуда не пойдет, что ему плевать, что он остается.

Трос был толстый и грязный, с завязанными на нем узлами, чтобы за них цепляться, – это напомнило Моне качели из ее далекого-далекого детства. Слик и Молли спустили сначала серый ящик. Они опустили его на платформу, где металлические лестницы остались неповрежденными. Потом Молли ловко, как белка, соскользнула вниз – будто вообще не касаясь каната – и крепко привязала конец к перилам. Слик спускался медленно, потому что на плече у него висела Черри, которая была еще слишком расслаблена, чтобы одолеть спуск сама. Мона все еще чувствовала себя виноватой и подумала, не поэтому ли они решили оставить ее наверху.

Впрочем, решение приняла Молли, еще когда стояла у высокого окна, глядя на то, как из длинного черного вертолета выскакивают и рассыпаются по снегу люди.

– Посмотрите-ка, – сказала она. – Они уже знают. Пришли подобрать остатки. Это «Сенснет». А я сваливаю.

Черри пробормотала, что они тоже уходят, она и Слик. А Слик пожал плечами, потом ухмыльнулся и обнял ее за плечи.

– А что будет со мной?

Молли посмотрела на нее. Или казалось, что посмотрела. Ничего не поймешь с этими зеркалами. На долю секунды над нижней губой мелькнули белые зубы. Потом она сказала:

– Мой тебе совет – оставайся. Пусть они сами разбираются. Ты же, в сущности, ни в чем не виновата. Все это была не твоя идея. Думаю, они предложат тебе какую-нибудь компенсацию. Во всяком случае, попытаются. Да, ты остаешься.

Мона не нашла в этих словах ни крупицы смысла, но сейчас

она чувствовала себя совсем дохлой, начиналась ломка, и у нее уже не было сил спорить.

А потом они просто ушли, спустились по тросу и исчезли. Вот и все, вот так люди уходят, и ты их никогда больше не увидишь. Мона оглянулась назад в комнату и увидела, что Джентри ходит перед своими полками, водя пальцем по корешкам книг, будто ищет какую-то конкретную. Носилки он прикрыл одеялом.

Поэтому она просто ушла, и ей уже никогда не узнать, нашел Джентри ту книгу или нет. Она кое-как сползла по канату, и это было совсем не просто, не так, как у Молли и Слика. Особенно при ее состоянии, поскольку Моне казалось, что она вот-вот вырубится, и руки-ноги, похоже, не слишком хорошо ее слушались, и нужно было прилагать неимоверные усилия, чтобы заставить их работать, а еще нос и горло совсем заложило… Так что того черного она заметила, только когда спустилась.

Черный человек стоял рядом с тем местом, где раньше суетился паук – теперь тот не шевелился. Когда ее туфли заскрежетали по стальной платформе, черный поднял глаза. И в лице его было что-то настолько печальное, когда он ее увидел… Выражение, мелькнув, пропало, и он стал медленно подниматься по металлическим ступенькам. Когда он подошел ближе, Мона усомнилась, а настоящий ли это негр. Ладно бы цвет кожи – по цвету он определенно был негр, – но что-то в форме голого черепа, в чертах угловатого лица, не совсем таких, какие она привыкла видеть у негров… Он был высоким, очень высоким. На нем было длинное черное кожаное пальто – из такой тонкой кожи, что струится, как шелк.

– Здравствуй, мисси, – сказал, оказавшись перед ней, черный человек и двумя пальцами приподнял ее подбородок так, что она теперь смотрела прямо в агатовые с золотыми искорками глаза, каких не бывает на свете. И длинные пальцы у нее на подбородке были такие легкие… – Мисси, – спросил незнакомец, – сколько тебе лет?

– Шестнадцать…

– Тебе постричься бы, – сказал он, и что-то такое трогательно серьезное было в том, как он это сказал.

– Энджи там, наверху, – сказала она, когда вновь обрела голос. – Она…

– Тсс.

Из глубины огромного старого здания донесся грохот металла о металл, потом шум ожившего мотора. Ховер, подумала Мона, тот, в котором их привезла Молли.

Черный человек задрал брови – вернее, сделал вид, будто их задрал, потому что у него не было бровей.

– Друзья? – Он опустил руку.

Она кивнула.

– Хорошо. – Он взял ее за руку, чтобы помочь сойти с лестницы.

Благополучно спустившись, они обогнули обломки подвесного мостика. Там лежал кто-то мертвый – в камуфляже и с громкоговорителем, какие бывают у копов.

– Свифт, – позвал черный человек через все это гулкое пустое пространство с черными решетками пустых окон: черные линии на фоне белого неба, зимнего утра. – Двигай сюда. Я ее нашел.

– Но я – не она…

И там, где на фоне неба, снега и ржавчины стояли настежь огромные ворота, она увидела идущего к ним пиджака: пальто нараспашку, галстук хлопает на ветру. А Молли разгоняет мимо него свой ховер, и машина выскакивает из тех же самых ворот. А пиджак даже не оборачивается, потому что смотрит на Мону.

– Я – не Энджи, – повторила она еще раз, подумав, не рассказать ли им о том, что она видела. Об Энджи и об этом молодом парне, обнявшихся на маленьком экранчике за миг до того, как погасло изображение.

– Я знаю, – сказал черный человек, – но это дело наживное.

Вознесение. Вознесение грядет.

43
Судья

Женщина повела их к ховеру, припаркованному внутри Фабрики, если можно назвать припаркованной машину, передок которой смят об одно из бетонных оснований, на которых когда-то стояли станки. Это был белый грузовик с надписью «КИТАЙСКИЕ КАТОДЫ» на задних дверях, и Слик еще удивился, как ей удалось заехать сюда так, чтобы они не слышали. Должно быть, это произошло в тот момент, когда Бобби Граф производил свой отвлекающий маневр.

«Алеф» оттягивал руки, как будто Слик нес небольшой моторный блок.

Ему не хотелось смотреть на Ведьму, потому что на ее серпах была кровь – не для того он ее создавал. Рядом лежали два трупа, вернее, то, что от них осталось, – на это тоже не хотелось смотреть.

Слик перевел взгляд на брусок биософта с прикрученными к нему аккумуляторами и задумался, там ли еще все это: серый дом, и Мексика, и глаза 3-Джейн.

– Подожди, – приказала женщина.

Они проходили мимо пандуса, ведущего к каморке, где он держал свои автоматы; Судья был еще там, Трупоруб…

Пушку женщина по-прежнему держала на виду.

– Она сказала подождать. – Слик положил Черри руку на плечо.

– Эта штука, которую я видела вчера ночью, – сказала женщина, – однорукий робот, он работает?

– Ага…

– Он сильный? Унесет груз? По пересеченной местности?

– Да.

– Давай его сюда.

– А?

– Заведи его в кузов. Шевелись.

Черри почти висела на Слике, колени у нее подкашивались после того, что дала ей эта девчонка.

– Ты, – Молли пушкой указала на Черри, – в ховер.

– Давай, – легонько подтолкнул Черри Слик.

Поставив «алеф» на пол, он поднялся по пандусу туда, где в темноте поджидал Судья. Левая рука лежала рядом на брезенте, там, где Слик оставил ее несколько дней назад. Ему уже никогда не наладить ее так, чтобы пила работала как следует. Тут же на

пыльной и проржавевшей металлической полке лежал пульт дистанционного управления. Взяв его, он подал в Судью ток, и коричневый панцирь автомата слегка задрожал.

Он заставил Судью шагнуть вперед, потом – шаг за шагом – свел его по пандусу в цех; гироскопы идеально компенсировали отсутствие руки. Женщина уже успела открыть задние двери ховера, и Слик повел Судью прямо туда. Женщина чуть подалась назад, когда робот навис над ней. Серебристые стекла отразили полированную ржавчину. Слик подошел следом за Судьей и начал прикидывать, как бы втиснуть автомат внутрь. Он не видел в этом никакого смысла, но, должно быть, у нее имелась какая-нибудь задумка на этот счет. Да какая разница, будь что будет, только бы не оставаться теперь на Фабрике, где повсюду трупы. Он вспомнил о Джентри, оставшемся там, наверху, со своими книгами и этими телами. На чердаке были еще две девушки, и обе они выглядели как Энджи Митчелл. Теперь одна из них мертва – он не знал, как это получилось, – а второй женщина с пушкой велела ждать…

– Ну давай же, загоняй этот чертов механизм внутрь, нам пора сваливать…

Когда ему удалось уложить Судью в кузове ховера – на бок, ноги подогнуты, – он захлопнул двери, обежал вокруг и забрался в кабину с пассажирской стороны. «Алеф» уместился между передними сиденьями. Черри, дрожа, свернулась на заднем, под огромной оранжевой паркой с логотипом «Сенснета» на рукаве.

Женщина запустила турбину и подала воздух в подушку. Слик подумал, что они застрянут, не слезут с бетонного выступа, но когда женщина дала задний ход, с лязгом оторвалась только хромированная полоска, и они высвободились. Развернув ховер, она направила машину к воротам.

Выезжая наружу, они миновали мужчину в костюме, галстуке и пальто из твида, который, казалось, их даже не заметил.

– Это еще кто?

Женщина пожала плечами.

– Возьмешь ховер? – спросила она.

Они уже успели отъехать километров на десять от Фабрики, а Слик за все это время даже ни разу не оглянулся.

– Ты его увела?

– Конечно.

– Я – пас.

– Да?

– Я сидел. За угон машин.

– А как там твоя подружка?

– Спит. И она не моя подружка.

– Нет?

– Я все хочу спросить: а ты кто?

– Деловая женщина.

– И что за бизнес?

– Трудно сказать.

Небо над Пустошью было чистым и ярко-белым.

– Ты приехала за этим? – Он похлопал по «алефу».

– Вроде того.

– А что теперь?

– Я заключила сделку. Доставила Митчелл к ящику.

– Так это была она, та, что откинулась?

– Да, это была она.

– Но она умерла…

– Есть смерть и смерть.

– Как три-Джейн?

Ее голова качнулась, будто она бросила на него беглый взгляд.

– Что ты об этом знаешь?

– Я ее однажды видел. Там, внутри.

– Ну она по-прежнему там, но ведь и Энджи тоже.

– И Бобби.

– Ньюмарк? Да уж.

– Так что ты собираешься с этим делать?

– Это ведь ты сделал все эти штуки? Ту, что сейчас в кузове, и остальные?

Слик обернулся через плечо туда, где в грузовом отсеке, как большая ржавая кукла без головы, свернулся Судья.

– Да.

– Значит, с инструментами обращаться умеешь?

– Наверное.

– О'кей. У меня есть для тебя работенка.

Она затормозила возле рыхлого гребня из прикрытого снегом мусора и плавно съехала под уклон. Мотор заглох.

– Там где-то должен быть ремнабор. Достань инструменты, заберись на крышу, поставь солнечные батареи, протяни провода. Мне нужно, чтобы эти батареи подзаряжали аккумулятор «алефа». Сможешь?

– Наверно. А зачем?

Она откинулась на спинку сиденья, и Слик вдруг понял, что она гораздо старше, чем кажется, и очень-очень устала.

– Митчелл теперь там. Они хотят дать ей какое-то время, вот и все…

– Они?

– Бог его знает кто. Или что. То, с чем я заключила сделку. Как по-твоему, сколько протянет аккумулятор, если солнечные батареи работают?

– Пару месяцев. Может, год.

– Сойдет. Я это спрячу где-нибудь, где батареи всегда будут на солнце.

– А если просто отключить ток, что тогда?

Вытянув руку, она провела кончиком указательного пальца вдоль тонкого кабеля, соединяющего «алеф» с аккумулятором. Слик увидел ее ногти в утреннем свете; ногти выглядели искусственными.

– Слышишь, три-Джейн, – сказала она, по-прежнему держа палец на кабеле. – Моя взяла.

Тут ее пальцы сжались в кулак, потом разжались, как будто она отпустила что-то на волю.

Черри хотелось рассказать Слику обо всем, что они сделают, когда доберутся до Кливленда. Он приматывал две плоские солнечные батареи к широкой груди Судьи серебристой лентой. Серый «алеф» был уже закреплен на спине автомата такой же лентой. Черри говорила, что знает, где сможет найти для Слика работу – чинить железо в залах компьютерных игр. Он слушал вполуха.

Все наладив, он протянул женщине пульт дистанционного управления.

– Нам тебя ждать?

– Нет, – ответила она. – Поезжайте в Кливленд. Черри же только что тебе сказала.

– А ты как?

– Пойду прогуляюсь.

– Хочешь замерзнуть? Умереть с голоду?

– Хочу для разнообразия, черт побери, побыть немного самой собой.

Она пощелкала кнопками, Судья дрогнул, сделал шаг вперед, потом другой.

– Удачи в Кливленде.

Они смотрели, как она уходит по Пустоши, а за ней тяжело ступает Судья. Потом она вдруг обернулась и крикнула:

– Эй, Черри! Загони этого парня в ванну!

Черри помахала в ответ, на ее кожаных куртках зазвенели застежки[88].

44
Красная кожа

Петал сказал, что чемоданы ждут ее в «ягуаре».

– Я подумал, что тебе не захочется возвращаться назад в Ноттинг-Хилл, – продолжал он, – так что мы подыскали тебе жилье в Кэмден-Тауне.

– Петал, – сказала девочка, – я хочу знать, что случилось с Салли. – (Он завел мотор.) – Суэйн ее шантажировал. Заставлял ее выкрасть… – продолжала она.

– А… ну тогда… – прервал ее Петал. – Понимаю. Я бы на твоем месте не беспокоился.

– А я беспокоюсь.

– Ну, насколько я знаю, Салли сумела разобраться с этим небольшим дельцем. Разобраться по-своему. И если верить нашим друзьям из официальных кругов, она, по-видимому, устроила еще и так, чтобы все данные о ней, из каких бы то ни было баз, просто испарились – кроме как о контрольном пакете акций одного немецкого казино. А если с Анджелой Митчелл что-то и случилось, то в «Сенснете» решили не предавать это огласке.

– А я увижу Салли еще?

– Только не в моем приходе, пожалуйста.

Они отъехали от тротуара.

– Петал, – сказала Кумико, когда они ехали по улицам Лондона, – мой отец сказал, что Суэйн…

– Дурак. Идиот несчастный. Лучше не говорить об этом сейчас.

– Извини.

Обогреватель работал. В «ягуаре» было тепло, и только тут Кумико почувствовала, насколько она устала. Устроившись поудобнее на красном кожаном сиденье, девочка закрыла глаза. Каким-то образом, подумала она, встреча с З-Джейн освободила ее от стыда, а ответ отца – от гнева. З-Джейн была очень жестока. Теперь Кумико видела и жестокость своей матери. Но все когда-нибудь должно быть прощено, думала она, засыпая по пути к чему-то, что называлось Кэмден-Таун.

45
Гладкий камень вдали [89]

В этом доме (стены из серого камня, шиферная крыша) они поселились в самом начале лета. Луг и встающий за лугом лес – яркие и запущенные, однако высокая трава не становится выше, а полевые цветы не вянут.

За домом – садовые постройки, в которые они ни разу не заходили, и поле, где на ветру рвутся с поводка планеры.

Однажды, гуляя в одиночестве под дубами на краю этого поля, она увидела троих незнакомцев верхом на чем-то, что напоминало лошадь. Лошади давно уже вымерли, их род иссяк за много лет до рождения Энджи. В седле восседала стройная фигурка в одежде из твида – мальчик-грум, будто сошедший с какой-нибудь старинной картины. Перед ним – девочка-японка, а позади притулился бледный засаленный человечек в сером костюме и коричневых ботинках; над розовыми носками белели худые лодыжки. Заметила ли ее девочка, ответила ли ей взглядом?

Она забыла рассказать об этом Бобби.

Их постоянные посетители прибывали обычно на рассвете, хотя однажды среди бела дня заявился ухмыляющийся маленький кобольд, объявив о себе громким стуком молотка в тяжелую дубовую дверь. Когда она подбежала открыть, странный персонаж потребовал «этого маленького засранца Ньюмарка». Бобби представил ей незнакомца как Финна и, казалось, был рад его видеть. От поношенного пиджака гостя исходил смешанный запах стоялого дыма, древнего припоя и маринованной селедки. Бобби объяснил, что Финну всегда здесь рады.

– Лучше уж его принять. Все равно ведь не отвяжется, раз уж хочет войти.

Приходит и 3-Джейн – одна из рассветных визитеров, – печально и нерешительно. Бобби, похоже, едва замечает ее присутствие, но Энджи, которая поневоле так долго служила вместилищем стольких ее воспоминаний, откликается на эту странную смесь тщетных стремлений, разочарований, гнева и ревности. Поняв в конце концов мотивы 3-Джейн, Энджи научилась прощать и ее – хотя что и за что прощать, когда гуляешь среди этих дубов в лучах солнца?

Сны 3-Джейн утомляют Энджи. Она предпочитает другие, особенно те, в которых присутствует ее юная протеже. Эти сны приходят, когда утренний ветерок надувает кружевные занавески,

когда начинают перекликаться первые птицы. Тогда Энджи придвигается поближе к Бобби, закрывает глаза, мысленно произносит имя «Континьюити» и ждет появления маленьких разноцветных картинок.

Она видит, что девочку отвезли в клинику на Ямайке, вылечить от пристрастия к грубым стимуляторам. С новым обменом веществ, настроенным армией терпеливых «сенснетовских» медиков, девочка наконец начинает появляться в свете, полная здоровья и радости. Кто, как не Пайпер Хилл, настраивает ей сенсориум, и вот ее первые стимы встречены с беспрецедентным успехом. Во всем мире аудитория «Энджи» просто боготворит ее свежесть, ее энергию, ее непосредственность, с какой она будто впервые открывает для себя свою жизнь.

Иногда на дальнем экране промелькнет тень, но лишь на мгновение: окоченевшее тело задушенного Робина Ланье найдено на крыше отеля «Нью-Судзуки-Энвой». И Энджи, и Континьюити знают, чьи длинные пальцы сжались на горле звезды, чьи руки оставили его валяться на декоративном горном склоне.

Но кое-что все еще ускользает от ее понимания, один важный фрагмент той давней головоломки.

В тени дубов под стальными и нежно-розовыми закатными небесами Франции, которая не есть Франция, она просит Бобби ответить на этот последний вопрос.

Полночь, они ждут на подъездной дорожке, потому что Бобби пообещал Энджи ответ.

Часы в доме отбивают двенадцать, и она слышит, как по гравию шуршат шины. Машина оказывается длинной, низкой и серой.

За рулем – Финн.

Бобби открывает дверцу, чтобы помочь ей сесть.

На заднем сиденье уже сидит некий молодой человек – и Энджи вдруг узнает одного из той странной троицы, что проскакала когда-то мимо нее верхом на совершенно неправдоподобной лошади. Он улыбается, но молчит.

– Знакомься, это Колин, – говорит Бобби, устраиваясь рядом с ней. – А Финна ты уже знаешь.

– Она так и не догадалась? – спрашивает Финн, заводя мотор.

– Нет, – отвечает Бобби. – Не думаю.

Молодой человек по имени Колин улыбается.

– «Алеф» – это аппроксимация всей матрицы, – говорит он, – что-то вроде модели киберпространства…

– Да, я знаю. – Энджи поворачивается к Бобби. – Ну? Ты

пообещал, что назовешь причину того, «Когда Все Изменилось». *Почему* это произошло. Так как?

Финн смеется – очень странный звук.

– Дело не в том, *почему* это произошло, дамочка. Скорее, в том, *что* произошло. Помнишь, Бригитта как-то говорила тебе, что был еще и другой? Помнишь? Ну это и есть «что», а это «что» и есть «почему».

– Прекрасно помню. Она сказала, что, когда матрица наконец познала себя, откуда-то взялся этот «другой»…

– Туда мы сегодня и направляемся, – начинает Бобби, обнимая ее за плечи. – Это не очень далеко, но…

– Это иначе, – вмешивается Финн, – это по-настоящему иначе.

– Но что это?

– Увидишь, – говорит Колин, смахивая со лба прядь каштановых волос – жест школьника в какой-нибудь древней пьесе. – Когда матрица обрела разум, она одновременно осознала присутствие *другой* матрицы, другого разума.

– Не понимаю, – говорит Энджи. – Если киберпространство состоит из общей суммы всех данных в человеческой системе…

– Вот-вот, – говорит Финн, сворачивая на пустую прямую автостраду, – но ведь о *человеческой* никто и не говорит, понимаешь?

– Другой был в совсем ином месте, – говорит Бобби.

– В системе Центавра, – вносит свою лепту Колин.

Может, это они так шутят над ней? Очередной розыгрыш Бобби?

– Довольно сложно объяснить, почему, встретив этого другого, матрица раскололась на все эти колдовские духи, вуду и прочее дерьмо, – говорит Финн, – но, когда мы туда прибудем, кое-какое представление ты получишь…

– На мой взгляд, – добавляет Колин, – так просто куда забавнее…

– Вы правду мне говорите?

– Долетим за нью-йоркскую минуту, – говорит Финн. – Без дураков.

От автора

Уже прошло десять лет с того первотолчка, что запустил странный процесс, в результате которого на свет явились «Нейромант», «Граф Ноль» и «Мона Лиза овердрайв». Технологии, при помощи которой вы читаете эти слова, десять лет назад еще не было.

«Нейромант» был написан на «допотопной механической пишущей машинке» – той самой, что стояла на столе у Джулиуса Дина, если вы помните описание его кабинета в Тибе. Машинка эта, портативный «Гермес-2000» – изящный и прочный механизм, – была выпущена где-то в 1930-е фабрикой «Э. Пайяр и К°» в Ивердоне, Швейцария. В футляре она весит чуть меньше, чем нынешний мой «Макинтош SE/30», на котором я сейчас и пишу, и покрыта характерной зелено-черной, с «искрой», полировкой, возможно призванной напоминать обложку бухгалтерского гроссбуха. Клавиши тоже зеленые, из целлулоида, символы на них канареечно-желтые. (Однажды меня угораздило задеть клавишу-модификатор кончиком зажженной сигареты, драматично подтвердив тем самым исключительную огнеопасность этого древнего пластика.) В свое время «Гермес-2000» был одной из лучших портативных машинок в мире и одной из самых дорогих. Мой экземпляр достался мне от моего тестя, вернее от его отчима, который возделывал, можно сказать, журналистскую ниву и печатал на «Гермесе» хвалебные статьи о поэзии Роберта Бернса. Я же сочинял на нем сперва курсовые работы по английской литературе, потом свои первые рассказы, потом «Нейроманта» – а к живому компьютеру, считай, и близко не подходил.

Некоторым читателям это, судя по всему, кажется странным. Мне – вовсе нет. В 1981 году, когда я начал разрабатывать концепцию киберпространства (само слово впервые увидело свет на моем верном «Гермесе»), компьютеры по большей части представляли собой чудовищ размером с целую комнату, ощетиненных вращающимися катушками магнитной пленки. Однажды я видел компьютер издали, через окошко. Те мои приятели по университету, которые что-то на компьютерах считали, делали это в совершенно безбожное время, урывая часок-другой на кафедральных мейнфреймах по остаточному принципу.

Впрочем, примерно тогда же появился «Эппл IIс». Для меня он появился на рекламных плакатиках, которыми оклеивали автобусные остановки. Это соблазнительно компактное

устройство – собственно, выглядевшее не крупнее вашего нынешнего «Пауэрбука» – было снабжено ручкой, за которую держалась, непринужденно им помахивая, рука некоего пиджака в белоснежной манжете. Портативность! Ну не удивительно ли – целый компьютер такого крошечного размера? (Я не знал тогда, что еще нужно таскать с собой монитор, плюс довольно громоздкий трансформатор, плюс еще один дисковод, весивший немногим меньше самого компьютера.) Та «эппловская» реклама и послужила прямым источником вдохновения для киберпространственных дек в «Нейроманте». Как и «Гермес-2000», в свое время «IIc» – это было о-го-го.

Не то чтобы мне довелось воспользоваться им в то время. Не совсем. Но в конце концов мой «Гермес» умер. Некий штифт или еще какая штуковина пала жертвой усталости металла. Запчастей – не достать никакой силой, а я только-только начал «Графа Ноль». Пришлось пойти в лавку, торгующую подержанными машинками, и заплатить семьдесят пять долларов за переделанный конторский «Ройял» – громоздкий ужас, одна удлиненная каретка которого весила двадцать фунтов. А каретка удлиненная стоит потому, сказали мне, что машинка принадлежала бабуле божий одуванчик, печатавшей на ней лишь восковки с расписанием воскресной школы, дабы размножать его на ротаторе. (Хотя большинство из вас и не в курсе небось, что такое восковки или ротационные машины.)

Я достучал на этом ужасе «Графа Ноль», но, когда настало время браться за «Мону Лизу овердрайв», озаботился приобретением компьютера. Тогда же отец Брюса Стерлинга отдал ему свой старый «Эппл II», и Брюс соловьем разливался, какая, мол, это удобная вещь для того, чтобы составлять слова в строчки. Вспомнив те рекламки на автобусных остановках, я купил себе «Эппл IIc». Дело было году в восемьдесят шестом, на смену «IIc» давно пришли различные прото-«маки», и все хором говорили, что это чистый восторг, но для меня это было неподъемно дорого. Свой «IIc» я взял на распродаже в универмаге непосредственно перед тем, как машину сняли с производства, привез его домой и выяснил, к вящему своему разочарованию, что персональные компьютеры хранят информацию на таких кругляшках электромагнитной ленты, которые вращаются и довольно неприятно шумят. Вероятно, я думал, что данные просто, ну, содержатся. В сплетенье блистающего кремния. Или еще где. Но беззвучно.

И это был в буквальном смысле первый раз, когда я близко подошел к живому компьютеру. И до сих пор я знаю о них довольно мало. Правда эта, когда вскрывается, неизменно

шокирует читателей – по крайней мере, тех из них, кто на компьютерах особенно зациклен, а среди моих читателей таких немало.

Но «Нейромант» и два его продолжения – не о компьютерах. Иногда эти книжки делают вид, и довольно неубедительно, будто они посвящены компьютерам, однако на самом деле главная их тема – технология в некоем более широком смысле. Я лично подозреваю, что в действительности они об Индустриальной Культуре; о том, что мы делаем с машинами, что машины делают с нами, и о том, насколько бессознательным (и, как правило, беззаконным) этот процесс был, есть и будет. Если бы я и вправду хорошо разбирался (по меркам 1981 года) в информатике, очень сомневаюсь, что я захотел бы (или смог бы) написать «Нейроманта». Словом, вот и доказательство того, что бывают ситуации (по крайней мере, в литературе), когда недостаток знания – вещь не только опасная, но и лучший инструмент для выполнения определенной задачи.

Кстати, восковка – это такая пропитанная воском тонкая бумажка форматом чуть больше A4. Она заправляется в пишущую машинку (без ленты), вы печатаете, и получается трафарет, который вы накручиваете потом на ротационный барабан. Изнутри барабана подается типографская краска, и так вы можете напечатать сколько угодно копий (ну, пару тысяч – пока восковка не износится). Долгие годы, и до самого недавнего времени, ротаторы были распространены не менее широко, чем пишущие машинки. Лазерных принтеров-то еще не было. Ротационная машина – один из многих динозавров, недавно оказавшихся благодаря компьютеру на грани вымирания. Это мертвая техника; ее костями и завалена подсобка в лавке Финна. Как и «Гермес-2000». Как и «Эппл IIc», на котором мои дети не больно-то и хотят играть: его монохромный экран не выдерживает конкуренции с видеоиграми. Как и этот мой «SE/30»; как и в конечном счете любое устройство, сколь модным и современным оно ни казалось бы, на котором вы сейчас это читаете.

Я невероятно доволен, что эти три книги будут оцифрованы, заархивированы и опубликованы в столь революционном – ни малейших сомнений – формате[90]. Мы с вами присутствуем при смерти печатного слова в традиционном понимании термина и должны, по идее, испытывать сладкую дрожь ужаса и благоговения. Перед нами стремительно и бесповоротно распахивается мир, в котором слово «библиотека» означает лишь что-то на другом конце модемной линии.

Но, признаюсь, еще больше я доволен, размышляя о том, что любую технику, сколь угодно передовую по меркам дня

сегодняшнего, обязательно заменит что-то новое, невообразимое, и представляя себе, как эти слова, нечитанные и уже окончательно нечитаемые, по прошествии многих лет собирают пыль в каком-нибудь дальнем ящике. Где ничего нет, кроме потускневшего английского ключа, серебристого десятицентовика, пары мумифицированных мотыльков и нескольких сотен тысяч заархивированных слов, составленных в строчки.

Я-то знаю; я их и расставил.

Хотелось бы воспользоваться удобным случаем и с благодарностью упомянуть уважаемого Терри Карра – ныне, увы, покойного – за то, что заказал книгу, ставшую в итоге «Нейромантом», безвестному и абсолютно не уверенному в себе автору, чей багаж составляла на тот момент лишь горстка рассказов. Если бы Терри не дал мне тогда шанса, тем самым заставив взяться за что-то (за роман), к чему я собирался морально готовиться еще не один год, крайне маловероятно, что эти книги успели бы к настоящему моменту увидеть свет.

Ванкувер, 16 июля 1992 г.

Андрей Чертков
Роман с киберпанком

«Ну хорошо, ну пробил ты лбом стену, и что ты теперь будешь делать в соседней камере?» – говаривал мудрый человек Станислав Ежи Лец.

Думается, мой несколько затянувшийся «роман с киберпанком» может служить неплохой иллюстрацией этого известного афоризма. Впрочем, вырыть подкоп, ведущий прямиком в апартаменты графа Монте-Кристо, – такая удача выпадает далеко не каждому. А посему, уважаемый читатель, перед вами не многотомный роман, а всего лишь небольшая статья.

Но сначала две оговорки.

Во-первых, эта история – сугубо личная, она ни в коей мере не претендует на истину в последней инстанции. Хотя бы потому, что я не писатель, не публицист и даже не критик, я просто редактор. Потому и рассказывать могу лишь с точки зрения редактора, потратившего энное количество лет на некий издательский проект.

А во-вторых, под термином «киберпанк» я понимаю здесь только и исключительно литературное направление, а вовсе не современную молодежную субкультуру, целиком завязанную на компьютеры и интернет. Прекрасно понимаю, что в настоящее время эти две вещи достаточно сильно взаимосвязаны, однако сейчас меня интересует фантастика, а отнюдь не хакеры и не компьютерные сети.

И начать придется издалека.

В начале 80-х годов, когда американские отцы-основатели киберпанка публиковали свои первые произведения и устраивали шумные войны с так называемыми гуманистами, мы, тогда еще простые советские фэны, ни про какой такой киберпанк знать не знали, ведать не ведали. Общее представление о западной фантастике у большинства читателей застыло где-то на уровне 40-50-х годов. Азимов, Брэдбери, Саймак, Шекли – вот кто был тогда среди основных кумиров. Хайнлайн и тот был мало кому известен. Впрочем, даже счастливчики, получившие доступ к машинописным любительским переводам фантастики (в разных местах их называли по-разному – «ФЛП», «печатки», «система»), в лучшем случае читали лишь отдельные вещи Желязны, Дилэни, Муркока и Олдисса, не имея четкого представления ни об англоязычной НФ 60-х годов в целом, ни о «новой волне» в

частности. Круг тех, кто имел доступ к оригинальным изданиям, был еще уже. Источники надежной информации отсутствовали. Культуртрегерская деятельность критиков типа Вл. Гакова помогала мало – по собственному опыту помню, что отличную брошюру «Виток спирали», несмотря на немалый тираж, смогли раздобыть, прочесть и осмыслить лишь очень немногие из даже самых активных фэнов.

Короче, общая картина фантастики за железным занавесом представлялась тогда с нашего берега какой-то фрагментарной и одновременно глянцево-благостной. В то же время – и я четко это помню – у многих из нас было предощущение каких-то порывов свежего ветра, грядущих перемен, которые вот-вот придут к нам с Запада. Но даже самые отважные экстраполяторы предвидели эти перемены именно в области литературы, а никак не политики или экономики. Несмотря ни на какие глиняные ноги, колосс социализма казался всем устойчивым и незыблемым.

Однако перемены в политике, подстегиваемые проигрышем экономического соревнования с Америкой, начались все же раньше. И лишь затем последовали перемены в литературе, в частности в фантастике.

Лично для меня эти перемены во многом связаны с таким ее направлением, как киберпанк.

Впервые это слово я узнал благодаря моему старому другу Борису Завгороднему. Об этой легендарной личности, оставившей глубокий след в истории отечественного фэндома, написано уже немало, поэтому повторяться не буду. Для меня важнее другое: в те далекие уже времена Борис, наплевав на пресловутый железный занавес, стал едва ли не единственным каналом, по которому к нам просачивались свежие книги, журналы и фэнзины из-за рубежа. Разумеется, с Западом переписывался не он один. Однако, в отличие от прочих деятелей от фантастики, он щедро делился своей «добычей» с другими. Именно из его рук получил я и свой первый «Локус», и некоторые другие журналы, давшие определенный ориентир, когда в начале 1988 года мы с Сережей Бережным начали готовить первый номер фэнзина «Оверсан». И именно Борис – с прицелом уже на «Оверсан» – прислал в мае того же года ксерокопию небезызвестной статьи Майкла Суэнвика «A User's Guide to the Postmoderns». Впоследствии я опубликовал ее трижды – в разных версиях и под двумя разными названиями: «Инструкция к постмодернистам» и «Постмодернизм в фантастике: Руководство пользователя».

Из этой статьи я узнал о том, о чем до этого мог только догадываться: во-первых, что в американской фантастике вовсе не тишь и гладь да божья благодать, а бушуют вполне серьезные

литературные войны – иными словами, жизнь бьет ключом; а во-вторых, я увидел то самое новое направление, появления которого уже давно ждал. Более того, это новое, революционное направление имело уже и свое название, да еще такое звучное – «киберпанк»!

Забавно: достаточно долгое время после того, как я прочел, перевел и опубликовал у себя в «Оверсане» статью Суэнвика (сознаюсь сразу: тот первый вариант перевода был малоадекватен оригиналу, я это понимал и потому за последующие годы возвращался к нему неоднократно и сделал, наверное, около шести редакций), о самом киберпанке я, в сущности, имел довольно смутное представление – основные произведения этого направления попали ко мне в руки гораздо позже. И с этим связан один любопытный казус: пытаясь по неким формальным признакам найти аналогичные произведения среди молодой отечественной фантастики, я причислил к киберпанкам Андрея Столярова. Как раз в то время вышла его книга «Изгнание беса», получившая немалую популярность в кругах любителей фантастики и удостоенная нескольких премий, – так вот, жесткий, рубленый стиль и мрачные образы, ставшие визитной карточкой Столярова, показались мне весьма созвучными киберпанку, каким я его себе тогда представлял. И когда в 90-м году я перебрался из Севастополя в Питер и стал посещать заседания Семинара Бориса Стругацкого, я довольно скоро проел всем плешь, противопоставляя «киберпанка» Столярова «гуманисту» Рыбакову (произведения Рыбакова мне нравились ничуть не меньше, но, как известно, «Платон мне друг, а истина…» – вот то-то). Впрочем, нет худа без добра: пропагандируемый мною термин взял на вооружение Саша Тюрин, поняв его, однако, совершенно по-своему.

С настоящим же американским киберпанком я познакомился лишь где-то год спустя. Сначала, желая получить официальное разрешение на публикацию «Инструкции к постмодернистам», я списался с Суэнвиком, а в результате обрел увесистую бандероль, в которой, помимо романов самого Майкла (включая «Вакуумные цветы»), обнаружилась и небезызвестная антология киберпанка «Зеркальные очки», составленная Брюсом Стерлингом. Через некоторое время удалось раздобыть и две книги «главного киберпанка» Уильяма Гибсона: сборник рассказов «Сожжение Хром», ну и конечно, давно уже разыскиваемый «Нейромант». Не скажу, что все эти произведения понравились мне одинаково, однако в целом я был удовлетворен. Это действительно была новая фантастика, какой я до тех пор не встречал. Совершенно новый антураж, новый облик будущего мира, новая, непривычная

терминология. И я четко понял, что сделаю все, чтобы выпустить эти тексты на русском. Причем цель эта в ту пору не казалась такой уж неосуществимой: наша группа, собравшаяся вокруг Николая Ютанова, упорно шла к тому, чтобы стать в конце концов настоящим издательством. Даже название у нас появилось – «Terra Fantastica». Мы не сомневались, что вскоре оно, название это, появится на титульных страницах наших первых книг.

Впрочем, мой собственный первый опыт в области профессионального издания – критико-литературный альманах фантастики «Оверсан» – не только не стал блином, который комом, но и вообще не добрался до типографской сковородки, породив массу язвительных шуточек в фэновской среде (о чем можно судить, скажем, по «Страж-птице», несколько лет подряд мусолившей эту благодатную тему). Недоделанный макет нулевого выпуска за 1990 год до сих пор валяется у меня в какой-то папке на шкафу. Позднее, уже работая над своими первыми книгами (в частности, над книжной серией под все тем же излюбленным грифом «Оверсан», – может, кто-то помнит эти малоформатные, в суперобложках, томики с романами Фармера, Дика, Гаррисона, Хайнлайна?), я несколько раз пытался реанимировать проект альманаха, но каждый раз неудачно. Тем не менее именно благодаря этим попыткам мы перевели первые два рассказа Гибсона – «Джонни Мнемоник» и «Сожжение Хром». Сперва это попробовал сделать тогдашний мой приятель Миша Коркин, однако перевод, который он принес, тянул в лучшем случае лишь на подстрочник. Миша – хороший парень и, по-видимому, отличный инженер-компьютерщик, поскольку последние годы живет и работает в какой-то крупной компании в Хьюстоне, однако как переводчик он был типичным представителем той плеяды «ФЛП-шников», которая в начале 90-х ринулась в профессиональное книгоиздание и в итоге наводнила только-только складывающийся российский книжный рынок жутким количеством отвратительных по качеству переводов. В большинстве своем эти люди неплохо знали английский язык, зато частенько бывали не в ладах с русским, что и приводило к печальному результату. Кроме того, английский – язык весьма коварный. Он вроде бы простой, однако эта простота кажущаяся. Практически каждое слово имеет массу значений. Человек, свободно читающий по-английски и пытающийся по старой привычке переводить «с листа», легко попадает в ловушку «первых значений» – отсюда и невнятные фразы, и искаженный смысл, и «квадратная» стилистика, из-за чего многие книги даже прекрасных авторов лично я читать был не в силах, да и другим не советовал. Кстати, рецидивы подобной окололитературной

продукции и сейчас нет-нет да встречаются.

Короче, пришлось взяться за дело самим. Сначала я привлек к этой работе Александра Етоева из Семинара Стругацкого – писателя, который тогда только-только вошел в нашу команду (это был его первый опыт редакторской работы), а затем подключился и сам. Тем не менее на каждый из двух небольших рассказов у нас ушло месяца по два. Причем наибольшую проблему представляли собой терминология и сленг, активно используемые Гибсоном и напрочь отсутствующие в словарях – хотя бы потому, что многие слова он, по его собственному признанию, просто придумывал. У нас же на то, чтобы понять смысл какой-нибудь фразы, уходило порой по несколько часов, ну а затем еще немало сил требовалось, чтобы подогнать ее стиль к общей стилистике текста. Вообще скажу честно: как редактор и переводчик я работал с произведениями многих современных западных фантастов, но ни с кем из них не было таких проблем, как с Гибсоном.

Ну да ладно, рассказы мы все же перевели – после чего пришлось засунуть их в самый долгий ящик стола: проект альманаха в очередной раз заглох, и возможность для их публикации так и не появилась. Ситуация изменилась лишь три года спустя, когда меня пригласили вести критико-информационный раздел в журнале «Если». Именно в этом журнале и были напечатаны первые рассказы Гибсона: сначала – «Сожжение Хром» (1995, № 1), а год спустя – и «Джонни Мнемоник» (1996, № 2).

Короче, можно было подумать, что лед наконец тронулся.

А он и в самом деле тронулся. Хотя и не сказать, чтобы очень уж быстро.

К тому времени права на издание в России нескольких книг Уильяма Гибсона и «Схизматрицы» Брюса Стерлинга принадлежали нашему издательству «Terra Fantastica». Впрочем, эта история совсем уж недавняя, и вдаваться в подробности, думаю, время еще не пришло. Так сказать, срок давности не истек. Поэтому хочу сказать о другом. Я считаю, что при работе с киберпанком, несмотря на всяческие проблемы, возникавшие из-за повышенной сложности текстов, нам весьма повезло на переводчиков. И Михаил Пчелинцев («Нейромант»), и Дмитрий Старков («Схизматрица»), и Анна Комаринец (ряд рассказов Гибсона и «Граф Ноль») сумели уловить главное – дух киберпанка, его мрачную образность, его весьма непростую стилистику. Да, сделанные ими переводы нам с Етоевым приходилось в той или иной степени доводить – но это нисколько не умаляет гигантского труда, проделанного переводчиками. В

конце концов, бывают такие книги, которые, видимо, не по зубам одному человеку и потому требуют коллективных усилий. Я и сам, каким бы знатоком киберпанка себя ни считал, наверное, не рискнул бы взяться в одиночку за какую-нибудь крупную вещь того же Гибсона. Кстати, раз уж зашла об этом речь, не вижу смысла скрывать «тайну Полишинеля» – некто Ефим Летов, указанный в качестве одного из переводчиков в книгах Гибсона, это всего лишь мой служебный псевдоним, который я использую в тех случаях, когда объем моего творческого участия в работе над переводом не превышает 20–30 % – как правило, это доводка терминологии, перевод технических деталей, шлифовка стиля. Забавно, что впервые этот псевдоним я придумал для публикации в «Если» перевода интервью с Гибсоном, которое взял некий американский журналист по имени Дэн Уинтерс («winter» по-английски – «зима»).

Не могу не сказать пару теплых слов еще о нескольких людях, принявших участие в проекте. Это художник Игорь Куприн, великолепно проиллюстрировавший большинство наших киберпанковских книг (в частности, Брюс Стерлинг, когда после «Странника» зашел к нам в издательство, признал, что иллюстрации Игоря – едва ли не лучшие из всех, какие были сделаны к его произведениям). Это художественный редактор Анатолий Нечаев, благодаря которому внутреннее оформление книг серии «Виртуальный мир» приобрело свой столь изысканно-необычный вид. Это дизайнер Александр Кудрявцев, который то же самое проделал с обложками и форзацами. Ну и конечно, это главный редактор издательства «АСТ» Николай Науменко, который приложил много сил для того, чтобы серия увидела свет.

А теперь стоит перейти к самому для меня неприятному.

Так уж получилось, что серия «Виртуальный мир», выпущенная совместно издательствами «Terra Fantastica» и «АСТ», серия, которой я искренне горжусь, серия, включившая книги, ставшие бестселлерами во многих странах, на российском книжном рынке практически провалилась.

В чем же дело? Может, российская публика не доросла еще до киберпанка? Или же совсем наоборот – переросла его, и книги, которые еще несколько лет назад стали бы для многих откровением, теперь уже мало кому интересны?

Увольте, мне трудно об этом судить.

Однако как вам такое наблюдение? Как известно, на Западе киберпанк был поднят на щит поколением, которое создало ту самую компьютерную субкультуру, о которой я говорил в начале статьи. В России же молодежь, увлекающаяся компьютером, гораздо более увлечена жанром фэнтези, и особенно Толкином,

который, к слову сказать, пришел к нам лет на 20–30 позже, чем к западному читателю.

А может, все гораздо проще и прагматичней? Я достаточно слабо разбираюсь в хитросплетениях нынешней книжной торговли, однако мне доводилось слышать и такое суждение: мол, серия «Виртуальный мир» пала жертвой так называемого заговора торговцев. Смысл в том, что мелкооптовые книготорговые фирмы, контролирующие значительную часть рынка, с большим недоверием относятся к новым, не проверенным временем книжным сериям, а тем более к книгам сложным, не гарантирующим моментальный коммерческий успех. В итоге – просто не закупают их. Не мной замечено: чем книга проще, примитивнее, тем она лучше продается. И тут ничего не поделаешь – закон рынка.

Что ж, может, это и так. Однако могу сказать, что наши первые опыты по торговле книгами через интернет выявили неоспоримый факт: книги из серии «Виртуальный мир» пользуются существенно большим спросом, нежели книги из других фантастических серий. Хотя, возможно, это происходит потому, что изданный нами киберпанк обычным путем до провинции так и не доехал.

Впрочем, по большому счету это уже не мои проблемы. Мои проблемы – подготовить к изданию оставшиеся романы Гибсона «Мона Лиза овердрайв», «Виртуальный свет» и «Разностная машина»[91] и добиться того, чтобы читатели, которым этот автор пришелся-таки по душе, смогли их купить и прочесть.

Ну а потом… Что ж, потом дайте мне очередную стену, а там уж мы посмотрим, что за ней – соседняя камера или дворец графа Монте-Кристо!

Санкт-Петербург, март 1998 г.

Статью «Роман с киберпанком» я написал по заказу главного редактора журнала фантастики «Если» Александра Шалганова[92] – и как раз в тот период своей жизни, когда я уже практически полностью перестал заниматься книгоизданием (за исключением разве что литературного проекта «Миры братьев Стругацких: Время учеников», к которому после 1996 года я возвращался еще несколько раз), переключившись на совершенно новую и необычную для себя деятельность: создание интернет-проектов и управление ими. К сожалению, ни интернет-магазин «Озон», которому я отдал три года своей жизни, ни кинокомпания СТВ, где я проработал около десяти лет и для которой при моем участии было создано более трех десятков сайтов фильмов и

мультфильмов, тоже не оказались дворцами графа Монте-Кристо. Впрочем, это уже совершенно не важно. Главное, что жить и работать в эти годы было потрясающе интересно.

Киберпанковские же книги тем временем продолжали издаваться и переиздаваться в самых разных издательствах, несмотря на относительный неуспех первоначальной серии. Свидетельством чему может служить, например, и настоящее издание.

Мне же остается лишь поблагодарить редактора этой книги Александра Гузмана, который позволил мне дописать еще несколько строк к моему «роману» ровно через 20 лет после того, как один из лучших рассказов Уильяма Гибсона – «Сожжение Хром» – был впервые напечатан на русском языке и Россия познакомилась с лучшим автором киберпанка.

Севастополь, январь 2015 г.

notes

Примечания

1

Хочу сотворить с тобою то, что весна сотворяет с дикой вишней в лесу *(исп.). Перевод П. Грушко*.

2

«Smooth Running Gun» – из песни Вуди Гатри «East Texas Red» («I always seen East Texas Red sporting his smooth running gun» – «Рыжий из Восточного Техаса никогда не расставался со своим безотказным стволом»), написанной в 1945 г.

3

Чандни-Чоук – торговая улица в Дели, крупнейший рынок Индии, открытый в середине XVII в.

4

Свой роман, вышедший в 1986 г. (журнальная публикация – с января по март, книга – в марте), Гибсон писал еще до того, как делийский аэропорт Палам был переименован в Международный аэропорт имени Индиры Ганди (май 1986 г.).

5

Playa del mar *(исп.)* – морской пляж.

6

Гибридома – гибридная клеточная линия, производящая моноклональные антитела. В 1984 г. за открытие принципа получения моноклональных антител Мильштейн, Кёлер и Йерне получили Нобелевскую премию по медицине.

7

Искусство кататоников *(нем.)*. Термин, предложенный австрийским художником-абстракционистом Арнульфом Райнером (р. 1929), в 1960-е гг. близким к радикальному движению венского акционизма.

Аутистического театра *(нем.)*.

9

Корнелл, Джозеф (1903–1972) – американский художник и скульптор, мастер ассамбляжа – коллажа из «найденных предметов». Прославился после коллективной выставки «Искусство ассамбляжа» в Нью-Йоркском музее современного искусства (1961), где его ящичкам, напоминающим детские «секреты», был посвящен отдельный зал.

10

Игра слов: английское «count» имеет целый ряд значений, в том числе «счет» и «граф».

11

Ржавый Пояс – районы депрессивной экономики на индустриальном северо-востоке США, ранее известном как Стальной Пояс. Прозвище в ходу с 1980-х гг.

12

Джеймс Дин (1931–1955) – американский актер, воплотивший архетип юного бунтаря. Все три фильма, сделавшие его популярным, – «К востоку от рая», «Бунтарь без идеала», «Гигант» – вышли в год его смерти в автомобильной аварии.

13

Мягкая фетровая шляпа с широкими полями.

14

Гиндза – торговая улица в центре Токио, средоточие модных магазинов.

15

Ротор Дарье – турбина низкого давления, ось вращения которой перпендикулярна потоку жидкости или газа; спроектирована в 1931 г. французским авиаконструктором Жоржем Дарье (1888–1979).

16

Аллюзия на «Некрономикон» – вымышленную книгу из произведений Г. Ф. Лавкрафта, название которой можно перевести с греческого как «Книга имен мертвых».

17

Нижний Ист-Сайд – район на юго-востоке Манхэттена.

18

По имени американского архитектора и дизайнера Бакминстера Фуллера (1895–1983), пропагандировавшего строительство так называемых геодезических куполов – сетчатой оболочки из прямых стержней, обладающей минимальной массой при большом внутреннем объеме, причем чем больше купол, тем выше его несущая способность, поскольку нагрузка распределяется на большее количество элементов конструкции.

19

«First thing that you learn is that you always gotta wait» – цитата из песни Лу Рида «I'm Waiting for the Man» с первого альбома *The Velvet Underground* («The Velvet Underground and Nico», 1967).

20

Речь идет об электромеханической машине *Bombe*, сконструированной в начале Второй мировой войны британским математиком и «крестным отцом информатики» Аланом Тьюрингом (на базе работ польского криптографа Мариана Реевского) для взлома кода роторной шифровальной машины «Энигма», применявшейся в немецкой армии.

21

Первый и четвертый ангельский чин из девяти, фигурирующих в трактате Псевдо-Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии» (V–VI вв.).

22

Хьюз, Говард (1905–1976) – американский кинопродюсер и промышленник, изобретатель и авиатор, в 1960-е гг. владелец одного из крупнейших личных состояний в США; его эксцентричность и неуравновешенность под конец жизни обернулись душевной болезнью. Среди крупнейших компаний, в разные годы входивших в его холдинг, – *Hughes Aircraft, Hughes Helicopters, TWA, RKO Pictures*.

23

Торговая марка французской компании *Wonder*, с 1916 г. выпускавшей электрические фонарики, батарейки и т. п., а в 1988 г., уже после выхода романа Гибсона, поглощенной американской компанией *RalstonPurina* (крупный производитель кормов для животных, в 1980-е гг. решивший диверсифицировать бизнес).

24

«Orly Flight» – песня Нико с ее альбома «Drama of Exile» (1981).

25

Американская народная песня «Silver Dagger» («Серебряный кинжал»), известная с конца XIX – начала XX в. Перевод А. Тарасова.

26

«Closer» – второй и последний альбом постпанк-группы *Joy Division*, выпущен в 1980 г.

27

«Европа после дождя» (1940–1942) – картина художника-сюрреалиста *Макса Эрнста* (1891–1976), выполненная в технике декалькомании; изображает размытый, словно поросший *лишайником* апокалиптический пейзаж.

28

Корабль назван по песне Лу Рида «Sweet Jane» с четвертого альбома *The Velvet Underground* («Loaded», 1970).

29

Название этой главы («Run Straight Down») через несколько лет позаимствовал калифорнийский автор-исполнитель Уоррен Зивон – так же называлась одна из песен с его вдохновленного киберпанком альбома «Transverse City» (1989). Впрочем, смысл в это название Зивон вкладывал другой: не «Тарань!», а «Пройдись по всему списку».

30

Злой пират, герой сказочных повестей Дж. Барри о Питере Пэне.

31

Так… далее *(лат.)*.

32

Джорджтаун – здесь: старейший район Вашингтона. *Маклин* – близкий к Вашингтону городок в штате Виргиния, традиционное место обитания высокопоставленных чиновников правительства США.

33

Казалось бы, именно к этому заключительному абзацу отсылает название главы («Дыхание станций»). Но есть нюанс. Во-первых, в оригинале название главы перевернутое: не «Breath of the Stations», а «Stations of the Breath» (*досл.* «Станции дыхания»). Во-вторых, это выражение, представляющее собой аллюзию на стояния крестного пути (stations of the cross), является цитатой из стихотворения Дилана Томаса «Отказ оплакивать смерть, в огне, ребенка в Лондоне» (1945). В переводе Ю. Комова (Д. Томас. Приключения со сменой кожи. СПб: Азбука-классика, 2001. С. 553) соответствующая строка («…nor blaspheme down the stations of the breath») передана весьма вольно: «не над местами святыми глумиться спешу».

34

Амилнитрит – сложный эфир амилового спирта и азотистой кислоты; наркотик вдыхают, сломав ампулу, или из ингалятора.

35

Оябун – кобун («приемный отец» – «приемный сын») – традиционная японская иерархическая структура, на которой строится якудза.

Gaijin *(яп.)* – иностранец, не японец.

Petal *(англ.)* – лепесток.

38

Аллюзия на песню «Deacon Blues» американской джаз-рок-группы *Steely Dan* с их альбома «Aja» (1977), а также на шотландскую инди-поп-группу 1980-х гг. *Deacon Blue*, взявшую название в честь этой песни.

39

«Быстрые движения глаз», то есть фаза быстрого сна; характеризуется повышенной активностью мозга.

40

Элитарная часть Малибу – пляжного пригорода Лос-Анджелеса. Именно в Колонии традиционно живут многие звезды шоу-бизнеса.

41

Башни Уоттс – достопримечательность Лос-Анджелеса, признанный шедевр наивной архитектуры: 17 сообщающихся пустотелых башен высотой до 30 м, возведенные в 1922–1955 гг. дорожным рабочим Сабато Родиа, эмигрантом из Италии. Выстроенные из стали и украшенные подручными материалами (проволока, осколки стекла, керамическая плитка и т. п.), башни напоминают творения Антонио Гауди.

Reposoir *(фр.)* – временный алтарь.

43

Веве (vivvi) – религиозные символы в гаитянском вуду, выступающие в качестве «маяка» для духов-лоа и символизирующие их во время ритуала.

Эрзули Фреда – жена Легбы, вудуистская богиня любви и красоты. Также см. с. 71.

Shears *(англ.)* – ножницы.

46

Английская аббревиатура «LF» может расшифровываться как «low frequency» – низкая частота.

47

«There is no there there» – из книги Гертруды Стайн «Автобиография каждого» (1937), гл. 4. Перев. И. Басса.

48

Вальмье, Жорж (1885–1937) – французский художник, последовательно работавший в жанрах импрессионизма, кубизма, абстракционизма.

49

Димексид, диметилсульфоксид – анальгетик и противовоспалительное средство, легко проникающее через биологические мембраны, в том числе через кожу; применяется и в качестве растворителя.

Continuity *(англ.)* – непрерывность, связность, целостность.

51

SA (Sociйtй Anonyme) – акционерное общество, общество с ограниченной ответственностью *(фр.)*.

52

«Хэрродз» – один из самых фешенебельных и дорогих универсальных магазинов Лондона.

«Ковент-Гарден» – торговый центр на одноименной площади, построенный на территории бывшего крытого рынка.

54

Эрлз-Корт – один из крупнейших выставочных комплексов Лондона.

55

Чарльз Ренни Макинтош (1868–1928) – архитектор и дизайнер, считается родоначальником стиля модерн в Шотландии.

Giri *(яп.)* – чувство долга, моральная необходимость; долг чести, определяемый традицией.

Sarakin *(яп.)* – кредитор, специализирующийся на кредитовании малого бизнеса и потребительских покупок, под высокий процент и без обеспечения, но легально.

58

«Down on the Drag» – песня Бутча Хэнкока, написанная для кантри-рокера Джо Или (в начале 1970-х оба играли в группе *The Flatlanders*) и спетая тем в 1979 г.; альбом так и назывался – «Down on the Drag».

59

«Antarctica Starts Here» – песня Джона Кейла, заключительная на его альбоме «Paris 1919» (1973).

60

Мастик – остров из карибского архипелага Сент-Винсент и Гренадины.

Pope *(англ.)* – папа римский.

62

«Кто с доблестью дружен, тем довод не нужен» (Альфред Теннисон. Атака легкой кавалерии. Перев. Ю. Колкера).

63

«То, что находится внизу, аналогично тому, что находится вверху, чтобы осуществить чудеса единой вещи [то есть философского камня]» («Изумрудная скрижаль Гермеса», памятник арабского средневекового герметизма).

Крампет – круглая оладья из пористого теста, характерная для английской кухни.

65

«Do you remember the silver walks?» («Помнишь серебряные прогулки?») – из песни Лу Рида «I'm So Free» с его альбома «Transformer» (1972).

66

Ср.: «– Какая медлительная страна! – сказала Королева. – Ну а здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте! Если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать по меньшей мере вдвое быстрее!» (Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье. Перев. Н. Демуровой).

67

«Filament in Strata» – композиция калифорнийской электронной группы *Rhythm & Noise* с их альбома «Chasms Accord» (1985), выпущенного на «Ralph Records» – собственном лейбле известных экспериментаторов *The Residents*.

68

Аллюзия на одноименный («When It Changed») рассказ Джоанны Расс. Опубликованный в 1972 г. в составленной Харланом Эллисоном антологии «Снова опасные видения», он номинировался на премию «Хьюго» и получил «Небьюлу».

69

«Jump City» – композиция джазового пианиста Бада Пауэлла с альбома «Strictly Powell», выпущенного *Bud PowellT rio* в 1957 г.

70

«Under the Knife» – одноименных песен середины 1980-х было немало (у *Motörhead*, у питтсбургских панков *Half Life* и т. д.), но здесь в первую очередь отсылка к названию клиники косметической хирургии в рассказе самого Гибсона «Джонни Мнемоник» (1981), относящемся к той же вселенной Муравейника: «Девочки в „Под ножом“ торчат от Сони Мао…».

71

Ср.: «…Алеф – одна из точек пространства, в которой собраны все прочие точки. á…ñ Место, в котором, не смешиваясь, находятся все места земного шара, и видишь их там со всех сторон» (Х. Л. Борхес. Алеф. Перев. Е. Лысенко).

Полихлорбифенил – опасный канцероген, широко использовавшийся в технических жидкостях (добавки к маслам, смазочным материалам, краскам, гидравлическим и трансформаторным жидкостям и т. п.) и до 1980-х гг. не считавшийся стойким загрязнителем, так что жидкости с ним сливались бесконтрольно. Почва, куда попал ПХБ, останется отравленной на столетия.

73

Аллюзия на буддийскую притчу о набравшей пригоршню гороха обезьяне, которая, выронив одну горошину, принялась ее ловить и растеряла весь остальной горох.

74

«Ghosts and Empties» – цитата из песни Пола Саймона «Graceland» с его одноименного альбома 1986 г.: «And my traveling companions / Are ghosts and empty sockets / I'm looking at ghosts and empties» («А мои спутники – призраки и пустые розетки. Я гляжу на призраков и пустоту»).

Bishonen *(яп.)* – красивый юноша. Стереотипный шаблон мужских персонажей в манге и аниме, женственно красивый.

76

Экс-ля-Шапель – французское название немецкого города Ахен в Северной Рейн-Вестфалии, происходящее от названия императорской капеллы, построенной там в конце VIII в. по приказу франкского императора Карла Великого, святого покровителя города.

77

«In a Lonely Place» – одна из последних песен группы *Joy Division*; игралась только на репетициях, а после смерти лидера группы Иэна Кертиса перекочевала в репертуар группы *New Order*, возникшей на осколках *Joy Division*. Выпущена в марте 1981 г. на оборотной стороне «Ceremony», первого сингла новой группы.

78

Миддл-Темпл-Холл – бывший судебный двор в квартале одной из юридических коллегий, построенный ок. 1570 г., памятник елизаветинской архитектуры. *«Золотая лань»* – галеон, на котором Френсис Дрейк в 1577–1580 гг. совершил кругосветное плавание.

Речь о хрестоматийном стихотворении Уильяма Вордсворта «Мечтания бедной Сьюзен» (1797):

Вот, на лондонской Вуд-стрит с лучами восхода
Громко дрозд распевает – уж целых три года.
Сьюзен мимо проходит – и слышит, бедняжка:
Тихим утром вовсю разливается пташка.
Трель волшебна, а Сьюзен томится в печали:
Видит купы деревьев, холмистые дали;
Всю-то Лотбери светлый туман обволок,
По долине Чипсайда струится поток.
Зелень пастбищ ей чудится там, за пригорком,
Где частенько она торопилась с ведерком,
Домик низкий, что схож с голубиным гнездом, -
Милый сердцу, любимый, единственный дом.
Сьюзен – словно в раю, но для девушки бедной
Чудеса исчезают и тают бесследно:
Смолк ручей, гаснут краски, размылся простор -
И завесою серой затуманился взор!

(Перевод Сергея Сухарева, выполненный специально для данного издания.)

80

«Зимний путь» («Winterreise») – второй вокальный цикл Франца Шуберта, сочинен на стихи Вильгельма Мюллера в 1827 г.; сам Шуберт называл это свое произведение «венком жутких песен».

81

SW2 – почтовый индекс в юго-западном Лондоне (South Western), соответствующий району Брикстон.

82

Пуэрто-Вальярта – курортный город в мексиканском штате Халиско, расположен на берегу тихоокеанской бухты Баия-де-Бандерас. Назван в честь Игнасио Вальярты (1830–1893), бывшего губернатора штата.

83

Роти – традиционные для Центральной Индии лепешки из пресного теста. Так же называется популярное блюдо тайской кухни: блинчики с различной (обычно банановой) начинкой. Само слово «роти» означает «хлеб» на санскрите.

84

Акихабара – квартал в Токио, представляющий собой одну из крупнейших в мире торговых зон для компьютерной техники и другой электроники.

85

Кладбище *(фр.)*.

86

См. выше

87

«Уайтс» – старейший и наиболее эксклюзивный джентльменский клуб консерваторов, основан в 1693 г. и с 1778 г. располагается на Сент-Джеймс-стрит в лондонском районе Вестминстер.

88

Теперь, когда мы уже попрощались со Сликом и его самодвижущимися скульптурами, наконец можно сказать, кто послужил его прообразом: Марк Полин (р. 1953) – американский художник, мастер т. н. индустриального перформанса, в 1978 г. основавший в Сан-Франциско арт-группу «Survival Research Labs». Группа устраивает бои радиоуправляемых роботов, наподобие тех, что собирал Слик, и называет свои перформансы «самым опасным шоу на земле».

89

«The Smooth Stone Beyond» – под таким названием на бутлегах Патти Смит, документирующих концерты зимы 1975/76 г. («Teenage Perversity and Ships in the Night», «Canine Teardrop», «Turn It Up» и др.), фигурирует песня «Pumping (My Heart)», через полгода вошедшая в альбом «Radio Ethiopia».

90

Послесловие написано для электронного издания трилогии «Киберпространство», осуществленного компанией «Voyager» в июне 1992 г. на дискетах в формате для «макинтоша» и «IBM PC». Издание было снабжено функциями поиска, закладок и комментариев.

Опубликован под названием «Машина различий».

В журнале (1998, № 6) статья была опубликована в сильно сокращенном виде. Полный же текст ранее был доступен только в интернете, а на бумаге он публикуется сейчас впервые.